

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи :

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

LXII

1936
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. М. Алдановъ. — НАЧАЛО КОНЦА.	5
2. Н. Берберова. — КНИГА О СЧАСТЬЕ.	67
3. Б. Зайцевъ. — КАЛУГА.	114
4. Г. Газдановъ. — СМЕРТЬ ГОСПОДИНА БЕРНАРА.	155
5. Вячеславъ Ивановъ. — РИМСКІЕ СОНЕТЫ.	178
6. Г. Ивановъ. — СТИХОТВОРЕНІЯ.	183
7. Мон. Марія. — СТИХОТВОРЕНІЯ.	185
8. Ю. Софіевъ. — СТИХОТВОРЕНІЕ.	187
9. М. Цвѣтаева. — КУСТЪ (Стихотвор.).	188
10. А. Штейгеръ. — 60-ЫЕ ГОДЫ. — РОСПИСАНІЕ (Стихот.).	190
11. А. Толстая. — ОТРЫВКИ ВОСПОМИНАНІЯ.	192
12. Мон. Марія. — ВСТРѢЧИ СЪ БЛОКОМЪ.	211
13. Ф. Степунъ. — ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.	229
14. И. Кологривовъ. — КН. Е. И. ТРУБЕЦКАЯ.	247
15. И. Бунаковъ. — ЛУТИ РОССИИ.	284
16. Ю. Рапопортъ. — НОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.	328
17. М. Вишнякъ. — ОПЫТЪ БЛЮМА.	344
18. Г. Федотовъ. — ТЯЖБА О РОССИИ.	358

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

19. Н. Бердяевъ. — ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ И КИРКЕГААРДЪ. . . .	376
20. П. Бицилли. — ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ.	382

21. Н. Мельникова-Папоушкова. — ЧЕШСКИИ ПОЭТЪ К. Г. МАХА.	392
22. В. Вейдле. — МЫСЛИ О ДОСТОЕВСКОМЪ.	401
23. Е. Максимовичъ. — ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВЪ СССР И МАРКСИЗМЪ-ЛЕНИНИЗМЪ.	409
24. Л. Сабанъевъ. — МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО ВЪ СО- ВѢТСКОЙ РОССИИ.	421
25. N. N. — СОВѢТСКІЕ ВОЖДИ (ЗИНОВЬЕВЪ).	434

26. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Цетлинъ. — А. Штейгеръ: Неблагодарность (Стихи).	439
М. Цетлинъ. — М. Горлинъ: Путешествія (Стихи).	439
М. Цетлинъ. — Э. Чегринцева: Посѣщенія (Стихи).	440
Н. Кульманъ. — Б. Зайцевъ: Валаамъ.	441
С. Савельевъ. — В. Яновскій: Любовь вторая.	443
С. Савельевъ. — Ю. Фельзенъ: Письма о Лермонтовѣ.	444
П. Бицилли. — «Кругъ». Альманахъ.	445
В. Рудневъ. — Ген. Н. Головинъ: Планъ войны. Изъ исторіи кампаніи 1914 года на русскомъ фронтѣ.	447
С. Мелыгуновъ. — Романъ Гуль: Дзержинскій.	451
В. Вейдле. — П. Савицкій: Разрушающіе свою родину.	453
А. Керенскій. — André Gide: Retour de l'URSS.	454
В. Рудневъ. — А. Kerenski: L'expérience Kerenski.	457

Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ для отзыва въ редакцію « Современныхъ Записокъ ».	463

Начало конца

I.

Во снѣ человекъ, называвшій себя Вислиценусомъ, видѣлъ все то же. Этотъ кошмаръ посѣщаль его особенно часто въ послѣдніе годы: выстрѣлы, кровь, погоня, лѣсъ, чаща, зажатый въ рукѣ револьверъ съ взведеннымъ куркомъ, — тогда еще у револьверовъ взводились курки, — все то, что какъ будто бываетъ лишь въ кинематографѣ, но съ нимъ было въ жизни, въ его странной жизни, точно составленной въ подражаніе плохому неправдоподобному фильму. Гнавшіеся за нимъ люди приближались и свистѣли, онъ сжималъ револьверъ все крѣпче: рѣшилъ живымъ не отдаваться и въ то же время во снѣ думалъ, что въ томъ романѣ изъ жизни американскихъ трапперовъ на картинкѣ былъ человекъ съ дымящимся Кольтомъ въ рукѣ, и надпись была съ чернильнымъ пятномъ: «онъ твердо рѣшилъ дорого продать свою жизньъ»... Вислиценусъ проснулся, сердце у него стучало, въ купэ

Нѣсколько примѣчаній — во избѣжаніе недоразумѣній. «Начало конца» не романъ. Заглавіе не имѣетъ въ виду конца большевизма или совѣтскаго строя. Книга не ставитъ себѣ обличительныхъ цѣлей: я старался изображать большевиковъ такъ, какъ изображалъ другихъ людей въ другихъ своихъ книгахъ и въ этой. Большевики не занимаютъ въ книгѣ чрезмѣрнаго мѣста: она никакъ не изъ совѣтскаго быта. Разумѣется, я никогда себѣ не позволю изображать живыхъ людей иначе какъ подъ ихъ собственными именами: Кангаровъ, Вислиценусъ, Тамаринъ, король ни съ кого не писаны, и страна, въ которую ѣдетъ посолъ, никакой определенной странѣ не соответствуетъ. Во всемъ этомъ легко убѣдится читатель — прочитавъ книгу до конца. — Авторъ.

было полутемно; не сразу понялъ, что то давно кончено, что онъ ѣдетъ по Германіи, что протяжно свиститъ паровозъ, что слабо поблескивающий впереди предметъ не дуло Кольта, а ручка умывальника. Правая рука его, почти судорожно сжимавшая деревянный выступъ койки, разжалась. Онъ испытывалъ и облегченіе, и грусть: почти жаль было, что то оказалось сномъ. Постарался припомнить все снившееся, — тамъ, наряду со смѣшными нелѣпостями, были довольно сложныя комбинаціи, которыя, онъ зналъ твердо, никогда на яву ему не приходили въ голову. Кто-то въ немъ какъ-то думалъ обо всемъ этомъ, безъ его вѣдома, думалъ неизвѣстно зачѣмъ, неизвѣстно почему. Это было странно и непріятно: «вторженіе въ чужую квартиру».... Свистъ паровоза боролся съ грохотомъ колесъ замедлявшаго ходъ поѣзда. Повернулъ выключатель: чемоданы, въ томъ числѣ и важный, были на мѣстѣ. Свѣтъ рѣзалъ глаза. Онъ привсталъ, поднялъ штору окна и тотчасъ погасилъ лампочку, по старой автоматической привычкѣ бѣднаго человѣка къ бережливости. Было тусклое утро. Поѣздъ подходилъ къ станціи. Взглянулъ на часы, — нѣтъ, до Берлина еще довольно далеко.

Вислиценусъ всталъ, досталъ изъ кармана гребешокъ, привелъ въ порядокъ волосы и кое-какъ съ досадой расчесалъ давно отросшую, но все еще непривычную сѣдоватую бороду: она въ Москвѣ сразу состарила его лѣтъ на десять. «А узнать все-таки нетрудно. Да и скрываться теперь незачѣмъ. Дѣтская игра», — разсѣянно думалъ онъ, поглядывая на все медленно проходившія за окномъ чистенькія, каменные, кирпичныя строенія, — «дѣтская игра»... Въ памяти всплыла другая картинка изъ дѣтскаго романа, съ надписью: «Медленно прицѣпился онъ въ неподвижно стоявшаго Корнелиуса»... За окномъ что-то закричалъ дикій голосъ; Вислиценусъ покачнулся отъ толчка. Изъ вагоновъ, суетясь, съ радостными и растерянными возгласами, стали выходить люди. По перрону катилъ по-

возочку мальчикъ и выкрикивалъ, непріятно-картаво растягивая букву р: «Cafe... Br-rödchen! Belegte Br-r-godchen»... Вислиценусъ остановилъ его, взявъ картонный стаканъ съ кофе и большіе для того, чтобы провѣрить свой выговоръ, — отвыкъ отъ нѣмецкой рѣчи, — спросилъ, какая это станція. — «Франкфуртъ-на-Одерѣ», — съ удивленіемъ отвѣтилъ мальчикъ, почему-то обиженно подчеркивая «на Одерѣ», — «Франкфуртъ-на-Одерѣ!» — «Was macht das?» — еще спросилъ Вислиценусъ и, разобравшись въ нѣмецкихъ деньгахъ, заплатилъ, сказавъ, какъ нѣмецъ: «Stimmt» («нѣтъ, не забылъ»). — «Danke sehr, danke schön», — пропѣлъ мальчикъ и покатилъ по-возочку дальше: «Cafe, Br-rödchen!..»

Изъ-за угла строенія появился отрядъ дружинниковъ и быстро, тяжелымъ, крѣпкимъ, звонкимъ шагомъ, прошелъ по перрону. На нихъ смотрѣли съ любопытствомъ изъ вагоновъ; чувствуя взгляды, они шли особенно молодцевато, точно въ сраженіе. «Хорошо идутъ», — подумалъ Вислиценусъ. Онъ зналъ въ этомъ толкъ: въ молодости служилъ въ арміи, — лишь немногимъ было извѣстно, въ какой именно. Здоровыя, энергичныя, молодые лица съ общимъ у всѣхъ радостнымъ, самодовольнымъ и тупымъ выраженіемъ вызвали у него такой приливъ отвращенія и ненависти, что сердце какъ будто снова стало биться сильнѣе. Тутъ же онъ подумалъ, что у той молодежи, марширующей въ Москвѣ, такія же лица и такой же видъ, — развѣ только эти нѣсколько крѣпче, здоровѣе и, главное, чище. И все тутъ, перронъ, мундиры, свастика, бѣлая куртка мальчика, восковые бумажки бутербродовъ, такъ и сверкало чистотой, отъ которой онъ тоже давно отвыкъ, какъ отъ нѣмецкихъ денегъ. Отрядъ исчезъ въ подземномъ проходѣ вокзала. «Полагалось бы пожелать, чтобы эти обманутые юноши, подъ влияніемъ пропаганды, перешли въ коммунистическій лагерь», — подумалъ онъ, садясь. Для краткости онъ просто пожелалъ имъ смерти. Вспомнилъ, что много лѣтъ тому назадъ, въ

Москвѣ, одна дѣвица, кокетничая, спросила его, задушили бы онъ своими руками лорда Керзона. Сдѣлавъ страшные глаза, онъ, въ тонъ ей, отвѣтилъ, что ужъ очень неудобно душить своими руками: «Обычно я пользуюсь револьверомъ; а ужъ если душить, то отчего же не прибѣгнуть къ услугамъ товарища палача?» Эффектъ отвѣта, особенно словъ о товарищѣ палачѣ, былъ необыкновенный: «Дѣвица такъ и затрепыхалась, ахъ-ахъ!..» Вислиценусъ зналъ, что ему въ партіи съ почтительнымъ испугомъ приписываютъ самые страшные террористическіе акты. «Могъ бы стать въ провинціи первымъ любовникомъ. А въ сущности сказалъ дѣвицѣ правду»... Онъ не чувствовалъ особенной ненависти именно къ лорду Керзону, но, разумеется, въ свое время не мѣшало повѣсить и лорда Керзона: «Зачѣмъ же ему было умирать въ своей постели? Да и вообще легче перечислить тѣхъ, кого вѣшать не надо»...

Кондукторъ прокричалъ страшнымъ голосомъ: «Einsteigen!..» Поездъ тронулся. Вислиценусъ умылся, въ купѣ былъ умывальникъ красного дерева. «Да, они устраиваются удобно», — подумалъ онъ, вспоминая, какъ путешествовалъ въ былыя времена. Роскошь его раздражала — почти все раздражало его, — онъ и теперь, если-бъ былъ свободенъ, взялъ бы билетъ третьяго класса. Но Вислиценусъ былъ причисленъ къ посольству: по роду его работы, изъ-за чемодана, который онъ везъ, ему вездѣ, а особенно при проѣздѣ черезъ Германію, былъ необходимъ дипломатическій паспортъ. Посольство же, чтобы не имѣть нежелательныхъ сосѣдей, заняло весь международный вагонъ. «Все равно, провожатый, конечно, отъ Гестапо», — подумалъ Вислиценусъ, впрочемъ, довольно равнодушно. Умывшись, онъ поднялъ упавшую съ вечера на полъ книгу, почему-то, случайно, захваченныя письма Достоевскаго, и сталъ лѣниво перелистывать, разыскивая ту страницу, на которой заснулъ наканунѣ. Тамъ рѣчь шла о «Бѣсахъ». Смутно вспомнилъ содержаніе этого романа.

«Въ общемъ, довольно идиотская исторія: этотъ всемірный бунтарь, прїѣхавшій изъ заграницы въ русскую провинцію устраивать міровую революцію противъ какой-то генеральши... И этотъ мальчишка-сверхъ-человѣкъ, намѣченный за свою красоту въ вожди міровой революціи!»

Читать Вислиценусу не хотѣлось. Онъ опустилъ книгу на колѣни и долго, глядя въ окно, думалъ о самыхъ разныхъ предметахъ: о Гитлерѣ, о предстоящей войнѣ, о Наденькѣ, о своей миссіи, о своей астмѣ. Въ Москвѣ врачъ, вызванный къ нему въ «Люксъ», съ уклончиво-озабоченнымъ видомъ сказалъ, что современная медицина собственно смотритъ на астму не какъ на самостоятельную болѣзнь, а какъ на симптомъ различныхъ заболѣваній: ему слѣдовало бы вести возможно спокойный образъ жизни. Вислиценусъ только усмѣхнулся, и врачъ понялъ, что далъ не совсѣмъ удачный совѣтъ. «Кажется онъ македонецъ, что ли? или работалъ долго въ Македоніи? Эти македонскія исторіи вообще не способствуютъ долготлѣтію. Годика три-четыре еще протянешь», — подумалъ врачъ и сказалъ: «Непосредственной опасности нѣтъ никакой, а отдохнуть вамъ очень не мѣшало бы, если, конечно, есть какая-либо возможность»... — «Постараюсь, докторъ, постараюсь, спасибо», — сказалъ Вислиценусъ. Оба поглядѣли другъ на друга съ насмѣшкой. «Мнѣ что, твое дѣло», — подумалъ врачъ.

Изъ корридора послышались негромкіе смѣющіеся голоса. Посольство уже встало. Секретарь прошелъ мимо двери, стеръ съ лица улыбку и холодно бросилъ: «Доброе утро, товарищъ Дакочи»... Его называли также Дакочи; въ газетахъ, при перечисленіи участниковъ съѣздовъ Коммунистическаго Интернаціонала, писали то Дакочи, то Дакоччи, то Дакочичъ. Лишь виднѣйшіе члены организации знали его біографію, а именъ у него вообще было столько, что самъ иногда не могъ вспомнить, гдѣ и когда подъ какой фамиліей жилъ. Псевдонимы онъ вы-

бираль не задумываясь долго, какіе придется: былъ и Немъ, и Чацкимъ, и Кирджали, и Ураловымъ; несерьезное имя Вислиценуса попало ему въ какой-то химической книгѣ и понравилось своей звучной неопредѣленностью. Настоящую же фамилію онъ носилъ только въ ранней молодости, еще до того времени, къ которому относился кошмаръ, и она давно была гораздо менѣе настоящей, чѣмъ Вислиценусъ или Кирджали. Онъ не любилъ рассказывать о своемъ прошломъ, и это создавало ему ореолъ. Говорили, что онъ по происхожденію македонецъ или хорватъ или далматинецъ, — или какъ это у нихъ тамъ еще называется? — но учился въ Россіи, въ кадетскомъ корпусѣ; потомъ изъ кадетскаго корпуса молва сдѣлала пажескій. «Это тоже способствовало ореолу, какъ ореолу Ленина у насъ способствовало дворянское происхожденіе, за которое мы же преслѣдуемъ чужихъ людей... Ну, и отлично... Девять десятыхъ престижа Кропоткина покоились на его княжескомъ титулѣ, да еще на длинной бородѣ: если-бы его побрить и если-бы онъ назывался Петровымъ или Шмудевичемъ, то кому онъ былъ бы интересенъ?..»

По корридору стыдливо проскользнула Надежда Ивановна, съ переброшеннымъ черезъ плечо полотенцемъ и съ маленькимъ чемоданчикомъ въ рукѣ. Онъ улыбнулся ей, почувствовавъ радость. И тотчасъ ему самому стало смѣшно: въ этой улыбкѣ, въ этой безпричинной радости, было что-то чрезвычайно банальное и глупое: «при видѣ молодой дѣвушки на суровомъ лицѣ стараго война выступила ласковая улыбка»... — «Да, да, старый воинъ», — пробормоталъ онъ и лѣниво, въ сотый разъ, попытался обдумать отношенія. — «Собственно и обдумывать нечего: никакихъ отношеній нѣтъ... Но они могутъ быть, и если-бы были, то вышло бы совсѣмъ нехорошо: не просто глупо, но и гадко. Старому человѣку ужъ себя-то обманывать ни въ чемъ не надо, достаточно обманывать другихъ... Да, на шестомъ десяткѣ, съ суконнымъ рыломъ»... — нерѣшительно сказалъ онъ себѣ. — «Въ луч-

шемъ случаѣ она серьезно вообразила, что я Инсаровъ и что она Тургеневская дѣвушка. Но и Тургеневскихъ дѣвушекъ у насъ нѣтъ — да и нигдѣ нѣтъ и не было, — и Инсарову нельзя быть старше сорока лѣтъ. А въ худшемъ случаѣ играетъ въ поклоненіе старому герою. Комедіантка тоже порядочная, — съ внезапнымъ раздраженіемъ подумалъ онъ, — «и я это скажу ей. По какому праву? А такъ, безъ всякаго права, и пусть будетъ въ этомъ гадко-старческое, мнѣ совершенно все равно, я не виноватъ, что старъ»... Тотъ человѣкъ, который въ немъ, одновременно изнутри и со стороны, неблагоприятно контролировалъ его чувства, говорилъ ему, что изъ этого положенія выхода нѣтъ. — «Почему же нѣтъ? Изъ всякаго положенія долженъ быть выходъ. — Какая ерунда! Вовсе не изъ всякаго. — Ну, и не надо, и нечего изображать чорта съ Иваномъ Карамазовымъ, всѣ мы пересыщены и отравлены литературой... Скверная сцена, и чортъ скверная выдумка, и очень лубочно игралъ тогда Качаловъ»...

Онъ вспомнилъ о письмахъ, взялъ книгу и насильно заставилъ себя читать, но Достоевскій попрежнему былъ ему непріятенъ и неинтересенъ. «Да, да, смотрите, вотъ какой онъ правый и благонамѣренный, ну, прямо, совсѣмъ, совсѣмъ правый... Продержали молодца (онъ чуть было не подумалъ: парня) на каторгѣ четыре года, шелковый сталъ, служилъ имъ вѣрой и правдой весь остатокъ жизни. Но вѣрить въ грубую силу имъ не полагается, избави Господи... Ну и отлично, правый и благонамѣренный, очень пріятно, но мнѣ какое дѣло до него, и до всѣхъ этихъ людей, и до того, что въ Германіи вездѣ такая грязь—а онъ въ Сибири привыкъ къ чистотѣ,—и до его демоническихъ столкновеній съ квартирными хозяйками, и до того, что онъ такъ демонически проигралъ десять талеровъ и не просто заложилъ юбку жены, а заложилъ съ самобичеваніемъ?.. Зачѣмъ это издають? Ко-

му нужны заграничныя впечатлѣнія этого замоскворѣцкаго мѣщанина? Онъ — врагъ и къ чорту его! Въдъ насъ онъ именно «собственными руками задушилъ бы»... Геніальный романистъ? Ну, и издавали бы «Преступленіе и Наказаніе»... — Надежда Ивановна снова проскользнула мимо двери, на этотъ разъ не взглянувъ въ его купэ. — «У нея чистое полотенце и какое-то подобіе дорожнаго несессера. Чувствуется, что дочь профессора, «изъ хорошей семьи». И мнѣ это нравится»... Онъ почиталъ еще минутъ пятнадцать, чтобы не такъ было явно, затѣмъ положилъ книгу и вышелъ.

II.

Въ большомъ купэ, составленномъ изъ двухъ отдѣльных, кончали утренній завтракъ посолъ Кангаров-Московский, его жена Елена Васильевна, стенографистка Надежда Ивановна и молодой секретарь. Посолъ былъ въ хорошемъ настроеніи, хоть жаловался, что мало спалъ. Наканунѣ они до двухъ часовъ ночи играли въ винтъ, потому ему долго снились какіе-то бессмысленно-чудесные розыгрыши и головокружительныя коронки. Игра была именно такая, какую любилъ Кангаровъ: съ прибаутками, съ криками, съ взрывами негодованія, но безъ настоящихъ грубостей и безъ продолжительныхъ ссоръ. Послѣ особенно драматическихъ происшествій онъ ядовито справлялся, у кого именно учился виноватый партнеръ, и вопросительно называлъ имена извѣстныхъ сапожныхъ фирмъ. Посолъ и теперь обсуждалъ съ секретаремъ одно драматическое происшествіе.

— Цыганъ билъ сына не за то, что онъ игралъ, а за то, что потомъ спорилъ, — говорилъ, улыбаясь, Кангаровъ. Онъ улыбался почти неизмѣнно, какъ будто неизмѣнно зналъ что-то такое, чего не зналъ его собесѣдникъ: «ахъ, если-бы можно было имъ все сказать!» Улыбка у

него была всегда сладкая, и всегда разная: степень ея сладости зависѣла не отъ содержанія разговора, а отъ того, съ кѣмъ онъ говорилъ. Но коричневыя глаза его никогда не отвѣчали улыбкѣ, въ нихъ постоянно было безпокойство; иногда они желтѣли и сразу становились очень злыми. Въ этомъ полномъ несоотвѣтствіи глазъ и улыбки заключалась особенность его лица, вызывавшая у наблюдательныхъ людей смутную тревогу. — Конечно, надо было прорѣзывать даму, это должно быть ребенку ясно, Секретарь Ивановичъ. — У него была давняя шутка: прибавлять отчество Ивановичъ къ произвольно выбраннымъ словамъ. — Если-бъ вы прорѣзали, быть бы его превосходительству безъ трехъ. — Его превосходительствомъ Кангаровъ подчеркнуто-шутливо — «что-жъ, мы въ своей компаніи» — называлъ ихъ полуслучайнаго попутчика, виднаго военного специалиста съ настоящей, но похожей на псевдонимъ, фамиліей Тамаринъ. Онъ не состоялъ въ посольствѣ и ѣхалъ въ Парижъ, въ командировку.

Секретарь спорилъ учтиво и мягко, какъ полагается дипломату, — не надо было думать, что онъ подлаживается и во всемъ угождаетъ начальству, но полпредъ былъ полпредъ, и въ томъ, какъ защищалъ свою игру секретарь, слегка чувствовалось, что онъ признаетъ себя немного неправымъ. Впрочемъ онъ и не подлаживался къ начальству: былъ вообще человѣкомъ порядочнымъ, добродушнымъ и на подличанье неспособнымъ. Но со времени назначенія на дипломатическую службу, секретаря такъ и переполняло счастье; на его лицѣ повисло выраженіе тихаго восторга: «До чего дожилъ!..» Онъ всей душой былъ благодаренъ Кангарову, который добился причисленія его къ посольству; считалъ посла большимъ государственнымъ дѣятелемъ, искренно имъ восторгался. Оберегая свое достоинство, иногда спорилъ и о политикѣ, и о винтѣ, но всегда былъ готовъ признать превосходство собесѣдника. Кангаровъ и въ самомъ дѣлѣ прекрасно игралъ въ винтъ; никакихъ другихъ карточныхъ игръ онъ не признавалъ и къ

бриджу, которому его учили за границей, относился сухо-недоброжелательно, какъ относятся къ выскочкѣ, занявшему, благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, высокое мѣсто, принадлежавшее по праву другому. Разбивъ молодого секретаря, онъ засмѣялся и ласково потрепалъ его по плечу.

— Во всемъ нужна интуиція, — сказалъ онъ, — интуиція. Въ винтъ вы играете какъ сапожникъ, будемъ надеяться, что на дипломатической службѣ интуиція у васъ будетъ.

Кангаровъ-Московский придерживался того взгляда, что въ немъ должны быть два лица. На службѣ онъ былъ требовательный, властный и даже суровый начальникъ. Но внѣ службы они всѣ равны, всѣ партійные товарищи, и тонъ шутилой фамиліарности — разумѣется, въ извѣстныхъ предѣлахъ — вполне допустимъ: внѣ службы онъ даже не лицо, а человѣкъ, милый, умный, внимательный, обожаемый подчиненными — нѣтъ, не подчиненными, а сослуживцами — человѣкъ. Такъ велъ себя и Ленинъ, — поэтому онъ и былъ «Ильичъ». Степень фамиліарности внѣ службы впрочемъ у Кангарова мѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ, настроенія и собесѣдника. Больше всего позволялось его любимицѣ, стенографисткѣ Надеждѣ Ивановнѣ.

— Какъ быстро летитъ поѣздъ! — сказала жена посла Елена Васильевна. — У насъ куда медленнѣе... Ахъ, ради Бога, закройте, сажа! — вскрикнула она: секретарь отворилъ окно и выбросилъ оставшіеся отъ завтрака бумажки и кульки. Рванулъ вѣтеръ, кудекъ жалко метнулся къ стѣнѣ вагона. — Сажа! сажа! — съ ужасомъ повторила жена посла. Кангаровъ пожалъ плечами и, обратившись къ стенографисткѣ, принялся дразнить ее. Лишенный интуиціи секретарь пробовалъ было шутиливо пристать къ ихъ разговору, не приставъ и непринужденно-почтительно, какъ полагалось дипломату, заговорилъ съ женой посла

о театрѣ: она была артистка, а ему ничто человѣческое не было чуждо.

Появленіе Вислиценуса должно было внести холодокъ. Посоль очень его недолюбливалъ, и съ нимъ вдобавокъ было связано свѣжее воспоминаніе о большой непріятности. Кангаровъ-Московскій былъ въ молодости меньшевикомъ и въ пору первой революціи, послѣ провала московскаго возстанія, въ дни экспропріацій, напечаталъ о большевикахъ заграницей статью подъ заглавіемъ: «Опомнитесь, безстыдники!» Это было очень давно, партійный стажъ былъ зачисленъ Кангарову съ 1911 года, онъ считался однимъ изъ лучшихъ экономистовъ партіи, занималъ видные посты, не былъ замѣченъ ни въ уклонахъ, ни въ связяхъ съ оппозиціей и имѣлъ всѣ основанія думать, что его печальное прошлое забыто. Приглашеніе перейти на дипломатическую службу онъ получилъ совсѣмъ недавно! Какъ экспертъ, онъ принималъ участіе въ разныхъ международныхъ конференціяхъ, гдѣ его таланты и познанія были оцѣнены и начальствомъ, и иностранными специалистами. На какой-то конференціи самъ Шахтъ сказалъ о немъ: «вотъ съ такимъ человѣкомъ пріятно имѣть дѣло»... Когда были восстановлены дипломатическія сношенія съ одной изъ далекихъ и менѣе важныхъ монархическихъ странъ, Кангарову было предложено занять должность полномочнаго представителя. Онъ съ радостью согласился, но, переоцѣнивъ свой вѣсъ въ партіи, по неопытности и неосвѣдомленности, поставилъ условіе: никто не долженъ вмѣшиваться въ его работу и вставлять ему палки въ колеса. «Никто» это означало Коминтернъ. Непосредственный начальникъ Кангарова, самъ ненавидѣвшій Коминтернъ, посмотрѣлъ на него, вздохнулъ и ничего опредѣленнаго не сказалъ. На прощальной аудіенціи у диктатора Кангаровъ совершенно неожиданно узналъ, что къ его штату прикомандировывается Вислиценусъ. Преодолевая тотъ почти физическій страхъ, который ему, какъ всѣмъ членамъ партіи, внушалъ Сталинъ,

Кангаровъ съ достоинствомъ (съ самой сладкой своей улыбкой) напомнилъ объ условіи и принялся было объяснять свою точку зрѣнія. Однако диктаторъ тотчасъ перебилъ его и, посмотрѣвъ на него съ насмѣшкой тяжелымъ взглядомъ умныхъ жестокихъ глазъ, сказалъ, что никакихъ условій онъ ставить не можетъ, а долженъ и будетъ дѣлать то, что ему прикажутъ. При этомъ недвусмысленно далъ понять, что печальное прошлое не забыто — гдѣ-то хранится статья «Опомнитесь, безстыдники!» — и неожиданно перешелъ на ты. Правда, ты было товарищеское, но оно было товарищески-одностороннее, и Кангаровъ-Московский вспоминалъ объ аудіенціи съ самымъ непріятнымъ чувствомъ. Онъ не подалъ вида, что появленіе Вислиценуса было ему непріятно. Въ глазахъ его мелькнула злоба, но сладость улыбки повысилась. Здороваясь, онъ даже привсталъ съ мѣста, что дѣлалъ только для лицъ немалаго положенія (передъ высокопоставленными, естественно, вставалъ).

— Выпались? Позавтракали? — спросилъ онъ (два вопроса показывали, что не надо отвѣчать ни на одинъ) и тотчасъ обратился къ Надеждѣ Ивановнѣ, продолжая начатый разговоръ: — Да, дѣтка, такъ и знайте, всѣхъ насъ схватятъ и посадятъ въ темницу. Какого это нашего посла султанъ бросилъ въ Семибашенный замокъ? Ну, не въ Семибашенный замокъ, а въ концентраціонный лагерькъ попадете.

— Вотъ тебѣ разъ! А дипломатическій иммунитетъ? — спросила притворно-испуганно стенографистка. Было молчаливо условлено, что Кангаровъ считаетъ ее наивнымъ ребенкомъ. Ему было пріятно, что онъ немного напугалъ ребенка.

— «Дипломатическій иммунитетъ»! Скажите пожалуйста, какія она знаетъ слова! А кто провалился на экзаменъ по политграмотѣ? И кто это отъ меня скрылъ? Зналъ бы, ни за что не взялъ бы тебя со мной.

У Кангарова не было никакихъ основаній называть сте-

нографистку дѣткой и говорить ей ты: ей шелъ двадцатый годъ. Но это сдѣлалось само собой: въ первый разъ онъ ласково обратился къ ней на ты съ наскока, съ тѣмъ, чтобы можно было, въ случаѣ неудачи, тотчасъ вернуться къ вы. Она не протестовала, и теперь онъ переходилъ на ты очень часто, хотъ тоже всегда съ наскока. Это доставляло ему наслажденіе. Онъ даже иногда гладилъ ее по головкѣ и дѣлалъ это демонстративно-открыто: никто не долженъ былъ подумать, что тутъ что-то надо скрывать, — жестъ отеческій и самый естественный.

Надежда Ивановна съ дѣтской наивностью откликнулась и на упоминаніе о невыдержанномъ экзаменѣ по политграмотѣ: что-жъ дѣлать, ей такъ не повезло, экзаменаторъ попался з л ю щ і й-п р е з л ю щ і й, о діалектикѣ и о б о всемъ такомъ она отвѣчала, право, недурно, — «и о тактическихъ взглядахъ группы «Освобожденія труда» еще тоже туда-сюда, но ужъ когда онъ спросилъ, въ чемъ былъ шагъ впередъ «Рабочаго Дѣла» въ сравненіи съ «Рабочей Мыслью», — тутъ я вправду сѣла. — Не знаю, говорю. Оказывается, «Рабочее дѣло» стояло не только за стачки, но и за демонстраціи... Посоль хотать.

— Клянусь собакой, я самъ этого не зналъ! — сказалъ онъ такимъ тономъ, въ какомъ рассказываютъ анекдоты, будто въ гимназій учитель словесности поставилъ тройку съ минусомъ за сочиненіе, написанное для гимназиста Тургеневымъ, или будто Анри Пуэнкаре не могъ рѣшить алгебраическую задачу, заданную его племяннику въ лицей. — Такъ «Рабочая мысль» стояла не только за стачки, но и за демонстраціи?

— Что вы! Это «Рабочее дѣло»!

— Пардонъ, «Рабочее дѣло»! — Кангаровъ хохоталъ, показывая смѣхомъ, что все это совершенно ненужно: только путаетъ мелкая сошка. — Вы знали, Эдуардъ Степановичъ?

— А тутъ еще онъ сказалъ: «маспарвпработооп», а я не

знала, что это такое, — рассказывала Надежда Ивановна. — Я ему говорю: «товарищъ, этого въ программѣ нѣтъ», а онъ отвѣчаетъ: «Я сужу, товарищъ, о вашемъ общемъ развитіи»... Вотъ и провалилась!

— Какъ? какъ? «Мосправра»!.. Нѣтъ, это просто анекдотъ! Ты слышала, Лена? — смѣясь, спросилъ Кангаровъ жену, которая, по его мнѣнію, слишкомъ долго не обращалась къ Надѣ: это могло сойти за высокомеріе въ отношеніи младшихъ товарищей.

— Нѣтъ, я не очень слушала вашу болтовню, — холодно отвѣтила Елена Васильевна. Она нисколько не ревновала мужа, но ей просто не нравилось, что онъ называетъ эту Надежду Ивановну Надей и дѣткой. «Никакой она не ребенокъ! Просто ломается... У него, правда, такая манера, но это очень глупая манера»... Ей почти все не нравилось въ мужѣ. Она была дочерью земскаго начальника и въ душѣ считала свой бракъ мезальянсомъ. Елена Васильевна нѣсколько демонстративно («да, дѣйствительно, долго не разговаривала и пока не собираюсь разговаривать!») обратилась снова къ секретарю. — Ермолова была, конечно, безподобна, но сцену съ кормилицей на лужайкѣ, я прямо скажу, она играла не такъ. У нея не хватало дѣтскости... Дѣтскости... Помните: «Дай насладиться мнѣ новой свободой! — Буду дитятей — будь ты дитя. — Пышный ковѣрь здѣсь разостланъ природой, — Дай нарѣзаться, набѣгаюсь я»... Я тутъ кружусь и танцую, какъ, бывало, мы кружились въ саду, въ институтѣ...

— Какъ жаль, Елена Васильевна, что я васъ не видѣлъ въ роли Маріи Стюартъ, — почтительно сказалъ секретарь.

— И не могли видѣть, — вставилъ посоль, вдругъ разозлившійся на жену. Ужъ при этомъ господинѣ (онъ разумѣлъ Вислиценуса) она могла бы оставить свои велико-свѣтскія замашки и не напоминать, что училась въ институтѣ, если даже въ самомъ дѣлѣ тамъ училась. — И не могли видѣть, потому что она никогда въ этой роли не выступала. — Онъ опять подумалъ, что слѣдовало бы по воз-

возможности безболѣзненно разойтись съ женой. «Что-жъ отъ себя скрывать? Я къ ней равнодушенъ, а она меня ненавидитъ. Я не виню ее, но когда разумные люди видятъ, что дѣло обстоитъ такъ, они идутъ другъ другу навстрѣчу»... У него пожелтѣли глаза.

— Дебютъ уже былъ назначенъ, — ледянымъ голосомъ сказала Елена Васильевна. Она была трагической актрисой и любила роли королевъ. Передъ войной интриги помѣшали ей сыграть леди Макбетъ. Во время войны отдѣлалась роли Марин Стюартъ, Орлеанской Дѣвы и Орленка, — опять помѣшали интриги и отчасти революція. — Если-бъ не сняли съ репертуара, — начала она и, не докончивъ, зѣвнула. — Скушно мнѣ... Слово «скучно» Елена Васильевна произносила сверхъ-московскимъ актерскимъ говоромъ, чтобы глухому и то было ясно: не ч, а ш.

— Насъ, конечно, встрѣтятъ на вокзалѣ Фридрихштрассе, — сказалъ секретарь, дипломатически мѣняя разговоръ. Онъ учился въ Берлинской технической школѣ и хорошо зналъ городъ.

— Если вообще встрѣтятъ, — отвѣтилъ беззаботно Кангаровъ. — Станутъ эти лежебоки вставать такъ рано. — Они говорили о берлинскомъ полпредствѣ.

Вислиценусъ вышелъ изъ купэ. Всѣ эти люди, кромѣ Нади, раздражали его. Да и на Надю онъ былъ золъ за ея подлаживание къ послу. «Конечно, она не любитъ и не можетъ уважать этого стараго лавочника съ душой чекиста и съ замашками грансеньера. Дѣвченка, хоть она и подъ Тургеневскую, вообще никого въ душѣ не уважаетъ», — подумалъ онъ. Непріятнѣ всѣхъ ему былъ Кангаровъ. Вислиценусъ большинство людей считалъ прохвостами, но онъ относился гораздо мягче къ тѣмъ изъ нихъ, относительно которыхъ ни у кого сомнѣній не было: если-бъ Кангаровъ самъ зналъ, что онъ прохвостъ, это чрезвычайно утѣшило бы Вислиценуса. Однако Кангаровъ былъ, по его мнѣнію, прохвостъ не доказанный. «Со всѣмъ тѣмъ, очень полезный человѣкъ», — по давней при-

вычкъ онъ составлялъ краткій балансъ людей, съ которыми работалъ. — «Умень? Да. Во всякомъ случаѣ очень неглупъ и хитеръ. Знаетъ свое дѣло, на финансахъ собаку съѣлъ. Злой, несмотря на сахариновую улыбку: въ 500 разъ слаще сахара. Добродушіе, шуточки, это напускное, Г. П. У. полно такихъ добродушныхъ людей. Вѣчно всѣмъ говоритъ комплименты, но въ каждомъ комплиментѣ скрывается непріятность... Въ общемъ, не хуже другихъ, отличный работникъ. Лавочникъ — это неправда, онъ все же человѣкъ идейный»... Подумалъ, что, въ сущности, никогда, несмотря на тридцатипятилѣтнюю революціонную дѣятельность, не могъ преодолѣть въ себѣ общаго нерасположенія къ евреямъ, унаслѣдованнаго отъ многихъ поколѣній предковъ. «Тщеславный народъ... Впрочемъ, Кангаровъ для нихъ не характеренъ, и мать его не еврейка, да и тщеславіе у него не главное, и вообще національность тутъ ни при чемъ»... Вислищену съ недолюбливалъ евреевъ и терпѣть не могъ антисемитовъ.

Въ корридорѣ онъ остановился: куда же собственно идти? Въ продолжительномъ путешествіи по желѣзной дорогѣ было что-то общее съ тюрьмою: тамъ нѣсколько шаговъ по камерѣ, здѣсь по вагону, — и сознание даромъ уходящаго времени. Онъ сѣлъ на откидной стулъ и разсѣянно уставился въ окно. Думалъ все о томъ же: жить осталось два-три года, — можетъ быть, пять, если взять отпускъ и уѣхать куда-нибудь на Кавказъ или въ Крымъ. Отпускъ, получить, разумеется, легко. Многие были бы сердечно рады, если бъ онъ перешелъ на положеніе инвалида и безъ борьбы, безъ дразгъ и интригъ освободилъ мѣсто. Подумалъ было, кто его смѣнитъ, и не остановился на этой мысли. Представилъ себѣ жизнь въ домѣ отдыха или въ санаторіи, съ единой заботой о томъ, какъ затянуть жизнь, и даже улыбнулся. Объ этомъ онъ и думалъ безъ всякаго волненія: настолько было ясно, что это для него невозможно. «Ну, хорошо, потомъ пойдутъ послѣднія болѣзни, — при нѣкоторомъ счастьи недолгія, —

конецъ, «сомкнемъ крѣпче ряды надъ могилой стараго борца», почетный караулъ въ Колонномъ залѣ, урна въ Кремлевской стѣнѣ... Фонъ изъ урнъ старыхъ борцовъ для мавзолея Ленина, какъ во «Дворцѣ Инвалидовъ» фонъ изъ генеральскихъ гробницъ для Наполеоновскаго саркофага. Сталину, если его убьютъ и если не побѣдятъ тѣ, которые убьютъ, если вообще умереть во время — все надо дѣлать во время — отведутъ отдѣльный мавзолей»... Онъ лѣниво остановился на мысли, гдѣ именно на Красной Площади могутъ воздвигнуть мавзолей Сталину и въ какомъ стилѣ его выстроить? «Какъ-то не хорошо два мавзолея. Вотъ какъ во «Дворцѣ Инвалидовъ» былъ бы еще чей-нибудь второй саркофагъ»... Потомъ вернулся къ прежнимъ мыслямъ. «Да, урна въ Кремлевской стѣнѣ, будутъ играть «Интернаціональ»... Прежде играли «Вы жертвою пали»... Что лучше?» — Опять немного задержался на мысли: что ему было бы пріятнѣе? «Совершенно все равно. Если умереть во время, то будутъ въ газетахъ пять-шесть «Памяти стараго революціонера» и торжественное засѣданіе съ рѣчами. Быть можетъ, со временемъ найдется и біографъ, больше потому, что жизнь была съ фабулой. Что-жъ, у другихъ не будетъ и этого». — Вислице-нущъ думалъ обо всемъ этомъ почти безъ насмѣшки. При желаніи онъ и теперь, послѣ всего что было, могъ настроить душу на возвышенный ладъ. «Разочарованіе? Нѣтъ, особаго разочарованія нѣтъ. «Море крови»? Точно он и въ ту войну не пролили такого же моря! Интриги, дразги, ненависть подъ видомъ обожанія? Если бы однако узнать у наполеоновскихъ маршаловъ, очень ли они при жизни любили человѣка, вокругъ котораго такъ обманно, съ солдатской преданностью, лежатъ во Дворцѣ Инвалидовъ! Такъ всегда было»... Цѣль силлогизмовъ, выработанная Ильичемъ въ 1918 году и при общей радости всѣми ими усвоенная, оставалась непоколебленной. Идетъ великое дѣло, величайшее изъ дѣлъ, освобожденіе трудящихся всего міра; пусть къ этому дѣлу примазались

злѣди, прохвосты, безсловесные люди, какъ этотъ «Секретарь Ивановичъ»... «Если тотъ еще разъ скажетъ «Коминтернъ Ивановичъ», надо будетъ дать ему по мордѣ, по его подбитой ватой мордѣ!», — съ внезапнымъ бѣшенствомъ подумалъ Вислиценусъ и сейчасъ же взялъ себя въ руки: «совсѣмъ помѣшался, скоро кусаться буду... Да... Ну, примазались, это всегда такъ бываетъ, это неизбежно. Да, великому дѣлу, наряду съ людьми прекрасными и кристально-чистыми, служить скверные людишки. Только злой мелкій человѣчекъ можетъ сдѣлать изъ этого выводъ противъ дѣла. И во всѣхъ лагеряхъ то же самое, они въ сто разъ хуже насъ, и вдобавокъ у нихъ и дѣло отвратительное. Что еще? Терроръ? Но правящіе классы никогда бы не отдали своей власти, своихъ денегъ, — вотъ этихъ вагоновъ, — безъ ожесточеннаго сопротивленія, ихъ сопротивленіе можно было сломить только терроромъ. Безъ «моря крови» у власти нельзя было бы продержаться и полугода. Перешли бы въ исторію въ лучшемъ случаѣ съ репутаціей слабыхъ, неумныхъ и благородныхъ мечтателей, въ худшемъ случаѣ съ репутаціей нѣмецкихъ прихвостней и измѣнниковъ. И надъ нашей слабостью смѣялись бы люди, которые насъ бы свергли! Нѣтъ, ужъ лучше «море крови», чѣмъ «дряблые интеллигенты!» — опять со вспышкой злобы подумалъ онъ. Цѣль силлогизмовъ оставалась непоколебленной, но она просто его теперь не очень интересовала. Это было хуже всего.

Надежда Ивановна вышла изъ купэ. Ему показалось, что на ея лицѣ проскользнуло неудовольствіе, когда она увидѣла его въ корридорѣ. Вислиценусъ почувствовалъ уколъ въ сердце. — «Что за вздоръ!» — сказалъ онъ себѣ, — «какое мнѣ до нея дѣло!» Но то, что онъ называлъ внутренней дисциплиной, не помогло. «Есть дѣло... Да, если-бъ на остающіеся два-три года можно было»... — «Что, Наденька, утомлены дорогой?» — спросилъ онъ и подумалъ, что его «Наденька» мало отличается отъ «дѣт-

ки» Кангарова. Нѣтъ, ужъ себя обманывать отеческимъ отношеніемъ не приходилось. Она заговорила съ нимъ какъ будто совсѣмъ не въ томъ тонѣ, въ которомъ говорила съ посломъ. Теперь ея тонъ былъ нѣжно-восторженный, — такъ она могла говорить съ Кропоткинымъ, — но и въ этомъ тонѣ былъ тотъ же обманъ. «Послу ей, однако, нужно угождать, а мнѣ какъ будто незачѣмъ. Она хочетъ нравиться всѣмъ, это скверная болѣзнь, но съ ея умомъ она могла бы понять, что мнѣ нисколько не нравится, когда меня стилизуютъ подъ Инсарова, а тѣмъ болѣе подъ Кропоткина», — подумалъ онъ. Въ его отвѣтахъ проскользнулъ холодокъ, она взглянула на него и вспыхнула, — отъ этого раздраженіе у него тотчасъ улеглось. — «Хочу взять книгу», — сказала она. Онъ неохотно приподнялся со своего откидного стула, чтобы пропустить ее. Толчокъ поѣзда бросилъ ее на него. — «Что вы теперь читаете, Наденька?» — вздрогнувъ, спросилъ онъ и почувствовалъ, что ему очень хотѣлось сказать: «Что ты сейчасъ читаешь, Наденька?..» — «Новый романъ Викки Баумъ», — нарочно солгала она. Онъ не зналъ или не помнилъ этого имени, но почувствовалъ интонацію отвѣта: «получай!..» — «Ну и отлично», — сразу съ большой усталостью подумалъ онъ, — «въ самомъ дѣлѣ, знай сверчокъ свой шестокъ... Въ этомъ ящикѣ навсегда повернуть ключъ!..» Надежда Ивановна вошла въ свое купе и затворила за собой дверь. Вислиценусъ прошелъ къ себѣ, сѣлъ, взялъ письма Достоевскаго, посмотрѣлъ на часы. До Берлина еще было далеко. «Да, съ Тамаринимъ поговорить», — вспомнилъ онъ устало.

III.

Бывшій генералъ-майоръ, а теперь командиръ 2-го ранга, Константинъ Александровичъ Тамаринъ, въ своемъ купе занимался отъ скуки рѣшеніемъ крестословицъ. Онъ любилъ это развлеченіе и считалъ его полезнымъ для лю-

дей умственного труда: какъ шахматная игра, оно требовало напряженія мысли (полезно, какъ постоянная тренировка) и вмѣстѣ съ тѣмъ давало отдыхъ отъ привычной работы. Но по утрамъ Тамаринъ никогда крестословицами не занимался, и ему было немного совѣстно. Путешествіе всегда выбивало его изъ колен. Наканунъ вечеромъ онъ игралъ съ попутчиками въ винтъ слишкомъ долго. Въ былыя далекія времена, въ Петербургѣ, всегда кончалъ игру около полуночи, затѣмъ легко ужиналъ и выпивалъ двѣ рюмки хереса. Объ его хересѣ на сонъ грядущій всѣ знали; клубный лакей подавалъ ему бутылку безъ заказа, и онъ немного этимъ гордился, какъ гордился вообще регулярностью своей жизни и тѣмъ, что отлично спитъ послѣ ужина: другіе люди его лѣтъ-передъ сномъ не ѣли ничего.

Игралъ онъ въ винтъ мастерски и былъ когда-то въ клубѣ признаннымъ авторитетомъ. За прекрасную игру его не разъ приглашали въ партіи самыхъ высокопоставленныхъ людей. Въ поѣздѣ за игрой вышла необыкновенная комбинація съ малымъ шлемомъ безъ козырей, — почти совершенно тождественная съ той, которую онъ когда-то разыгралъ въ Яхтъ-клубѣ: память вообще и въ частности память къ карточной игрѣ у него были необыкновенныя, — а о той партіи весной 1913 года въ клубѣ говорили три дня. Его партнеръ Кангаровъ сыгралъ точно такъ, какъ тогда сыгралъ великій князь. Тамарину воспоминаніе было немного смѣшно, но прежнее чувство неловкости — «съ кѣмъ игралъ когда-то, съ кѣмъ играю теперь!», — мучившее его въ первые годы близости къ большевикамъ, давно разсѣялось. «Что-жъ, и тѣ были не ангелы, да и среди этихъ не всѣ скоты, попадаютъ и порядочные люди... Вотъ и въ винтъ играютъ одинаково», — почти весело подумалъ онъ, снова сдавая карты послѣ блестящаго розыгрыша.

Кончили они игру поздно, затѣмъ изъ вѣжливости надо было еще хоть немного поговорить. Посмѣялись за

разсчетомъ: въ какой валютѣ расплачиваться? Игра была далеко не крупная, но секретарь проигралъ нѣсколько больше, чѣмъ ему слѣдовало бы по жалованію и по точнымъ. Посоль, чтобы его утѣшить, былъ съ нимъ особенно ласковъ. — «Зато въ любви какое счастье этому красавцу!» — говорилъ онъ (секретарь былъ почти уродливъ), — «представьте себѣ, изъ-за него три женщины кончили съ собой... Эдуардъ Степановичъ, сколько вы въ общемъ выплачиваете алиментовъ въ мѣсяцъ? Нѣтъ, положительно пора бы вамъ остепениться»... — «Спасибо, я уже смѣялся», — невпопадъ отвѣтилъ, стыдливо улыбаясь, секретарь. — «Значить, быстрота и натискъ. Храбрость города беретъ», — тоже не совсѣмъ впопадъ поддержалъ шутку Тамаринъ. «Что-жъ, приблизительно такъ же шутили и въ Яхтъ-клубѣ», — разсѣянно подумалъ онъ (всѣ были очень утомлены). — «А шлемикъ, Командармъ Ивановичъ, хоть этотъ фушеръ вамъ очень помогъ, вы разыграли на ятъ», — призналъ Кангаровъ, — «это что и говорить»... За картами они постоянно обмѣнивались комплиментами, въ тонѣ Наполеона, отдающего должное эрцгерцогу Карлу. У каждого былъ свой стиль игры, находившій признаніе у другого. Впрочемъ, они и вообще были довольны другъ другомъ. «Вотъ и этотъ не совершенный скотъ», — думалъ Тамаринъ, — «хоть посломъ его можно было сдѣлать развѣ для смѣха». — «Не орелъ, конечно, его превосходительство, но пріятный человѣкъ, понявшій урокъ исторіи и ошибки своего класса», — думалъ Кангаровъ. Въ свое купѣ генералъ вернулся въ четверть третьяго. Отъ хереса онъ давно отвыкъ, но ему хотѣлось закусить: пообѣдали они, какъ всегда въ вагонъ-ресторанѣ, не очень хорошо и довольно дорого.

На ночь Тамаринъ, по своему обыкновенію, прочелъ главу изъ «*Hinterlassene Werke*». У него было отличное Дюммлеровское изданіе Клаузевица, съ которымъ онъ никогда не разставался: скорѣе отправился бы путешествовать безъ паспорта или безъ зубной щетки, чѣмъ безъ

этихъ небольшихъ книгъ въ старинныхъ переплетахъ изъ гладкой желтой кожи. Самый видъ ихъ, суховатая бумага, послѣднее слово или послѣдній слогъ внизу страницы передъ переходомъ на новый листъ, маленькое *e*, вмѣсто «умлаута», надъ *o*, *n*, *a*, дѣйствовали на него умиротворяюще. Обычно онъ прочитывалъ одну главу и засыпалъ. Но на голодный желудокъ заснуть было нелегко, и книга раскрылась на очень сильной главѣ. Сначала попался одинъ изъ тѣхъ короткихъ, отчетливыхъ, похожихъ на приказъ афоризмовъ, которые доставили Клаузевицу любовь всѣхъ военныхъ людей мѣра: «Der Krieg hat freilich seine eigene Grammatik, aber nicht seine eigene Logik»... «Какъ вѣрно и ясно!» — съ наслажденіемъ подумалъ Тамаринъ. Открывшуюся главу онъ помнилъ не такъ хорошо, и былъ этому радъ, — какъ радуются иные читатели, что немного забыли «Мертвыя души»: можно будетъ перечитать. Онъ сталъ читать дальше:

«Die ungeheueren Wirkungen der französischen Revolution nach Aussen sind aber viel weniger in neuen Mitteln und Ansichten ihrer Kriegführung als in der ganz veränderten Staats- und Verwaltungskunst, in dem Charakter der Regierung, in dem Zustande des Volkes u. s. w. zu suchen. Dass die andern Regierungen alle diese Dinge unrichtig ansahen, dass sie mit gewöhnlichen Mitteln Kräften die Wage halten wollten, die neu und überwältigend waren: das alles sind Fehler der Politik. Hätte man nun diese Fehler von dem Standpunkte einer rein militärischen Auffassung des Krieges einschen und verbessern können? Ummöglich».

Мысли эти его взволновали, онъ прочелъ во второй разъ: на словахъ: «Mitteln Kräften» была какъ будто неувязка. «Можетъ, простая опечатка? Да не въ томъ дѣло»... Изъ этихъ словъ, очевидно, слѣдовали выводы, имѣвшіе значеніе для всей его работы, какъ-то по новому оправдывавшіе его жизнь. Однако въ третьемъ часу ночи Тамаринъ былъ не въ силахъ обдумать прочитанное и

зналъ, что, если начать объ этомъ думать, то не заснетъ. Онъ хотѣлъ было заложить уголь, но пожалѣлъ: ужъ очень хорошо было изданіе — и рѣшилъ запомнить страницу: 148. «Сто сорокъ восемь», — сказалъ онъ вслухъ и спросилъ себя, нѣтъ ли мнемоническаго приѣма: восемь вдвое больше, чѣмъ четыре, но первая цифра... Да, разумѣется, буду помнить: сто сорокъ восемь», — подумалъ онъ и заснулъ. Спалъ онъ много хуже обыкновеннаго, снились ему вещи бессмысленныя: великій князь игралъ съ Клаузевицемъ въ винтъ и въ карты имъ смотрѣлъ царь Петръ I. Клаузевицъ прорѣзалъ на шлемѣ, оставилъ противниковъ безъ ста сорока восьми. «На ять сыграли, Клаузевицъ Ивановичъ!» — сказалъ въ восторгѣ Петръ Великій.

На этомъ Тамаринъ проснулся и что-то еще могъ съ улыбкой вспомнить изъ нелѣлаго сна. «Царь Петръ тутъ при чемъ? Кажется, годъ какъ о немъ не думалъ!..» (только дня черезъ два случайно вспомнилъ, что въ Яхт-клубѣ на стѣнѣ висѣлъ портретъ Петра Великаго). За окномъ свѣтились огни. Поѣздъ стоялъ. Генеральъ взглянулъ на часы: шесть. — «Не граница ли?» — Посмотрѣлъ въ окно и, увидѣвъ, при тускломъ свѣтѣ фонарей, офицера въ нѣмецкомъ мундирѣ, ахнулъ: Германія! Онъ наскоро одѣлся, надѣлъ пальто, поднялъ воротникъ и вышелъ, чувствуя непонятное волненіе.

Со времени войны онъ заграницей не былъ. Наканунѣ они проѣхали черезъ Польшу, но ему какъ-то трудно было считать Польшу «заграницей», а Варшаву, гдѣ онъ въ молодости состоялъ въ штабѣ генераль-губернатора, столицей иностраннаго государства. «Вотъ это настоящая граница... Не такъ собирался сюда войти двадцать два года тому назадъ»... Одни чиновники страшнаго вида провѣряли паспорта, другіе — багажъ. Въ совѣтскій дипломатическій вагонъ никто не заглядывалъ; самый страшный изъ чиновниковъ только обмѣнялся нѣсколькими словами съ секретаремъ, который видимо былъ и перепуганъ,

и счастливъ. Затѣмъ чиновникъ приложилъ руку къ козырку и отошелъ, впрочемъ, безъ большого почтенія на лицѣ. Генераль, вздрагивая, гулялъ по перрону. Все тутъ неопредѣленно его волновало, — особенно видъ нѣмецкаго офицера. Этотъ офицеръ искоса на него поглядывалъ, видимо тотчасъ безошибочно признавъ въ немъ военнаго; взгляды Тамарина тоже сразу замѣтилъ всѣ перемѣны въ германскомъ мундирѣ. Почему-то, при видѣ офицера, онъ пожалѣлъ, что вышелъ изъ вагона не бритый и безъ воротничка. Ему хотѣлось выпить кофе или, лучше, чего-нибудь нѣмецкаго, напримѣръ, данцигской водки? Но въ ранній утренній часъ на перронѣ еще ничего не продавали. Начала работу только газетная будка. Генераль нерѣшительно оглянулся: его положеніе было очень прочнымъ, бояться какъ будто ничего не приходилось, но, можетъ быть, все-таки было бы лучше нѣмецкой газеты не покупать (да еще сразу, на первой станціи: «набросился!») Онъ разсердился и купилъ газету ;сложилъ ее вдвое, спряталъ въ карманъ и вернулся въ свое купэ. «Собственно, теперь, при желаніи, можно было бы остаться здѣсь совсѣмъ», — вдругъ пришла ему въ голову дикая мысль. Стать эмигрантомъ, какъ тѣ... Да, тутъ можно... Вздоръ какой!.. Откуда вообще пошли всѣ эти сантименты? Волноваться не отъ чего, ну, жили такъ, теперь живемъ иначе... Да и они тоже не совсѣмъ такъ живутъ, какъ раньше... Въ купэ было тепло, онъ все еще вздрагивалъ. «Да, не думалъ, не думалъ... Не надо было выходить не одѣтымъ»... Разсѣянно просмотрѣлъ мелочь, сдачу, данную ему при покупкѣ газеты. Видъ нѣмецкихъ монетъ тоже волновалъ его: онъ когда-то провелъ годъ въ командировкѣ въ Германіи, и это было одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній его жизни. «Не надо было выходить безъ воротничка»...

Поездъ тронулся. Тамаринъ снялъ пальто, повѣсилъ его на крючекъ, раздѣлся и снова легъ, дрожа подъ легкимъ одѣяломъ. Думалъ, что засыпать теперь уже не стоитъ, но задремалъ и проснулся лишь на остановкѣ во

Франкфуртъ, отъ свистковъ и шума за окномъ. Больше не выходилъ: пользуясь остановкой, выбрился. Въ Россіи всегда съ этого начиналъ день. Никакихъ Жиллетовъ онъ не признавалъ; у него отъ лучшихъ временъ сохранился приборъ изъ семи превосходныхъ англійскихъ бритвъ: для каждаго дня была положена особая — на рукояткахъ были выгравированы слова Monday, Tuesday, Wednesday, — затѣмъ лезвею давалась недѣля отдыха; отъ этого оно становилось лучше. Въ первые годы революціи брившіеся прежде люди, случалось, отпускали бороду въ цѣляхъ экономіи, а бородатые начинали бриться въ цѣляхъ гигиены. Тамаринъ носилъ по старинному бакенбарды подѣ Александра II, — такія и до революціи были развѣ у одного человѣка изъ тысячи: ни цѣль экономіи, ни цѣль гигиены не достигалась; однако у него и въ тѣ годы подбородокъ былъ всегда пробритъ безукоризненно, бакенбарды тщательно расчесаны. Въ этихъ бакенбардахъ было нѣчто контръ-революціонное, и на улицахъ прохожіе, особенно тѣ, что постарше, поглядывали на него съ удивленіемъ и даже не безъ испуга. Сбрилъ онъ бороду лишь въ пору самаго страшнаго голода и нищеты, — показалось дико ходить такъ дальше, да и очень ужъ онъ вдругъ поспѣлъ. Жизнь его точно раздѣлилась на два періода: съ бакенбардами и безъ бакенбардъ. Съ того времени у него немного убавилось и уваженія къ себѣ.

День его въ Россіи проходилъ очень правильно. Послѣ бритья, если можно было, принималъ ванну; но и въ зиму, когда люди сидѣли дома въ шубахъ, ежедневно обливался водой и носилъ сносное бѣлье. Хозяйство вела кухарка, прослужившая у нихъ много лѣтъ и оставшаяся при немъ послѣ смерти жены. Ни дѣтей, ни близкихъ родныхъ у него не было. Вся жизнь Тамарина сводилась къ работѣ. Выкупавшись, онъ всегда самъ заваривалъ чай по своей системѣ: обжигалъ три полныхъ ложечки крутымъ кипяткомъ, давалъ постоять минуты двѣ подъ полотенцемъ и доливалъ доверху кипящей водой. Затѣмъ

уносилъ чайникъ въ свой кабинетъ и за работой выпивалъ три стакана, съ однимъ кускомъ сахара каждый, и съѣдать сухарь: хлѣба избѣгалъ, такъ какъ имѣлъ наклонность къ полнотѣ. Это было лучшее его время. Въ эти утренніе часы, отъ 7 до 9, онъ составлялъ доклады, записки и статьи для военно-научныхъ изданій. Сначала набрасывалъ карандашемъ конспектъ, затѣмъ, сразу набѣло, писалъ окончательный текстъ на своемъ старомъ — еще въ три ряда клавишъ, — но совершенно исправномъ Ундервудѣ. Сливаясь, все это, — работа, крѣпкій чай, легкій чегкій стукъ машинки, такъ пріятно-отчетливо выводившей его мысли (послѣ машины все становилось, особенно яснымъ), — было главной радостью его жизни. Ровно въ 9 часовъ онъ со вздохомъ прекращалъ работу, заботливо накрывалъ крышкой Ундервудъ и уѣзжалъ на службу. Тамъ слушалъ чужіе доклады и читалъ чужія записки. Они въ большинствѣ ему не нравились, но относился онъ къ нимъ очень корректно и заключенія давалъ по совѣсти, если только не было совершенно необходимо лгать.

Въ вагонѣ ничего этого дѣлать было нельзя. Тамаринъ вспомнилъ, что купилъ на границѣ газету. Ему прежде всего бросилась въ глаза статья подъ крупнымъ заголовкомъ: «Die jüdischen Bluthünde». Чувство его къ большевикамъ, о которыхъ говорилось въ статьѣ, были смѣшанныя, но онъ у нихъ служилъ — теперь служилъ вѣрой и правдой, — и ему было не совсѣмъ пріятно, что ихъ такъ называютъ: это косвенно задѣвало и его самого.

Когда-то въ пору гражданской войны онъ поступилъ на совѣтскую службу съ намѣреніемъ либо помочь тому, кто произведетъ переворотъ, либо, улучивъ подходящую минуту, перейти къ бѣлымъ. Изъ этого ничего не вышло. Переворотъ не происходилъ, бѣлые генералы, по дошедшимъ до него слухамъ, называли его кто дуракомъ, кто подлецомъ и измѣнникомъ. А главное, нужно было жить. Онъ пришелъ къ мысли, что можно служить Россіи при любомъ строе, особенно когда служишь въ арміи. Въ по-

сладніе годы жизнь кое-какъ наладилась, началась работа, почти такая, какъ въ лучшія времена; къ нему относились хорошо и съ мнѣніемъ его очень считались. Въ дуракахъ оказались люди, называвшіе его дуракомъ. Газетъ, которыя могли бы смѣшать его съ грязью, больше не было. Вначалѣ еще тревожила мысль: что, если придутъ тѣ? Теперь какъ будто ясно было, что тѣ не придутъ. Иногда впрочемъ ему снилось ихъ возвращеніе. Онъ просыпался въ ужасѣ и думалъ, что этого быть не можетъ; но если они и вернутся, то вѣдь должны же будутъ считаться съ оставшимися! Оставшихся было неизмѣримо больше, чѣмъ ушедшихъ, и всѣ они въ эти годы вели себя почти одинаково.

Тамаринъ пробѣжалъ телеграммы. Извѣстія тоже были непріятныя: сообщалось о большихъ успѣхахъ итальянскихъ войскъ въ Африкѣ. По существу онъ собственно желалъ побѣды Италіи: считалъ Муссолини великимъ государственнымъ дѣятелемъ, — «не было у насъ ни одного такого, оттого такъ все и вышло»... Но генераль былъ убѣжденъ, что завоевать Абиссинію итальянцамъ будетъ чрезвычайно трудно. Въ одной изъ самыхъ лучшихъ своихъ статей онъ доказалъ, что горная цѣпь Амба-Аладжи непреступна. Ссылаясь на его авторитетъ, совѣтская газета высказала даже въ передовой увѣренность, что на эфиопскомъ дѣлѣ имперіалистская банда сломить себя шею (эта ссылка была для него большимъ служебнымъ успѣхомъ). Теперь въ телеграммѣ сообщалось, что Амба-Аладжи и даже Амба-Арадамъ взяты. «Можетъ, еще неправда?» — усомнился Тамаринъ. Однако сообщеніе какъ будто походило на правду — тѣми почти неуловимыми признаками, которые чувствуются и во враньѣ официальныхъ сообщеній. Генераль провѣрилъ ходъ своихъ мыслей. Штурмовать отвѣсный горный хребетъ, на которомъ укрѣпилась армія раса Десты, очень трудное, почти невысказанное, дѣло. «И вѣдь не станетъ же тѣмъ временемъ сидѣть, сложа руки, расъ Сейюмъ: тотчасъ, разумеет-

ся, ударить на линію Макалэ-Адуа», — подумалъ онъ, отъ всей души желая успѣха расу Сейюму, несмотря на свои загнанные внутрь политическіе взгляды и на преклоненіе передъ Муссолини. Нѣсколько успокоенный, онъ выбросилъ нѣмецкую газету за окно и, открывъ томъ Клаузевица на 148-ой страницѣ (вспомнилъ и безъ мнемоническаго пріема), сталъ выписывать тѣ строки въ записную тетрадку. Но поѣздъ несся быстро, карандашъ прыгалъ по бумагѣ, выходили каракули. — «Нѣтъ, въ вагонѣ работать нельзя»...

Онъ досталъ изъ ручного чемодана иллюстрированный журналъ съ крестословицами. Вначалѣ пошло хорошо. Въ вертикальномъ ряду первымъ было: «Имъ славятся Марсель и Казань». — «Мыло, разумѣется», — съ удовольствіемъ подумалъ генераль. Но затѣмъ пошли загадки: «Энергичнаго человѣка она не заставитъ повернуть обратно»... — «Пуля? Нѣтъ, не пуля»... Пропустилъ: легче будетъ, когда выяснится слѣдующій рядъ... — «Префиксъ, заимствованный изъ татарскаго языка». — «Что за вздоръ! Откуда порядочному человѣку знать такія вещи?..» — «Она рассказывала Митрофанушкѣ интересныя исторіи»... Тамаринъ старался вспомнить: Митрофанушка это изъ «Недоросля», но кто же рассказывалъ ему интересныя исторіи? Няня? Мать? Не выходило.

Въ это время въ его купэ вошелъ Вислиценусъ. Генераль нѣсколько смутился, отложилъ иллюстрированный журналъ и, поигравъ серебрянымъ карандашикомъ, незаметно спряталъ его въ карманъ. Съ Вислиценусомъ онъ былъ немного знакомъ по Москвѣ (встрѣчалъ изрѣдка на засѣданіяхъ) и относился къ нему такъ, какъ могъ бы относиться къ пляшущему дервишу или къ существу, прилетѣвшему съ луны: можетъ быть, и хорошее существо, но ждать отъ него можно всего, надо быть очень осторожнымъ. Передъ самымъ его отъѣздомъ изъ Москвы, Тамарину было объявлено, что, быть можетъ, Вислиценусу за границей понадобится его помощь, — это очень встрево-

жило генерала, — «совѣтомъ и техническими указаніями», — нѣсколько успокоилъ его начальникъ. — «Неужели пришелъ за помощью?» — подумалъ онъ. Однако его опасеніе было неосновательно: Вислиценусъ просто хотѣлъ побесѣдовать: что за человѣкъ? Почему-то ему нравился командармъ Тамаринъ. У него была слабость къ военному дѣлу и къ военнымъ людямъ. Въ дѣтствѣ онъ страстно мечталъ стать великимъ полководцемъ.

— «Какъ спали?» — спросилъ онъ. — «Какъ изволили почивать?» — одновременно спросилъ генералъ. Оба засмѣялись. Тамаринъ сказалъ, что слишкомъ долго вчера играли въ винтъ. — «Охота вамъ»... — «Отлично играетъ нашъ полпредъ», — замѣтилъ Тамаринъ. — «Вотъ какъ, отлично?» — сказалъ Вислиценусъ, и въ тонѣ его почувствовалось недоброжелательство. «Да, въ винтъ онъ, говорятъ, превосходно играетъ», — подумалъ онъ, — «что-жъ, у каждаго человѣка должно быть что-либо настоящее, свое, подлинное, у него, быть можетъ, винтъ»... — Я тоже слышалъ, что онъ прекрасный винтеръ», — съ насмѣшкой сказалъ Вислиценусъ. Генералъ насторожился. Ему доставляли удовольствіе раздоры и столкновенія между этими людьми (онъ часто видѣлъ такія сцены въ комиссіяхъ, гдѣ эти люди съ нимъ бывали почти всегда любезны, чѣмъ другъ съ другомъ). Однако Вислиценусъ болѣе ничего не сказалъ и перевелъ разговоръ на Германію, на нѣмецкіе чистоту и порядокъ. — «На это они точно мастера», — сказалъ Тамаринъ и вспомнилъ какой-то эпизодъ изъ временъ войны. Эпизодъ былъ мало замѣчательный, но Вислиценусъ терпѣливо слушалъ: можетъ быть, въ концѣ будетъ что-либо интересное? Интереснаго и въ концѣ ничего не оказалось. Попробовалъ наудачу спросить, какую военную школу Тамаринъ ставитъ выше: нѣмецкую или французскую? Генералъ отвѣтилъ, что у нѣмцевъ больше основательности, Gründlichkeit, а у французовъ больше — ну какъ сказать? больше бріо: «знаете, этотъ французскій élan?» Вислиценусъ кивнулъ головой

со значительнымъ видомъ, точно только теперь, послѣ разговора съ крупнымъ специалистомъ, понялъ въ чемъ разница между обѣими школами. Въ развитіе своей мысли командармъ процитировалъ Клаузевица: «Die moralischen Hauptpotenzen sind: die Talente des Feldherrn, kriegerische Tugend des Heeres, Volksgeist desselben» и перевелъ: «Таланты полководца, воинская добродѣтель арміи и ея національный духъ»... Сказалъ и пожалѣлъ: лучше было не говорить такихъ словъ. — «Тогда мы хороши», — угрюмо подумалъ Вислиценусъ. — «Да, Клаузевицъ: «Der Krieg ist eine Fortsetzung der Politik», — отвѣтилъ онъ, показывая, что переводить нѣмецкую фразу было ненужно, — «Ленинъ тоже очень высоко ставилъ вашего Клаузевица. Я поэтому началъ было его читать и бросилъ: мнѣ показалось скучно, общія мѣста». Генералъ посмотрѣлъ на него такъ, какъ очень терпимый, но вѣрующій мусульманинъ могъ бы смотрѣть на челоуѣка, отзывающагося пренебрежительно о Магометѣ. — «Ну, знаете», — сказалъ онъ, — «это какъ кто-то говорилъ, что «Горе отъ ума» — плагиатъ: все состоитъ изъ поговорокъ: тамъ, Марья Алексѣвна и все прочее»... Разговоръ сразу оживился и черезъ нѣсколько минутъ оба уже говорили съ увлеченіемъ.

— ...Да, это отчасти вѣрно, — говорилъ Вислиценусъ въ отвѣтъ на приведенную Тамаринымъ цитату, ту, которая наканунѣ такъ его взволновала, — но только отчасти. Вамъ, генераламъ, конечно, эти мысли выгодны. Если вы побѣждаете, честь и слава. А если не побѣждаете, то виновата политика, вы тутъ ничего не могли сдѣлать: «unmöglich», неправда ли? Поэтому-то всѣ вы такъ любите Клаузевица. Нѣтъ, дѣло не въ политикѣ, а въ техникѣ. Въ, военные люди, германскую войну представляли себѣ какъ японскую, и съ 1905 года по 1914 готовились къ новой японской войнѣ. А теперь вы будущую войну представляете себѣ какъ германскую и опять готовите намъ прошлую войну. А она будетъ совершенно другая. Оче-

го? Оттого, что какой-нибудь штатскій Майеръ или штатскій Сидоровъ, или штатскій чортъ въ стулѣ выдумаетъ какую-нибудь штучку, изъ-за которой всѣ ваши расчеты пойдутъ прахомъ.

— Это невѣрно, просто фактически невѣрно, — говоритъ Тамаринъ, сдерживаясь: все-таки онъ не могъ серьезно спорить о военномъ дѣлѣ съ штатскимъ человѣкомъ. — И прежде всего потому невѣрно, что намъ всѣ эти штучки Майера тотчасъ становятся извѣстными и мы ихъ пускаемъ въ ходъ...

— Ничего вамъ не становится извѣстнымъ, такъ какъ въ мирное время Майеръ ни о какой войнѣ и не думаетъ. Онъ начинаетъ думать о войнѣ, когда война уже идетъ, когда газеты его раскаляютъ до бѣлаго каленія, когда у него убьютъ сына, внука, племянника. Вотъ тогда онъ и начинаетъ думать, какъ бы лучше отправить на тотъ свѣтъ тѣхъ «ближнихъ», съ которыми онъ за годъ до того воспѣвалъ братство людей и лакалъ пиво на разныхъ научныхъ конгрессахъ. А такъ какъ у Майера больше знаній и таланта въ головѣ, чѣмъ у всѣхъ генераловъ вмѣстѣ взятыхъ (Тамаринъ пожалъ плечами), то онъ-то, Майеръ, обезьяну и выдумываетъ. Тогда являетесь вы, господа генералы, и «пускаете въ ходъ». Такъ было и съ удушливыми газами, и съ танками...

— Танки изобрѣлъ генералъ! Вашъ примѣръ говорить какъ разъ противъ васъ!

— Ужъ будто? Вѣрно, изобрѣлъ какой-нибудь состоящій при немъ инженеръ, а онъ выдалъ за свое. А ужъ насчетъ удушливыхъ газовъ я твердо знаю: штатскій профессоръ выдумалъ, Габеръ, Хаберъ, Гагеръ, не помню.

— Но если все опредѣляется наукой, то чего же стоитъ вашъ экономическій матеріализмъ? — сказалъ генералъ. Лицо у него измѣнилось, онъ немного поблѣднѣлъ. — Что же тогда руководитъ міромъ? Бытіе или сознаніе?

— Это другой вопросъ!

— Нѣтъ, не другой, а тотъ самый. Я спрашиваю: бытіе

или сознание? Тогда, извините меня, нашъ матеріализмъ ерунда!..

Онъ спохватился и замолчалъ. Вислиценусъ засмѣялся. Ему все больше нравился генералъ: и тѣмъ, что онъ измѣнился въ лицѣ, когда рѣчь зашла о его дѣлѣ («да, конечно, у него подлинное это»), и тѣмъ, что перелицованный костюмъ, съ боковымъ карманомъ на правой сторонѣ пиджака, на немъ казался почти новымъ, и тѣмъ, что въ его купѣ пріятно пахло туалетной водой,—и всѣмъ вообще своимъ обликомъ. «Обликъ пустяки, но въ какомъ-то смыслѣ мы оба съ нимъ люди стараго времени», — подумалъ Вислиценусъ. Къ собственному его удивленію, эта неожиданная мысль не была ему непріятна.

— Вы меня обошли слѣва, — смѣясь, сказалъ онъ, показывая, что командарму опасаться нечего. — Да я и въ самомъ дѣлѣ плохой марксистъ. — Тамаринъ снова насторожился. «Это можно понимать двояко: «плохо понимаю марксизмъ» или «плохо вѣрю въ марксизмъ»? Уже не провокація ли?» — подумалъ онъ. Стукъ поѣзда чуть измѣнилъ тонъ, послышался свистокъ; это какъ будто клало конецъ отдѣлу разговора, какъ въ книгѣ цифра новой главы. Вислиценусъ посмотрѣлъ на часы.

— Медленно идетъ время... Вы позволите? — спросилъ онъ, взявъ съ дивана иллюстрированный журналъ. — Вы, кажется, занимались крестословицами?

— Да, я въ дорогѣ люблю, — сказалъ, виновато улыбувшись, Тамаринъ. — Работать вѣдь нельзя, а...

— Я тоже очень люблю. Вотъ эта? «Имъ славятся Марсель и Казань»... Мыло, конечно, — съ торжествомъ догадался онъ.

— Это-то мыло, а вотъ дальше: «Энергичнаго человѣка она не заставитъ повернуть обратно», вы это скажите.

— «Энергичнаго человѣка она не заставитъ повернуть обратно»... Да... «Бомба»? «Неудача»? Нѣтъ... «Красавица?»..

— Нѣтъ, какая же «красавица», четыре буквы. — Генералъ снова вынулъ изъ кармана серебряный карандашъ.

IV.

Надеждѣ Ивановѣ тоже было отведено отдѣльное купе: мѣста въ вагонѣ было гораздо больше, чѣмъ требовалось. Проводникъ давно аккуратно прибралъ постель, нигдѣ не было ни соринки. Оглядѣла себя въ зеркало: все въ порядкѣ, развѣ только слѣды сажи въ ноздряхъ. «Ничего, это не противно... Какой чудакъ Дакочи», — подумала она и пожалѣла, что была нелюбезна: онъ вѣдь ничего обиднаго не сказалъ, а нотаціи читаетъ отечески. «Удивительно, какъ много стариковъ относится ко мнѣ отечески. Но противнаго въ немъ нѣтъ ничего, напротивъ. Что же «напротивъ»? Не выходить же замужъ за старика, глупости!..»

Она сѣла у окна и вынула изъ несессера книгу. За окномъ было тускло, пасмурно: ни зима, ни весна. Въ такую погоду путешествовать и тоскливо, и пріятно. «Немного скучно съ ними... Скоро пріѣдемъ, дальше что? Устроимся на новомъ мѣстѣ, осмотримъ достопримѣчательности, музеевъ, дальше что?» Дальше ничего не было. «Писать письма подѣ диктовку, переводить бумаги? Я не хнычу, это полезное дѣло, кому-нибудь нужно его дѣлать, и я ни на что другое разсчитывать не имѣю права. Весь багажъ: стенографія и три иностранныхъ языка. Вышло отлично, лучше, чѣмъ можно было ожидать: сразу получила командировку, увижу свѣтъ, людей... Это впрочемъ только такъ говорится: людей посмотрѣть, себя показать. И смотрѣть будетъ, вѣроятно, некого, кромѣ Эдуарда Степановича, и себя показывать некому. Жаль, есть что показать», — хотѣла было она подумать, но не осмѣлилась: что за самохвальство! «Да, стенографія, какъ временное занятіе, это ничего, но всю жизнь писать письма я не согласна. Что-жъ дѣлать, талантовъ никакихъ нѣтъ. Есть, правда, такія занятія, искусства не искусства, ремесла не ремесла, для которыхъ особаго таланта не нужно или са-

мый маленький. Неужели же у меня и маленького не найдется? Стать декораторшей? Выжигать по дереву? Фарфоръ? Вкусъ есть, это всѣ признавали, даже враги... Изучить можно года въ два, только надо, наконецъ, выбрать. Нѣтъ, не пропаду, дѣло найдется»...

Слѣдовало, очень слѣдовало подумать и о другомъ, но это были непріятныя мысли, и ей теперь не хотѣлось объ этомъ думать. «Нѣтъ, потомъ, позднѣе»... Стала смотрѣть въ окно: надо изучать Европу. Она никогда заграницей не была; никакихъ цѣнныхъ наблюденій до сихъ поръ не сдѣлала. «Что-то, кажется, приходило въ голову тамъ на вокзалѣ, что не стыдно будетъ сказать при умныхъ людяхъ. Не помню, надо бы записывать... Если правду говорить, такой ужъ разницы нѣтъ: и люди такіе же, только одѣты всѣ гораздо лучше, мальчики, дѣвушки. Тамъ на станціи это, конечно, были влюбленные»... Она вздохнула. «Ну, вокзалы у нихъ другіе, буфеты. У нихъ это въ провинціи, какъ у насъ въ столицѣ. Посмотримъ еще Берлинъ... У насъ все лучше, разумѣется»... За окномъ стало падать что-то грязно-сѣрое, пристававшее къ стеклу и тотчасъ таявшее. Она засмѣялась. «Хорошъ снѣгъ!..» И сразу ей стало весело: нѣтъ, конечно, все лучше въ Россіи. «Это у нихъ называется морозъ, зима!» Ей радостно вспомнились недавно попавшіеся въ книгѣ, сразу запомнившіеся и понравившіеся, стихи: «Полно! Что зима отниметъ, — Все отдастъ тебѣ весна!..» «Да, все отдастъ, и работа будетъ, и жизнь будетъ, всѣмъ будетъ хорошо и мнѣ будетъ отлично»...

Раскрыла книгу, — воспоминанія извѣстнаго артиста. Царь Николай II умолялъ поссорившагося съ нимъ Далматова вернуться на императорскую сцену. «Вася, — говорилъ мнѣ государь, — вернись на мою сцену! Все у меня есть: гвардія, кавалерія, артиллерія, армія, флотъ, а тебя нѣтъ! Возвращайся же!» — «Нѣтъ!.. — говорю, — ваше величество! Обида горькая, не могу васъ простить!» — И Далматовъ стоялъ гордо поднявъ свою красивую голо-

ву»... — «Какъ хорошо!» — подумала Надежда Ивановна: — «гордо поднявъ свою красивую голову». Вотъ бы и мнѣ стать артисткой и такъ стоять. Но царей больше нѣтъ. А можетъ быть, онъ тутъ и привралъ»... Разсѣянно перелистывала книгу то къ концу, то къ началу. «Въ 1910 году меня особенно потрясли два событія: уходъ изъ Ясной Поляны Л. Толстого и смерть «Свѣта моего» — Вѣры Федоровны Коммисаржевской въ далекомъ Ташкентѣ. Масса вечеровъ, концертовъ и засѣданій посвящено было двумъ этимъ грустнымъ событіямъ»... — «Ахъ, если-бъ прожить какъ Коммисаржевская», — съ завистью подумала Надежда Ивановна и вернулась къ уже прочитаннымъ вчера страницамъ. — «Это письмо есть въ нѣкоторомъ родѣ ауто да фэ моего хорошаго отношенія къ вамъ», — писала артисту Коммисаржевская. — «Видите ли, я до боли ишу всегда, вездѣ, во всемъ прекраснаго. Но есть одно свойство человѣческое, не лорокъ, а прямо свойство, исключющее всякую возможность присутствія этой искры, понимаете, вполне исключющее — это пошлость... Что могло бы спасти васъ? Одно, только одно: — любовь къ искусству. Въ Парижской галлерей изящныхъ искусствъ есть знаменитая статуя. Она была послѣднимъ произведеніемъ великаго художника, который подобно многимъ гениальнымъ людямъ жилъ на чердакѣ, служившемъ ему и мастерской и спальней»... Въ книгѣ былъ портретъ автора въ роли Гамлета: онъ полулежалъ въ креслѣ, опустивъ голову на лѣвую руку, далеко отставивъ жирную правую ногу въ длинномъ, до колета, чулкѣ. «Какіе безумные глаза!» — съ восторгомъ подумала Надежда Ивановна. Былъ и портретъ Коммисаржевской, тоже съ безумными глазами. «Развѣ вы въ состояніи пережить то, что пережилъ этотъ скульпторъ? Развѣ вы ощущаете когда-нибудь что-либо подобное? Развѣ уносить васъ невидимая могучая сила въ волшебный міръ необъятной фантазіи, міръ, исполненный поэтичными образами, неуловимыми видѣніями, освѣщенными какимъ-то дивнымъ свѣтомъ... Во-пер-

выхъ, вы рано вступили въ эту ядовитую для молодой души атмосферу, а во-вторыхъ, не было возлѣ васъ женщины-друга»... Надежда Ивановна вздохнула. Ее взволновали слова Коммисаржевской; но письма ей не очень нравились, хоть и страшно было критиковать столь гениальную женщину, которую боготворила вся Россія. «Зачѣмъ же она ему писала это и развѣ нельзя было сказать все это не такъ?.. «Не было возлѣ васъ женщины-друга»... А я могу ли быть женщиной-другомъ? Ну, не при Сашкѣ Павловскомъ, конечно: это просто нахаль-мальчишка, и не очень грамотный, и ему просто не надо отвѣчать на его послѣднее письмо, — а, напримѣръ, при этомъ Дакочи или Вислиценусѣ? Говорятъ, онъ страшный человекъ». И въ самомъ дѣлѣ, въ немъ чувствуется большая сила. Это такъ хорошо въ мужчинѣ, но отчего же ему пятьдесятъ пять лѣтъ? Отчего я не встрѣтила его раньше?» — Опять поползли мысли, которыя она на время себѣ запретила, и опять она прибѣгла къ тому же средству: стихи помогли и на этотъ разъ. «Полно! Что зима отниметъ — Все отдастъ тебѣ весна»...

Послышались свистки, Кангаровъ пріотворилъ дверь. — «Дѣтка, сейчасъ Берлинъ, Шлезигеръ Бангофъ», — сообщилъ онъ почему-то нѣсколько встревоженнымъ голосомъ. — «Ахъ, уже Берлинъ!» — отвѣтила она и тоже заволновалась. Бросила еще взглядъ въ зеркало, безъ самохвальства осталась довольна. Она въ самомъ дѣлѣ была очень хороша. «Красавица, прямо красавица», — восторженно говорили въ Москвѣ знакомые молодые люди. — «Ну, красавица, не красавица, носъ можно бы сильно подточить, и нога большая, и чего-то ей въ лицѣ не хватаетъ, но, конечно, она хорошенькая, если хотите, даже очень хорошенькая», — признавали подруги. Надежда Ивановна перетянула поясъ и вышла въ корридоръ. Тамъ уже были всѣ. Вислиценусъ взглянулъ на нее и, ничего не сказавъ, отвернулся къ окну. Елена Васильевна зѣвнула.

— Скушно мнѣ, што-то, очень скушно, — сказала она.

За окнами очень медленно проплыла огромная фигура полицейскаго. Поѣздъ остановился, кондукторъ, приложивъ руку къ козырку, почтительно отворилъ дверцы. Въ вагонъ, сгорбившись, поднялся высокій, худой, необыкновенно элегантный старый человѣкъ, въ монокль и въ цилиндръ. Кангаровъ едва удержался отъ восклицанія. Это былъ титулованный дипломатъ, видный дѣятель германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ теченіе очень долгихъ лѣтъ — пока еще можно было — его часто изображали нѣмецкіе каррикатуристы и почти всегда изображали неудачно: вмѣсто каррикатуры получался обыкновенный портретъ, такъ какъ этотъ дипломатъ былъ по внѣшности живой карриатурой на дипломата. «Смотрите, Вильгельмштрассе прислала представителя!» — взволнованно прошептала секретарю Кангаровъ (онъ всегда говорилъ объ иностранныхъ министерствахъ: Вильгельмштрассе, Даунингъ-стритъ, Кэ-д'Орсэ, Балльплатцъ). По правиламъ, правительство нисколько не было обязано посылать своего представителя для встрѣчи посла, назначеннаго въ другую страну и только проѣзжавшаго черезъ Берлинъ. Но, очевидно, министерство иностранныхъ дѣлъ сочло нужнымъ проявить особую любезность, — было и маленькое дѣло, — а высшему правительству можно было сказать, что этого требовалъ дипломатическій этикетъ. Тѣмъ не менѣе лицо дипломата выражало нѣкоторое смущеніе. На перронѣ онъ даже оглядывался не безъ робости по сторонамъ и по ступенькамъ поднялся тоже торопливѣе, чѣмъ обычно.

Въ вагонѣ произошла нѣкоторая суматоха. Секретарь измѣнился въ лицѣ: «даже въ этой дикой странѣ!..» Кангаровъ радостно пошелъ навстрѣчу дипломату: они не разъ встрѣчались на разныхъ международныхъ конференціяхъ. Онъ познакомилъ гостя съ женой и съ секретаремъ, съ безпокойствомъ взглянувъ на Вислиценуса, — «отъ этихъ людей изъ «Люкса» можно ждать чего угодно», — затѣмъ повелъ дипломата въ свободное купэ, заглянулъ

въ купѣ Наденьки и сказалъ «виноватъ», хоть тамъ никого не было, былъ только открытый несессеръ.

Они сѣли, поѣздъ тронулся, Кангаровъ ахнулъ, дипломатъ его успокоилъ: «я хотѣлъ доставить себѣ удовольствіе сопровождать ваше превосходительство до слѣдующей станціи». — «Ахъ, Господи, я и забылъ, что у васъ въ Берлинѣ поѣзда проходятъ черезъ всѣ вокзалы», — сказалъ, сияя улыбкой высшей сладости, Кангаровъ. За окномъ, неестественно близко отъ поѣзда, неслись огромные, новые, не закопченные, какъ будто вчера выкрашенные дома. Дипломатъ освѣдомился о томъ, какъ они путешествовали и не очень ли устали, спросилъ о здоровьи народнаго комиссара и высказалъ свое мнѣніе о погодѣ. Онъ и говорилъ совершенно такъ, какъ говорятъ въ лѣвыхъ пьесахъ лѣвые актеры, изображающіе дипломатовъ-рамолликовъ. Каргановъ отвѣчалъ съ достойнымъ видомъ, означавшимъ: «да, конечно, мы враги, но корректные враги и прежде всего мы выдавшіе виды дипломаты»... Сгоряча онъ даже чуть не спросилъ о здоровьи Гитлера, но во время спохватился и справился о здоровьи министра иностранныхъ дѣлъ. О дѣлѣ было сказано лишь нѣсколько словъ, этого было достаточно: оно большого значенія не имѣло. Поѣздъ снова вошелъ въ полутемную гигантскую сквозную клѣтъ. Дипломатъ прѣстился съ посломъ и въ корридорѣ низко изогнулъ худую спину передъ Еленой Васильевной.

Вислиценусъ съ усмѣшкой на него смотрѣлъ. Онъ тоже въ свое время встрѣчался съ этимъ дипломатомъ и даже какъ-то разъ съ нимъ поздоровался (нельзя было не поздороваться) въ женевской кофейнѣ «Баварія», въ которой собирались делегаты Лиги Націй, журналисты и просто любопытные люди, желавшіе посидѣть въ одной комнатѣ со знаменитостями, — всегда можетъ подвернуться и случайный фотографъ. Дипломатъ, разумѣется, его не помнилъ, но на всякій случай Вислиценусъ и смотрѣлъ на него съ видомъ, отбивающимъ охоту къ возобновленію

знакомства: «Незачѣмъ пожимать руку этимъ господамъ»... Онъ вспомнилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ дипломатъ гнулъ спину передъ самыми лѣвыми министрами. Толстый, огромный, грубоватый Штресеманъ, съ вѣчно налитыми кровью глазами, съ распухшими жилами на лбу, по обычной своей манерѣ природнаго вождя людей, народнаго трибуна и «Наполеона мира» (такъ его безсмысленно называли въ «Баваріи») третировалъ дипломата довольно безцеремонно.—«Ну, теперь поклоняйся другимъ», — съ ненавистью и почти съ торжествомъ думалъ Вислиценусъ, — «у васъ вѣдь это называется: служить родинѣ независимо отъ ея политическаго строя. Служи, служи, и жалованье идетъ, Богъ дастъ новые чины выйдутъ... И нашъ тоже хорошъ, два сапога пара»...

Дипломатъ во второй разъ сказалъ: «Gute Reise, Exzellenz» и взялся за ручку двери. Дверь толкнули съ другой стороны, въ корридоръ вошелъ Тамаринъ. На этомъ вокзалѣ будка съ напитками оказалась какъ разъ противъ ихъ вагона; тотчасъ по остановкѣ поѣзда, онъ вышелъ на перронъ и выпилъ наскоро чашку кофе, — данцигской водки въ будкѣ не оказалось, продавецъ даже посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и предложилъ рюмку рейнбранда. Увидѣвъ дипломата, генералъ остолбенѣлъ. Оба изумленно глядѣли другъ на друга съ полминуты, затѣмъ ахнули и засмѣялись. «Alle Wetter!», — сказалъ дипломатъ не тѣмъ голосомъ, которымъ говорилъ за минуту до того, и съ неожиданной силой хлопнулъ генерала по рукаву (это и представить себѣ было трудно). — «Donnerwetter!», — проговорилъ, придя въ себя, генералъ. Они когда-то хорошо знали другъ друга, много разъ встрѣчались во времена доисторическія, — встрѣчались въ совершенно иной обстановкѣ. Обоимъ стало и смѣшно, и весело, и стыдно. «Das heisst: «vingt ans après», — сказалъ дипломатъ, и въ глазахъ у cadaго изъ нихъ выразилось: «Что? И ты тоже? Да, и я служу такой же сволочи, ничего не подѣлаешь, кончилось наше время»... Больше имъ сказать другъ

другу было нечего. Къ обоюдному ихъ облегченію, кондукторъ заоралъ: «Einsteigen!» Дипломатъ слабо засмѣялся, развелъ руками, показывая, что ничего нельзя сдѣлать, — видно, не судьба, — крѣпко пожалъ руку Тамарину, оглянулся на улыбавагося Кангарова и поспѣшно въ третій разъ произнесъ: «Gute Reise, Exzellenz»... Кангаровъ покосился на свиту: «хоть и смѣшно, что Exzellenz, а все-таки слышали?» — «Старые знакомые?» — полувопросительно сказалъ онъ, съ видомъ полного одобренія. Секретарь изучалъ дипломата, стараясь все запомнить: покрой пальто, перчатки, борты цилиндра. — «Какой смѣшной старый нѣмецъ!» — весело думала Надежда Ивановна. У Елены Васильевны былъ видъ Маріи Стюартъ въ сценѣ съ королевой Елизаветой.

V.

Въ назначенный для пріема день въ зданіи полномочнаго представительства было сильное волненіе. Затрудненія не прекращались до послѣдней минуты. Утромъ Вислиценусъ заявилъ, что представляться не поѣдетъ. — «Вы какъ угодно, а я дурака валять не желаю», — угрюмо сказалъ онъ послу. — «Но отчего же вы молчали до сихъ поръ!» — «Я думалъ, что вы сами догадаетесь». — «Я о вашихъ мысляхъ догадываться не могу, да и не желаю», — сухо сказалъ посолъ, — «повѣрьте, мнѣ такъ же мало хочется участвовать въ этой глупой церемоніи, какъ и вамъ. Но вы числитесь въ полпредствѣ, и я включилъ васъ въ списокъ. Ваше уклоненіе обратитъ на васъ особое вниманіе (онъ подчеркнул эти слова). По моему, это весьма нежелательно. Со всѣмъ тѣмъ поступайте какъ знаете, вамъ виднѣе»...

Вислиценусъ понималъ, что Кангаровъ правъ. «Вреть, конечно, что ему не хочется ѣхать... Но, разумѣется, это пустая формальность»... — «Нѣтъ, положительно, это не-

справедливо!» — смѣясь, сказала, встрѣтивъ его въ канцеляріи, Надежда Ивановна, — «я, кажется, не знаю что бы дала, чтобы на все это посмотрѣть, и меня не берутъ. А васъ просятъ честию, и вы отказываетесь! Да еще ставите амбассадера въ трудное положеніе... — «Пусть амбассадеръ скажетъ, что я боленъ», — отвѣтилъ нерѣшительно Вислиценусъ. Надежда Ивановна на него посмотрѣла. «Вотъ что! И ему хочется!..» — «А то поѣхали бы», — сказала она, — «я въ своихъ интересахъ говорю: безъ васъ никто толкомъ не разскажетъ, вѣдь они ничего не видятъ». — «Какая любопытная!..» — Надежда Ивановна побѣжала къ послу. — «Поговорите еще со старикомъ», — сказала она съ улыбкой (знала, что улыбка предательская), — «я увѣрена, что онъ поѣдетъ». Черезъ полчаса Кангаровъ, съ плохо скрываемымъ торжествомъ, сказалъ ей: «Согласился, красавецъ! Въ самомъ дѣлѣ только голову морочилъ: ахъ, я такъ дорожу своей бѣлоснѣжной революціонной ризой! Точно мнѣ доставляетъ удовольствіе имѣть дѣло съ придворной челядью. Но съ волками жить по волчьимъ выть»... «И вовсе они ужъ не такіе волки», — про себя подумала Надежда Ивановна, — «я на придворную челядь посмотрѣла бы...»

Съ двухъ часовъ дня секретарь почти не отходилъ отъ окна. Весь персоналъ посольства собрался въ примыкавшей къ вестибюлю гостиной перваго этажа. Въ ней немного пахло краской и нафталиномъ. Кангаровъ долго не показывался, у него происходилъ непріятный разговоръ съ женой. Елена Васильевна настаивала на томъ, чтобы быть представленной поскорѣе. — «Ты понимаешь однако, что это зависитъ не отъ меня», — сдерживаясь, сказалъ ей Кангаровъ, — «какъ у нихъ принято, такъ и будетъ»...

Въ гостиной настроеніе было шутливо-приподнятое. Особенно саркастически былъ настроенъ совѣтникъ, уже немолодой человѣкъ, котораго Вислиценусъ называлъ Базаровымъ. — «Вы, Надежда Ивановна, подъ Тургеневскую

дѣвушку, а тотъ гусь подѣ Базарова», — объяснилъ онъ какъ-то Надѣ. — «Это я подѣ Тургеневскую дѣвушку!» — искренно изумилась Надежда Ивановна. — «А то нешто нѣтъ?» — «Ради Бога, не говорите «нешто», вы не командармъ Тамаринъ. Теперь никто «нешто» не говорить. А я ни подѣ кого, я сама по себѣ»... Тонъ этого разговора показалъ Вислиценусу, что отношенія ихъ измѣнились — скорѣе къ лучшему, чѣмъ къ худшему, — и что онъ больше не Кропоткинъ. — «Амбассадеръ воспитителень», — сказалъ вполголоса Базаровъ, когда Кангаровъ появился въ гостиной. Полпредъ улыбнулся общему ихъ великолѣпію. — «Ничего не подѣлаешь, съ волками жить по волчьи выть», — повторилъ онъ. — «Мы просили этихъ господъ упростить ихъ церемоніаль, но у нихъ отъ ужаса чуть не сдѣлался родимчикъ. Я однако прошу», — сказалъ онъ строго, обращаясь преимущественно къ Базарову, — «все выполнять точно, безъ неумѣстныхъ шутокъ». — «Есть», — смиренно отвѣтилъ Базаровъ, — «есть»...

Секретарь у окна ахнулъ. Къ посольству подѣвхали три раззолоченныя кареты съ придворными лакеями. За ними слѣдовалъ конный конвой. «Фу ты, ну ты, ножки гнуты!» — сказалъ Базаровъ. Посолъ на него покосился и торопливо пошелъ навстрѣчу входившему въ вестибюль церемоніймейстеру. Это былъ очень старый, видимо съ трудомъ передвигавшійся человѣкъ угрюмаго вида. Онъ почти не улыбнулся въ отвѣтъ на улыбку Кангарова и не объяснилъ цѣли своего пріѣзда: ясно и безъ того. Кангаровъ сказалъ, что погода очень хороша; церемоніймейстеръ не выразилъ ни согласія, ни несогласія съ его мнѣніемъ. «Кажется, нѣмой изъ Портичи», — шепнулъ порусски Базаровъ. Секретарь слабо фыркнулъ и испугался, что фыркнулъ. На нихъ остановился строгій взглядъ посла, означавшій: «Да, кажется, старикъ глупъ какъ сивый меринъ, но это никакого отношенія къ дѣлу не имѣетъ: мы дипломаты». — «Мы можемъ ѣхать», — сказалъ

кратко церемоніймейстеръ. — «Разумѣется», — отвѣтилъ посоль и добавилъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ: «Allons, Messieurs»... «Messieurs» было чуть-чуть шутовское, но въ присутствіи этого раззолоченнаго старика говорить слово товарищи было почти невозможно. «Аллонъ-з-анфанъ де ля патри», — пробормоталъ Базаровъ.

На тротуарѣ уже собралась небольшая толпа. Увидѣвъ конный конвой, Кангаровъ поморщился, какъ бы говоря: «Зачѣмъ все это? Но если у нихъ такъ принято, то что-же дѣлать?..» Они размѣстились по каретамъ и поѣхали въ сопровожденіи конвоя. Въ первой каретѣ заняли мѣста посоль и церемоніймейстеръ, лицо котораго попрежнему ничего рѣшительно не выражало: съ одинаковымъ правомъ можно было бы предположить, что онъ везетъ жениха на вѣнчаніе или осужденнаго къ эшафоту. — «Какъ хороша ваша столица!» — сказалъ посоль, — «меня въ ней поражаетъ сочетаніе грандіозныхъ перспективъ съ какой-то уютностью»... — «Да», — сказалъ старикъ, видимо нисколько не считавшій необходимымъ поддерживать разговоръ: можно отлично и помолчать. Кангаровъ былъ нѣсколько озадаченъ и задѣтъ этимъ полнымъ отсутствіемъ любопытства и къ совѣтскому посольству, и къ сценѣ, которую онъ въ душѣ считалъ до извѣстной степени историческою: все-таки сталкиваются два міра. Впослѣдствіи онъ узналъ, что церемоніймейстеръ исполняетъ свои обязанности уже лѣтъ тридцать, что его и при дворѣ считаютъ слишкомъ старымъ, окостенѣвшимъ и недостаточно привѣтливымъ человекомъ, но смѣшать все же не хотятъ, именно потому, что онъ такъ долго занимаетъ должность, что онъ очень знатнаго рода и, главное, ничего другого дѣлать не умѣетъ. Старикъ церемоніймейстеръ за свою жизнь привезъ для представленія не менѣе двухсотъ посольствъ и делегацій; были среди нихъ и китайскія, и негритянскія, и индусскія; онъ съ одинаковымъ отсутствіемъ интереса и предупредительности привозилъ во дворецъ англійскихъ лордовъ и

малайскихъ князьковъ. Внѣшній видъ чиновъ совѣтскаго посольства не могъ особенно удивить его; вѣроятно, онъ не былъ бы очень пораженъ, если-бъ на Кангаровъ оказалась набедренная повязка съ колчаномъ для стрѣлъ. Еще меньше интересовало церемоніймейстера то, что этотъ посолъ представлялъ первую въ исторіи міра социалистическую республику. Кангаровъ невольно подчинился его настроенію и молчалъ всю дорогу. Отъ посольства до дворца было впрочемъ недалеко. Кареты замедлили ходъ, стало болѣе медленнымъ отчетливое цоканье копытъ конвоя, отворились огромныя раззолоченныя ворота. Они въѣхали во дворецъ.

Музыка заиграла «Интернаціональ». Отрядъ гвардейцевъ отдалъ честь. Кангаровъ, проходя, наудачу нерѣшительно приподнялъ цилиндръ. На подъѣздѣ стояло нѣсколько человѣкъ въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ. «Не разберешь, кто у нихъ придворный, кто лакей. Да это собственно одно и то же», — подумалъ Кангаровъ, стараясь защититься отъ робости учтивымъ презрѣніемъ. Онъ боялся сдѣлать какую-нибудь грубую ошибку. — «Въ концѣ концовъ, не все ли равно? Я себя за принца крови никогда не выдавалъ и не обязанъ знать ихъ идіотскій этикетъ»... Вислиценусъ поглядывалъ на него со злобной усмѣшкой. Въ огромномъ вестибюлѣ навстрѣчу имъ съ ласковой привѣтливой улыбкой шелъ очень красивый, представительный пожилой человѣкъ, тоже въ раззолоченномъ мундирѣ, съ жезломъ. Это былъ оберъ-гофмаршалъ.

— Я очень счастливъ, — сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку послу.

Завтракъ во дворцѣ прошелъ въ этотъ день непріятно. Король былъ человѣкъ современный и держался того взгляда, что по службѣ (онъ всегда полушутливо говорилъ о своей службѣ) поневолѣ приходится принимать всевозможныхъ людей, пожимать имъ руку и говорить

любезныя слова. Но у королевы, когда она вышла въ столовую, лицо было въ красныхъ пятнахъ. Она, очевидно, плакала, и король чувствовалъ себя смущеннымъ. На бѣду къ завтраку былъ приглашенъ престарѣлый принцъ, извѣстный своимъ тяжелымъ характеромъ, рѣзкостью рѣчи и обращенія: какъ старѣйшій членъ семьи, онъ не церемонился съ самимъ королемъ, котораго вдобавокъ недолюбливалъ.

Принцъ ненавидѣлъ все новое, отъ социалистическихъ кабинетовъ до коктейлей и грэпфрута, и былъ убѣжденъ, что настоящая жизнь была только до войны, а теперь весь міръ идетъ къ чорту. Въ этотъ день за завтракомъ онъ нарочно, безъ всякаго повода, все время говорилъ о русской царской семьѣ, о прежнихъ встрѣчахъ съ ней и о Екатеринбургскомъ преступленіи. Къ концу завтрака онъ, также безъ повода, спросилъ бывшаго въ числѣ приглашенныхъ министра иностранныхъ дѣлъ, правда ли, что этотъ господинъ (онъ не назвалъ господина, но всѣ сразу поняли, о комъ идетъ рѣчь) состоитъ членомъ главнаго комитета — или какъ это у нихъ называется? — по приказу котораго былъ убитъ императоръ Николай. Министръ очень сухо отвѣтилъ, что ему это неизвѣстно. Старый принцъ непріятно засмѣялся.

— Нашимъ газетамъ, — сказалъ онъ, — тоже, повидимому, ничего объ этомъ неизвѣстно. Но я читалъ въ «Фигаро»...

При этомъ принцъ радостно вспомнилъ, какъ однажды спросилъ Клемансо, что онъ думаетъ объ этомъ министрѣ. Старикъ отвѣтилъ: «J'ai le plus grand respect pour ses fonctions et la plus vive amitié pour lui. Mais avec toute l'admiration que je lui porte, je dois dire en toute sincérité que c'est un vieux c...» — Отъ Клемансо, каждый разъ какъ онъ открывалъ ротъ, всѣ съ наслажденіемъ ждали: что сейчасъ послѣдуетъ! Этотъ отвѣтъ привелъ принца въ совершенный восторгъ: онъ любилъ особенности французскаго языка и гордился тѣмъ, что все

отлично понимаетъ, — но такія слова слышалъ не часто.

— Какъ жаль, что вамъ это неизвѣстно, — сказалъ онъ и, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь, сообщилъ, что его покойный другъ и кузень Францъ-Іосифъ до конца своихъ дней не принималъ мексиканскаго посланника, такъ какъ въ Мексикѣ былъ разстрѣлянъ его братъ Максимиліанъ. — «Въ наше время», — добавилъ принцъ, — «все было по другому, и люди на многое смотрѣли совершенно иначе, чѣмъ теперь»... Это было не только непочтительно, но просто грубо. Однако принцъ, по своему возрасту, по установившейся за нимъ репутаціи и по тому, что онъ ни въ чемъ не зависѣлъ ни отъ короля, ни отъ правительства, ни отъ парламента, могъ себѣ позволить все.

Красныя пятна на лицѣ королевы обозначились еще сильнее. Оберъ-гофмаршалъ поспѣшно заговорилъ о нашумѣвшемъ матчѣ бокса и о необыкновенномъ искусствѣ оказавшагося побѣдителемъ чемпиона. Онъ былъ очень доволенъ завтракомъ: писалъ изо дня въ день мемуары, которые должны были появиться въ печати черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти; этотъ день обѣщалъ для мемуаровъ нѣсколько интересныхъ страницъ.

Старый принцъ и рассказъ о матчѣ выслушалъ недовѣрчиво: какіе теперь могли быть чемпионы? Джефрисъ или Фитцджеральдъ вывели бы ихъ изъ строя въ первомъ же раундѣ. Уѣзжая послѣ завтрака, онъ довольно громко попросилъ оберъ-гофмаршала всякій разъ предупреждать его, когда во дворецъ на пріемы будетъ приглашаться этотъ господинъ. Оберъ-гофмаршалъ съ улыбкой наклонилъ голову и закрылъ глаза. Онъ очень любилъ — хоть безъ всякаго благоговѣнія и даже безъ чрезвычайной почтительности — королевскую семью, сроднился съ ней, не позволяя себѣ осуждать дѣйствія короля и политикой къ тому же мало интересовался; однако ему казалось, что престарѣлый принцъ правъ: въ самомъ дѣлѣ что-то какъ будто измѣнилось въ мірѣ. Во всякомъ

случаѣ въ словахъ и поступкахъ принца была живописная стильность, подходившая для мемуаровъ какъ нельзя лучше.

Послѣ завтрака оберъ-гофмаршалъ ушелъ въ свои комнаты и отдохнулъ, съ улыбкой думая о старомъ принцѣ и о своихъ мемуарахъ. Ему было очень досадно, что они не появятся въ печати при его жизни. Кое-что онъ все же иногда, съ большимъ успѣхомъ, читалъ вслухъ въ тѣсномъ кругу надежныхъ друзей. Курия сигару, онъ затѣмъ поработалъ надъ своей коллекціей марокъ, собственно занимавшей теперь главное мѣсто въ его жизни. Женщины давно интересовали его лишь теоретически; онъ былъ богатъ и не слишкомъ честолюбивъ, — добился всѣхъ тѣхъ успѣховъ, которыхъ могъ и хотѣлъ добиться; свѣтскія развлечения ему смертельно надоѣли, — онъ часто повторялъ изреченіе, приписывавшееся то Пальмерстону, то какому-то французскому политическому дѣятелю: «*La vie serait très supportable sans les plaisirs*». Марками же онъ увлекался съ каждымъ днемъ все больше. У него были самыя восхитительныя вещи: и Багдадская розовая, на которой забыли выставить цѣну, и не выпущенная въ обращеніе лиловая американская въ 24 цента, и синія Тринидадская «Лэди Макъ-Леодъ» съ пятномъ въ верхнемъ лѣвомъ углу, и Британская Гвіана съ «*ratimus*» вместо «*retimus*», — не было, разумѣется, Британской Гвіаны 1856 года «*black on magenta, the famous error*»; о ней онъ только мечталъ въ безумныя минуты, и даже откладывалъ на нее по 5.000 долларовъ въ годъ изъ предназначенной для марокъ части своего бюджета. По случаю нынѣшняго пріема оберъ-гофмаршалъ заглянулъ съ пренебреженіемъ и въ совѣтскій отдѣлъ своей коллекции. Серія спартакиады у него была, но она была у всѣхъ филателистовъ его круга. «Развѣ попытаться достать черезъ этого господина, по приличной цѣнѣ, воздушную консульскую?» — нерѣшительно подумалъ

онъ. За воздушную консульскую съ него просили 1.500 долларовъ; зналъ, что отдадутъ и за 500, но она и пятьсотъ не стоила.

Поработавъ, онъ надѣлъ придворный мундиръ, взялъ высокій золоченый жезлъ (несмотря на долготѣнную привычку, ему всегда было немного совѣстно ходить съ жезломъ), заглянулъ въ пріемныя залы и, убѣдившись, что все въ порядкѣ, ровно въ три часа спустился въ вестибюль. Еще на лѣстницѣ онъ услышалъ звуки военного оркестра и догадался, что играютъ «Интернаціональ», — мелодія социалистическаго гимна была ему неизвѣстна. «Хорошо, что старикъ уѣхалъ: его отъ этой музыки разбилъ бы параличъ», — съ улыбкой подумалъ онъ.

Принявъ привычное ему выраженіе торжественной радости, оберъ-гофмаршалъ поздоровался съ Кангаровымъ и крѣпко пожалъ руку сопровождавшимъ его людямъ необычнаго во дворцѣ вида. Взглядъ его наткнулся на взглядъ Вислиценуса. «Этотъ больше похожъ на человека, чѣмъ другіе. Въ немъ есть стиль», — подумалъ онъ, почти какъ о старомъ принцѣ. — «Остальные хуже... У молодого видъ, какой можетъ быть у пингвина, который при первомъ своемъ полетѣ съ острова встрѣчаетъ въ морѣ «Норманди»... — Оберъ-гофмаршалъ съ удовольствіемъ занесъ свое сравненіе въ память для мемуаровъ. — «Этотъ старый шутъ съ золотой палкой теперь, вѣроятно, желалъ бы, послѣ рукопожатій съ его превосходительствомъ Кангаровымъ-Московскимъ и со всѣми нами, вспрыснуть руки одеколономъ. Но мнѣ онъ еще противнѣе, чѣмъ я ему», — думалъ Вислиценусъ, злобно оглядывая великолѣпныя залы, по которымъ ихъ вели. Оберъ-гофмаршалъ искоса бросилъ на него взглядъ, и чувство вѣжливой гадливости въ немъ ослабѣло. «Да, этотъ, кажется, настоящий», — подумалъ онъ, вводя посольство въ большую залу, въ которой на возвышеніи стояло подъ балдахиномъ раззолоченное шелковое крес-

ло. — «Тронь!» — блаженно прошепталъ рядомъ съ Вислиценусомъ молодой секретарь. Вислиценусъ посмотрѣлъ на него съ отвращеніемъ.

Почти незамѣтно, съ ласковой улыбкой, оберъ-гофмаршалъ разставилъ ихъ такъ, какъ имъ полагалось стоять (взглядъ его опять, съ легкимъ безпокойствомъ, задержался на Вислиценусѣ) и попросилъ у посла разрѣшенія покинуть его на одно мгновеніе. Къ Кангарову тотчасъ подошелъ сопровождавшій ихъ другой человѣкъ въ раззолоченномъ мундирѣ, дежурный камергеръ, и спросилъ, очень ли утомительна была ихъ поѣздка изъ Москвы. — «Утомительна? Ахъ, нѣтъ, нисколько! Нисколько не утомительна», — отвѣтилъ Кангаровъ немного тише, чѣмъ говорилъ камергеръ. Голосъ его чуть сорвался отъ волненія. Онъ что-то добавилъ еще, но не успѣлъ закончить фразу. Дверь залы отворилась настежь, чей-то громкій голосъ неестественно прокричалъ: «Его величество!..» Въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ, оберъ-гофмаршала и еще какихъ-то людей въ мундирахъ, въ залу вошелъ король. Посолъ и чины посольства отвѣсили низкій поклонъ, какъ ихъ учили въ Москвѣ. Вислиценусъ тоже наклонилъ голову, чувствуя знакомое стѣсненіе въ груди, — какъ будто приближался припадокъ астмы. «Стоило бы, хоть для того, чтобы сдѣлать имъ непріятность», — подумалъ онъ. Король поспѣшно направился къ послу и быстро, точно желая сразу отдѣлаться отъ самаго непріятнаго, крѣпко пожалъ ему руку.

Посолъ попросилъ разрѣшенія представить его величеству своихъ сотрудниковъ и назвалъ ихъ имена и должности. Кангаровъ овладѣлъ собой и называлъ имена даже нѣсколько громче, чѣмъ полагалось, — оберъ-гофмаршалъ только поглядывалъ на него съ пріятной усмѣшкой, которая могла сойти за хозяйскую улыбку. Король каждый разъ наклонялъ голову и произносилъ нѣсколько любезныхъ словъ, по существу однихъ и тѣхъ же, но безъ буквальныхъ повтореній. Руки онъ никому, кромѣ посла,

не подаль, — поздне Кангаровъ узналъ, что это считалось знакомъ неблагоклоннаго приѣма: король умышленно остался въ предѣлахъ обязательнаго минимума любезности.

Министръ иностранныхъ дѣлъ съ поклономъ вручилъ королю большой листъ бумаги. Король, занявшій мѣсто передъ серединой тронаго возвышенія, приготовился слушать рѣчь посла. Кангаровъ вынулъ изъ кармана свой листъ и принялся читать. Онъ предварительно разъ пять прорепетировалъ рѣчь и читалъ отчетливо и громко; удачно сошли даже самыя трудныя французскія слова, только французское *eu* напоминало русское *э*. Закончивъ чтеніе, довольный его внушительностью, онъ сдѣлалъ два шага впередъ, съ почтительнымъ поклономъ передалъ королю листъ и отступилъ назадъ на прежнее мѣсто. «Прямо маркизъ», — сказалъ про себя Вислиценусъ. Король съ минуту просматривалъ рѣчь посла, точно обдумывая, что бы на нее отвѣтить, затѣмъ отдалъ ее министру иностранныхъ дѣлъ и прочелъ свою рѣчь, менѣе внушительно, чѣмъ Кангаровъ. «Все-таки, и ему должно быть очень непріятно», — подумалъ утѣшенно Вислиценусъ, — «онъ тоже чувствуетъ себя оплеваннымъ»...

Все прошло гладко и торжественно. Въ обѣихъ рѣчахъ высказывалась горячая надежда на установленіе между обѣими странами самыхъ сердечныхъ дружественныхъ отношеній, отвѣчающихъ ихъ интересамъ, чувствамъ и намѣреньямъ, а также твердая увѣренность, что каждая изъ нихъ совершенно воздержится отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла другой. Министръ иностранныхъ дѣлъ слушалъ чрезвычайно внимательно, точно содержаніе рѣчей было ему совершенно неизвѣстно, — одну изъ нихъ онъ тщательно изучилъ, а другую самъ написалъ отъ перваго слова до послѣдняго. Кромѣ любопытства, лицо его еще выражало глубокое убѣжденіе въ томъ, что въ обѣихъ рѣчахъ каждое слово правда. Оберъ-гофмаршалъ былъ очень доволенъ — но почему-то рѣшилъ, что

не можетъ быть и рѣчи объ обращеніи къ послу по дѣлу «воздушной консульской».

Кангаровъ опять выступилъ впередъ, съ такимъ же поклономъ взялъ рѣчь, которую ему передалъ король, и, отступивъ, вручилъ ее Базарову, на котораго опять посмотрѣлъ строгимъ взглядомъ, говорившимъ: «Думать можете что угодно, и я съ вами въ душѣ, конечно, согласенъ, но извольте все дѣлать такъ, какъ было указано». Теперь должна была состояться наименѣе отвѣтственная, но самая трудная часть церемоніи. По этикету страны, посоль и его свита должны были отступить къ двери, не поворачиваясь спиной къ королю. «Какъ бы не наступить на кого-нибудь, не упасть», — промелькнуло въ головѣ у посла. Онъ озабоченно оглянулся, какъ фехтовальщикъ, передъ началомъ дуэли изучающій мѣсто боя, и опять со строгимъ видомъ сдѣлалъ знакъ персоналу: «что же дѣлать, если у нихъ такіе обычаи!...» — «Есть, слышали, продолѣаемъ и этотъ номерокъ», — смиренно-весело отвѣтило лицо Базарова. Оберъ-гофмаршалъ предвкушалъ наслажденіе: нѣтъ, эту главу непременно надо будетъ прочитать въ тѣсномъ кругу. Однако, къ большому его сожалѣнію, церемонія отступленія къ двери не состоялась: по разсѣянности ли или изъ желанія облегчить положеніе посольства, король слегка поклонился и, пожавъ руку послу, первый вышелъ изъ залы.

Министръ иностранныхъ дѣлъ подошелъ къ Кангарову и спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ въ ихъ странѣ. Сія улыбкой, какъ послѣ хорошо выдержаннаго экзамена, посоль отвѣтилъ, что чувствуетъ себя отлично. — «Очень нравится мнѣ ваша столица», — сказалъ онъ, — «въ ней всего лучше сочетаніе уютности съ грандіозной перспективой»... Ему захотѣлось добавить, что король показался ему прекраснѣйшимъ человекомъ; но онъ не сказалъ личеа лишняго и велъ себя достойно. Дежурный камергеръ сообщилъ послу, что его величество желалъ бы съ нимъ побесѣдовать отдѣльно съ глазу на

глазъ. Кангаровъ простился съ министромъ и поспѣшно пошелъ за дежурнымъ камергеромъ, больше не чувствуя никакого смущенія. «Онъ сейчасъ скажетъ: «Король Ивановичъ», — подумалъ Вислиценусъ.

Камергеръ проводилъ посла въ сосѣдную небольшую гостиную. Король сидѣлъ въ креслѣ и любезнымъ жестомъ пригласилъ Кангарова сѣсть. Этотъ дополнительный къ торжественному приему частный приемъ былъ всегда тягостенъ королю: онъ отъ природы былъ очень застѣчивъ. Обычно онъ заранѣе намѣчалъ тему для разговора съ иностранными послами: чаще всего спрашивалъ о здоровьи монарха, котораго представляло посольство, и членовъ его семьи, затѣмъ вспоминалъ и освѣдомлялся о людяхъ, извѣстныхъ ему въ столицѣ посла, или же въ благосклонныхъ выраженіяхъ отзывался о прежнемъ послѣ, предшественникѣ новаго. На все это уходило десять минутъ, — ровно столько, сколько требовалось. Политическихъ разговоровъ обычно можно было и не вести. Но Кангарова ни о чемъ здоровьи спрашивать, очевидно, не приходилось, предшественниковъ у него не было и общихъ знакомыхъ съ нимъ навѣрное не оказалось бы. Король заговорилъ о Москвѣ, — сказалъ, что въ молодости посѣтилъ ее и сохранилъ о ней самыя лучшія воспоминанія: это прекрасный городъ. — «Какъ хороша ваша столица, сирь!», — сказалъ посолъ, не безъ удовольствія произнося слово «сирь», — «меня очень въ ней поражаетъ грандіозная перспектива и вмѣстѣ съ ней какая-то уютность»... — «Я очень радъ, что она вамъ понравилась, господинъ посолъ. Надѣюсь, что вы будете въ ней себя чувствовать хорошо»... Король хотѣлъ было еще сказать нѣсколько словъ о необходимости установить самыя добрыя отношенія между обѣими странами и о томъ, что его правительство сдѣлаетъ для этого все возможное. Онъ даже началъ было фразу, но остановился и отверлъ глаза въ сторону. Совершенно неожиданно для себя самого, онъ вдругъ почувствовалъ, что продолжать аудіен-

цію не въ состояніи: можетъ выйти что-либо нехорошее, никогда съ нимъ не бывавшее. — «Да, я надѣюсь, что вы будете себя чувствовать у насъ отлично», — торопливо проговорилъ король и поднялся, хотъ вмѣсто полагавшихся десяти минутъ, прошло не болѣе трехъ. — «Очень былъ радъ васъ видѣть», — сказалъ онъ, подалъ руку Кангарову и поспѣшно вышелъ.

Ровно черезъ полминуты въ гостиную къ нѣскольکو озадаченному послу вошелъ оберъ-гофмаршалъ. Любезно занимая Кангарова разговоромъ, онъ проводилъ его въ гостиную, гдѣ посла ждали свита, министръ, дежурный камергеръ и мрачный церемоніймейстеръ. Секретарь озабоченно прошепталъ Кангарову: «Вы просили напомнить о визитахъ»... — «Ахъ, да», — сказалъ посолъ и обратился къ министру: «Я собираюсь въ ближайшіе дни начать визиты... Членамъ семьи его величества и членамъ правительства, правда? Не укажете ли вы намъ, въ какомъ именно порядкѣ слѣдовало бы завезти карточки?..» Министръ немного уклончиво общалъ прислать списокъ. «По-моему, онъ долженъ начать со старика», — весело подумалъ оберъ-гофмаршалъ, — «тотъ вполне способенъ приказать лакеямъ вышвырнуть его вонъ»... Мысль о фізіономіи стараго принца въ ту минуту, когда ему подадутъ карточку посла, привела оберъ-гофмаршала въ чрезвычайно радостное настроеніе. Онъ рѣшилъ сейчасъ же сѣсть за мемуары.

Совѣтникъ, секретарь и Вислиценусъ заняли свои мѣста во второй каретѣ. Базаровъ хохоталъ: «Ну и дурачье же!.. Однако, братишки, и мы съ вами хороши болваны!» — «Говорите за себя, товарищъ», — отвѣтилъ секретарь обиженно. Вислиценусъ смотрѣлъ на выстроившійся во дворѣ отрядъ гвардейцевъ и во всѣхъ подробностяхъ представлялъ себѣ, какъ сюда во дворецъ ворвется вооруженная толпа. «А можетъ быть, и не дождемся», — подумалъ онъ вслухъ. — «Какъ вы сказали, товарищъ?» — переспросилъ секретарь. — «Я сказалъ: «мед-

ленно прицѣлился онъ въ неподвижно стоявшаго Корнелиуса», — проговорилъ Вислиценусъ. Секретарь вытаращилъ глаза. Кареты выѣхали на площадь. «Да здравствуютъ совѣты!» — закричалъ вдругъ кто-то на тротуарѣ; еще нѣсколько голосовъ жидко повторило крикъ. Съ восторженнымъ ужасомъ — «демонстрація!» — секретарь откинулся на спинку сидѣнья: дипломаты въ демонстраціяхъ участія не принимаютъ. За каретами слышался пріятный, мягкій, все ускорявшійся топотъ коней конвоя.

VI.

Командармъ Тамаринъ пріѣхалъ въ Парижъ подъ вечеръ. Онъ никогда во Франціи не жилъ и зналъ ее гораздо хуже, чѣмъ Германію, въ которой служилъ и бывалъ въ продолжительныхъ командировкахъ. Въ послѣдній разъ посѣтилъ Парижъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, а до того былъ еще раза три; въ 1900 году, они съ женой совершили свадебное путешествіе на выставку. По случайности, онъ всегда попадалъ во Францію весной, въ ясную солнечную погоду, и отчасти поэтому въ немъ еще закрѣпилось то впечатлѣніе веселья, радости, беззаботной жизни и сплошного развлечения, которое, по вѣковой традиціи, связывалось съ Парижемъ у всѣхъ иностранцевъ, особенно у русскихъ. Теперь былъ холодный зимній вечеръ.

Онъ купилъ на вокзалѣ недорогого путеводителя и, стоя въ очереди у барьера въ таможенномъ сараѣ, просмотрѣлъ списокъ гостиницъ. Съ женой они жили въ «Отель де Бадъ», на бульварѣ, — гостиницъ повыше средняго разряда, но и не очень роскошной: богаты никогда не были. Въ послѣдній разъ, пріѣхавъ уже въ генеральскомъ чинѣ и зная, что центръ города передвинулся въ Елисейскія поля, остановился въ «Элизе-Паласъ». Въ путеводителѣ ни «Отель де Бадъ», ни «Элизе-Паласъ»

не было, и это было ему неприятно, точно и съ гостиницами ушелъ кусокъ жизни: ужъ въ Парижѣ-то ничто не должно было бы мѣняться, застой такъ застой. Ждали въ таможенѣ въ прежнія времена какъ будто не такъ долго, и чиновники были любезнѣе, и носильщики почтительнѣй. Онъ далъ носильщику три франка: что-жъ, прежнихъ тридцать копѣекъ, довольно, — тотъ едва поблагодарилъ.

— «Chauffeur, êtes-vous libre?», — спросилъ Тамаринъ; говорилъ по-французски какъ русскіе образованные дворяне его круга и поколѣнія: не очень хорошо, но гладко и бойко, — иногда даже позволялъ себѣ прежде разные «Oh, la-là!» и «Tu parles!», и «Et ta sœur!..» Нерѣшительно освѣдомился объ «Отель де Бадъ» и «Элизе-Паласъ». Шофферъ захохоталъ и тоже сказалъ — но иначе — «Oh, la-là!»: давно и въ поминѣ нѣтъ ни «Элизе-Паласъ», ни «Отель де Бадъ». Тамаринъ подумалъ, что все равно ему въ такихъ гостиницахъ и неудобно было бы останавливаться: государство пролетарское, да и не по карману: суточные ему полагались небольшія, а онъ еще хотѣлъ заказать костюмъ. Велѣлъ ѣхать въ Латинскій кварталъ: отъ этой части города осталось у него пріятное воспоминаніе. Остановился въ гостиницѣ, которая показалась ему не то, чтобы студенческой, но и не роскошной. Слуги внесли его чемоданъ въ комнату, приготовили ему ванну, говорили «Oui, Monsieur», «Monsieur désire?» — къ этому «Мосье» онъ все не могъ привыкнуть, — какъ будто не къ нему обращались. Въ ванной дали три полотенца и простыню. Онъ испытывалъ странное чувство, точно никогда не жилъ въ гостиницахъ. Надѣлъ свой второй штатскій костюмъ, лучший, не перелицованный, прослужившій всего три года, — заказалъ тогда, когда получилъ неожиданно гонораръ за второе изданіе своего труда: «Нѣкоторыя мысли о роли моторизованныхъ частей въ свѣтѣ современной тактики».

Затѣмъ надо было являться. Тамаринъ пробовалъ

разобрать по плану, какъ пройти пѣшкомъ или проѣхать въ автобусъ, но не разобралъ и рѣшилъ, что въ первые два-три дня придется тратиться на автомобили. Вышелъ на улицу все съ тѣмъ же страннымъ чувствомъ: въ Парижѣ!.. Изъ безчисленныхъ кофеенъ — что ни домъ, то кофейня — доносились гулъ, смѣхъ, музыка. «Да, здѣсь Г. П. У. нѣтъ. Не убивай, не грабь, не воруй, и тогда живи какъ хочешь. Вотъ это и есть буржуазная мораль» (онъ невольно теперь употреблялъ такія слова). Въ воздухѣ стоялъ тотъ же запахъ автомобильныхъ испареній, навсегда связавшійся въ его памяти съ Парижемъ. Движеніе стало еще болѣе чудовищнымъ: просто улицы не перейти. Замѣтилъ новое: гвозди въ мостовой, — не сразу догадался объ ихъ назначеніи: хорошо придумано. Исчезли лошади. Цилиндровъ совершенно не было видно: жаль, куда же они дѣлись? Что еще?.. Онъ взглянулъ на часы и подошелъ къ первому шоферу на стоянкѣ. — «Chauffeur, êtes-vous libre?» — спросилъ онъ и вдругъ, мгновенно, самъ почти не зная какъ понялъ, что это русскій и офицеръ, изъ тѣхъ!.. Чуть не отшатнулся было къ слѣдующему автомобилю, — «нѣтъ, неловко»... Тамаринъ указалъ невѣрный номеръ дома: не 79, а 59, и сѣлъ съ мучительно-тревожнымъ чувствомъ, точно сейчасъ что-то выплыветъ наружу. Не было никакихъ основаній думать, что этотъ незнакомый ему человѣкъ можетъ узнать его; да если-бъ и узналъ, то никакой бѣды не произошло бы. Однако чувство тревоги не покидало его всю дорогу. Выйдя изъ автомобиля, онъ поспѣшно расплатился и далъ на чай два франка; шоферъ, приподнявъ фуражку, съ чисто-русскимъ акцентомъ сказалъ: «Мерси боку, мосье»... Тамаринъ остановился у дома и при свѣтѣ фонаря, точно боялся ошибиться, долго всматривался въ номеръ, пока автомобиль не отѣхалъ. Затѣмъ, нервно подергиваясь, пошелъ дальше, къ 79-му номеру. «По возрасту, вѣрно, капитанъ или, быть можетъ, подполковникъ... Два франка начай: двугривенный, — «мерси бо-

ку, мосье»... Что-жъ, это честный трудъ... Но правы были мы, а не они»...

Приняли его очень любезно: поговорили немного о служебныхъ дѣлахъ, — видно, особой спѣшки не было, — немного о московскихъ новостяхъ, — осторожно и уклончиво съ обѣихъ сторонъ. Записали его адресъ, — противъ гостиницы никакихъ возраженій не послѣдовало. Дали совѣты, гдѣ и какъ лучше устроиться на продолжительное время, но ничего ему не навязывали, — онъ опасался, что навязжутъ, — и попросили «закаживать». Все было очень корректно, даже проводили до лѣстницы. «Нѣтъ, все-таки они здѣсь стали европейцами», — думалъ онъ, съ облегченіемъ выходя снова на улицу.

Въ свой кварталъ онъ вернулся пѣшкомъ: кое-какъ замѣтилъ дорогу и, къ нѣкоторому своему удовлетворенію, легко разыскалъ гостиницу. Однако подниматься не было смысла: что сейчасъ дѣлать въ номерѣ? Настроеніе у Тамарина стало очень хорошее. «Вотъ и привелъ Богъ снова побывать въ Парижѣ»... Онъ гулялъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ витрины, въ надписи, въ людей. «Да, хорошо живутъ»... Прошелъ по бульвару, узналъ Пантеонъ и обрадовался, что узналъ. «А то, значитъ, была Сорбонна, ну да, какъ же»... Справа чернѣлъ садъ. Онъ не могъ вспомнить, какой это садъ, но и садъ, довольно мрачный въ зимній вечеръ, очень ему понравился. Свернулъ раза два, большая прелесть была и въ старыхъ узенькихъ улицахъ. Пронесшійся автобусъ освѣтилъ на мгновенье своими огнями длинный узкій темный проходъ въ стѣнѣ стараго дома. Тамъ устроился старичекъ букинистъ. «Какъ хорошо!» — подумалъ Тамаринъ, — «и дому этому, вѣрно, лѣтъ двѣсти»... Хотѣлъ даже порыться въ книгахъ: книжные магазины уже были закрыты. «Нѣтъ, успѣется»... Багровымъ пламенемъ горѣло на стержнѣ одинокое огромное пенснэ, — не жалѣють свѣта. У аптекарскаго магазина на стойкѣ были выставлены тысячи разныхъ баночекъ, коробочекъ, скля-

нокъ, футляровъ, — чего только у нихъ нѣтъ! Въ витринѣ винной лавки стояло ужъ никакъ не менѣе сотни бутылокъ разной формы, глиняныхъ сосудовъ, кувшинчиковъ, — какъ хорошо, съ какимъ вкусомъ подано! На ободранной стѣнѣ, подъ фонаремъ, висѣло нѣсколько огромныхъ афишъ. «Non, tout de même!..», — значилось огромными буквами на одной. «En prison les bandits!» — орала другая. Всѣ честные люди, еще не окончательно потерявшіе совѣсть, призывались на большой митингъ, на которомъ, въ числѣ другихъ ораторовъ, долженъ былъ выступить съ протестомъ противъ возмутительныхъ дѣйствій чилийскаго правительства знаменитый писатель Луи-Этьеннъ Вермандуа (его имя было выдѣлено въ особую строчку). Тамаринъ читалъ съ нѣкоторымъ испугомъ — ничего не зная о возмутительныхъ дѣйствіяхъ чилийскаго правительства — и, дочитавъ почти до конца, увидѣлъ, что подпись была коммунистической партіи. — «Тьфу! Стоило пріѣзжать!..»

На широкой улицѣ открылась сіявшая разноцвѣтными огнями кофейня. Закрытая терраса съ жаровней — этого, кажется, тоже не было прежде: какъ умно! — была переполнена людьми. На стойкѣ у входа, въ плетеныхъ корзинахъ, лежали груды устрицъ, раковинъ, какихъ-то морскихъ чудовищъ. «Clams», «Claires extra», «Armoricaïnes», «Oursins», — читалъ Тамаринъ, — «и слова какія пріятныя!». Онъ почувствовалъ аппетитъ, взглянулъ въ вывѣшенную карту, и въ глазахъ замелькало отъ разныхъ «Sole au Chablis», «Rognon de veau flam-bé à l'Armagnac», «Pied de Porc Ste Menehould», «Faisan cocotte aux truffes»... Нерѣшительно посмотрѣлъ на цѣны: хорошо пообѣдать влетитъ франковъ въ сорокъ, а то и въ пятьдесятъ. Онъ мысленно подсчиталъ расходы за день: завтракъ въ вагонъ-ресторантъ, носильщикъ, автомобили, — много ушло денегъ. «Ну, да это первый день, дорога, можно и выйти изъ суточныхъ».

Зашелъ въ кофейню: дивно! Вѣроятно, если-бы въ

прежнія времена въ Петербургѣ или Москвѣ открылось подобное заведеніе, Тамаринъ пришелъ бы въ ужась. Стѣны были трехъ оттѣнковъ желтаго цвѣта, съ неровными несимметричными зеркалами, съ чѣмъ-то зеленымъ въ нишахъ. Главная задача декоратора, очевидно, заключалась въ томъ, чтобы никакъ нельзя было догадаться, откуда падаетъ свѣтъ. Поэтому лампы тщательно скрывались, а тамъ, гдѣ были видны, походили на тарелки для супа, на сосуды для проявленія фотографій или на оранжевыя крышки. Впрочемъ, наряду съ этимъ прячущимся стыдливымъ свѣтомъ, вызывающе играли красными, фіолетовыми, зелеными огнями другія лампы въ формѣ длинныхъ стеклянныхъ трубъ: эти, очевидно, единственной цѣлью могли имѣть порчу зрѣнія людямъ. Въ-сто потолка былъ куполь святого Петра. Кофейня была переполнена такъ, что едва можно было протолкаться. «Кажется, наверху есть мѣста», — подумалъ Тамаринъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ, каждая ступенька которой твердила непонятное слово: пергола, пергола, пергола... «Ну ладно, слышалъ, что пергола», — примирительно подумалъ онъ и занялъ мѣсто у перилъ открывшагося въ первый этажъ провала.

Лакей въ бѣлой курткѣ подбѣжалъ къ столику: сбоку вспыхнули двѣ параллельно насаженные на вертикальный стержень суповыя тарелки и, мило выдѣляясь, зажглась на столикѣ маленькая лампочка подъ абажуромъ, ни за что другое себя не выдававшая. «Ахъ, какъ хорошо!» — подумалъ Тамаринъ: въ этой смиренной, не притворявшейся, лампочкѣ была особая прелесть. Подбѣжала дико разодѣтая женщина — не то албанка, не то мексиканка — и отобрала у него пальто и шляпу. Подбѣжалъ мальчикъ въ зеленомъ мундирѣ и предложилъ газеты. Подошелъ болѣе солидный, чрезвычайно предупредительный человекъ въ обыкновенномъ черномъ костюмѣ, отодвинулъ столъ и подаль двѣ карты. Мѣсто было не очень удобное: у стойки, — «ничего, отлично»... Дама, обѣдав-

шая съ молодымъ человѣкомъ за сосѣднимъ столикомъ, бѣгло окинула взоромъ Тамарина. «Хорошенькая»...

Онъ заглянулъ внизъ, въ провалъ. «Господи! Ни одного свободнаго мѣста! А говорятъ, гибнуть отъ кризиса. Нѣтъ, кажется, капитализмъ еще поживетъ... Прежде все-таки было элегантнѣе... Хорошенькихъ у насъ, пожалуй, больше, но гдѣ же! не та культура!..» Дамы всѣ были въ мѣхахъ. «У которой одна чернобурая лисица, у которой двѣ. Это у нихъ какъ у комдива два ромба, а у комкора три... А вотъ эта цѣлый командармъ: пелеринка изъ лисицъ! четыре ромба!..» Ему было весело. Все вызывало у него восхищеніе: дамы, буржуазная культура, фрески, изображавшія голыхъ женщинъ со змѣями, — «что-жъ, кто знаетъ, можетъ, и это очень хорошо?», — омары, яркимъ, нагло-красивымъ пятномъ выдѣлявшіеся на низкомъ бѣлоснѣжномъ столикѣ, и то, что на стойкѣ рядомъ съ нимъ однихъ сортовъ горчицы было не менѣе десяти, и то, что сосѣдямъ подавали на блюдѣ что-то горѣвшее блѣдно-синимъ пламенемъ, и то, что у нихъ на столѣ одна бутылка стояла въ ведеркѣ, а другая лежала въ продолговатой корзинѣ.

Обѣдъ онъ заказалъ не гастрономическій, хоть когда-то зналъ толкъ въ ѣдѣ. Отъ непривычки разбѣгались глаза. Вина спросилъ лишь полбутылки, съ неизвѣстнымъ ему названіемъ: шавиньоль. Никогда не пилъ много. Вино было хорошее, а ѣда, коктейль изъ устрицъ, какой-то Navarin de Homard, почки, были прямо превосходны: двадцать лѣтъ такъ не обѣдалъ! Тамаринъ не голодалъ въ послѣднее время и въ Москвѣ, — «но развѣ тамъ теперь знаютъ эти блюда и эти слова? Отъ однихъ названий появляется аппетитъ. Право, почти какъ у Донона или въ «Прагѣ» когда-то...» Заиграла музыка: попури изъ «Карменъ». Тамаринъ засмѣялся отъ радости, услышавъ знакомыя съ дѣтства мелодіи. Онъ пожалѣлъ, что не спросилъ хереса: «Папà, царство Небесное, всегда пилъ

хересь, какъ столовое вино... Но въ Парижѣ надо пить французскія вина...»

На аріи торреадора настроеніе у него измѣнилось. Вокругъ него люди, кто, какъ умѣлъ, подпѣвали оркестру, — точно всѣ гордились, что знаютъ эту арію, — и всѣ съ необычайной энергіей, раскачиваясь, пѣли одно слово: «Тор-ре-адо-оръ»... Почему-то Тамаринъ опять вспомнилъ о встрѣчѣ съ дипломатомъ на берлинскомъ вокзалѣ: это воспоминаніе непріятно беспокоило его всю дорогу. Вспомнилъ балъ у чарующаго любезностию Вильгельма, охоту въ какомъ-то замкѣ съ труднымъ названіемъ, подумалъ объ артисткѣ, съ которой когда-то познакомилъ его этотъ дипломатъ: съ ней весело прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Это было тридцать пять лѣтъ тому назадъ, — нѣтъ, больше...

Потомъ мысли его перешли къ женѣ: ихъ бракъ былъ несчастливъ, главнымъ образомъ по его винѣ, — а тогда ему казалось, будто онъ кругомъ правъ. «Такъ и не поняли другъ друга до конца... Яковлевъ отлично это пѣлъ, лучше всѣхъ торреадоровъ, мы съ ней были на его бенефисѣ»... Онъ съ совершенной ясностью вспомнилъ тотъ вечеръ, залъ Марінскаго театра, непріятный разговоръ на извозчикѣ, потомъ нелѣпую, начавшуюся съ игры Фигнера, тяжелую ссору. «Я ей сказалъ... Нѣтъ, незачѣмъ вспоминать»... Оркестръ заигралъ увертюру четвертаго дѣйствія. Молодой человѣкъ за сосѣднимъ столомъ потушилъ лампочку и снова зажегъ ее, по требованію дамы, ударившей его по рукѣ. «Такая лампочка у насъ стояла на піанино, въ диванной»... Вспомнилъ во всѣхъ подробностяхъ эту небольшую комнату, оклеенную коричневыми подъ кожу обоями, лампу на кружевной салфеточкѣ: «Больше всего на свѣтѣ боялись поцарапать лакъ на піанино!» Въ диванной и произошла та ссора. Хотѣлъ разойтись, развестись. Она грозила покончить съ собой... Стоило ли ссориться? Гдѣ она теперь? Кромѣ меня, и не помнить никто, а когда и я умру, то не останется ничего,

вотъ какъ отъ салфеточки, отъ тѣхъ коричневыхъ обоевъ или отъ съѣденнаго коктейля изъ устриць...» Ему стало страшно. Въ этой кофейнѣ, гдѣ находилось нѣсколько сотъ весело настроенныхъ людей, онъ внезапно почувствовалъ себя какъ въ пустынѣ: никого, ничего, ни души! Командармъ второго ранга на службѣ у міровой социалистической революціи... Пергола. пергола, пергола... Какъ же это случилось? Какъ все это могло быть? Зачѣмъ былъ этотъ вздоръ? Не только этотъ, а весь вздоръ? Почему такъ странно сложилась жизнь, теперь уже вѣрно подходящая къ концу? Все пергола... «Та-ра, та-ра», — подпѣвала первой фразѣ увертюры много выпившая дама. Онъ хотѣлъ было встать и уйти, но подумалъ, что съ этими мыслями никогда не заснетъ на новомъ мѣстѣ: отъ нихъ и въ Москвѣ, дома, гдѣ стѣны помогаютъ, спасали только работа, упорная работа. «Что же дѣлать?» — думалъ онъ, съ трудомъ справляясь съ дыханіемъ. — «Зачѣмъ было все это? Да, поцарапали лакъ на піанино»... Музыка оборвалась, послышались рукоплесканья, снизу поднялся гулъ голосовъ, какъ будто всѣ себя вознаграждали за отнятое у болтовни время. — «Я люблю только хорошую музыку», — говорилъ молодой человѣкъ, — «а если кто играетъ плохо, то лучше бы не игралъ совсѣмъ... Я самъ играю очень хорошо, правда?» — «Ну да, конечно... Вы стали нахаломъ, Жюль», — отвѣчала, заливаясь смѣхомъ, дама.

М. Алдановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книга о счастьѣ

Часть третья *).

I.

Уже не ложная, но настоящая, свирѣлая весна ломилась въ городъ, и на тотъ мокрый декабрь, больше года тому назадъ, декабрь похоронъ Александра Альбертовича, приѣзда изъ Ниццы Лизи, разрушенія нелѣпой, пыльной квартиры, весна эта не была похожа. На седьмомъ этажѣ большого дома, смотрѣвшаго куда-то за городъ, въ зелень и даль, въ низкой, большой комнатѣ съ бѣлыми обоями, мебелированной немногочисленными, но какими-то блестящими, совсѣмъ еще не обжитыми предметами, въ часъ, когда солнце встаетъ надъ землей, но его еще не видно надъ домами, Вѣра проснулась, не шелохнувшись открыла глаза и почувствовала приливъ такого невыразимаго, такого летучаго, такого остраго счастья, что продолжая лежать, не двигаясь, не мигая и даже не отводя глазъ отъ голубого, ничѣмъ не занавѣшаннаго окна, она постаралась удержать это мгновеніе, продлить его. И это удалось ей: минуту, двѣ (она потомъ старалась вспомнить: не цѣлыхъ ли три?) продолжалось это чудовищное, съ дѣтства не возвращавшееся, теперь не совсѣмъ уже то самое, ощущеніе, кончавшееся въ сердцѣ воображаемой, но все-таки отчетливой судорогой. Отъ этого вздрога когда-то, въ деревенскомъ домѣ въ Окуловкѣ, вздрагивала ея дѣтская кровать, и Богъ на плюшевой подкладкѣ, подвѣшенный къ кроватной шишкѣ, вздрагивалъ тоже. Сейчас не было ни Окуловки, ни кроватной шишки, ни даже Бога,

*) См. «Созр. Зап.» кн. 59 и 60.

она была одна. Она — и время, текучее, дѣлающее ее смертной или бессмертной... не все ли равно? И тѣмъ именно были такъ блаженны эти двѣ-три (можетъ быть, — четыре?) минуты, что все внутри нея, размягченное, разслабленное сномъ, вдругъ спокойно и внимательно посмотрѣло куда-то, въ ту сторону, гдѣ какъ будто раньше не было ничего, посмотрѣло и увидѣло ту же жизнь, какая была и въ ней, то же теченіе, и увидѣвъ, соединилось съ чѣмъ-то въ душащей радости, — не съ зеркальнымъ своимъ отраженіемъ, когда то мечтавшимся, а со всей вселенной, съ встающимъ солнцемъ, съ кричащими птицами, со всѣмъ, чему нѣтъ и не можетъ быть конца. И въ это почти нестерпимое мгновеніе — потому что, конечно, это было всего одно мгновеніе, а о минутахъ она придумала потомъ — она почувствовала, что время не течетъ сквозь нее, но что она-то и есть само это время, она вмѣстѣ съ солнцемъ, птицами и вселенной. И все, что будетъ съ ней завтра и послѣ, уже заложено въ ней а вовсе не придетъ извнѣ. И вотъ она есть, она живетъ — и будетъ жить послѣ, потому что ей нѣтъ конца, а можетъ быть это послѣ уже наступило?.. Тутъ она опять заснула, и проснулась поздно, вскочила, вспомнила торжественныя свои мысли на разсвѣтѣ, вспомнила, что здорова, свободна, молода, что ничего не жалко, что всего хочется и распахнула окно, и пошла, пошла мысленно шагать по сизымъ крышамъ, по дали, по зелени, по небу, пока не увялось подъ горломъ клекотаніе безпричиннаго счастья.

Наканунѣ днѣмъ она вернулась въ Парижъ. Полтора года тому назадъ увезла ее отсюда Лизи — тѣмъ самымъ мокрымъ декабремъ. Лизи она тогда вызвала телеграммой изъ Ниццы, къ похронамъ; Лизи была вдова брата Александра Альбертовича, и кромѣ Лизи у Вѣры не было никого. Она пріѣхала въ полномъ траурномъ облаченіи, очень шедшемъ ея крашенымъ волосамъ, легкимъ, какъ шелкъ, ея миловидному лицу, на которомъ отпечатался слѣдъ кружевомъ обшитой дорожной подушечки. До это-

го Вѣра видѣла ее всего разъ. «Я васъ дублу», — почему-то нравилось говорить Лизи всѣмъ и каждому: по русски она знала всего нѣсколько словъ. «Я васъ дублу», — сказала она когда-то и Вѣрѣ. Къ похоронамъ Александра Альбертовича она прѣехала озабоченная, но по прежнему нарядная и такая уютная, мягкая, шелковая, душистая, вся въ какихъ-то черныхъ перышкахъ и стрѣлочкахъ, что Вѣра обрадовалась ей. Лизи все знала, что нужно дѣлать, и сколько дать на кладбищѣ на чай, и куда положить листъ, на которомъ должны расписаться проходящіе. И когда все было кончено, она сказала Вѣрѣ, чтобы та не стѣснялась и выпалась, и Вѣра легла и спала четверо сутокъ, — просыпаясь каждый день передъ вечеромъ, и Лизи сейчасъ же приносила ей кофе съ булочками и уговаривала спать дальше.

Когда на пятый день Вѣра встала, она поняла, что начинается что-то совсѣмъ новое, а когда Лизи объявила ей, что отъ квартиры она отказалась, мебель продала, Людмилу отпустила и везетъ Вѣру въ Ниццу, ей показалось, что тутъ хорошо бы начать противорѣчить. Лизи рѣшила все удивительно быстро, она сняла маленькую квартиру на окраинѣ Парижа: одна комната — мнѣ, другая — тебѣ, если мы захотимъ когда нибудь вернуться... Была куплена мебель: изъ стараго ничего нельзя было взять, все было такъ громоздко, такъ неудобно. Лизи сменила по магазинамъ, на домъ приносились картонки, папироски курились одна за другой, какіе-то приходили друзья — Вѣра съ удивленіемъ замѣтила, что большая часть знакомыхъ у Лизи русскіе.

Но прошло двѣ недѣли и Лизи стала совсѣмъ родной. Ни о чемъ не думать было тогда Вѣрѣ очень пріятно. «Слушай, — сказала она однажды, — спасибо тебѣ за все, за все. И поѣдемъ вмѣстѣ, и будемъ вмѣстѣ жить, но цѣль у меня — быть отъ тебя независимой, и я вернусь сюда, и выдумаю, что мнѣ дальше дѣлать».

— Хорошо, хорошо, — замахала на нее Лизи руками.

— Не будемъ ничего рѣшать. Лучше скажи мнѣ, кто это, и куда ему посылать благодарственное письмо?

На столѣ лежала стопка траурныхъ конвертовъ и листъ съ подписями, бывшихъ на похоронахъ. Удивительно, какъ Лизи все умѣла устроить.

На листѣ было подписей двадцать. Да, двадцать чело-вѣкъ пришло проститься съ Александромъ Альертовичемъ. Была тутъ и Людмила, и докторъ, и старая актриса, жившая внизу, и нѣсколько французовъ — знакомыхъ Лизи и ея Жанъ-Клода, и съ десятокъ русскихъ фамилій. Постепенно разобрали всѣхъ, и послѣ этого разбора осталось одно невѣдомое имя, которое онѣ съ трудомъ прочли: Дашковский. Кто такой былъ этотъ Дашковский, гдѣ жилъ и какъ выглядѣлъ, ни Вѣра ни Лизи не знали.

— Я никогда не слышала такой фамиліи, — сказала Вѣра. Лизи подумала, поерошила свои завитки...

За тотъ мѣсяцъ, что онѣ готовились къ отъѣзду, Вѣрой было получено такъ много писемъ, какъ никогда въ жизни. Сама она писала домой рѣдко и мало, но тутъ пришлось написать, и въ отвѣтъ пришло нѣсколько конвертовъ: отъ отца, отъ матери, отъ Шурки Вѣнцовой, отъ Полины Адлеръ изъ Берлина. Когда Вѣра пересчитывала ихъ одно за другимъ, то отъ словъ «дорогая Вѣра», «милая Вѣрка», «родная моя Вѣрочка» ей начинало казаться, что гремитъ какой-то хоръ, и дѣлалось почему-то неловко.

Полина Адлеръ звала въ Берлинъ — погостить, развлечься; Шурка Вѣнцова требовала немедленнаго возвращенія въ Петербургъ, и только родители не звали ее. Почему? Съ нѣкоторыхъ поръ зданіе на улицѣ Гренелль населилось новыми людьми, можно было пойти туда, справить свои бумаги. Но родители словно боялись, что она вздумаетъ это сдѣлать. И такъ это и осталось.

Бывало, Вѣра долго молча смотрѣла въ лицо Лизи, въ румяное, круглое ея лицо, и все въ Лизи ей нравилось, а главное то, что Лизи никогда не трогала того, что лежало на днѣ отношеній ея съ Вѣрой, на днѣ ея пріѣзда въ

Парижъ. Отгустивъ, отхлопотавъ въ первую недѣлю, она спокойно и съ тихимъ весельемъ пользовалась своимъ здѣсь пребываніемъ, не стыдясь того, что ей нисколько не грустно, не казня себя за свой легкомысленный характеръ и стараясь присутствіемъ своимъ не понуждать Вѣру вести себя такъ, а не иначе. И не все ли равно было, что она думаетъ о Вѣрѣ («Дурочка, у нея кажется и въ самомъ дѣлѣ не было любовника?»), — безъ лицемѣрія, безъ насилія она была рядомъ съ ней. И Вѣрѣ она нравилась все больше, и нравится начала эта жизнь, куда увлекала ее Лизи — на время, на время, а тамъ посмотримъ. И нравится началъ этотъ рядъ раскрытыхъ сундуковъ, куда Лизи роняла пепелъ своихъ папиросокъ, танцую въ золотыхъ, безъ задниковъ, туфелькахъ по комнатамъ, даря приходившей помогать Людмилѣ свои прелестныя платья, вышедшія изъ моды десять лѣтъ тому назадъ. А отъ Вѣры въ это время, наставивъ паруса, надувъ туманныя полотнища, уходили воспоминанія, уходили послѣдніе годы, дни и ночи, дыханіе, голосъ Александра Альбертовича; какимъ-то сладкимъ, живымъ, непростительнымъ миромъ заливала ей сердце эта новая жизнь; и ей нравились русскіе знакомые Лизи: другъ покойнаго Жанъ-Клода, баронъ Н., съ которымъ Лизи была на ты, младшій Масленниковъ, прогоравшій на театральной антрепризѣ; поденно работавшій въ ресторанѣ Лукашевичъ, и жена его, шившая корсеты. «Я васъ лублу», — всѣмъ имъ говорила Лизи. «Я васъ лублу!» — прокричала она имъ въ окошко вагона и залилась смѣхомъ, и Вѣра, улыбаясь, махала сбоку перчаткой, пока не исчезъ изъ виду послѣдній провожавшій — высоченный, лысый, остроголовый Лукашевичъ.

Теперь она снова была въ Парижѣ. И не все, что произошло съ ней за эти полтора года было хорошо, не все хотѣлось ей вспоминать. Но развѣ нужно возвращаться мыслями назадъ, если она рѣшила вообще никогда не возвращаться назадъ, если она не возвращается въ Россію,

и не было у нея чловѣка, къ которому она могла бы вернуться — они уходили, они умирали, они исчезали. Можетъ быть, въ старости — если вообще будетъ старость — она захочетъ вспомнить что-нибудь изъ этой однообразной, и пестрой, и празднои Ниццы, но не сейчасъ. Продолжается кругосвѣтное, а кто же въ кругосвѣтномъ вспоминаетъ что-нибудь, кромѣ дня отплытія? Ея день отплытія это Саминъ плашкоутъ, обитый зеленымъ мокетомъ, подъ часами въ классной, старый адлеровскій диванъ...

И Парижъ не былъ для нея возвращеніемъ. Далеко-далеко отъ того дома, гдѣ жилъ и умеръ вельможа XVIII вѣка, была она сейчасъ, и все было другое: это утро, это одиночество, свобода, крѣпкій, счастливый эгоизмъ, какіе-то планы на осень, какіе-то экзамены, къ которымъ она будетъ готовиться. Она вскочила, рѣшительно перерыла чемоданъ, достала блокнотъ. «Милая Лизи. Еще разъ спасибо. Все нашла въ полномъ порядкѣ и въ сильнѣйшемъ нафталинѣ. Твою комнату я заперла и пользоваться ею не буду. Клянися всѣмъ. Особенно Федѣ и дѣвочкамъ. А про К. ничего мнѣ не пиши и моего адреса ему не давай...»

Это было ниццское наслѣдство, звучавшее загадочно, но обѣимъ имъ понятно, грозившее завтра-же, или нынче ночью разсыпаться въ воспоминанія трухой. Оно на послѣдокъ еще волновало Вѣру чѣмъ-то мутнымъ, и отрывалось навсегда. И письмо ея было путанное — послѣдній слѣдъ полутораговой путанной жизни. Въ этой жизни мелькнула: жажда одного, беззаботно и наспѣхъ утоленная съ другимъ, — немножко прѣсная случайность, игра, имѣвшая обманчивый привкусъ постоянства. И такая защищенность отъ всего большого, настоящаго, что какъ только потянуло чѣмъ-то похожимъ на сложность, Вѣра уѣхала. И вотъ клокочетъ сердце отъ этого пробужденія, отъ наступающаго дня, отъ собственной рѣшимости, отъ солнца, блистающаго надъ Парижемъ, отъ того, что безъ передышки, безъ передышки она продолжаетъ шагать по крышамъ.

II.

Спустя недѣлю по возвращеніи Вѣры въ Парижъ, у входной двери раздался звонокъ. Былъ вѣтрѣный день, окна въ комнатѣ и на кухнѣ были раскрыты настежь, по вѣтру летали какія-то бумаги, на плитѣ шипѣла яичница изъ четырехъ яицъ.

Вѣра собиралась завтракать, рѣзала хлѣбъ пилой и съ пилой въ рукѣ пошла къ дверямъ. Человѣкъ, оказавшійся передъ нею, совершенно ей незнакомый, стоялъ и улыбался.

Изъ кухни вылетѣли, гонимые новымъ сквознякомъ, листъ старой газеты, пергаментъ изъ-подъ сыра, какой-то конвертъ... Человѣкъ шагнулъ въ прихожую, за нимъ грохнула дверь; онъ поймалъ конвертъ налету, все улыбаясь, подавъ его Вѣрѣ, быстро бросилъ взглядъ на пилу, которую она не опускала, и сказалъ, снимая шляпу:

— Здравствуйте, Вѣра Юрьевна, наконецъ-то я васъ нашелъ.

Онъ былъ невысокъ, худощавъ, опрятно одѣтъ. Ему было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Онъ носилъ сѣдую щеточку усовъ и похожіе на эти усы — густые, сѣдые, подстриженные брови. Карими, живыми, слишкомъ живыми отъ волненія глазами онъ смотрѣлъ Вѣрѣ въ лицо, и улыбка его — въ которой блестѣли еще очень хорошіе зубы — тоже была просто слѣдствіемъ большого волненія.

Вѣра отступила немного, пристально глядя на него.

— Я — Дашковский. А вы всегда къ незнакомымъ гостямъ съ ножомъ выходите?.. Боже мой, наконецъ-то! И гдѣ вы столько времени пропадали? Дайте на васъ взглянуть хорошенько, хорошенько, — онъ слегка картавилъ, и самъ, цѣлуя руку на ходу, велъ ее въ комнату, къ окну, къ свѣту. — Вамъ смѣшно? Старый дуракъ явился.. вы не догадываетесь, зачѣмъ? Да чтобы увидѣть васъ, только и всего. Ахъ, какъ вы на нее похожи!

Онъ круто повернулся спиной, что-то быстро стеръ съ лица платкомъ, и съ размаху сѣлъ на стулъ.

И только тогда Вѣра сказала: «садитесь».

— Завтракайте, пожалуйста, завтракайте, я тоже буду, чтобы васъ не стѣснять, — и онъ сейчасъ же схватилъ корочку хлѣба, посолилъ ее и сталъ старательно жевать. — Очень вкусно. — И тутъ онъ внезапно смолкъ, и когда снова заговорилъ, то уже совершенно иначе: — Послѣ похоронъ я зашелъ на вашу старую квартиру, мнѣ дали этотъ адресъ. Разъ въ мѣсяцъ я приходилъ сюда, я былъ здѣсь четырнадцать разъ. Сегодня мнѣ сказали внизу, что вы вернулись.

— Я закрою окно, — сказала Вѣра, — вы навѣрное боитесь такихъ сумасшедшихъ сквозняковъ, когда все хлопаетъ.

«У меня вчера былъ одинъ изъ твоихъ бывшихъ жениховъ, — писала Вѣра матери на слѣдующій день, — ихъ вѣдь кажется было четверо? Этотъ велѣлъ мнѣ распустить волосы и причесаться такъ, какъ ты когда-то причесывалась. Онъ много ахалъ, ходилъ вокругъ меня, подъ конецъ разстроился ужасно, трогалъ мое лицо, и такъ надоѣлъ мнѣ съ волосами, что я нынче утромъ пошла къ парикмахеру и остриглась (благо теперь это модно). Онъ сидѣлъ очень долго, рассказывалъ безъ конца. Чѣмъ онъ сейчасъ занимается — не могу тебѣ сказать, кажется — въ газетахъ пишетъ. Должна объявить откровенно: ты была совершенно права, папа гораздо интереснѣе... Подождемъ, не явятся ли за этимъ другіе...»

На самомъ дѣлѣ все было не совсѣмъ такъ.

— Проходятъ годы, — говорилъ Дашковскій и ѣлъ яблоко, котораго ѣсть ему совсѣмъ не хотѣлось, — и мы начинаемъ даже находить сладость въ небывшемъ, или какъ тамъ, у Лермонтова? Мы начинаемъ обходить препятствія, не брать ихъ; мы даже избѣгаемъ иногда высказать искры, хотя и знаемъ, что это занятіе превосходное, — а все оттого, что мы сыты, мы устали, мы стары. Про-

ходятъ годы и мы научаемся говорить: могло быть да не случилось (про себя думая: и слава Богу!). И въ томъ, что чего то не было, мы начинаемъ находить прелесть.

Но въ молодости развѣ можно это понять? Вѣдь рвешь у жизни каждый кусокъ. И какая, къ черту, сладость, если чего то не было, если что-то не далось. Кидаясь... ради одного мгновенія; отъ любопытства, отъ жара, каждую встрѣчу готовъ возвести въ рокъ.

...Еще, еще напустите на добъ, вотъ такъ, а надъ ушами подберите. Дайте, я самъ причешу васъ. Не вѣрьте, когда вамъ скажутъ, что отвергнутый любовникъ вспоминаетъ добрый ея нравъ или веселый характеръ. Воспоминанія становятся такими чувственными: вотъ эту прядь надъ вискомъ, тугую грудь ея, ноги, — вотъ что мы вспоминаемъ. Тепло, которое шло отъ ея прохладнаго тѣла.

Вѣра отодвинулась въ сторону отъ него, но глазъ не опустила.

— Я вернулся въ Петербургъ черезъ пять лѣтъ послѣ ея замужества, — говорилъ Дашковский; онъ отодвинулъ приборъ и, прихвативъ съ собой пепельницу, пересѣлъ въ кресло. — Вамъ тогда, вѣроятно, было года три. Теперь слушайте меня внимательно: я зналъ, что вашего отца нѣтъ дома; я позвонилъ. Прислуга сказала мнѣ, чтобы я прошелъ въ столовую, — по моему, это была единственная, такъ сказать, «парадная» комната, вы жили довольно бѣдно. Въ столовой мнѣ показалось темновато. Если не ошибаюсь, слѣва стоялъ буфетъ, а справа у окна еще какой-то столъ.

Вообразите себѣ, я стоялъ почему то въ пальто, въ рукахъ держалъ котелокъ. Она шорхнула въ дверяхъ платьемъ, вошла. Вы, конечно, никогда не обращали вниманія на чудесный, на нѣжный, на измѣнчивый очеркъ ея лица. Она покраснѣла и въ первую минуту готова была улыбнуться, протянуть мнѣ руку, усадить меня. Она была готова на всякіе тамъ милые жесты. Но мой видъ навелъ на нее подозрѣнія и она вдругъ испугалась. Все-таки, хотя и дро-

жащими губами, но она отвѣтила мнѣ, что счастлива; она имѣла полное право не отвѣчать на дерзкій вопросъ, и какъ въ театрѣ, вытянувъ палецъ, указать на дверь; но дѣвическое осталось въ ней, останется до старости, въ васъ его совсѣмъ не замѣтно. И вообще — что вы понимаете! Губы у нея дрожали, глаза блестя... какими слезами? Жалости, конечно, жалости! Она попросила меня уйти, какъ просятъ закадычнаго, вѣрнаго друга о какой-нибудь услугѣ, и еще говорятъ ему на всякій случай: «не сердитесь, пожалуйста».

Но я не уходилъ, и вдругъ началъ ее умолять. Никогда никого не нужно умолять. Но тогда я не разсуждалъ, я предлагалъ ей ѣхать за границу, захвативъ съ собою васъ. Я былъ богатый человекъ, Вѣра Юрьевна. Но она сказала: «Ради Бога уйдите, уйдите сейчасъ же отсюда вонъ. Я не хочу васъ ни видѣть, ни слушать...» Не смотрите на меня такъ, смотрите подобрѣе. Дайте мнѣ вашу руку.

Но Вѣра не дала ему руки и тоже пересѣла со стула въ кресло, бокъ-о-бокъ съ нимъ.

— Одна вещь васъ удивить, Вѣра Юрьевна, когда вы придете къ намъ, — продолжалъ Дашковскій. — «Къ намъ» — потому что я женатъ. Я женился во время войны. Могилевъ, госпиталь, сестра милосердія; у нея были такіе мягкіе локти, которыми она все отстранялась отъ меня... Что то очень благоразумное въ глазахъ (осталось до сихъ поръ). Одна вещь васъ удивить: она чѣмъ-то похожа. Совсѣмъ, совсѣмъ не то, конечно, но что-то есть... Когда мнѣ сказали, что вы въ Парижѣ (у васъ тогда только что умеръ мужъ), я пошелъ посмотрѣть на васъ, я даже расписался. Я очень радовался, слѣдя за вами. И мнѣ казалось, что дама, которая была около васъ, въ черныхъ тюлевыхъ перчаткахъ съ серебряными ногтями, меня замѣтила.

— Нѣтъ, Лизи васъ не замѣтила.

Дашковскій замолчалъ и продолжалъ курить; курилъ

онъ почти безъ перерыва, отъ одной папиросы къ другой, и въ комнатѣ стоялъ въ нѣсколько плоскостей неподвижный дымъ.

«Еще, еще, говорите дальше», — хотѣлось сказать Вѣрѣ, но она боялась выдать свое любопытство — не въ отношеніи минувшихъ его чувствъ къ ея матери, а въ отношеніи того огромнаго — по сравненію съ ея — опыта любви и страданія, который былъ у него, и котораго у нея не было. Въ томъ, что онъ говорилъ, безотносительно къ тому, касалось ли это ея матери или нѣтъ, она ловила ей нужное, отвѣчавшее какимъ-то ея сокровеннымъ и ей самой еще неяснымъ мыслямъ, все время боясь, что онъ въ ея напряженности, подъ которой она скрывала свою жадность, увидитъ что-то дѣтское; но одновременно ей не хотѣлось и того, чтобы онъ принялъ ее за вполне взрослую, бывалую женщину, какой она не была.

— Можно мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ? — спросила она. — Вы говорите, что я похожа, что ваша жена похожа... У васъ были другія женщины, въ каждой, можетъ быть, что-то было отъ нея. Онѣ не могли вамъ ее замѣнить? Развѣ бываютъ люди единственные?

Онъ удивленно, какъ ей показалось, чуть-чуть презрительно, взглянулъ въ ея сторону, и она не поняла, къ чему относится его презрѣніе: къ тому ли, что она, Вѣра, задаетъ ему такой вопросъ, къ тому ли, что такіе вопросы вообще можно задавать.

— Замѣнить? — раздѣльно произнесъ онъ съ неожиданной серьезностью въ лицѣ. — Да вы понимаете вообще, что спрашиваете? Вы думаете, человѣкъ — это что-то вроде травки или ракушекъ? Эхъ вы! Да съ вами просто и говорить не стоитъ.

— Зачѣмъ же вы со мной разговариваете?

— По правдѣ сказать, затѣмъ, что смотрю на васъ. Вы не можете себѣ представить, какое это для меня наслажденіе. Не смѣйте трогать волосъ! Посидите еще такъ.

Она опустила руки.

— Ну, а если бы вы увидѣли ее сейчасъ? Хотите, я покажу вамъ ея фотографію? Она почти сѣдая.

— Покажите. Сѣдая?... Бѣдная вы дѣвочка! — и Вѣрѣ показалось, что онъ сказалъ «бѣдная дурочка». — Вы думаете, молодость что-нибудь значить? Вы можете быть гордитесь, что молоды? Конечно, это было бы естественно, я не обольщаюсь насчетъ вашего ума. Но развѣ молодость кого-нибудь когда-нибудь покоряла? Отъ чего-нибудь удерживала? Есть такія вещи, за которыя всю вашу молодость отдать не жалко. Вы что, разсердились?

Она вскочила, ломая въ пальцахъ спичечный коробокъ.

— Какія вещи? — спросила она жадно изъ угла комнаты.

— Простите, не буду больше. Я только хотѣлъ сказать, что всѣ искры, всѣ, такъ называемыя, безумныя минуты намъ въ зрѣлости не нужны, намъ хочется длить... Вы слышали когда-нибудь такое слово, голубушка? Длить. Запомните его. Хочется только одного: прочности, увѣренности, что счастье, которое со мной сегодня, это же самое счастье будетъ со мною и завтра, и послѣзавтра. Хочется, чтобы та, которая со мной рядомъ — была бы навѣки моя, безраздѣльно моя, на яву и во снѣ моя, и пусть такъ, какъ хочу этого я, хочетъ этого и она. Развѣ молодость этого ищетъ?

Вѣра стояла, скрестивъ руки на груди и не смотрѣла на Дашковского. Она боялась прервать его.

— А себѣ вы оставьте всѣ послѣвоенные афоризмы касательно измѣнъ, ревности, страсти и прочаго, — сказалъ онъ, уминая въ петельникѣ очередной окурокъ. — Кидайтесь во что хотите, куда хотите, къ кому хотите.

Онъ поднялъ глаза: она смотрѣла на него.

— Или сидите смирно, ждите своей участи.

— Нѣтъ, пожалуйста, перестаньте такъ говорить со мной. — Она перевела дыханіе. — Скажите, если можете, взаправду, что мнѣ дѣлать?

Онъ неспѣша всталъ, сунулъ руки въ карманы, поднялъ плечи и отошелъ еще дальше, въ дальній уголъ комнаты, и оттуда сказалъ, съ чѣмъ то стариновскимъ, грустнымъ въ лицѣ:

— Старѣть.

Она готова была сорвать у него съ губъ это слово. По діагонали черезъ всю комнату, она смотрѣла ему въ глаза. «Еще, еще», — хотѣлось ей просить его, чтобы онъ только не вздумалъ уйти, чтобы онъ объяснилъ ей, научилъ ее.

— Вы только не уходите, — пробормотала она, — пождите. Еще рано...

Они одновременно посмотрѣли въ окошко. Въ дыму они двигались по комнатѣ, какъ подъ водой. Дымъ клубами вился надъ ними отъ каждаго ихъ шага. За окномъ воздухъ началъ тускнѣть. Облако плыло на нихъ, сперва розовое, потомъ багровое, плыло и не могло проплыть, пока не погасло. Потомъ по холмамъ, виднымъ далеко-далеко, побѣжали огни, глубже и гуще стало небо. Они ходили по комнатѣ безцѣльно и долго, не мѣшая другъ другу и не задѣвая мебели, которой было немного. Дашковский говорилъ, и Вѣрѣ казалось, что она наклонилась надъ ручьемъ, бѣгущимъ мимо ея лица, и губами зачерпываетъ его жгучую прохладу. Она слушала. О чемъ говорилъ онъ? О любви, объ утраченномъ счастьѣ, о незамѣнимости, о воспоминаніяхъ, о власти одного человѣка надъ другимъ, объ ушедшихъ годахъ. Онъ говорилъ теперь безъ прежняго враждебнаго къ ней снисхожденія. Онъ сидѣлъ опять въ креслѣ, съ чашкой чая въ рукѣ, переаливъ черезъ долгіе часы безпамятнаго разговора, возвращаясь минутами опять къ тому, за чѣмъ, собственно, пришелъ:

—...а здѣсь что-то подлѣ рта и вокругъ лба; но взглядъ совсѣмъ чужой, теперь я вижу, взглядъ у васъ не тотъ, и руки совсѣмъ незнакомыя. — И онъ, поймавъ эти незнакомыя руки, разсматривалъ ихъ и отводилъ отъ себя.

Когда Дашковский погасилъ послѣднюю папирску и всталъ, въ комнатѣ ничего не было видно отъ дыма и мрака. Дашковский вынулъ изъ жилетнаго кармана старые часы: семь часовъ.

— Слѣдующій разъ, когда я приду, — сказалъ онъ, выходя въ прихожую, гдѣ Вѣра зажгла свѣтъ, — надо будетъ поставить будильникъ, чтобы это продолжалось не такъ долго. — Она съ усиліемъ улыбнулась. — Въ слѣдующій разъ не я, а вы расскажете мнѣ о себѣ всякія интересныя вещи.

Она кивнула въ знакъ согласія. Никакихъ интересныхъ вещей она не могла ему рассказать — ея жизнь показалась ей сейчасъ цѣпью случайныхъ и совсѣмъ не яркихъ ошибокъ. Она закрыла за нимъ дверь, постояла немного, потомъ вернулась къ окну, и такъ и не отворивъ его, сѣла передъ нимъ въ темнотѣ, смотрѣла на давно почему-то невиданныя, какія-то забытыя звѣзды, и думала, сложивъ на колѣняхъ руки.

И что-то сквозь всю ея разбушевавшуюся душу поднималось въ ней медленно и успокоительно. Это было сознаніе, что она уже не была тѣмъ голоднымъ существомъ, которое задрожало когда-то отъ пронзительнаго чувства къ Александру Альбертовичу; она за эти послѣдніе мѣсяцы успѣла грубо, наспѣхъ, но насытиться — плохо она это сдѣлала, при возвращеніи къ этому что-то начинало въ ней ныть; но кое-какъ она насытилась, и теперь у нея была возможность перевести духъ, что-то обдумать, рѣшить...

III.

Поздно вечеромъ въ тотъ день къ Вѣрѣ зашла Людмила. Она выкинула изъ пепельницъ окурки, провѣтрила комнату и сказала, что не совѣтуетъ связываться съ женой-тымъ. Вѣра спокойно выслушала ея разговоръ. Черезъ

три дня онъ повторился снова; еще черезъ три Людмила прямо спросила: былъ ли Дашковскій, и Вѣра отвѣтила, что не былъ, но что прислалъ письмо: приглашеніе на послѣзавтра.

— Что же, пойдете?

— Пойду.

— Жену смотрѣть?

— Жену. Да у меня же съ нимъ не романъ. Онъ меня чуть душой не обозвалъ при первомъ знакомствѣ.

Людмила усмѣхнулась. Въ смѣхъ ея теперь было что-то ужъ очень невеселое: онъ обнажалъ ея черныя, беззубыя десны и очень ее старилъ.

— Тѣмъ хуже для васъ. Удивительно, какъ вы всегда позволяете себѣ на голову садиться.

На Вѣру напалъ внезапно безпричинный смѣхъ.

— Я васъ уфряю, что вы бы ему понравились гораздо больше меня.

Въ этотъ день Вѣра была въ смѣшливомъ настроеніи: въ этотъ день пришло письмо отъ Лизи.

Читая его, Вѣра замѣтила въ себѣ отчетливое нежеланіе вернуться къ Лизи: все было чудесно тамъ, на миломъ югѣ, а Вѣрѣ, — вотъ подите-же! — не хотѣлось возвращаться, и замѣтивъ это, она очень обрадовалась. Да, ей было все равно, кто и что велѣлъ ей передать, и что изливала ей въ письмѣ сама Лизи. И даже приписка ея: «О К., какъ ты просила, ничего тебѣ не пишу», — не разсердила Вѣру, но тоже развеселила. Въ этотъ день она занялась всевозможными домашними дѣлами, до вечера ходила въ фартукѣ, повязавъ голову платкомъ, передъ сномъ выкупалась, а когда легла, почувствовала, что не хочетъ и не можетъ уснуть. И впервые, въ тишинѣ и мракѣ ночи, она ощутила, какъ она сейчасъ высоко надъ землей (на седьмомъ этажѣ), въ какихъ она сейчасъ тучахъ. Шла гроза.

Гроза шла издалека, съ востока, съ сѣверо-востока. оттуда, гдѣ она когда-то уже шумѣла надъ Вѣрой. Обширная тесомъ дача озарялась тогда, будто мгновенно вздра-

гивала, — если спуститься въ садъ и оттуда, спрятавшись, смотрѣть, что было однажды сдѣлано, чтобы испытать собственную смѣлость. Сперва по небу катились съ грохотомъ, какъ по твёрдому, чугунные шары, потомъ оглушительно трепетали листы желѣза и, наконецъ, кто-то рвалъ въ тучахъ полотнища гигантскаго мадепалама. И опять вздрагивалъ домъ въ свѣту, и убивало кого-то ѣдущаго трусцой по дорогѣ, въ поляхъ, и раскалывало осину — почему-то именно вотъ эту, а не ту, и не ту.

Гроза шла на Парижъ прямо изъ-подъ петербургскихъ лѣсовъ, гдѣ навѣрное еще — трудно въ это повѣрить — цѣлый, невредимый, обшитый тесомъ, стоитъ старый домъ съ расшатанными перилами балкона.

Но было въ этихъ небесныхъ разрывахъ, въ неполнотѣ звука, въ разрозненныхъ и ужъ слишкомъ краткихъ молніяхъ, что-то южное, что-то иное, напоминающее одновременно и берегъ Средиземнаго моря, короткія и толстыя магноліи въ саду Лизиной виллы, стоявшей на краю города, близъ дороги, мчавшейся въ Болъе.

Окна тамъ запирались заблаговременно, и душный воздухъ, истомившій за день, оставался въ комнатахъ, въ то время, какъ надъ моремъ и городомъ бушевалъ свѣжій вѣтеръ, проливался прохладный, душистый дождь. Гроза тамъ катилась не по тишинѣ, а по немолчному рокоту моря, по шелесту автомобилей по шелковой дорогѣ, по собственному непрерывному эхо гдѣ-то въ горахъ. И эхо, и шелестъ, и рокотъ все продолжались, когда стихалъ громъ, и Вѣра широко открывала окна.

— Здѣсь у насъ душно, какъ въ подводной лодкѣ, — говорила она, и съ магнолій и рододендроновъ летѣло въ комнаты дыханіе, которымъ нельзя было досыта надыхаться. И однажды, именно въ такой дождь, только что стихли молніи, Вѣра увидѣла знакомую фигуру, бѣгущую по улицѣ, съ поднятымъ воротникомъ. Она сбѣжала въ садъ, отперла калитку, ее обдало порывомъ почти холоднаго ливня. Кареловъ молча побѣжалъ по саду за ней, въ

домъ, съ него текли потѣки, настоящіе потоки, будто его только что обдали изъ ведра.

— Не могу же я, — бормоталъ онъ, срывая налипшій на спину и на руки пиджакъ, — не могу же я въ самомъ дѣлѣ ходить съ зонтикомъ!..

Вѣра сѣла на постели и зажгла свѣтъ. Все было тихо, гроза давно кончилась. «И не убила меня, — насмѣшливо сказала себѣ Вѣра, — хоть я и на седьмомъ этажѣ». И вдругъ она ясно представила себѣ, какъ въ электрическій счетчикъ, висящій въ прихожей, бьетъ молнія, бѣжитъ по проводамъ и, изъ этой маленькой круглой лампы, съ ночного столика, убиваетъ ее. И тогда наступаетъ тьма.

И въ это мгновеніе рушится все: и старая дача, гдѣ-то тамъ, на сѣверѣ, на сѣверо-востоки (почему-то чудомъ уцѣлѣвшая до сихъ поръ), и рододендронъ въ саду Лизи, и дорога въ Болье, и отъ всего Средиземнаго моря не остается ни одного единственного синяго лоскутка; въ это мгновеніе вѣчной тьмы разсыпается въ прахъ Парижъ съ Дашковскимъ, могила Александра Альбертовича подъ бѣлой плитой на кладбищѣ Пантэнъ, все, все, что только было, что прошло по сердцу; что запомнилось и что забылось, — все безъ остатка пропадаетъ, проваливается все-ленная.

Но лампа подъ колпачкомъ горитъ тепло и свѣтло, по чистому небу бѣжитъ чистый и ясный Млечный путь. Можетъ быть, по небу полуночи ангелъ летитъ? Не видно; не слышно. Рояль былъ весь открытъ и струны въ немъ звучали. Это не цыганскій романсъ, это — Фетъ, а Шурка Вѣнцова пѣла это, какъ цыганскій романсъ. И еще она пѣла: я васъ ждала, а вы, вы все не шли.

Вѣра вскочила съ постели, остановилась босая посреди комнаты. Кто-то поднимался по лѣстницѣ (почему не на лифтѣ?). Кто-то остановился за дверью. Сейчасъ зазвонитъ звонокъ. Тишина. Гдѣ-то далеко трубятъ рожокъ автомобиля. Часы подъ лампой отсчитываютъ секунды.

Проходитъ минута. Вѣра не двигается, ей кажется, что она слышитъ изъ-за двери чье-то дыханіе.

Ноги ея застыли, вся она отъ напряженія медленно холодѣла подъ рубашкой. И вдругъ она услышала движеніе. «Нельзя же такъ, — подумала она, — ну представимъ себѣ, что это сумасшедшій или просто пьяный, ошибся этажемъ, сейчасъ вставить ключъ и увидить, что замокъ не тотъ. Нельзя же такъ». Но никто не трогалъ замка. Прошла еще минута. И стало ясно: на лѣстницѣ нѣтъ никого. Тогда она подошла къ двери, сдѣлала надъ собой усиліе и распахнула ее. На площадкѣ было пусто и темно, что-то блестѣло въ клѣткѣ лифта.

Вѣра вернулась къ себѣ, накинула халатъ и закурила одну изъ папиросъ, забытыхъ Дашковскимъ, своихъ у нея не было, она никогда не курила. Опять въ мысляхъ ея замелькали строчки стиховъ: «Но это не стихи вовсе, это Богъ знаетъ что, вѣроятно, — подумала она. — Я в а с ъ ж д а л а с ъ б е з у м н о й ж а ж д о й с ч а с т ь я». — Она подошла къ столу, гдѣ валялись пила и кривыя ножницы. — «Я в а с ъ ж д а л а, — сказала она вполголоса, и волненіе перехватило ей грудь. — а вы, вы...» и она вдругъ всадила себѣ ножницы въ руку у локтя. Послѣ чего она завязала руку платкомъ и сейчасъ же потушила свѣтъ. «З а д у й, п о к а м о ж е ш ь з а д у т ь».

IV.

Былъ двѣнадцатый часъ ночи, когда Вѣра вышла отъ Дашковскихъ: все было въ этотъ вечеръ не такъ, какъ она ожидала. Началось съ того, что она сама себѣ не понравилась въ своемъ новомъ шелковомъ платьѣ, съ шиткой мелкаго Лизинаго жемчуга вокругъ шеи, остриженная и почему-то блѣдная. Потомъ ее удивило то, что Дашковскіе жили въ центрѣ города, на шумной улицѣ, въ маленькой, плохо провѣтриваемой квартирѣ, и что была она

приглашена къ нимъ не одна — были еще гости: старый Масленниковъ и какой то не то литовецъ, не то латышъ, весьма дурно говорившій по-руски. Но больше всего она была поражена женой Дашковскаго: она ожидала почему то увидѣть женщину молодую, похожую на ея мать самымъ откровеннымъ, самымъ неприхотливымъ образомъ и вдругъ увидѣла всю въ куделькахъ и морщинкахъ, сутливую особу, изъ тѣхъ, которыхъ въ Питерѣ въ послѣднее время называли «гражданочками» — и благоразумнаго въ глазахъ ея было очень немного.

— Вѣру Юрьевну я зналъ вотъ такой, — говорилъ женѣ и гостямъ Дашковскій, опуская руку до полу и кстати хватая за загривокъ мимо крадущагося полосатаго кота. — Правда, Вѣра Юрьевна?

Но скоро ее оставили въ покоѣ: разговоръ зашелъ о политикѣ, о Россіи; выяснилось, что Дашковскій совершенно свободно и вовсе не глупо говорить и объ этомъ. Одинъ котъ дремалъ у него на колѣняхъ, другой бродилъ по чайному столу, третій терся у Вѣриныхъ ногъ. «Сколько ихъ у васъ?» — спросила она хозяйку и въ это время увидѣла, что еще пара желтыхъ, блестящихъ глазъ смотритъ на нее изъ пріоткрытой двери.

Въ двѣнадцатомъ часу она простилась. Теперь только она замѣтила, какъ ясна и свѣжа эта апрѣльская ночь, какъ тихо и пустынно на улицахъ. Она пошла пѣшкомъ. Въ сущности, она не знала такого Парижа, ночного, чернаго, въ огняхъ. Она шла довольно долго, спрашивать дорогу ей не хотѣлось; чутье вело ее, и внезапно она увидѣла перекрестокъ, почти площадь, до того онъ былъ широкъ, а въ четырехъ углахъ его били сѣдые, безшумные фонтаны.

Нельзя было повѣрить, что они живые, казалось, они сдѣланы изъ стекла и стоятъ тутъ не какъ фонтаны, а какъ памятники когда-то бывшимъ фонтанамъ.

Легкіе желѣзные стулья толпились подъ деревьями. Вѣра обошла ихъ, не рѣшившись сѣсть. «Завтра утромъ,

предположимъ, звонокъ, — сказала она себѣ совѣтъ робко, — приходитъ письмо...» Но въ ту же секунду она поняла, что это невозможно именно потому, что она это себѣ сейчасъ такъ ясно представила. Этого не будетъ. Станемъ думать о другомъ. Возьмемъ таксомоторъ. Уже поздно.

Она катила мимо, мимо, и въ мысли ей шли какіе-то суевливые пустяки. Напримѣръ, сколько людей можетъ она позвать къ себѣ (столько-то стульевъ и столько-то креселъ) — она пригласить всѣхъ, кто можетъ сказать ей, что въ такихъ случаяхъ, какъ ея, дѣлаютъ, какъ поступаютъ? Сюда сядетъ Людмила, напротивъ нея — Лизи, рядомъ съ Лизи — призракъ Шурки Вѣнцовой и тѣнь Полины (о, эта тоже можетъ поразсказать!); не забыть еще актрису, которая жила когда-то по сосѣдству, и можетъ быть — чѣмъ она хуже другихъ — жену Дашковского. Ну, мои милыя, скажите теперь, что вы обо всемъ этомъ думаете, дайте совѣтъ. У каждой изъ васъ бывало всякое, трепало васъ всѣхъ здорово, выжили вы всѣ, однако, великолѣпно, а вотъ я глупѣе всѣхъ и не могу... Кто изъ васъ страдалъ съ мужемъ, а кто — съ любовникомъ, одна — съ мальчишкой, моложе нея вдвое, другая ревновала къ хорошенькой горничной, третьей всего было мало, главнымъ образомъ — денегъ. Всѣ вы умныя, всѣ вы хитрыя. А я что буду дѣлать? Нѣтъ, вы скажите...

Таксомоторъ остановился. Вѣра вышла и заплатила; пройтись еще немного, обогнуть этотъ пустырь, вернуться съ той стороны... Не вернуться ли вообще? Не вернуться ли ко дню отплытія? Не вернуться ли къ Саму? Не оканзаться ли всѣхъ умнѣй и хитрѣй?

Она даже остановилась на мгновенье. И вдругъ дикій, весенній, почти сладкій вѣтеръ налетѣлъ на нее съ пустыря и понесся дальше, сердце застучало вдругъ такимъ порывомъ, такимъ чудомъ представилось Вѣрѣ и собственное существованіе, и все, что дѣлалось внутри нея, такая сила была въ мысли о собственной неповторимости, что

она засмѣялась внутреннимъ смѣхомъ надъ собой, надъ всѣмъ, даже надъ тѣмъ, что это навѣрное гдѣ-то просто что-нибудь расцвѣло и потому такъ хорошо пахнетъ.

Все еще радуясь неизвѣстно чему и выметая изъ воображенія своего всѣ тѣни, всѣ призраки, она позвонила, вошла, зажгла свѣтъ и безъ особаго шума совладала съ лифтными дверцами. Медленно подплывая къ верхнему этажу, она увидѣла черную фигуру человѣка у своей двери. Только какую-то ничтожную часть секунды Вѣра не была увѣрена, кто это. И сразу же будто что-то толкнуло въ грудь; лифтъ остановился, она вышла, при полномъ равнодушіи и неподвижности стоящаго. Скука ожиданія была довольно искусно изображена на его лицѣ. Это былъ Кареловъ.

— Здравствуйте, — сказала она, и лифтъ тихонько потекъ внизъ. — Съ прїѣздомъ. Такъ испугать можно.

Онъ снялъ шляпу.

— Здравствуйте. Вотъ зашелъ — немножко поздно, да чтобы вѣрнѣе застать. А вы гуляли?

Она перевела духъ и пропустила его первымъ въ дверь квартиры.

— Сколько же времени вы тутъ ждали?

— Минуть пять.

Она увидѣла пыль на его пальто и поняла, что онъ давно сидитъ на ступенькахъ.

— Минуть пять, — повторила она. — Когда же это вы прїѣхали?

— Дня три.

Въ это время изъ-за обшлага его пальто, которое онъ не совсѣмъ увѣренными руками прилаживалъ къ вѣшалкѣ, выпалъ желѣзнодорожный билетъ. Вѣра подняла его и зажала въ рукѣ.

— Какъ Лизи? — спросила она, вводя его въ комнату.

— Кланяется, — коротко отвѣтилъ онъ.

Онъ вдругъ взглянулъ на нее, чтобы что-то еще ска-

затѣ и лицо его мгновенно перемѣнилось, онѣ отступилъ и съ шумомъ опрокинулъ стулъ.

— Что вы съ собой сдѣлали? Какое уродство! Вы остриглись. И что это за платье на васъ? Оно вамъ совершенно не идетъ.

Но она побѣжала на кухню, закрыла дверь и тамъ взглянула на свою находку. Билетъ былъ проданъ въ Ниццѣ вчера... Тогда она прислонилась къ стѣнѣ, перевела духъ и закричала:

— А всѣ находятъ, что мнѣ такъ очень хорошо.

— Кто «всѣ»?

Она вернулась въ комнату.

— Вѣроятно тѣ, съ кѣмъ вы по ночамъ гуляете?

Она сѣла напротивъ него и молча принялась на лежавшей на столѣ газетѣ что-то чертить огрызкомъ синяго толстаго карандаша.

— Зачѣмъ вы пріѣхали? — спросила она, не поднимая головы.

— Я пріѣхалъ по дѣламъ. Я службу получилъ.

— Если и это неправда..

— Нѣтъ, это правда. Можете окончательно перевести меня въ разрядъ ловкихъ людей, ухитряющихся устраивать свои дѣла (какъ въ тотъ день, помните, когда я научилъ васъ лѣпить марку на конвертъ). Я устроился, какъ картографъ.

Ахъ, тотъ день! Вѣра безъ смѣха не могла его вспомнить. Они вышли съ почты, Кареловъ лизнулъ уголь конверта и прилѣпилъ марку. Она остолбенѣла. Она всегда бывала въ нерѣшимости: слюнить ли палецъ или взять въ ротъ клейкую марку? И вдругъ все оказывалось такъ просто: надо было только лизнуть конвертъ. Она стояла открывъ ротъ, смотрѣла, какъ онъ запихивалъ письмо въ ящикъ. Передъ этимъ ей очень хотѣлось знать, кому письмо, но она теперь совершенно забыла объ этомъ.

— Вотъ просто! — сказала она, наконецъ. — До че-

го вы вѣроятно ловко умѣете вообще обдѣлывать свои дѣла...

Теперь она смѣялась, вспоминая это и все водила карандашомъ.

— Не шевелитесь. Я начала носъ.

— Что?

— Я начала рисовать вашъ носъ. Надо же что-нибудь дѣлать, иначе я засну. Я привыкла ложиться рано.

— Послушайте, — сказалъ онъ послѣ недоумѣннаго молчанія, — вы меня совершенно ни во что не считаете?

— Я? Я васъ обожаю. Особенно, когда вы врете, вы меня вдохновляете. Спросите меня тоже о чемъ-нибудь.

Онъ думалъ недолго.

— Васъ провожалъ кто-нибудь?

— Провожалъ.

— Гдѣ вы были?

— Въ ресторанѣ.

— Вдвоемъ?

— Вдвоемъ.

— Въ который разъ?

— Въ десятый... Нѣтъ, довольно. Не спрашивайте больше. Давайте лучше помолчимъ.

Она положила локти на столъ и сидѣла долго, закрывъ лицо руками. Онъ былъ напротивъ, онъ сидѣлъ черезъ столъ. Ей не нужно было смотрѣть на него, чтобы видѣть его лицо — оно было въ ней, она носила, и возила, и таскала его съ собой, въ себѣ: веселый, всегда веселый ротъ и задумчивые глаза, молодой, гладкій, высокій лобъ и надъ нимъ — тонкая, узкая прядь сѣдыхъ волосъ («Съ двадцати лѣтъ, клянусь чѣмъ хотите, — сказалъ онъ однажды, — а вовсе не отъ старости»). И вытащилъ тогда же паспортъ, и показалъ: родился 8 августа 1891 года, въ городѣ Саратовѣ. Она запомнила.)

— А еще просилъ вамъ кланяться Федя, — сказалъ Кареловъ, закуривая, — онъ такъ и сказалъ: поклонитесь моей Вѣрочкѣ. Значѣмъ вы это сдѣлали?

— Что именно?

— Зачѣмъ онъ вамъ былъ нуженъ?

— А! Вотъ вы о чемъ, — она вытянула руки на столъ и соединила ихъ далеко отъ себя. — Видите, у меня въ жизни было немного чего, но все, что было, всегда начиналось необыкновенно: я дружила, я любила, я сходилась — всѣ эти слова не совсѣмъ подходятъ къ тому, что случилось, — съ людьми, которые какъ то удивительно попадались мнѣ подъ ноги: въ первый разъ я нашла человека подъ деревомъ, онъ лежалъ въ снѣгу... Во второй разъ я ошиблась, приняла одного за другого... А Федя — это отъ здоровья, и отъ того, чтобы доказать самой себѣ, что на свѣтѣ все очень просто. Такіе мужчины, такіе женщины должны существовать и попадаться намъ на дорогѣ. Съ ними ничего не странно, ничего не стыдно, они ничего не помнятъ и не напоминаютъ другому. Я увѣрена, что до меня у него былъ романъ съ Лизи, и все случилось съ ея согласіемъ.

— Значить, жаль, что со мной вы встрѣтились такъ обыкновенно? — сказала Кареловъ тяжелою. — Гдѣ-то въ гостяхъ. Какъ полагается. Два раза я проводила васъ домой. Потомъ Лизи пригласила меня. Правда, какъ банально?

— Да. И потому хорошо.

— Что хорошо?

— Все.

Кареловъ долго смотрѣлъ на Вѣру.

— Это вы когда придумали, сейчасъ?

Она улыбнулась ему такъ, что все его лицо затрепетало.

— Нѣтъ, я это думала всегда.

Кареловъ всталъ и прежде, чѣмъ онъ сдѣлалъ первый шагъ въ ея сторону, она встала тоже и почувствовала, что этотъ круглый столъ станетъ сейчасъ ея обороной. Столъ стоялъ между ними, на немъ — пустая ваза желтаго стекла.

— Почему, собственно, вы уѣхали? — спросилъ Каре-

ловъ, дотрагиваясь разсѣяннo до вазы. — Вѣдь вы уѣхали отъ меня.

Ей захотѣлось кинуться къ нему, прижаться щекой къ его щекѣ, сказать ему безразсудныя, безповортныя слова, дышать его дыханіемъ, чувствовать грудью тепло его груди, но вмѣсто этого (такъ надо, такъ надо!) она тоже тронула рукой край желтаго стекла и сказала:

— Не знаю... Мнѣ всякій разъ кажется, что тутъ еще живетъ дыханіе того человѣка, который выдулъ эту штучку.

Онъ молча смотрѣлъ ей въ глаза и она чувствовала, какъ черезъ короткіе промежутки времени — пять-шесть ударовъ сердца — глаза его опускаются все глубже въ ея глаза, словно открывалось ему въ нихъ что-то, и еще, и еще, и вотъ сейчасъ онъ дойдетъ до дна, если оно только есть...

«Когда онъ опрокинетъ этотъ столъ и эту вазу, — думала она краемъ мысли, — будетъ ужасный грохотъ».

Кареловъ все смотрѣлъ, внезапно онъ одной рукой взялся за край стола, другой схватилъ Вѣру за руку. Раздался звонъ битаго стекла.

— Вы разбили штучку съ дыханіемъ, — сказала она, сисясь улыбнуться, но лицо ея не послушалось, и она вырвала руку.

V.

Она слишкомъ много въ жизни кидалась — отъ счастья, отъ жалости, отъ любопытства, отъ молодости... Теперь довольно. Вырваться бы отсюда и тихонько за дверью поблагодарить Бога за то, что она уже больше не тотъ голодный, дикій, одинокій ребенокъ, такая некрасивая, толстая, крѣпкая дѣвочка, ничѣмъ не болѣющая, всему радующаяся... За то, что въ нужный моментъ (почему нужный?) неизвѣстно откуда, изъ какихъ-то животныхъ ея

корней, вырастаетъ въ ней знаніе, что дѣлать, какъ поступать, какъ вырвать руку изъ руки Карелова — милой, грубой руки его, что ему сказать.

— Теперь прощайте, спокойной ночи, я спать хочу. Вотъ ваше пальто, вотъ шляпа.

Онъ беретъ и то, и другое подъ мышку, останавливается передъ запертой дверью въ Лизину комнату.

— Кто здѣсь живетъ?

— Здѣсь стоятъ вещи Лизи.

— Покажите.

Она отпираетъ дверь.

Холодно; пахнетъ нафталиномъ, въ потолокъ горитъ лампочка. Все укрыто чехлами, окно занавѣшено простыней. Большой кованный сундукъ съ горбатой крышкой стоитъ посреди комнаты. Вѣра садится на него.

Кареловъ стоитъ передъ ней какой-то ошеломленный, онъ не садится съ ней рядомъ, онъ продолжаетъ стоять, и вдругъ говорить:

— Мнѣ хочется быть счастливымъ. Мнѣ хочется гордиться своимъ счастьемъ, мнѣ хочется ни въ чемъ не сомнѣваться, не стыдиться за то, что мнѣ лучше всѣхъ на свѣтѣ, не казнить за то, что другимъ въ это время плохо. Я хочу счастья. Чтобы въ первыхъ словахъ моей встрѣчи съ вами не было уже заключено будущее прощаніе. Я не хочу ни «покоя», ни «воли», я хочу самого счастья.

Онъ медленно приблизился къ ней, не съ давешнимъ порывомъ, а такъ спокойно, такъ просто, какъ будто все съ начала ихъ знакомства, до самой ихъ смерти, должно было быть банальнымъ. Онъ сбросилъ на полъ пальто и шляпу, положилъ обѣ руки ей на плечи — легко и свободно, не сжимая ихъ, не тяготя ее объятіемъ. Она подняла къ его лицу свое лицо съ полными чувства глазами и плотно закрытымъ ртомъ. Онъ медленно провелъ своимъ лицомъ по ея лицу. Онъ не цѣловалъ ее. Еще разъ, еще.

Потомъ, когда она ослабѣла въ его рукахъ, онъ пере-
гнулъ ее назадъ, такъ что голова ея свѣсилась и волосы
коснулись пола, а тѣло неподвижно лежало поперекъ гор-
батаго сундука. Будто забавляясь ея гибкостью, онъ на-
гнулся надъ ней и поцѣловалъ ее. Она закрыла глаза. Онъ
выпустилъ ее сейчасъ же, поднялъ съ пола пальто и шля-
пу и, хлопнувъ входной дверью на весь спящій домъ, по-
бѣжалъ по лѣстницѣ. Она вскочила за нимъ, добѣжала до
двери умолять его вернуться, если надо — крикнуть, обѣ-
щать ему все, что онъ хочетъ, чего хочетъ она сама: не
«покою», не «воли» — счастья, самаго настоящаго, невоз-
можнаго, о которомъ знаетъ Дашковскій, которое, какъ
увѣряла Людмила, было совсѣмъ не модно лѣтъ двадцать.
десять тому назадъ. Она добѣжала до двери и вдругъ
остановилась: ей опять, какъ тогда, показалось, что Ка-
реловъ поднимается къ ней по лѣстницѣ, и она поняла,
что его надо не пустить.

Но онъ не поднимался, онъ стоялъ внизу и ждалъ еч-
зова одну, двѣ, три минуты. Потомъ (свѣтъ въ это время
погасъ) крадучись спустился, вышелъ на улицу и быстро
дошелъ до угла. Здѣсь горѣлъ фонарь у маленькаго но-
венькаго, какъ все въ этомъ кварталѣ, отеля. Кареловъ
разбудилъ слугу, поднялся къ себѣ, кинулся, какъ былъ,
на кровать.

Она теперь стояла у окна. Небо было похоже на тем-
ную воду съ облачно-лунными, неподвижными разводами.
Она не знала, что сказать, и кому сказать, и что сдѣлать
съ собой. Мысль о томъ, что Кареловъ пріѣхалъ, что онъ
пріѣхалъ къ ней, что онъ любитъ ее, что она наканунѣ не-
извѣстнаго, чудовищнаго блаженства, которое слѣдуетъ
непремѣнно оттянуть — и тѣмъ самымъ приблизить и
упрочить, — мысль эта занимала сейчасъ всю ее, шевели-
лась въ ней, почти осязательно жила и трепетала. И все соеди-
нялось сейчасъ — непостижимо, неразложимо, все, что
было въ ней разъединено до сихъ поръ: словно сѣверные
боги неслись навстрѣчу южнымъ богамъ, все соединялось

и падало другъ въ друга. Всѣ шопоты, всѣ неповторимые разговоры у Громовской биржи въ шестнадцать лѣтъ, когда тряслась подъ ней земля, и дикое, голодное желаніе вѣрности и доброты, которое ее бросило подъ ноги Александру Альбертовичу, и веселое пустое счастье, которое иногда мелькало въ объятіяхъ Феди, и даже тотъ темный, новогодній часъ въ Шуркиной квартирѣ — всему этому теперь шло разрѣшеніе и утишеніе, все это находило себѣ мѣсто въ ея любви къ Карелову. И вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, вмѣстѣ съ тѣлесной несытостью — какъ никогда прежде, — воскресало сознаніе не уходящаго, не ускользающаго, а присутствующаго и длящагося счастья.

А небо тянулось безъ конца, опрокинутое тьмою надъ городомъ. И городъ не былъ бѣдой, крестомъ, даннымъ людямъ, а тѣмъ же самымъ кружевомъ, что и облака. Далекій свистъ поѣзда прорѣзалъ воздухъ, казалось, сейчасъ будетъ слышно, какъ застучать колеса, какъ пройдутъ вагоны... куда? Ну конечно, на югъ, но не въ Ниццу, а дальше, въ Италію, можетъ быть въ Сицилію, можетъ быть туда, гдѣ Гекторъ Сервадакъ откололся съ кускомъ земли и понесся со свистомъ въ пространство. У Жюль Верна.

И вотъ они поѣдутъ съ Кареловымъ куда-нибудь, конечно, недалеко и третьимъ классомъ, такъ что будутъ нить лопатки отъ сидѣнья на жесткомъ. Будетъ холодное утро, но они откроютъ окно. И это будетъ не югъ, а сѣверъ. Гдѣ-нибудь, гдѣ ледь... Чтобы вмѣстѣ стоять и смотрѣть — на вѣтру, на жгущемъ горло вѣтру — какъ идутъ другъ по другу льдины. Синій вѣтеръ будетъ швырять ей въ лицо пряди этихъ остриженныхъ волосъ.

Мелкій дождь моросилъ по утру, когда Вѣра проснулась. И ничего больше не было видно съ ея капитанскаго мостика — только одна густая, влажная весенняя дождевая вуаль.

VI.

Вѣра никогда никого не спрашивала: кто такой Кареловъ, откуда онъ, что дѣлаетъ, какъ живетъ? Она знала о немъ только то небольшое, что онъ самъ ей о себѣ рассказалъ. Въ Ниццѣ его мало кто зналъ, онъ не принадлежалъ къ тому кружку русскихъ, который собирался у Лизи. Дѣйствительно, въ первый разъ Вѣра встрѣтилась съ нимъ у знакомыхъ—русскихъ, конечно, потому что Лизи терпѣть не могла французовъ. Впрочемъ, Лизи больше любила принимать у себя, а сама почти никуда не ходила, посылала вмѣсто себя Вѣру, иногда даже — къ удивленію ее приглашавшихъ людей — Федю... Въ тотъ первый вечеръ Кареловъ проводилъ Вѣру до дому, а черезъ мѣсяцъ это повторилось опять. И въ этотъ разъ ей было почему-то пріятно идти съ нимъ рядомъ, въ ногу, и даже было интересно, потому что онъ рассказывалъ что-то любопытное, — но не о себѣ.

Придя домой, она увидѣла, что Лизи, полураздѣтая, лежитъ на диванѣ, а Федя дремлетъ въ креслѣ, вытянувъ непомерной длины ноги (казалось, онѣ у него начинаются подъ мышками), въ яркихъ трехцвѣтныхъ башмакахъ. Онъ сейчасъ же открылъ близорукіе глаза — они у него были на выкатѣ, а носъ курносъ и коротокъ, какъ у ребенка.

Вѣра стала щипать виноградъ на блюдѣ, а Лизи, ворча и запахиваясь, таща за собой подушку, книгу, пледъ, отправилась наверхъ. Когда ей нездоровилось, она не думала этого скрывать, всѣмъ жаловалась, не одѣвалась, три дня не вставала съ дивановъ. Вѣра никакъ не могла примириться съ этимъ: для нея такіе дни всегда бывали днями особенной увѣренности въ себѣ и обновленія. Она стыдилась признаться въ томъ, что ихъ ждетъ, любить, и жалѣетъ тѣхъ, кто не ощущаетъ ихъ, какъ она.

Ночью Вѣра думала о Кареловѣ.

Потомъ, дѣйствительно, Лизи пригласила его. «Онъ со-всѣмъ не боѣма, — сказала она, — кажется, у него семья, жена... Или лучше объ этомъ не спрашивать?» И Кареловъ пришелъ. Пришелъ также баронъ Н. А Федя заночевалъ, и ночью поднялся къ Вѣрѣ — не особенно осторожно: половицы скрипѣли во всю. Въ ту ночь онъ безъ конца рассказывалъ ей свои прошлыя походы; они потушили свѣтъ, и она лежала въ темнотѣ красная, потная отъ волненія, слушая его рассказы.

Ни о женѣ, ни о дочери Кареловъ никогда не упоминалъ. И однажды (въ это время Федя уже переселился къ нимъ въ домъ) Вѣра спросила его: живетъ ли онъ съ семьей или одинъ.

— Одинъ. Снимаю комнату. И семьи у меня нѣтъ.

Этой зимой стояли на всемъ побережьѣ холода, съ вѣтромъ и градомъ, съ дождемъ, заливавшимъ потоками улицы; море вздувалось и шло на берегъ. И вотъ однажды Кареловъ и Вѣра вышли на дорогу смотрѣть автомобильныя гонки. Шелъ дождь — давно уже, и все было мокро. Изъ-за далекаго поворота, гдѣ еще былъ городъ, временами доносился ревъ толпы, а здѣсь, у дороги, стояло всего нѣсколько мокрыхъ прохожихъ, нѣсколько неподвижныхъ зонтиковъ. Надъ колѣсами гоночныхъ машинъ съ шипѣніемъ взлетали водяные смерчи, оголтѣлые гонщики рѣзали воду и воздухъ.

— Вы не думаете, что есть люди, которымъ нельзя безнаказанно другъ съ другомъ встрѣчаться въ жизни? — спросилъ Кареловъ, а она все смотрѣла на дорогу и считала машины: седьмая, восьмая, девятая.

— Да. Навѣрное.

— Что-то должно произойти.

— Да.

Десятая, одиннадцатая. Двѣнадцатую занесло, но она выпрямилась и помчалась дальше. «Зачѣмъ онъ это все говорить?» — подумала она.

— Произойти съ вами и со мной, — сказалъ Кареловъ. Она услышала и это, но ничего не отвѣтила.

Порывъ вѣтра оборвалъ съ куста жесткій листь, понесъ и залѣпилъ имъ Вѣринъ лобъ.

— Холодно, — сказала она.

— Вы понимаете, когда говорятъ, что счастье, какъ воздухъ, что его не чувствуешь? — спросилъ Кареловъ, беря ее за руку.

— Нѣтъ. Кажется, нѣтъ.

— И я нѣтъ. Я думаю, если бы у меня было счастье, я бы все время его чувствовалъ, я бы хотѣлъ его чувствовать. Я бы никогда не согласился къ нему привыкнуть.

— А оно у васъ было? — спросила она и зашагала къ дому.

— Ну конечно нѣтъ, — сказалъ Кареловъ, идя за ней. и съ дикимъ жужжаньемъ мотора промчался послѣдній гоночный автомобиль.

— Я чувствую счастье иногда, какъ удушье, — сказала она у самого дома. — Но главный секретъ...

Онъ остановился.

— Главный секретъ, это понять, что я одна на свѣтѣ незамѣнима, а все остальное можно подтасовать.

Она пошла по саду, въ гору.

— Это не такъ, — сказалъ онъ.

Она сдѣлала движеніе рукой, не оглядываясь.

— Это не такъ! — настойчиво, съ силой повторилъ онъ. Но она скрылась въ домъ.

Въ тишинѣ нижняго этажа было слышно, какъ Лизи листаетъ въ гостиной страницы моднаго журнала, разговариваетъ съ черненькимъ своимъ шпиритомъ. Вѣра прошла къ себѣ, и въ раннемъ комнатномъ сумракѣ стала расчесывать свои волосы. Что-то затрещало подъ гребнемъ и искры съ сухимъ, короткимъ звукомъ посыпались во всѣ стороны.

Федя уже сидѣлъ на подоконникѣ и широкіе его брюки хлестали по худымъ, качающимся ногамъ. Федино при-

существо, само его существование показалось ей въ эту минуту безсмыслицей. И все, что было между ними, было вовсе не такъ ужъ весело и мило — сейчасъ ей кое-что показалось въ этой близости тоскливымъ и отвратительнымъ. А ночью ея дверь оказалась запертой. Федя пошумѣлъ въ корридорѣ и съѣхалъ внизъ на перилахъ, посвистывая.

Молчаніе. Долгое молчаніе. И потомъ рѣшеніе: ѣхать въ Парижъ. «Не сердись, Лизи. Федичка, хотите, со мной перейти на «вы»? Такъ никто не дѣлаетъ, а мы сдѣлаемъ. Прощайте, Федичка. До свиданія, баронъ. (Лизи, а вѣдь ты за барона замужъ выйдешь, я это чувствую). Охъ, въ Парижѣ сейчасъ навѣрное очень гадко».

Такъ отрѣзался кусокъ Вѣриной судьбы. Участвовали въ этомъ два чемодана, зонтикъ, кулекъ съ персиками, оберкондукторъ подъ окномъ, дама съ собачкой, сидящая напротивъ: сообщники Вѣринаго бѣгства отъ Карелова.

VII.

Онъ былъ здѣсь, въ томъ же городѣ, на той же улицѣ, что и она, и къ этому она довольно долго не могла привыкнуть. Онъ приходилъ, она открывала ему; на завтракъ непременно бывали сардинки, которыя она открывала длиннымъ ключомъ, всякій разъ удивляясь, почему въ это время не играетъ музыка, какъ въ музыкальной шкатулкѣ. И за завтракомъ ею дѣлались маленькія странныя открытія касательно той радости, которую доставляло ей его присутствіе: прежде всего ей необыкновенно чудно дѣлалось на сердцѣ, когда она смотрѣла, какъ онъ ѣстъ. Почему? Во всякомъ случаѣ готовить она не умѣла и это не было отъ хозяйственной гордости за купленные въ лавкѣ сардинки. И ничего материнскаго тоже не было въ этомъ чувствѣ: мысль о пользѣ сѣдѣаемаго никогда не приходила ей въ голову. Ей нравилось смотрѣть, какъ онъ

кладеть себѣ въ ротъ кусокъ самаго обыкновеннаго бифштекса, какъ жуеъ его, какъ глотаеъ. «Вы голодны?» — кричала она ему, какъ только онъ входилъ. «Ужасно», — отвѣчала онъ, и отъ радости она теряла голову.

Потомъ ей нравилось — и это было такъ глупо и смѣшно, что она, вѣроятно, никому бы въ этомъ не призналась — мыть его тарелку, его ножъ и вилку и почему-то особенно — его ложку. А чашку его, изъ которой онъ пилъ чай, она оставляла на потомъ, и когда онъ уходилъ, сама пила изъ нея чай. Однажды отъ его телячьей отбивной котлеты осталась кость и Вѣра поцѣловала ее, прежде чѣмъ выбросить.

И еще: однажды у него за ѣдой выпала изъ зуба пломба, и онъ попросилъ позволенія пойти въ ванную и выполоскать ротъ. Она слушала, затихнувъ, какъ онъ полощетъ зубы и выплевываетъ воду, и когда онъ вернулся, она сказала, что... впрочемъ, она ничего не сказала, а только хотѣла сказать, что готова слушать его вѣчно.

Онъ приходилъ ежедневно. Онъ сказалъ ей правду: онъ устроился въ Парижѣ на службу въ картографическомъ заведеніи — не хуже и не лучше многихъ другихъ. И вообще, — онъ былъ какъ всѣ. Вѣру это очень радовало, она тоже была, какъ всѣ, она была «никто», и теперь ихъ чудесное, сладостное сближеніе тоже было не какимъ-нибудь особеннымъ, а очень обыкновеннымъ: онъ приходилъ завтракать, потомъ, въ шесть часовъ, когда онъ кончалъ работу, она пріѣзжала за нимъ, и вечеромъ, провожая ее домой, онъ поднимался и оставался, пока она не засыпала.

Чѣмъ ближе и тѣснѣе подходилъ онъ къ ней, тѣмъ яснѣе она видѣла, что послѣдняя съ нимъ близость будетъ единственнымъ возможнымъ завершеніемъ того, что началось въ ней при первой встрѣчѣ съ нимъ, что все, что волновало ее при мысли о немъ, или при немъ самомъ, все это той же самой природы, какъ и тѣлесная ему принадлежность. Онъ торопилъ, она оттягивала этотъ обреченный часъ — каждый вечеръ приближалъ ее къ нему, и

она сопротивлялась уже изъ безсознательнаго желанія не уторапливать судьбу, пока съ оглушительнымъ сердцебіеніемъ, въ полуобморокѣ, съ долгимъ ознобомъ блаженства, не стала его.

Въ прихожей горѣлъ свѣтъ, здѣсь, въ комнатѣ, въ полумракѣ, на креслѣ лежала одежда, штора надувалась и опадала въ окнѣ; Кареловъ лежалъ на боку, подпершись рукой, она смотрѣла на его веселый ротъ и иногда трогала слабыми пальцами его губы, его шею. Обоимъ хотѣлось молчать. Она не видѣла своего лица, но его лицо было до такой степени необычно, такъ свѣтилось оно въ сумракѣ, что казалось, оно само излучаетъ блѣдный, живой, еще неоткрытый физиками, свѣтъ.

И было въ этомъ лицѣ («а значить и въ моемъ лицѣ», — думала Вѣра) что-то совсѣмъ новое, что-то никогда до сихъ поръ не появлявшееся и впервые Вѣрой вообще увидѣнное въ человѣческомъ лицѣ, — было выраженіе рабской принадлежности ей, полной въ ней растворенности, окончательной преданности. «Почему онъ такъ смотреть? Вѣдь онъ хозяинъ всего, а я раба его, — думала Вѣра. — Вѣдь онъ и самъ знаетъ, что повелѣваетъ онъ, а покоряюсь я, почему же онъ можетъ на меня такъ покорно смотрѣть, при такой власти?»

Но Кареловъ не мѣнялъ выраженія своего лица и все продолжалъ смотрѣть на Вѣру и думать это же самое: почему, когда она хозяйка всего, всей его жизни, когда все, что есть — отъ нея, черезъ нее, изъ нея, — она смотритъ такъ рабски въ его глаза? Почему? Словно ждетъ, ловитъ его мысль, каждое его душевное движеніе — когда всѣ мысли, всѣ душевныя движенія — она сама.

Они не могли сказать другъ другу объ этомъ и не знали, что думаютъ объ одномъ и томъ же, но обоихъ удивляло, смущало и радовало это соединеніе страшной силы — человѣка надъ человѣкомъ — со слабостью, этой власти и этой покорности.

Потомъ она откинулась отъ него, и отъ полноты воз-

никакого въ ней волненія нѣсколько слезъ выпало у нея изъ глазъ. И сразу послѣ этого наступила почти озорная веселость, босыми, стройными ногами протопала она въ кухню, и выжала два апельсина въ стаканъ. Потомъ былъ хохотъ, исканіе спичекъ по столамъ и карманамъ, папиросный дымокъ, понесшійся въ прихожую, къ свѣту. Опять объятіе — долгое, полное шопота. И, наконецъ, сонъ.

«И это все мнѣ, мнѣ одной. Вся жизнь моя — мнѣ, и онъ мнѣ, и вообще — сколько всего кругомъ!» — думала Вѣра, идя рядомъ съ Кареловымъ однажды вечеромъ по улицѣ и чувствуя, что сегодня, — вотъ сейчасъ — начнется разговоръ, который Кареловъ нѣсколько разъ откладывалъ и который нисколько ее не беспокоитъ, потому что никакая сила въ мірѣ не можетъ сдѣлать ее счастливѣе, чѣмъ она есть. Они были недалеко отъ дома, шли по краю города, гдѣ мостовая была разрыта, гдѣ иногда — въ теплый вечерній воздухъ — дышалъ холодомъ недостроенный домъ.

Они сѣли за круглый столикъ на терасѣ маленькаго кафе. И Кареловъ, положивъ руку ей на обѣ руки, заговорилъ — чуть скорѣе и тише, чѣмъ обычно.

Да, онъ былъ женатъ. И это вовсе было не такъ давно, всего пять лѣтъ тому, какъ онъ женился. Жена его — южанка, и совсѣмъ еще молоденькая (А вы навѣрное думали — старуха? Признайтесь!).

— Русская?

— Ну да, русская.

Это было здѣсь, въ Парижѣ, по пріѣздѣ. Онъ зналъ ее еще въ Россіи — дѣвочкой, худенькой и бойкой. Что-то въ ней было тогда совсѣмъ особенное. Что-то цыганское. И вотъ родилась дочь.

Вѣра слушала.

Дочка. Ирочка, конечно, какъ полагается, какъ бываетъ во всѣхъ семьяхъ.

И такіе были тяжелые роды... Что-то измѣнилось послѣ

нихъ и въ ней, и въ немъ. «Миѣ казалось иногда, что ей невыносимо мое присутствіе, и я самъ видѣлъ, что мѣняюсь къ ней. Она сошлась... да нѣтъ, не сошлась, а стала жить просто такъ, съ кѣмъ придется. Я спросилъ ее однажды, неужели ей не жалко себя? Не чувствуетъ ли она, что это ея гибель? Она пришла въ бѣшенство и стала кричать, что я мѣшаю ей, что все на свѣтѣ только скука и больше ничего. Послѣ такихъ припадковъ она обыкновенно много плакала. Я просилъ ее отдать миѣ дочь, но она не захотѣла. Конечно, можно было судомъ... Этой осенью Ира умерла отъ простой простуды».

— Этой осенью?

— Да, за мѣсяцъ до моего знакомства съ нами.

Онъ помолчалъ.

— Я вамъ говорю: жена моя не совсѣмъ здорова, не такая сумасшедшая, какихъ сажаютъ въ сумасшедшій домъ, а другая.

— Но это была ваша дочка?

— Да, тогда это была моя дочка.

Они оба смотрѣли туда, гдѣ низко въ темнѣющемъ небѣ блѣдная и большая задрожала звѣзда.

— Сумасшедшая... Она, напримѣръ, теперь, говорятъ, зачѣмъ-то ищетъ меня.

Вѣра перевела на него глаза. Ей представилась женщина съ цыганскими серьгами и Кареловъ, какимъ онъ могъ быть лѣтъ пять тому назадъ. Но эти два образа не соединились.

— Богъ съ ней! Не думайте больше объ этомъ.

— Я знаю, что теперь у нея вовсе нѣтъ денегъ, работать она не умѣетъ, и всегда болѣетъ, и никто не можетъ понять, какими болѣзнями.

— Сдѣлайте что-нибудь для нея, но не надо такъ грустно смотрѣть куда-то мимо. Не надо.

— Не буду. Зачѣмъ я вамъ рассказываю все это? Простите. Въ сущности, я считаю, что я свободенъ.

— Да, вы свободны.

(«Не надо обращать въ его сторону нахмуреннаго лица, даже самыхъ малыхъ душевныхъ силъ нельзя тратить на что-то, что не сама любовь», — думала она).

Они пошли по улицамъ, нарочно дѣлая какія-то петли и круги, чтобы еще подышать этимъ вечеромъ, который обѣщаль стать звѣзднымъ и чистымъ, и у каждого было такое чувство, будто они сегодня вмѣстѣ перешагнули черезъ что-то, что еще лежало между ними, — такъ дружно перешагнули, такъ крѣпко держась за руки, и такъ послѣ этого товарищески вѣрно и беззавѣтно взглянули другъ другу въ глаза. А то, что было до этого у обоихъ, уносилось, пропадало, очищалось, со всей разрушительной силой, на которую только способна человѣческая память, оно разсыпалось, и будущее вилось надъ ними, какъ этотъ Млечный путь, похожій на обрубокъ человѣческаго торса. И внезапно какой-то темный уголокъ озарился въ Вѣриныхъ воспоминаніяхъ: она когда-то не могла припомнить одного евангельскаго стиха, который брезжилъ и не давался мыслямъ, а Евангелія у нея не было. Въ день выпуска, въ то вольнолюбивое время, не зная, что съ нимъ дѣлать, она отдала его Шлейферъ (православнымъ ученикамъ было оно роздано въ голубенькомъ картонномъ переплетѣ). Съ тѣхъ поръ Евангеліа у нея не было. Сейчасъ не весь стихъ, но смыслъ его съ отчетливой ясностью, съ какой-то счастливой болью припомнился ей: Блаженны... Блаженны всѣ: и жаждущіе, и кроткіе, и нищіе, и я, и онъ, и всѣ. Блаженны... Господи, до чего это хорошо!

— У васъ есть дома Евангеліе? — спросила она Карелова. — Миѣ хочется тамъ кое-что посмотреть.

— Евангеліе? А, знаете, кажется есть. Только очень рваное.

Она подождала у двери его дома, и онъ снесъ внизъ цѣлый чемоданъ: книгъ, писемъ, бѣлья, старыхъ сапогъ, — словомъ, полного своего бродячаго хозяйства. И они долго разбирались въ немъ въ ту ночь, и такъ какъ у нея въ квартирѣ не было каминовъ, то письма они жгли въ

плитѣ, не разрывая, не комкая ихъ, но аккуратно кладя по два, по три въ огонь. Всѣ письма были писаны однимъ и тѣмъ же размашистымъ, очень женственнымъ почеркомъ — и про любовь, и про разлуку, и про обманы, и про болѣзнь Ирочки, и про ея смерть.

— Видите, она къ тому же еще и графоманка, — сказалъ Кареловъ съ какой-то щемящей ироніей. — Она писала мнѣ письма даже тогда, когда мы жили въ одной квартирѣ.

Вѣра взглянула на него, боясь, что онъ скажетъ еще что-нибудь, но онъ замолчалъ, и тогда она обняла его колѣни.

«Сказать или не сказать? — думала она. — Если бы я знала навѣрное, что это была она, но я не увѣрена. Оттого, что у нея въ ушахъ были цыганскія серьги, еще не значить, что это она. Она шла по улицѣ и обернулась на меня, и мнѣ тогда показалось, что я ее уже видѣла однажды. Но не надо про это Это мѣшаетъ».

Онъ тоже сидѣлъ на полу, и уже начинался въ ихъ лицахъ тотъ стремительный, искажающій ихъ вѣтеръ, который оба они знали.

VIII.

Въ началѣ лѣта, когда Карелова не было и Вѣра была одна, въ день очень знойный и яркій, пришелъ Дашковский: «ни за чѣмъ», «провѣдать», какъ онъ выразился. Увидѣвъ мужское пальто и шляпу на вѣшалкѣ, онъ сперва рѣшилъ ни о чемъ не спрашивать, но конечно, не выдержалъ:

— Совершенно естественно, — сказалъ онъ, — и все-таки не хорошо. Вы чувствуете, что это не хорошо? Во-первыхъ, — вообще, а во-вторыхъ, — не посовѣтовавшись.

— Охъ, времени не было, — отвѣчала Вѣра. — Если вы будете приходить въ гости въ такой странный часъ, вы его никогда и не увидите. Онъ на службу ходитъ.

— Такъ. Богатый? Свободный?

— Болѣе или менѣе. То-есть нѣтъ. Я не знаю, какъ сказать.

Она засмѣялась и сквозь смѣхъ пыталась описать Дашковскому, какъ это все у нихъ произошло; трепля въ рукахъ какую-то книгу, онъ слушалъ.

Они говорили о томъ, о семъ, и было что-то уютное и мирное въ ихъ сидѣннѣхъ, — не такъ какъ въ первый разъ, когда они такъ разнo беспокоили другъ друга.

— Вы теперь все это немножко по другому дѣлаете. И мнѣ грустно, ей-Богу грустно, что вы такая, въ общемъ недурная женщина, а вотъ любите не по нашему.

— Ничего!

— Я знаю, вы просто не подозреваете, какъ жить иначе. А потомъ придутъ другіе, послѣ васъ, и опять будутъ чувствовать по новому. И значить — нѣтъ опыта. Каждый начинается сначала.

— А вѣдь это правда!

— И вовсе любовь не всегда была и есть одна и та же.

— Ну, конечно.

Часы подвигались, отстукивая время, и Вѣрѣ хотѣлось что-то вставить именно про время, потому что у нея были объ этомъ мысли, и она хотѣла ихъ провѣрить на Дашковскомъ. Но онъ не очень ее слушалъ.

— Мнѣ къ пяти часамъ надо быть по дѣлу, — говорилъ онъ позѣывая. — Я у васъ думалъ посидѣть часокъ.

— Очень хорошо.

— А въ дурака вы играете?

— Въ какого дурака?

— Въ обыкновеннаго, круглаго или подкидного. Да не съ нимъ, конечно-же! Господи, еще до этого у васъ не дошло, я понимаю. Я спрашиваю вообще: вы въ дурака играть умѣете?

— Умѣю, кажется. Только картъ нѣтъ.

— Карты со мной.

Онъ вынулъ изъ кармана колоду въ тридцать шесть, картъ, стасоваль, далъ снять и сдать.

— Имѣйте въ виду, если проиграете, буду васъ по носу хлопать, — сказалъ онъ съ видомъ челоуѣка, по крайней мѣрѣ разъ въ день говорящаго эту фразу.

Въ эту минуту у двери позвонили.

— А я — васъ, — сказала Вѣра и бросила Дашковскому вѣеромъ двухъ валетовъ и семерку.

— Пойдите, откройте.

— Это не у насъ, кажется.

— У васъ. Возьмите съ собой хлѣбную пилу, если боитесь.

Она встала и пошла. «Не трогайте колоду», — хотѣлось ей крикнуть, ужъ очень у Дашковского былъ лукавый видъ. Но она не сказала ничего и отперла входную дверь.

Въ прихожую вошла — одно короткое мгновеніе задержавшись въ дверяхъ — высокаго роста, смуглая, молодая женщина безъ шляпы съ черепаховымъ обручемъ на головѣ, сдерживавшимъ ея густые, съ нечистымъ блескомъ, черные волосы. Лицо ея было правильно и темно. Въ длинныхъ, черныхъ глазахъ не отражалось мысли, но въ разрѣзѣ ихъ было что-то плѣнительное и особенное. Тонкій носъ и худыя щеки были не напудрены; небольшой ротъ былъ окрашенъ темной краской и полуоткрытъ, вѣрнѣе какъ-то странно раздернутъ. Подъ грязной бѣлой кофточкой и темной, въ складку, юбкой, казалось, не было бѣлья. Чулокъ не было тоже. Упавшіе бѣлые носки открывали тонкія, совсѣмъ коричневыя ноги; единственное, что было на ней новымъ и чистымъ, были красныя, шелковыя туфли на высокихъ каблукахъ. Въ рукахъ — несомнѣнно еще сегодня не мытыхъ — она держала (передъ собой, движеніемъ напряженнымъ и искусственнымъ) большую, старую, шелковую сумочку. Она смотрѣла на Вѣру съ какой-то истерической рѣшимостью.

— Это вы — Вѣра Юрьевна? — спросила она въ рас-

тяжку, быстро метнувъ своимъ пустымъ взглядомъ въ глубину прихожей, изъ-подъ слишкомъ густыхъ и слишкомъ длинныхъ рѣсницъ.

— Я.

— Очень пріятно. Мнѣ нужно вамъ что-то сказать. Есть у васъ куда пройти?

Между раздернутыми влажными губами, мелькнули ея мелкіе, острые, неровные зубы.

— Пойдемте сюда, — сказала Вѣра и открыла дверь Лизиной комнаты.

— Что это? Кладовая?

— Нѣтъ, это не кладовая. Просто такъ, комната. Садитесь на сундукъ.

Женщина сѣла.

— ...Что это я хотѣла сказать? Вы навѣрное думаете, что я чья-то знакомая и пришла отъ кого-нибудь съ порученіемъ? (Нѣтъ, Вѣра этого не думала). Я сама по себѣ пришла. Я сейчасъ все вамъ объясню. Только прихлопнете поплотнѣе эту дверь.

Опять она подняла передъ собой свою большую сумку, перебирая пальцами, словно защищаясь отъ Вѣринаго взгляда; опять кинулись ея глаза — словно сдѣланные изъ чернаго камня — въ углы, по сторонамъ, и обратно — въ глаза Вѣры; въ нетерпѣливой дрожи покачивались ея ноги ударяясь о сундукъ, шевелились и ходили ея локти; вся она (и даже голосъ ея) производила впечатлѣніе чего-то вибрирующаго, словно по ней бѣжала какой-то токъ, но глаза сохраняли свое безсмысленное выраженіе.

— Я задержу васъ ровно минуту; вотъ только дверь. Мнѣ нужно вамъ сказать по секрету...

Вѣрѣ все хотѣлось крикнуть: «Ну же, ну, говорите», и еще что-нибудь, но она не могла найти словъ, голоса, подходящаго для этой гостии. Она чувствовала — не мыслью, но тѣмъ чутьемъ, которымъ научилась управлять въ послѣднее время, — что надо какъ можно скорѣе загово-

рить, но какой-то необъяснимый паралич сковывалъ всѣ слова, лишалъ ее голоса. Вѣдь можно было, даже не отводя глазъ отъ этой женщины, позвать Дашковского на помощь: Вѣра знала, она вѣрила, что онъ ничему не удивится и всему поможетъ. Еще она знала, что можно взять женщину за руку, крѣпко, сильно... Все это она знала и все-таки чувствовала, что разговоръ долженъ состояться, долженъ, долженъ, никуда отъ него уйти уже нельзя, поправить ничего нельзя, нельзя сдѣлать такъ, чтобы его не было. Рѣжущее любопытство прошло по ней. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, потянулась къ фарфоровой ручкѣ. Въ эту секунду ей послышался шорохъ, но она не оглянулась. И тогда раздался выстрѣлъ.

«Она не убила меня, иначе я бы рухнула головой въ переднюю. Господи, сколько мѣста заняла бы я въ этой маленькой квартирѣ! Пока человѣкъ стоитъ или ходитъ, его почти незамѣтно, но если онъ вздумаетъ лечь, тогда видно, что это такое. Я бы лежала, какъ это бываетъ, повернувъ одну руку, пригнувъ голову; Дашковский выбѣгая непременно запнулся бы объ меня. Воображаю, какимъ бабьимъ голосомъ онъ бы кричалъ, звалъ на помощь, выбѣгалъ на лѣстницу, стучалъ къ сосѣдямъ, перегибался черезъ перила, и оралъ бы навѣрное по русски о полиціи и докторѣ.

И, конечно, ничто бы не рухнуло вмѣстѣ со мной, не разсыпалось, теперь я знаю: все продолжало бы жить, пребывать вокругъ, въ покоѣ и свѣтѣ. Въ щель простыни, занавѣшивающей окно, острый, пронзительный, страшный въ своей живучести просочился бы ноть этотъ самый солнечный лучъ; тихонько запѣлъ бы чайникъ на плитѣ, поставленный мною для чая; ничего не подозревающая, маленькая птица влетѣла бы въ раскрытое окно кухни — какъ влетаетъ сейчасъ — ударилась бы о потолокъ и, хромая крыльями, выплеснулась бы обратно.

И эта женщина, которую онъ любилъ когда-то (сейчасъ, сейчасъ я начну думать о немъ, вотъ только обо

всемъ этомъ додумаю), эта женщина продолжала бы точно такъ же сидѣть на сундукѣ, всхлипывая и бормоча что-то невнятное. Какіе у нея длинные, красные и грязные ногти, какъ страшно лоснятся ея голыя ноги! Она вѣроятно принимаетъ Дашковского за моего отца, она можетъ быть думала, что изъ сосѣдней комнаты выбѣжитъ Кареловъ. Губы ея въ сумракѣ кажутся зелеными...»

— Вы слышите, что я вамъ говорю: уходите. Вы понимаете? я прошу васъ уйти.

Но женщина перебирала ногами на вѣсу, прятала руки подъ широкую юбку, всхлипывала и не уходила.

«Арестовать, — громыхалъ гдѣ-то поблизости Дашковский. — Или по крайней мѣрѣ дайте этой стервѣ валерьянки».

— Нѣтъ, она просто должна уйти. Вы слышите? Зачѣмъ вы все плачете? Уходите.

Вмѣстѣ съ Дашковскимъ, Вѣра помогла ей подняться и дойти до дверей. Она старалась держать ее подъ руку черезъ кофточку и отклонилась немного, чтобы не чувствовать подлѣ своего лица запаха ея волосъ. У входныхъ дверей произошла заминка, Дашковский отсталъ, Вѣра довела ее до первой ступеньки лѣстницы.

— А дальше вы пойдете уже сами, — сказала Вѣра.

Ей захотѣлось остаться одной, она не смѣла сказать объ этомъ Дашковскому, но онъ понялъ, безшумно собралъ карты, потушилъ подъ кипѣвшимъ чайникомъ огонь и взялъ свою шляпу. «Вамъ навѣрное ничего не нужно? Если вамъ что-нибудь понадобится, вспомните обо мнѣ». Онъ дѣлалъ видъ, будто сильно озабоченъ тѣмъ, что прожегъ папирсой пиджакъ.

И вотъ, когда все стихло, она услышала, словно изъ недавняго своего прошлаго, ходъ времени, дешевый, жестяной звукъ стоявшихъ въ комнатѣ маленькихъ часовъ. Она выпила залпомъ стаканъ воды, извлекла револьверъ изъ-подъ сундука, потрогала пальцемъ косякъ двери съ застрявшей пулей. Она сидѣла тамъ, въ осиновой дырѣ,

гладкая и холодненькая. «Блаженны», — сказала почему-то Вѣра вслухъ. Потомъ она легла на диванъ, лицомъ къ стѣнкѣ и когда вернулся Кареловъ, притворилась спящей.

IX.

Они ѣхали — но вовсе не туда, гдѣ сверкалъ въ вѣчной своей красотѣ тотъ край земли, о которомъ когда-то рассказывалъ ей Самъ и куда ей такъ долго хотѣлось уѣхать, они ѣхали въ дачномъ поѣздѣ за городъ, въ одно изъ лѣтнихъ воскресеній.

Поѣздъ шелъ подрагивая, выбираясь изъ рельсовой паутины, а рядомъ съ нимъ, то слегка отставая, то нагоняя его, тѣмъ же путемъ шелъ курьерскій, дальнѣй, еще не разогнавшій свою скорость. И Вѣра видѣла, какъ въ спальномъ вагонѣ перваго класса, аккуратный старичекъ, улыбаясь самъ себѣ въ бѣлоснѣжную бороду, искалъ что-то среди серебряныхъ пробокъ раскрытаго сессера; какъ рядомъ съ нимъ, въ слѣдующемъ отдѣленіи, молодая женщина, сидя по турецки, курила и записывала что-то въ книжку, наморщивъ лобъ; какъ еще дальше господинъ съ дамой, шатаясь и держась другъ за друга, распухивали какой-то шнурокъ. Потомъ курьерскій пошелъ быстрѣе, мелькнулъ второй классъ, гдѣ тѣсно сидѣли люди, потомъ — третій, гдѣ склался въ окнѣ матросъ, и вдругъ произошло какое-то торможеніе (а дачный все шелъ себѣ и шелъ), и замелькало все въ обратномъ порядкѣ: господинъ съ дамой распухивали шнурокъ и теперь она его сматывала, женщина, сидящая по турецки, клала въ ротъ круглую конфету, улыбающійся самъ себѣ старикъ что-то капалъ въ ухо. Шатнулся потный поваръ въ окнѣ вагона-ресторана, озаренное краснымъ свѣтомъ полыхнуло лицо машиниста, и вдругъ — свистъ, и курьерскій дернулся куда-то — и опять побѣжали одно за дру-

гимъ тѣ же окна, тѣ же лица, и вдругъ все исчезло. Открылась даль.

— Хорошо бы и намъ съ тобою такъ, — сказалъ Кареловъ, мотнувъ головой въ сторону курьерскаго.

Вѣра взглянула на него.

— Совершенно разучилась завидовать и желать. Ну не все ли равно: куда и какъ?

Онъ отвелъ глаза, словно она слѣпила его словами. Когда онъ снова обратился въ ея сторону, она не смотрѣла на него и чистила апельсинъ, и улыбалась сама себѣ. Она думала о томъ, что въ эти недѣли она не то чтобы отупѣла, а стала какъ-то менѣе чувствительна къ тому, что вообще дѣлалось въ мірѣ вокругъ нея, и къ самому міру, а улыбалась она потому, что знала, что это пройдетъ, а то, что за этимъ придетъ, будетъ навѣрное еще лучше.

Онъ не старался угадать, чему она улыбается. Если улыбка — значитъ есть чему. Ея улыбка все мѣняла для него, и Вѣра съ щедростью обращала къ нему эту улыбку. Но онъ былъ озабоченъ сейчасъ тѣмъ, какъ бы остатками здраваго смысла взглянуть на нее со стороны, увидѣть ее такой, какой видѣли ее сосѣди по купѣ, кондукторы. Онъ искалъ въ ея лицѣ, въ ней самой, того, что раньше въ женщинахъ бывало ему непріятно: суетливости, черствости, какой-то — мгновеніями — скучной непроницаемости. Искалъ и не находилъ. Все въ Вѣрѣ казалось ему прелестнымъ. А главное, чего онъ до сихъ поръ не могъ себѣ представить, было ея, съ вѣчной для него новизной, равновѣсіе — ея «головокружительное равновѣсіе», какъ онъ опредѣлялъ про себя, словно покой и постоянство счастья, которые исходили отъ нея, уравновѣшивались страстью, безстыдствомъ и изступленіемъ, которыя онъ въ ней зналъ; словно вся она, со своимъ здоровымъ, вѣрнымъ тѣломъ и любящей душой, уравновѣживала цѣлый міръ злобы, болѣзней и тоски.

— Пожалуйста, не смотри такъ ласково на кондуктора, — попросилъ онъ. И она сейчасъ же стала смотрѣть въ ок-

но. Но она больше не могла смотрѣть иначе, и онъ это зналъ.

— Такъ о чемъ это я? — сказала она. — Да! О томъ, какъ это было... Сейчасъ. — Она встала и прошла въ корридоръ, и вернулась на свое мѣсто.

— Видишь ли... Онъ появился однажды, передъ вечеромъ... Вообрази себѣ петербургскую мѣщанскую квартиру. Сумерки. Я вхожу съ мороза... А въ немъ было что-то такое иностранное. Нѣтъ, не могу тебѣ это передать.

Она уже нѣсколько разъ пыталась рассказать ему про свою жизнь съ Александромъ Альбертовичемъ.

— Онъ любилъ тебя? Ты любила его? Почему ты вышла за него? Какъ онъ умеръ?

— Тише, тише. Онъ появился передъ вечеромъ... Смотри, какой лѣсъ. Нельзя ли намъ туда?

— Мы туда и ѣдемъ.

— Однажды, въ морозный день, въ сумеркахъ...

Она замолчала. И вдругъ ей показалось, что это уже когда-то было и что этого не будетъ больше никогда. Было такъ: она сидѣла одна и молчала, а говорили только ея мысли — про Сама, про маленького Сама, въ тотъ день, когда она вернулась отъ него, мертвого. Вотъ этими словами она начала тогда свой — для самой себя — о немъ рассказъ. И это больше уже не повторится никогда, потому что никогда не будетъ она сидѣть такъ и говорить: «Его фамилія была Кареловъ, черезъ «а». Это было въ Ниццѣ, въ тысяча девятьсотъ...» Потому что некому будетъ это говорить. Потому что не можетъ быть, чтобы она была безъ него.

Когда они выѣзжали и пошли лѣсомъ, начинавшимся отъ самой станціи (маленькой, кирпичной, гдѣ одинъ и тотъ же служащій продавалъ билеты, отбиралъ ихъ, махалъ машинисту, подавалъ ящики въ товарный вагонъ), когда они вошли въ лѣсъ, гдѣ было жарко и сыро, гдѣ жесткая, совсѣмъ еще зеленая ежевика росла стѣной, а верхушки дубовъ дрожали и текли въ солнечномъ раз-

ливѣ, Вѣра сказала, что не помнить, когда въ послѣдній разъ была въ лѣсу, она даже забыла, что бываютъ лѣса. Правда, это было такъ давно! Можетъ быть, это было еще въ дѣтствѣ. А главное, она никогда ни съ кѣмъ не была въ лѣсу вдвоемъ, не была въ полѣ, на рѣчкѣ. Она никого не знала, кто бы это любилъ, кто бы позволилъ ей вотъ такъ остановиться и прислушаться — ни къ чему, или вздохнуть нѣсколько разъ — ни о чемъ.

Дорога поднималась въ гору и темнѣла, уходя.

— Тамъ не страшно? — спросила она, улыбаясь своей широкой улыбкой и въ эту минуту и въ самомъ дѣлѣ становясь похожей на мать.

— Не знаю. Мнѣ не страшно. Мнѣ даже тебя не страшно, — отвѣчалъ Кареловъ, нарочно удерживаясь, чтобы не взглянуть на нее.

— Несмотря на то, что меня и пули не берутъ?

— Вотъ именно поэтому...

Все пѣнилось въ ней, когда она это спросила, отъ чувства жизни, отъ чувства счастья, и она знала, что онъ знаетъ, что все въ ней пѣнится. Тихонько подойдя къ нему, она приблизила свое лицо къ его лицу, обѣими руками между его и своими глазами сдѣлала щиты, такъ что могло показаться, что сейчасъ ночь и они въ темнотѣ, и долго смотрѣла молча въ его глаза. Ей хотѣлось сказать, что несмотря на то, что эта дорога вьется въ гору, кругосвѣтное путешествіе окончено; что она всю жизнь думала, что она счастлива, но что на самомъ дѣлѣ она была очень несчастна; что ей хочется всегда, безъ конца быть съ нимъ — и даже чтобы онъ этими руками, которыми ласкаетъ ее, когда-нибудь закрыть ей глаза; ей хотѣлось сказать, что она знаетъ, что и онъ хочетъ того же. И еще ей хотѣлось сказать — и это-то больше всего волновало ее — что въ побѣдѣ ее тошнило, что она беременна.

Но она не сказала ничего, потому что, когда она стояла такъ близко отъ него, у нея не было голоса.

Н. Берберова.

Калуга

(Изъ романа «Путешествіе Глѣба»).

I.

.....

...Когда думалъ, что провалился и надо возвращаться въ Людиново, Глѣбъ погибалъ. Теперь достигъ своего. Съ полнымъ правомъ, въ основательномъ снаряженіи могъ шествовать къ гимназіи, подыматься на третій этажъ казавшагося огромнымъ зданія, въ свой невысокій, полу-антресольный классъ. Тамъ было у него мѣсто за партой, сосѣдъ — худенькій рыжеватый мальчикъ похожій на лисичку — Докинъ. Каждое утро Глѣбъ вдыхалъ запахъ класса, запахъ крашеной парты и тюленьяго ранца: въ любой моментъ жизни своей позднѣйшей съ ясностью галлюцинаціи могъ ощутить его. Видѣлъ сквозь небольшія окна, низенькія, какъ бы крѣпостныя или тюремныя, сизую муть осенняго утра — вдалекѣ маячили Московскія ворота, триумфальная арка Калуги. Онъ благополучно отвѣчалъ уроки, писалъ экстермпорали, зналъ, что *gaudeo*, а *leo senex morbum simulabat*, никакихъ огорченій отъ товарищей не терпѣлъ. Но глубокою горестностью была полна эта новая жизнь, давшаяся такими трудами и тревоженіями! Съ тоскою вставалъ онъ утромъ, въ полутьмѣ, зажигая свѣчу. Надо идти, нельзя опоздать, надо знать заданное. Надо и надо. Сила спокойная, неумолимая распоряжалась имъ, и какъ тюремны были окна класса, такъ оттѣнокъ тюрьмы легъ на весь складъ жизни. Мать, Лиза, Дашенька, это еще свое, теплое и домашнее. Но шинель, ранецъ, учебники — уже части машины, каж-

дое утро втягивавшей, поглощавшей чуть не на весь день.

Проживъ мѣсяцъ съ дѣтьми, мать стала собираться въ Людиново. Мать уѣзжаетъ! Это случалось впервые. До-селѣ во всѣхъ дняхъ его и ночахъ, бдѣніи, снѣ мать неизмѣнно присутствовала. Но теперь уходила. Глѣбъ молчалъ, съ отчаяніемъ ждалъ этого. И съ отчаяніемъ въ сердцѣ пошелъ съ ней и Лизой къ дядѣ Георгію — мать должна была съ нимъ проститься и верховному его наблюденію поручить дѣтей.

Дядя Георгій былъ докторъ, родной братъ отца и на него походилъ. Но гораздо болѣе, чѣмъ въ отцѣ, въ немъ сохранилось польскаго, отъ бабушки Франциски Ивановны и того Кіева, гдѣ онъ учился. Въ его любезности, галантности, въ томъ, какъ онъ цѣловалъ матери ручку было что-то непривычное, непохожее на Усты и Людиново. Гладко зачесанные назадъ волосы, горбатый носъ, изящный галстучекъ, духи, узкіе брюки, манера принимать величественныя позы, подымать брови, вообще нѣкоторая не-русская картинность удивили Глѣба сразу. Онъ чувствовалъ себя съ нимъ неуютно.

Единственно, что дѣлало отличную квартиру на Никитской болѣе близкой, это то, что тамъ жила Соня-Собачка, вѣрный другъ еще по блаженно-райскимъ днямъ Устовъ, теперь крѣпенькая, полная гимназистка въ коричневомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ. У ней была отдѣльная комнатка съ окномъ во дворъ. Оттуда она бѣгала въ свободное время на Никольскую къ Лизѣ и Глѣбу.

Въ день прощальнаго визита Глѣбъ особенно мрачно сидѣлъ между Лизой и матерью въ дядюшкиной столовой съ дубовымъ буфетомъ и никкелевымъ самоваромъ, изъ котораго валилъ паръ. Дядя Георгій держалъ передъ носомъ своимъ блюдечко съ чаемъ, очень горячимъ, какъ онъ любилъ, и весь морщась, подымая брови чуть не до потолка, дулъ на него. Глѣба это раздражало. Онъ молча ѣлъ очень вкусный тортъ. Соня-Собачка переглядывалась съ Лизой, едва замѣтно передразнивая дядю (она его

окрестила Красавцемъ). Онъ-же ласково-всличественно говорилъ матери, что она должна быть за дѣтей покойна: онъ будетъ наблюдать. И за здоровьемъ, и за всѣмъ. Юноша, кажется, хорошо учится. (Глѣбъ терпѣть не могъ, когда его называли юношей и съ ненавистью на него взглянулъ). Лизочка тоже умница. (Соня-Собачка съ самымъ серьезнымъ видомъ подняла тоже брови, сколько могла. Лиза чуть не прыснула, но удержалась). Красавецъ-же сталъ рассказывать, какая у него практика и какія знакомства. Выходило, что вся Калуга, начиная съ губернатора и предводителя дворянства его близкіе и друзья.

Глѣбъ не могъ дожидаться минуты, когда можно будетъ уйти. Мать завтра уѣзжаетъ, хоть бы послѣдній вечеръ побыть съ нею вдвоемъ, а тутъ этотъ Красавецъ со своими разглагольствованіями... И зачѣмъ онъ, правда, все топорщить брови? Глѣбу даже стало непріятно, что онъ похожъ на отца. Отецъ никогда такъ не держался.

Наконецъ, мать поднялась. Красавецъ удерживалъ ее, но она сказала, что не все къ отъѣзду еще уложено.

Онъ всталъ, элегантно заправилъ назадъ свисшую прядь волосъ.

— Ручку, ручку!

И какъ подобаетъ гоноровому пану, прильнулъ къ ручкѣ матери. Она поцѣловала его въ високъ.

— Такъ я теперь по крайней мѣрѣ буду покойна...

— Вполнѣ, мой другъ, душечка... — онъ выпятилъ впередъ нижнюю губу и нѣсколько сталъ похожъ на индѣйскаго пѣтуха.

— Цѣлуйте Колю, пусть сюда пріѣзжаетъ. Мы съ нимъ у Кулона нравственно встряхнемся.

Но и дома Глѣбу не удалось какъ слѣдуетъ побыть съ матерью: задачи упорно не выходили. Будь это Людиново, отецъ «безъ алгебры» помогъ-бы, но здѣсь надо бороться самому. И лишь въ десятомъ часу освободился онъ. Но мать еще здѣсь, еще уляжется на постель, въ бѣ-

лой кружевной кофточкѣ, перекрестить его и поцѣлуетъ на ночь.

... Она уѣзжала въ одиннадцатомъ утра. Глѣбъ не могъ провожать ее, Лиза тоже. Въ восемь часовъ, выходя въ полномъ своемъ вооруженіи, шинели до пятъ, гимназической фуражкѣ, съ застегнутымъ за спиной ранцемъ, ворсъ котораго въ однихъ пятнахъ отливалъ темнымъ, въ другихъ блѣдно лоснился, Глѣбъ въ послѣдній разъ поцѣловалъ мать. Она была слегка блѣднѣй обычнаго, но покойна, каріе прекрасные глаза все такъ-же ясны, вся она такъ-же сдержана и холодновата.

— Ну, сыночка, Господь съ тобой...

Глѣбъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, почти выскочилъ на улицу, въ хмуромъ калужскомъ утрѣ зашагалъ по Никольской. Нанискосокъ, изъ-за деревяннаго забора сада свѣшивались вѣтви клена въ рѣдкихъ, красно-рыжихъ листьяхъ, въ капелькахъ осенней влаги. Дрозды перелѣтывали. Глѣбъ, даваясь слезами, медленно, но упорно шагаль въ гимназію.

А черезъ полтора часа Дашенька усаживала на извозчика барыню въ дорожной тальмѣ и шляпѣ со страусовымъ перомъ, загигавшимся назадъ, какъ на рыцарскомъ шлемѣ. Оно играло въ вѣтеркѣ своими завитками. Дашенька поцѣловала повелительницу въ плечо, застегнула крючекъ кожанаго фартука пролетки.

— Съ Богомъ, — сказала мать старенькому извозчику. — Только полегче, пожалуйста.

Она не любила быстрой ѣзды. Но тутъ могла быть покойна. Лошаденка никакъ не собиралась торопиться. И по Никольской безопаснымъ трухомъ влекла за двугривенный къ Ряжско-Вяземскому вокзалу.

Проѣзжая мимо трехэтажной гимназіи, Николаевской постройки, мать обернулась, стараясь въ слѣлыхъ и тяжелыхъ окнахъ увидеть «сыночку». Но не увидѣла.

Сыночка-же тоже все старался высмотрѣть отъ своей

печки каждаго проезжавшаго къ Московскимъ воротамъ.

— Что ты все вертишься? — спросилъ рыженькій Докинъ.

Глѣбъ не сталъ объяснять. То-ли не все было видно, то-ли онъ проглядѣлъ, но и Глѣбъ матери не увидѣлъ. Въ одиннадцатъ, когда пробилъ звонокъ и второй урокъ кончился, онъ понялъ, что и не увидитъ. Подошелъ къ окну, тупо смотрѣлъ на Московскія ворота, туманно вдаль маячившія.

II.

Послѣ гимназіи черезъ часъ сумерки, а тамъ тьма. Лампа съ зеленымъ колпакомъ, грамматика Кюнера и Ходобая, тетрадки, уроки. И всегдашнее чувство — надо что-то преодолевать, о чемъ-то тяжкомъ заботиться. Иногда, уже раздѣвшись, улегшись, вдругъ вспоминалъ Глѣбъ, что заданы еще нѣмецкіе глаголы, или задача. И зажегши свѣчку въ одной рубашкѣ наверстывалъ упущенное. Гдѣ ужъ тутъ рисовать луссеневскія деревца или гоголевскіе типы! Художество такъ и осталось въ Людиновѣ, въ тихой и свѣтлой комнатѣ наверху, съ видомъ на озеро.

Зима пришла рано. Ока стала, Цилулинскіе пароходы, которыми любовался нѣкогда Глѣбъ изъ Будаковъ, зазимовали у моста. Будаки въ десяти верстахъ, какъ бы и подъ бокомъ, но въ другомъ мірѣ, райскомъ. Калугу-же сильно завѣяло снѣгомъ — и городской садъ, и близъ него губернаторскій домъ, и базарную площадь. Снѣгъ на Никитской, на Никольской, блѣдые отсвѣты на потолкѣ Глѣбовой комнаты. Мягко поскрипываетъ онъ подъ калошами, когда Глѣбъ пересѣкаетъ улицу. Уличный шумъ прекратился, беззвучно катятъ извозчики, мчатъ лихачи отъ Кулона. Но Глѣбу все равно, идти ли въ гимназію

по снѣгу или по грязи, зима-ли сейчасъ или осень, мракъ въ сердцѣ одинъ.

Единственный просвѣтъ — Соня-Собачка прибѣгала по воскресеньямъ отъ своего Красавца, толстенькая, румяная, веселая. Шушукалась, хохотала съ Лизой, шептались, фыркали насчетъ учителей.

Глѣбъ теперь больше входилъ въ ихъ компанію. Вспоминая Усты, рѣзались въ свои козыри. А то Соня изображала коня, ржала, рыла землю копытомъ. Глѣбъ вспрыгивалъ ей на спину и она скакала съ нимъ по комнатамъ. Запыхавшись, сваливала его на диванъ и садилась рядомъ.

— Расскажи про Красавца, говорилъ Глѣбъ.

— Глѣбъ, Глѣбъ, ты знаешь, мой Красавецъ очень гордый. Онъ когда утромъ пьетъ чай съ блюдечка, то такъ выставляетъ впередъ губы, знаешь, трубой, трубой... и дуетъ на него величественно, чтобы себя не уронить передо мной... а брови уѣзжаютъ наверхъ — я чуть не лопаюсь со смѣху... — Собачка и дѣйствительно валилась на диванъ, хохотала. — Только не дай Богъ, чтобы онъ замѣтилъ, а то вспыхнетъ, разсердится. Я и виду не показываю, онъ страшно обидчивый... и важный. Считаетъ, что мы, дворяне, должны высоко держать голову. А онъ такой «гоноровый» потому, что жилъ въ Кіевѣ и говорить, что въ насъ отъ бабушки Станиславской аристократическая польская кровь.

Что аристократическая, Глѣбу понравилось. Но что польская, не особенно. Онъ предпочелъ-бы русскую. Впрочемъ, это его сейчасъ мало и занимало. Какой онъ аристократъ? Онъ плѣнникъ Кюнера и Ходобая.

А Собачка все хохотала.

— Глѣбъ, Глѣбъ, ты знаешь, Красавецъ ужасный дуракъ со всѣмъ этимъ своимъ аристократизмомъ.

Глѣбъ видѣлъ его иногда на улицѣ, закутаннаго въ шубу съ енотовымъ воротникомъ (казавшуюся Красавцу бобромъ), несущагося на лихачѣ къ высокопоставленному пациенту, или къ богатымъ купцамъ Терехинымъ «на-

мокать», или на винтъ къ вице-губернатору. Красавецъ представлялся Глѣбу чѣмъ-то параднымъ и стѣсняющимъ. Онъ не безъ робости раскланивался съ нимъ, и былъ уязвленъ, когда однажды тотъ, пролетѣвъ въ санкахъ, не замѣтилъ его и не отвѣтилъ на поклонъ: Глѣбъ самъ, отчасти, былъ гоноровый панъ.

Какъ и общалъ матери, Красавецъ заѣзжалъ въ домикъ Тарховой навѣщать дѣтей. У подъѣзда извозчикъ останавливался, Красавецъ не безъ картинности вылѣзалъ изъ саней. Въ сѣняхъ встрѣчала его Дашенька. Низко кланялась. Онъ снималъ свои еноты подъ бобра, вытаскивалъ блѣднѣйшій носовой платокъ, вытиралъ усы, громко сморкался — носъ у него былъ большой, съ горбиною, онъ тоже имъ гордился.

На тоненькихъ ножкахъ, распространя запахъ духовъ, откидывая назадъ голову съ гладко зачесанными, слегка намаженными волосами, входилъ въ крошечную гостиную.

— Здравствуй, душечка, милочка моя, говорилъ Лизѣ, ласково ее цѣловалъ, иногда сажалъ къ себѣ на колѣни. — Какъ здоровье? Ученье?

Глѣбъ тоже выбирался изъ своей берлоги, весь пропитанный разными *leo senex* и *accusativus cum infinitivo*. Глѣбъ былъ диковатый и хмурый выходецъ. Дядюшка его стѣснялъ.

— Юноша блѣдновать. Надо гулять больше. На конькахъ кататься.

— У меня много уроковъ, — отвѣтилъ Глѣбъ мрачно. — Какіе тутъ коньки...

Красавецъ выпятилъ впередъ губы, наморщилъ лобъ и доставъ серебряный портсигаръ, вынулъ папироску. Съ чрезвычайной значительностью постукивалъ ею о крышку портсигара, обнаруживъ и длинные ногти, и золотое кольцо на пальцѣ, съ печаткой.

— Душечка, — сказалъ, закинувъ одну толстую ножку въ лакированной ботинкѣ за другую: уроки уроками. но

свѣжій воздухъ необходимъ. Лизочка, заставляй его гулять. Я знаю, что ты хорошо учишься... Молодецъ, наша порода. Но все-таки, надо и за здоровьемъ слѣдить...

Красавецъ привозилъ иногда и конфеты, въ изящныхъ коробкахъ, перевязанныхъ ленточкой. Всегда былъ любезенъ, оставлялъ запахъ духовъ и хорошей папиросы, свѣжести, вымытости, но при всемъ томъ Глѣбу не весьма нравился. Можно-ли сравнить съ отцомъ! Отсюда, издали, отецъ казался образцомъ мужчины: со своими ружьями, запахомъ табаку, тоже чистый и аккуратно одѣтый, но простой, веселый, смѣлый... Отецъ ходитъ на медвѣдя, стрѣляетъ волковъ, одинъ можетъ разговаривать съ толпой рабочихъ, даже и недовольныхъ. Отъ него не пахнетъ духами и помадой, и онъ посмѣлся-бы надъ красавцевыми лакированными ботинками. Да что ботинки: Красавецъ боится всякаго таракана, говорятъ, когда былъ въ Будакахъ, то трепеталъ передъ каждой козявкой. Нѣтъ, это не деревенскій человѣкъ! Онъ ничего не понимаетъ ни въ деревнѣ, ни въ природѣ, ни въ охотѣ. Глѣбъ зналъ, что къ такимъ отецъ относился насмѣшливо. «Городскіе», «ферты», «не знаетъ, какъ и лошадь запречь», — а если отцу не нравилось, значить и Глѣбу. Онъ усвоилъ къ Красавцу нѣсколько снисходительное, но и почти высокомерное отношеніе. И радъ бывалъ, когда тотъ, разсѣянно поцѣловавъ его въ лобъ, удалялся.

**

Каждый разъ, входя въ огромное зданіе гимназіи, чувствовалъ онъ себя въ острогъ. Всякій человѣкъ въ вицмундирѣ — власть, отъ каждаго онъ зависитъ. Каждый можетъ сказать рѣзкое и непріятное, и ни отъ кого нельзя ждать привѣта. Даже безобидный Петръ Андреечъ, учитель чистописанія, самъ всѣхъ боявшійся, не осмѣливался быть ласковымъ. Молодой географъ интересно разсказывалъ и объяснялъ на глобусѣ, и Глѣбу нравилось

хорошо отвѣчать ему. Но и тотъ за золотыми своими очками казался недосыгаемъ.

Главный-же ужасъ, почти мистическій внушалъ директоръ. Высокій, худой, очень костлявый, сѣровато-сѣдой, съ металлическими холодными глазами... Латинскій языкъ! Что осталось отъ Рима, Италиі въ этихъ *extemporalia*?

Нѣчто печальное и замогильное было въ движеніяхъ директора и въ голосѣ, безнадежныхъ стальныхъ глазахъ. Чья улыбка, чей смѣхъ могъ бы жить рядомъ съ ледянымъ этимъ человѣкомъ? Онъ былъ окутанъ гробовымъ безвоздушіемъ луны. И когда утромъ входилъ въ классъ, садился у стола, расправлялъ фалды вицмундира, а надъ нимъ на стѣнѣ возвышался портретъ мощнаго блондина съ подписью: «Благовѣрный Государь Императоръ Александръ III», то отъ обоихъ исходило вѣяніе почти потусторонней скуки. Но Императоръ, изображенный кистью Петра Андреевича, былъ скупченъ величественно. Директоръ-же обыденно. Онъ раскрывалъ журналъ и вызывалъ очередную жертву.

Глѣбъ никогда раньше не видалъ такихъ людей. Директоръ не походилъ ни на отца, ни на Дреца, ни на Красавца, еще менѣе на разныхъ мужиковъ устовскихъ, будаковскихъ. При видѣ его Глѣбъ испытывалъ какую-то тоску, онъ не думалъ и не осмысливалъ ничего, просто становилось тяжело на сердцѣ. На урокахъ отвѣчалъ хорошо, но впервые въ жизни испытывалъ острое чувство нелюбви. И считалъ при этомъ, что директоръ тоже его не любитъ, что они почти враги. Глѣбъ ошибался тутъ по всегдашней своей привычкѣ оцѣнивать себя какъ нѣчто. Директоръ не могъ быть его врагомъ. Онъ Глѣба даже и не замѣчалъ.

Но однажды ему пришлось узнать характеръ этого мальчика нѣсколько ближе.

Непріятнѣйшимъ днемъ недѣли была для Глѣба пятница. Это его дежурство. Тутъ къ обычному прибавлялись заботы новыя, хозяйственно-полицейскія. Хозяйство, прав-

да, пустяшное: стирать съ доски рожи передъ приходомъ учителя, слѣдить за мѣломъ и губкою, за учительскою чернильницей. Знать, кто отсутствуетъ и наблюдать за порядкомъ.

Но тутъ то и начиналась полиція. Гвалтъ въ классѣ подымался какъ только притворялись за учителемъ стеклянныя двери. За гвалтъ этотъ отвѣчалъ дежурный. Именно ему надлежало унимать все это и слѣдить у двери за передвиженіями непріятеля въ корридорѣ.

Если приближался надзиратель, какой-нибудь Криворотый, или, не дай Богъ, инспекторъ, надо дать во время сигналъ, добиться тишины. Ибо иначе Криворотый, долговязый человѣкъ съ развинченной походкой, худой, въ затасканномъ вицмундирѣ и съ болѣзненно-кривымъ ртомъ, войдя скажетъ:

— Кто дежурный?

— Я.

Вынимается записная книжка.

— Кто шумѣлъ, мычалъ и издавалъ бленіе козла?

— Я... не знаю.

— А кто еще лаялъ?

— Н-не знаю...

— Какъ-же ты не знаешь, если ты дежурный?

— Я отлучался.

— Какъ-же ты могъ отлучаться, если ты дежурный?

— По... своей надобности, — бормоталъ Глѣбъ освященную обычаемъ фразу.

Криворотый отлично зналъ, что это неправда. Зналъ, что какъ только онъ выйдетъ, въ классѣ раздастся кличъ: «Криворотый!» — Но онъ былъ ослабшій и не борзый человѣкъ. Ему бы хлопнуть рюмочку, сразиться въ преферку, полюбоваться на толстогрудую экономку инспектора.

Чтобы поддержать идею власти, онъ лѣниво говорилъ:

— Если въ слѣдующій разъ у тебя опять будетъ надобность, то останешься безъ обѣда.

И заложивъ руку снизу подъ фалду, грустно побалтывая ею, удалялся.

— Криворотый! — кричали въ классѣ. На доскѣ появлялся профиль леонардовскаго уроды съ перекошеннымъ ртомъ.

Криворотый, конечно, полгоря. Бѣда въ томъ, что ихъ классный наставникъ — директоръ. И когда отъ дверей Глѣбъ давалъ сигналъ «директоръ», все сразу смолкало. Врасплохъ врядъ-ли могъ застать что-нибудь директоръ во «второмъ параллельномъ» калужской гимназіи. Но у судьбы свои пути, намъ невѣдомые.

Во одну изъ пятницъ конца ноября тотъ самый Юзепчукъ, съ которымъ познакомился Глѣбъ на бранномъ полѣ въ день экзамена, сразился во время перемены съ Павловымъ, несмотря на тщетное вмѣшательство Глѣба. Бой шелъ ожесточенный. Весь классъ развеселился. Размахивая ранцемъ на ремнѣ Юзепчукъ увлекся, выпустилъ его изъ руки — ранецъ съ учебниками хлопнулъ въ оконное стекло. Трескъ, звонъ его остановили воиновъ.

Онъ не пробилъ второго стекла... все-таки, это скандалъ. Глѣбъ въ ужасѣ подбѣжалъ къ окну. Всѣ сразу стихли: ясно, чѣмъ дѣло пахнетъ.

... Тутъ и вошелъ директоръ, какъ Судьба, какъ жандармъ въ «Ревизорѣ». Никогда такъ не входилъ, а сейчасъ вошелъ. Держа руки въ карманахъ, съ выраженіемъ усталого презрѣнія приблизился къ окну. Чего можно ждать отъ этихъ негодяевъ, не отличающихъ второго склоненія отъ третьяго?

— Кто сегодня дежурный?

Глѣбъ, поблѣднѣвъ, подошелъ къ нему. Директорова голова была много выше Глѣбовой.

Надъ синимъ вицмундиромъ выдавался на костлявой шеѣ кадыкъ, дальше шли сѣдоватыя заросли щекъ, блѣлые, холодные глаза.

— Вы что-же тутъ — обратился онъ къ классу: скоро двери начнете съ петель снимать?

— Кто разбилъ стекло? — спросилъ директоръ у Глѣба, не вынимая рукъ изъ кармановъ.

— Н-не... знаю.

Директоръ сталъ допрашивать. Глѣбъ пытался защищаться: былъ занятъ въ то время, какъ разбили стекло, разговаривалъ. — Какъ разговаривалъ? Дежурный не имѣетъ права разговаривать о постороннемъ.

Глѣбъ терпѣлъ, все смотрѣлъ снизу на жилистую шею, сѣдоватый подшёрстокъ по скуламъ. Ненависть подымалась глухо, неудержимо. Одновременно — леденяшій страхъ и отчаяніе.

Директора тоже раздражалъ этотъ упрямый мальчикъ. Онъ повышалъ тонъ, наступалъ.

— Да, такъ ты не знаешь? Ты, дежурный, обязанный слѣдить за порядкомъ въ классѣ и ты не знаешь?

Глѣбъ вдругъ почувствовалъ, что не себѣ уже принадлежитъ. Давясь отъ ужаса, смертно поблѣднѣвъ, но ощущая нѣкій сумасшедшій полетъ, негромко, совершенно явственно, однако, произнесъ:

— Не знаю. А е-если бы и зналъ, то все-е равно не ска-азалъ-бы.

Дерзость Глѣба была чрезвычайна. Не то что не выполнилъ долга, не досмотрѣлъ, но просто отказался подчиняться. «Если-бы зналъ, все равно не сказалъ-бы». Это ужасно. Съ такими не приходится стѣсняться... И Глѣбъ на мѣстѣ, тутъ-же, былъ осужденъ: недѣля безъ обѣда, т. е. каждый день на часъ послѣ уроковъ, одинъ въ запертомъ классѣ. Письмо родителямъ, сбавка балла по поведенію.

«Отъ тюрьмы да отъ сумы не откайся» — въ этотъ день тюрьму Глѣбъ испыталъ со всею остротой одиннадцатилѣтняго сердца. Уроки пронесли въ туманѣ. А вѣрнѣе, онъ на нихъ и не присутствовалъ: сидѣлъ на партѣ, находился-же въ подземномъ мракѣ.

Станнымъ образомъ, особенно убивалъ его «позоръ»

наказанія. Какъ дежурный онъ поступилъ правильно, выдавать нельзя. Все-же, въ его глазахъ пятно ложилось на него отъ одного того, что онъ отсидитъ въ пустомъ классѣ лишній часъ. Товарищи отнеслись проще. Ну, посидитъ и посидитъ. Мало-ли кто не сидѣлъ. Но Глѣба никогда никто не наказывалъ, ему дико представить себѣ было, что кто-то можетъ проявить надъ нимъ насиліе.

Грустно, долго тянулся часъ въ пустомъ классѣ. Сквозь тюремныя окна виднѣлись во мглѣ сизѣющей Московскія ворота. Туда уѣхала мать. Тамъ отецъ, Людиново, достойная его жизнь. Тутъ-же онъ сидитъ невиновнымъ узникомъ. Глѣбъ не могъ ни готовить уроковъ, ни читать. Мрачная мечтательность владѣла имъ.

И когда въ четыре пришелъ Криворотый, лѣниво сказалъ: «Говорилъ тебѣ, останешься безъ обѣда» — и показалъ рукой, что теперь можетъ онъ идти, Глѣбъ трагически надѣлъ ранецъ и вышелъ съ такимъ видомъ, будто съ одного эшафота переходитъ на другой.

Онъ считалъ, что и дома это будетъ принято какъ позоръ. Шелъ медленно, сумрачно позвонилъ у подъѣзда. Лизы не было, а Дашенька только посочувствовала. Впрочемъ, Глѣбъ на нее вниманія не обратилъ.

Положеніе свое находилъ ужаснымъ — какое значеніе можетъ имѣть какая-то Дашенька! — и пообѣдавъ легъ на диванъ въ самомъ мрачномъ настроеніи. Не хотѣлось ни зажигать лампу, ни приниматься за уроки.

Въ передней горѣлъ свѣтъ. Позвонили. Дашенька опять пошла отпирать. Глѣбъ слышалъ, какъ за стѣной, по стемнѣвшей Никольской поскрипывали полозья санокъ, какъ ухало на ухабахъ... Въ сосѣдней церкви зазвонили — неужто шесть, всенощная?

— Глѣбъ, Глѣбъ, — сказалъ знакомый, милый голосъ, — гдѣ ты тутъ? Я ничего не вижу.

Соня-Собачка, выставивъ впередъ руку, чтобы не наткнуться, приблизилась къ дивану. Съ собой внесла морозъ.

ный, свѣжій воздухъ съ улицы. Даже въ темнотѣ чувствовалось, какъ горять ея свѣжія, полныя щечки.

— Я здѣсь, — отвѣтилъ Глѣбъ тихо.

Онъ радъ былъ, что пришла Собачка. Но радости своей, разумѣется, не выдалъ. Тяжело, какъ больной, вздохнулъ.

— Ты что?

— Ни-чего.

Собачка сѣла съ нимъ рядомъ. Съ женской чуткостью ощутила, что не совсѣмъ ничего.

— Глѣбъ, Глѣбъ, — сказала какъ всегда скороговоркой: — ты разстроены?

Онъ промышлялъ что-то. Собачка нагнулась, приложила пухлую свою щеку ему ко лбу, слегка потерлась ею. На Никольской зажгли фонарь, у самаго окна дома Тарховой. Его свѣтъ изломомъ легъ по креслу, золото потекло по стѣнѣ.

Женщина утѣшала Глѣба, впервые, вполголоса... «Ну что-жъ, ты и не могъ иначе», шептала Собачка. «Выдавать нельзя...» «Да, а цѣлую недѣлю, цѣлую недѣлю сидѣть безъ обѣда...» «Бери съ собой бутербродъ». «Дѣло не въ бутербродѣ...» «Пустяки, Глѣбъ, Глѣбъ, навѣрно сбавятъ». «Какъ-же! Сбавятъ!»

Слова ея не могли Глѣба переубѣдить. У него былъ уже свой безнадежный, «калужскій» взглядъ на жизнь, на свое въ ней положеніе и тяжелую, какъ ему казалось, исторію въ гимназій. Съ матерью онъ бы не смогъ такъ разговаривать, но Собачка слишкомъ своего поля ягода, да и проще, не на такой высотѣ какъ мать, съ ней когда то онъ игралъ въ палочку-постучалочку, прятался въ конопляхъ, она была для него частью сестра, частью и Ева. Женское тепло и ласка, отъ нея исходившія, были почти сладостны — и утѣшительны. Хорошо, что она просто сидѣла рядомъ, полуобнявъ, хорошъ милый, привычный шопотъ.

Незамѣтнымъ образомъ съ Глѣбовой исторіи разго-

воръ перешелъ на Собачку. «Глѣбъ, Глѣбъ», шептала она: «ты не думай, что и мнѣ у Красавца очень сладко. Онъ иногда такъ разсердится, вспылить... изъ-за пустяковъ. Мнѣ совсѣмъ нелегко съ нимъ. А потомъ знаешь, Глѣбъ, знаешь... Я когда у васъ въ Устахъ жила, то какъ въ родномъ домѣ у дядечки и тетечки... а у Красавца... онъ мнѣ тоже дядя, но у васъ я не чувствовала, что изъ милости... что папа бѣдный, а тутъ... а тутъ...

И вдругъ, какъ нѣкогда въ Устахъ въ первый день скара-латины, изъ глазъ Собачки закапали на Глѣбовы щеки слезы.

— Красавецъ, когда въ гостиной сидить... одно, а дома... друго-е...

Глѣбъ не зналъ, какъ быть. Опыта въ утѣшеніи плачущихъ женщинъ у него еще не было. Но все это подняло его въ собственныхъ глазахъ. Подчиняясь тоже инстинкту онъ сталъ цѣловать ее въ мокрыя щеки и шепнулъ:

— Если тебѣ у него плохо, я скажу мамѣ, чтобы ты опять съ нами жила.

Въ передней позвонили. Лиза вернулась.

III.

Худошавый, недобраго вида офицеръ Ястржембскій выстраивалъ гимназистовъ внизу въ гимнастическомъ залѣ, они дѣлали разныя штуки на лѣстницѣ, параллеляхъ, кольцахъ. Маршировали, бѣгали рысцою въ строю по кругу, подымая скучную пыль, дыша еще болѣе безнадежнымъ воздухомъ, чѣмъ наверху въ классѣ. Ненавидѣли все это не меньше латыни.

Въ понедѣльникъ гимнастика была послѣднимъ урокомъ. Бритый, съ прямымъ проборомъ на небольшой головкѣ, сухой, острый Ястржембскій стоялъ посреди залы, слегка разставивъ тонкія ноги въ брюкахъ со штрипкою, разстегнувъ мундиръ. Въ рукѣ у него стѣкъ. Онъ съ

неудовольствіемъ, почти презрѣніемъ польскаго шляхтича смотрѣлъ на русскихъ гимназистовъ, бѣжавшихъ по кругу, какъ дантовскіе грѣшники въ аду.

— Лѣвой, правой, разъ, два! — онъ похлопывалъ себя стѣкомъ по обтянутымъ ляжкамъ — а почему-бы не проѣхаться такимъ хлыстомъ по спинѣ зазѣвавшагося грѣшника? Нѣтъ, этого капитанъ Ястржембскій себѣ не позволилъ бы. Все-же видомъ походилъ на главнаго демона, наблюдателя за бѣгомъ осужденныхъ.

Глѣбъ тоже бѣжалъ, прижимая локти къ бокамъ — такъ по военно-гимнастическому полагалось. Онъ былъ не въ духѣ. Занятіе считалъ безсмысленнымъ, отъ уроковъ усталъ, но бездарное это бѣганье не освѣжало. Поэтому всѣ уйдутъ, а ему часъ сидѣть въ классѣ.

Казалось, никогда они не остановятся, все будутъ вдыхать пыльный воздухъ.

— Атъ, два, атъ, два! — Ястржембскій со своимъ стѣкомъ подошелъ къ самому движущемуся кольцу. Впереди Глѣба бѣжалъ Гордѣнко, въ узенькомъ мундирчикѣ съ короткими рукавами. Изъ нихъ вылѣзали красныя руки. Гордѣнко очень громко икнулъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ фыркнули. Ястржембскій раздраженно обернулся.

— Кто это тамъ старается?

Лицо его имѣло видъ почти физическаго отвращенія. Отъ русскихъ дикарей чего-жъ и ждать.

Глѣбъ въ парѣ съ Докинымъ пробѣжалъ мимо него. И вдругъ сказалъ:

— Гордѣнко.

Ястржембскій вынулъ книжечку и записалъ.

Рыженькій Докинъ съ изумленіемъ взглянулъ на Глѣба. Тотъ и самъ обомлѣлъ. Этого только не доставало! Съ Гордѣнкой Глѣбъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, Ястржембскаго терпѣть не могъ... и ни съ того ни съ сего выдалъ.

— Кто тебя просилъ болтать? — шепнулъ на бѣгу Докинъ.

Глѣбъ не зналъ, что отвѣтить. Но. Докинъ свой чело-вѣкъ, пріятель. А непріятели? Уже на второмъ кругѣ, ко-гда Ястржембскій стоялъ спиной къ нимъ, сзади негром-ко, но явственно раздалось:

— Ябедникъ.

Глѣбъ палъ духомъ.

Когда урокъ кончился, къ нему подошелъ Гордѣенко со своими красными руками, вылѣзавшими изъ корот-кихъ рукавовъ мундирчика. Онъ былъ какъ всегда вздох-мачень.

— Вотъ изъ-за тебя и записали...

Гордѣенко привыкъ, чтобы его записывали, сбавляли баллы или засаживали. Къ нынѣшнему случаю отнесся до-вольно философически.

— Да я такъ просто сказалъ, не думалъ... — бормо-талъ Глѣбъ растерянно.

— Они, первые ученики, всегда доносчики, — сказалъ кто-то сзади. За Глѣба заступился Докинъ: просто вышла ошибка, какой-же онъ доносчикъ, вѣдь директору-же на Юзепчука не сказалъ, тамъ не такіе пустяки какъ икнулъ. И теперь за это отсидживаетъ.

Гимназисты шумно разобрали ранцы, шумно вывалили изъ класса, забыли о преступленіи Глѣба тотчасъ. Но онъ не забылъ. Доносчикъ! Онъ одиноко страдалъ въ одино-кій этотъ, синѣющій часъ зимнихъ сумерекъ, въ душномъ классѣ Николаевской калужской гимназіи.

Гимназисты разбрелись кто на Широкую, кто на Оди-гитріевскую, кто на Спасо-Жировку. Глѣбу казалось, что они разносятъ по всему городу вѣсть о его позорѣ. Глѣбъ какъ всегда преувеличивалъ свою роль въ мірѣ. На самомъ дѣлѣ, пока онъ угрызался въ пустомъ классѣ, со-ратники обѣдали, кто цѣлилъ идти на катокъ, кто на Ни-китскую гулять съ гимназистками, кто готовить уроки — смотря по характеру. Самъ Гордѣенко мгновенно забылъ и о Глѣбѣ и о Ястржембскомъ и тащилъ уже салазки —

отъ его домика на Широкой чудесно можно катить по оврагу чуть не до самой Оки.

Но и Глѣбовъ день сложился не совсѣмъ такъ, какъ онъ предполагалъ: поковыривая въ носу, меланхолически заложивъ руку сзади подъ фалду вицмундира и побалтывая ею, забрелъ къ нему въ классъ Криворотый.

— Можешь идти домой. И завтра уйдешь во время. Вмѣстѣ съ другими.

Наказаніе отмѣнялось. Такъ велѣлъ директоръ.

Глѣбовъ не зналъ, что наканунѣ, въ воскресенье, его врагъ игралъ въ винтъ съ Красавцемъ у вице-губернатора. И между двухъ роберовъ усмѣхнувшись сказалъ ему, что племянникъ его «съ характеромъ». Красавецъ насторожился. Директоръ всегда ему не нравился, а тутъ усмѣшка показалась насмѣшливой. Онъ поднялъ брови, глаза его сдѣлались строгими. Ловко сдавая и слѣдя за вѣромъ летѣвшими картами спросилъ онъ, въ чемъ собственно дѣло.

Узнавъ, что Глѣбовъ не пожелалъ назвать товарища и за это недѣлю будетъ сидѣть безъ обѣда, Красавецъ вспыхнулъ.

— Да позвольте-съ, я бы и самъ на его мѣстѣ поступилъ-бы такъ-же...

Директоръ холодно улыбнулся.

— Не зналъ, что вы противникъ дисциплины.

Красавецъ сталъ доказывать, что дисциплина одно, а честь другое. Директоръ защищался. Красавецъ покраснѣлъ — это бывало у него признакомъ гнѣва — готовъ былъ и обидѣться, наговорить дерзостей. Но вошла хозяйка, худая, довольно изящная брюнетка съ задумчивыми глазами.

У Красавца на рукахъ оказался чуть-ли не малый шлемъ. Да и вице-губернаторша ему нравилась. Настрое-

ніе его опять измѣнилось. Обернувшись, грандіозно выпятивъ губы, онъ важно, но и весело заявилъ:

— Анна Сергѣевна, у насъ сейчасъ былъ споръ...

И рассказавъ въ чемъ дѣло, добавилъ:

— Глѣбъ поступилъ какъ дворянинъ. Анна Сергѣевна, вы бы тоже не выдали?

— Я не знаю вашего племянника, но по моему онъ правъ, — сказала вице-губернаторша.

Красавецъ засмѣялся.

— Ручку, ручку!

Она тоже улыбнулась.

— Мальчику сидѣть недѣлю безъ обѣда? Ну, ужъ это слишкомъ. Надо отпустить.

Красавецъ назначилъ сразу пять пикъ. Онъ любилъ блистательныя начала, да на этотъ разъ и масть, съ короной, была у него замѣчательная.

«Фанфаронишка», думалъ директоръ: «дамскій угодникъ. А везетъ ему какъ всѣмъ дуракамъ».

Женщина была для него *mulier*, третьяго склоненія. И къ Аннѣ Сергѣевнѣ онъ могъ относиться только какъ къ существу третьяго склоненія. Но ея мужъ вице-губернаторъ...

Обращаясь къ хозяйкѣ, директоръ сказалъ, съ прежней полу-могильной любезностью:

— Если Анна Сергѣевна находятъ, что слишкомъ строго, я готовъ смягчить.

Она улыбнулась, кивнула. Красавецъ объявилъ малый шлемъ.

Такъ являлись и разрѣшались огорченія дѣтской жизни Глѣба, казавшіяся ему большими. О настоящемъ большомъ онъ не имѣлъ еще понятія. Между тѣмъ, не изъ одного повседнежнаго состояла его жизнь.

... Однажды, незадолго до Рождества, Красавецъ приѣхалъ въ домъ Тарховой разстроенный. Безпокойно за-

глаживалъ рукою назадъ рѣдковатые волосы, подрыгивалъ ножкой, наконецъ обратился къ Лизѣ.

— Душечка, изъ Людинова телеграмма. Ты понимаешь, не надо заранѣе волноваться, все, конечно, устроится, но вы съ Глѣбомъ должны ѣхать немедленно. Мама захворала.

Лиза ничего не отвѣтила. Глаза у ней сразу наполнились слезами.

Красавецъ ласково, привлекъ ее, поцѣловалъ въ лобъ, сквозь кудряшки.

— Плакать не надо, болѣзнь серьезная, но не такая.. понимаешь...

Онъ многозначительно поигралъ губами.

— Если насъ зовутъ, значить-же...

Глѣба не было дома, онъ ходилъ къ Докину. Когда вернулся, Красавецъ уже уѣхалъ. Лиза плакала теперь съ Соней-Собачкой, прибѣжавшей тоже. Глѣбъ отъ ужаса ничего не могъ даже сообразить... Просто его какъ-то прихлопнуло.

— Глѣбъ, Глѣбъ, — говорила Собачка, сама давась слезами, но дѣлая надъ собою усилія, чтобы держаться: — ты не мучься, Глѣбъ, тетечка выздоровѣетъ, этого быть не можетъ. Красавецъ сказалъ... что у тетечки болѣзнь печени. Отъ этого... выздоравливаютъ.

Красавецъ разрѣшилъ ей ночевать у нихъ. Дѣвочки спали вмѣстѣ, охали и вздыхали съ вечера, все-же крѣпко заснули. Глѣбу было пріятно, что тутъ съ ними, въ бѣдѣ, еще и Собачка, теплая, ласковая, такая своя. Послѣ всякихъ волненій и онъ заснулъ, сномъ дѣтскимъ, глубокимъ, съ тяжелымъ, почти страшнымъ пробужденіемъ: образъ столькихъ ужасныхъ пробужденій будущей, взрослой жизни!

Дѣвочки поднялись рано. Еще не разсвѣло. При жалкой свѣчѣ, едва отгонявшей тьму, наспѣхъ укладывались. Глѣбъ тоже вставалъ. Онъ потерялъ свою важность. Мень-

ше всего походилъ теперь на Herr Professor'a времени Дреца. Жался къ дѣвочкамъ, съ ними все-таки легче.

А Красавецъ съ утра полетѣлъ въ обѣ гимназіи, за отпусками — что безъ труда и получилъ: «по домашнимъ обстоятельствамъ». Около часу, съ отпускными свидѣтельствами и деньгами былъ уже въ домѣ Тарховой. Нынче держался бодрѣе. Увѣренностью своей хорошо на дѣтей дѣйствовалъ.

— Душечка, — говорилъ Лизѣ: — помни, въ Тулѣ пересидите на Орелъ, по Московско-Курской, а въ Орлѣ будете поздно вечеромъ, не проспите, надо пересѣсть на Брянскъ, это Орловско-Витебская, рано утромъ слѣзете въ Радицѣ, тоже еще темно будетъ. А ужъ тамъ васъ встрѣтятъ изъ Людинова.

Да, не шутка! Тула, Орелъ, Брянскъ... Ряжско-Вяземская, Московско-Курская, Орловско-Витебская... Какъ пріятно было ѣхать въ Будаки на лошадяхъ, но здѣсь все другое, надо исколесить Богъ знаетъ сколько, заѣзжать въ огромные города, пересаживаться, помнить расписаніе поѣздовъ...

Въ половинѣ второго Красавецъ усадилъ ихъ въ вагонъ третьяго класса. Звонили звонки, первый, второй, третій. Толстый оберъ-кондукторъ въ темномъ кафтанѣ, подпоясанный, въ шароварахъ, свисающихъ на низкіе блестящіе сапоги, просвисталъ въ свой свистокъ.

— Милочка, — крикнулъ Лизѣ Красавецъ: — билеты береги!

Паровозъ оберъ-кондуктору отвѣтилъ. Сотрясаясь поѣздъ тронулся. Начался для Глѣба новый мѣръ.

Настоящая желѣзная дорога, «казенная», какъ тогда говорили. Глѣбъ зналъ мальцовскую, никогда еще не ѣздилъ по казенной. Какое все огромное и жуткое! Гигантскими показались вагоны, быстрота потрясающая: Красавецъ сказалъ, что ихъ поѣздъ идетъ тридцать верстъ въ часъ! Оно и видно. Какъ несутся за окномъ, съ налипающимъ и тающимъ снѣжкомъ на стеклахъ, рощицы и пе-

релѣски, деревни вдаль, полузавѣянные мутно-бѣлесой мглой. Если высунуться, больно станетъ сѣчь этотъ косо летящій, мелкій снѣгъ!

Въ вагонѣ на лавочкахъ мужики въ полушубкахъ, мѣщане, бабы, попадавъ съ ребенкомъ. Пахнётъ овчиной, дымкомъ отъ чугунной печки. Оберъ-кондукторъ очень важно требуетъ билеты. Сквозь пенснэ взглядываетъ на нихъ, прощелкиваетъ машинкой. Появляется истопникъ. Онъ подбрасываетъ дровецъ въ печурку, пламя сразу освѣщаетъ вагонъ и веселитъ. Начинается огненное его гудѣніе, красное пятно танцуетъ внизу по жестяному листу, становится жарко, чугунъ накаляется и сквозь щелки въ колѣнчатой трубѣ видно, какъ летятъ золотыя стрѣлы.

Глѣбъ съ Лизой у окошка, притуились, печально глядятъ въ надвигающіяся сумерки декабрьскія. Имъ кажется, что поѣздъ мчитъ ихъ фантастически. Кругомъ говоръ, галдежъ въ сосѣднемъ отдѣленіи, но они одни, заброшенные въ иной міръ, горестныя дѣти. Поѣздъ-же идетъ все дальше, чрезъ всякія Ферзиковы, Алексины, близится Тула. И ужъ совсѣмъ темно. Огни мелькаютъ.

Тульскій буфетъ, гдѣ они спросили чаю, показался Глѣбу ослѣпительно - великолѣпнымъ. Свѣтъ огромнѣйшихъ лампъ, длинные столы съ приборами, подъ накрахмаленными скатертями. Серебряныя сахарницы, огромный, пузатый самоваръ вдали, чахлыя пальмы на столѣ въ кадочкахъ и толпа, то приливавшая, то отливавшая. Въ дверяхъ появлялся швейцаръ, спокойный и великолѣпный: звонилъ въ большой колокольчикъ.

— Первый звонокъ на Моск-ву-у!

А черезъ нѣсколько минутъ, тѣмъ-же голосомъ Рока, вѣжливо-неумолимаго:

— Второй звонокъ на Калу-гу-у!

Глѣбъ все боялся опоздать. Лиза тоже. И наскоро допивъ чай, среди помѣщиковъ, хлебавшихъ борщъ, военныхъ, хлопавшихъ у стойки по рюмашкѣ, дамъ съ дѣтьми и узлами, путешествующихъ изъ Гродно въ Челябинскъ,

робко они стали пробираться къ платформѣ орловскаго поѣзда. Глѣбъ несъ чемоданчикъ, а рукою держался за Лизу. Во мракѣ, холодѣ чужихъ мѣстъ, въ этихъ летящихъ поѣздахъ, незнакомой толпѣ, съ тоскою и почти отчаяніемъ въ сердцѣ, былъ это тяжкій для него путь. Женская рука вела его. Тонкіе пальчики Лизы, грустныя ея косички, мѣховая шапочка...

Долго ждали они на полуоткрытой платформѣ орловскаго поѣзда. Дулъ вѣтеръ, сбоку заносило снѣжкомъ. Они были похожи на одинокихъ сиротъ.

Наконецъ, грозный паровозъ, весь въ дыму, пару, съ огненными глазами, задыхаясь и сердито шипя подкатилъ къ платформѣ. Всѣ полѣзли въ вагоны.

Черезъ четверть часа Глѣбъ и Лиза мчались по безмолвнымъ полямъ Россіи. Привалившись другъ къ другу, задремывая и просыпаясь, катили мимо весьма знаменитыхъ, какъ бы святыхъ мѣстъ Россіи. Можетъ быть, въ этотъ темный часъ у Козловой засѣлки, въ Ясной Полянѣ Левъ Толстой дописывалъ «Хозяина и работника». А совсѣмъ недавно Тургеневъ, кутая въ плащъ подагрическія свои ноги, сидѣлъ на станціи Мценскъ изъ имѣнія Спасскаго въ поѣздъ на Москву. И самъ этотъ Тургеневъ, со всею своею славой, былъ сосѣдомъ по имѣнію тети Любы, матери Сони-Собачки.

Орла не проспали. Безъ Лизы, безъ ея женской выносливости, робкой настойчивости Глѣбъ въ Орлѣ-бы погибъ. — это было ужъ въ первомъ часу ночи, когда дѣтскій сонъ непреоборимъ. Глѣбъ безсмысленно шелъ по вокзалу, тоже большому и ярко освѣщенному, ничего не понималъ, кромѣ того, что онъ въ какомъ-то аду. Все равно куда идти, только-бы дойти и сѣсть.

Было совсѣмъ темно, когда Лиза, двадцать разъ сиротивъ у кондуктора о радицкой платформѣ, вывела Глѣба изъ вагона — ему показалось, прямо въ ночь. Ничего не видать! Поѣздъ ушелъ, вкусный, лѣсной воздухъ ихъ охватилъ... вдалекѣ виднѣлись огни Брянска. Ни души.

Но за изгородью что-то зашевелилось, въ ночномъ безмолвіи длинно вздохнула, пофыркивая, лошадь. Человѣкъ появился.

— Это которые въ Людиново? Директорскія дѣти? Ну, такъ-такъ, приказано васъ отвезти. Пожалуйста.

Филиппъ, номерной изъ «господскаго дома» Радицы, взявъ Лизинъ чемоданчикъ и повелъ ихъ къ лошади — до Радицы версты двѣ, тамъ приготовлена и комната. Отдохнуть, а часиковъ въ девять и поѣздъ въ Людиново.

Филиппъ говорилъ просто и привѣтливо, но и съ отѣнкомъ почтительности: директорскія дѣти.

Глѣбъ не могъ бы, и взрослымъ, вспомнить лицо этого Филиппа, безвѣстнаго человѣка Россіи, явившагося имъ тогда нѣкимъ благовѣстителемъ: ибо когда въ полной тьмѣ Лизинъ голосъ, намученный, но вѣрный, слабо прозвучалъ: «Мама жива?», то Филиппъ, запахивая полушубокъ и сядя на козлы, весело и спокойно сказалъ: «Слава Богу. Нынѣ человѣкъ былъ изъ Людинова, велѣли вамъ передать — барынѣ со вчерашняго дня лучше».

И онъ тронулъ лошадь. Саннымъ путемъ, по какимъ-то ухабамъ, мимо елочекъ, сосенъ, влекла ихъ лошадка. Все равно куда: Мама лучше. Она жива, будетъ жить! Лиза тихонько плакала: счастливыми, благодатными слезами.

Черезъ четверть часа лошадь остановилась у двухэтажнаго дома, вблизи завода. Въ передней горѣлъ огонекъ.

.....

IV.

Глѣбъ взбѣжалъ по лѣстницѣ въ бывший свой кабинетъ, гдѣ висѣла трапеція. Въ волненіи пріотворилъ дверь огромной комнаты въ коричневой фанерѣ по стѣнамъ, съ блистающимъ паркетомъ. Эту комнату хорошо зналъ. Теперь за ширмами стояла кровать. У окна, въ креслѣ, поху-

дѣвшая, съ темными провалами подъ глазами сидѣла мать — еще полубольная, но живая, настоящая.

Глѣбъ обогналъ Лизу. И повисъ у матери на шеѣ. Прежде въ такихъ случаяхъ его царапала булавка брошки съ брилліатиками, но теперь мать была въ бѣлой ночной кофточкѣ. Онъ ее цѣловалъ, а она шептала: «Сыночка ну, вотъ, сыночка», — гладила по большой головѣ и тоже цѣловала.

Оторвавшись отъ нея, онъ далъ мѣсто Лизѣ. Самъ-же, пофыркивая, сильно дыша, со страннымъ напряженіемъ прошелся по комнатѣ кругообразно. Лицо отца, съ рыжеватой бородой, тоже изволнованное и такое свое, мелькнуло передъ нимъ въ этомъ церемоніальномъ маршѣ. Глѣбъ готовъ былъ закричать или заплакать... но не сдѣлалъ ни того, ни другого. Онъ просто какъ-то пролетѣлъ въ новое свое состояніе, нормальное и счастливое, когда мать здорова и все въ Людиновѣ въ порядкѣ. Да, да, огромный милый домъ, за окнами снѣжное озеро. Коньки, охота, рисованье.

...Послѣ первыхъ волненій встрѣчи все понемногу стало налаживаться. Лиза устроилась съ матерью. Глѣбъ по-прежнему жилъ въ комнатѣ, гдѣ трапеція, а спалъ внизу съ отцомъ въ кабинетѣ. Тимофеичъ, подавая въ стеклянной столовой, попрежнему надѣвалъ бѣлыя вязанныя перчатки. Когда надо было отцу ѣхать на заводъ, докладывалъ какъ о дѣлѣ государственной важности:

— Лошадка подана-съ.

Вновь сталъ доноситься изъ залы Бетховенъ, Шопенъ, изъ-подъ пальчиковъ Лизы. Дрець и Павелъ Ивановичъ являлись къ обѣду. Отецъ, чокаясь водочкой, приговаривалъ: «чи-и-икъ!» Дрець отвѣчалъ ему: «клопсъ и отдѣлка!»

Глѣбъ мгновенно вошелъ въ эту жизнь, точно для неч былъ и созданъ, а Калуга, домъ Тарховой, гимназія, Красавецъ оказались неприятнымъ сномъ, тотчасъ и синувшимъ. Наоборотъ, здѣсь сидѣть, въ свѣтлой комнатѣ вто-

рого этажа, съ окномъ въ заснѣженный садъ, срисовывать Коробочку изъ альбома Боклевскаго, потомъ вспрыгнуть на трапецію и держась за веревки, покачиваясь на ней какъ на качеляхъ, мурлыкать вполголоса:

«Бдемъ въ море варя-яга,
«Иль на островъ Сантъ Я-а-а-го!»

— это и есть жизнь. Рядомъ комната матери: та, гдѣ жила и откуда уѣхала Софья Эдуардовна. Какъ связано все это съ тѣмъ жаркимъ лѣтомъ, пожарами, сѣрыми глазами Софьи Эдуардовны, музыкой... И куда исчезла Софья Эдуардовна со своими длинными пальцами, красными пятнами на щекахъ, не совсѣмъ красивая, но такая чудесная?

Сейчасъ тамъ, за дверью, въ креслѣ у окна мать. Иногда она уже встаетъ, ходитъ немного, беретъ толстый журналъ въ красной обложкѣ съ изображеніемъ, въ славянскомъ стилѣ, нѣкоей арки, и читаетъ Боборыкина, романъ «Василій Тѣркинъ».

Изъ словъ отца, Лизы, Глѣбъ понималъ, что мать, дѣйствительно, чуть было не умерла... — даже докторъ, «кумъ» на высокихъ каблукахъ, чей портретъ въ альбомѣ помнить онъ еще по Устамъ, палъ духомъ и почти не надѣлся.

Но сейчасъ все по другому. И мать, и свѣтлый, молчаливый домъ, принадлежать иному міру, очень радостному. Глѣбъ вполнѣ въ немъ укрѣпился. Неужели важный мальчикъ, рисующій въ людиновскомъ домѣ, катающийся на конькахъ въ оленьей шапкѣ и романовскомъ полубочкѣ, бродящій въ паркѣ съ ружьемъ, подкарауливая сороку — все тотъ-же Глѣбъ, что мучился изъ-за экзамена, чувствовалъ тшету свою и одиночество въ гимназіи, страдалъ отъ наказанія?

Глѣбъ старался не думать о той странной, грустной и тяжелой жизни, которую велъ въ другой странѣ, называвшейся Калугой. Впрочемъ, ему и не очень думалось. Просто онъ снова жилъ.

На второй день Рождества мать спустилась внизъ уже въ обычномъ своемъ платьѣ, съ брошкой. Теперь, если броситься къ ней на шею, то можно и оцарапаться. Глѣбъ, впрочемъ, и не бросался. Все вошло въ колею, онъ принималъ какъ должное, что мать выздоровѣла, да и вообще что здѣсь въ Людиновѣ долженъ жить по настоящему, быть счастливымъ.

...Нѣсколько новостей сразу скрестились въ эти дни въ домѣ людиновскомъ. Изъ Кіева братъ Петръ написалъ отцу, что заболѣла гостившая у него бабушка Франя. Изъ Дядькова получилось сообщеніе, что по губерніи ѣдетъ губернаторъ и въ пятницу будетъ въ Людиновѣ. Его надо принять, показать ему заводъ и отправить дальше. Третья вѣсть была для Глѣба самой важной: верстахъ въ тридцати отъ Людинова обложили лосей, и къ великому его удовольствію (хоть онъ и старался скрыть это), отецъ рѣшилъ взять и Глѣба на охоту.

Можетъ быть, для отца и не такъ размѣщались извѣстія, все-же и онъ занялся болѣе всего охотой. Для губернатора наснѣхъ послали за виномъ въ Жиздру, мать размышляла, хороша-ли будетъ индюшка, какое свертѣть мороженое. А отецъ съ Глѣбомъ готовились къ охотѣ какъ къ войнѣ. Дѣло, правда, не шутка: ѣхать вдаль, звѣрь немалый и рѣдкій. Приходили и Дрецъ, и Павелъ Ивановичъ совѣщаться и обсуждать: сколько брать патроновъ, какъ одѣться, кому съ кѣмъ ѣхать.

Кабинетъ отца обратился въ мастерскую. Лежали разобранныя ружья, смазывались курки, собачки, промывались стволы, протирали ихъ насухо такъ, чтобы блестѣли внутри какъ зеркало. Самое интересное это лить пули. Свинецъ плавилъ въ чугунной чашкѣ съ длинной ручкой вроде кочерги — тутъ-же въ каминѣ на огнѣ или угляхъ. На

днѣ чашки копилось нѣчто свѣтлое и тяжкое, серебристо-жидкое какъ ртуть, кое-гдѣ въ чешуйкѣ шлака. Это расплавленный свинецъ. Его льютъ въ пулелейку — особый инструментъ съ дырами для наливанья. И когда свинецъ остынетъ, пулелейку разнимаютъ, изъ нея падаютъ столбики еще теплаго металла: онъ и будетъ разить звѣря, надо лишь его еще загладить, обточить швы.

Глѣбъ считалъ это дѣломъ значительнымъ, достойнымъ настоящаго мужчины. Приѣздъ-же губернатора и все съ нимъ связанное — пустяками, на которые зря тратится время.

Губернатора ждали въ среду, а на четвергъ назначалась облава. Глѣбу это совсѣмъ не нравилось.

— А вдругъ онъ возьметъ да и останется въ четвергъ?

— Нѣтъ, братецъ ты мой, у него все расписано, — говорилъ отецъ, покуривая. — Въ среду вечеромъ долженъ въ Жиздру выѣхать.

Глѣбъ все-таки опасался. Въдѣ онъ губернаторъ. Что захочетъ, то и сдѣлаетъ. А во всякомъ случаѣ, испортитъ имъ послѣдній день передъ охотой. Мало-ли, можно было бы еще патроновъ надѣлать, про запасъ...

Въ среду на дворъ людиновскаго дома въѣхало нѣсколько троекъ: точно свадебный поѣздъ. Глѣбъ съ Лизой смотрѣли съ любопытствомъ, не безъ трепета, изъ окна верхней большой комнаты. Дворъ наполнился полиціей. Заиндевелые урядники въ башлыкахъ, съ багровыми отъ мороза лицами, худенькій становой въ сѣрой шинели, исправникъ, грузный, въ огромномъ тулупѣ сверхъ шинели, какіе-то господа въ шубахъ изъ Дядькова, отецъ на подѣздѣ... — наконецъ, изъ самой нарядной тройки, въ расписныхъ саняхъ, Тимофеичъ и два урядника высадили челоуѣка съ небольшими бакенбардами, еще нестарого, въ дорогой шубѣ. Отецъ почтительно съ нимъ поздоровался.

— Губернаторъ! Губернаторъ! — зашептала Лиза, блѣднѣя. У Глѣба тоже сжалось сердце — разумѣется, было, какъ онъ говорилъ «страшновато». или «играніе въ гру-

ди». Но онъ сдѣлалъ видъ, что ему безразлично: хоть бы царь.

Въ эту среду столпотвореніе вавилонское происходило въ домѣ людиновскомъ. Всю наѣхавшую ватагу надо было накормить, рассортировать, размѣстить... Становой не могъ находиться въ комнатѣ, гдѣ обѣдаетъ губернаторъ...

... Глѣба, нѣсколько оледенѣлаго, подвели въ залѣ къ человѣку съ бакенбардами, и отецъ сказалъ:

— Это мой сынъ.

Глѣбъ поклонился и «шаркнулъ ножкой». Губернаторъ разсѣянно-ласково подаль ему руку, потрепалъ по головѣ.

— Будущій охотникъ, — сказалъ отецъ. — Нынѣ ка-
лужскій гимназистъ.

— А! А! Отлично.

Губернаторъ спросилъ, какъ онъ учится. Узнавъ отъ отца, что хорошо, кивнулъ благожелательно. Подошелъ чиновникъ особыхъ порученій, лысоватый, картавящій, — потомъ какіе-то инженеры окружили ихъ. Глѣбъ благополучно отступилъ. «Хорошо, что отецъ не сказалъ про завтрашнюю облаву. Гимназистамъ охотиться запрещается...» — Глѣбъ, по своему обыкновенію, думалъ, что губернатору онъ такъ-же интересенъ, какъ себѣ самому или матери.

Обѣдали съ Лизой одни, наверху — тоже къ общему удовольствію. Лиза боялась, что послѣ обѣда придется играть губернатору на роялѣ. Но сейчасъ они мирно и роскошно угощались: губернаторская индюшка, воздушный пирогъ, ананасы, мороженое, ихъ не миновали. Снизу-же доносился шумъ голосовъ, движеніе людей, сидящихъ въ стеклянной столовой за раздвинутымъ столомъ, чоканье, иногда смѣхъ...

Лиза все-таки угадала. Губернаторъ оказался любителемъ музыки, а отецъ, послѣ шампанскаго, проговорился, что дочь у него музыкантша. Когда съ кофе и ликерами перешли въ гостиную, губернаторъ пожелалъ ее слушать.

Отступать было поздно. Мать отправилась за ней наверхъ.

Врядъ-ли раньше когда-нибудь Лиза такъ волновалась. Идти внизъ, играть передъ губернаторомъ, чиновниками, инженерами...

— Чего ты боишься? — сказалъ Глѣбъ. — Ты играешь отлично, а мало-ли что... губернаторъ такъ губерна-торъ. Онъ совершенно не страшный.

И мать повела Лизу на закланіе. Глѣбъ-же усѣлся у себя на трапеціи — отсюда лучше будетъ слышно, внизъ спускается винтомъ лѣстница — и слегка покачиваясь, испытывалъ разныя чувства: нѣкое высокомеріе къ губерна-тору («пускай послушаетъ, какъ въ нашемъ домѣ игра-ютъ!»), гордость за Лизу, которую считалъ замѣчатель-ной пианисткой, ощущеніе покоя и уединенности здѣсь, из-за слегка покачивающейся трапеціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ: жаль, все-таки, что это не онъ играетъ, не онъ пожинаетъ лавры.

Внизу, на Голгоѣ, Лиза исполняла Патетическую сонату, вначалѣ отъ ужаса робко, но потомъ разошлась. Для своего возраста играла совсѣмъ неплохо, и въ тушѣ ея, фразировкѣ, были именно Лизины черты — женственно-изящное, артистичное. Глѣбъ все сильнѣе раскачивался. Какъ всегда, музыка дѣйствовала на него сильно и поэти-чески. Трудно было бы опредѣлить мечты его. Но нѣчто отъ Софьи Эдуардовны, отъ Зинаиды Тургеневской въ нихъ присутствовало. Ему хотѣлось сдѣлать что-то не-обыкновенное, прославиться, погибнуть...

Когда Лиза окончила, внизу шумно, дружно зааплоди-ровали.

**

Губернаторъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, спокой-ный и довольно благодушный. На тѣ страшилища Петер-бурга, какія рисовали себѣ Катя Новоселова и Лиза, во-все не походилъ. Но правительство собою являлъ. при-выкъ къ этому и не могъ стать инымъ. Хотя по медвѣжь-

имъ угламъ губерніи вѣдиль безъ радости, все-же странно ему было-бы путешествовать запросто, безъ троекъ съ исправниками впереди, троекъ со станowymi и урядниками сзади. Такъ нужно, дѣло государственное. Пусть лично и не крутой, все-таки онъ начальникъ, долженъ изливаться въ этомъ захолустномъ краѣ сіяніе, отблескъ верховной власти.

Губернаторъ держалъ себя вѣжливо, но отдаленно съ инженерами и хозяевами этого дома (не казавшагося ему столь великолѣпнымъ, какъ Глѣбу). Поблагодарилъ за Бетховена дѣвочку съ кудряшками и косичкой, замученную страхомъ, съ ледяными пальчиками. Похвалилъ ее, хотя много разъ слышалъ много лучшую музыку. Въ концѣ-же концовъ все это было ему безразлично.

Его повезли на заводъ показывать производство. А исправникъ и становой ждали въ дальнихъ комнатахъ — ихъ и кормили тамъ отдѣльно.

На заводѣ завѣдующіе мастерскими низко ему кланялись. Рабочіе стояли онѣмѣвъ. Губернаторъ считалъ, что онъ нѣкая магическая сила, однимъ появленіемъ способная дать счастье простымъ людямъ. (Ему всегда искренно казалось, что «народъ» очень его любитъ). Онъ видѣлъ, какъ изъ домны вытекалъ огненный чугунъ, какъ проносились въ прокатной черезъ вальцы раскаленная болванка — изъ нея вытягиваются змѣвидныя полосы — будущее сортовое желѣзо или рельсы. Ему казалось, что въ его присутствіи и работать этимъ запотѣвшимъ людямъ съ другой планеты легче, чѣмъ безъ него.

Въ пять вернулись домой, сѣли играть въ винтъ: за главнымъ столомъ губернаторъ, петербургскій инженеръ, тощій чиновникъ особыхъ порученій и отецъ. По угламъ зеленого ломбернаго стола въ гостиной стояли свѣчи. Новыя колоды картъ ловко сдавались. Мѣлки писали, Тимофеичъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, изнемогая отъ важности и сознанія «историческаго» дня, подавалъ въ бѣлыхъ

перчаткахъ чай съ вареньемъ и лучшими жиздринскими печеньями.

Глѣбъ осмѣлѣлъ и тоже глядѣлъ изъ-за спины отца на игру. Его занимало лишь одно: чтобы отецъ выигрывалъ. Отецъ вообще долженъ былъ всѣхъ побѣждать. И Глѣбъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ, когда отецъ ремизился и ужъ совсѣмъ разсердился, когда партнеръ, тощій чиновникъ, замѣтилъ отцу, что онъ сыгралъ неправильно.

Въ общемъ-же чувствовалъ себя тоскливо, точно въ завоеванномъ городѣ.

Въ прихожей сидѣлъ урядникъ, въ маленькой проходной какіе-то неизвѣстные типы изъ тѣхъ, кого не сажаютъ за столъ. Худенькій становой, робѣвшій какъ Лиза за роялемъ, вскакивалъ каждый разъ, какъ входила мать. — все какое-то странное и чужое!

Главное-же его мучило: а вдругъ губернаторъ останется? Улучивъ минуту, когда отецъ былъ свободенъ, онъ шепнулъ ему:

— Долго будете играть въ карты? Вѣдь онъ такъ и не уѣдетъ!

Отецъ засмѣялся.

— Не бойся, къ девяти съ коннаго двора подадутъ тройки.

— Какъ-же въ темнотѣ ѣхать?

— Вотъ увидишь.

— Значить, мы завтра на облаву?

Отецъ хорошо зналъ, по самому началу, куда клонится дѣло. И такъ какъ разговоры эти заводилъ Глѣбъ уже не въ первый разъ, сказалъ даже нетерпѣливо:

— Да, на облаву. И вставать надо до свѣту. Ложись пораньше.

Въ отцовскомъ кабинетѣ тоже играли въ карты, инженеры помоложе. Глѣбу пришлось лечь наверху у матери. Это было пріятно, но и опасно: вдругъ завтра забудутъ разбудить?

Ужинали опять съ Лизой вдвоемъ, и дѣйствительно въ

девять часовъ оказались свидѣтелями радостнаго событія: уѣзжалъ губернаторъ.

Дворъ вновь наполнился тройками, полиціей. Звенѣли колокольчики. Ямщики переругивались. И самое интересное было то, что появились и верховые съ зажженными фонарями. Это совсѣмъ блестяще! Отсвѣты бродили по людской, по заснѣженнымъ липамъ. Нѣсколько походило на пожаръ. Человѣкъ въ шубѣ вновь вышелъ на подъѣздъ, его усадили въ сани и весь губернаторскій поѣздъ, съ верховыми впереди, освѣщавшими дорогу, тронулся.

Глѣбъ былъ доволенъ. Теперь начинается настоящее. Онъ сбѣжалъ внизъ попрощаться съ отцомъ. Повсюду стояли еще неубранные ломберные столы, недопитый чай, пепельницы съ окурками. Окурки и на полу. Но непріятель отступилъ. И взявъ съ отца слово, что его разбудятъ во время, Глѣбъ обѣщалъ тотчасъ лечь въ постель.

Это онъ и исполнилъ. Заснуть же долго не могъ. Слишкомъ пестръ день нынѣшній, слишкомъ жутокъ и необычаенъ завтрашній. Лоси! Подумать только. Сердце его замирало, сжималось.

Отецъ тоже сдержалъ обѣщаніе. Было еще темно, когда Тимофеичъ постучалъ въ комнату матери.

— Да, да, — отвѣтила мать покойно. — Сыночка, подымайся.

Она зажгла у себя свѣчу. Глѣбъ спалъ на софѣ въ противоположномъ концѣ комнаты. Мягкимъ оранжевымъ пятномъ означился свѣтъ за ширмой у матери. Въ окнѣ слегка сѣрѣло. Глѣбъ торопливо, молча, упорно натягивалъ на себя дѣтское снаряженіе.

Въ виду важности выѣзда мать тоже поднялась. Она не особенно одобряла, что Глѣбъ ѣдетъ на лосей. Правда, лось какъ будто животное мирное... — все-таки у него рога. Ну, да отецъ сказалъ, что будетъ стоять съ Глѣбомъ на одномъ номерѣ. «Во всякомъ случаѣ, Николаю Петровичу виднѣй» — въ такихъ дѣлахъ мать считала отцовскій взглядъ непрекаемымъ.

Она-же все сдѣлала, чтобы Глѣбъ въ это утро былъ тщательно обутъ, одѣтъ, накормленъ — Глѣбъ принималъ это съ нѣкимъ нетерпѣніемъ: былъ обуянъ воинственнымъ духомъ, стѣснялся женской внимательности.

Уже свѣтало, когда они съ отцомъ вышли на подъѣздъ, къ санямъ. Дворъ былъ извѣзженъ вчерашними тройками. Мать провожала ихъ. Глѣба укутывали, подтыкали полость, поправляли сидѣнье, подсовывали подушки за спину... — обычный церемоніаль зимней русской посадки. Изъ другихъ саней, тоже гусемъ, выглядывали Дрець и Павелъ Ивановичъ.

— Ну вотъ и слава Богу, — говорилъ Дрець, покуривая трубочку: — во время вчерась уѣхали, а я все боялся, что и останутся... Значить, и-трогаемся, Herr Professor?

— Трогаемся, — тихо, бессмысленно сказалъ Глѣбъ.

Дмитрій длиннымъ кнутомъ, вродѣ пастушескаго, стегнулъ гусевого. Тотъ затанцовалъ и рванулъ. Коренникъ двинулся солидно.

Набережная у снѣжнаго озера, базарная площадь съ огромною бѣлой церковью, длинная слобода... — Людиново быстро осталось сзади.

День сѣрый, маловѣтренный. Сани идутъ необширными полями, замкнутыми синевой лѣса. А потомъ гусевой влетаетъ въ этотъ лѣсъ — сразу совсѣмъ тихо. Хладно-сребристыя снѣжинки, крошечныя и поблескивающія, летятъ сверху. А когда дуга задѣнетъ за мохнатую вѣтвь, легкимъ, прохладнымъ инеемъ обдастъ сидящихъ. Дальній стукъ дятла, залохмаченныя снѣгомъ елочки, узенькій слѣдъ заячій, ледяная кристальность воздуха, звучность, ломкость...

Въ одномъ мѣстѣ дорога раздваивается. На разстанѣ мужичекъ. Онъ низко поклонился отцу и велѣлъ кучеру взять налѣво: слабо натертая тропка къ лѣсной избушкѣ.

— Не извольте теперь громко разговаривать. Звѣрь-то вѣдь онъ чуткій.

Отецъ обернулся къ Дрецу.

— Ну я-же что, я же-жъ понимаю...

Лошади пошли шагомъ. То, что нельзя разговари-
вать, сжало Глѣбово сердце новымъ волненіемъ. Настоя-
щая охота! Въ серебряномъ лѣсу, на чудовищныхъ звѣ-
рей...

Избушка оказалась недалеко. Сани подтягивались,
охотники молча вылѣзали. Дрецу трудно было не гово-
рить. Но когда онъ не удержался и что-то буркнулъ,
отецъ вскинулся на него.

— Всѣ изволили собраться? — шепнулъ мужичекъ-
лѣсникъ. — Пожалуйте по номерамъ.

Лѣсникъ назывался Евграфъ. Худенькій, тощій, жилъ
онъ тутъ одиноко, среди лѣсовъ и звѣрья. Обкладывалъ
и медвѣдей, и лосей. Въ августѣ подывалъ волковъ. Едва-
ли не зналъ лисьяго, заячьяго нарѣчій.

На своихъ легкихъ, раскоряченныхъ ножкахъ велъ онъ
охотниковъ. За плечами Глѣба висѣло тульское ружьецо,
подарокъ Дѣда.

— Тутъ ужъ и курить бы не надо, — негромко сказалъ
Евграфъ Дрецу. — Звѣрь духа не любитъ.

Глѣбъ старался попадать въ слѣды отца. Шли медлен-
но, довольно долго. Глѣбу казалось, что и нивѣсть куда
зашли. Наконецъ, на опушкѣ строевого лѣса, исполин-
скихъ елей, сосенъ, Евграфъ сталъ разставлять охотниковъ
по линіи. Одинъ за другимъ спутники отставали.

— А вы, баринъ, здѣсь, — шепнулъ отцу. — И махонь-
кій съ вами. Ну, стрѣли, стрѣли...

Глѣбъ устроился за толстымъ пнемъ. Впереди мелкій,
слѣгка сизѣющій осинникъ съ небольшою прогалинкой въ
ложбинѣ, шедшей подъ угломъ. Оттуда, изъ этого таин-
ственного сплетенія, сучьевъ, голыхъ и тонкихъ стволовъ
и долженъ явиться звѣрь. За спиной-же столѣтній лѣсъ,
съ глубокою тѣнью вглуби. Онъ всегда, даже въ тихій
день, какъ сегодня, слегка гудитъ.

Про ложбину отецъ шепнулъ:

— Это лазъ. Береги. Вообще осмотришь, вдаль не беѣ

— пропуская до того кустика, видишь?.. Главное, до времени не спугни.

И отецъ ушелъ къ себѣ на номеръ, шаговъ за двадцать.

Глѣбъ стоялъ и не-стоялъ, былъ и не-былъ, это и Глѣбъ и не-Глѣбъ — нѣчто растворившееся въ посребренномъ лѣсѣ. Но у этого существа одно осталось несомнѣннымъ: сердце. Билось оно ровно, громко, какъ идутъ хорошіе часы.

Въ лѣсу иногда что-то хрюкало, начинался долбѣжъ дятла...

Такъ длилось немало. Чѣмъ дольше, тѣмъ страшнѣе. Точно все стало нѣмое. Отецъ хотя и близко, но его уже нельзя спросить, онъ тоже волшебный, надо ждать, ждать...

Вдалекѣ выстрѣлъ — прокатился сухо, точно раскололи полѣно. Глѣбъ зналъ: сигнальный. И за нимъ далекой, слабой волной завывли человѣчьи голоса. Облава тронулась.

Со стороны отца два краткихъ, точныхъ звука: чикъ, чикъ. Взводитъ курки. Ввелъ свой, единственный курокъ и Глѣбъ. А потомъ взялъ ружье наперевѣсъ и замеръ. Магически блестялъ пистонъ. И правда, и неправда былъ осинникъ, и ложбинка, лѣсъ. Точно во снѣ! Дальній вой не нарушитъ тайны мѣстъ, гдѣ бредутъ сейчасъ отъ этихъ криковъ фантастическіе рогатые звѣри.

Загонщики ближе. Уже можно различать голоса. Слышны трещотки, палки бьютъ по деревьямъ. Туча медленно надвигается, но въ цѣпи стрѣлковъ все безмолвно.

Вдругъ въ мелколѣсѣ сновидѣнья своего увидалъ Глѣбъ нѣчто новое: двинулись вѣтви, что-то разступилось и беззвучно появились на прогалинкѣ два нереальныхъ существа. Впереди огромный звѣрь, на высокихъ, тонкихъ ножкахъ, безъ роговъ, легкій и безшумный, а за нимъ поменьше.

Осторожно шли они по снѣгу, точно бы по облакамъ, настолько невѣсомыми казались. Глѣбъ не могъ этого

осмыслить, но онъ чувствовалъ передъ собою дикій и таинственный міръ. Все это было мгновеніе, но пронзило его. И уже изъ-за пня вель стволѣмъ мальчикъ медленно по сѣро-бурому боку чудища, безплотно предъ нимъ прохидившаго.

Можетъ быть, Глѣбъ шевельнулся, или лось почувствовалъ человѣчій запахъ: но передній приостановился, меньшій за нимъ тоже... — Глѣбъ потянулъ за собачку.

Въ грохнувшемъ выстрѣлѣ все сразу смѣстилось. Громада передъ Глѣбомъ рухнула. Со стороны отца тоже блеснуло и ударило, меньшій бѣшено прыгнулъ, несется межъ деревъ крупнаго лѣса, прорвался черезъ линію стрѣлковъ. Отецъ быстро обертывается, ловить его на мушку — второй выстрѣлъ...

И все вернулось вновь на свои мѣста. Черезъ нѣсколько минутъ между осинками мелькали ужъ древляне со своими палками, въ тулупахъ, рваныхъ шалкахъ, съ путанымъ бороденками. Съ ближайшаго номера приближалъ Дрець. Охотники подходили.

— Это ты? — кричалъ Дрець. — Этакую машину? Ну и молодець-же-жъ, Herr Professor, я-же говорилъ... я-же всегда говорилъ...

Глѣбъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ поверженнаго лося. Звѣрь умиралъ. Прекрасный глазъ его предсмертно затягивался, нога судорожно дергалась. Глѣбъ ничего не понималъ. Губы его дрожали, онъ былъ снѣжнаго цвѣта и все пытался забить шомполомъ въ дуло новую пулю — для чего это было? А пуля застряла, какъ разъ и не продвигалась. Кругомъ орали въ восторгѣ загонщики.

Дрець съ аппетитомъ извелъ курокъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ умирающаго. Тѣло лося передернулось. Какъ бы дымъ пошелъ отъ него... или это былъ вздохъ?

**

То, что пуля отца достала второго лося и онъ повалился шагахъ въ двухстахъ, никого не удивило: отецъ взрос-

лый охотникъ, извѣстный стрѣлокъ. Но мальчикъ, изъ полудѣтскаго ружья уложившій такую махину...

Отецъ былъ очень доволенъ. На Глѣба-же рухнула оглушительная волна успѣха.

Отецъ, смѣясь, взявъ у него ружьецо и засунувъ шомполъ на мѣсто.

— Пулю дома высверлимъ. Такъ ничего не выйдетъ.

Глѣба со всѣхъ сторонъ поздравляли. Древляне требовали съ отца на водку — что щедро и получили. И когда съ лосями на салазкахъ толпой, теперь уже шумной, пестрой, охотники попеременно съ мужиками и бабами ввалились на дворъ избушки, гдѣ ждали кучера, загонщики подхватили Глѣба и стали качать. Они угадали. Отецъ далъ имъ еще на водку. Глѣбъ-же былъ совсѣмъ дикъ, не раскрывалъ рта. Можно было подумать, что мальчикъ, которымъ восторгаются за то, что пуля его ружьеца угодила въ хребетъ безвиннаго звѣря — что онъ даже еще недоволенъ. Это было невѣрно. Глѣбъ торжествовалъ. Но счастья своего стѣснялся. Такъ себя держалъ, будто для него убить лося дѣло обычное, ничего тутъ нѣтъ удивительнаго. Его радость была одинокая, восторженно-пустынная.

Онъ отдался ей на обратномъ пути. Ъли и пили въ столовкѣ основательно и выбрались домой незадолго до сумерекъ. Глѣба опять закутали муміей, и когда выѣхали въ начинавшій сизѣтъ, мутнѣтъ поля, Глѣбъ, закрывшись сбоку воротникомъ тулупа, полудремалъ, но и страстно жилъ въ уединеніи своемъ. Теперь лишь вѣтеръ полевой, да снѣгъ, да надвигающійся сумракъ были съ нимъ. Никакихъ Дрецовъ, мужиковъ, вѣжливо жмушихъ руку Павловъ Ивановичей. Онъ одинъ со своею славой. Глѣбъ считалъ, что свершилъ нѣчто героическое. А уединеніе, ровный бѣгъ саней, тулупъ, отъ котораго пахло овчиной, отгораживали его отъ міра. Къ міру этому онъ относился отчасти высокомерно. А къ себѣ съ неосознаннымъ восхищеніемъ. Это давало особую сладость часамъ ѣзды.

Вылѣзъ онъ изъ саней съ чувствомъ Наполеона послѣ Аустерлица. Дома восторгъ былъ общій. Даже Лизу онъ захватилъ. Тутъ ужъ не бѣлочка будаковская — огромный звѣрь, страшный, котораго такъ геройски уложилъ братъ. (Это была лосиха со своимъ лосенкомъ. Убивая ее, Глѣбъ совершалъ преступленіе даже противъ законовъ охотничьихъ). Мать тоже была счастлива. Глѣбъ велъ себя какъ взрослый, «сыночка» оказался на высотѣ. Одинъ изъ случайныхъ гостей-охотниковъ сотрудничалъ въ «Природѣ и Охотѣ». Онъ сказалъ, что напечатаетъ о Глѣбѣ въ журналъ.

Все это не могло Глѣба не опьянять, хотя держаться онъ продолжалъ замкнуто. Дни Святوکъ шли для него подъ знакомъ триумфа. Сидѣлъ-ли онъ на трапеціи, покачиваясь, рисовалъ-ли, катался-ли на конькахъ, всюду его сопровождало ощущеніе чего-то необыкновеннаго. Оно несло его. Онъ не былъ даже въ силахъ и сопротивляться. Не былъ въ силахъ чувствовать что-либо иное. А между тѣмъ, съ ясною неумолимостью надвигался день, когда надо будетъ вновь ѣхать въ Калугу, съ Лизой, въ убогій домъ Тарховой, посылую гимназію. Совершенно очевидно, что изъ знаменитаго охотника онъ превратится вновь въ жалкаго гимназиста, котораго въ любой день можно оставить безъ обѣда, всячески ущемить, обидѣть. Здѣсь имя его попадетъ въ печать, а тамъ, если «Природу и Охоту» увидитъ инспекторъ, то ему сбавятъ баллъ по поведенію. И кто изъ товарищей повѣритъ, что это о немъ, нелѣпомъ дежурномъ, а то и «ябедникѣ», написано въ охотничьемъ журналѣ!

Впрочемъ, онъ и думать почти не могъ о Калугѣ — не вмѣщалась она въ него. И себя вообразить инымъ, чѣмъ сейчасъ, познавшимъ славу Глѣбомъ не былъ онъ въ состояніи.

Такъ-же и когда пришла изъ Кіева телеграмма, что скончалась бабушка Франя, онъ отнесся къ этому равнодушно. Да, слегка помнить ее по Устамъ, важная, поль-

скаго вида дама. Но къ нему и его чувствамъ не имѣющая отношенія.

Поразилъ его только отецъ. Отецъ, всегда надъ всѣмъ возвышавшійся, недосягаемый несмотря на свою веселость, полугерой охотникъ, проявилъ слабость, Глѣба взволновавшую. На панихидѣ въ огромной людиновской церкви онъ плакалъ такъ, что уткнулъ лицо въ платокъ, подъ которымъ вздрагивала рыжеватая борода и тяжело сотрясался плечами. Глѣбу очень жаль было этого прекраснаго на его взглядъ человѣка. Когда панихида окончилась, онъ печально шелъ съ нимъ домой изъ церкви, взявъ подъ руку, будто поддерживая. Головой приложилъ къ локтю, а другою рукой погладилъ.

— Мнѣ тоже очень жаль бабушку. А ты не плачь. Я приѣду къ тебѣ на Пасху, мы поѣдемъ стрѣлять вальдшнеповъ, на Горскую мельницу. На тягу. Ты мнѣ обѣщаль.

Отецъ улыбнулся, смахнулъ слезы.

— Поѣдемъ, братецъ ты мой, поѣдемъ.

Полуобнявшись шли они, возвращаясь къ жизни обыденной. Былъ сѣрый людиновскій зимній день, озеро въ снѣгу, туманные лѣса за нимъ. Заводъ пыхтѣлъ какъ всегда, языки пламени надъ домной. Бабушка Франциска Ивановна со своими четками, католическимъ Распятіемъ, жизненными взглядами и видомъ королевы изъ провинціального театра находилась уже въ Вѣчности, бѣдные-же ея останки покоились въ градѣ Кіевѣ. И отецъ, и мать, и Глѣбъ и другіе совершали таинственно данный имъ путь жизни, приближаясь — одни къ старости и послѣдному путешествію, другой къ отрочеству, и юности. Никто ничего не зналъ о своей судьбѣ. Глѣбъ не зналъ, что въ послѣдній разъ видитъ Людиново. Отецъ не зналъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ совсѣмъ въ другихъ краяхъ Россіи. Мать не знала, что переживетъ отца и увидитъ крушеніе всей прежней жизни. И лосиха, въ роковой для нея день вышедшая на вооруженнаго ребенка со своимъ ре-

бенкомъ, не знала, что въ послѣдній разъ идетъ этимъ осинникомъ.

Губернаторъ съ бакенбардами окончилъ благополучно свою поѣздку. Всюду были исправники, становые. Всюду ему кланялись и принимали какъ въ Людиновѣ. Искренно онъ полагалъ, что всюду внесъ порядокъ и благоденствіе. Въ нѣкоторой усталости отъ пути все-же не задумывался о томъ, что будетъ, и не могъ себѣ представить, что черезъ тридцать лѣтъ вынесутъ его больного, полупарализнаго, изъ родного дома въ Рязанской губерніи и на лужайкѣ парка разстрѣляютъ.

Бор. Зайцевъ.

Смерть господина Бернара

Никто изъ сослуживцевъ господина Бернара не могъ бы предположить, что этотъ чрезвычайно почтенный и уважаемый человѣкъ способенъ къ неожиданнымъ поступкамъ; и тѣмъ болѣе странными и непостижимыми казались неправдоподобныя и фантастическія обстоятельства, сопровождавшія его преждевременную кончину. — Онъ едва достигъ того возраста, когда человѣкъ становится зрѣлымъ и живетъ жизнью, полной сознанія своего долга передъ родиной и республикой, — говорилъ въ своей надгробной рѣчи директоръ того предпріятія, въ которомъ господинъ Бернаръ прослужилъ двадцать три года; онъ имѣлъ въ виду тотъ фактъ, что господину Бернару едва исполнилось пятьдесятъ шесть лѣтъ. Ему оставалось совсѣмъ немного времени, чтобы получить право на довольно значительную, по словамъ директора, пенсію; и хотя у господина Бернара не было ни жены, ни дѣтей, ни родителей, — это былъ сирота, господа, — говорилъ въ той же рѣчи директоръ, — утрата была оттого не менѣе тягостна. И было трудно себѣ представить, что на томъ мѣстѣ, гдѣ двадцать три года подрядъ возвышалась лысая голова господина Бернара, вдругъ начнетъ возвышаться нѣчто другое и хотя похожее по формѣ, но все же не то. Владелецъ банъ на улицѣ Акацій терялъ одного изъ самыхъ постоянныхъ своихъ кліентовъ, такъ какъ господинъ Бернаръ отличался почти болѣзненной чистоплотностью и каждую недѣлю принималъ душъ; мадамъ Жюли, привыкшая къ господину Бернару почти какъ къ собственному

сыну, — въ течение двадцати одного года послѣ душа онъ отправлялся въ ея домъ съ цвѣтными стеклами и хотя оставался тамъ недолго, не ища ни развратныхъ наслаждений, ни праздної болтовни, а являлся туда, снѣдаемый исключительно заботами о собственномъ здоровѣи, уходя, всякій разъ говорилъ мадамъ Жюли со странной улыбкой, — здоровье прежде всего, не такъ ли, мадамъ? и прачка, мадамъ Маргеритъ, и владѣлецъ ресторана и вообще множество разныхъ людей, жителей города Т., въ которомъ это происходило, — было столь же поражено, сколь огорчено внезапной и ужасной смертью господина Бернара.

— Преклонимся передъ его прахомъ, господа, — говорилъ директоръ, — но, преклонившись передъ его прахомъ, оставимъ себѣ право выразить наше законное недоумѣніе по поводу того, какими таинственными причинами былъ вызванъ этотъ ужасный фактъ, который соединилъ насъ сейчасъ, въ горестномъ благоговѣніи, передъ этой открытой могилой.

Было бы несправедливо не упомянуть о томъ, что лишь недостатокъ средствъ и прерванное жестокими обстоятельствами образованіе не позволили директору въ свое время стать однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ Франціи: и это знали всѣ сограждане директора, которымъ его ораторскій талантъ былъ очень извѣстенъ, равно, какъ и склонность къ адвокатурѣ; и зная это, всѣ относились къ нему такъ, какъ если бы онъ дѣйствительно былъ адвокатомъ и даже обращались къ нему за юридическими совѣтами. Одинъ разъ изъ-за директорскихъ потерянныхъ возможностей произошелъ даже неприятный случай: въ городѣ Т на банкетъ корпораціи мыльныхъ фабрикантовъ пріѣхалъ министръ торговли, произнесшій за столомъ длинную рѣчь и замѣтившій лицо директора, который смотрѣлъ на него съ презрительнымъ сожалѣніемъ, въ неудачныхъ — по его мнѣнію — мѣстахъ рѣчи пожималъ плечами или иронически улыбался и вообще велъ себя

такъ, что министръ, едва кончивъ говорить, тотчасъ обратился къ своему сосѣду съ вопросомъ, что это за дуракъ; и такъ какъ министръ — какъ потомъ рассказывалъ директоръ — былъ плохо воспитанъ, то, произнося это слово, онъ даже не понизилъ голоса. Конечно, элементарное уваженіе къ самому себѣ не позволило директору удостоить отвѣтомъ чловѣка, стоявшаго очевидно ниже его и добившагося поста министра лишь при помощи протекціи и взятокъ, — что было доподлинно извѣстно всѣмъ гражданамъ города Т., которые были умными людьми и прекрасно разбирались въ политикѣ.

— Каковы же были тѣ причины, — продолжалъ директоръ, — которыя въ ихъ горестной и мрачной совокупности заставили молодого, цвѣтущаго Бернара въ серединѣ своей карьеры рѣшиться на столь ужасный и нѣкоторымъ образомъ окончательный поступокъ, имѣющій, я бы сказалъ, глубокій характеръ и служащій грознымъ предостереженіемъ для каждаго француза?

Господинъ Бернаръ въ это время неподвижно лежалъ въ длинномъ коричневомъ гробу съ красивыми розоватыми полосками — работы господина Дюпюи, который стоялъ тутъ же, снявъ свой прекрасный цилиндръ, купленный въ магазинѣ господина Симона, равнымъ образомъ присутствовавшего на похоронахъ. Если бы гробъ былъ открытъ, то можно было бы видѣть, что на господинѣ Бернарѣ былъ его черный парадный костюмъ съ едва замѣтными слѣдами штопки на правой сторонѣ груди, гдѣ раньше помѣщался верхній карманчикъ, въ тѣ времена, когда костюмъ не былъ еще перелицованъ, — такъ какъ господинъ Бернаръ, какъ и всѣ граждане города Т., аккуратно перелицовывалъ свои костюмы, едва проносивъ ихъ три или четыре года.

Единственнымъ чловѣкомъ, получившимъ нѣкоторую временную и, какъ это должно было выясниться впоследствии, иллюзорную выгоду отъ смерти господина Бернара, была его квартирная хозяйка, которой онъ еще на дняхъ

заплатилъ за мѣсяцъ впередъ; и она тотчасъ же сдала его комнату иностранцу, прѣхавшему въ городъ Т. для неизвѣстныхъ цѣлей и плохо говорившему по-французски. Такимъ образомъ она получила около двухсотъ франковъ чистой выгоды, такъ какъ съ иностранца она естественно взяла дороже, чѣмъ съ господина Бернара; эти деньги были большимъ подспорьемъ для бѣдной вдовы. Кромѣ того, условившись со своимъ новымъ жильцомъ объ утреннемъ кофе, она выгадывала еще около десяти франковъ въ мѣсяцъ — очень густое молоко, расточительно и небрежно продаваемое мѣстной молочной, она разбавляла водой, что давало ей ежедневную экономію почти въ тридцать пять сантимовъ; а господинъ Бернаръ по утрамъ кофе не пилъ, сказавъ ей разъ навсегда, что у него нѣтъ привычки ѣсть натошакъ, — съ чѣмъ квартирная хозяйка, несмотря на явную странность этого заявленія, была вынуждена примириться. Она, однако, съ тревогой спрашивала себя, долго ли проживетъ ея новый квартирантъ; иностранцамъ она вообще не довѣряла послѣ опыта съ однимъ американскимъ студентомъ, съ котораго она брала въ три раза дороже, чѣмъ съ другихъ. Американецъ былъ неизмѣнно веселъ, всегда смѣялся и каждый разъ послѣ поѣздки въ Парижъ привозилъ ей подарки; однажды онъ вручилъ ей толстую и роскошную книгу «Исторія Франціи», съ которой забылъ стереть цѣну, и, посмотрѣвъ на цифру, она едва не лишилась чувствъ: книга стоила двѣсти двадцать франковъ. Она продала потомъ эту книгу въ мѣстный книжный магазинъ за сто пятьдесятъ франковъ. Какъ то утромъ, вставъ раньше обыкновеннаго и продолжавъ свои ежедневныя гимнастическія упражненія, американецъ вышелъ въ переднюю какъ разъ въ ту минуту, когда хозяйка лила воду въ молоко. Но вмѣсто того, чтобы заявить ей объ отъѣздѣ и вычислить сумму, которую онъ могъ бы недоплатить, онъ началъ хохотать, какъ сумасшедшій, и хлопать ее по плечу. Послѣ этого она стала относиться къ иностранцамъ съ заслуженнымъ недо-
вѣ-

ріємъ. Она уходила съ похоронъ и ея сердце было неспокойно, она боялась за будущее, ее начинали даже одолевать сомнѣнія: кто знаетъ, быть можетъ, было бы лучше, если бы господинъ Бернаръ не умиралъ.

Въ общемъ смерть господина Бернара взволновала рѣшительно всѣхъ. Даже владѣлецъ книжнаго магазина, у котораго господинъ Бернаръ за всю свою жизнь не купилъ ничего, былъ такъ огорченъ, что его приказчикъ сказалъ ему съ тѣмъ сочувствіемъ, которое естественно въ нѣкоторыхъ коммерческихъ фирмахъ, гдѣ отношенія между владѣльцемъ и служащими становятся подобны отношеніямъ между отцомъ и дѣтьми, во всемъ, вплоть до вознагражденія; и служащіе, напримѣръ, этого магазина получали такое ничтожное жалованье, что оно могло искупаться только истинно отеческимъ отношеніемъ владѣльца, — что приказчикъ сказалъ ему:

— Не надо такъ огорчаться, мсье. Вѣдь нельзя сказать, что вы потеряли кліента.

И приказчикъ улыбнулся, ожидая, что хозяинъ засмѣется. Приказчикъ справедливо считался однимъ изъ самыхъ остроумныхъ людей въ городѣ; и всѣ настолько привыкли къ этой его репутациі, что каждая его реплика автоматически вызывала улыбку или смѣхъ. Но хозяинъ отвѣтилъ:

— Кто знаетъ? Какъ разъ недавно мы говорили съ господиномъ Бернаромъ о великихъ писателяхъ Франціи и онъ мнѣ сказалъ, что хотѣлъ бы пріобрѣсти полное собраніе сочиненій Поля Буржэ. А вы знаете, что на этомъ я могъ бы заработать.

Но прошло нѣсколько дней—и господинъ Бернаръ былъ забытъ. Еще нѣкоторое время, короткій періодъ посмертной и напрасной славы, обстоятельства его смерти излагались на страницахъ газетъ, еще кое-кто упоминалъ о господинѣ Бернарѣ; скорѣе всѣхъ его забыли люди, встрѣчавшіеся съ нимъ каждый день, дольше всѣхъ о немъ по-

мнили тѣ, которые видѣли его рѣже всего. Но въ концѣ концовъ о немъ забыли даже они.

Такъ исчезъ господинъ Бернаръ; и въ городѣ Т. все осталось попрежнему: утромъ начинали работу, въ двѣнадцать завтракали, въ семь обѣдали, потомъ говорили о разныхъ дѣлахъ и ложились спать; и два наиболѣе могущественныхъ фактора въ жизни этого города—экономія и работа — не могли, конечно, потерпѣть никакихъ измѣнений. Вопреки тому, что писалось въ нѣкоторыхъ статьяхъ, городъ не былъ взбудораженъ смертью господина Бернара — иначе говоря, этотъ ужасный фактъ былъ мужественно перенесенъ жителями города Т. и, если такъ можно сказать, лишь укрѣпилъ ихъ въ сознаніи ихъ непоколебимаго смысла существованія, именно экономія и работы. Къ сожалѣнію, иностранецъ, поселившійся въ комнатѣ господина Бернара и представлявшій изъ себя хотя и трудно высчисляемый, но несомнѣнный потенциальный капиталъ, предназначенный для рациональной эксплоатации, прожилъ очень недолго и переѣхалъ въ гостиницу, объявивъ хозяйкѣ, что не можетъ жить въ такомъ примитивномъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни центральнаго отопленія, ни ванны, ни телефона, и заявивъ, что онъ привыкъ существовать, какъ цивилизованный человѣкъ, а не какъ дикарь, и что у него на родинѣ такое зданіе давно бы превратили въ историческій музей. Хозяйка присчитала ему девяносто франковъ за то, что онъ якобы сломалъ одну изъ пружинъ матраца, которая, какъ она это знала, была сломана около трехъ лѣтъ тому назадъ господиномъ Бернаромъ, отличавшимся въ послѣдніе годы своей жизни крайне безпокойнымъ сномъ. Однако, когда въ свое время она сказала господину Бернару о поломанной пружинѣ, онъ презрительно улыбнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, но я надѣюсь, вы не принимаете меня за крестьянина?

— Конечно, нѣтъ, господинъ Бернаръ, но такъ какъ пружина все-таки сломана...

— Нѣтъ, — продолжалъ господинъ Бернаръ, — но вы, я полагаю, не считаете, что пружина можетъ существовать вѣчно? Все ломается, все разрушается, мадамъ; и только недостатокъ умственнаго развитія мѣшаетъ вамъ понять эту мысль. Желѣзо подвержено дѣйствию ржавчины, мѣдь окисляется, чугунъ ломается, серебро чернѣетъ; это вѣчные законы природы и физики, мадамъ, и не намъ съ вами ихъ измѣнить, хотя бы и при помощи девяноста франковъ. Кстати, новый матрацъ стоитъ шестьдесятъ франковъ, а отдѣльная пружина около шести франковъ; такимъ образомъ вы требуете съ меня ровно въ пятнадцать разъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Я отмѣчаю это не въ упрекъ вамъ, — продолжалъ господинъ Бернаръ съ тѣмъ же непоколебимымъ спокойствіемъ и снисхожденіемъ, — а только по любопытству, такъ какъ я вамъ все равно ничего не заплачу и мнѣ было бы жаль, если бы у васъ по этому поводу могли существовать какія бы то ни было иллюзіи.

И ничто, казалось, въ жизни господина Бернара не предвѣщало той внезапной и кратковременной извѣстности, которой онъ пользовался въ эти дни и которая была тѣмъ болѣе бесполезна, что, какъ это позволяли предполагать всѣ рѣшительно данныя, послѣднее состояніе господина Бернара лишало его возможности имѣть вообще какую бы то ни было оцѣнку событій. Правда, аббатъ Сень-Тигръ, обратясь къ своимъ прихожанамъ на ближайшей мессѣ и упомянувъ о безвременномъ, но быть можетъ, не безвозвратномъ исчезновеніи господина Бернара, давалъ понять, что существуютъ возможности отдаленнаго воскрешенія, хронологическую протяженность которыхъ онъ все же не рѣшался опредѣлить, боясь впасть въ ошибку, которая произошла бы вслѣдствіе того, что земное понятіе о времени могло бы не совпасть съ вѣчнымъ счетомъ годовъ, недѣль и столѣтій, ведущимся тамъ — аббатъ поднялъ глаза къ потолку церкви; и въ общемъ выходило такъ, что будущность господина Бернара представлялась

аббату Сень-Тигръ чрезвычайно смутной и неопредѣленной. И такимъ образомъ оказалось, что нѣсколькихъ короткихъ, но невозвратныхъ минутъ было достаточно, чтобы не только скомпрометировать навсегда будущность господина Бернара, но и сдѣлать бессмысленными и ненужными всѣ двадцать три года его безупречной службы; и несомнѣнно, одно это обстоятельство было способно вызвать въ умахъ согражданъ господина Бернара цѣлый рядъ глубочайшихъ сомнѣній и вопросовъ, — и если этого въ дѣйствительности не случилось, то только потому, что гражданамъ города Т. было некогда заниматься отвлеченными проблемами, къ которымъ, вдобавокъ, не былъ приученъ ихъ дисциплинированный и ясный умъ, воспитанный на обсужденіи муниципальных нуждъ, внѣшней и внутренней политики государства и, наконецъ, на чтеніи газетъ, будившихъ въ нихъ здоровыя національныя чувства.

Но если бы кто нибудь изъ нихъ вступилъ на путь догадокъ о причинахъ необъяснимыхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть господина Бернара, онъ неизбежно долженъ былъ бы сдѣлать первый свой выводъ о томъ, что господинъ Бернаръ, будучи кореннымъ жителемъ города Т. и ничѣмъ, казалось бы, не отличаясь отъ своихъ современниковъ, представлялъ изъ себя именно въ виду этой своей безспорной принадлежности къ городу Т., — загадку совершенно непостижимую и въ извѣстной мѣрѣ незаконную. Очень возможно, что въ дальнѣйшемъ вниманіе этого анонимнаго изслѣдователя, которое не должно было бы пренебрегать ни однимъ, даже самымъ незначительнымъ фактомъ, способнымъ пролить свѣтъ на интересующій его вопросъ, было бы привлечено тѣмъ полупризрачнымъ персонажемъ, о которомъ никто изъ жителей города Т. не могъ дать никакихъ положительныхъ свѣдѣній и сообщеній о которомъ сводились лишь къ нѣсколькимъ описаніямъ, основаннымъ почти исключительно на зрительномъ воспріятіи. Во всякомъ случаѣ, немно-

гимъ позднимъ и случайнымъ прохожимъ приходилось иногда глубокой ночью встрѣчать на набережныхъ небольшой мѣстной рѣки, тускло освѣщенныхъ рѣдкими фонарями, фигуру пожилой, очень накрашенной женщины, нравственность которой не могла вызвать никакихъ сомнѣній. Одинъ изъ нихъ утверждалъ даже, что слышалъ голосъ этой женщины, поразившій его особенно низкимъ своимъ тембромъ. Но въ общемъ можно было только установить, что эта женщина появлялась такъ же неожиданно, какъ исчезала и никто не зналъ ни ея адреса ни имени; и казалось, что проблуждавъ нѣкоторое время вдоль медленной ночной рѣки, она точно проваливалась въ незримую воздушную пропасть, о которой господинъ Бернаръ также не имѣлъ представленія, какъ всѣ остальные граждане города Т. Третьимъ обстоятельствомъ, возможно, явилось бы, имѣющее опредѣленную цѣнность, мнѣніе мадамъ Жюли, которая должна была констатировать, что въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ господинъ Бернаръ ни разу не былъ у нея и это представлялось тѣмъ болѣе страннымъ, что онъ не женился, не завелъ любовницы и жалованье его скорѣе прибавилось, чѣмъ уменьшилось и, слѣдовательно, не матерьяльная невозможность являлась причиной его непонятнаго манкированія. Мадамъ Жюли, изучившая за сорокъ лѣтъ своей непрерывной работы характеръ и потребности многочислѣннѣйшихъ кліентовъ, знала, что юношескій пылъ посѣтителей начиналъ нѣсколько охлаждать въ возрастѣ господина Бернара; но отъ постепеннаго и естественнаго охлажденія до рѣзкаго прекращенія какихъ бы то ни было визитовъ было большое разстояніе и, быть можетъ, именно въ этомъ таинственномъ и тревожномъ пробѣлѣ слѣдовало искать разрѣшенія все той же загадки. Наконецъ, среди книгъ, оставшихся послѣ господина Бернара были обнаружены сочиненія малоизвѣстныхъ и повидимому иностранныхъ авторовъ — Стивенсона, Томаса Харди и Штирнера — и это заставило бы все того же анонимнаго и несуществующаго изслѣдовате-

ля отмѣтить, что литературный вкусъ господина Бернара нѣсколько отличался отъ вкуса его современниковъ.

И все же слѣдуетъ признать, что ни одно изъ перечисленныхъ обстоятельствъ не могло бы послужить объясненіемъ загадочной и фантастической смерти господина Бернара. Можно было бы обратиться къ доступному анализу каждаго дня жизни господина Бернара, надѣясь, что этотъ анализъ откроетъ все. Но анонимный изслѣдователь могъ бы увидѣть только, что господинъ Бернаръ вставалъ каждое утро по будильнику, который звонилъ ровно безъ четверти семь; господинъ Бернаръ немедленно поднимался съ кровати, и, вытянувъ впередъ руки, дѣлалъ нѣсколько присѣданій, способствующихъ болѣе усиленному кровообращенію и интенсивному обмѣну веществъ — выраженіе, точный смыслъ котораго въ городѣ Т. былъ понятенъ только двумъ докторамъ, чрезвычайно не любившимъ другъ друга и тремъ аптекарямъ, объединеннымъ въ наименѣе многочисленный синдикатъ города, что не мѣшало ему устраивать собранія, диспуты, обсужденія профессиональных программъ и даже ежегодный банкетъ. Затѣмъ господинъ Бернаръ брился, потомъ умывался, мазалъ лицо кремомъ, пудрился и надѣвалъ свой темно-сѣрый костюмъ, высокій, очень накрахмаленный воротничекъ и прекрасный черный галстукъ, завязанный вѣчнымъ узломъ на чрезвычайно удобной костяной пряжкѣ. Почистивъ затѣмъ костюмъ щеткой и стараясь не дѣлать быстрыхъ и сильныхъ движеній, чтобы съ одной стороны не вызвать сердцебіенія, съ другой — не повредить матеріи, смахнувъ пыль съ лакированныхъ носковъ своихъ черныхъ ботинокъ, купленныхъ господиномъ Бернаромъ въ позапрошломъ году и оказавшихся очень прочными, онъ выходилъ на улицу ровно въ двадцать минутъ восьмого. Трудно было бы сказать, о чемъ думалъ господинъ Бернаръ въ эти минуты; онъ могъ думать о такомъ количествѣ вещей, которое не поддается учету и въ которое могли входить наряду съ соображеніями чисто служебнаго порядка, мысли

о томъ, напримѣръ, что въ силу странной игры случая множество предметовъ на землѣ имѣетъ круглую форму — бинокли, очки, головы брахицефального типа, шары, ядра, сама земля, наконецъ, дискъ солнца, изображенія планеты Венеры и еще другія вещи, перечень которыхъ занялъ бы слишкомъ много мѣста; и что въ повторяющемся движеніи этихъ бѣгущихъ линій заключенъ, быть можетъ, нѣкоторый, непонятный на первый взглядъ, но вполне законченный и совершенный смыслъ. Утренній воздухъ бывалъ неизмѣнно свѣжъ и каждый день по новому пріятенъ, такъ, какъ если бы въ его составѣ происходили всякій разъ какія-то чуть замѣтныя измѣненія, касающіяся, скажемъ, процентнаго содержанія азота или кислорода и было удивительно, что эти незначительныя колебанія были доступны несовершенному человѣческому воспріятію; а, впрочемъ, можетъ быть все это объяснялось лишь внутренними сотрясеніями въ личномъ самочувствіи господина Бернара. Такъ или иначе, каждое утро воздухъ былъ по иному вкусенъ и свѣжъ; и то, что вчерашній воздухъ былъ непохожъ на сегодняшний, а сегодняшний будетъ непохожъ на завтрашній, эта удивительная и печальная неустойчивость могла бы навести господина Бернара на пессимистическія размышленія, — если бы можно было знать съ увѣренностью, что онъ думалъ именно объ этомъ и именно такъ и что общее устройство его ума въ какой-то мѣрѣ походило на устройство ума анонимнаго изслѣдователя.

И господинъ Бернаръ углублялся въ улицу Акацій, свернувъ за первый уголъ и поздоровавшись съ газетчицей; она протягивала ему «Вѣстникъ Т.», принадлежавшій личному знакомому господина Бернара, почтеннѣйшему человѣку, кавалеру ордена почетнаго легіона, подпись котораго всегда стояла подъ статьями о національной оборонѣ — очень опасавшемуся неожиданнаго нашествія со стороны нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ, не внушавшихъ ему никакого довѣрія, несмотря на неоднократныя и миро-

любивѣйшія заявленія многочисленныхъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. Невзирая на весьма преклонный возрастъ, собственникъ «Вѣстника Т.» работалъ чрезвычайно много и отличался завиднымъ здоровьемъ, хотя и имѣлъ нѣкоторыя странности, вродѣ быстрыхъ и, казалось бы, ничѣмъ не вызванныхъ жестовъ правой руки, похожихъ на то, какъ если бы среди серьезнаго разговора, онъ вдругъ начиналъ ловить воображаемыхъ мухъ; кромѣ того, онъ плохо слышалъ на лѣвое ухо и астигматическій его взглядъ иногда поражалъ полнымъ несоотвѣтствіемъ своего выраженія съ его поступками и словами. Нѣкоторые, слишкомъ требовательные читатели газеты находили, что его статьи монотонны и это было совершенно несправедливо, такъ какъ — это знали многіе и въ томъ числѣ и господинъ Бернаръ — владѣлецъ газеты, будучи дѣйствительно искреннимъ патріотомъ и противникомъ иностраннаго вторженія въ свою страну, статей своихъ вообще не писалъ никогда, не получивъ въ свое время, къ сожалѣнію, необходимаго образованія, совершенно такъ же, какъ директоръ предприятия, въ которомъ работалъ господинъ Бернаръ. Но, конечно, это обстоятельство, значенія котораго онъ не склоненъ былъ преувеличивать, не мѣшало ему имѣть вполне опредѣленные политическія убѣжденія и законный скептицизмъ по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые называли себя пацифистами и сторонниками мирнаго сотрудничества съ иностранными государствами, упуская изъ виду еще и то элементарнѣйшее и непреодолимое соображеніе, что такое сотрудничество было фактически невозможно въ силу разницы языковъ, на которыхъ говорили съ одной стороны французы, съ другой иностранцы. Владѣлецъ «Вѣстника Т.» посвятилъ этой сторонѣ вопроса специальную статью со ссылкой на исторію Вавилонской башни и даже заплатилъ сотруднику, написавшему эту статью, полуторный гонораръ за неожиданныя и невходящія въ его профессиональныя обязанности знанія въ области библейскихъ легендъ, такъ поразительно подходящихъ для ил-

люстраціи именно данного сюжета. Но въ тотъ часъ, когда господинъ Бернаръ проходилъ по улицѣ Акацій, направляясь на службу и положивъ свернутую газету въ карманъ, собственникъ «Вѣстника Т.» еще мирно спалъ въ своей постели возлѣ прозрачнаго сосуда съ ароматной водой, въ которомъ освѣжались всю ночь его прекрасныя челюсти, гордость мѣстнаго дантиста.

Въ городѣ было тихо, солнце свѣтило надъ крышами домовъ; господинъ Бернаръ выпивалъ чашку кофе съ молокомъ, съѣдалъ двѣ тартинки и, коротко поговоривъ съ хозяиномъ кафѣ о томъ, что въ прошломъ году въ это же время еще не было такъ тепло, какъ теперь и что, можетъ быть, въ этой, рано наступившей, хорошей погодѣ есть и своя дурная сторона, — всѣ эти весеннія недомоганія, — входилъ, наконецъ, въ ту дверь, за которой начинался новый служебный порядокъ вещей, не существовавшій нигдѣ, за исключеніемъ этого ограниченнаго пространства. Здѣсь все было привычно, знакомо и извѣстно до послѣдняго чернильнаго пятнышка. Рядомъ съ господиномъ Бернаромъ работалъ его ближайшій сотрудникъ, фамилія котораго была Росиньоля. Онъ былъ моложе господина Бернара на десять лѣтъ, носилъ черную бороду и роговыя очки и былъ необыкновеннымъ Донъ-Жуаномъ; но кромѣ этого онъ еще отличался тѣмъ, что страдалъ какой-то чрезвычайно сложной болѣзью желудка, представлявшей изъ себя нѣчто трудно уловимое, почти не поддающееся діагнозу и въ общемъ среднее между ракомъ, катарромъ, язвой и просто несвареніемъ. У него была еще одна особенность, которой господинъ Бернаръ нигдѣ до этого не встрѣчалъ: цвѣтъ глазъ Росиньоля былъ почти желтый, принимавшій по утрамъ мутно оранжевый оттѣнокъ. Увидя утромъ Росиньоля, господинъ Бернаръ могъ безошибочно заключить, что у его сослуживца въ послѣобѣденное время назначено свиданіе; Росиньоля, ссылаясь на свое разстроенное здоровье и непрерывно предъявляя медицинскія удостовѣренія, формула которыхъ была вырабо-

тана разъ навсегда, никогда не проводилъ на службѣ больше, чѣмъ полдня. Во время работы онъ рассказывалъ господину Бернару свои похождения, отличавшіяся чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Въ числѣ его поклонницъ были горничныя, дамы, владѣлицы разнообразныхъ предпріятій — начиная отъ булочной и кончая бюро похоронныхъ процессій, — знатныя иностранки, имѣвшія неосторожность проѣздомъ остановиться въ городѣ Т., и среди нихъ въ воображеніи всѣхъ его сослуживцевъ первое мѣсто занимала пріѣзжавшая два года тому назадъ блистательная и, въ сущности, почти недоступная шведская герцогиня, говорившая по-французски съ сильнымъ сѣвернымъ акцентомъ, ни въ чемъ непохожая на другихъ, богатая, надменная и недостижимая блондинка, отличавшаяся высокомернымъ и единственнымъ очарованіемъ; и она была настолько замѣчательна, что Росиньоль не пожалѣлъ о своемъ романѣ даже послѣ того, какъ выяснилось, что высокомерное очарованіе и уже отмѣченная ранѣе недоступность шведской герцогини не помѣшали чрезвычайно грустнымъ послѣдствіямъ этой незабываемой встрѣчи, носившимъ медицински-трагическій характеръ, не имѣвшимъ однако ничего общаго съ желудочной болѣзью, которая продолжала развиваться своимъ медленнымъ и неуклоннымъ путемъ.

Работа господина Бернара заключалась въ подсчетахъ неуплаченныхъ суммъ и въ провѣркѣ списковъ представителей общества въ различныхъ городахъ Франціи. Она носила, въ сущности, почти условный характеръ, такъ какъ измѣненія въ общемъ состояніи дѣлъ бывали рѣдки и незначительны и тотчасъ же отмѣчались; и у господина Бернара было очень много свободнаго времени, которое онъ тратилъ на обходъ сослуживцевъ и разговоры о разныхъ вещахъ. Въ полдень онъ шелъ завтракать въ небольшой ресторанъ, гдѣ у него было свое мѣсто, своя салфетка и свои любимыя блюда; только по мѣрѣ того, какъ проте-

кало медленное время и годы господина Бернара возрастали въ непогрѣшимомъ соотвѣствіи съ элементарными математическими законами, тѣми же самыми, которые рѣшали судьбы неисправныхъ должниковъ въ его служебной работѣ, блюда постепенно мѣнялись, утрачивая мало-помалу острый и пряный характеръ, составлявшій прелесть южной кухни, но вредно отзывавшійся на деликатныхъ внутреннихъ органахъ людей, вынужденныхъ вести сидячій образъ жизни. Послѣ завтрака господинъ Бернаръ читалъ «Вѣстникъ Т.», заключавшій въ себѣ множество интереснаго и нерѣдко поучительнаго матерьяла: статьи о преступленіяхъ по страсти, потрясавшихъ мирную жизнь самой прекрасной страны, разсужденія аббата Сень-Тигръ о возможныхъ измѣненіяхъ погоды, въ связи съ особеннымъ расположеніемъ солнечныхъ пятенъ и атмосферными пертурбаціями на Ламаншѣ, историческій романъ-фельетонъ о Людовикѣ XIV-омъ, гдѣ многочисленныя королевскія любовницы, одна роскошнѣе другой, въ теченіе цѣлыхъ длинныхъ главъ лежали на диванахъ соотвѣтствующаго стиля и нервно кусали перламутровыми зубами дорогіе кружевные платки брюссельскаго, по всей видимости, производства; отчеты о футбольныхъ состязаніяхъ или матчахъ бокса съ эффектными заголовками — «къ славѣ черезъ ворота команды Марсея!», или «Братья-враги», или «Горе побѣжденнымъ!» Прочтя почти всю газету и оставивъ себѣ на вечеръ лишь очередной фельетонъ, написанный обычно однимъ изъ членовъ французской академіи или однимъ изъ его помощниковъ на тему о величіи государственной идеи или о налогѣ на животныхъ, или о незавидной участи мелкихъ коммерсантовъ или о показательномъ оскудѣніи сберегательныхъ кассъ, или даже о литературѣ, — господинъ Бернаръ возвращался въ бюро и вновь вступалъ въ свои служебныя обязанности, попрежнему распространяя свою власть надъ нѣмыми бумажными данными о неуплаченныхъ суммахъ или непоступившихъ товарахъ.

Но совершенно такъ же, какъ за очереднымъ и невыразительнымъ письмомъ неисправнаго кліента, присланнымъ съ сѣвера Франціи и во всемъ похожемъ на любое другое письмо подобнаго рода, стоялъ гдѣ-то живой чловѣкъ, находящійся, быть можетъ, наканунѣ непоправимаго и, въ сущности, печальнаго банкротства, такъ, -- какъ это было бы ясно анонимному изслѣдователю удивительной смерти господина Бернара, -- такъ, за всѣми этими событіями, слишкомъ обыкновенными и слишкомъ незначительными, чтобы дать основанія для сколько-нибудь не поверхностныхъ сужденій, -- шла недоступная самому пристальному и любопытному вниманію, неизвѣстная, быть можетъ, даже господину Бернару, но чрезвычайно значительная и, въ конечномъ счетѣ, рѣшающая все -- вторая или третья жизнь господина Бернара, въ которой не было ни службы, ни «Вѣстника Т.», ни аббата Сень-Тигръ, ни даже, возможно, города Т. и юга Франціи; или если они и были, то они служили только напоминаніемъ о неважныхъ и легко забываемыхъ вещахъ. Въ томъ случаѣ, если бы это было иначе и если бы непосредственно вѣдшія событія носили окончательный и безоговорочный характеръ, жизнь господина Бернара состояла бы въ медленномъ накопленіи небольшого капитала, постепенномъ уклонѣ къ консервативнымъ политическимъ концепціямъ, ослабленіи вниманія къ окружающему, остываніи страстей и чувствъ и, наконецъ, достиженіи такой степени умственной, физической и душевной несостоятельности, которая обычно давала бы право занимать высшія и отвѣтственные должности въ государствѣ и пользоваться всеобщимъ уваженіемъ согражданъ. И такъ какъ у господина Бернара было не меньше данныхъ для приближенія къ этому идеалу, чѣмъ у другихъ, -- о чемъ справедливо говорилъ директоръ въ своей незабываемой надгробной рѣчи -- и такъ какъ этого все-таки не произошло, анонимный изслѣдователь долженъ былъ бы перенести свое вниманіе на иной, къ сожалѣнію, наименѣе доступный и наименѣе достовѣр-

ный внутренний міръ господина Бернара, въ которомъ, однако, слѣдовало бы предположить полное отсутствіе тѣхъ положительныхъ и неизмѣнныхъ принциповъ, которые составляютъ необходимую основу всякаго разумнаго сужденія. Было бы, повидимому, ошибочно представлять себѣ этотъ внутренний міръ лишь какъ проекцію внѣшняго; и во всякомъ случаѣ, причинная зависимость между ними казалась бы такъ же недоступной обычному пониманію, столь же отличной отъ подлинной дѣйствительности, сколько отличны другъ отъ друга разнородныя состоянія матеріи, сколько снѣгъ отличенъ отъ угля или паръ отличенъ отъ мѣди.

И очень возможно, что наиболѣе вѣроятнымъ пунктомъ, отправляясь отъ котораго анонимный изслѣдователь имѣлъ бы нѣкоторые предположительные шансы подойти къ частичному разрѣшенію все той же загадки, должны были бы послужить четыре газетныхъ вырѣзки, хранившіяся въ письменномъ столѣ господина Бернара, желтѣвшая бумага которыхъ позволяла опредѣлить ихъ сравнительную давность. Въ нихъ разсказывалась странная исторія мадамъ Б., пожилой и богатой женщины, покинувшей свою семью и пріѣхавшей въ небольшой городъ на югѣ Франціи, гдѣ она умерла въ странныхъ обстоятельствахъ, не соответствовавшихъ ни ея положенію, ни ея возрасту и объяснявшихся только крайне предосудительнымъ образомъ жизни, который, несмотря на свои преклонные годы, она вела до послѣднихъ дней. Она жила въ маленькомъ особнякѣ, совершенно одна; увядшее свое лицо она покрывала густымъ слоемъ краски и пудры, надевала яркое платье и въ такомъ видѣ поздними вечерами ходила по улицамъ въ поискахъ случайныхъ встрѣчъ. Авторъ статей некрологическаго характера описывалъ ея жизнь въ ложно-романтическихъ тонахъ, которые онъ, повидимому, считалъ стилистически необходимыми, чтобы придать извѣстную убѣдительность изложенію почти фантастическихъ фактовъ. Претендуя, вѣроятно, безъ доста-

точного основанія, на личное знакомство съ мадамъ Б., авторъ изображалъ ее полной, пожилой женщиной съ сильно накрашеннымъ лицомъ, извѣстной всему береговому населенію этого города. Ее видѣли, будто бы, въ наскоро и небрежно выстроенныхъ деревянныхъ баракахъ съ цинковой стойкой, на берегахъ рѣки, гдѣ она пила различные напитки въ обществѣ бродягъ и воровъ, той basse рѣgre, которая населяла эти мѣста города, куда не ступала нога ни одного порядочнаго человѣка. Авторъ статей съ большимъ прилежаніемъ описывалъ душные вечера и темное небо надъ черной ночной рѣкой и эту женщину въ ея почти сомнамбулическихъ странствіяхъ вдоль теченія воды, начиная отъ выгнутаго городского моста — внизъ, къ тѣмъ пространствамъ, гдѣ рѣка начинала сильнѣе пахнуть и слышнѣе струиться въ темнотѣ, мимо влажной травы береговъ, гдѣ происходили чудовищныя вещи, о которыхъ авторъ статей не рѣшался писать; онъ объяснялъ свое умолчаніе о нихъ уваженіемъ къ памяти мадамъ Б., но было позволительно предположить, что истинная причина этого умолчанія заключалась въ томъ, что онъ не былъ освѣдомленъ о данной сторонѣ вопроса и, возможно, сохранилъ нѣкоторые остатки профессиональной честности, что представляется мало вѣроятнымъ, но не абсолютно невозможнымъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; два или три раза мадамъ Б. показывалась въ городѣ и даже была въ театрѣ, причемъ всѣ, видѣвшіе ее, могли подтвердить, что это была очень достойная и дѣйствительно пожилая женщина, безъ всякой краски на лицѣ; она носила черныя, совершенно закрытыя платья и никому не пришло бы въ голову, что она и та, другая мадамъ Б., о которой потомъ было написано въ некрологическихъ статьяхъ, — одно и то же лицо. Близко знавшіе ее люди, именно мѣстный докторъ и ея сосѣдка, вдова муниципального совѣтника Парти, утверждали, что взгляды мадамъ Б. на текущія событія и политическія измѣненія, такъ же, какъ и на явно понижающуюся

нравственность нынѣшнихъ поколѣній, вполне соответствовали ихъ собственнымъ воззрѣніямъ и представляли собой законченную этическую систему, характерную для каждой хорошей француженки и которой основные принципы были — родина, семья и религія. Трудно сказать, какое начало было преобладающимъ въ жизни мадамъ Б. — если предположить существованіе двухъ началъ, а не остановиться окончательно на утвержденіяхъ доктора и вдовы муниципальнаго совѣтника Парти; потому что, въ сущности, для удаленія мадамъ Б. отъ своей семьи могли быть особыя причины, не имѣющія ничего общаго съ некрологическими данными и носившія хотя бы — что было бы вовсе не лишено правдоподобія — чисто матерьяльный характеръ. Побужденія же, заставившія автора статей изобразить мадамъ Б. именно въ такомъ фантастическомъ порочномъ видѣ, могли бы свидѣтельствовать съ несомнѣнностью только о нездоровомъ литературномъ вкусѣ этого человѣка, но ни въ какой степени не о подлинномъ вѣрномъ описаніи жизни мадамъ Б.

Такъ или иначе, но однажды мадамъ Б. была найдена у себя въ спальнѣ задушенной, причемъ на покойной была надѣта очень розовая рубашка; и лицо мадамъ Б. было сильно накрашено, что, казалось, подтверждало всѣ тѣ слухи, которые ходили объ ея образѣ жизни и выразителемъ которыхъ явился авторъ газетныхъ статей.

Но исторія мадамъ Б., не имѣющая, казалось бы большого значенія, приобрѣла бы особенный смыслъ въ сопоставленіи съ тѣмъ фактомъ, что въ день, предшествующій смерти господина Бернара, въ очень поздній часъ, на улицахъ города Т. вновь появилась та пожилая и накрашенная женщина, тотъ полупризрачный персонажъ, о которомъ до сихъ поръ не было опредѣленныхъ свѣдѣній. Ея появленіе, судя по показаніямъ видѣвшихъ ее, людей, слѣдовало отнести примѣрно къ одиннадцати часамъ вечера, когда еще не все было закрыто, горѣли фонари и вообще врядъ ли кто-нибудь, не имѣющій причинъ скрываться,

могъ пройти большое разстояніе безъ того, чтобы встрѣтить нѣсколько прохожихъ.

Первымъ человѣкомъ, столкнувшимся съ этой женщиной, былъ учитель мѣстной коммунальной школы; однако, его разсказъ не могъ считаться вполне достовѣрнымъ, такъ какъ учитель внѣ часовъ своихъ служебныхъ занятій, — а иногда даже и въ такіе часы, — неизмѣнно находился въ состояніи, близкомъ къ опьяненію, что объяснялось не обычнымъ алкоголизмомъ, но причинами социально-экономическаго порядка; считая, что Франція идетъ къ гибели, терзаемая либеральными и социалистическими идеями и не будучи въ силахъ лично ничего предпринять, чтобы предохранить свою родину отъ неминуемой катастрофы, учитель находилъ минуты искусственнаго забвенія только въ помощи этихъ, почти наркотическихъ, средствъ. И хотя, несомнѣнно, такое состояніе должно было облегчать его социальныя страданія, оно все же затемняло его сознаніе и въ области всѣхъ другихъ вопросовъ, имѣющихъ, какъ въ данномъ случаѣ, чисто психологическій интересъ; и въ противоположность общественному мнѣнію, полагавшему, что и въ сознательномъ состояніи способности учителя были недостаточны для постиженія какой бы то ни было отвлеченной проблемы, можно все же считать, что его внѣалкогольные показанія отличались бы большимъ сходствомъ съ дѣйствительностью, тѣмъ болѣе, что для передачи своихъ впечатлѣній объ этой встрѣчѣ, учитель не имѣлъ необходимости вдаваться въ психологическій анализъ, что вообще говоря, не входило ни въ кругъ его возможностей, ни въ кругъ его обязанностей. По словамъ учителя, онъ встрѣтилъ эту женщину, возвращаясь домой, и даже спросилъ ее, какъ она поживаетъ, на это получилъ лаконическій и крайне невѣжливый отвѣтъ, ставящій подъ сомнѣніе не только его нравственность, но и способности отца семейства и гражданина, — и это было такъ незаслуженно и несправедливо, что учитель вошелъ въ свою квартиру со

слезами на глазахъ, что подтвердила впоследствии жена учителя, особа правдивая, энергичная и мужественная, но къ сожалѣнію почти совершенно глухая.

Вторымъ человѣкомъ, видѣвшимъ эту женщину, былъ депутатъ ближайшаго избирательнаго округа, пріѣхавшій въ городъ Т. на два дня съ тѣмъ, чтобы въ дальнѣйшемъ отправиться въ Парижъ; его показанія отличались точностью, но удивили всѣхъ тѣмъ, что по его разсказу, женщина эта обратилась къ нему на иностранномъ языкѣ, котораго онъ не понималъ. Это странное заявленіе могло найти себѣ, однако, частичное объясненіе въ томъ, что депутатъ большую часть жизни провелъ въ своемъ департаментѣ, на нарѣчій котораго онъ привыкъ говорить и потому неожиданная и бѣгло сказанная французская фраза могла ему показаться иностранной. Будучи человѣкомъ строгой нравственности и, кромѣ того, не желая вводить себя въ какой бы то ни было расхвѣтъ, депутатъ уклонился отъ всякаго разговора съ этой женщиной и продолжалъ свой путь.

Нѣсколько позже было получено письмо отъ еще одной свидѣтельницы, подписавшейся «мадамъ Х.» и объяснившей свой анониматъ соображеніями фамильнаго порядка. «Вы понимаете, господинъ предсѣдатель», — писала неизвѣстная, — «что бываютъ случаи, когда порядочная и ничѣмъ незапятнанная женщина, виновная только въ непреодолимомъ влеченіи сердца и не желающая разрушать свой семейный очагъ хотя бы въ интересахъ выясненія страшной тайны, имѣющей общественное значеніе, — должна скрыть свое имя отъ праздныхъ и любопытныхъ взоровъ толпы». Безспорное совершенство стиля обличало въ авторѣ письма женщину высшаго общества и одного этого было достаточно, чтобы ея показанія пріобрѣли особенный интересъ. Въ письмѣ пространно разсказывалось, о томъ, какъ «пожилая и чудовищно накрашенная дама» медленно проходила по улицамъ; говорилось о невѣрной походкѣ этой дамы, точно вышедшей

изъ сочиненій Гофмана и во всемъ напоминающей нѣкоторые фантастическіе персонажи, характерные для туманной и мистической германской литературы», — говорилось о «нездоровомъ блескѣ глазъ, странно не гармонировавшимъ съ увядшимъ лицомъ», говорилось о многихъ другихъ вещахъ; письмо изобиловало цитатами и ссылками на всевозможныхъ авторовъ, но, къ сожалѣнію, не заключало въ себѣ почти никакого фактического матерьяла и несмотря на несомнѣнную литературную цѣнность, совершенно до тѣхъ поръ невиданную въ городѣ Т., не сообщало, въ сущности, никакихъ новыхъ данныхъ.

И наконецъ, на послѣднемъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить несвязный рассказъ пьянаго матроса, жителя города Т., неоднократно судившагося за кражи и пріѣхавшаго въ отпускъ. Онъ говорилъ о вовсе невѣроятныхъ событіяхъ, абсурдность которыхъ равнялась только невозможности ихъ изложенія. Лицо матроса, впрочемъ, было до крови исцарапано въ борьбѣ съ этой женщиной, за которой онъ, въ отличіе отъ всѣхъ, отказывался признать какія бы то ни было женскія черты, исключая платья; и показаніе трехъ членовъ исполнительнаго комитета имѣвшей въ ближайшемъ будущемъ образоваться политической партіи, еще не опредѣлившей свою окончательную программу, — засѣданіе котораго затянулось до очень поздняго часа. Изъ окна они увидѣли стремительно бѣгущую по улицѣ женщину съ развѣвающимися волосами; но добѣжавъ до угла двухъ центральныхъ улицъ города, она остановилась, тотчасъ же бросилась обратно и скрылась черезъ секунду въ душной тѣмѣ.

И анонимному изслѣдователю оставалось бы только подчеркнуть, что было поздно и темно; кое-гдѣ, раздѣленные большими и глубокими пространствами тьмы, горѣли рѣдкіе огни; высоко надъ городомъ пролетѣлъ аэропланъ и красный свѣтъ его хвоста былъ похожъ на раскаленную и безконечно далекую планету, совершающую

свой воздушный путь въ чьемъ-то смертельномъ и послѣднемъ снѣ.

Таковы тѣ факты, которые предшествовали дню смерти господина Бернара. Странная ихъ безсвязность, представляющаяся явной въ изложеніи, основанномъ на принципѣ послѣдовательности, должна быть, повидимому, разсматриваема, какъ чистѣйшая матерьяльная условность. Внѣшній обликъ всѣхъ этихъ вещей показался бы анонимному изслѣдователю неубѣдительнымъ и невѣрнымъ; и слѣдовало бы предположить вторую и, въ данномъ случаѣ, идеально гармоническую схему внутренняго развитія событій, накопленія неудержимаго психическаго волненія, непосредственное соприкосновеніе котораго съ условнымъ, несущественнымъ міромъ реальныхъ и неизмѣнныхъ понятій, вызвало страшное душевное потрясеніе, за которымъ оставалась смерть. Во всякомъ случаѣ, самое послѣднее событіе, даже въ его описательно фактической передачѣ, не было лишено печальной и фантастической убѣдительности; потому что утромъ слѣдующаго дня, на набережной рѣки былъ найденъ трупъ этой, почти мифической женщины, въ точности соотвѣтствующій многочисленнымъ предварительнымъ описаніямъ — яркое платье и густой слой краски на увядшей и усталой кожѣ одутловатаго лица; и только послѣ того, какъ трупъ былъ раздѣтъ и краска смыта, глазамъ тѣхъ, кто это долженъ былъ дѣлать, предстало мертвое тѣло и лицо господина Бернара.

Гайто Газдановъ.

РИМСКІЕ СОНЕТЫ.

I.

Вновь, арокъ древнихъ вѣрный пилигримъ,
Въ мой поздній часъ вечернимъ «Ave Roma»
Привѣтствую какъ сводъ родного дома,
Тебя, скитаній пристань, вѣчный Римъ.

Мы Трою предковъ пламени даримъ;
Дробятся оси колесницъ межъ грома
И фурій мірового ипподрома:
Ты, царь путей *), глядишь, какъ мы горимъ.

И ты пылалъ и возставалъ изъ пепла,
И памятливая голубизна
Твоихъ небесъ глубокихъ не ослѣпла.

И помнить, въ ласкѣ золотого сна,
Твой вратарь, киварись, какъ Троя крѣпла,
Когда лежала Троя сожжена.

II.

Держа коней, строптивыхъ подъ-узды,
Сіяя пыломъ солнечной отваги
И наготою олимпійской наги,
Впередъ ступили братья-близнецы.

*) Рома, для древнихъ, «царица дорогъ» (Regina Viarum) и «новая Троя».

Соратники Квиритовъ и гонцы
Съ полей побѣды, у Ютурнской влаги,
Неузнаны, явились (помнить саги)
На стогнахъ Рима боги-пришлѣцы.

И въ немъ остались до скончины міра.
И юношей огромныхъ два кумира
Не сдвинулись тысячелѣтя съ мѣстъ.

И тамъ стоятъ, гдѣ стали изначала —
Шести холмамъ, синѣющимъ окрестъ,
Свѣтитъ звѣздой съ вершины Квиринала.

III.

Пѣлъ Пиндаръ, лебедь: «Нѣтъ подъ солнцемъ блага
Воды милѣй». Бѣжить по жиламъ Рима,
Склоненьемъ акведуковъ съ горъ гонима,
Издравле родниковъ счастливыхъ влага.

То плещетъ звонко въ кладязь саркофага;
То бьетъ въ лазурь столбомъ и вдаль, дробима,
Прохладу зыблетъ; то, неукротима,
Потоки рушить съ мраморнаго прага.

Ея журчаньемъ узкій переулокъ
Волшебно оживленъ; и хороводы
Окрестъ нея ведутъ морскіе боги:

Рѣзецъ собралъ ихъ. Сонные чертоги
Пустынно внемлютъ, какъ играютъ воды,
И сладостно во мглахъ ихъ голосъ гулокъ.

IV.

Окаментѣвъ подъ чарами журчанья
Бѣгущихъ струй за полные края,
Лежить, полу-затоплена, ладья.
Къ ней дѣвушекъ съ цвѣтами шлетъ Кампанья.

И лѣстница, переступая зданья,
Широкой путь узорами двоя,
Несетъ въ лазурь двухъ башенъ острія
И обелискъ надъ Площадью ди-Спанья.

Люблю домовъ оранжевый загаръ
И людныя межъ старыхъ стѣнъ тѣснины
И шорохъ пальмъ на ней въ полдневный жаръ;

А ночью темной вздохи каватины
И подъ аккорды бархатныхъ гитаръ
Бродячей стрекотанье мандолины.

V.

Двустворку на хвостахъ клубокъ дельфиній
Разверстой вынесъ; въ ней растетъ Тритонъ;
Трубитъ въ улитку; но не зычный тонъ,
Струя лучомъ пронзаетъ воздухъ синій.

Средь зноя плить, зовущихъ облакъ пиній,
Какъ зеленъ мха на демонъ хитонъ!
Съ природой схожъ рѣзца старинный сонъ
Стихійною причудливостью линій.

Бернини, — снова нашъ, — твоей игрой
Я веселюсь, отъ Четырехъ Фонтановъ
Бредя на Пинчѣ памятной горой,

Гдѣ въ келью Гоголя входилъ Ивановъ,
Гдѣ Пиранези огненной иглой
Пѣлъ Рима грусть и зодчество Титановъ.

VI.

Черезъ*плечо слагая черепахъ,
Горбатыхъ плѣнницъ, на мель плоской вазы,
Гдѣ брызжутся на волѣ водолазы,
Забывъ, неповоротливые, страхъ, —

Танцуютъ отроки на головахъ
Курносыхъ чудищъ. Дивны ихъ проказы:
Подъ ихъ пятой уроды пучеглазы
Изъ круглой пасти прыщутъ водный прахъ.

Ихъ четверо рѣзвятся на дельфинахъ.
На бронзовыхъ то голеняхъ, то спинахъ
Лоснится дня зелено-зыбкій смѣхъ.

И въ этой нѣгѣ лѣни и приволій
Твоихъ ловлю я праздничныхъ утѣхъ,
Твоихъ, Лоренцо, эхо меланхолій.

VII.

Спитъ водоемъ осенній, окропленъ
Багрянцемъ нищимъ царственныхъ отрепій.
Средь мховъ и скалъ, мужъ со змѣей, Асклепій,
Подъ аркою глядитъ на красный кленъ.

И синій сводъ, какъ бронзой, окаймленъ
Убранствомъ сумрачныхъ великолѣпій

Листвы, на коей не коснѣли цѣпи
Мертвѣющихъ стужѣ, ни снѣжныхъ блескъ пеленѣ.

Взирають такъ, съ улыбкою печальной,
Блаженные на насъ, какъ на платанъ
Увядшій солнцемъ. Плещеть звонъ хрустальный:

Струя къ лучу стремить зыбучій станъ.
И въ глади опрокинуты зеркальной
Асклепій, кленъ, и небо, и фонтанъ.

VIII.

Вѣсть мощныхъ водъ и въ вѣяньи прохлады
Послышится, и въ ихъ растущемъ ревѣ.
Иди на гуль: раздвинутся громады,
Сверкнетъ царица водометовъ, Треви.

Сребромъ съ палатъ посыплются каскады;
Морскіе кони прыгнуть въ свѣтломъ гнѣвѣ;
Изъ скалъ богини выйдутъ, гостей рады,
И самъ Нептунъ навстрѣчу Влагѣ-Дѣвѣ *).

О, сколько разъ, бѣглець невольный Рима,
Съ молитвой о возвратѣ въ часъ потребный
Я за плечо бросалъ въ тебя монеты.

Свершались договорные обѣты:
Счастливаго, какъ днесъ, фонтанъ волшебный,
Ты возвращалъ святынямъ пилигрима.

*) Ключевая жила, которая питаетъ фонтанъ Треви, называется Aqua Virgo.

IX.

Пью медленно медвяный солнца свѣтъ,
Густѣющій, какъ долу звонъ прощальный;
И свѣтель духъ печалью безпечальной,
Весь полнота, какой названья нѣтъ.

Не медомъ ли воскресшихъ полныхъ лѣтъ
Онъ напоенъ, сей кубокъ Дня вѣнчальный?
Не Вѣчность ли свой перстень обручальный
Простерла Дню за гранью зримыхъ метъ?

Зеркальному подобна морю слава
Огнистаго небеснаго расплава,
Гдѣ таетъ дискъ и тонетъ исполинъ.

Ослѣпшими перстами лучъ ощупалъ
Верхъ пини, и глазъ потухъ. Одинъ,
На золотѣ круглится синій Куполь.

Вячеславъ Ивановъ.

I.

Я тебя не вспоминаю,
Для чего мнѣ вспоминать?
Знаю только то, что знаю,
Только то, что можно знать.

Край земли. Полоска дыма
Тянетъ въ небо, не слѣша.

Одинока, нелюдима
Вьется ласточкой душа.

Край земли. За синимъ краемъ
Вѣчности пустая гладь:
То, чего мы не узнаемъ,
То, чего не надо знать.

Если я скажу, что знаю —
Ты повѣришь. Я солгу.
Я тебя не вспоминаю,
Не хочу и не могу.

Но люблю тебя какъ прежде,
Можетъ быть, еще нѣжнѣй,
Безсердечнѣй, безнадежнѣй
Въ пустотѣ, на склонѣ дней.

II.

Въ шумѣ вѣтра, въ дѣтскомъ плачѣ,
Въ тишинѣ, въ словахъ прощанья
«А могло бы быть иначе»
Слышу я, какъ обѣщанье.

Одѣваетъ въ сумракъ снѣжный
Всю тщету, всѣ неудачи
Тѣнь надежды безнадежной —
«А могло бы быть иначе».

Заметаетъ саванъ нѣжный
Всѣ поля, всѣ разстоянья.
Тѣнь надежды безнадежной
Превращается въ сіянье.

Всѣ сгорѣвшія полѣнья,
Всѣ рѣшенныя задачи,
Всѣ слова, всѣ преступленья...

... «А могло бы быть иначе».

Сентябрь 1936.

Георгій Ивановъ.

I.

Не слѣпи меня, Боже, свѣтомъ,
Не терзай меня, Боже, страданьемъ.
Прикоснулась я этимъ лѣтомъ
Къ тайникамъ Твоего мірозданья,
Средь зеленыхъ, дождливыхъ мѣстъ
Вдругъ съ небесъ уронилъ Ты крестъ.

Подымаю Твоею же силой
И кричу черезъ силу: Осанна,
Есть безкrestная въ мірѣ могила.
Надъ могилою надпись: Гаяна.
Подъ землей моя милая дочь,
Надъ землей осіянная ночь.

Тяжелы Твои свѣтлыя длани,
Твою правду съ трудомъ понимаю,
Крылья дай отошедшей Гаянѣ,
Чтобъ летѣть ей къ небесному раю.
Мнѣ же дай мое сердце смирять,
Чтобъ Тебя и весь міръ Твой принять.

II.

Сила мнѣ дается непосильная.
Не было-бъ ея, — давно упала бы,

Тѣло я на камняхъ распластала бл,
Плакала бѣ, чтобъ Ты услышалъ жалобы,
Чтобъ слезой прожглась земля могильная.

Отперъ Ты замокъ отъ сердца бѣдами.
Вотъ лежитъ теперь дорога скатертью
Во всѣ стороны. То быть мнѣ матерью,
То поставилъ надъ церковной папертью.
Чѣмъ еще велишь мнѣ быть, — невѣдомо.

Сердцемъ все заранѣе угадаю,
Сердце принимаетъ все заранѣе, —
Принужденное, какъ вольное страданіе,
Средь углей кадилаицы пыланіе
Духа человѣческаго, — ладана.

Духъ мой... Сочтены Тобою дни его.
Ты рѣшилъ, карающій и губящій,
Подарилъ, ведущій насъ и любящій,
Сохраненное тобою рубище
Отъ многострадальнаго, отъ Іова.

III.

О, горлица моя, лети, лети же,
Среди разлившихся, раздутыхъ рѣкъ.
Вода на убыли и берегъ ближе,
И ударяется о дно ковчегъ.

О, горлица, среди разверстыхъ хлябей
Лети, лети, ищи себѣ пріютъ.
Не для тебя законы жизни рабьей,
Которыми въ ковчегъ всѣ живутъ.

И ринулась, безшумно полетѣла,
Мелькнула искрой межъ небесъ и водъ,

А мы гребемъ разбѣренно, умѣло,
А мы гребемъ, гребемъ мы цѣлый годъ.

Не рано ли? Вѣтрами рвутся снасти,
Ковчегъ кипучими волнами сжать.
Изъ водной, яростной, разверстой пасти
Еще намъ не извергнуть Арарать.

Ковчегъ огромный будто душегубка,
Какъ паутина — снасти, мачта — жердь.
Ты не вернешься, вольная голубка,
И Арарать твой чаемый былъ смерть.

Гребите, братья, вѣруйте въ усладу
Земли возставшей изъ морского дна.
Въ обѣтованьи семицвѣтныхъ радугъ
Моя голубка больше не видна.

Мон. Марія.

Вотъ нищій ждетъ съ протянутой рукою.
Тебѣ при немъ въ довольствѣ жить нельзя!
И вѣкъ нашъ виснеть тучей грозовой,
Страдая, сострадая и грозя.

И мнѣ ль жалѣть о гибнущемъ покоѣ?
Покоя мы не знали никогда.
Тамъ, гдѣ случайно соберутся двое
Во имя брата — мы спѣшимъ туда.

Съ огромною тревогой и надеждой
Мы смотримъ въ неразгаданную даль.
И вѣтеръ будущаго, вѣтеръ свѣжій
Летитъ въ лицо. И прошлаго не жаль.

Такъ я стою съ раскрытою душою.
 (Не намъ унять неукротимый бѣгъ.)
 Лишь совѣстью и братской теплотою
 Мы озаряемъ безпощадный вѣкъ.

Юрій Софіевъ.

КУСТЪ.

I.

Что нужно кусту отъ меня?
 Не рѣчи-жъ! Не доли собачьей
 Моей человѣчьей, клянн
 Которую — голову прячу
 Въ него же (сѣдѣй день отъ дня!)
 Сей мощи, и плещи, и гушѣ —
 Что нужно кусту — отъ меня?
 Имущему — отъ неимущей?

А нужно! иначе бѣ не шель
 Мнѣ въ очи, и въ мысли, и въ уши.
 Не нужно бѣ — тогда бы не цвѣлъ
 Мнѣ прямо въ разверзтую душу,
 Что только кустомъ не пуста:
 Окномъ моихъ всѣхъ захолустій.
 Что, полная чаша куста,
 Находишь на семъ — мѣстъ пустъ?
 Эолова арфа куста!

Чего не видалъ (на вѣтвяхъ
 Твоихъ — хоть бы листь одинаковъ!)
 Въ моихъ преткновенія пняхъ,
 Сплошныхъ препинанія знакахъ?
 Чего не слыхалъ (на вѣтвяхъ
 Молва не рождается въ мукахъ!)

Въ моихъ преткновенія пняхъ,
Сплошныхъ препинанія звукахъ?

Да вотъ и сейчасъ, словарю
Предавши безсмертную силу,
Да развѣ я то говорю,
Что знала, пока не раскрыла
Рта, знала еще на чертѣ
Губъ, той — за которой осколки...
И снова, во всей полнотѣ
Знать буду, какъ только умолкну.

II.

А мнѣ отъ куста — не шуми
Минуточку, мѣрь человѣчій!
А мнѣ отъ куста — тишины:
Той, между молчаньемъ и рѣчью.
Той, можешь — ничѣмъ, можешь — всѣмъ
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! нашихъ поэмъ
Посмертныхъ — невнятицы дивной.

Невнятицы старыхъ садовъ,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первыхъ слоговъ,
Невнятицы Фауста Второго.

Той — до всего, послѣ всего.
Гулъ множествъ идущихъ на форумъ.
Ну — шума ушного того,
Все соединилось въ которомъ.
Какъ будто бы всѣ кувшины
Востока — на знойное всхолмье.
Такой отъ куста — тишины,
Полнѣе не выразишь: полной.

Марина Цвѣтаева.

60-ЫЕ ГОДЫ.

Въ сущности, это какъ старая повѣсть
(«Шестидесятыхъ годовъ дребедень»):
Каждую ночь просыпается совѣсть
И наступаетъ расплата за день.

Мысли о младшемъ страдающемъ братѣ,
Мысли о нищаго жалкой сумѣ,
О позабытомъ въ больничной палатѣ,
О заключенномъ невинно въ тюрьмѣ...

И о погибшихъ за дѣло Свободы,
Равенства, Братства, Любви и Труда.

Шестидесятые вѣчные годы...
(«Сентиментальная ерунда»).

РОСПИСАНІЕ.

Надо составить опять росписаніе —
Въ 8 — вставаніе, въ 9 — гуляніе,
Послѣ прогулки — работа. Обѣдъ.
Надо отмѣтить графу для прихода,
Рядомъ оставить графу для расхода,
И для погоды, (какая погода)...

За неимѣньемъ занятія лучшаго
Можно составить на двадцать лѣтъ.
Вечеромъ — чтенье вечернихъ газетъ...

(Но не читать, разумѣется, Тютчева...
Только газеты). И плакать — запретъ.

Бѣдность легко узнають по заплаткѣ,
Годы, — по губъ опустившейся складкѣ,
Горе?

Но здѣсь начинаются прятки —
Эта любимая взрослыхъ игра:
— «Все разумѣется въ полномъ порядкѣ».
(У собесѣдника — съ плечъ гора).

А. Штейгеръ.

Отрывки воспоминаний *)

(Въ Ясной Полянѣ).

АРТЕЛЬ.

Солнце грѣетъ какъ лѣтомъ. Деревянные полозья тяжело скребутъ по послѣднему, перемѣшанному съ навозомъ, снѣгу. Вокругъ парниковъ уже обтаяло, изъ-подъ срубовъ густыми пучками лѣзетъ бурая крапива. Вдали, въ полѣ слышенъ немолчный звонъ жаворонковъ.

Въ правой рукѣ у меня возжи, я заворачиваю, пячу лошадь, а лѣвой, ухватившись за грядку, опрокидываю навозъ.

Османъ непослушенъ, плохо стоитъ, капризно бьетъ тяжелымъ копытомъ, разбивая тонкую корочку льда и обдавая меня фонтаномъ ледяныхъ брызгъ. Онъ оглядывается то вправо, то влѣво на подбѣгающихъ лошадей, высоко задираетъ тяжелую, съ черной густой гривой голову и, дрожа ноздрями, залиvisto ржетъ. Онъ не привыкъ ходить съ возомъ и, когда я поворачиваю къ конюшнѣ, играетъ и тянетъ на возжахъ.

Я ужасно боюсь, что работаю хуже другихъ, стараюсь захватить самые большіе пласты навоза, скорѣе наложить, — какъ председателю артели, мнѣ надо подавать примѣръ. Мнѣ нетрудно, скорѣе весело работать, но съ бывшими служащими непросто.

— Да вы не утомляйтесь очень то, ваше сіятельство, — говорить Адрианъ Павловичъ**), — небось у васъ дома дѣла поважнѣе найдутся, а мы тутъ...

— Опять, Адрианъ Павловичъ. Ну сколько разъ я вамъ говорила, — перебиваю я его, дѣлая видъ, что сержусь, съ трудомъ выжимая изъ себя «вамъ» вмѣсто привычнаго «ты». —

*) См. «Совр. Зап.» кн. 60.

**) Бывшій кучеръ. Онъ отвозилъ отца на станцію, когда отецъ навсегда ушелъ изъ Ясной Поляны. Послѣ революціи Адрианъ Павловичъ былъ мной проведенъ вахтеромъ по Музею Усадьбы Ясной Поляны, гдѣ онъ и служитъ до сихъ поръ. — А. Т.

Сіятельствъ больше нѣтъ. Ну что если большевики услышатъ. Вѣдь обоихъ насъ, и васъ и меня, въ тюрьму упекутъ.

— Виноватъ, ваше... Александра Львовна. Никакъ не могу привыкнуть.

Приходилъ помогать и Илья Васильевичъ *).

— Ну чего пришелъ? Ступай ужъ, ступай на печку, — говорили ему артельщики, — безъ тебя управимся.

Но хилый, худой старикъ потихоньку копался въ землѣ, застѣнчиво улыбаясь и никого не слушая. Онъ и его жену, Афанасьевна, были тоже членами артели и старались обрабатывать за молоко и паекъ, который получали съ хозяйства.

Высокій, худошавый, не русскаго происхожденія, садовникъ не работалъ, считалъ это ниже своего достоинства, а только руководилъ нами, дѣлая вѣжливыя указанія и явно предпочитая имѣть дѣло съ некультурными рабочими.

Въ этотъ періодъ революціи — до 24 года, пока НЭП не вошелъ въ силу, артель была намъ совершенно необходима. Всѣ члены артели знали, что если мы не будемъ работать, зимой нечего будетъ ѣсть. Это спаивало артельщиковъ. Деньги ничего не стоили, на жалованье, которое мы получали, какъ служащіе музея, ничего, кромѣ спичекъ, купить было нельзя.

Работали охотно и дружно. Все удавалось намъ въ это дѣло. Одно дѣло смѣнялось другимъ. Съ огорода перешли въ поле, сажали картошку, сѣяли кормовую свеклу, овесъ, клеверъ. Мы улучшили уходъ за скотиной, коровы стали давать больше молока.

Въ артель вошли всѣ служащіе школы и музея и четыре деревенскія дѣвушки, много лѣтъ работавшія на усадьбѣ. Когда закрылась на лѣто школа, дочери нашего приходскаго священника, учительницы Таичка и Шурочка, перешли на работу въ хозяйство.

Работали съ утра до ночи, часовъ не считали, а когда убрали сѣно и клеверъ, возвращались въ темнотѣ.

Рожь у насъ родилась 20 копень на десятину, — высокока, колосъ большой, тяжѣлый. Во время дождей она полегла, и когда скосили жнейкой, перепуталась. Опытнымъ вязальщицамъ и тѣмъ было трудно, а я никогда въ жизни не вязала. Затяну, свясло обрывается, слабо стяну, снопы разсыпается; снопы лохматые, неуклюжіе. Ничего у меня не выходило, разломило спину такъ, что казалось больше не могу, брошу.

*) Илья Васильевичъ Сидорковъ, служившій моему отцу до момента его ухода, послѣ революціи проведенный мной смотрителемъ дома-Музея въ Ясной Полянѣ. — А. Т.

А дѣй уборщицы музеи, Поля и Маша, вязали быстро, и то одна, то другая мнѣ снопы свяжутъ.

— Скорѣй, скорѣй, а то насъ дѣвки засмѣютъ, надо примѣръ подавать.

Такъ дотянула я до полдня, но когда шла домой, на обѣдъ, голова была въ туманѣ, ничего не соображала отъ усталости. На слѣдующій день я едва-едва встала, спина болѣла, руки исколоты, портянки сползали, сквозь чуни колола жесткая солома. Я съ ужасомъ смотрѣла на поднимающееся горячее солнце, ощущая уже зной въ разбитомъ тѣлѣ. «Неужели дотяну до вечера»? Но какъ начала, стало легче, а послѣ обѣда еще легче, а на третій день я вязала наравнѣ съ другими.

Послѣ вязки подавать снопы было совсѣмъ легко. Уцѣпишь снопъ, тяжелый, большой, перевернешь, поддашь его прямо на руки тому, кто на возу, наложишь, увяжешь, а потомъ сидишь, ждешь, когда загромыхаетъ слѣдующая телѣга. Мнѣ ужасно нравилась эта работа. А когда перешли вязать и позигъ овесъ, то это оказалось совсѣмъ легко: снопочки маленькіе, аккуратныя, какъ игрушки.

Я очень гордилась, когда пришли къ намъ на поле трое мужиковъ. Дѣла у нихъ не было, а такъ, пришли полюбопытствовать, какъ «барскіе» работаютъ. Постояли, посмотрѣли.

— У насъ рожь не такая...

— Лучше?

— Куда тамъ, много хуже.

Иногда изъ нашихъ сокровенныхъ запасовъ выдавался чай и сахаръ. Приносили два ведра кипятка въ поле. Артельщики садились подъ крестецъ и пили. Пили долго, много, потъ съ насъ лилъ ручьями, сахаръ откусывали по чуточкѣ, чтобы хватило надолго.

— Силы-то, силы сколько прибавилось, — радовался Адрианъ Павловичъ. — Ну, ребята, теперь валяй до вечера, безъ отдыха!

Когда пришла осень и стали дѣлать продукты, оказалось всего много: овощей, картошки, капусту возили даже продавать, а главное хлѣба было вволю.

— Вотъ большевики все толкуютъ: восьмичасовой, восьмичасовой, — говорили артельщики, — много-бъ мы собрали, коли восьмичасовой день соблюдали, а теперь, слава Богу, всего много, даже люди завидуютъ...

Этотъ первый годъ артели былъ самый удачный, на слѣдующій — такой острой нужды въ продуктахъ уже не было. Нѣкоторые, особенно «интеллигентные», сотрудники стали уκλο-

няться отъ сельскохозяйственной работы. Я же до сихъ поръ съ радостью вспоминаю это время. Легко и просто совершилось для меня это «спопращеніе», котораго иногда такъ мучительно и безрезультатно мы добивались въ прежнія времена. Совершилось просто потому, что это было дѣйствительно необходимо.

ШКОЛА.

За нѣсколько лѣтъ до революціи я писала предводителю Крапивенскаго уѣзда о томъ, что необходимо въ Ясной Полянѣ открыть земскую школу. Онъ отвѣтилъ мнѣ любезно, но рѣшительно, что не видить необходимости въ другой школѣ. Въ Ясной Полянѣ есть двухклассное церковное училище, которое и останется тамъ на вѣчныя времена.

Революція застала въ этомъ убогомъ учрежденіи двухъ учительницъ, сестеръ Таичку и Шурочку. Школа автоматически переименовалась въ школу Уоно *), а нѣсколько познѣе вмѣстѣ съ сестрами перешла въ мое вѣдѣніе.

Въ то время новыхъ учебниковъ еще не было, и Таички, какъ ихъ называли, выпустивъ изъ своей программы Законъ Божій, продолжали учить ребятъ по старому, и плохо.

Я долго ломала голову, придумывала, гдѣ бы устроить школу, и наконецъ рѣшила приспособить въ усадьбѣ часть здания, которое прежде называлось «скотнымъ», а потомъ переименовалось въ домъ Волконскаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, въ средней части этого зданія стояли коровы, въ грязныхъ, темныхъ закутахъ ютились телята, свиньи, овцы. Въ лѣвомъ крылѣ, на юго-восточную сторону, жили рабочіе, а напротивъ, черезъ земляныя сѣни была прачечная. Здѣсь, бывало, съ утра до вечера стирала курчавая, веснушчатая прачка Варя, жена Адріана Павловича. Машинъ она не признавала, портила ихъ и увѣряла, что руками работать лучше и дѣйствительно, какимъ-то чудомъ справлялась съ грудами бѣлья, которое пудами подвозилось изъ большого дома. И бѣлье всегда было чистое, громадныя бѣлыя скатерти и салфетки накрахмалены. Помѣщеніе было ужасное: не было ни стоковъ для воды, ни вентиляторовъ. Вода выхлестывалась прямо на полъ: сырость, слякоть, густой, синій паръ стоялъ какъ нѣ бань.

Въ правомъ крылѣ была квартира прикащика, а напротивъ молочная, до сихъ поръ сохранившая названіе «мастерской».

*) Уѣздный Отдѣлъ Народнаго Образованія.

Здѣсь, въ былые годы, сестра Татьяна вмѣстѣ съ Рѣпинымъ, Ге, Пастернакомъ, Касаткинымъ и другими художниками занималась живописью. Здѣсь же въ мастерской долгое время стояла картина дѣдушки Ге: Христосъ и разбойникъ.

Это зданіе было построено дѣдомъ отца, Николаемъ Сергѣевичемъ Волконскимъ. Говорили, что у него здѣсь была ткацкая и прядильная фабрика и работали въ ней крѣпостные. Это зданіе, выстроенное якобы знаменитымъ итальянскимъ архитекторомъ, считалось самымъ старымъ въ Ясной Полянѣ.

Я съ дѣтства любила скотный. Онъ былъ необыкновенный. Отъ его толстыхъ каменныхъ стѣнъ, широкаго фундамента бѣлаго камня, на два аршина вросшаго въ землю, выступающихъ крыльцовъ, подваловъ съ круглыми входами, какъ въ склепахъ, мезонина съ широкими итальянскими окнами вѣяло тѣми давно прошедшими годами, которые по рассказамъ были такъ близки намъ...

Помню, какъ мы, бывало, прїѣзжали изъ Москвы въ Ясную Поляну. Скорый поѣздъ пролеталъ, не останавливаясь, мимо станцій Козловки-Засѣки (теперь Ясная Поляна), а мы съ Ванюшкой придирались носами къ окнамъ и ждали. Вотъ кончился дѣсъ, передъ глазами выросталъ крутой, зеленый бугоръ. Задерживалось дыханье: еще одна, двѣ, три секунды... бугоръ постепенно снижался и поѣздъ вылеталъ на просторъ. Передъ нами открывалось широкое поле, а тамъ, вдали, въ самомъ концѣ — Ясная. Большой домъ и флигель прятались въ зелени парка, а растянутый, облупленный скотный былъ виденъ какъ на ладони.

— Мама! Няня! Смотрите!

А онѣ заняты пустяками, собираютъ вещи и даже не думаютъ смотрѣть.

Мы дергаемъ ихъ за платья:

— Господи! Да смотрите же скорѣй! Ясная!

Еще секунда и скрылись зеленя крыши и милый, старый, такой величественный и красивый издали скотный. Опять насыпь и ничего не видно.

Сейчасъ мнѣ кажется непонятнымъ, какъ могли это величественное зданіе довести до такой степени разрушенія. Я не понимаю, чтобы его ремонтировали. Штукатурка облупилась, позеленѣли и замшились обнаженные кирпичи, изъ потрескавшагося фундамента лѣзли крапива и бузина. Коронный навозъ сваливался передъ фасадомъ въ громадную пологую яму. За зиму выростала гора, въ которой рылись разномастные куры, а весной навозъ увозили и яма наполнялась вонючей жижей.

Въ этомъ зданіи и зародилась новая Яснополянская школа. Сначала въ бывшей рабочей кухнѣ кое-какъ подправили полы, подперли столбами свисающія, сгнившія балки на потолокъ, поставили столы и скамейки и бывший толстовецъ-коммунаръ Володя Ловягинъ сталъ учить ребятъ.

Володя училъ плохо, и я пригласила двухъ преподавателей, окончившихъ Тульское техническое училище. Одинъ изъ нихъ специалистъ столяръ, другой — слесарь. Оба — крестьяне, несомнѣнно социалисты, но называли себя толстовцами. Они появились въ Ясной Полянѣ еще раньше, записались въ коммуны; но скоро разошлись съ ней. Они возмущались безхозяйственностью толстовцевъ, толстовцы же презирали ихъ за расчётливость.

Тульскіе пріятели оказались ловкими, трудоспособными людьми. Мы сейчасъ же приняли человекъ двадцать яснополянскихъ ребятъ-подростковъ въ школу, и мастера, вмѣстѣ съ учениками приступили къ ремонту. Часть коровъ перевели на ворокъ, вычистили навозъ, настелили деревянные полы, сдѣлали рамы, двери, и стали учить ребятъ ремеслу и грамотѣ.

Мастерскія сразу пришлись по душѣ крестьянамъ. Ребята повалили на усадьбу, отбоя не было. Въ мастерскія просидись не только яснополянскіе, но изъ дальнихъ деревень, верстъ за 10, 15. Но мы не могли расширяться. У насъ не было ни учителей, ни оборудованія, ни помѣшеній. Нѣсколько разъ я обращалась въ Наркомпросъ, и только послѣ многихъ напоминаній къ намъ наконецъ командировали извѣстнаго въ Москвѣ стараго педагога. Онъ долженъ былъ «исслѣдовать» Ясную Поляну и доложить начальству о нашихъ начинаніяхъ.

Я повела его въ мастерскую черезъ скотный дворъ. Старикъ, въ суконныхъ, дамскихъ-съ пряжками ботикахъ, неуверенно шагаль по выбитому, каменному полу, осторожно переступая черезъ тѣло пахнушія, навозныя лужи, мимо спокойно пережевывающихъ коровъ. Увидя грузнаго швицака быка, свирѣпо косящаго на насъ выпуклымъ глазомъ, старикъ остолбенѣлъ.

— Не бойтесь, онъ привязанъ.

— Я думалъ, что мы идемъ въ школу.

— Да.

— Но это больше похоже на скотный дворъ?

— Сейчасъ, налѣво, пожалуйста.

И мы вошли въ свѣтлую, съ широкими съ обѣихъ сторонъ окнами, чистыми, выбѣленными стѣнами, комнату.

Работа кипѣла. Ребята строгаги, стучали молотками, пили-

ли, полъ былъ засыпанъ пахнущими сосной стружками. Столяръ-инструкторъ, большой человекъ съ рыжеватой бородкой, въ сапогахъ и русской рубахѣ, сейчасъ же завладѣлъ педагогомъ и захлебываясь, съ увлеченіемъ сталъ развивать передъ нимъ планъ нашей будущей организаціи.

— Мастерскія, — говорилъ онъ, — должны научить ребятъ столярничать и плотничать. При нашемъ маломъ надѣлѣ крестьянамъ, у которыхъ нѣсколько сыновей, въ хозяйствѣ нечего дѣлать. Если же ребята, окончившіе мастерскія, желаютъ остаться дома, то они должны умѣть чинить сельскохозяйственные орудія: плуги, сохи, телѣги, а кромѣ того понемногу улучшать свою крестьянскую обстановку: дѣлать для себя рамы, двери, мебель — комоды, стулья, столы. Кругомъ Ясной Поляны лѣса: казенная Засѣка, дарственный лѣсъ*), и что же? Весь этотъ превосходный полѣлочный матеріалъ сжигается на дрова.

Старый педагогъ сочувственно кивалъ тяжелой, лохматой головой.

Но, странное дѣло, мастерскія, сразу влившіяся въ жизнь населенія, имѣвшія такой успѣхъ среди ребятъ и родителей, не встрѣтили сочувствія центра. Ни съ однимъ учрежденіемъ мнѣ не пришлось столько хлопотать, какъ съ ними. Почему то центр ихъ не признавалъ и мнѣ трудно было получать на нихъ кредиты. Позднѣе онѣ перешли на самоокупаемость, брали заказы отъ школы, музея, сотрудниковъ и существовали на «хозрасчетѣ».

Одинъ разъ пріѣхала я въ Москву просить кредитовъ на школу. Завѣдующая отдѣломъ умная, несомнѣнно обреченная на скорое смѣщеніе, специалистка-педагогъ, съ тонкими губами, по которымъ пробѣгала чуть замѣтная улыбка, въ черномъ, хорошо сшитомъ англійскомъ костюмѣ, приняла меня очень любезно.

Помощникомъ ея оказался старый педагогъ.

— Вы просите денегъ на школу, — сказала завѣдующая, — ну а чѣмъ же вы сами живете, вы же не можете жить на жалованье музейнаго отдѣла?

— Нѣтъ, я зарабатываю пчелами.

— Что? Почему пчелами?

— Продаю медъ. Единственная собственность, которую намъ, Толстымъ, оставили — это пасѣка. Каждый разъ, какъ

*) Послѣ смерти отца переданный мною, согласно его желанію, крестьянамъ. — А. Т.

и прїѣзжаю въ Москву, я захватываю съ собой липовку, а то и двѣ меда и продаю знакомымъ...

— Ха, ха, ха! — вдругъ разразился маститый, сотрясая громадный, просторный животъ и обнажая единственный, въ бокъ торчащій, желтый клыкъ. — Нельзя ли купить у васъ меда?

— Можно, но я не понимаю чего вы смѣетесь, вы бы попробовали потаскать, въ нѣкоторыхъ липовкахъ около двухъ пудовъ.

— Ну такъ мы васъ назначимъ завѣдующей, — сказала тонкогубая, пряча улыбку.

— Но у меня нѣтъ ни диплома, ни педагогическихъ знаній...

— Ничего, фактически вы уже завѣдуете школой.

И мнѣ назначили жалованье сорокъ два съ половиной въ мѣсяць.

Школа была зачислена въ сѣтъ школъ Главсоцвоса. Утвердили штаты, дали немного денегъ на оборудованіе и постройку новой школы. Я ушла съ головой въ это дѣло, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше оно увлекало меня. Появлялись новые сотрудники, и всѣ они, такъ же, какъ и я, со страстью отдавались новой организаціи. Мы не считали часовъ, не жалѣли силъ, съ утра до поздней ночи мы вертѣлись въ бѣшенномъ водоворотѣ.

Думаю, что ни въ одной странѣ люди не работаютъ съ такой безудержной, безкорыстной страстью, какъ въ Россіи. После революціи это свойство русской интеллигенціи еще усилилось. Работаютъ съ сумасшедшей энергіей, изъ всѣхъ силъ, забывая себя, иногда свою семью, работаютъ съ восторгомъ. Только благодаря этой способности оставшейся въ Россіи интеллигенціи, не погибла еще русская культура: уцѣлѣли кое-какія традиции, сохранились нѣкоторые памятники искусства и старины, существуютъ еще научные труды, литературныя изысканія.

Чѣмъ объяснить эту страсть къ работѣ? Массовымъ гипнозомъ? Инстинктивнымъ желаніемъ противопоставить творчество большевистскому разрушенію? Или просто чувствомъ самосохраненія, боязнью остановиться, подумать, осознать? Можетъ быть въ этомъ и кроется главная причина такой неустанной дѣятельности? Можно ли дѣлать, дышать, жить, если вдругъ поймешь, что вся твоя работа только вода на большевистское мельничное колесо, что лишь ту же затягивается петля на шеѣ народа и что то, что ты сегодня спасъ, завтра разрушится?

Для того, чтобы такъ работать, надо быть или героями, или не думать.

И въ то время какъ мы суетились, вдохновлялись, мечтали, работая «для крестьянскихъ массъ», «массы» равнодушно, почти враждебно относились къ нашимъ начинаніямъ.

Школы они не хотѣли.

— Не нужна она намъ, — говорили они, — кабы еще Закону Божию учили, а то на что она намъ...

По декрету ВЦИК'а мы не могли ничего строить на усадьбѣ — это измѣнило бы ея общій видъ. Мы выбрали подъ школьный участокъ «Кабачковую Гору» *), спускающуюся къ концу деревни, почти противъ воротъ въ усадьбу. Земля эта принадлежала крестьянскому обществу. Два раза мои сотрудники собирали сходъ и просили мужиковъ отрѣзать десятину земли подъ школу, но они рѣшительно отказывали. Вернувшись изъ Москвы, я въ третій разъ собрала сходку. Землю дали, но съѣзжѣ не потому, что осознали необходимость имѣть школу, а такъ ужъ, изъ уваженія къ Александрѣ Львовичу, неловко было отказать.

Можетъ быть крестьяне чувствовали то, что мнѣ и въ голову тогда не приходило, что школа оторветъ отъ нихъ ребятъ, воспитаеъ новыхъ, чуждыхъ семей людей.

Они были правы. Дѣйствительно, съ каждымъ годомъ ребята отходили отъ родителей все дальше и дальше. Это началось съ первымъ же урокомъ полнѣграмоты.

Восьми, девятилѣтніе ребята собрались въ просторной, побѣленной кирпичной избѣ. Молодой, черноватый, нервный учитель въ волненіи шагаль по классу.

— Вы, конечно, дѣти знаете, что прежде въ Россіи былъ царь. Онъ управлялъ вмѣстѣ со своими министрами, и мало заботился о томъ...

— Заяцъ дерется, — пропищаль чей-то голосъ.

— Зябрезъ, Миша, перестань... Ты вотъ лучше мнѣ скажи, кто теперь заботится о народѣ?

Заяцъ молчалъ.

— Ну кто такіе большевики: Ленинъ, Троцкий?

— Знаю, знаю, — обрадовался Заяцъ, — сейчасъ скажу.

Заяцъ былъ самый шустрый и самый маленькій изъ всего класса. Его не видно было изъ-за парты, и онъ вскочилъ на скамейку и, захлебываясь отъ нетерпѣнія отличиться, заплѣлъ прерывающимся тоненькимъ голоскомъ:

*) Здѣсь въ старину былъ кабачъ. — А. Т.

Ъхаль Троцкій на телѣгъ,
А телѣга то безъ колесъ,
Куда, чортъ плѣшивый, ѣдешь?
Ликвизировать овесъ!

Оглядываясь на дверь, въ ужасъ махая руками, учитель нѣсколько разъ пытался остановить мальчика, но Миша, при громкомъ хохотѣ всего класса, допѣлъ частушку.

И такихъ случаевъ было много.

Пришелъ разъ мальчикъ въ бібліотеку за книгами.

— Развѣ ты сегодня не учишься? — спросилъ бібліотекарь.

— Нѣтъ.

— Почему же?

— А ты не знаешь? Праздникъ сегодня.

— Праздникъ? Какой?

— А какъ же... Ленина праликъ расшибъ.

Постепенно школа сламывала искренность, непосредственную простоту ребятъ, слабѣло вліяніе родителей, дѣти инстинктивно улавливали двойственную игру, которую приходилось вести школь. Мы и сами не замѣтили, какъ это случилось.

Старый педагогъ часто пріѣзжалъ въ Ясную Поляну. Въ маленькихъ санкахъ, одной половиной висая въ пространствѣ, и правой ногой, чтобы не упасть, упираясь въ отводень — маститый и его обширный животъ требовали больше половины сидѣнья — я возила его изъ школы въ школу.

Въ бывшей церковно-приходской вмѣсто Танечекъ учила теперь ребятъ опытная, съ 26-лѣтнимъ стажемъ пожилая учительница Коростылева.

— Прочтите мнѣ что-нибудь, — сказалъ педагогъ.

Ребята прочли.

— Хорошо читаете. А ну-ка, тетради покажите.

Показали тетради.

— И пишете вы, дѣти, неплохо, красиво. Ну а спѣть можете?

— Можемъ!

Ребята посмотрѣли на учительницу, переглянулись между собой, и запѣли интернаціональ.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ старикъ. — Ну а свои, яснополянскія, пѣсни знаете? Можете спѣть?

Спѣли «кирпичики», и я повезла старика дальше.

— Вы знаете, что было послѣ вашего отъѣзда изъ школы? — спросила меня вечеромъ Коростылева. — Не успѣли вы отъ-

хвать, ребята меня спрашивают: «Что, вот этот, что кь намъ приходилъ, коммунистъ?» — «Нѣтъ». — «Большевикъ?» — «Нѣтъ». — «Ну о чемъ же ты, Лизавета Николавна, думала? Ну зачѣмъ же мы ему интернаціональ пѣли?»

И все-таки наша школа «осовѣчивалась» медленно, чѣмъ другія школы. Отчасти это происходило благодаря декрету. ВЦИК разрѣшилъ организацию Толстовской коммуны и распространѣніе въ какой-то формѣ толстовскихъ идей. Кромѣ того одинъ изъ вліятельныхъ большевиковъ сказалъ какъ то: «Со- вѣтская власть можетъ позволить себѣ роскошь въ маленькомъ мѣстечкѣ СССР имѣть Толстовскій уголокъ». И каждому мѣстному коммунисту, шерявшему зубы на Ясную Поляну, я неизмѣнно приводила эти слова всемогущаго. Они дѣйствовали, особенно первые годы. Въ школѣ долгое время не было ни комсомольской, ни пионерской организаций. И хотя религіозно-нравственныхъ вопросовъ школа не касалась, вліяніе учителей на ребятъ сказывалось. Конечно, приходилось и намъ идти на компромиссы, но все же мнѣ казалось, что въ основномъ мы не уступимъ и удержимъ школу отъ совѣтскаго растлѣнія.

ТРАВЛЯ.

Московскія дѣла — наше кооперативное товарищество Изученія Твореній Толстого, занятое разборкой и подготовкой къ печати рукописей отца — требовали много времени и заботъ. Разгромили кооперативное Издательство Задруга, дававшее намъ намъ деньги на редакціонныя работы. Въ самомъ товариществѣ произошелъ расколъ: одни говорили, что надо обратиться за помощью въ Госиздатъ, другіе протестовали. Начались переговоры съ Чертковымъ объ объединеніи двухъ редакціонныхъ группъ — Товарищества и Чертковской — воедино.

Рѣшено было очистить музей въ Ясной Полянѣ отъ обитателей и весь домъ привести въ тотъ видъ, какимъ онъ былъ въ 1910 году, къ моменту ухода отца. Музейныя здания требовали ремонта, не было еще описей на имущество, въ паркѣ гибли деревня, заросли дорожки. По праздникамъ, особенно лѣтомъ, научные сотрудники Музея давали объясненія многочисленнымъ посѣтителямъ.

Въ 1924 году школа Ясной Поляны была переименована уже въ Опытно-показательную станцію. Это облегчало получение кредитовъ, но накладывало на насъ новыя обязательства.

Учрежденія росли какъ грибы и я разрывалась между Москвой и Ясной Полянкой.

Кто то мнѣ сказалъ, что Ара жертвуетъ лѣкарства. Я обратилась къ нимъ. Мнѣ дали оборудованіе, хирургическіе инструменты и лѣкарства на цѣлую амбулаторію *). Надо было хлопотать, чтобы Наркомздравъ включилъ нашу амбулаторію въ сѣть своихъ учреждений и ассигновалъ кредиты на врача, фельдшерицу и сторожа.

Артель мѣшала намъ, сотрудники теперь получали жалованье, и мы передали хозяйство въ вѣдѣніе Музея Усадьбы.

Школа выросла такъ быстро, что намъ всегда не хватало помѣщеній. Мы построили четырехклассную школу изъ деньги, которая намъ пожертвовала Еврейско-американская организация «Джойнтъ». Но помѣщеній опять не было. Первая ступень и 9-ая группа второй ступени размѣшались въ крестьянскихъ избахъ. На деньги, ассигнованныя Наркомпросомъ, заложили фундаментъ для школы-памятника Толстому на Кабачкой горѣ.

Передача въ наше вѣдѣніе бывшаго дома Черткова въ Телятикахъ очень помогла намъ. Здѣсь помѣщался дѣтскій домъ Тульского Губоно. Но что это было за жуткое помѣщеніе. Громадный, грязно-сѣрый баракъ, населенный озлобленными, безпризорными, голодными ребятами. Зимой онъ, за недостаткомъ дровъ, почти не отапливался. Ребята въ изодранныхъ ватныхъ курткахъ, теплыхъ шапкахъ и босикомъ бродили по пустымъ, грязнымъ комнатамъ. Лѣтомъ они наводили страхъ на деревню — устраивали налеты на крестьянскіе сады и огороды.

Я туда раза два ѣздила. Въ кухнѣ, гдѣ когда-то чистая, добродушная чертковская кухарка Аннушка готовила вегетарианскія блюда, была ужасная грязь. Водопроводъ не дѣйствовалъ, въ углу стояла высокая, осклизлая кадка съ водой, дымила плита. При свѣтѣ керосиновой лампы, сквозь ѣдкій дымъ я едва разглядѣла нѣсколько дѣтскихъ фигуръ — рваныхъ и босикомъ. Одинъ изъ ребятъ, увидавъ меня, сталъ говорить какія-то галости. Учительница остановила его. Онъ спрятался за печку. Учительница хотѣла подойти. Злобно сверкнули дѣтскіе глаза:

— Попробуй-ка!

Въ рукахъ мальчика былъ ножъ. Учительница безнадежно махнула рукой и отошла.

Эта дѣвушка нѣсколько разъ приходила ко мнѣ, она просилась на службу. Но я не рѣшилась ее взять. Слишкомъ ужъ она была издергана, безпрестанно курила и жаловалась.

— Не могу, не могу я здѣсь жить, — говорила она. — Это вертепъ. Если бы вы только знали, что дѣлается? Всѣ хоро-

*) Изъ этой амбулаторіи къ 28-му году выросла больница. — А. Т.

шенькія дѣвочки, совсѣмъ молоденькія, пятнадцатилѣтнія и всѣ, понимаете ли, съ завѣдующимъ... Ахъ, какой это мерзавецъ! И вотъ никто не донесетъ. Хоть бы вы въ центръ сооб- щили.

Я ей не вѣрила тогда, ужъ очень она сама казалась мнѣ не- надежной, странной какой-то. Но позднѣе я убѣдилась, что она была права.

Я пришла въ отчаяніе, когда осмотрѣла опустѣвшій Теля- тинскій домъ. Мебель была поломана, окна разбиты, крыши про- ржавѣли и текли, стѣны покоробились, чердакъ былъ весь зага- женъ. Ребятамъ холодно было зимой ходить на дворъ въ убор- ную и они устроили уборную на чердакъ. Много надо было ис- писать бумагъ, потратить силъ и энергіи, чтобы привести Те- лятинки въ порядокъ.

Сюда мы перевели первую ступень и мастерскія.

Центръ хорошо относился къ Ясной Полянѣ. Большевикамъ важно было создать одно изъ тѣхъ рекламируемыхъ ими учре- жденій, которыя показываются иностранцамъ, имъ важно было удержать меня завѣдующей, поэтому они шли на нѣкоторыя поблажки. Мѣстные власти не понимали этого. Для нихъ мы были ненавистными буржуями, которымъ они завидовали, кото- рымъ жаждали уничтожить. Чѣмъ лучше шло наше дѣло, тѣмъ больше они злились. Чѣмъ меньше я съ ними считалась, тѣмъ больше разгоралась ихъ жажда меня подавить, унижить.

Какъ это всегда бываетъ, дѣло началось съ пустяковъ.

Толкачъ однимъ изъ первыхъ записался въ Толстовскую ком- муну. Это былъ безобидный, тупой человѣкъ, обремененный большимъ семействомъ. Чтобы какъ нибудь прокормиться съ ребятами, онъ и его жена работали съ утра до ночи. Онъ за- вѣдывалъ молочнымъ хозяйствомъ и складомъ. Случайно ли или дѣйствительно Толкачъ соблазнился продуктами, но нѣ- сколько разъ при провѣркѣ склада и молока обнаружилась не- достача. Я смѣстила Толкача со склада и съ тѣмъ же окладомъ назначила его сторожемъ Музея.

Вскорѣ послѣ этого въ «Правдѣ» появилась статья. Въ ней говорилось о томъ, что бывшая «графиня», окруживъ себя бур- жуазнымъ элементомъ, окопалась въ прекрасномъ уголкѣ, Яс- ной Полянѣ. Буржуи эти, генералы и бывшіе царскіе прислуж- ники, живутъ попрежнему, устраиваютъ оргіи съ виномъ, по ночамъ, заставляя сторожей музея прислуживать себѣ, не давая имъ спать до утра и за это бросаютъ имъ подачки съ барскаго стола. Чтобы прикрыть все это безобразіе, Толстая организова- ла артель, причемъ львиную долю продуктовъ съ хозяйства по-

лучаетъ она, бывшая графиня и ея приспѣшники, а служашіе держатся впроголодь. Въ школѣ ведется религіозная пропаганда, революціонные праздники не отмѣчаются.

Служашіе переполошились. Всякая травля начиналась именно такъ. За газетной статьёй шли ревизіи, придирки и кончалось разгромомъ учрежденія.

Все шло какъ по писанному. Сейчасъ же послѣ статьи начались ревизіи. Казалось бы Губернскому Отдѣлу Народнаго образованія и дѣла до насъ не было, мы были подчинены центру, но ревизіи одна за другой шли не только отъ губернскихъ, но и отъ районныхъ властей. Созывались безчисленные учительскія собранія. Чтобы уличить насъ въ неправильномъ веденіи дѣла, Губоно мобилизовалъ лучшихъ своихъ инструкторовъ, провѣрялись тетради, отчеты, опрашивались ученики, учителя. Тульскія власти ревизовали сельское хозяйство, музей. Незнакомые люди мелькали то въ полѣ, то въ лѣсу, они ходили по всей Ясной Полянѣ, разговаривали подолгу съ рабочими, со сторожами музея, съ ребятами въ школѣ. А какъ только кто-нибудь изъ насъ подходилъ, подло, сознавая свою силу, ухмылялись, и отходили. Особенно усердствовалъ одинъ, съ тупымъ и порочнымъ лицомъ бѣлаго каторжника, высокій, черный, съ лохматыми волосами и претензіей на интеллигентность, — товарищъ Черныаскій, завѣдующій Тульской Совпартшколой. Днемъ и ночью за нами слѣдили, въ чемъ то насъ улавливали. Мы потеряли покой.

— Марія Петровна, а Марія Петровна, — кричалъ какой-то карапузъ учительницѣ физикѣ: — давеча этотъ чернявый, какой изъ Тулы ѣздитъ, знаете, что меня спрашивалъ?

— Ну?

— А бьютъ ли васъ, говорить, учителя?

— Что? Не можетъ быть!? Какое безобразіе!

Мальчикъ остановился, наслаждаясь растерянностью маленькой, нервной учительницы.

— А я ему: ну да, говорю, бьютъ. Учительница физики у насъ злющая.

У рабочихъ, ребятъ появились новыя нотки въ разговорѣ. Авторитетъ сотрудниковъ и мой постепенно подтачивался. При звукѣ приближающагося автомобиля всѣ нервничали: «новая ревизія».

По установленному обычаю каждую весну школа и музей устраивали праздникъ лѣса. Учащіеся вмѣстѣ съ учителями шли въ лѣсъ, выкапывали молоднякъ и сажали около школы, по дорогамъ, передъ крестьянскими избами, въ паркѣ. Въ 24 году

праздникъ нашъ прошелъ такъ же дружно и весело, какъ всегда.

Въ томъ же году Лѣсотдѣль съ большимъ опозданиемъ устроилъ свой праздникъ лѣсонасаждения вмѣстѣ съ мѣстнымъ подгороднымъ лѣсничествомъ. Были приглашены крестьяне Ясной Поляны. А такъ какъ школа и музей уже отпраздновали этотъ день, отъ насъ пошли только нѣсколько человѣкъ изъ любопытства.

Митингъ открылъ завѣдующій Гублѣсотдѣломъ политической рѣчью. Съ доклада о международномъ положеніи онъ очень скоро перешелъ на Ясную Поляну: «Товарищи и граждане, — выкрикивалъ онъ. — Намъ нужно напрячь всѣ силы для строительства нашей страны. Сейчасъ, когда международные капиталисты точатъ зубы на пролетаріатъ, намъ особенно важно обратить вниманіе на нашихъ внутреннихъ враговъ. Товарищи! Мы не расправились еще съ гидрой контръ-революціи! Она заѣсъ, среди насъ. Незачѣмъ намъ далеко ходить, товарищи! Вотъ сейчасъ передъ вами (и онъ указалъ на темнѣющія липы парка усадьбы Ясная Поляна), въ этой самой усадьбѣ пріютилась вся эта сволочь, со сволочью, бывшей графиней Толстой во главѣ. Граждане Ясной Поляны, вы должны помочь намъ искоренить...»

И опять рѣчь эта передавалась сотрудниками изъ устъ въ уста. Волненіе дошло до крайнихъ предѣловъ. Что же дальше? Разгромъ всего дѣла, чека? Среди техническихъ служащихъ началось разложеніе, только старики были съ нами. Меня еще слушались, но учителямъ и сотрудникамъ музея грубили. Если надо было учителю среди ночи ѣхать на станцію, чтобы поѣхать въ Москву на конференцію, кучеръ отказывался запрягать:

— Это тебѣ не старый режимъ людей по ночамъ будить..., коли надо, запрягай самъ.

Учитель настаивалъ. Но кромѣ гадкой ругани ничего не могъ добиться. Кучера я уволила, но мѣстные власти, профсоюзный союзъ вступился, требуя, чтобы я взяла его обратно.

Хозяевами, слѣдя грязными сапогами по чистымъ поламъ, въ шапкахъ, коммунисты входили въ домъ-музей, въ отцовскія комнаты.

— А любилъ старичекъ водочку, — говорили они, мерзко подмаргинавая на стоявшій на полкѣ среди другихъ лѣкарствъ спиртъ.

Я стискивала зубы...

По ночамъ по парку, ходили ребята. Они демонстративно проходили подъ окнами, ругая насъ и сквернословя. Тетенька Татьяна Андреевна въ ужасъ вскакивала:

— Мерзавцы, какъ они смѣютъ! Я сейчасъ имъ скажу.

Но я умоляла ее сдерживаться. Трудно было. У меня самой спирало дыханье, темнѣло въ глазахъ... Но я знала, что каждое неосторожное слово раздуютъ, разнесутъ, донесутъ, куда слѣдуетъ, и тогда все пропало. Откуда взялась у меня такая выдержка, я и сама не знаю.

Оставалось одно средство борьбы: Москва. До сего времени, за исключеніемъ статьи въ «Правдѣ», вся травля исходила отъ мѣстныхъ властей, и я поѣхала во ВЦИК.

Калининъ и Сидовичъ выслушали меня и обѣщали прислать ревизію отъ ВЦИК'а. По ихъ тону я прекрасно поняла, что на Ясную Поляну сыпалась уже доносы въ Москву.

Мы ждали ревизіи со дня на день. А между тѣмъ нападки на насъ не прекращались. Тульское Губоно рѣшили дать Яснополянской опытной станиціи генеральный бой на учительской конференціи. Мой замѣститель, зубастый молодой человѣкъ, долгое время работавшій въ профессиональномъ союзѣ, и нѣскольکو учителей вызвались ѣхать на конференцію. Я осталась, потому что намъ сообщили, что сейчасъ же послѣ конференціи будетъ еще одна ревизія, и мнѣ хотѣлось принести въ порядокъ всю отчетность.

Не было кажется ни одной гнусной клеветы, которой не возвели бы на Ясную Поляну на этой конференціи. Мой замѣститель, хороший ораторъ, говорилъ больше часа, опровергая всѣ возведенныя на насъ обвиненія. Учителя вернулись взволнованные, но торжествующіе, районное учительство было на нашей сторонѣ.

За эти нѣсколько мѣсяцевъ мы отвыкли спать. Измученные, издерганные учителя бродили по ночамъ по парку, шептались, обсуждая положеніе, готовые ко всевозможнымъ ужасамъ и только надѣялись на ревизію ВЦИК.

А у меня что-то странное дѣлалось съ сердцемъ. Прогало, билось скачками, пріостанавливалось, дышать было трудно. Я ложилась спать, стараясь унять эти жуткіе скачки, напрасно. Часами я лежала въ той самой комнатѣ, гдѣ былъ кабинетъ отъ насъ въ 70-хъ годахъ, и смотрѣла на желтую перегородку, ту самую, куда онъ хотѣлъ захлестнуть петлю, когда безысходная тоска мучила его. Иная тоска и по другому...

Я пробовала читать умныя книги: Кругъ Чтенія, Шопенгауэра, — напрасно, если и удавалось унять сердце, успокоить-

ся, крики из парка, стук в дверь снова выводили меня из равновѣсія.

— Кто тамъ?

Нѣсколько человѣкъ сотрудниковъ вваливались въ первую комнату за перегородкой.

— Митингъ въ паркѣ. Чернявскій показывалъ анти-религіозную фильму, а потомъ говорили рѣчи, призывая молодежь громить буржуевъ въ Ясной Полянѣ. Ребята очень возбуждены. Траву всю вытоптали, дорожки заплели подсолнухами, къ нашимъ посадки поломали, на скамеечки нагадили.

Учителя, сотрудники музеевъ ужасно нервничали. Нѣкоторые собирались уѣзжать изъ Ясной Поляны. Дѣло расплзлось. Я старалась изо всѣхъ силъ сдерживаться и отъ этихъ усилій все чаще и чаще напоминало о себѣ сердце.

Молодой, черноватый учитель ураганомъ влетѣлъ ко мнѣ въ кабинетъ.

— Александра Львовна! Александра Львовна! Скорѣй! Ревизія ВЦИК!

— Возьмите вотъ, покажите имъ... — задыхалась Коростылева, — школьные журналы, они увидятъ, что всѣ праздники отмѣчаются. — И она совала мнѣ подъ носъ какія-то тетради.

Громадный, шестимѣстный автомобиль стоялъ около старого вяза. Одинъ за другимъ изъ него вылѣзали шесть человѣкъ. Среди нихъ я узнала: председателя губернскаго Исполнительнаго Комитета, председателя Губоно, Чернявскаго, председателя Тульской контрольной комиссіи. Остальные двое были изъ ВЦИК.

Это была настоящая ревизія. Сначала въ моемъ отсутствіи опрашивали свидѣтелей обвиненія, вызывали Толкача, какого-то малаго съ деревни, допрашивали Чернявскаго. Бухгалтеръ Петръ Петровичъ, присутствовавшій при допросѣ, рассказывалъ мнѣ, что свидѣтели перепугались, смѣшались и не могли повторить своихъ навѣтовъ, напрасно Чернявскій всячески поощрялъ, подзадоривалъ ихъ. Потомъ вызвали въ канцелярію меня.

— Александра Львовна, — обратился ко мнѣ секретарь ВЦИК Киселевъ, — скажите намъ, какой паскъ вы получали изъ артели?

— Мнѣ хотѣлось бы, — сказала я, едва сдерживая гнѣвъ, — отвѣчать на всѣ ваши вопросы съ документами въ рукахъ.

— Пожалуйста, — обратилась я къ Петру Петровичу, который

завѣдываль канцеляріей, — дайте мнѣ протоколъ общаго собранія артели отъ прошлаго года.

Въ этомъ протоколѣ было заявленіе о томъ, что я отказываюсь отъ артельного пайка, такъ какъ все свободное время я должна посвящать работѣ въ музеѣ и школѣ, и не могу больше работать въ хозяйствѣ.

— Слѣдовательно, за послѣдній годъ существованія артели вы пайка не получали?

— Нѣтъ.

— А позвольте васъ спросить, Александра Львовна, — обратился ко мнѣ членъ ВЦИК'а Пахомовъ, — была у васъ вечеринка, когда вы пили вино и веселились до утра?

— Да, была. Это было 23 апрѣля, въ день моихъ именинъ.

— Сколько было выпито вина?

— Двѣ бутылки портвейна.

— Сколько было человѣкъ?

— Больше тридцати.

Члены ВЦИК переглянулись.

— Товарищъ Толкачъ, что товарищъ Толстая говоритъ правду или нѣтъ?

— Должно быть, что правду.

— Товарищъ Толстая, былъ ли такой случай, чтобы вы заставляли сторожей вамъ прислуживать и ночью заставляли ставить самовары? Товарищъ Толкачъ ставилъ вамъ ночью самоваръ?

— Ставилъ. Толкачъ былъ дежурнымъ. Я пригласила его выпить съ нами чая, онъ охотно присоединился къ намъ, пѣлъ съ нами пѣсни, пилъ чай. Въ два часа ночи мой замѣститель, увидѣвъ, что самоваръ опустѣлъ, взялъ его и понесъ въ кухню ставить, но Толкачъ вскочилъ, вырвалъ у него изъ рукъ самоваръ и пошелъ ставить его самъ.

— Товарищъ Толкачъ представилъ мнѣ этотъ случай нѣсколько въ иномъ видѣ...

— Подождите, товарищъ Чернявскій, мы васъ уже выслушали. Товарищъ Толкачъ такъ это все было, какъ рассказываетъ намъ гражданка Толстая?

— Стало быть такъ.

— Пожалуйста, продолжайте, Александра Львовна.

— Вскорѣ послѣ этого, когда мы стали расходиться, я вспомнила про дѣтей Толкача, завернула кусокъ пирога и конфеты въ бумагу и подала ему. Конечно, я далека была отъ мысли, что могу этимъ его обидѣть, никому не приходится теперь ча-

сто пироги и конфеты ѣсть. Толкачъ какъ будто не обидѣлся. а скорѣе обрадовался...

— Какая ложь! — вдругъ поблѣднѣвъ, крикнулъ Чернявскій.

Но Киселевъ жестомъ остановилъ его.

— Говорите, Александра Львовна.

И я стала говорить. И чѣмъ больше говорила, тѣмъ мнѣ становилось легче, точно прорвало меня, я дала себѣ волю, долго сдерживаемый гнѣвъ разрѣшился, облегчивъ, освободивъ меня. Я кажется никогда въ жизни не была такъ краснорѣчива. Я разсказала членамъ ВЦИК'а, какъ Чернявскій своей разлагающей дѣятельностью разрушалъ то, что съ такимъ трудомъ создавалось: дисциплину въ школѣ, уваженіе къ труду... Мы всѣ, при поддержкѣ центра, направляли наши усилія на созданіе изъ Ясной Поляны культурнаго очага, а группа мѣстныхъ коммунистовъ, руководимая завистью и злобой, старалась погубить наше дѣло.

И когда я кончила, секретарь ВЦИК'а Киселевъ попросилъ всѣхъ удалиться. Предсѣдатель Губисполкома и Губоно задержались.

— Прошу всѣхъ, всѣхъ удалиться, — сказалъ Киселевъ, — мы желаемъ наединѣ поговорить съ Александрой Львовной.

— Вы понимаете, товарищъ, — сказала я, — какая клевета была возведена на Ясную Поляну и меня?

Они промолчали.

— Какое вы хотите удовлетвореніе? — спросилъ Пахомовъ.

— Опроверженіе въ газетахъ и возможность работать, — сказала я.

— Хорошо.

Случайно или нѣтъ, но въ Тулѣ перемѣнились власти. Былъ назначенъ новый предсѣдатель Губисполкома, предсѣдателя Губоно — безграмотнаго лекаря смѣстили, исчезъ и Чернявскій изъ Тулы, мы никогда больше не слыхали о немъ.

Ясная Поляна была спасена, потому что она была Ясной Полянкой. А сколько учреждений погибло, сколько было загублено учителей, завѣдующихъ, научныхъ сотрудниковъ!

Александра Толстая.

Встрѣчи съ Блокомъ

(Къ пятнадцатилѣтію со дня смерти).

Тридцать лѣтъ тому назадъ, лѣтомъ 1906 года, въ моей жизни произошло событіе, послѣ котораго я стала взрослымъ человѣкомъ. За плечами было только 14 лѣтъ, но жизнь того времени быстро выросла насть. Мы пережили японскую войну и революцію, мы были поставлены передъ необходимостью спѣшно разобраться въ нашихъ дѣтскихъ представленіяхъ о мірѣ и дать себѣ отвѣтъ, гдѣ мы и съ кѣмъ мы. Впервые въ сознание входило понятіе о новомъ героѣ, имя которому — Народъ. Единственно, что смущало и мучило, это необходимость дать отвѣтъ на самый важный вопросъ: вѣрю ли я въ Бога? Есть ли Богъ?

И вотъ, отвѣтъ пришелъ. Пришелъ съ такой трагической неопровержимостью. Я даже и сейчасъ помню пейзажъ этого отвѣта. Разсвѣтъ жаркаго лѣтняго дня. Ровное румяное небо. Черные узоры овальныхъ листьевъ акаціи. Громкое чириканье воробьевъ. Въ комнатѣ плачь. Умеръ мой отецъ. И мысль простая въ головѣ: «Эта смерть никому не нужна. Она несправедливость. Значить, нѣтъ справедливости. А если нѣтъ справедливости, то нѣтъ и справедливаго Бога. Если же нѣтъ справедливаго Бога, то значить и вообще Бога нѣтъ».

Никакихъ сомнѣній, никакихъ доводовъ противъ такого вывода. Бѣдный міръ, въ которомъ нѣтъ Бога, въ которомъ царствуетъ смерть, бѣдные люди, бѣдная я, вдругъ ставшая взрослой, потому что узнала тайну взрослыхъ, что Бога нѣтъ, и что въ мірѣ есть горе, зло и несправедливость.

Такъ кончилось дѣтство.

Осенью я впервые уѣхала надолго отъ Чернаго моря, отъ юга, солнца, вѣтра, свободы. Первая зима въ Петербургѣ. Небольшая квартира въ Басковомъ переулкѣ. Гимназія. Утромъ начинаемъ учиться при электрическомъ свѣтѣ, и на послѣднихъ урокахъ тоже лампы горятъ. На улицахъ рыжій туманъ. Падаетъ рыжій снѣгъ. Никогда, никогда нѣтъ солнца. Родные служатъ панихиды, ходятъ въ траурѣ. Въ панихидахъ примиренность, а я мириться не хочу, да и не съ кѣмъ мириться, пото-

му что Его нѣтъ. Если можно было еще сомнѣваться и колебаться дома, то тутъ то, въ этомъ рыжемъ туманѣ, въ этой осени проклятой, никакихъ сомнѣній нѣтъ. Крышка неба совсѣмъ надвинулась на этотъ городъ-гробъ, а за ней — пустота.

Я ненавидѣла Петербургъ. Мнѣ было трудно заставить себя учиться. Въмѣсто гимназій я отправлялась бродить далеко черезъ Петровский паркъ, на свалку, мимо голубинаго стрѣльбища. Самая острая тоска за всю жизнь была именно тогда. И душѣ хотѣлось подвига, гибели за всю неправду міра, чтобы не было этого рыжого тумана и безсмыслицы.

Въ классѣ моемъ увлекались Андреевымъ, Комиссаржевской, Метерлинкомъ. Я мечтала встрѣтить настоящихъ революціонеровъ, которые готовы каждый день пожертвовать своей жизнью за народъ. Мнѣ случалось встрѣчаться съ какими-то маленькими партійными студентами, но они не жертвовали жизнью, а разсуждали о прибавочной стоимости, а капиталъ, объ аграрномъ вопросѣ. Это сильно разочаровывало. Я не могла понять, отчего политическая экономія вещь болѣе увлекательная, чѣмъ счета съ базара, которые приносятъ моей матери кухарка Аннушка.

Бѣлые ночи оказались еще болѣе жестокими, чѣмъ черные дни. Я бродила часами, учиться было почти невозможно, писала стихи, мѣста себѣ не находила. Смысла не было не только въ моей жизни, во всемъ мірѣ безнадежно утрачивался смыслъ. Осенью опять рыжій туманъ.

Родные рѣшили выбить меня изъ колеи патетической тоски и вѣры въ безсмыслицу.

Была у меня двоюродная сестра, много старше меня. Дѣвушка положительная, веселая, умная. Она кончала медицинскій институтъ, имѣла социаль-демократическія симпатіи и совершенно не сочувствовала моимъ бреднямъ. Я была для нея «декадентка». По добротѣ душевной она рѣшила заняться мной. И заняться не въ своемъ, а въ моемъ собственномъ духѣ.

Однажды она повезла меня на литературный вечеръ какого-то захудалого реальнаго училища, куда-то въ Измайловскія роты.

Въ каждой столицѣ есть своя провинція, такъ вотъ и тутъ была своя Измайловскоротная, реальнаго училища провинція. Въ рекреационномъ залѣ много молодого народу. Читаютъ стихи поэты-декаденты. Ихъ довольно много. Одинъ высокий, безъ подбородка, съ огромнымъ носомъ и съ прямыми прядями длинныхъ волосъ, въ длиннополомъ сюртукѣ, читаетъ весело и шепеляво, говорить — Городецкій. Другой — Дмитрій Цензоръ,

лицо не запомнилось. Еще какіе-то, не помню. И еще одинъ. Очень прямой, немного надменный, голосъ медленный, усталый, металлическій. Темномѣдные волосы, лицо не современное, а будто со средневѣковаго надгробнаго памятника, изъ камня высѣченное, красивое и неподвижное. Читаетъ стихи, очевидно новые, — «По вечерамъ, надъ ресторанами», «Незнакомка». И еще читаетъ...

Въ моей душѣ — огромное вниманіе. Человѣкъ съ такимъ далекимъ, безразличнымъ, красивымъ лицомъ, это совсѣмъ не то, что другіе. Передо мной что-то небывалое, головой выше всего, что я знаю, что-то отчужденное. Въ стихахъ много тоски, безнадежности, много голосовъ страшнаго Петербурга, рыжій туманъ, городское удушье. Они не вѣютъ меня, они покоятъ во мнѣ, они какъ бы мои стихи. Я уже знаю, что онъ владѣетъ тайной, около которой я брожу, съ которой почти уже сталкивалась столько разъ во время своихъ скитаній по островамъ.

Спрашиваю двоюродную сестру: «Посмотри въ программѣ: кто это?»

Отвѣчаетъ: «Александръ Блокъ».

Въ классѣ мнѣ достали книжечку. На первой страницѣ картинка, — молодой поэтъ вырывается на какіе-то просторы. Стихи непонятные, но пронзительные, — отъ нихъ никуда мнѣ не уйти. «Убей меня, какъ я убилъ когда-то близкихъ мнѣ. Я все забылъ, что я любилъ, я сердце выюгамъ подарилъ...» Я не понимаю, но понимаю, что онъ знаетъ мою тайну. Читайте все, что есть у этого молодого поэта. Дома окончательно выяснено, я — декадентка. Я дѣйствительно въ небываломъ мірѣ. Сама пишу, пишу о тоскѣ, о Петербургѣ, о подвигѣ, о народѣ, о гибели, еще о тоскѣ и о восторгѣ.

Наконецъ все прочитано, многое запомнилось нанзустъ, навсегда. Знаю, что онъ могъ бы мнѣ сказать почти заклинаніе, чтобы справиться съ моей тоской. Надо съ нимъ поговорить. Узнаю адресъ: Галерная, 41. Иду. Дома не застала. Иду второй разъ. Нѣту.

На третій день, заложивъ руки въ карманы, распустивъ уши своей финской шапки, иду по Невскому. Не застану, — дождусь. Опять дома нѣтъ. Ну, что-жъ, рѣшено, буду ждать. Нѣкоторыя подробности квартиры удивляютъ. Въ маленькой комнатѣ почему-то огромный портретъ Менделѣева. Что онъ, хитикъ что ли? Въ кабинетѣ вещей немного, но все большія вещи. Порядокъ образцовый. На письменномъ столѣ почти ничего не стоитъ.

Жду долго. Наконецъ звонокъ. Разговоръ въ передней. Вхо-

диль Блокъ. Онъ въ черной широкой блузѣ съ отложнымъ воротникомъ, совсѣмъ такой, какъ на известномъ портретѣ. Очень тихій, очень застѣнчивый.

Я не знаю, съ чего начать. Онъ ждетъ, не спрашиваетъ, зачѣмъ я пришла. Мнѣ мучительно стыдно, кажется всего стыднѣе, что въ концѣ концовъ я еще дѣвченка, и онъ можетъ принять меня не въ серьезъ. Мнѣ скоро будетъ пятнадцать лѣтъ, а онъ уже взрослый, — ему навѣрное лѣтъ двадцать пять.

Наконецъ собираюсь съ духомъ, говорю все сразу. Петербурга не люблю, рыжій туманъ ненавижу, не могу справиться съ этой осенью, знаю, что въ мѣрѣ тоска, брожу по островамъ часами, и почти навѣрное знаю, что Бога нѣтъ. Все однимъ махомъ выкладываю. Онъ спрашиваетъ, отчего я именно къ нему пришла. Говорю о его стихахъ, о томъ, какъ они просто въ мою кровь вошли, о томъ, что мнѣ кажется, что онъ у ключа тайны, прошу помочь.

Онъ внимателенъ, почтителенъ и серьезенъ, онъ все понимаетъ, совсѣмъ не поучаетъ и, кажется, не замѣчаетъ, что я не взрослая.

Мы долго говоримъ. За окномъ уже темно. Вырисовываются окна другихъ квартиръ. Онъ не зажигаетъ свѣта. Мнѣ хорошо, я знаю, хотя многого не могу понять. Я чувствую, что около меня большой человѣкъ, что онъ мучается больше, чѣмъ я, что ему еще тоскливѣе, что бессмыслица не убита, не уничтожена. Меня поражаетъ его особая внимательность, какая-то нѣжная бережность. Мнѣ большого человѣка ужасно жалко. Я начинаю его осторожно утѣшать, утѣшая и себя.

Странное чувство. Уходя съ Галерной, я оставила часть души тамъ. Это не полудѣтская влюбленность. На сердцѣ скорѣе материнская встревоженность и забота. А наряду съ этимъ сердцу легко и радостно. Хорошо, когда въ мѣрѣ есть такая большая тоска, большая жизнь, большое вниманіе, большая, обнаженная, зрячая душа.

Черезъ недѣлю я получаю письмо, конвертъ необычайный, ярко-синій. Почеркъ твердый, не очень крупный, но широкій, щедрый, широко разставлены строчки. Въ письмѣ есть стихи: «Когда вы стоите передо мной... Все же я смѣю думать, что вамъ только пятнадцать лѣтъ». Письмо говоритъ о томъ, что они — умирающіе, что ему кажется, я еще не съ ними, что я могу еще найти какой-то выходъ, въ природѣ, въ соприкосновении съ народомъ. «Если не поздно, то бѣгите отъ насъ, умирающихъ»... Письмо изъ Ревеля. — ухалъ гостить къ матери.

Не знаю отчего, я негодую. Бѣжать—хорошо же. Рву пись-

мо, и синий конвертъ рву. Кончено. Убѣжала. Такъ и знайте, Александръ Александровичъ, человѣкъ, все понимающій, понимающій, что значить бродить безъ цѣли по окраннымъ Петербурга, и что значить видѣть міръ, въ которомъ нѣтъ Бога.

Вы умираете, а я буду, буду бороться со смертью, со зломъ, и за васъ буду бороться, потому что у меня къ вамъ жалость, потому что вы вошли въ сердце и не выйдете изъ него никогда.

Петербургъ меня побѣдилъ, конечно. Тоска не такъ сильна. Годы прошли.

Въ 1910 году я вышла замужъ. Мой мужъ изъ петербургской семьи, другъ поэтовъ, декадентъ по самому своему существу, но социаль-демократъ, большевикъ. Семья профессорская, въ ней культъ памяти Соловьева, милые житейскіе анекдоты о немъ.

Ритмъ нашей жизни нелѣпъ. Встаемъ около трехъ дня, ложимся на разсвѣтъ. Каждый вечеръ мы съ мужемъ бываемъ въ петербургскомъ мірѣ. Или у Вячеслава Иванова на башнѣ, куда нельзя прѣхать раньше 12 часовъ ночи, или въ цехъ поэтовъ, или у Городецкихъ и т. д.

Непередаваемъ этотъ воздухъ 1910 года. Думаю, не ошибусь, если скажу, что культурная, литературная, мыслящая Россія была совершенно готова къ войнѣ и революціи. Въ этотъ періодъ смѣшалось все. Апатія, уныніе, упадочничество, — и чаяніе новыхъ катастрофъ и сдвиговъ. Мы жили среди огромной страны словно на необитаемомъ островѣ. Россія не знала грамоту, — въ нашей средѣ сосредоточилась вся міровая культура — цитировали наизусть грековъ, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своею, знали философію и богословіе, поэзію и исторію всего міра, въ этомъ смыслѣ были гражданами вселенной, хранителями великаго культурнаго музея человѣчества. Это былъ Римъ временъ упадка. Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было въ жизни, мы не боялись никакихъ словъ, мы были въ области духа циничны и нецѣломудренны, въ жизни вялы и бездѣйственны. Въ извѣстномъ смыслѣ мы были, конечно, революціи до революціи, — такъ глубоко, безпощадно и гибельно перекапывалась почва старой традиціи, такіе смѣлые мосты бросались въ будущее. И вмѣстѣ съ тѣмъ эта глубина и смѣлость сочетались съ неизбывнымъ тлѣньемъ, съ духомъ умирающаго, призрачности, эфемерности. Мы были послѣднимъ актомъ

трагедіи — разрыва народа и интеллигенціи. За нами простира-
лась всероссійская снѣжная пустыня, скованная страна, не зна-
ющая ни нашихъ восторговъ, ни нашихъ мукъ, не заражающая
насъ своими восторгами и муками.

Помню одно изъ первыхъ нашихъ посѣщеній башни Вяче-
слава Иванова. Вся Россія спитъ. Полночь. Въ столовой много
народа. Навѣрное нѣтъ ни одного обывателя, человѣка вообще,
такъ себѣ человѣка. Мы не успѣли еще со всѣми поздороваться,
а уже Мережковскій кричитъ моему мужу:

— Съ кѣмъ вы, — съ Христомъ или съ Антихристомъ?

Споръ продолжается. Я узнаю, что Христосъ и революція
неразрывно связаны, что революція — это раскрытіе третья-
го Заѣта. Слышу безконечный потокъ послѣднихъ, серьезнѣй-
шихъ словъ. Передо мной какъ бы духовная обнаженность, все
наружу, все почти безстыдно. Потомъ Кузьминъ поетъ подъ
собственный аккомпаниментъ духовные стихи. Потомъ раз-
гоноръ о греческихъ трагедіяхъ, объ «орхестрѣ», о Діо-
нисѣ, о православной Церкви. На разсвѣтъ поднимаемся на кры-
шу, это тоже въ порядкѣ времяпрепровожденія на башнѣ. Вни-
зу Гаврической садъ и куполь Государственной Думы. Сонный,
сѣрый городъ.

Утромъ приносятъ новый самоваръ, ѣдятъ яичницу. Пора
домой. По соннымъ улицамъ мелкой рысцой бѣжитъ извозчикъ
лошадь. На душѣ мутно. Какое-то пьянство безъ вина, пища,
которая не насыщаетъ. Опять тоска.

И странно, — вотъ всѣ были за революцію, говорили самыя
отвѣтственные слова. А мнѣ еще больше, чѣмъ передъ тѣмъ,
обидно за нее. Вѣдь никто, никто за нее не умретъ. Мало того,
если узнаютъ о томъ, что за нее умираютъ, какъ-то и это все
расцѣнять, одобрять или не одобрять, поймутъ въ высшемъ
смыслѣ, прокричатъ всю ночь — до утренней яичницы — и со-
всѣмъ не поймутъ, что умирать за революцію это значить чув-
ствовать настоящую веревку на шеѣ, вотъ такимъ же сѣрымъ и
соннымъ утромъ навсегда уйти, физически, реально принять
смерть. И жалко революціонеровъ, потому что они умираютъ,
а мы можемъ только умно и возвышенно говорить о ихъ смерти.

И еще мнѣ жалко, — не Бога, нѣтъ, Его нѣту. Мнѣ жалко
Христа. Онъ тоже умиралъ, у Него былъ кровавый потъ, Его за-
ушали, а мы можемъ объ этомъ громко говорить, нѣтъ у насъ
ни одного запретнаго слова. И если понятна Его смерть за раз-
бойниковъ, блудницъ и мѣтарей, то непонятна — за насъ, по-
ходя касающихся Его язвъ и не опаляющихся Его кровью.

Постепенно происходитъ дѣленіе. Христосъ, еще не признан-

ный, становится своимъ. Черта дѣленія все углубляется. Петербургъ, башня Вячеслава, культура даже, туманъ, городъ, реакція — одно. А другое — огромный, мудрый, молчаливый и цѣломудренный народъ, умирающая революція, почему-то Блокъ, и еще, — еще Христосъ. Христосъ — это наше... Чье наше? Развѣ я тамъ, гдѣ Онъ? Развѣ я не среди безответственныхъ словъ, которыя начинаютъ восприниматься какъ кощунство, какъ оскорбленіе, какъ смертельный ядъ? Надо бѣжать, освобождаться. Но это не такъ то легко. Жизнь идетъ точною колеєю, по башеннымъ сборищамъ, а потомъ по цехамъ, по Бродячимъ Собакамъ.

Цехъ поэтовъ только что созидался. Въ немъ было по школьному серьезно, чутьчку скучновато и манерно. Стихи были разные. Начинали входить въ славу Гумилевъ и Ахматова. Онъ рѣскалъ внѣ русской равнины, въ чужихъ экзотическихъ странахъ, она не выходила за порогъ душной, заставленной бездѣлушкими комнаты. Ни съ нимъ, ни съ ней не по пути.

А гроза приближалась. Россія — нѣмая и мертвая. Петербургъ, оторванный отъ нея, — какъ-бы оторванный отъ берега, безумнымъ кораблемъ мчался въ туманы и въ гибель. Онъ умиралъ отъ отсутствія подлинности, отъ отсутствія возможности просто говорить, просто жить. Никакой вообще революціи и никакихъ революціонеровъ въ природѣ не оказалось. Была только черная петербургская ночь. Удушье. Тоска не въ ожиданіи разсвѣта, а тоска отъ убѣжденія, что никакого разсвѣта никогда больше не будетъ.

Таковъ фонъ, на которомъ происходятъ рѣдкія встрѣчи съ Блокомъ. Вся ихъ серія, — второй періодъ нашего знакомства.

Первая встрѣча — въ декабрѣ 1910 года, на собраніи, посвященномъ десятилѣтію со дня смерти Владиміра Соловьева. Происходило оно въ Тенишевскомъ училищѣ. Выступали Вячеславъ Ивановъ, Мережковский, какія-то артистки, еще кто-то и Блокъ. На эстрадѣ онъ былъ высококомфренъ, говорилъ о непониманіи толпы, подчеркивалъ свое избранничество и одиночество. Сюртукъ застегнуть, голова высоко поднята, лицо красиво, трагично и неподвижно.

Въ перерывѣ мужъ ушелъ курить. Скоро вернулся, чтобы звать меня знакомиться съ Блоками, которыхъ онъ хорошо зналъ. Я рѣшительно отказалась. Онъ былъ удивленъ, началъ настаивать. Но я еще разъ заявила, что знакомиться не хочу, —

и онъ ушелъ. Я забила въ глубину своего ряда и успокоилась.

Вскорѣ мужъ вернулся, но не одинъ, а съ высокой, полной, и, какъ мнѣ сразу показалось, насмѣшливой дамой, — и съ Блокомъ. Я не могла прятаться больше, — надо было знакомиться. Дама улыбалась. Блокъ протягивалъ руку.

Я сразу поняла, что онъ меня узналъ. Дѣйствительно, онъ говоритъ:

— Мы съ вами встрѣчались.

Опять знакомая, понимающая улыбка. Онъ спрашиваетъ, продолжаю ли я бродить, какъ справилась съ Петербургомъ. Отвѣчаю невпопадъ. Любовь Дмитріевна приглашаетъ насъ обѣдать. Уславливаемся о днѣ. Слава Богу, разговоръ кончается. Возобновляется засѣданіе.

Потомъ мы у нихъ обѣдали. По его дневнику видно, что онъ ждалъ этого обѣда съ чувствомъ тяжести. Я тоже. На мое счастье тамъ былъ еще кромѣ насъ очень разговорчивый Аничковъ съ женой. Говорили объ Анатолѣ Франсѣ. Послѣ обѣда онъ показывалъ мнѣ снимки Нормандіи и Бретани, гдѣ онъ былъ лѣтомъ, говорилъ о Наугеймѣ, связанномъ съ особыми мистическими переживаниями, спрашивалъ о моемъ прошломъ. Еще говорили о родныхъ пейзажахъ, въ которыхъ нельзя понять до конца человека. Я говорила, что мое — это зимнее бурное, почти черное море, песчаные перекаты высокихъ пустынныхъ дюнь, серебряно-сизый камышъ и крики баклановъ. Онъ рассказывалъ, что по семейнымъ даннымъ фамилія Блокъ нѣмецкаго происхожденія, но попавъ въ Голландію, онъ понялъ, что это ошибка, что его предки именно оттуда, — до того ему такъ все показалось роднымъ и кровнымъ. Потомъ говорили о дѣтствѣ и о дѣтской склонности къ страшному и исключительному. Онъ рассказывалъ, какъ обдумывалъ въ дѣтствѣ пьесу. Герой долженъ былъ покончить съ собой. И онъ никакъ не могъ остановиться на способѣ самоубійства. Наконецъ рѣшилъ: герой садится на лампу и сгораетъ. Я въ отвѣтъ рассказывала о чудовищѣ, существовавшемъ въ моемъ дѣтствѣ. Звали его Гумистерлапъ. Онъ по ночамъ вкатывался въ мою комнату, круглый и мохнатый, и исчезалъ за занавѣской окна.

Встрѣтились мы какъ знакомые, какъ приличные люди, въ приличномъ обществѣ. Не то, что первый разъ, когда я съ улицы, изъ петербургскаго тумана, ворвалась къ нему. Блокъ могъ прийти къ намъ въ гости, у насъ была масса общихъ друзей, у которыхъ мы тоже могли встрѣтиться. Не хватало только какого-то одного и единственно нужнаго моста. Я не могла непосред-

ственно къ нему обратиться, черезъ и мимо всего, что у насъ оказалось общимъ.

Такъ кончился 1910 годъ. Такъ прошли 11 и 12. За это время мы встрѣчались довольно часто, но всегда на людяхъ.

На башнѣ Блокъ бывалъ рѣдко. Онъ тамъ, какъ и вездѣ впрочемъ, много молчалъ. Помню, какъ первый разъ читала стихи Анна Ахматова. Вячеславъ Ивановъ предложилъ устроить судъ надъ ея стихами. Онъ хотѣлъ, чтобы Блокъ былъ прокуроромъ, а онъ, Ивановъ, адвокатомъ. Блокъ отказался. Тогда онъ предложилъ Блоку защищать ее, онъ же будетъ обвинять. Блокъ опять отказался. Тогда ужъ объ одномъ, кратко выраженномъ, мнѣніи сталъ онъ просить Блока.

Блокъ покраснѣлъ — онъ удивительно умѣлъ краснѣть отъ смущенія — серьезно посмотрѣлъ вокругъ и сказалъ:

— Она пишетъ стихи какъ бы передъ мужчиной, а надо писать какъ бы передъ Богомъ.

Всѣ промолчали. Потомъ началъ читать очередной поэтъ.

Помню Блока у насъ, на квартирѣ моей матери, на Малой Московской. Народу много. Мать показываетъ Любовь Дмитриевнѣ старинныя кружева, которыхъ у нея была цѣлая коллекція. Идетъ общій гулъ. За ужиномъ рѣчи. Я показываю Блоку, что все хорошо, что все идетъ такъ, какъ надо. И чувствуя, что отъ логики моихъ словъ съ каждой минутой растеть и шириться какая-то только что еле зримая трещинка въ моей собственной жизни. Помню еще, какъ мы въ компаніи Пяста, Нарбута и Моравской въ ресторанѣ Вѣна выбирали короля поэтовъ. Объ этомъ есть въ воспоминаніяхъ Пяста.

Этотъ періодъ, не давъ ничего существеннаго въ нашихъ отношеніяхъ, житейски сблизилъ насъ, — скорѣе просто познакомилъ. То встрѣча у Аничковыхъ, гдѣ подавали какой-то особенный салатъ изъ грецкихъ орѣховъ и смаровъ и гдѣ тогда же подавали прѣхавшаго изъ Москвы Андрея Бѣлаго, только что женившагося. Его жена показывала, какъ она умѣетъ дѣлать мостъ, а Анна Ахматова въ отвѣтъ на это какъ-то по змѣиному выворачивала руки.

И наконецъ еще одна встрѣча. Тоже на людяхъ. Въ случайную минуту, неожиданно для себя, говорю ему то, чего еще и себѣ не смѣла сказать.

— Александръ Александровичъ, я рѣшила уѣзжать отсюда: къ землѣ хочу. Тутъ умирать надо, а я еще бороться буду.

Онъ серьезно, заговоршички отвѣчаетъ.

— Да, да, пора. Потомъ ужъ не сможете. Надо спѣшить.

Вскорѣ онъ заперся у себя. Это съ нимъ часто бывало. Снѣ-

малъ телефонную трубку, писемъ не читалъ, никого къ себѣ не принималъ. Бродилъ только по окраинамъ. Нѣкоторые говорили — пьетъ. Но мнѣ казалось, что не пьетъ, а просто молчитъ, тоскуетъ и ждетъ неизбежнаго. Было мучительно знать, что вотъ сейчасъ онъ у себя взаперти, и ничѣмъ помочь нельзя.

Я дѣйствительно рѣшила бѣжать окончательно весной вмѣстѣ съ обычнымъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Не очень демонстративно, безъ громкихъ словъ и истерикъ, никого не обижая.

Куда бѣжать? Не въ народъ. Народъ было очень туманно. А къ землѣ.

Сначала просто нормальное лѣто на югѣ. Но осенью вмѣстѣ со всѣми не возвращаюсь въ Петербургъ. Осенью на Черномъ морѣ огромныя, свободныя бури. На лиманахъ можно охотиться на утокъ. Компанія у меня — штукатуръ Леонтій, слесарь Шлигельмилхъ, банщикъ Винтура. Скитаемся въ высокихъ сапогахъ по плавнямъ. Вечеромъ по морскому берегу домой. Въ ушахъ вой вѣтра, свободно, легко. Петербургъ провалился. Долой культуру, долой рыжій туманъ, башню, философію. Есть тамъ только одинъ заложникъ. Человѣкъ, символъ страшнаго міра, точка приложенія всей муки его, единственная правда о немъ, а можетъ быть и единственное, мукой купленное, оправданіе его — Александръ Блокъ.

Осенью 13 года по всякимъ семейнымъ соображеніямъ надо ѣхать на сѣверъ, но въ Петербургъ не хочу. Если ужъ это неизбежно, буду жить зимой въ Москвѣ, а ранней весной назадъ, къ землѣ. Кстати въ Москвѣ я никого почти не знаю, кромѣ кое-какихъ старыхъ знакомыхъ моей матери.

Первое время Москва дѣйствительно не отличается отъ южной жизни. Въ квартирѣ, около Собачьей площадки, я одна. Въ моей жизни затишье, пересадка. Поѣзда надо ждать неопредѣленно долго. Жду.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ пріѣзда случайно встрѣчаю на улицѣ первую петербургскую знакомую, Софію Исааковну Толстую. Она съ мужемъ тоже переѣхала въ Москву, живутъ близко отъ меня на Зубовскомъ бульварѣ. Зоветъ къ себѣ. Въ первый-же вечеръ все петербургское, отвергнутое, сразу нахлынуло. Правда, я какомъ-то иномъ, московскомъ видѣ. И сначала стойко держусь за свой принципиальный провинциализмъ, потомъ медленно начинаю сдавать. Вотъ и первая общая по-

ѣзка къ Вячеславу Иванову. Ёду въ боевомъ настроеніи. Въ концѣ концовъ все скажу, объявлю, что я врагъ, и все тутъ.

У него на Смоленскомъ все тише и мельче, чѣмъ было на башнѣ, онъ самъ измѣнился. Лунное не такъ замѣтно, а нѣмецкій профессоръ сталъ виднѣе. Не такъ сияющъ ореолъ волосъ, а медвѣжьи глазки будто острѣе. Народу какъ всегда много. Толкуютъ о Григоріи Нисскомъ, о Пикассо, еще о чѣмъ-то. Я чувствую потребность борьбы.

Ивановъ любопытенъ почти по женски. Онъ заинтересованъ, отчего я пропала, отчего и сейчасъ я насторожѣ. Ведетъ къ себѣ въ кабинетъ. Бой начинается. Я не скрываю, на оборотъ, сама первая начинаю. О пустословіи, о преданіи самага главнаго, о пустой жизни. О томъ, что я съ землей, съ простыми русскими людьми, съ русскимъ народомъ, что я отвергаю ихъ культуру, что они оторваны, что народу нѣтъ дѣла до ихъ изысканныхъ и неживыхъ душъ, даже о томъ, что они отвѣтятъ за гибель Блока.

Вячеславъ Ивановъ очень внимателенъ. Онъ все понимаетъ, онъ со всѣмъ соглашается. Болѣе того, я чувствую въ его тонъ попытку отпустить, благословить на этотъ путь. Но ни отпуска не прошу, ни благословенія не хочу. Разговоръ обрывается.

Вскорѣ опять, 26 ноября, мы вмѣстѣ съ Толстыми у В. Иванова на Смоленскомъ.

Народу мало противъ обыкновенія. Какой-то мнѣ невѣдомый поэтъ, по имени Валерьянъ Валерьяновичъ (потомъ узнала, — Бородаевскій), съ длинной, узкой, черной бородой, только что пріѣхалъ изъ Германіи и рассказываетъ о тоже мнѣ невѣдомомъ Рудольфѣ Штейнерѣ.

Хозяинъ слушаетъ съ такимъ-же благожелательнымъ любопытствомъ, какъ слушаетъ вообще все. Для него разсказъ въ основныхъ чертахъ не новъ, поэтому онъ спрашиваетъ больше о подробностяхъ, о томъ, какъ тамъ Бѣлый, Волошинъ и т. д. Оттого, что о главномъ мало рѣчи, я не могу окончательно уловить, въ чемъ дѣло.

Но у меня неосознанный, острый протестъ. Я возражаю, спорю, не зная даже, противъ чего именно я спорю. Но странно, сейчасъ я понимаю, что тогда основная интуиція была вѣрна. Я спорила противъ обожествленія и абсолютизаціи человѣческой природной силы. Въ нелѣпомъ, приблизительномъ спорѣ я вдругъ чувствую, что это все не случайно, что борьба у меня идетъ какимъ-то образомъ за Блока, что тутъ для него нѣчто болѣе страшное, чѣмъ всѣ туманы и метели его страш-

лаго пути, потому что врагъ изъ безличнаго становится личнымъ.

Поздно вечеромъ уходимъ съ Толстымъ. Продолжаемъ говорить на улицѣ. Сначала это споръ. Потомъ просто моя декларация о Блокѣ. Мы уже не домой идемъ, а скитаемся по снѣжнымъ сугробамъ на незнакомыхъ пустыхъ улицахъ. Я говорю громко, въ снѣгъ, въ ночь, вещи для меня прозвучившія и рѣшающія.

У Россіи, у нашего народа родился такой ребенокъ. Самый на нее похожій сынъ, такой-же мучительный, какъ она. Ну, мать безумна, — мы всѣ ея безумьемъ больны. Но сына этого она намъ на руки кинула, и мы должны его спасти, мы за него отвѣчаемъ. Какъ его въ обиду не дать, — не знаю, да и знагъ не хочу, потому что не своей же силой можно защитить человека. Важно только, что я вольно и свободно свою душу даю на его защиту.

1-го декабря, черезъ четыре дня послѣ этой ночи, я неожиданно получила письмо въ ярко-синемъ конвертѣ. Какъ всегда въ письмахъ Блока, ни объясненій, почему онъ пишетъ, ни обращеній, — «глубокоуважаемая» или «дорогая». Просто имя и отчество, и потомъ какъ-бы отрывокъ изъ продолжающагося разговора. ...«Думайте сейчасъ обо мнѣ, какъ и я о васъ думаю... Силы уходить на то, чтобы преодолѣть самую трудную часть жизни, — середину ея... Я передъ вами не лгу... Я благо даренъ вамъ»...

Можетъ быть сейчасъ мнѣ трудно объяснить, отчего это короткое и не очень отчетливое письмо потрясло меня. Главнымъ образомъ, пожалуй, потому что оно было отвѣтомъ на мои ночныя восторженные мысли, на мою молитву о немъ.

Я ему не отвѣтила. Да и что писать, когда онъ и такъ долженъ знать и чувствовать мой отвѣтъ? Вся дальнѣйшая зима прошла въ мысляхъ о его пути, въ предвидѣніи чего-то гибельнаго и страшнаго, къ чему онъ шелъ. Да и не только онъ, — все уже смѣшивалось въ общемъ вихрѣ. Казалось, что стоитъ голосу какому-нибудь крикнуть, — и Россіи настанетъ конецъ.

Опять югъ.

Весной 14 года, во время бури, на Азовскомъ морѣ погрузились на дно двѣ песчаныя косы съ рыбацкими поселками. Въ это время у насъ на Черноморскомъ побережьи земля стонала. Мнѣ рассказывали охотники, какъ они отъ этихъ стоновъ бѣжали съ лимановъ и до поздней ночи провожали другъ друга,

боясь остаться наединѣ со страждущей землею. А лѣтомъ было затменіе солнца. Отъ него осталось только пепельно-серебристое кольцо. Запылали небывалыя зори, — не только на востокъ и на западъ, — весь горизонтъ загорѣлся зарею. Выступили на пепельно-зеленомъ небѣ блѣдныя звѣзды. Скотъ во дворѣ затревожился, — коровы мычали, собаки лаяли, стали дѣлать пѣтухъ, куры забрались на насѣсты спать.

Потомъ наступили событія, о которыхъ всѣ знаютъ, — мобилизація, война.

Душа приняла войну. Это былъ не вопросъ о побѣдѣ надъ нѣмцами, нѣмцы были почти не при чемъ. Рѣчь шла о народѣ, который вдругъ сталъ единой живой личностью, съ этой войны въ какомъ-то смыслѣ начиналъ свою исторію. Мы слишкомъ долго готовились къ отплатѣ, слишкомъ истомились ожиданіемъ, чтобы не радоваться наступившимъ срокамъ.

Братъ ночью пришелъ ко мнѣ въ комнату, чтобы сообщить о своемъ рѣшеніи, — идегъ добровольцемъ. Двоюродныя сестры спѣшили въ Петербургъ поступать на курсы сестеръ милосердія. Первое время я не знала, что дѣлать съ собой, сестрой милосердія не хотѣла быть, — казалось, надо что-то другое найти и осуществить. Основное — какъ можно дольше не возвращаться въ городъ, какъ можно дольше пробывать одной, чтобы все обдумать, чтобы по настоящему все понять.

Такъ проходитъ мучительная осень. Трудно сказать, что дала она мнѣ, — но послѣ нея все стало тверже и яснѣе. И особенно твердо сознаніе, что наступили послѣдніе сроки. Война — это преддверіе конца. Прислушаться, присмотрѣться, уже вѣстники гибели и преображенія средь насъ.

Братъ мой воевалъ добровольцемъ гдѣ-то на Бзурѣ. Мать не хотѣла оставаться одна въ Петербургѣ, — мнѣ пришлось ѣхать къ ней.

Поездъ несся по финскимъ болотамъ среди чахлой осины и облетѣвшихъ березъ. Небо темно. Впереди черная завѣса копоти и дыма. Пригородъ. Казацкія казармы. И Николаевскій вокзалъ.

Ѣду и думаю. Къ Блоку пока ни звонить не буду, не напишу, и ужъ конечно не пойду. И вообще сейчасъ надо по своимъ путямъ въ одиночку идти. Программа зимы, — учиться, жить въ норѣ, со старыми знакомыми по возможности не встрѣчаться.

Пріѣхали къ завтраку. Родственные разговоры, разспросы. День тихій и сѣрый. Нѣкоторая неразбериха послѣ дороги. А въ три часа дня я уже звоню у Блоковскихъ дверей... Горничная

спрашивает мое имя, уходитъ, возвращается, говоритъ, что дома нѣтъ, а будетъ въ 6 часовъ.

Я думаю, что онъ дома. Значитъ, надо еще какъ-то подготовиться. Съ Офицерской иду въ Исаакіевскій соборъ, — это близко. Забиваюсь въ самый темный уголокъ. Передо мной проходятъ всѣ мысли послѣдняго времени, проверяю рѣшенія. Россія, ея Блокъ, послѣдніе сроки, — и надо всѣмъ Христосъ, единый, искупающій все.

Въ 6 часовъ опять звоню у его дверей. Да, дома, ждетъ. Комнаты его на верхнемъ этажѣ. Окна выходятъ на западъ. Шторы не задернуты. На умирающемъ багровомъ небѣ видны дуги бѣлесыхъ и зеленоватыхъ фонарей. Тамъ уже портъ, доки, корабли, Балтійское море. Комната тихая, темно-зеленая. Низкій зеленый абажуръ надъ письменнымъ столомъ. Вещей мало. Два большихъ зеленыхъ дивана. Большой письменный столъ. Шкафъ съ книгами.

Онъ не измѣнился. Въ комнатѣ, въ немъ, въ угольномъ небѣ за окнами, — тишина и молчаніе. Онъ говоритъ, что и въ три часа былъ дома, но хотѣлъ, чтобы мы оба какъ-то подготовились къ встрѣчѣ, и поэтому далъ еще три часа сроку. Говоримъ мы медленно и скупое. Минутами о самомъ главномъ, минутами о вѣшнихъ вещахъ.

Онъ рассказываетъ, что теперь въ литературномъ мірѣ въ модѣ общественность, добродѣтель и патріотизмъ. Что Мережковскій или еще кто-то устраиваютъ патріотическія чтенія стиховъ въ закрытыхъ винныхъ магазинахъ Шитта, по угламъ большихъ улицъ, для солдатъ и народа. Что его зовутъ читать, потому что это гражданскій долгъ. Онъ недоумѣваетъ, у него чуть насмѣшливая и печальная улыбка.

— Одни кровь льютъ, другіе стихи читаютъ. Навѣрное не пойду, — все это никому не нужно.

— И Брюсовъ сейчасъ говоритъ о добродѣтели.

— А вотъ Маковскій оказался какимъ честнымъ человекомъ. Они въ Аполлонѣ издають къ новому 15-му году сборникъ патріотическихъ стиховъ. Теперь и Сологубъ воспѣваетъ барабаны. Сѣверянинъ вопить: «Я вашъ душа, вашъ единственный, поведу васъ на Берлинъ». Меня просили послать. Послалъ. Кончатся такъ: «Будьте довольны жизнью своей, тише поды, ниже травы. Ахъ, если-бъ знали, люди, вы холодъ и мракъ грядущихъ дней». И представьте, какая честность, — вернули съ извиненіями, печатать не могутъ.

Потомъ мы опять молчимъ.

— Хорошо, когда окна на западъ. Весь закатъ принимаешь въ нихъ. Смотрите на огни.

Потомъ я рассказываю, что предшествовало его прошлогоднему письму. Онъ удивленъ.

— Ахъ, это Штейнеръ. Съ этимъ давно кончено. На этомъ многое оборвалось. У меня его портретъ остался, Андрей Бѣлый прислалъ.

Онъ подымается, открываетъ шкафъ, изъ папки вынимаетъ большой портретъ. Острые глаза, тонкій извилистый ротъ. Есть что-то общее съ Вячеславомъ Ивановымъ, но все рѣзче, чернѣе, болѣе сухое и волевое, менѣе лиричное. Блокъ улыбается.

— Хотите, разорвемъ?

Хочу. Онъ аккуратно складываетъ портретъ вдвое, проводитъ по сгибу ногтемъ. Рветъ. Опять складываетъ. Рветъ. Портретъ обращенъ въ грудку бумажекъ размѣромъ въ почтовую марку. Всю грудку сыплетъ въ печь.

Моя очередь говорить. Сначала рассказываю о черноморскихъ буряхъ, о дикихъ уткахъ и бакланахъ. Потомъ о томъ, что надо сейчасъ всей Россіи, въ войнѣ, въ трудѣ и въ молчаніи искать своего Христа и въ Немъ себя найти. Потомъ о немъ, о его пути, о боли за него.

Мы сидимъ въ самыхъ дальнихъ углахъ комнаты. Онъ у стола, я на диванѣ у двери. Въ сумракѣ по близорукости я его почти не вижу. Только тихій и усталый голосъ иногда прерываетъ меня, — значить онъ тутъ. Да еще весь въздухъ комнаты полонъ какого-то напряженнаго вниманія, — слушаетъ значить.

Поздно, надо уходить. Часовъ пять утра. Блокъ серьезенъ и простъ.

— Завтра вы опять приходите. И такъ каждый день, пока мы до чего-то не договоримся, пока не рѣшимъ.

На улицѣ дождь. Пустота. Быстро иду по сонному городу. Надо его весь перестѣчь. Господи, какъ огроменъ и страшенъ Твой міръ, и какую муку даешь Ты Твоимъ людямъ. На слѣдующій день опять иду къ Блоку.

У него опять такая же тишина. И такъ начинается изо дня въ день. Сейчасъ мнѣ уже трудно различить, въ какой разъ что было сказано. Да и по существу это былъ единый разговоръ, единая встрѣча, прерванная случайными внѣшними часами пребывания дома для сна, пищи, отдыха.

Иногда разговоръ принималъ простой житейскій характеръ. Онъ мнѣ рассказывалъ о различныхъ людяхъ, объ отношеніи къ нимъ, о чужихъ стихахъ.

— Я вообще не очень люблю чужие стихи.

Однажды говорил о трагичности всяких людских отношений. Они трагичны, потому что менте долговѣчны, чѣмъ человеческая жизнь. И человекъ знаетъ, что, добиваясь ихъ развитія, добивается ихъ смерти. И все же ускоряетъ и ускоряетъ ихъ ходъ. И легко замѣнить должный строй души, подмѣнить его, легко дать дорогу страстямъ. Страсть это казнь, въ ней погибаетъ все подлинное. Страсть и измѣна — близнецы, — ихъ нельзя разорвать. И кончаеъ неожиданно:

— Теперь давайе топить печь.

Топка печи у Блока — священнодѣйствіе. Онъ приноситъ ровный березовый полѣнья. Огонь вспыхиваетъ. Мы садимся противъ печи и смотримъ молча. Сначала длинные, веселые языки пламени маслянисто и ласково лижутъ сухую бѣлесую кору березы и потухающими лентами исчезаютъ вверх. Потомъ дрова пылаютъ. Мы смотримъ и смотримъ, молчимъ и молчимъ. Вотъ съ легкимъ серебрянымъ звономъ распадаются бугровые угольки. Вотъ снова искръ съ дымомъ вмѣстѣ уносятся ввысь. И медленно слагаются и вновь распадаются огненные шпигелы, и опять бѣгутъ алые и черные знаки.

Въ мирѣ тихо. Россія спитъ. За окнами зеленая дуга огней далекаго порта. На улицахъ молчаливая ночь. Изрѣдка внизъ на набережной Пряжки одинокие шаги прохожаго. Угли догораютъ. И начинается нашъ самый отвѣтственный разговоръ.

— Кто вы, Александръ Александровичъ? Если вы позволите, за вами пойдутъ многие. Но было бы страшною ошибкой думать, что вы вождя. Ничего, ничего у васъ нѣтъ такого, что бы ваетъ у вождя. Почему же пойдутъ? Вотъ и я пойду, куда угодно, до самаго конца. Потому что сейчасъ въ васъ какъ-то мы всѣ, и вы символъ всей нашей жизни, даже всей Россіи символъ. Передъ гибелью, передъ смертью, Россія сосредоточила на васъ всѣ свои самые страшные лучи, — и вы за нее, во имя ея, какъ бы образомъ ея сгораете. Что мы можемъ? Что могу я, любя васъ? Потушить, — не можемъ, а если и могли бы, права не имѣемъ: таково наше высокое избраніе, — горѣть. Ничѣмъ, ничѣмъ помочь вамъ нельзя.

Онъ слушаетъ молча. Потомъ говоритъ:

— Я все это принимаю, потому что знаю давно. Только дайте срокъ. Такъ оно все само собою и случится.

А у меня на душѣ все смѣшивается и спутывается. Я знаю, что все на волоскѣ надъ какой-то пропастью. Наконѣшъ все становится яснымъ. Въ передней, передъ моимъ уходомъ говоримъ о послѣднихъ какихъ-то подробностяхъ. Онъ положилъ мнѣ

руки на плечи. Онъ принимаетъ мое соучастіе. Онъ предостерегаетъ насъ обоихъ, чтобы это всегда было именно такъ. Долго еще говоримъ. А за спокойными, увѣренными словами мнѣ чудится вдругъ что-то неожиданное, новое и по новому страшное. Я напрягаю слухъ: откуда опасность? Какъ отражать ее?

На слѣдующій день меня задержали дома. Прихожу позднѣе обыкновеннаго. Александръ Александровичъ, оказывается, ушелъ. Вернется поздно. Мнѣ оставилъ письмо.

«Простите меня. Мнѣ сейчасъ весело и туманно. Ушелъ бродить. На время надо все кончить. А. Б.»

Дверь закрывается. Я спускаюсь этажомъ ниже. Останавливаюсь на площадкѣ. Какъ же я уйду? Какъ я могу уйти? Подымаюсь назадъ. Стою долго у запертой двери. Потомъ рѣшаюсь. Сажусь на верхней ступенькѣ. Я должна дожидаться, чтобы еще что-то разъ навсегда закрѣпить.

Идутъ не минуты, — идутъ часы. Уже далеко за полночь. Скоро навѣрное утро. Наконецъ долгій протяжный звонокъ внизу. Зажигается въ пролетѣ свѣтъ. Слышу, — этажъ за этажомъ кто-то подымается, тяжело дышетъ отъ быстрой ходьбы. Это Блокъ. Встаю навстрѣчу.

— Я рѣшила дожидаться васъ, Александръ Александровичъ.

Онъ не удивленъ. Только говорить, что не хорошо вышло, потому что у сосѣдей въ квартирѣ скарлатина. Какъ-бы я домой не занесла.

Отворяетъ двери. Входимъ. Я начинаю сразу торопиться. Онъ слегка задерживаетъ.

— Да, да, у меня просто никакого отвѣта нѣтъ сейчасъ. На душѣ пусто, туманно и весело, весело. Не знаю, можетъ быть оно и не на долго. Но сейчасъ меня уносить куда-то. Я ни въ чемъ не воленъ.

Я опять начинаю торопиться.

Александръ Александровичъ неожиданно и застѣнчиво беретъ меня за руку.

— Знаете, у меня есть просьба къ вамъ. Я хотѣлъ бы знать, что часто, часто, почти каждый день вы проходите внизу подъ моими окнами. Только знать, что кто-то меня караулитъ, ограждаетъ. Пройдете, взгляните наверхъ. Это все.

Я соглашаюсь. Быстро прощаюсь. По существу прощаюсь навсегда. Знаю, что въ нашихъ отношеніяхъ не играютъ роли пространство и время, но чувствую ихъ очень мучительно.

Ухожу. Будто еще новая тяжесть на плечи упала.

А въ это время мрачнѣй и мрачнѣй становилась петербургская ночь. Всѣ уже, — не только Блокъ, чуяли приближеніе

конца. Одни думали, что конецъ будетъ, потому что на фронтѣ не хватаетъ снарядовъ, другіе — потому что Россіей распоряжается Распутинъ, третьи, какъ Блокъ, — можетъ быть и не имѣли никакого настоящаго «потому что», а просто въ ознаменованіе конца сами погибали медленно и неотвратно.

И наконецъ, лѣтомъ 1916 года послѣднее письмо отъ Блока.

«Я теперь табельщикъ 13-ой дружины Земско-Городского союза. На войнѣ оказалось только скучно. О Георгіѣ и Надеждѣ, — скоро кончится ихъ исканіе. Какой адъ напряженія. А ваша любовь, которая уже не ищетъ мнѣ новыхъ царствъ. Александръ Блокъ».

Съ этимъ письмомъ въ рукахъ я бродила по берегу моря, какъ потерянная. Будто это было свидѣтельство не только о смертельной болѣзни, но о смерти. И я ничего не могу подѣлать.

А потомъ мысль: такова судьба, таковъ путь. Россія умираетъ, — какъ же смѣемъ мы не гибнуть, не корчиться въ судорогахъ виѣстѣ съ ней? Скоро, скоро пробьетъ вѣщій часъ, и Россія, какъ огромный, оснащенный корабль, отчалитъ отъ земли, въ ледовитую мертвую вѣчность.

Мон. Марія.

Вячеславъ Ивановъ

Въ февралѣ текущаго года Вячеславу Иванову исполнилось 70 лѣтъ. У насъ, его друзей, свидѣтелей быстраго расцвѣта его своеобразнаго дарованія, приговоренныхъ нынѣ судьбою къ безсильному созерцанію трагическаго усложненія жизни на путяхъ страстнаго отрицанія ненужныхъ сложностей (на путяхъ замѣны сложныхъ чувствъ 19-го вѣка голыми инстинктами 20-го и сложныхъ мыслей упрощенными идеологіями), есть всѣ основанія вспомнить о немъ, какъ о самой многогранной, но одновременно и цѣльной фигурѣ русской символической школы.

Для раскрытія верховной идеи Россіи, заключающейся по Достоевскому въ примиреніи всѣхъ идей, Вячеславу Иванову были отпущены совершенно исключительные таланты и силы. Природа щедро наградила его дарами поэта, философа и ученаго. Долгіе годы заграничныхъ скитаній укрѣпили его лингвистическія способности и открыли ему доступъ ко всѣмъ сокровищницамъ древнихъ культуръ и ко всѣмъ глубинамъ современной образованности. Результатъ: — единственное въ своемъ родѣ сочетаніе и примиреніе славянофильства и западничества, язычества и христіанства, философіи и поэзіи, филологіи и музыки, архаики и публицистики.

Какъ почти всѣ ведущіе люди символической школы, такъ и Вячеславъ Ивановъ былъ награжденъ весьма своеобразной и необычайной внѣшностью. Въ лисьей шубѣ съ выбивающимися изъ-подъ мѣховой шапки космами длинныхъ волосъ и небольшою рыжеватою бородкой онъ зимой въ извозицкихъ санкахъ мало чѣмъ отличался отъ сельскаго батюшки. Склоненный блѣднымъ, вполнѣ бритымъ лицомъ, напоминающимъ лицо его учителя Моммсена, надъ лекторскою кафедрою, онъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ являлъ собою законченный образъ нѣмцаго ученаго середины прошлаго вѣка. Фракъ явно превращалъ его въ музыканта. Каждый, мелькомъ взглянувъ на него, увидѣлъ-бы въ этомъ скрипачѣ или піанистѣ проникновеннѣйшаго исполнителя Бетховена и Шумана. Возраста Вячеслава Ивановъ былъ всегда неопредѣленнаго. Съ одной стороны въ

немъ уже въ годы нашихъ частыхъ встрѣчъ было нѣчто старившее его (*maître, maestro*), съ другой-же — нѣчто изумительно юношеское. Эта личная безвозрастность подчеркивалась и углублялась въ немъ вѣременностью его эпохальнаго образа: было въ немъ нѣчто предельно-старинное, нѣчто отъ портретовъ предковъ, но одновременно и нѣчто явно надломленно-декадентское въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово понималось эпохою рубежа.

Историки греческой культуры согласно утверждаютъ, что вся она выросла изъ того творческаго досуга, которымъ въ богатѣющей Греціи располагали высшіе слои общества. Шлегель, большой знатокъ античнаго искусства, любилъ полушутливо, но и полусерьезно повторять, что античная праздность — высшая форма божественной жизни. Русская жизнь «рубежа двухъ столѣтій» и «начала вѣка» была въ этомъ смыслѣ подлинно античной. У всѣхъ людей, принадлежавшихъ къ высшему культурному слою, у писателей, поэтовъ, публицистовъ, профессоровъ, присяжныхъ повѣренныхъ и артистовъ было очень много свободнаго времени. Ходить другъ къ другу въ гости, вести безконечныя застольныя бесѣды, застѣвать и публично дискутировать въ философскихъ обществахъ считалось такимъ же серьезнымъ дѣломъ, какъ читать университетскія лекціи, выступать на судебныхъ процессахъ и писать книги.

Несмотря на большое количество таившихся въ ней опасностей, о которыхъ недавно остро писалъ Ходасевичъ, русская довоенная жизнь была въ иныхъ отношеніяхъ жизнью исключительно здоровой. Значеніе выдающихся людей эпохи не опредѣлялось ни славою во французскомъ смыслѣ слова, ни успѣхомъ — въ нѣмецкомъ. Творческій духъ жилъ еще у себя дома; онъ не пахъ ни кровію, ни потомъ соревнованія и не требовалъ освѣщенія рекламнымъ бенгальскимъ огнемъ. Несмотря на демократическія и социалистическія устремленія въ политикѣ, культура жила своею интимною, аристократическою жизнью, лишь въ очень незначительной степени капиталомъ и рынкомъ. По исьмъ редакціямъ, аудиторіямъ и гостинымъ ходили одни и тѣ-же люди, подлинныя перипатетики, члены единой, безуставной вольно-философской академіи. Въ этомъ мірѣ, безпечно-праздномъ, но и духовно напряженномъ Вячеславъ Ивановъ игралъ видную роль. Въ его петербургской, а позднѣе московской квартирѣ всегда собиралось великое количество самаго разнообразнаго народа и безконечно длилась сквозь дни и ночи, постоянно мѣнявшая свой предметъ, но никогда не покидавшая своей верховной те-

мы бѣда. Болѣ симпозиональнаго чловѣка, чѣмъ Вячеславъ Иванова довоенной эпохи, мнѣ никогда уже больше не приходилось встрѣчать. Вспоминая недѣлю, которую мнѣ, вѣроятно въ 1910 г., довелось прожить въ гостяхъ у Вячеслава Иванова, я прежде всего вспоминаю вдохновеннаго собесѣдника. Въ отличіе отъ Андрея Бѣлаго, подобно огнедышащему вулкану извергавшаго передъ тобою свои мысли и въ отличіе отъ тысячи блестящихъ русскихъ спорщиковъ-говоруновъ, Вячеславъ Ивановъ любилъ и умѣлъ слушать чужія мысли. Въ его любви къ бѣдѣ — «Переписка изъ двухъ угловъ» является тому неоспоримымъ доказательствомъ — было не столько пристрастія къ борьбѣ мнѣній, сколько любви къ пиршественной игрѣ духа. Даже и нападая на противника, Вячеславъ Ивановъ никогда не переставалъ привлекать его къ себѣ своею очаровательной любезностью. За духовною трапезой онъ порою, словно острыми приправами, угощалъ своего собесѣдника полемическими выпадами, но никогда не нарушалъ при этомъ чина насладительной бѣды.

Всѣ публичныя и полупубличныя выступленія Вяч. Иванова, его лекціи, дискусіонныя рѣчи, разборы только что прочитанныхъ стихотвореній и просто споры въ кругу близкихъ людей неизмѣнно отличались своеобразнымъ сочетаніемъ глубокомыслия и блеска, эрудиціи и импровизаціи, тяжеловѣстности и открытости. Таковы-же и его книги («По звѣздамъ», «Борозды и межи», «Родное и вселенское»). При всей ихъ учености, онѣ не научныя трактаты, солидно построенныя по вѣсѣмъ правиламъ логики и методологіи, а искусно и легко сплетенныя вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ дружественныхъ бѣдъ не только съ современниками, но и съ «вѣчными спутниками». Ихъ обильныя ссылки и цитаты не научный балластъ, не подстрочно-профессорская бахрома, а образы живой и признательной любви къ тѣмъ гениямъ чловѣчества, безъ дружескаго общенія съ которыми Вячеславъ Ивановъ не могъ бы прожить ни одного дня. Постоянно вспоминая на путяхъ своихъ раздумій то Платона и Эсхила, то Данте и Шекспира, то Гёте и Ничше, Вячеславъ Ивановъ воплотилъ естественно, какъ бы по закону учтивой любезности, привѣтствуетъ ихъ особыми архаизирующими интонаціями своей рѣчи, то эллинизирующими, то германизирующими жемами языка, тяготящаго въ своей русской сущности къ древне-славянской витѣватой тяжеловѣстности.

Въ связи со вѣсѣмъ сказаннымъ ясно, что теоретическія работы Вячеслава Иванова (говорю исключительно о трехъ вышеназванныхъ сборникахъ, оставляя въ сторонѣ его большой

ученый трудъ о Діонисѣ и діонисійствѣ) носятъ характеръ не аналитическій, а синтетическій. Во всѣхъ нихъ сверху падающій лучъ религіозно-философской мысли легко и естественно пронизываетъ всё отъ искусства къ политикѣ ниспадающіе планы современной культуры. О чемъ бы Вячеславъ Ивановъ не думалъ, онъ, какъ всё представители религіозно-философской мысли русскаго символизма, всегда думаетъ объ одномъ и томъ-же и одновременно обо всемъ сразу. Вмѣстѣ съ печальными Владимиромъ Соловьевымъ, всю жизнь таинственно промолчавшимъ о самомъ главномъ за тюремною рѣшеткою своихъ рационалистическихъ построеній, Вячеславъ Ивановъ является однимъ изъ наиболѣе значительныхъ провозвѣстниковъ той новой «органической эпохи», которую мы нынѣ переживаемъ въ уродливыхъ формахъ всевозможныхъ революціонно-тоталитарныхъ міросозерцаній.

**

Всѣ философскія и эстетическія размышленія Вяч. Иванова опредѣлены съ одной стороны христіанствомъ, съ другой — великою эллинскою мудростью. Эта единственная въ русской культурѣ, если не считать Зѣлинскаго, живая и творческая близость Вяч. Иванова къ истокамъ античной культуры, во многомъ роднящая его съ Гёте, Гёльдерлиномъ и Ницше, придаетъ его культурно-философскимъ и художественнымъ изслѣдованіямъ и исканіямъ совершенно особый тембръ. Христіанская тема звучитъ въ нихъ всегда какъ-бы прикровенно; въ тональности, мало чѣмъ напоминающей славянофильскую мысль. Даже и явно славянофильскія построенія пріобрѣтаютъ вблизи античныхъ алтарей и въ окруженіи западно-европейскихъ мудрецовъ какое-то иное выраженіе, какой-то особый загаръ южнаго солнца, не свѣтящаго надъ русскою землею.

Большинство статей Вяч. Иванова посвящено разработкѣ художественныхъ, культурно-философскихъ, а въ эпоху войны даже и политическихъ вопросовъ. Постоянно думая надъ всѣми этими темами какъ человекъ христіанскаго сознанія, Вячеславъ Ивановъ никогда не писалъ статей опредѣленно христіанскаго богословскаго содержанія. Исходная точка всѣхъ размышленій поэта — анализъ своего собственнаго творчества. Съ самаго начала своего поздняго выступленія въ печати Вячеславъ Ивановъ оказался въ лагерѣ символистовъ, поднявшихъ знамя борьбы противъ иллюстративнаго натурализма, интеллигентской беллетристики съ ея «матеріалистической социологіей» и «нигилистической психологіей». Какъ ни велики заслуги Ива-

нова въ этой борьбѣ, не ею опредѣлится его мѣсто въ исторіи русскаго художественнаго сознанія. Гораздо важнѣе та концепція религіозно-реалистическаго символизма, которую Вяч. Ивановъ противопоставилъ концепціи символизма идеалистическаго, являющагося, по его мнѣнію, лишь утонченнѣйшею формою художественнаго натурализма. Чтобы понять лежащую въ основѣ Ивановской эстетики разницу между религіознымъ и идеалистическимъ символизмомъ, необходимо уяснить себѣ сущность Ивановскаго пониманія символа.

Символь есть нѣкій знакъ. Сущность знаменуемой этимъ знакомъ реальности не есть однако извѣстно статичная идея. Всякое односмысленное приравненіе знака къ идеѣ грозило-бы превращеніемъ таинственно живого символизма въ элементарную іероглифику аллегорическаго искусства, въ секретно-шифрованную тайнопись. Всякій символъ есть всегда и неизбѣжно знакъ противоборства въ знаменуемомъ имъ предметѣ. Въ этомъ его творческій динамизмъ. Такъ, образъ змѣи, напримѣръ, находится въ очень сложныхъ указующе-знаменующихъ отношеніяхъ и къ землѣ, и къ воплощенію, и къ полу, и къ смерти, и къ познанію, и къ искушенію, и къ посвященію. Но всѣ эти знаменуемыя въ образѣ змѣи и указуемыя символомъ змѣи реальности не являются, по ученію Вячеслава Иванова, разрозненными, разобщенными моментами бытія, но какъ-бы элементами единаго космологическаго мифа религіознаго, въ смыслѣ объединенія въ себѣ всѣхъ бытіеисменно-смысловыхъ началъ нашей жизни.

Изъ этой концепціи символа вырастаетъ у Вячеслава Иванова образъ поэта символиста, того уже духовному взору Соловьева предносившагося художника теурга, который не только лирою прославляетъ міръ и его красоты, но своимъ религіознымъ постиженіемъ творчески оформляетъ народную душу и руководитъ народною судьбою.

Эта концепція во многомъ, быть можетъ, нѣсколько утопическая, представляетъ собою во всѣхъ своихъ деталяхъ цѣлый кладъ премудрости, а потому и понынѣ еще величайшую цѣнность для нашихъ непрекращающихся въ эмиграціи споровъ объ отношеніи искусства къ религіи и политикѣ и о задачахъ эмигрантскаго творчества. На первый взглядъ она можетъ показаться родственной идеѣ того педагогически-милитантнаго искусства Ницше, на которое нынче часто ссылаются въ Германіи и которое въ извѣстномъ смыслѣ лежитъ въ основѣ всякой теоріи соціальнаго заказа. Такое сближеніе конечно въ корнѣ невяѣрно. Теургъ Вячеслава Иванова не имѣетъ ничего общаго

съ художникомъ-тираномъ Фридриха Ничше, мыслителя, въ иныхъ отношеніяхъ очень близкаго вождю русскаго религіознаго символизма. Думаю, что не будетъ ошибкою сказать, что разница между религіозно-знаменующимъ и идеалистически-преобразующимъ символизмомъ почти цѣликомъ совпадаетъ съ разницею между Ивановскимъ художникомъ теургомъ и Ничшевскимъ художникомъ-тираномъ. Теургъ по мнѣнію творца религіознаго символизма не воспитатель и не преобразователь, приходящій въ міръ, чтобы переоцѣнить всѣ цѣнности, разбить скрижали съ устарѣвшими канонами искусства и навязать міру и творчеству свою личную «волю къ власти». Съ точки зрѣнія Вяч. Иванова Ничше провозглашаетъ не религіозный символизмъ, смиренно стремящійся къ тому, чтобы помочь предвѣчной и единосущной истинѣ красотъ озарить собою міръ, а символизмъ волевой, заносчивый, идеалистическій, стремящійся навязать Божьему міру свою преобразующую человечество норму. Въ то время какъ религіозный символизмъ, преобразая міръ выкликаніемъ и высвѣтленіемъ заложенной въ немъ идеи, какъ бы возвращаетъ его Богу, идеалистическій отрываетъ міръ отъ Бога; утверждаетъ свою собственную власть надъ нимъ, создаетъ свои собственные идеалы и даже своихъ собственныхъ боговъ. Религіозный символизмъ — это обрѣтеніе истины и преображеніе ея свѣтомъ міра и жизни, идеалистическій — изобрѣтеніе истины и преобразование міра согласно ея облику. Религіозный символизмъ — это утвержденіе и раскрытіе предвѣчнаго бытія, идеалистическій — защита неосуществимаго идеала. Религіозный символизмъ — устремленность къ объективной истинѣ, идеалистическій — къ субъективной свободѣ. Религіозный — трезвость и самопреодоленіе, идеалистическій — утопія и самоутвержденіе.

Эта разница религіознаго и идеалистическаго символизма не остается конечно въ писаніяхъ поэта-мыслителя мертвою схемой. Тонко, легко, но одновременно точно и увѣренно связываетъ онъ свою теорію двухъ символизмовъ съ анализомъ историческихъ эпохъ, эстетическихъ стилей и отдѣльных художественныхъ произведеній. Кратко, но весьма пластично открываетъ Вячеславъ Ивановъ, какъ еще въ четвертомъ вѣкѣ античный міръ замѣняетъ принципъ религіозно-каноническаго, т. е. символическаго искусства идеалистическимъ принципомъ свободнаго творчества, какъ этотъ новый принципъ, послѣ отгнѣсенія на задній планъ іерархически-религіознаго искусства средневѣковья, завоевываетъ (благодаря идеалистическому истолкованію античности эпохою возрожденія) все новыя и бо-

лѣе сильныя позиціи, какъ онъ предастъ Афродиту небесную Афродитѣ земной и создаетъ тѣмъ самымъ главенствующій въ 19 вѣкѣ канонъ «воплощенной красоты классицизма и парна-сизма». Блестяще пользуясь задолго до Шпенглера методомъ «физиономики», Вячеславъ Ивановъ раскрываетъ свою основную мысль о противоположности двухъ символизмовъ какъ въ сферѣ музыки такъ и театра, занимавшихъ въ его художественныхъ медитаціяхъ всегда очень видное мѣсто, и заканчиваетъ свои размышленія подробнымъ анализомъ Бодлэровскаго творчества, на примѣрѣ котораго выясняетъ исключительную значительность проблемы религіознаго символизма для современной культуры и современнаго искусства.

Особое очарованіе культурно-философскихъ построений и культурно-морфологическихъ описаній Вячеслава Иванова заключается не только въ ихъ глубокой учености, но и въ необычайной живости, естественности и интимности Ивановскаго общения съ творцами и твореніями отошедшихъ столѣтій. При малѣйшемъ, самому поэту врядъ ли замѣтномъ усиленіи памяти великое прошлое европейской культуры открываетъ передъ нимъ какъ передъ своимъ любимѣйшимъ сыномъ свои сокровищницы и радостно предлагаетъ ему все, что только можетъ понадобиться для подтвержденія или украшенія его собственныхъ гаданій о смыслѣ грядущихъ судебъ человѣчества. Поскольку музеи могутъ быть храмами, постольку статьи Вячеслава Иванова суть подлинно проповѣди и пророчества. Говоря о прошломъ, Вячеславъ Ивановъ никогда не допируетъ какъ ученый гитдъ, а всегда исповѣднически проповѣдуетъ открытія ему въ прошломъ истины. Не надо впадать въ ошибку, въ которую уже ни разъ впадали критики внутренне чуждые духу Ивановской мысли и стилю Ивановской прозы. Несмотря на пышность и нарядность его стилистически барочной мысли и рѣчи, онъ не заслуживаетъ упрека въ риторичности и неподлинности. Нельзя конечно не чувствовать въ некоторой искусственности и эффектно-сти господствующаго въ статьяхъ Вячеслава Иванова освѣщенія; и все же это освѣщеніе внутреннее, а не внѣшнее, свѣтопись духовнаго озаренія, а не извнѣ установленные прожекторы. Живая тревога о завтрашнемъ днѣ, звучащая во всѣхъ писаніяхъ Иванова, является, какъ мнѣ кажется, свидѣтельствомъ правильности моей мысли. Уже въ 1905 году Вячеславъ Ивановъ произнесъ послѣднее слово своего анализа европейской культуры: «кризисъ индивидуализма» и первое своего пророчествованія: «органическая эпоха». Территоріей возстановленія въ будущемъ органической эпохи Вячеславу Иванову представля-

лась Россія. Философія искусства переходила тѣмъ самымъ въ философію исторіи.

Было-бы весьма странно, если бы Вячеславъ Ивановъ при его историческихъ знаніяхъ и его склонности къ анализу историческихъ корней современности не ошутилъ бы и нигдѣ не отиѣтилъ-бы явной близости своихъ исторіософскихъ построений къ нѣмецкой романтикѣ и къ ея русскому вариату, раннему славянофильству. Большой знатокъ романтической эпохи и мыслитель, испытавшій на себѣ еще въ юности плодотворное вліяніе Владиміра Соловьева, упорно боровшагося съ реакціоннымъ утопизмомъ раннихъ славянофиловъ, Вячеславъ Ивановъ не могъ не чувствовать основного грѣха всякаго романтизма, его какъ-бы вспять обращеннаго пророчества. Въ этомъ пунктѣ онъ и попытался отмежеваться отъ него. Романтизмъ принадлежитъ, по мнѣнію Иванова, къ силамъ, стремящимся повернуть колесо исторіи обратно, религіозный символизмъ къ силамъ не реакціоннаго, а мессіанскаго пафоса. Романтизмъ — это тоска по неосуществимому, религіозный символизмъ — по неосуществленному. Романтизмъ это *odium fati*; религіозный символизмъ — *amor fati*. Романтизмъ всегда находится въ сорѣ съ историческою дѣйствительностью; религіозный символизмъ — въ трагическомъ союзѣ съ нею. Чудо для романтическаго міросозерцанія — нѣкое «*rium desiderium*»; для религіознаго символизма чудо есть постулатъ. Для романтики золотой вѣкъ лежитъ въ прошломъ; для пророческаго пафоса религіознаго символизма — въ будущемъ, причемъ подъ пророчествомъ надо конечно понимать не астрономически точное предсказаніе, а нѣкій творческій починъ въ направленіи неизбежно грядущихъ событій.

Хотя въ задачу этой статьи и не входитъ споръ съ создателемъ и вождемъ религіознаго символизма, я не могу не отиѣтить, что несмотря на правильно и блестяще сформулированную противоположность пророческаго служенія будущему и романтическаго погруженія въ прошлое въ построеніи Вячеслава Иванова все же остается весьма много романтически-утопическихъ чертъ, съ особою силою проявившихся въ послѣднемъ сборникѣ статей поэта («Родное и вселенское»). Обращенность романтизма къ прошлому является въ послѣднемъ счетѣ результатомъ неправильнаго анализа настоящаго. Главный грѣхъ романтизма въ отсутствіи трезваго взгляда на текущій историческій день, въ невозможности отдѣлить въ немъ неизбежно грядущее отъ мечтамъ предносящагося. Съ этой точки зрѣнія Вячеславъ Ивановъ эпохи символизма представляется мнѣ — быть

можетъ уже и себѣ самому? — типичнымъ романтикомъ. Но вернемся къ главному тезису Вячеслава Иванова, къ его убѣжденію, что наступаетъ новая органическая эпоха. Защищать въ расцвѣтѣ индивидуалистической культуры начала 20 в. мысль о концѣ индивидуализма было дѣломъ парадоксальнымъ и не легкимъ. Все сказанное Вячеславомъ Ивановымъ по этому вопросу отличается большою тонкостью и изощренностью мысли, пытающейся вскрыть сверхъ-индивидуалистическій смыслъ всѣхъ наиболѣе яркихъ явленій индивидуалистической культуры. Такъ даже ученіе Ничше, этого крайняго ненавистника толпы, массъ, демократій и церкви, т. е. всѣхъ формъ коллективизма и соборности, превращается подъ перомъ Вячеслава Иванова въ свидѣтельство о концѣ индивидуалистической эпохи. Въ доказательство правильности такой своей интерпретаціи послѣдняго властителя душъ Европы Вячеславъ Ивановъ выдвигаетъ религіозно-пророческій пафосъ идеи сверхъ-человѣка, преодолевающей характерную, по мнѣнію Иванова, связанность всякаго типичнаго индивидуализма съ отрицаніемъ потусторонней вѣчности и заботы о завтрашнемъ днѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что такая интерпретація философіи Ничше, идущая безусловно въ разрѣзъ съ прямымъ смысломъ его безкрыло-позитивистическихъ соціологическихъ концепцій, въ послѣднемъ счетѣ все-же права, ибо Ничше безусловно принадлежитъ къ философамъ, жизнь и страданіе которыхъ по крайней мѣрѣ въ той-же степени существенны для ихъ философіи, какъ и ихъ отвлеченныя построенія. Послѣдняя работа о Ничше, принадлежавшая перу профессора Ясперса, виднѣйшаго представителя такъ называемоѣй экзистенціальной философіи, вполне подтверждаетъ русское пониманіе Ничше, какъ трагическаго пѣвца трансцендентности. О томъ-же, что индивидуализмъ Ничше оказался предтечей и духовнымъ прародителемъ величайшихъ массовыхъ движеній двадцатаго вѣка, говорить не приходится: и фашизмъ и національ-соціализмъ постоянно сами подчеркиваютъ свою связь съ авторомъ «Заратустры».

Еще интереснѣе и парадоксальнѣе Ивановская интерпретація того типичнаго для начала вѣка явленія, которое можно назвать культомъ переживаній. Казалось-бы, что этотъ культъ, говоря языкомъ эпохи, быстролетныхъ и судьбоносныхъ миговъ не можетъ быть понятъ иначе, какъ послѣднее слово занятой собою, т. е. индивидуалистически настроенной личностью. Но и этому переживанію Вячеславъ Ивановъ придаетъ иной, по отношенію къ грядущей органической эпохѣ снова пророческій смыслъ. По его мнѣнію сила стараго индивидуализма за-

ключается въ законченности, замкнутости и слѣпости личности. Человѣкъ-же 20-го столѣтія взволнованно открытъ навстрѣчу будущему. Подлинный индивидуализмъ — разборчивъ, одностороненъ и аристократиченъ. Человѣкъ же 20-го столѣтія мучимъ желаніемъ заразъ исполниться всѣмъ. Да, онъ ловитъ миги жизни. Но мигъ современнаго человѣка — «братъ вѣчности». Какъ и вѣчность онъ смотритъ на міръ взоромъ испытующей глубины; какъ и вѣчность онъ метафизиченъ. Боясь и трепеща воплощенія, этого подлиннаго самоутвержденія индивидуализма, 19-ый вѣкъ является такимъ образомъ мостомъ къ универсалистической эпохѣ, которая будетъ жить не во имя самодовлѣющей личности, а во славу соборности, вѣчности и «хорового начала».

Поэты, такова вѣра Вячеслава Иванова, являются предвѣстниками грядущей органической эпохи. Бѣглый взглядъ на исторію западно-европейской литературы подтверждаетъ эту вѣру. Индивидуализмъ Фауста и аристократизмъ Вильгельма Мейстера завершаются призывомъ къ общему дѣлу. То героическое уединеніе и даже одиночество человѣка, пѣвцами котораго были Сервантесъ и Шекспиръ, разрѣшаются у Шиллера въ дифирамбически-хоровую стихію духовной свободы. Въ девятой симфоніи Бетховена агонія замкнутой въ себѣ и одиноко страдающей личности перерождается въ симфоническій восторгъ соборности и вселенскости. Столѣтіе эпоса отзвучало. Кто не въ силахъ подчинить себя хоровому началу, пусть закроетъ лицо руками и молча отойдетъ въ сторону. Его удѣлъ смерть, ибо въ индивидуалистической отрѣшенности жить дальше невозможно. Эти мысли Вячеслава Иванова осуществились — правда въ весьма злой, дьявольской перелицовкѣ — гораздо быстрее, чѣмъ кто-либо изъ насъ могъ думать.

Все до сихъ поръ сказанное ни въ какой мѣрѣ и степени не исчерпываетъ конечно богатаго мыслями ученія Вячеслава Иванова о религіозномъ символизмѣ. Отъ его лишь слабо освѣщеннаго мною средоточія во всѣ стороны тянутся нити къ болѣе периферичнымъ, но не менѣе интереснымъ вопросамъ. Въ рядѣ статей Вячеславомъ Ивановымъ разиваются очень интересные, однимъ своимъ концомъ упирающіяся въ религіозную философію, другимъ — въ социологію, эстетическія теоріи. Къ такимъ теоріямъ принадлежитъ, напримѣръ, теорія взаимоотношенія «лица, манеры и стиля» въ творчествѣ поэта или теорія новаго театра безъ rampe, какъ театра дѣйственной встрѣчи Бога со своимъ народомъ. Внимательный читатель не пройдетъ также мимо размышленій поэта о подготавливаемомъ перерожденіи

интимнаго искусства буржуазно-индивидуалистической эпохи въ келейно-монашеское творчество.

На томъ основаніи, что Вячеславъ Ивановъ въ своихъ писаніяхъ всегда отводилъ большое мѣсто народу, народности и соборно-хоровому началу, его не разъ пытались причислить къ неонародникамъ или неославянофиламъ. Вячеславъ Ивановъ противъ этого неоднократно протестовалъ. И дѣйствительно, надо признать, что какъ поэзія, такъ и философія Вячеслава Иванова представляютъ собою совсѣмъ другую духовно-душевную ткань, чѣмъ писанія Кирѣевскихъ, Хомякова, не говоря уже о болѣе опредѣленныхъ народникахъ политическаго толка. Въ творествѣ Вячеслава Иванова совсѣмъ нѣтъ той тяжелой плотной и бытовой стихіи, которая характерна для барски-помѣщичьей мысли славянофиловъ и еще меньше той политической взволнованности, безъ которой немыслимо народничество. Если онъ по исторіософскому содержанію своихъ взглядовъ и близокъ славянофиламъ, то по глубинѣ своихъ связей съ европейской культурой, по своему чувству формы и мѣры онъ не только русскій западникъ, но и человѣкъ запада. Когда Вячеславъ Ивановъ произноситъ слово «соборность», то никому никогда не представится соборъ на какой-нибудь «дворянской площади» уѣзднаго города. Когда онъ произноситъ «хоровое начало», никому не вспомнится хороводъ надъ рѣкою, скорѣе уже хоръ античной трагедіи. Конечно онъ мыслить народную стихію какъ основу мифотворческаго искусства, но народъ его искусства не есть этнографически-историческая реальность. Народная душа, защищаемая Вячеславомъ Ивановымъ, есть отягченный передъ Богомъ за судьбы своего народа ангелъ, подобный ангеламъ церкви въ откровеніи Іоанна. Народное искусство Вячеслава Иванова — это искусство Данте, Достоевскаго, Гёте или Клейста, это высокое искусство истолкованія и даже созданія народной души, не имѣющее ничего общаго съ психологически-соціологическими изображеніями народной жизни или съ требованіемъ, чтобы искусство было доступно народному пониманію.

Такимъ пониманіемъ народа и народной души объясняется и характеръ Ивановскаго патріотизма. Согласно ученію Владимира Соловьева праведенъ лишь тотъ патріотизмъ, что озабоченъ не внѣшнюю мощью своего народа, а его внутренней, нравственно-религіозной силой. Народъ долженъ расти и крѣпнуть не въ борьбѣ за свое «мѣсто подъ солнцемъ», а въ борьбѣ за осуществленіе своего нравственнаго долга и тѣмъ самымъ своего духовнаго облика. Національность, т. е. народная инди-

видуальность опредѣляется въ полномъ согласіи съ этимъ ученіемъ Соловьева и Вячеславомъ Ивановымъ какъ самимъ Богомъ возложенная на каждый народъ особая задача служенія единой и всенародной истинѣ. Национализмъ, или національный эгоизмъ есть отказъ отъ этого соборнаго служенія, расхищеніе духовной силы народа и предательство національнаго лица. Национализмъ есть такимъ образомъ тяжелое заболѣваніе націи, часто ведущее къ духовной и творческой смерти народа. Осуществленіе религіозно-нравственной національной задачи посильно — это очень интересный оборотъ теоріи Вячеслава Иванова — конечно лишь внутренне объединеннымъ народамъ. Развитие этой мысли приводитъ Вячеслава Иванова къ весьма своеобразному, хотя все же и спорному пониманію внутренней сущности русскаго культурнаго и политическаго нигилизма, представляющаго собою, по его мнѣнію, не простую политическую теорію, а нѣчто гораздо болѣе сложное. Поэту символисту въ немъ прежде всего слышится желаніе привилегированныхъ слоевъ общества отринуть все, что не есть удѣлъ всѣхъ, чтобы въ жертвенной, богоугодной наготѣ слиться съ народомъ. Статья о Толстомъ съ особою тщательностью разрабатываетъ эту русскую тему обезцѣниванія, а не переоцѣниванія всѣхъ цѣнностей.

И ученымъ, и философомъ, и публицистомъ Вячеславъ Ивановъ конечно никогда не былъ: большіе, творческіе люди не состоятъ изъ суммы дарованій. Какъ всѣ поэты, такъ и Вячеславъ Ивановъ родился поэтомъ со своимъ весьма правда необычайнымъ духовнымъ складомъ и совершенно особеннымъ голосомъ. Человѣкъ, пришедшій въ русскую культуру начала 20-го вѣка откуда-то издали, принесшій въ нее неисчислимое обиліе путевыхъ воспоминаній, человѣкъ изощреннѣйшаго сознанія, съ душою многоголосой какъ органъ, Вячеславъ Ивановъ не могъ конечно стать безхитростныхъ поэтомъ-пѣвцомъ, тѣмъ очеловѣченнымъ соловьемъ, въ которомъ люди опредѣленнаго склада все еще продолжаютъ видѣть прорабы всякаго подлиннаго поэта. Касаюсь этого вопроса лишь потому, что мнѣ не разъ приходилось слышать, что изумительный мастеръ стиха, Ивановъ, въ сущности, все же не поэтъ, что его глубокомысленные непонимаемо-темные стихи представляютъ собою скорѣе нѣкую словесную іероглифику, чѣмъ подлинную поэзію. Споры на эту тему врядъ-ли возможны и потому мало

идеологически. Конечно Вячеславъ Ивановъ не повторилъ бы Брюсовскихъ словъ:

«Быть можетъ все въ жизни лишь средство
Для ярко пѣвучихъ стиховъ
И ты съ безмятежнаго дѣтства
Ищи сочетанія словъ».

Конечно онъ не такой типичный только поэтъ какъ Бальмонтъ. Но кто объ этомъ пожалѣетъ? Не таковъ онъ и какъ Андрей Бѣлый. Нѣтъ спору: и Бѣлый не только и не всецѣло поэтъ, и въ немъ много думы, культуры и сложности, но все же онъ непосредственнѣе и безыскусственнѣе Вячеслава Иванова. При всей его человѣческой изощренности и декадентской изломанности, въ немъ есть нѣчто первично-гениальное въ смыслѣ Шеллинговскаго опредѣленія генія какъ личности, творящей съ необходимостью природы. Его лучшіе стихи жгутъ и обжигаютъ, хлещутъ и захлестываютъ душу. Сквозь всѣ разнообразныя метры знатока и изслѣдователя метрическихъ системъ части слышны почти безумные, космическіе перворитмы. Импровизационныя силы Бѣдовскаго словотворчества единственны. Въ «Первомъ свиданіи», напримѣръ ощущается возможность безконечнаго версификаціоннаго крещендо, какая-то словесная хлыстовщина, перехватывающая духъ. Всего этого нѣтъ у Вячеслава Иванова. Поэзія его гораздо аполлиничнѣе діонисійской поэзіи Бѣлаго. Но зачѣмъ сравнивать несравнимое? А кромѣ того — если уже сравнивать, то надо признать и то, что въ поэзіи Вячеслава Иванова нѣтъ и тѣхъ роковыхъ проваловъ чувства вкуса и даже мастерства, которые такъ мучительны въ Бѣломъ.

Есть впрочемъ въ семьѣ поэтовъ-символистовъ одно имя, упоминаніе котораго не только возможно, но даже и необходимо для выясненія себѣ внутренняго соотношенія между ними. Это имя несравненнаго Блока.

Не можетъ быть спора, — только объ Александрѣ Блокѣ можно сказать, что онъ былъ поэтомъ и къ этому ничего больше не прибавить. Только въ примѣненіи къ нему слово поэтъ обрѣтаетъ свое первичное значеніе и одновременно исполняется какимъ-то новымъ смысломъ. Поэтъ Блокъ звучитъ болѣе древне, канонично и вѣще, чѣмъ поэтъ Бѣлый или поэтъ Вячеславъ Ивановъ. Читая Блока, мы, люди его эпохи, даже и ушедшіе далеко отъ него, чувствуемъ, что, въ свое время онъ былъ нашимъ глашатаемъ. Если афоризмъ Бѣлаго «человѣкъ —

это чело вѣка» вообще применимъ къ кому-нибудь, то прежде всего конечно къ Александру Блоку. Блокъ дѣйствительно былъ челою нашего, правда весьма краткога, вѣка. Не мыслитель, какъ Ивановъ и Бѣлый и совсѣмъ не идеологъ, онъ все же былъ властителемъ думъ. Человѣкъ, чуть-ли не всю жизнь промаявшійся на томъ же самомъ гибломъ мѣстѣ, которое какъ омутъ затянуло Аполлона Григорьева, и поэтъ, стихи котораго были определены какъ «канонизація цыганскаго романа», онъ для Россіи начала вѣка все же былъ тѣмъ, что нѣкогда называлось общественною совѣстью эпохи. Думаю, что и столь несвоевременно и неумѣстно названное въ заключеніи «Двѣнадцати» имя Иисуса Христа окажется черезъ нѣсколько десятиковъ лѣтъ не всеу названнымъ. Быть можетъ эта роковая ошибка Блока въ какомъ то особомъ смыслѣ, раскрывать который я сейчасъ не могу, окажется не ошибкою, а пророческой дальновзоркостью, за которую онъ заплатилъ глухотою поэта и своею преждевременною смертію.

Переходя отъ Бѣлаго и Блока къ Вячеславу Иванову, мы переходимъ въ совсѣмъ иной и совершенно особый міръ. Этотъ міръ нѣтъ-то не на материкѣ русской поэзіи, а на какомъ то островѣ. Небо, пейзажъ, растительность этого острова экзотичны. Не будь Россія черезъ Византію связана съ Греціей и не принадлежи южно-тропическій Крымъ и Кавказъ къ тѣлу Россіи, экзотику Ивановской поэзіи было-бы трудно связать съ Петербургомъ и Москвою, въ которыхъ онъ раскрылся какъ поэтъ. На фонѣ сѣвернаго неба непредставляемы пинія и кипарисы. Среди березъ, рябинъ и елей какъ то не видятся взору алтари греческихъ боговъ, игрища эротовъ и фавновъ, не слышатся вечернія флейты, не чувствуется грусть Цереры и весь тотъ античный міръ, который живетъ въ поэзіи Иванова не въ качествѣ литературныхъ аллегорій и мраморныхъ фигуръ ложно-классической эпохи, а въ всей своей подлинности, первичности и первоизданности.

Мнѣ кажется, что будучи христіанскимъ философомъ Вячеславъ Ивановъ какъ поэтъ потому такъ абсолютно просто, легко и естественно живетъ въ мірѣ античности, что непосредственно ощущаетъ этотъ міръ какъ бы вторымъ, ему лично особенно близкимъ ветхимъ заветомъ христіанства. Мысль, въ защиту которой можно было-бы, къ слову сказать, привести очень много весьма существенныхъ аргументовъ. Связь поэзіи Вячеслава Иванова съ античнымъ міромъ выражается впрочемъ не только въ оживленіи образовъ древнихъ боговъ и мифовъ, но также и въ пристрастіи къ античнымъ и возрожденскимъ размѣ-

рамъ, что зачастую придаетъ его стихамъ своеобразно-торжественный и для неискушеннаго уха весьма необычный характеръ. Эта торжественная тяжеловѣсность Ивановскихъ стиховъ усугубляется еще ихъ глубокомысленной философичностью. Конечно, Богъ создалъ Вячеслава Иванова настоящимъ поэтомъ, но онъ создалъ его въ одну изъ своихъ глубоко-задумчивыхъ, философскихъ минутъ.

Надо признать, что путь Вячеслава Иванова какъ поэта есть рѣдкое въ наше время явленіе непрерывнаго восхожденія и совершенствованія. Авторъ, другъ и вожатый поэта, возводилъ и его, какъ Петрарку «*di pensier in pensier, di monte in monte*». Въ раннихъ стихотвореніяхъ 1903 г. художественная форма еще не осиливаетъ эмоциональнаго и идейнаго содержанія духовнаго міра поэта. Стихотворенія этого періода нерѣдко страдаютъ нѣкоторой риторичностью и чрезмѣрно орнаментальною сложностью. Въ сборникѣ «*Cor ardens*» (1905-1911 г.) художественная форма, идейное содержаніе поэзіи и личное переживаніе поэта представляютъ собою (имѣю прежде всего въ виду сонеты и канцоны второй части «Любви и смерти») уже полное, хотя быть можетъ все еще непривычно пышное и торжественное единство. Еще не напечатанная поэма «Человѣкъ», по поводу которой среди поэтовъ и любителей поэзіи вѣроятно будетъ много споровъ, представляется мнѣ лично большимъ шагомъ впередъ по пути внутренняго роста поэта. Она безспорно много труднѣе всего, что было раньше написано Вячеславомъ Ивановымъ. Можно заранѣе сказать, что найдется не много людей, которые до конца прочтутъ, перечтутъ и дѣйствительно освоятъ эти 1350 строкъ развертывающихъ передъ читателемъ весьма сложное и глубокомысленное интуитивно-спекулятивное міросозерцаніе поэта. Эта сложность однако ничего не говоритъ противъ исключительной художественной цѣльности «Человѣка». Осиливъ теоретическое содержаніе поэмы, т. е. ознакомившись съ ея предметомъ (требованіе, къ слову сказать, самое естественное, такъ какъ не отличая соловья отъ вороны и розы отъ лопуха невозможно понять и самаго элементарнаго стихотворенія Фета), нельзя не почувствовать, что «Человѣкъ» много проще и совершеннѣе болѣе раннихъ стиховъ поэта. Въ немъ совсѣмъ нѣтъ прежней риторики, всегда опасной красоты орнаментальныхъ украшеній и часто досадно заслоняющихъ «умопостигаемый предметъ» образныхъ сравненій и словословій. Неправедной сложности, усложненія, просто въ «Человѣкѣ» нѣтъ. Поэма, правда, говоритъ о самыхъ сложныхъ тайнахъ нашего бытія и сознанія, но она говоритъ о

нихъ съ простотою, доступной лишь подлинному вдохновенію и вполне зрѣлому мастерству.

Послѣдніе, дошедшіе до насъ, стихи Вячеслава Иванова — «Римскіе сонеты» — отдѣлены отъ поэмы «Человѣкъ» страшными годами русской революціи. О томъ, какъ онъ ее пережилъ и духовно осилилъ, поэтъ рассказалъ очень кратко, но и вполне исчерпывающе въ письмѣ къ Charles du Bos, представляющемъ собою послѣдствіе къ «Перепискѣ изъ двухъ угловъ». Характеристика буржуазнаго міра дана въ этомъ письмѣ съ такою страстностью и съ такимъ гнѣвомъ, что ея заключительныя слова: «Воистину, если-бы я могъ отступить отъ Бога, то никакая тоска по прошлому не могла-бы меня отдѣлить отъ дровишекъ поставленной на голову универсальной религіи», не кажется ни парадоксальными, ни неожиданными. Но отступить отъ Бога теоретикъ религіознаго символизма и провозвѣстникъ новой органической эпохи конечно не могъ. На основной вопросъ русской революціи, этого прораба грядущихъ міровыхъ событій «съ Богомъ-ли ты или противъ Него?» — Вячеславъ Ивановъ твердо отвѣтилъ: «съ Богомъ». И тутъ въ его душѣ властно прозвучалъ старый, еще со временъ юношескаго общенія съ Владиміромъ Соловьевымъ, «большимъ и святымъ человѣкомъ», знакомый призывъ къ единенію всѣхъ христіанъ въ лоно римско-католической Церкви.

«Вновь, арокъ древнихъ вѣрный пилигримъ,
Въ мой поздній часъ вечернимъ «Ave Roma»
Привѣтствую какъ сводъ родного дома
Тебя, скитаній пристань, вѣчный Римъ.

Мы Трою предковъ пламени даримъ;
Дробятся оси колесницъ межъ грома
И фурій мірового ипподрома:
Ты, царь путей, глядишь какъ мы горимъ.

И ты пылалъ и возставалъ изъ пепла,
И памятливая голубизна
Твоихъ небесъ глубокихъ не ослѣпла.

И помнить, въ ласкѣ золотого сна,
Твой вратарь, кипарисъ, какъ Троя крѣпла,
Когда лежала Троя сожжена».

Вячеславъ Ивановъ не первый мыслитель и не первый поэтъ, для котораго вѣчный Римъ сталъ пристанью скитаній; ихъ бы-

ло много. Но не для многихъ изъ нихъ духовный возвратъ въ Римъ былъ одновременно и восходомъ на вершину ихъ творчества. Тайну новаго расцвѣта поэтического дара Иванова подъ сводами «родного дома» сейчасъ еще не время разгадывать. Тѣмъ не менѣе невольно задумываешься надъ тѣмъ, что въ «*Sor ardens*» поэтъ съ благодарностью вспоминаетъ о Римскомъ Коллизеѣ, впервые напоившемъ его дикимъ хмѣлемъ свободы и благословившемъ этотъ хмѣль. Діонисійская тема райныхъ стиховъ Иванова, тема предвѣчнаго хаоса въ лонѣ природы и въ глубинѣ человѣческаго сердца, вакхическая тема «размыкающихъ душу подземныхъ флейтъ» явно связана съ Римомъ. Быть можетъ въ этомъ двойномъ значеніи Рима для поэта Иванова, въ изначальной раздвоенности души поэта между Римомъ Коллизея и Римомъ купола Святого Петра надо искать объясненіе тому, почему Римскіе сонеты, воспѣвающие успокоеніе поэта въ Римѣ, волнуютъ насъ юношескою силою таланта и совершеннѣйшею красотою. Какъ знать, если-бы мѣсто отрѣшенія, въ Гётевскомъ смыслѣ этого слова, не было-бы одновременно и мѣстомъ искушенія, если-бы мѣсто преклоненія передъ вѣчностью не было-бы одновременно и мѣстомъ поклоненія прошлому, возникли бы тогда изъ искуса длительного Ивановскаго молчанія столь совершенные стихи, какими являются Римскіе сонеты?

Возвращаясь мысленно къ годамъ нашихъ частыхъ встрѣчъ съ Вячеславомъ Ивановымъ, а тѣмъ самымъ къ духовной жизни и къ быту довоенной Россіи, мы, послѣ всего пережитаго и передуманнаго нами, не можемъ не видѣть, что духовная элита тѣхъ лѣтъ жила и творила въ какой-то искусственной атмосферѣ. Вершины, на которыхъ протекала въ то время наша жизнь, оказались къ несчастью не горными массивами, прочно поднимающимися съ земли, а пловучими облаками въ романтическомъ небѣ. Въ мысляхъ той эпохи было много выдумки, тѣ чувствахъ — экзальтаціи, въ исторіософскихъ построеніяхъ будущаго — много отвлеченнаго конструктивизма. Всѣ гадали по звѣздамъ и не вѣрили картамъ и компасамъ. Всей эпохѣ не хватало суровости, предметности и трезвости. Такъ какъ за все это заплачено очень дорого, то увеличивать списокъ грѣховъ, пожалуй, не надо. Это можно спокойно предоставить нынѣшнимъ врагамъ того блестящаго возрожденія русской культуры, которое было сорвано войной и революціей. Искренне каясь въ своихъ грѣхахъ передъ лицомъ Истины, мы, участники и сви-

дѣтели духовнаго роста довоенной Россіи, должны этимъ врагамъ (большевикамъ-марксистамъ, отрицающимъ духъ, либераламъ позитивистамъ, для которыхъ духъ религіозной философіи и символическаго искусства всегда былъ не духомъ, а срадомъ, и жестоковѣрнымъ церковникамъ, боящимся свободнаго цвѣтенія духа), твердо сказать, что и на соціологически радикально перепаханной почвѣ завтрашней Россіи культурный расцвѣтъ начнется съ воскрешенія тѣхъ проблемъ и идей, надъ которыми думали и страдали люди символизма. Въ концѣ концовъ вѣдь и Вячеславъ Ивановъ оказался во многомъ вполнѣ правъ. Кризисъ западно-европейской культуры, кризисъ индивидуализма, поворотъ къ коллективистической культурѣ въ формѣ устремленія къ новой органической эпохѣ, ведущая роль Россіи въ этомъ новомъ историческомъ процесѣ, возрожденіе религіознаго взгляда на судьбы человѣчества — развѣ все это не вполнѣ точныя слова о нашемъ времени? Весьма точныя. Ошибся Вяч. Ивановъ, какъ впрочемъ и всѣ, что шли съ нимъ рука объ руку, только въ одномъ: въ недооцѣнкѣ силы того зла, которое всѣ его пророчества о грядущемъ исказило въ кривомъ зеркалѣ русскаго и міроваго большевизма.

Повторяю, отказъ отъ утопизма и иллюзионизма, отказъ отъ беспочвенныхъ гаданій, мечтаній и конструкцій безусловно является нынѣ верховною религіозно-этической нормою соціальнаго творчества. Тѣмъ не менѣе упованіе Вячеслава Иванова, что

«...Желѣзнымъ поколѣніямъ
Взойдетъ на смѣну кроткій сѣвъ
Уступитъ и титана гнѣвъ
Младенческимъ богоявленьямъ...»

остается попрежнему и навсегда въ силѣ.

Федоръ Степунъ.

Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая

Глава десятая *).

Радость первых дней свободы Трубецкіе должны были оплатить испытаніемъ. Какъ и надо было ожидать, оно особенно сильно затронуло княгиню. Маленькій Володя не вынесъ этихъ странствованій. Онъ захворалъ во время переѣзда, страдалъ пять дней и умеръ 1-го сентября 1839 года въ Иркутскѣ. «Я еще засталъ княгиню грустною», пишетъ пріѣхавшій туда-же нѣсколькими днями позднѣе Вадковскій Оболенскому, «и что хуже, безслезно грустною»...

Долго не могла княгиня собраться съ мыслями, чтобы написать графинѣ Лебедельтернъ. Она сама указываетъ тому причину:

... «Въ первые дни моего пріѣзда въ Иркутскъ, я пережила большое горе. Я имѣю въ виду смерть нашего маленькаго Володи: но это горе случилось бы съ нами и въ другомъ мѣстѣ такъ же точно, какъ и въ Иркутскѣ и всюду, и во всѣхъ обстоятельствахъ подобное горестное переживаніе навсегда запечатлѣвается въ сердцѣ матери и не можетъ изгладиться. У меня не хватило духа писать тебѣ на первыхъ порахъ, да и теперь еще, не будучи достаточно крѣпкой, я не могу себѣ позволить слишкомъ распространяться о моемъ бѣдномъ мальчикѣ. Слава Богу, остальные мои дѣти здоровы; Сашинька снова принялась за уроки. Лиза и Никита пока еще сидятъ за букваремъ. Зина, какъ тому подобаетъ, еще ничему не учится. Въ настоящее время мы живемъ въ крестьянской хатѣ довольно неудобной и очень тѣсно. У дѣтей нѣтъ мѣста ни побѣгать, ни пошевелиться и мы до такой степени сжаты, что я не могу найти никакого серьезнаго занятія, или приняться за какую-либо длительную работу, что для меня большое лишеніе. Сергѣй очень старается подвигнуть впередъ дѣло предпринятой нами постройки. Это будетъ довольно маленький, но зато удобно расположенный домъ, который,

*) См. «Совр. Зап.» кн. 60 и 61.

надѣюсь я, будетъ теплымъ. Я жду съ нетерпѣніемъ, разумеется больше для дѣтей, чѣмъ для себя того времени, когда можно будетъ въ немъ поселиться»...

Къ веснѣ, хотя домъ былъ еще только наполовину готовъ, рѣшили въ него переехать и временно потѣсниться, благо наступило лѣто. Около того-же времени графиня Лаваль прислала внучкамъ воспитательницу-гувернантку, госпожу Кузьмину, скоро сдѣлавшуюся членомъ и другомъ семьи. Княгиня вздохнула легче.

Роль ангела-утѣшителя, разъ взятая на себя, свято соблюдается Каташей. То за тридцать земель она выписываетъ изъ Рима какія-то струны для скрипки, вѣроятно Вадковскому, то письмами своими ободряетъ разсѣянныхъ по Сибири одинокихъ товарищей, оказавшихся безъ семьи, безъ друзей и безъ всякаго общества, «со слезами вспоминающихъ многихъ и многое въ Петровскомъ». Пишетъ она Оболенскому, пишетъ и Лунину въ Акатуй, гдѣ онъ томится въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ уголовными, Фонвизинымъ въ Tobolskъ, Пушкину въ Туринскъ.

Финансовыя дѣла княгини Екатерины Ивановны находились въ очень печальномъ состояніи. Причинъ тому было немало. Одна изъ нихъ и не послѣдняя, была безграничная щедрость княгини, заставлявшая ее тратить деньги, не считаясь никогда съ имѣвшимися въ распоряженіи средствами и приведшая къ заключенію займовъ у сибирскихъ ростовщиковъ подъ чудовищные проценты. Положеніе было не только стѣсненнымъ, это была нужда въ полномъ смыслѣ слова! «Un vrai dénuement», сознается Каташа Нарышкиной...

Тяжель крестъ тѣлесной нужды: но душевный крестъ куда тяжелѣе... Въ концѣ августа 1840 года заболѣли скарлатиною Лизанька, Китушка и Зина. Дѣвочки выжили, но Китушку болѣзнь унесла меньше чѣмъ въ недѣлю... 3-го сентября его не стало. Что пережила княгиня Каташа въ эти дни, знаетъ Богъ одинъ. 10 октября она имѣетъ мужество по обыкновенію поздравить сестру по случаю ея ангела. Но горе такъ велико и рана такъ свѣжа, что она, боясь до нея прикоснуться, лишь о ней намекаетъ и спѣшитъ пройти мимо.

Оѣкъ, 10/22 октября 1840.

... «Я хотѣла бы рассказать тебѣ про насъ, но я не въ состояніи еще это сдѣлать съ должнымъ спокойствіемъ... Пока же Сергѣй и я дѣлаемъ все, что въ нашей возможности, чтобы побороть себя и не дать себѣ распуститься. Мы поддерживаемъ другъ друга, или, вѣрнѣе, мы просимъ силъ и смиренія у Того, кто

одинъ можетъ помочь намъ... Молись за насъ, дорогой другъ: попроси Его поддержать насъ и помочь намъ. Сергѣй очень исхудалъ и я думаю, что всѣ горести и волненія отразятся на его здоровьи»...

Оёкъ, 30 декабря 1840.

...«Надежда на вѣчное соединеніе есть одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя особенно способны насъ поддерживать. Оно слишкомъ близко касается памяти тѣхъ, кого мы оплакиваемъ, чтобы въ концѣ концовъ не подѣйствовать на наши души и не пробудить ихъ изъ оцѣпененія. Я не хотѣла бы продолжать сегодня объ этомъ предметѣ, но разъ однажды эти мысли овладѣваютъ мною, я не могу остановиться»...

Въ архивѣ Леббельтернъ сохранился черновикъ отвѣта Зинанды на эти письма:

«Я промедлила отвѣтомъ на твое письмо, въ которомъ ты мнѣ пишешь о твоихъ горестяхъ, не уточняя ихъ», пишетъ графиня 2/14 января 1841 г., «отъ Софи и Папа я узнала всю ихъ глубину. Признаюсь тебѣ, я сама была совершенно потрясена... Милый и добрый другъ, я горько плакала съ тобою вмѣстѣ»...

«Твое доброе письмо отъ 2-го января, добрый и дорогой другъ мой, очень взволновало меня», отвѣчаетъ Каташа 26-го марта 1841 года:

...«Ты права, говоря, что смерть въ этомъ возрастѣ есть благодѣяніе Божье. Умереть раньше того, какъ узнать, что есть грѣхъ, не зная горя, съ чистой и ангелоподобной душой и съ увѣренностью попасть сразу на небо, конечно великое счастье, и если мы умѣли бы любить нашихъ дѣтей больше для нихъ, чѣмъ для самихъ себя, то мы плакали бы меньше, когда Господь ихъ отзывалъ обратно. Къ несчастью, несмотря на то, что упрекаешь себя за слезы, нѣтъ силъ удержать ихъ. Вѣрю, что Господь по добротѣ своей, взирая на мое неизмѣнное и искреннее желаніе подчиниться по-христіански Его святой Волѣ, простить мою слабость. Я сдѣлала и дѣлаю все, что могу, и я надѣюсь съ полнымъ и всецѣлымъ упованіемъ, что Богъ мнѣ поможетъ и въ будущемъ меня поддержитъ»...

Въ концѣ января 1841 года Лавали давали большой балъ на Англійской Набережной. 25-го января Александра Григорьевна восторженно писала графинѣ и графу Леббельтернъ: ... «Три дня тому назадъ мы дали балъ, который Государь соизволилъ почтить своимъ присутствіемъ. Эта оказанная намъ Его Величествомъ милость преисполнила насъ радостью. Вы представ-

ляете себѣ, дорогой графъ, дорогая Зинаида, какое счастье, какую благодарность мы испытывали за столь лестный знакъ вниманія... Государь обошелъ всѣ комнаты. Онъ расхвалилъ домъ, находящіеся въ немъ предметы искусства, вечеръ... После его отъѣзда балъ продолжался. Наслѣдникъ Цесаревичъ, великій князь Михаилъ, оставались до трехъ часовъ. Изъ 600 человекъ приглашенныхъ пріѣхало 500, остальные были задержаны, кто трауромъ, кто болѣзнью»... *).

Столь восторженный тонъ у женщины, приученной куда къ большимъ знакамъ царскаго вниманія, чѣмъ высочайшее присутствіе на балу, необъяснимъ, если не предположить, что со времени рокового дня на Сенатской площади царь повидимому не бывалъ больше у нея въ домѣ. Лавали попрежнему продолжали ѣздить ко двору, но все, что такъ или иначе имѣло отношеніе къ декабристамъ, вызывало у Государя смѣненное чувство скрытой неприязни и недовѣрія. Это не была опала, Боже сохрани, а холодокъ, и холодокъ тѣмъ болѣе чувствительный, что онъ былъ непривыченъ и въ концѣ концовъ незаслуженъ. При этихъ обстоятельствахъ пріѣздъ царя на балъ послѣ пятнадцати лѣтъ учтивой сдержанности подчеркивалъ, что кое-что все же перемѣнилось, появились новыя надежды, — откуда восторгъ и энтузіазмъ графини.

Пока что, свобода, которой пользовались сибирскіе поселенцы, была еще сильно ограничена. Для мужчинъ она заключалась главнымъ образомъ въ правѣ гулять и охотиться въ окрестностяхъ, для дамъ же — въ поѣздкахъ въ городъ за покупками. Разрѣшеніе охотиться было для ссыльных большою радостью. Другимъ не менѣе любимымъ занятіемъ было огородничество. «Сергѣй обрабатываетъ маленькій огородный участокъ», пишетъ княгиня Нарышкиной. «Этотъ годъ (1840) принесъ ему больше удачи чѣмъ прошлый. Огородъ даетъ намъ въ смыслѣ овощей все, въ чемъ мы можемъ имѣть нужду въ теченіе года. Мы имѣемъ нѣсколько коровъ, которыя также помогаютъ намъ сводить концы съ концами... Наша внутренняя жизнь все та же.. Уроки дѣтей, заботы о нихъ, вотъ главное наше занятіе»..., сообщаетъ княгиня; но о чемъ она не пишетъ, да и чего она тогда сама не могла замѣтить, это то, что именно этой жизнью, стяжавшей декабристамъ благодарность и памятя населенія, творилось большое дѣло. «Поселенія стали культурными гнѣздами, очагами духовнаго свѣта». Да какъ оно могло и быть иначе? «Въ каждой семьѣ», пишетъ князь

*) Архивъ г. Морозьеръ. Письмо гр. Лаваль отъ 25 янв. 1841 г.

С. М. Волконскій, «жило и воспитывалось по нѣскольку дѣтей мѣстных жителей. Съ юныхъ лѣтъ они поступали подъ воспитательный надзоръ женъ, потомъ переходили въ обученіе къ мужьямъ. Въ культурной семейной жизни соприкасались они съ наукой и искусствами, крѣпли и зрѣли умственно и душевно».

Въ жизни самой княгини Оёкъ былъ знаменателенъ. Здѣсь намѣтился и опредѣлился періодъ ея духовной зрѣлости. По поводу пробужденныхъ письмомъ Зинаиды воспоминаній, она пишетъ графинѣ 22 февраля/5 марта 1841 года:

... «Всѣ годы моей молодости предстали предо мной съ удивительною ясностью какъ живые. Подумать только объ истекшемъ времени, о всѣхъ событіяхъ, происшедшихъ съ той поры до сего дня! Воспоминанія о прошломъ всегда глубоко меня волнуютъ, я люблю ихъ и всегда прихожу къ мысли, что Богъ много сдѣлалъ для меня и что мнѣ остается лишь благодарить Его за все. Если мнѣ много пришлось перестрадать, если въ глубинѣ моей души и скрыты болѣзненные сожалѣнія, слѣды которыхъ время никогда не изгладитъ, я убѣждена въ томъ, что эти горести мнѣ были необходимы; ибо когда Богъ намъ посылаетъ испытаніе, какъ-бы тяжело оно ни было, Онъ этимъ никогда ничего иного не преслѣдуетъ, какъ наше благо и наше приближеніе къ Нему. Вотъ почему со смиреніемъ въ сердцѣ и Его совершенно искренне благодарю за многія счастливыя мгновенія, которыя Онъ далъ мнѣ на землѣ, а также за испытанія, долженствующія послужить очищенію моей души и научить меня отрѣшенію отъ своего я, столь необходимому для нашего спасенія. Что же касается моихъ сыновей, въ особенности дорогого моего Никиты, то я не могу себѣ ихъ иначе представить, какъ молящимися за насъ на небѣ среди ангеловъ».

Память о Богѣ и память о смерти, «два мощныхъ стража всякаго добра», становятся ей привычными. Подъ этимъ вліяніемъ она пишетъ 28 янв. 1842 г. сестрамъ, графинямъ Леббельтернъ и Борхъ, заходя заботясь о судьбѣ тѣхъ, кто ей дороги:

... «Когда меня не станетъ, я поручаю вамъ моего мужа и дѣтей: позаботьтесь о нихъ, не допустите, чтобы они нуждались въ необходимомъ. Пока Сергѣй живъ, мѣсто его дочерей быть не можетъ, ходите за нимъ, утѣшайте его послѣдніе дни и закройте ему глаза. Но когда Богъ его возьметъ къ себѣ, пусть одна изъ васъ, моя добрая, дорогая сестры Зинаида и Софья, возьметъ на себя заботу о моихъ дѣтяхъ. Я поручаю ихъ той изъ васъ, которой обстоятельства позволяютъ быть имъ второй матерью. Въ этомъ отношеніи безразлично, помышляю ли я о Зинаидѣ или

о тебѣ, мое сердце одинаково покойно. Я также знаю, что какъ у той, такъ у другой дѣти мои будутъ воспитаны жить по-христіански, что для насъ стоитъ на первомъ мѣстѣ, и конечно, когда вы будете знать о ихъ сиротствѣ, вы не успокоитесь до тѣхъ поръ, пока не вырвете ихъ изъ этой земли изгнанія, чтобы они не остались одни среди чужихъ имъ людей...»

...«Я пишу вамъ эти строки не оттого, что полагаю умереть вскорости, но потому, что лучше сказать это сейчасъ, чѣмъ сохранить до того времени, приближеніе котораго не всегда сразу узнаешь и которое подчасъ не оставляетъ намъ полного распоряженія нашими способностями... Вотъ теперь я чувствую себя облегченной и спокойной, полной упованія на благость Божью. Я вручаю судьбу моихъ дочерей въ ваши руки. Радуюсь, дорогія друзья мои, что открыла вамъ свое сердце: разчитываю на вашу любовь, въ которой я никогда не сомнѣвалась и могу по чистой совѣсти сказать вамъ, что я дорожу моимъ сердечнымъ чувствомъ къ вамъ, ибо я никогда не находила въ немъ ничего иного, кромѣ мира и утѣшенія...»

Другу своему, Нарышкиной, Каташа открываетъ свою душу. Она вообще начинаетъ видѣть все кругомъ иными, новыми глазами.

...«Я кажется могу сказать, что желаніе спасенія стало господствующимъ помышленіемъ моей жизни... Богъ много сдѣлалъ для меня и много понадобилось мнѣ времени, чтобы это понять. Только силою испытаній и всевозможныхъ горестей я начала видѣть вещи ясныѣ. Я вырвана изъ свѣтской жизни, у меня отняты всѣ поводы, всѣ возможности къ ней, я поставлена въ условія, въ которыхъ нахожусь сейчасъ. Все это было ничто иное, какъ становленіе меня на путь спасенія, освобожденія отъ всѣхъ препятствій, обычно воздвигаемыхъ міромъ: Господь пришелъ ко мнѣ первый, не ожидая того, чтобы я сама пошла къ Нему... Вотъ почему, я думаю, что въ настоящее время соприкосновеніе со свѣтомъ и его радостями испугало-бы меня. Я чувствую себя хорошо цѣ моей изгнаннической жизни, такой какъ она есть, со всѣми ея лишеніями и превратностями и у меня нѣтъ больше желанія, чтобы это положеніе вещей измѣнилось...» *).

Съ сестрой Зинаидой княгиня о себѣ самой не такъ откровенна. Ужъ слишкомъ много лѣтъ и обстоятельствъ ихъ раздѣляютъ. Зато письма къ ней полны подробностями о дѣтяхъ и семейной жизни.

*) Это и послѣдующія письма княгини Трубецкой къ Нарышкиной находятся въ архивѣ Лебедельтернъ.

Оёкъ, 10/22 января 1842.

... «Сергѣй чувствуетъ себя хорошо и дѣвочки, слава Богу, тоже. Сама я не совѣмъ себя хорошо чувствую это послѣднее время. Дѣти растутъ; обѣ старшія учатся, какъ могутъ. Саша очень старается и конечно, велико должно быть ея желаніе быть образованной, чтобы успѣвать, какъ она это дѣлаетъ, со столь ограниченными къ тому средствами. Сергѣй долженъ всему учить ее самъ и часто у него не хватаетъ времени. И тѣмъ не менѣе, вообрази себѣ, что со всѣмъ тѣмъ, она знаетъ основательно всю русскую грамматику, достаточно французскую; говоритъ и пишетъ довольно хорошо по-французски, начинаетъ понимать по-англійски и достаточно сильна по арифметикѣ. Что касается географіи и исторіи, то она еще ихъ лишь начинаетъ. У нея страсть къ рисованію и большія къ тому способности. Лиза начинаетъ тоже стараться, но я стыжусь сказать тебѣ, до какой степени она отстала для своего возраста. Она моя ученица и намъ хвастаться другъ другомъ нечего. Зна, какъ ей полагается, сидитъ за азбукой. Она не заботится пока о самомъ знаніи, а лишь о томъ, чтобы казаться ученой. Какъ то на-дняхъ она пресерьезно меня спрашиваетъ, правдали, что она знаетъ по-китайски? Я спросила ее, хочетъ ли она отвѣтъ «по совѣсти». Она отвѣтила, что да. Я ей и говорю, что, по совѣсти, она не знаетъ ни китайскаго, ни какого другого языка. Довольно раздосадованная моимъ отвѣтомъ, подумавъ нѣсколько мгновений, она спросила: «а безъ совѣсти?» Вообще она чрезвычайно забавна. Это всеобщій баловень; она смѣшитъ весь домъ своими выходками и подчасъ довольно-таки оригинальными мыслями.

16-го апрѣля 1841 года была отпразднована въ Петербургѣ свадьба Цесаревича, а 21 февраля 1842 послѣдовало по этому поводу Высочайшее Повелѣніе «О дѣтяхъ рожденныхъ въ Сибири отъ сосланныхъ туда государственныхъ преступниковъ, вступившихъ въ бракъ въ дворянскомъ состояніи до постановленія о нихъ приговора». Повелѣніе это предлагало родителямъ, буде они того пожелаютъ, помѣстить своихъ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, по окончаніи коихъ имъ общались права дворянства, при наличности съ ихъ стороны «нравственнаго поведенія, хорошихъ правилъ и успѣховъ въ наукахъ». Все это при одномъ и непремѣнномъ условіи: отказаться отъ фамиліи, «коей невозвратно лишились ихъ отцы» и именовать лишь по отчеству. Починъ этой мѣры принадлежалъ министру юстиціи графу Панину. Ровно черезъ годъ послѣ свадьбы Наслѣдника, послужившей основаніемъ царскому указу, 16-го апрѣля 1842-го года, генераль-губернаторъ Рупертъ

вызвалъ къ себѣ въ Иркутскъ Трубецкого, Волконскаго и Никиту Муравьева. Прочитавъ имъ повелѣніе и настаивая на безусловномъ его принятіи, онъ потребовалъ отъ каждаго изъ изъ нихъ письменнаго отзыва. Если требованіе перемѣны фамиліи дѣтей произвело удручающее впечатлѣніе на отцовъ, увидавшихъ въ немъ не безъ основанія желаніе уничтожить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ связь ихъ дѣтей съ родителями и предками, то матери были перепуганы тѣмъ, что у нихъ просто отнять дѣтей «по повелѣнію Его Величества». Друзья, родственники и знакомые декабристовъ, узнавъ о предложеніи, открыто возмущались. Одни обвиняли царя въ жестокосердіи, другіе относили все насчетъ Бенкендорфа. Никто не нападалъ на истиннаго виновника, графа Панина. Изъ всѣхъ родителей, имѣвшихъ въ виду указомъ, одинъ лишь Давыдовъ, поселенный въ Красноярскѣ, принялъ предложеніе. Онъ имѣлъ, кромѣ четырехъ дѣтей, оставленныхъ въ Россіи, еще пятерыхъ, воспитаніе которыхъ встрѣчало большія затрудненія. Отзывы же, представленные Муравьевымъ, Волконскимъ и Трубецкимъ были всѣ три отрицательны.

Графиня Лебеньтернъ какъ разъ находилась у родителей въ Петербургѣ, Трубецкой рѣшилъ воспользоваться случаемъ, что кто-то изъ Иркутска ѣхалъ туда же, и откровенно изложить ей какъ другу и любимой сестрѣ жены не только послѣднее дѣло, но и все наболѣвшее за эти годы на душѣ. Онъ писалъ:

14 мая 1842.

«Дорогая моя Зинаида,

Много разъ я хотѣлъ писать вамъ и выразить мою благодарность за добрую дружбу, которую вы сохранили ко мнѣ и всегда былъ въ этомъ удержанъ мыслью о томъ, что наши взаимныя положенія не позволяютъ никакой официальной переписки между нами. Теперь, что я могу себѣ это позволить безъ боязни того, что мое письмо будетъ читано въ разныхъ европейскихъ канцеляріяхъ, черезъ которыя оно должно пройти, чтобы достигнуть Неаполя, я скажу, что никогда не переставалъ считать васъ и вашего мужа за настоящихъ друзей, дружеское чувство которыхъ ничто поколебать не можетъ. Увѣренъ, что все дурное, что вы слышали про меня во время судебного разбирательства или послѣ него, возбуждало въ васъ жалость, но не измѣнило вашихъ чувствъ ко мнѣ. Знаю, что много клеветы было вылито на меня, но не хочу оправдываться. Я слишкомъ много пережилъ, чтобы желать чьего-либо оправданія, кромѣ оправданія Господа нашего Иисуса Христа. Но въ настоящее время я нахожусь въ положеніи, когда я хо-

тѣль бы, чтобы вы знали чистую и полную истину, какъ она есть. Вамъ, дорогая сестра, извѣстно предложеніе, сдѣланное намъ въ годовщину бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича: совершенно ясно, что мы могли на него отвѣтить лишь отказомъ, но выраженія, въ которыхъ я его сдѣлалъ, могли быть подвержены искаженію, и потому вотъ отвѣтъ такимъ, какимъ я его представилъ генераль-губернатору Восточной Сибири. По изложенію вопроса я писалъ: «Преисполненный до глубины души чувствами живѣйшей благодарности за благосклонное вниманіе, проявленное Государемъ Императоромъ къ моимъ дѣтямъ, смѣю надѣяться, что Его Величество по своему милосердію не позволитъ наложить печать незаслуженнаго безчестія на нашихъ женъ, лишивъ нашихъ дѣтей фамильнаго имени ихъ отцовъ и тѣмъ приравнивъ ихъ къ рожденнымъ внѣ брака. Что касается до спрашиваемаго моего согласія на помѣщеніе моихъ дочерей въ общественное воспитательное заведеніе, я не смѣю, въ моемъ положеніи, брать на себя рѣшенія объ устройствѣ ихъ участи, но не могу утаить, что вѣчная разлука съ ними будетъ смертельна для ихъ матери». — И, говоря такъ, я не лгу и не преувеличиваю. Ребенокъ, отнятый у насъ, чтобы быть помѣщеннымъ въ общественное заведеніе, для насъ будетъ мертвымъ. Единственно, что мы будемъ о немъ знать, это тѣ подробности, которыя сообщать намъ наши родные; что же касается до него самого, то можно сомнѣваться, чтобы ему позволили когда-либо писать намъ, да и что позволили бы ему сказать намъ въ его письмахъ? Ничего такого, что могло бы удовлетворить нашу любовь... Нѣтъ ни горечи, ни жалобы во всемъ томъ, что я только что изложилъ вамъ, но я думалъ, что можетъ въ какой день представится случай, когда знаніе этихъ обстоятельствъ нашими семействами можетъ оказаться не бесполезными для насъ... Я хотѣлъ, чтобы вы знали истину о нашемъ образѣ дѣйствія и о нашемъ отношеніи и предупредить васъ въ случаѣ, если дѣло это было представлено вамъ въ лживомъ свѣтѣ...

2 мая 1842 года княгиня пишетъ Зинаидѣ:

... «Изъ моихъ писемъ къ родителямъ ты должна знать о томъ, что въ настоящее время меня заботитъ. Отдавая должное намѣренію, которое не могло быть инымъ, какъ благороднымъ и щедрымъ, я съ каждымъ днемъ все больше убѣждаюсь въ томъ, что намъ было бы совершенно невозможно имъ воспользоваться. Это значило бы идти прямо противъ заповѣди Божьей; и я увѣрена, что если бы намъ пришлось разстаться, дѣвочки того не вынесли бы... Богъ, надѣюсь, сжалится надъ нами и надъ нами. Какова бы ни была судьба, ихъ ожидающая послѣ нашей смерти, не находятся ли онѣ въ рукѣ Божьей? Ужели Богъ сирыхъ и обездоленныхъ оставить ихъ въ нуждѣ?..»

Отвѣтъ Зинаиды сохранился. Онъ помѣченъ 3 іюля 1842 г.

«Поздравляю тебя съ тѣмъ, что ты можешь оставить твоихъ дѣтей подлѣ тебя», пишетъ графиня, «какъ бы ни благосклонно было намѣреніе той мѣры, которая отъ тебя ихъ отняла, тебѣ была бы слишкомъ тяжела разлука съ ними. Это было бы для васъ поистинѣ ужасно, и потому не было выражено никакого возраженія по поводу изъявленнаго вами желанія сохранить ихъ, и вы, слава Богу, ихъ сохраните» ...и намекая на январьское обращеніе княгини къ сестрамъ на случай смерти: «Не бойся и положишься на меня, попрежнему, на меня и тоже на Софи, за которую я отвѣчаю какъ за самое себя. Я думаю, что могу отвѣчать и за Сашу: она искренна и благородна и я не сомнѣваюсь, что она поддержитъ насъ согласно нашимъ желаніямъ».

Это письмо утѣшило и успокоило Трубецкихъ. «Благодарю васъ за ваше доброе письмо, дорогая Зинаида, вы предчувствовали то удовольствіе, которое я буду испытывать читая его», писалъ Трубецкой графинѣ 4 сентября 1842 года.

«Я слишкомъ хорошо зналъ ваше сердце, чтобы быть увѣреннымъ, что, несмотря на долгую разлуку и всѣ препятствія, которые стали между нами, вы сохранили ко мнѣ вашу старую дружбу... Я всегда считалъ и всегда буду считать васъ среди малаго числа лицъ, на дружбу которыхъ я всегда могу положиться, и эта увѣренность никогда не исчезнетъ изъ моего сердца. Я увѣренъ, что и съ вашей стороны вы не сомнѣваетесь о моей привязанности къ вамъ, а также ко всѣмъ, кто вамъ близокъ, это чувство потухнетъ, надѣюсь, лишь съ моей жизнью»...

Каташинъ откликъ еще нѣжнѣе (письмо отъ того же дня):

...«Я нашла тебя полностью въ твоемъ письмѣ, такой, какой я тебя знала, такой, какой, какъ мнѣ подсказывало мое сердце, ты должна была остаться. Мнѣ было бы трудно передать тебѣ, какъ я была растрогана, тебя читая, но ты сама догадаешься объ этомъ и навѣрное найдешь въ твоемъ сердцѣ то именно, за что я тебя особенно благодарю въ твоемъ этомъ писаніи»...

Подводя итогъ прошедшему году, въ очередной задушевной бесѣдѣ съ Нарышкиной, княгиня могла еще разъ засвидѣтельствовать:

...«Этимъ дѣломъ было одно мгновеніе, когда насъ сильно встревожила будущая судьба дѣтей... Должна сознаться, что въ теченіе нѣсколькихъ дней я волновалась ужасно. Но за-

тѣмъ этотъ недостатокъ вѣры и упованія на благого и милосерднаго Бога, всегда все дѣлавшаго для насъ, Отца, какъ намъ извѣстно, сирыхъ, подобное столь грѣховное чувство, испугало меня до чрезвычайности. Я въ немъ раскаялась... и теперь одна только мысль, что судьба дѣтей находится въ Его рукахъ... снова даетъ мнѣ спокойствіе...

Помимо всѣхъ этихъ тревоженій жизнь въ Оѣкѣ текла мирно. Если бы матеріальная ея сторона была болѣе обезпечена, она была бы даже пріятной. Въ концѣ 1842 года княгиня писала Нарышкиной:

«Я не могу дать вамъ много подробностей о нашей жизни, она была бы довольно мирной сама по себѣ..., но мы живемъ въ стѣсненномъ состояніи, придающемъ нашему положенію много неприятностей и трудностей, переносить которыя надо умѣть *de bonne grâce*, чего я сразу не сумѣла сдѣлать. Сергій по истинѣ дѣлаетъ больше, чѣмъ можно было ожидать, имѣя въ виду обстоятельства. Слава Богу, что Саша за всѣ заботы отвѣчаетъ вполне нашимъ желаніямъ. Я не могу устоять, чтобы не сообщить вамъ, насколько эта маленькая Саша, которую вы знали такой крикуней и своенравной, стала серьезной и разумной молодой особой. Это отличная няня для своихъ сестеръ... Она имѣетъ склонность къ религіи, служащей намъ великимъ подспорьемъ; при всякомъ нѣсколько серьезномъ замчаніи, которое случается ей сдѣлать, она слѣдитъ за собой съ неожиданной отъ нея добросовѣстностью».

Изъ-за недостатка средствъ пришлось отказаться отъ покупки новыхъ книгъ. Это для княгини большое лишеніе.

«Я не позволила себѣ попросить даже учебныхъ книгъ, которыя будутъ мнѣ нужны для дѣтей... Моя собственная бібліотека чрезвычайно мала: она состоитъ изъ сочиненій св. Іоанна Златоуста въ 4-хъ томахъ (читинскихъ временъ), Массильона, Подражанія Иисусу Христу и разрозненныхъ житій святыхъ, одного года Воскреснаго Чтенія, Духа св. Терезы, въ 2-хъ томахъ, сочиненій Тихона Задонскаго. Само собой разумѣется я не упоминаю вамъ о Святомъ Писаніи, ибо оно должно находится въ основѣ всякой бібліотеки... Какъ только будетъ возможность, я хочу попросить нѣсколько книгъ и между прочими Духъ св. Франциска Сальскаго и его Введеніе въ Благочестивую Жизнь...

...«У меня нѣтъ времени читать, какъ я бы того хотѣла, у Сергія тоже, но у насъ всегда въ теченіе 24-хъ часовъ находится нѣсколько мгновеній, которыя мы посвящаемъ чтенію... Какъ вы, я люблю читать Отцовъ Церкви. Должна вамъ ска-

зять, что меня перестали интересовать книги исключительно литературнаго характера. Непонятныя женщины и женщины тридцати и сорокалѣтнія, все это мнѣ скучно и немного противно... Въ мои годы умъ больше направленъ на серьезныя темы..., когда мнѣ попадается религіозная книга по сердцу, хорошая историческая книга, житіе святого, какъ, напримѣръ, св. Доминика (Лакордера) или св. Елисаветы Венгерской (Монталамбера), я жадно на нее набрасываюсь... и нахожу въ ней большое удивленіе...

Нерѣдко бывало, что у Волконскихъ или у Трубецкихъ собирались жившіе въ окрестностяхъ поселенцы и мѣстные жители. Сбѣжались цѣлыми семьями. Дѣти дружили между собой не меньше родителей. Зина Трубецкая съ Нелли Волконской, ея братъ Миша съ Лизанькой. Однажды графиня Лебцельтернъ, славившаяся въ семьѣ своими музыкальными дарованіями, прислала сестрѣ романсъ своего сочиненія. Каташа съ гордостью отвезла его въ Урикѣ Волконской, когда-то пѣвавшей. Последняя пригласила Вадковскаго, жившаго рядомъ съ ними и попрежнему игравшаго на скрипкѣ, и они общими силами устроили концертъ. Въ архивѣ Лебцельтернъ сохранились слѣды о немъ — письмо княгини Волконской къ графинѣ Зинаидѣ отъ 15 ноября 1842 года:

«Я наконецъ получила вашу прелестную музыкальную вещь, графиня, и спѣшу поблагодарить васъ за нее. Это было вечеромъ, Каташа была у меня, я сразу же поторопилась разобрать ее съ помощью вашего шурина, ибо я, увы, не пою больше... Въ свою очередь, хотѣлось-бы мнѣ, графиня, быть вамъ пріятной, но какъ сего достигнуть? Наилучшій способъ былъ-бы разсказать вамъ про Каташу..., разсказать вещи, кои она, по скромности своей, считаетъ обязанной не говорить. Дѣло въ томъ, что три ея дочери являются особенными маленькими существами: Саша по разуму, уму, такту, кротости совершенно взрослая барышня, прибавьте къ этому присущую ея возрасту простосердечность. Лиза юная, граціозная, хорошенькая и красивая, все вмѣстѣ. Зинаида, моя любимица, представляетъ собой все, что можно себѣ пообразить въ смыслѣ кротости и нѣжности, она обладаетъ уже острымъ умомъ, и удивительной памятью. Каташа обожаетъ своихъ дѣтей. Она необыкновенно терпѣлива и нѣжна съ ними, но къ то же время и тверда, чѣмъ я не могу сама похвастаться. Мужъ ея самый нѣжный отецъ, какого можно себѣ представить. Позвольте мнѣ, графиня, окончить на этомъ мое письмо. Мои сестры скажутъ вамъ, какъ трудно мнѣ писать. Я все еще сильно страдаю отъ послѣдствій нервной болѣзни и съ трудомъ могу связать мои мысли. Все-же не хочу

покинуть васъ, не сказавъ вамъ, графиня, сколь была растрогана ваша сестра вашимъ отвѣтомъ на письмо ея, въ которомъ она писала вамъ объ одной мѣртъ, относящейся къ ея дѣтямъ. Она тотчасъ же сообщила мнѣ его и тутъ то я познала ваше сердце».

13 мая 1843 года княгиня родила сына, въ честь дѣдушки Лавалля крещенаго Иваномъ *). Роды на сей разъ были особенно трудные. «Я была очень близка къ смерти», писала Каташа Нарышкиной. Радость счастливаго материнства, теплая лѣтняя погода поставили ее постепенно на ноги.

15-го іюля 1844 года у княгини родилась четвертая дочь, Софья. Хотя все обошлось благополучно, но ей было не до писемъ. Лишь осенью собралась она написать Зинаидѣ.

«Ты давно уже должна получить извѣстіе о рожденіи моей маленькой Софьи, появившейся на свѣтъ 15-го іюля, въ день ангела нашего бѣднаго брата. Я поручаю ее твоей любви, а также благосклонности твоего мужа и твоей семьи. Здоровье мое довольно хорошо поправилось, но вообще все заставляетъ меня чувствовать, насколько я старѣю. Силы мои не тѣ уже, что были, ноги мало и скверно служатъ и я сама себя кажусь гораздо болѣе шестидесятилѣтней, чѣмъ сорокачетырелѣтней женщиной. ...Въ общемъ, многое могло-бы быть для меня предметомъ серьезной тревоги, если я смотрѣла бы на вещи съ точки зрѣнія человѣческихъ расчетовъ, но убѣжденная, что судьбы наши зависятъ отъ Бога и привыкли слѣпо отдавать въ руки Божьи себя и все, что мнѣ дорого, я чувствую себя спокойной и увѣренной, что Богъ сдѣлаетъ для насъ больше, чѣмъ мы того заслуживаемъ»...

Глава одиннадцатая.

Между тѣмъ графиня Лаваль не теряла надежды на расположеніе государя и лишь искала возможности воспользоваться случаемъ, чтобы испросить для Трубецкихъ разрѣшеніе выѣхать куда-нибудь изъ ихъ трущобы. Александра Григорьевна начала хлопотать о позволеніи княгинѣ, хотя-бы временно, безъ мужа, но съ дѣтьми, — «тамъ дальше видно будетъ», ду-

*) Князь Ив. Серг. Трубецкой, 1843-1874, дополнительнымъ указомъ сенату ему былъ «возвращенъ» титулъ, который его отецъ носилъ до осужденія.

мала она, — поселиться въ Иркутскѣ для лѣченія. Въ 1845 году 11 января Высочайше разрѣшено было «женѣ государственнаго преступника Трубецкаго проживать съ дѣтьми въ Иркутскѣ, до излѣченія ея отъ болѣзни; мужу же по временамъ прїѣзжать къ ней на свиданіе». На этомъ графиня Лаваль не успокоилась. Она старалась ковать желѣзо пока оно было горячо. 19 іюня 1845 года графъ Орловъ, шефъ жандармовъ увѣдомилъ генераль-губернатора Руперта, что Государь, «по просьбѣ дѣйствительной тайной совѣтницы графини Лаваль», разрѣшилъ 17 іюля помѣстить въ учрежденный въ Иркутскѣ дѣвичій институтъ двухъ внучекъ ея, «рожденныхъ въ Сибири отъ дочери ея, состоящей въ замужествѣ за находящимся на поселеніи Иркутской губерніи въ селѣ Оѣкѣ государственнымъ преступникомъ Трубецкимъ»... О перемѣнѣ имени не было больше и рѣчи! Въ довершеніе же всего начальницей этого, нарочно для этой цѣли учреждаемаго института, назначалась Кузьмина, давно извѣстная и близкая Каташѣ, гувернантка ея дѣтей. Вызвавъ ее въ Петербургъ, царица самолично поручила ея попеченію новое учебное заведеніе на далекой окраинѣ и совершенно особливо маленькихъ Трубецкихъ.

Къ концу лѣта, забравъ дѣтей, Каташа переѣхала въ Иркутскъ, въ хорошій большой домъ съ прекраснымъ садомъ, купленный графиней Лаваль въ подарокъ дочери. Переѣхали въ Иркутскъ и поселились по сосѣдству также и Волконскіе. Миша ходилъ въ гимназію, Нелли училась дома, но продолжала видаться и дружить съ дѣвочками Трубецкими. Послѣднихъ родители видали ежедневно. Своему другу Нарышкиной княгиня подробно описываетъ въ письмѣ отъ 15 ноября 1845 г. новую жизнь въ Иркутскѣ.

«Мы переѣхали въ городъ... Мужъ будетъ прїѣзжать насъ навѣщать отъ времени до времени съ разрѣшенія генераль-губернатора. Къ счастью это условіе оказалось лишь простой формальностью, такъ что мой мужъ ограничивается тѣмъ, что изрѣдка ѣздитъ въ Оѣкъ, вотъ и все. Позднѣ моя мать (противъ нашихъ желаній и не взирая на все, что я ей писала по этому поводу) просила и получила позволеніе помѣстить моихъ дочерей, Лизу и Зину, въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ, недавно открытый въ Иркутскѣ, съ сохраненіемъ ими отцовскаго имени. Еще взволнованные этимъ извѣстіемъ, котораго мы никакъ не ожидали, мы пережили глубокое горе... Нашъ послѣдній ребенокъ, наша дорогая, маленькая тринадцатилѣтняя Соня была унесена въ три дня времени случившейся дизентеріей... Наконецъ наши дѣвочки поступили въ Институтъ и съ тѣхъ поръ дни мои такъ расположены, что не даю

намъ много свободныхъ часовъ. Начальницей является то именно лицо, которое провело шесть лѣтъ въ Сибири съ нами, съ которой мы были тѣсно связаны и которая самымъ искреннимъ образомъ расположена къ намъ и къ дѣтямъ. Она взяла ихъ къ себѣ въ свою комнату. Ежедневно мы отправляемся туда... Дома съ нами находится одна лишь Саша, которая пользуется нашимъ пребываніемъ въ городѣ, чтобы рисовать сколько силъ хватаетъ карандашемъ и акварелью, что ей довольно-таки хорошо удается, да нашъ маленький Ваня, которому два года съ половиной и который насъ развлекаетъ и забавляетъ своей болтовней...

Между тѣмъ въ Петербургѣ тихо угасалъ старый графъ Лаваль. Зная Каташино сердце и ея глубокую привязанность къ своимъ, нетрудно угадать, каковы были ея переживанія въ эти мѣсяцы медленнаго умиранія любимаго отца за тысячи верстъ отъ нея. Напрасно старалась графиня Лаваль добиться для дочери разрѣшенія пріѣхать повидаться съ нимъ, хотя чтобы проститься передъ смертью, теперь, какъ и нѣсколько лѣтъ спустя, тому будетъ поставлено условіемъ — обратно не возвращаться. Какъ ни горячо любила Каташа родителей, подобнаго условія она принять не могла. Иванъ Степановичъ скончался 20-го апрѣля 1846 г.

Тяжелымъ бременемъ ложились на нее всѣ эти переживанія, длинные годы борьбы и лишеній. Жизнь износила Каташу! Когда графиня Лебцельтернъ увидѣла портретъ сестры, она не узнала ее... такъ постарѣть, такъ пополнѣть, такъ опуститься?

...«Я дѣйствительно очень полная, хотя и быть можетъ немного меньше чѣмъ на моемъ портретѣ», отвѣчаетъ на ея вопросы княгиня 10/22 февраля 1846 года, «вообще у меня совершенный обликъ и повадки шестидесятилѣтней женщины и чувствую я себя страшно постарѣвшей. Сергѣй тоже съ нѣкоторыхъ поръ старѣетъ сильно. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ у него волосы совершенно побѣлѣли»...

Съ переездомъ въ Иркутскъ отношенія съ мѣстными властями заставляли желать много лучшаго. Долго они не налаживались и на первыхъ порахъ подчасъ приходилось трудно. Случались ложныя положенія. Вслѣдствіе того, что княгиня Волконская повела дочь въ театръ, появилось первое распоряженіе «о запрещеніи женамъ государственныхъ преступниковъ посѣщать общественныя мѣста увеселенія»; послѣ посѣщенія Трубецкимъ музыкальнаго вечера въ институтъ — другое. Тонъ ихъ принималъ нерѣдко обидныя и оскорбительныя формы.

«Что я скажу вамъ про насъ?» — пишетъ княгиня Нарышкиной 7-го мая 1846 г.:

«Все это послѣднее время къ намъ здѣсь немного придирались... Бывали мгновенія, когда я, каюсь въ томъ чистосердечно, совершенно не принимала этого такъ, какъ должно было. Невзгоды эти доставили мнѣ много раздраженія и даже нѣсколько мгновеній настоящаго гнѣва. Я чувствовала, что во мнѣ совершается полный возвратъ къ мірскому. Я этому огорчалась, и все же, прося у Бога помочь мнѣ снова вернуться на правый путь, не имѣла достаточно энергій, чтобы желать сего всею силою, всеми способностями моей души, какъ то подобало. Наконецъ, слава Богу, все это успокоилось и я теперь испытываю печаль и униженіе, которыя будутъ мнѣ, надѣюсь, полезны и спасительны... Мы живемъ очень уединенной жизнью, не видя почти никого, посѣщая лишь Институтъ, чтобы видѣть дѣтей. Отъ времени до времени, когда я могу найти свободную минуту, я хожу къ архіепископу, который очень добръ ко мнѣ и никогда не отказываетъ дать мнѣ совѣтъ или что выговорить, зная, что я именно за этимъ и прихожу къ нему. Я его почитаю и очень искренно люблю».

Знакомство княгини съ архіепископомъ Ниломъ Иркутскимъ началось уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, съ первыхъ дней поселенія. Человѣкъ выдающихся нравственныхъ качествъ, видный ученый (имъ впервые переведено Священное Писаніе на монгольско-бурятскій языкъ), преосвященный Нилъ былъ связанъ съ декабристами, поселенными въ Восточной Сибири, чувствами искренней и настоящей дружбы, о чемъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшіе отрывки его переписки съ ними. Каташу владыка любилъ называть своей «второй матерью».

Слѣдствіемъ сенаторской ревизіи Толстого была отставка генерала Руперта. Безпорядки и злоупотребленія были настолько велики, что спрятать концы въ воду не представлялось возможности. Въ 1847 году былъ назначенъ Государемъ на должность генераль-губернатора Восточной Сибири молодой, 38-лѣтній генералъ, до того Тульскій военный губернаторъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ. Борьба съ эксплуатаціей и злоупотребленіями заняла всецѣло первый періодъ дѣятельности въ Сибири молодого генераль-губернатора. Поднятіе матеріальнаго и нравственнаго состоянія ввѣреннаго ему края было его главною заботой, и потому онъ уже не могъ не обратить вниманія на поселенныхъ въ Восточной Сибири декабристовъ. Многихъ изъ нихъ онъ зналъ лично, будучи еще ребенкомъ, съ другими знакомъ черезъ родныхъ и общихъ

старых друзей. Муравьев понимал, какую огромную культурную силу из себя представляли декабристы, и уяснял себе всю пользу, которую каждый из них, при условии большей свободы в своих действиях, мог бы принести краю. Дать им гражданские права было не во власти Муравьева; но чтобы возвысить общественное положение ссыльных декабристов, он открыл им двери своего дома и сам стал с женой запросто бывать у некоторых из них. Особенно сошлись они с Волконскими и Трубецкими. Эти новшества страшно «скандализировали подъяческую среду в Иркутске», а губернатор Пятницкий не устоял и послал министру внутренних дел на своего генерал-губернатора донос. Но случилось нечто совершенно неожиданное. Не прошло и двух месяцев, как губернатором был получен ответ, адресованный ему министром не как губернатору, а как частному лицу. «Государь Император», писал граф Перовский, «по докладу Его Величеству содержания рапорта вашего о действиях, по отношению к политическим ссыльным, непосредственного начальника вашего, генерал-губернатора Восточной Сибири, Высочайше повелеть соизволил: уволить вас вовсе от службы... «Вот наконец нашелся человек, который понимал меня», сказал царь, узнавши о действиях Муравьева, «понял, что я не ишу личной мести этим людям, а исполняю только государственную необходимость и, удалив преступников отсюда, вовсе не хочу отравлять их участь там»... Новый курс определенно начинался, а с ним вместе ссылка все больше и больше теряла свои черты драматизма.

За весь 1847 год не сохранилось ни одного письма княгини Трубецкой. Переписка с Нарышкиной, дававшая столько интересных черт ее внутренней жизни, обрывается совершенно и ее должно считать навсегда утерянной. Первое, после перерыва, письмо к графини Лебцельтерн помечено 15/27 января 1848 года из Иркутска.

Накануне нового 1849 года, под впечатлением дошедших до Сибири вестей о происходивших в то время революционных событиях в Западной Европе, княгиня пишет сестре: ... «Мы живем в очень грустное время, в которое кажется невозможно ничего предвидеть, ни объяснить. В конце концов, один Бог вдает, почему Он позволяет это страшное потрясение, и конечно тому есть разумный смысл, понять и угадать который мы сейчас не можем, но который в один прекрасный день нам обнаружит будущее»...

Единственное, сохранившееся въ архивѣ Лебцельтернъ, письмо княгини за 1849 годъ наполнено домашними новостями.

Шумно проводили конецъ старого и начало новаго, 1850, года Сашинька и Лиза Трубецкіе, Нелли и Миша Волконскіе. Танцовали до упаду то у однихъ, то у другихъ, въ особенности у генераль-губернатора. Веселились отъ всего сердца. «Я засталъ еще въ Иркутскѣ нѣкоторое количество ссыльныхъ 1825 года», пишетъ англійскій путешественникъ В. Аткинсонъ, посѣтившій около этого времени Сибирь, «и среди нихъ князей Трубецкихъ и Волконскихъ. Они были цвѣтомъ иркутскаго общества и съ ними я провелъ мои самые пріятные дни. Они жили въ довольствѣ, бывая всюду и притягивая къ себѣ все, что было наиболѣе выдающагося въ Иркутскѣ»... Ничего этого не оглашаютъ письма Каташи. Ея внутренняя личная жизнь протекала въ другомъ, невидимомъ постороннему глазу, планѣ. Тихимъ покоемъ и грустью заходящаго лѣтняго дня вѣсть о нихъ все больше и больше...

17-го сего февраля/1-го марта 1850.

«Спасибо тебѣ тысячу разъ, дорогой и добрый другъ мой, за твое доброе письмо отъ 26-го ноября, глубоко меня тронувшее. Нѣтъ никакой человѣческой вѣроятности, дающей намъ надежду встрѣтиться когда-либо снова вмѣстѣ на этой землѣ, но конечно будущее въ рукахъ Божьихъ. Сознаюсь тебѣ откровенно, что подчасъ, думая о всѣхъ васъ, такъ нѣжно мною любимыхъ, мнѣ случается испытывать такое сильное желаніе васъ всѣхъ увидѣть хотя бы на одно мгновение и сердце мое до того сильно бьется въ эти минуты, что я не въ состоянн дать тебѣ о томъ и понятія; но я думаю, что грѣшно предаваться столь сильнымъ желаніямъ и стараюсь поскорѣе вернуться въ должное подчиненіе волѣ Божьей, повторяя себѣ, что Богъ лучше насъ знаетъ, что намъ надо и что все, что Онъ творитъ, есть благо. Покаместъ что, мы должны безконечно благодарить Его за то единеніе, которое царитъ среди насъ и за ту нѣжную любовь, которую не могла ослабить столь долгая разлука и которая даетъ намъ, тѣмъ и другимъ, минуты такого утѣшенія! Время не только не ослабило моихъ чувствъ къ вамъ, но чѣмъ больше я старѣю, тѣмъ, кажется мнѣ, люблю я васъ сильнѣе и нѣжнѣе, чѣмъ когда-либо, и я не могу сказать тебѣ, какъ живы и свѣжи сохранились въ моемъ умѣ и сердцѣ мои дѣтскія и юношескія воспоминанія».

Очаровательный портретъ княгини этого времени оставленъ намъ Еленой Сергѣевной Рахмановой — Нелли Волконской. ... «Шаль, чепецъ, привѣтливое обшительное лицо, ласковыя

пухлыя руки, тонкій умъ, блестящій разговоръ». Ея нравственный обликъ отъѣняетъ Николай Андреевичъ Бѣлоголовый. ... «Олицетворенная доброта, окруженная обожаніемъ не только своихъ товарищей по ссылкѣ, но и всего населенія, находившаго у ней помощь словомъ и дѣломъ»... Здоровье ея сдавало все замѣтнѣе. Сказывалось все пережитое, перестраданное. Плохо служить стали ноги. Все чаще и чаще въ саду, даже въ домѣ приходилось просить другихъ возить себя въ креслѣ. На все это въ письмахъ Екатерины Ивановны нѣтъ ни ропота, ни жалобъ, лишь намеки, ставшіе понятными только послѣ, когда все было кончено. Она продолжаетъ жить для другихъ, чужой жизнью, на своей не останавливаясь.

5-го ноября 1850 года мать княгини, Александру Григорьевну Лаваль, разбилъ ударъ. Двѣнадцать долгихъ дней ея крѣпкій мясниковскій организмъ боролся со смертію. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири находился въ то время въ Петербургѣ. Узнавъ о положеніи графини, онъ бросился къ постели умирающей, умоляя ее позаботиться о судьбѣ дѣтей Трубецкихъ: «*de nos enfants*», настойчиво повторялъ онъ. Графиня послушалась и составила завѣщаніе на имя своихъ четырехъ дочерей. 17-го ноября Александры Григорьевны не стало.

Когда княгиня узнала о болѣзни матери, ея уже не было въ живыхъ. 29 декабря 1850 г. княгиня пишетъ сестрѣ:

«Мой добрый, дорогой другъ, насъ постигло очень горестное испытаніе... Несмотря на нашу глубокую печаль, мы не должны забывать всѣхъ имѣющихся у насъ поводовъ нашей благодарности Богу за долгій жизненный путь нашей матери, за то, что Онъ послалъ ей такую прекрасную христіанскую кончину (какъ она этого сама постоянно желала), безъ какого-либо страданія послѣднихъ минутъ. Дай Богъ намъ всѣмъ заслужить такую кончину и не забыть никогда поученія, которымъ служить для насъ смерть мама. Я плачу, но надѣюсь, что нѣтъ ропота въ моихъ слезахъ. Если я не всегда въ состояніи ихъ удержать, я чувствую по крайней мѣрѣ желаніе и потребность подчиниться въ глубинѣ души моей Его Божеской волѣ. Но это разстояніе, которое меня отдѣляетъ отъ всѣхъ моихъ, ужасно тяжелая вещь! Горюя за себя, не могу воздержаться, чтобы не горевать въ то же время за моихъ сестеръ. Я думаю о всѣхъ васъ съ нѣжностью и тревогой... Какое было бы для меня огромное счастье васъ всѣхъ видѣть въ эти первыя мгновенія общаго горя и соединить мою скорбь и мои слезы съ вашими. Господь не пожелалъ, чтобы сіе такъ было, и я подчиняюсь въ этомъ Его святой волѣ. Не намъ судить Его Божественныя постановленія»...

Слѣдующее письмо къ сестрѣ, отъ 29 марта, отвѣтъ на скрестившееся съ нимъ письмо графини Лебцельтернъ, наполнено тѣми же чувствами грусти и мира. Касаясь дѣлъ наслѣдственныхъ, княгиня пишетъ:

... «Дай Богъ, чтобы когда первая впечатлѣнія немного улягутся, всѣ ваши дѣла окончились бы скорѣе и ко всеобщему удовольствію. Я не могу допустить, чтобы между нами могло бы возникнуть хотя бы малѣйшее недоразумѣніе изъ-за денежныхъ интересовъ и сердце мнѣ подсказываетъ, что ни одна изъ насъ четырехъ никогда не будетъ въ состояніи иначе обсуждать эти дѣла, какъ въ полномъ спокойствіи и въ духѣ наибольшаго примиренія. И конечно, вмѣсто того, чтобы ослабить дружбу, царящую всегда между нами, смерть нашей матери лишь можетъ крѣпче связать эти узны»...

Въ началѣ весны сестры собрались для раздѣла на Англійской Набережной; снова были онѣ вмѣстѣ подъ роднымъ кровомъ, всѣ, кромѣ княгини Каташи. Зятю своему графу Борху поручила она замѣнить ее на семейномъ совѣтѣ. Раздѣлъ въ дружной семьѣ Лавалей былъ лишь печальной, дѣловой необходимостью. И Борхъ и его жена старались изъ всѣхъ силъ привести въ ясность дѣла покойной графини, считая себя по совѣсти отвѣтственными передъ другими въ этомъ огромномъ, безпорядочномъ наслѣдствѣ. Княгинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ досталось великолѣпное Пензенское помѣстье, гдѣ когда-то трагически погибъ ихъ братъ Владиміръ, и прелестныя «Саблы» въ Крыму, у Симферополя.

Душою, чувствами Каташа была съ сестрами вмѣстѣ въ Петербургѣ. ... «Мнѣ такъ пріятно представлять себѣ насъ всѣхъ собравшимися въ это мгновеніе, — писала она 26 мая 1851 года графинѣ Зинаидѣ:

«Мое воображеніе переноситъ меня къ вамъ во всякое время дня. Конечно, я была бы счастлива, хотя бы лишь въ надеждѣ провести когда-либо также нѣсколько короткихъ минутъ съ вами всѣми и было бы естественно, если бы такая мысль не приходила бы иногда мнѣ на умъ... Богъ столько сдѣлалъ для меня и среди всѣхъ его благодѣяній однимъ изъ наибольшихъ я считаю нѣжную и постоянную дружбу со всѣми моими сестрами и радость, которую я испытываю въ моей любви къ вамъ. Надѣюсь, что вы покончили всѣ дѣла къ всеобщему удовольствію и что каждая изъ насъ останется довольной сама собой и другими»...

Въ концѣ сороковыхъ годовъ Петербургъ, въ особенности его военная среда, немало забавлялся проказами конногвардейца Давыдова. Сынъ стараго лейбъ-гусара и декабриста Василя Львовича Давыдова, Петръ Васильевичъ, родившійся за годъ до приговора надъ отцомъ, остался на попеченіи родственниковъ въ Россіи, когда его мать уѣхала въ Сибирь. По окончаніи Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, получивъ въ наслѣдство совместно съ братомъ, по случаю гражданской смерти Василя Львовича, отцовское состояніе, онъ поступилъ въ Конный полкъ и скоро сдѣлался его любимцемъ. «Ni beau, ni laid», какъ характеризовала его княгиня Каташа, Петръ Давыдовъ своимъ добрымъ сердцемъ и непосредственной свѣжестью, вѣющей отъ всего его облика, располагалъ къ себѣ и товарищей и начальство. Обыкновенно скромный и тихій, онъ любилъ «загулять» и тогда умѣлъ давать размахъ своей широкой русской натурѣ. Много проказъ сошло веселому корнету даромъ, но вотъ однажды въ Красномъ, въ лагеряхъ, нелегкая попугала его вскочить на своего коня и подъ дружный хохотъ товарищей и солдатъ проскочить маршь маршемъ «въ чемъ мать родила» по городской площади. Скандалъ вышелъ незаурядный. Пришлось доложить Государю. Ждали бури и не дождались. «Пусть-ка отправиться въ Сибирь провѣдать отца», рѣшилъ царь.

Въ началѣ 1851 года Петръ Давыдовъ появился въ Красноярскѣ у родителей. Оттуда до Иркутска безъ малаго тысячу верстъ — рукой подать! Мать и сестры твердили ему о тамошнихъ друзьяхъ Трубецкихъ, о кузинѣ Волконской, о ихъ радушномъ гостепріимствѣ и веселой окружающей ихъ молодежи. Какъ было устоять отъ искушенія и не поскакать въ «Сибирскія Афины»?

Высокая, стройная, лицомъ похожая на свою тетку Потемкину, съ горящими черными глазами грузинской царевны, хороша была Лиза Трубецкая. Она и характеромъ вышла въ родъ князей Грузинскихъ. Ни отцовскаго прекраснодушнаго безволія, ни кротости и смиренія матери въ ней не было и помину. Бойкая, огневая, веселая, гордая, властная. Съ первой же встрѣчи, съ первой улыбки она полонила Давыдова. Свадьба рѣшена была скоро.

15/27 ноября 1851 года Екатерина Ивановна писала сестрѣ:

...«Мой добрый, дорогой другъ, я пишу себѣ сегодня, чтобы сообщить тебѣ о событіи, въ которомъ ты конечно примешь живѣйшее участіе. Дѣло касается свадьбы Лизы, которая выходитъ замужъ за Петра Давыдова... Петръ такой прекрасный юноша, поистинѣ примѣрный сынъ и братъ, обладающій такимъ любящимъ сердцемъ, такими благородными чувствами и крѣпкими правилами, столь влюбленный въ Лизу, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ сдѣлаетъ ее счастливой. Она привязалась къ нему всѣмъ сердцемъ и я рада видѣть ту серьезность, съ которой она относится къ своимъ новымъ обязанностямъ»...

9-го января 1852 года вѣнчали Лизу Трубецкую. Вскорѣ затѣмъ молодые отправились въ Россію. Лиза сіяла счастіемъ, но княгиня съ дочерью прощалась навсегда и сознавала это.

Сердце княгини еще было наполнено грустью разлуки съ Лизой, какъ настала чередъ Сашиньки. Некрасивая лицомъ, но умная, всесторонне образованная личными трудами отца и матери, Александра Сергѣевна своими нравственными качествами походила на Каташу. Разъ уже, не желая разставаться со своими, Саша отказала просившему ея руки Кяхтинскому градоначальнику Николаю Романовичу Ребиндеру. Человѣкъ умный, благородный, Ребиндеръ былъ очень цѣннымъ и любимымъ Муравьевымъ, у него же онъ и познакомился съ Трубецкими.

«Дорогой и добрый другъ мой», писала Каташа графинѣ Лебцельтернъ 28 апрѣля/10 мая 1852 года:

«Софья тебѣ вѣроятно уже сообщила о свадьбѣ нашей милой Саши съ господиномъ Ребиндеръ и также о томъ, какъ мы того желали и какъ мы тому всѣ радуемся, и я увѣрена, что и ты тоже порадовалась этому. Онъ человѣкъ ума и знанія, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ, искренно и глубоко любящій Сашу, давшій ей о томъ вѣрное доказательство тѣмъ, что испытавши въ первый разъ неудачу, онъ все же возобновилъ попытку. Ему сорокъ лѣтъ: онъ вдовъ и Сашу именно пугало то, что она не сумѣетъ быть для его дочери (дѣвочки двѣнадцати лѣтъ) вполне хорошей мачехой, какъ она того бы желала. Но я думаю, что ей въ этомъ отношеніи страшиться нечего»...

Горести разставаній наложили печать на Трубецкого и на княгиню. Они еще больше состарились за этотъ годъ. Ростъ Ваня. Зина, окончившая институтъ, была уже поддержкой. Мирно, тихо текла ихъ жизнь въ Иркутскѣ. За работой, за книгой вокругъ горящей лампы, незамѣтно проходили вечера ...«Спѣшу поблагодарить тебя за твои милые два письма и сказать тебѣ, какъ глубоко они насъ тронули», пишетъ Каташа сестрѣ 23 октябръ (4 ноября) 1852 года:

«Вотъ пятьдесятъ лѣтъ, что мы любимъ другъ друга; ничто никогда не могло ослабить нашу ничѣмъ незапятнанную дружбу и мы привыкли полагаться одна на другую. Но ты умѣешь высказывать это столь хорошо и вѣрно, въ твоихъ письмахъ имѣется что-то такое, что идетъ прямо къ сердцу. Когда я подумаю о томъ, что по всѣмъ человѣческимъ вѣроятностямъ у меня нѣтъ никакой надежды когда-либо съ тобой свидѣться, сердце у меня падаетъ, я начинаю грустить и, чтобы стряхнуть эту печаль, я должна сказать себѣ, что предаваться ей равносильно ропоту на волю Божью. Я начинаю молиться и молитва даетъ мнѣ миръ»...

Начало 1853 года омрачилось извѣстіемъ о болѣзни графа Лебцельтернъ. Онъ видимо старѣлъ, припадки подагры становились все мучительнѣе и опасались за его жизнь. Въ то же самое время обѣ сестры Зинаида и Екатерина Ивановны готовились одновременно стать бабушками *). Княгиня даже вторично, ибо у Лизы Давыдовой въ октябрѣ родился уже сынъ Василій. Къ Сашинькинымъ родинамъ семья Трубецкихъ собралась въ Кяхтѣ. Роды предполагались быть въ началѣ марта, но Каташино письмо графинѣ Лебцельтернъ, помѣченное Кяхтой 12/24 марта, свидѣтельствуешь о томъ, что всѣ расчеты оказались ложными.

Наконецъ 31 марта все было благополучно кончено. 2/14 апрѣля княгиня писала сестрѣ:

«Мой добрый и дорогой другъ, пишу тебѣ сегодня лишь одно слово, чтобы поручить твоей благосклонности и твоей любви, а также всѣхъ твоихъ, маленькаго Сергѣя Ребиндера, родившагося третьяго дня, 31-го марта стараго стиля... Ребиндеръ извиняется, что не пишетъ вамъ самъ сегодня, чтобы сообщить о рожденіи своего сына. У него невѣроятное количество дѣловыхъ бумагъ къ отправкѣ завтра».

Ребиндеру дѣйствительно было не до семейныхъ писемъ. Все свое время проводилъ онъ въ совѣщаніяхъ съ Муравьевымъ, подготавливая свиданіе съ Ургинскимъ амбанемъ Бэйсе, важное уже потому, что за 200 лѣтъ нашихъ сношеній съ Китаемъ это было первое. Состояться оно должно было въ августѣ, а до того они рѣшили съ женой поѣхать отдохнуть на Дарасунскія воды. Въ дорогѣ у Читы всѣ они едва не погибли. «Эти послѣднія недѣли я провела въ страшномъ безпокойствѣ, но въ

*) Дочь графини З. И. Лебцельтернъ Александра вышла замужъ за виконта де-Каръ, француза, морского офицера Сардинскаго королевства.

настоящее время, слава Богу, успокоилась», пишет княгиня сестрѣ 3/15 августа 1853 года:

«Бѣдучи на Дарасунскія воды подѣ Нерчинскомѣ, Ребиндѣры опрокинулись при спускѣ съ крутой и отвѣсной горы около Читы. Самъ Ребиндѣръ сломалъ себѣ ногу и довольно глубоко поранилъ голову. Моя бѣдная Саша оставалась нѣкоторое время подѣ копытами лошадей, удары коихъ ей повредили ноги до того, что три недѣли спустя она не могла еще ходить. Что касается маленькаго Сережи, то, когда экипажъ разбился, онъ тихо сползъ на землю безъ малѣйшаго поврежденія. Въ настоящее время, слава Богу, Ребиндѣръ ходитъ на костыляхъ и Саша совершенно оправилась. Это чудо милости Божьей, что все такъ благополучно окончилось и мы не можемъ за то достаточно воздать благодареній Богу».

Къ концу августа Ребиндѣръ настолько поправился, что могъ отправиться на свое свиданіе съ амбаньемъ. Онъ предложилъ на немѣ китайскому воеводѣ уступить русскому царю устья Амуре для обоюдной защиты его отъ англичанъ или американцевъ и тѣмъ положилъ основаніе дальневосточной политикѣ Муравьева. Успѣхи зятя не могли не радовать княгиню; судьба обѣихъ дочерей ея была устроена и хорошо устроена. Отнынѣ она могла еще спокойнѣе глядѣть въ будущее, на разрушеніе своего «внѣшняго челоуѣка». Оставались на рукахъ Зина и Ваня. Зина, по внѣшности способная тягаться съ Лизой, а внутреннимъ складомъ напоминавшая не столько Сашиньку или свою мать, какъ тетку Зинаиду Лебцельтернъ, была прелестна и несмотря на юность — ей шелъ семнадцатый годъ — было ясно, что долго ждать жениховъ ей не придется. Недаромъ уже теперь чиновникъ особыхъ порученій при Муравьевѣ, Свербеевъ, просилъ разрѣшенія бывать у нихъ въ домѣ. А что касалось до сына, то княгиня и вѣрила и знала, что «незримая воспитательница безматерныхъ сиротъ» не позволитъ ему погибнуть. Княгиня Екатерина Ивановна чувствовала себя совершенно счастливою.

10 января 1854 года (29 декабря ст. ст.) графа Лебцельтернъ разбилъ апоплектическій ударъ. 18 января (6 января), послѣ 14-ти часовою агоніи, онъ пришелъ въ себя, приобщился, соборовался и простившись съ женою и дочерью, тихо скончался. Смерть графа Лебцельтернъ страшно потрясла княгиню Екатерину Ивановну. Въ ней она увидала и почувствовала приближеніе своей собственной. Въ тотъ же день, какъ вѣсть о ней достигла Иркутска, она писала графинѣ (1/12 марта 1854 года):

«Надо ли говорить тебѣ, мой добрый и дорогой другъ, о томъ, что мужъ мой и я испытали при полученіи печальнаго извѣстія, дошедшаго до насъ вчера. Богъ да поддержитъ тебя и нашу дорогую Сашу, и да укрѣпитъ Онъ васъ обѣихъ! Я благодарю Его за то, что Онъ даровалъ тебѣ эту покорность, подчиненіе Его святой волѣ, чистую христіанскую кротость, о которыхъ свидѣлствуютъ твои письма. Но тѣмъ не менѣе все же очень глубоко чувствую, сколько страданія въ вашихъ бѣдныхъ сердцахъ и не могу безъ слезъ думать о васъ».

Жалость къ сестрѣ, воспоминанія о всемъ томъ, что сдѣлала для нея въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ ея жизни ушедшій, сознаніе своей невольной вины передъ нимъ, все это еще больше усугубляло переживанія княгини. На слѣдующій день, 2-го марта, получивъ отъ графини письмо съ подробнымъ описаніемъ происшедшаго, Каташа снова пишетъ сестрѣ:

...«Ты знала нашу нѣжную любовь къ нему и ты очень хорошо поймешь, какъ глубока наша печаль... Когда я дошла до того мѣста въ письмѣ, гдѣ ты мнѣ пишешь о его чрезмѣрной добротѣ, о его столь миломъ характерѣ, о всѣхъ его прекрасныхъ и чудныхъ качествахъ, представивъ себѣ особенно живо время, проведенное нами вмѣстѣ, со дня твоего замужества до нашего отъѣзда, когда я дѣйствительно его узнала, я горько плакала. Мы непрерывно думаемъ о тебѣ и о Сашѣ: полагаемся на вашу покорность волѣ Божьей. Мы вполне увѣрены, что вы страдаете безропотно, но не можемъ себѣ представить, каково будетъ ваше существованіе (твое въ особенности) безъ него. Да поддержитъ и укрѣпитъ васъ Господь, мои добрые, дорогие друзья. Молюсъ вмѣстѣ съ вами со всѣмъ рвеніемъ, на которое я способна»...

Сама княгиня тоже была уже близко у цѣли. Оставалось еще одно, послѣднее, великое испытаніе и его она пройдетъ, какъ всѣ, отважно, съ вѣрой и упованіемъ. Не является ли человѣческая смерть гораздо больше итогомъ цѣлой жизни нежели простымъ концомъ ея?

Всю весну, все лѣто 1854 г. княгиня Екатерина Ивановна проболѣла. Къ ея обычнымъ недугамъ прибавился еще неотвязчивый, сухой кашель. Начались боли въ желудкѣ и пришлось отказаться отъ постной пищи Великимъ постомъ. На Петровкахъ княгиня говѣла, ходила въ церковь, попала подъ дождь и кашель, какъ-будто ее оставившій, возобновился. Появились поты по ночамъ, снова появилась старая мучившая ее уже два года экзема. Не подъ силу было Каташѣ поѣхать въ Кяхту къ

новымъ родамъ Сашиньки. Какъ ни хотѣлось повидаться, пришлось остаться въ Иркутскѣ. Трубецкой отправился одинъ.

Лѣтомъ этого 1854 года пріѣхала въ Иркутскъ проводить брата вдова министра двора, фельдмаршала, свѣтлѣйшая княгиня Софія Григорьевна Волконская. Всѣ главные моменты жизни княгини Каташи были до сего времени связаны съ личностью Софіи Григорьевны Волконской. 16 мая 1821 года въ Парижѣ княгиня благословляла ее къ вѣнцу, была ея посаженной матерью. Она же предстоѣла ей въ Пелле на Невѣ, въ минуту прощанія съ мужемъ, идущимъ въ оковахъ на каторгу. Самъ Богъ, казалось, хотѣлъ, чтобы опять Софія Григорьевна была бы теперь уже при умирающей Каташѣ.

Извѣстія изъ Кяхты радовали Екатерину Ивановну. Сашинька благополучно разрѣшилась сыномъ. Тѣмъ временемъ въ ея собственномъ здоровьи наступило новое осложненіе. Образовавшийся не то нарывъ, не то язва на раковой почвѣ, мѣшала ей вставать, ходить, сидѣть. Пришлось слечь въ постель. Боли были мучительны, но Каташа не поддавалась. Мужу она писала изъ Кяхты, советуя ему не торопиться и подольше погостить у Ребиндеръ, ни словомъ не намекая на свои страданія. Мучимый предчувствіями Трубецкой все-же вернулся раньше времени. Съ его пріѣздомъ княгинѣ стало много лучше. Веселая, довольная она не хотѣла согласиться на пріѣздъ Сашиньки, не желая тревожить дочь, недавно только что ставшую матерью. Но въ началѣ октября вдругъ ей стало хуже. Болѣзнь распространялась быстро. Какъ это ни странно, никто не понималъ, что конецъ близко. 11 октября Зина Трубецкая, по просьбѣ матери, поздравляя графиню Лебцельтернъ со днемъ ангела, прибавляла въ своемъ письмѣ:

...«Мама на этихъ дняхъ очень насъ напугала: у нея сдѣлались очень сильныя спазмы въ желудкѣ, которая чрезвычайно ее ослабили. Сегодня шестой день болѣзни, она еще въ постели и находится въ постоянной дремотѣ. Опасность, по словамъ врачей, прошла, но ее надо всячески беречь, малѣйшая неосторожность можетъ ей очень повредить»...

Улучшеніе однако оказалось обманчивымъ: всего черезъ три дня послѣ этого письма Каташи не стало...

14-го октября 1854г. княгиня С. Волконская, сообщая въ Петербургъ графу Борхъ о кончинѣ Екатерины Ивановны, писала:

«Графъ,

Я уподномочена исполнить грустное порученіе передъ вами, извѣститъ васъ о преждевременной кончинѣ вашей свояченицы Екатерины, скончавшейся сегодня утромъ въ 7 часовъ съ половиной, въ полнѣйшемъ мирѣ, съ покорностью, свойственной христіанской душѣ и чистой совѣсти. Она благословила своихъ дѣтей, мужа, ни на минуту ее не покидавшихъ и столь сраженныхъ постигшимъ ихъ ударомъ, что Сергѣй, неспособный думать о чемъ-либо, кромѣ своего горя, просилъ меня извѣститъ васъ о немъ, дабы со всей осторожностью, которую внушитъ вамъ ваша нѣжность, вы могли бы приготовить почтенную супругу вашу къ пріятію сего печальнаго извѣстія. Болѣзнь, собственно говоря, продолжалась одну лишь недѣлю, хотя она и страдала уже нѣсколько мѣсяцевъ упорнымъ кашлемъ, не поддававшимся никакому лѣченію. Въ ночь со вторника на среду прошлой недѣли, у нея началась рвота и спазмы въ желудкѣ: врачъ опредѣлилъ это разстройствомъ. Это злоключеніе сопровождалось большой слабостью и почти непрерывнымъ дремотнымъ состояніемъ. Всѣ думали, что само сей является укрѣпляющимъ и были спокойны относительно опасности, которая не казалась угрожающей. Тѣмъ не менѣе въ прошлое воскресенье она причастилась и сей актъ исполненнаго религіознаго долга, увеличивъ покой ея души, казалось также оживилъ силы, которая окрѣпла. Но это не продолжалось долго. Вчерашней ночью она была неспокойна, захотѣла встать, почувствовала себя дурно. Уложенная въ постель, она проспала часъ. Снова она пожелала сѣсть въ свое кресло, попросила лѣду и только вчера къ вечеру врачъ объявилъ, что она безнадежна. Въ теченіе ночи она потребовала священника и сегодня утромъ она поконитъ въ лонѣ Господнемъ. Несчастный Сергѣй находится въ состояніи весьма тяжкаго унынія; мальчикъ разрываетъ сердце своими отчаянными слезами; Зина глубоко печальна, а кроткая госпожа Ребиндеръ не предполагаетъ еще удара, отнимающаго отъ нея горячо любимую мать. Мужъ тѣ, бывшій здѣсь на прошлой недѣлѣ, уѣхалъ какъ разъ наканунѣ этого припадка, вполне успокоенный насчетъ состоянія здоровья своей тещи, ибо врачъ увѣрялъ, что нѣтъ ни малѣйшей опасности. Вы, графъ, не можете сомнѣваться о томъ участіи, которое я, будучи столько лѣтъ близка со всей вашей семьей, принимаю въ этомъ горѣ и въ этомъ я лишь присоединяюсь къ общему чувству сожалѣнія, раздѣляемому всѣми ея друзьями, всѣмъ, можно сказать, городомъ, ибо ея пріятливый характеръ, ея участливае обращеніе, ея ко всѣмъ доброжелательство дѣлали изъ нея выдающуюся женщину общества, утѣшительницу для несчастныхъ и поддержку для друзей...

Въ тотъ же день Зина Трубецкая сняла съ шеи матери колечко, которое та всегда носила вмѣстѣ съ крестильнымъ кре-

стомъ, чтобы послать его графинѣ Лебцельтернѣ. Сопроводительное письмо ея, хотя написанное четыре мѣсяца спустя, настоящій крикъ глубоко тоскующаго сердца: «Боже мой! что бы это было, если-бъ у насъ не было надежды вновь соединиться въ будущей жизни, если-бъ все должно кончаться въ тотъ моментъ, когда мы покидаемъ землю»...

«Увы, все конечно съ нашей дорогой доброй Каташей», извѣщала сестру графиня Борхъ:

«Она умерла въ странѣ изгнанія, гдѣ въ теченіе 25 лѣтъ служила поддержкой и утѣшеніемъ для своего бѣднаго мужа, не переставала быть Провидѣніемъ для столькихъ несчастныхъ... Легко представляю себѣ твою скорбь при извѣстии о кончинѣ нашей доброй Каташи, когда даже у меня, которая была еще столь молода при ея отъѣздѣ... утрата ея оставляетъ огромную пустоту. У меня разрывается сердце при мысли о несчастномъ Сергѣѣ...» *).

Въ Иркутскѣ дѣйствительно печаль была всеобщая. Съ какою задумчивостію она выражалась, свидѣлствуютъ нѣсколько сохранившихся писемъ мѣстныхъ жителей къ архіепископу Нилу, давнишнему другу княгини.

Подробности этихъ тяжелыхъ дней лучше всего рисуются самимъ Трубецкимъ въ его письмѣ къ графинѣ Лебцельтернѣ. Горемъ и миромъ вѣетъ отъ него. Мира этого Каташа всегда искала, теперь онъ излучался ея смертію.

25 февраля 1855.

«Дорогая моя Зинаида, я могъ бы раньше отвѣтить на твое письмо, но оно до такой степени расстроило меня, что мнѣ понадобилось времени, дабы оправиться отъ моего волненія и написать тебѣ спокойное письмо. Ты вѣрно угадала, дорогой другъ, все, что я перечувствовала. Ты воздала сестрѣ твоей всю такъ хорошо заслуженную ею справедливость. Твое письмо наполнено этой нѣжной и неизсякаемой любовью, которую ни время, ни пространства никогда не могли преодолѣть, и сохранившуюся столь же сильной, столь же горячей до сего дня, какой была въ пору нашей молодости. Какъ передать тебѣ все, что я испытала, читая твое письмо? Достаточно сказать тебѣ, что оно заставило меня рыдать какъ ребенка. Твоя сестра платила тебѣ той же нѣжностью, что ты испытывала къ ней»...

Подробно рассказавъ о послѣднихъ дняхъ княгини, Трубецкой продолжалъ:

*) Архивъ Лебцельтернѣ. Письмо гр. С. И. Борхъ отъ 19 ноября 1854 г.

«Да будет святая Господня воля. Онъ опредѣлялъ все не согласно съ нашими желаніями, но согласно Своему предвидѣнію... Онъ захотѣлъ избавить ее отъ горестей этой жизни и перенести въ лучший міръ, чтобы насладить небеснымъ блаженствомъ... Я знаю, что ей хорошо тамъ, гдѣ она теперь находится; убѣжденъ, что именно она была нашимъ ангеломъ хранителемъ въ одномъ недавнемъ обстоятельстве, когда всей семьѣ угрожала неминуемая опасность. Мнѣ ее не достаетъ, но я ее не оплакиваю; знаю, что ее душа всегда съ нами, такъ же точно, какъ моя мысль постоянно съ нею. Я буду продолжать безъ жалобъ терпѣть существованіе до тѣхъ поръ, пока Господь въ своей мудрости найдетъ это нужнымъ, такъ какъ я убѣжденъ, что Онъ не оставитъ меня безъ пользы прозябать на этомъ свѣтѣ, лишь только никто изъ моихъ не будетъ имѣть нужды во мнѣ. Спасибо тебѣ, дорогая Зинаида, за предложенныя тобой мнѣ услуги. Что я могу просить? Твое расположеніе къ моимъ дѣтямъ? Я знаю хорошо, что ты имъ его уже подарила. Сообщай мнѣ временами извѣстія о себѣ а также о твоей дочери, вотъ все, что я пока прошу тебя исполнить, что же касается будущаго, то оно въ рукахъ Божіихъ... Мать остается лишь благодарить Бога, давшего моимъ дѣтямъ такихъ добрыхъ, такихъ любящихъ родственниковъ. Мое одно желаніе быть руководителемъ моей младшей дочери до тѣхъ поръ, пока она со мной, и продолжать развивать сѣмена тѣхъ добрыхъ качествъ, коими Провидѣніе надѣлило моего сына. Онъ еще молодъ, ему нѣтъ еще двѣнадцати лѣтъ, я нисколько не рассчитываю прожить достаточно долго, чтобы окончить его воспитаніе, но я на этотъ счетъ спокоенъ, ибо я убѣжденъ, что при наличности родныхъ, дающихъ намъ столько доказательствъ своего къ намъ участія, недостатка въ покровителяхъ у него не будетъ. Покидаю тебя, цѣлуя милліонъ разъ твои руки и прося сказать много нѣжнаго отъ меня твоей дочери. Я убѣжденъ, что она приняла живѣйшее участіе въ нашемъ горѣ. — Сергѣй».

17-го октября въ Знаменскомъ монастырѣ, рядомъ съ могилою ея дѣтей, хоронили княгиню Каташу. Монахини на рукахъ вынесли изъ церкви гробъ. Всѣ находившіеся въ округѣ декабристы, всѣ Иркутскъ съ главѣ съ Муравьевымъ шли за нимъ. Заунывно перезванивали колокола, надрывая душу мужа, дѣтей.. Последнее аллилуйя, последнее прощаніе... «Животъ нашъ есть: цвѣтъ и дымъ и роса утренняго воистину... придите ко Христу припадемъ со слезами...»

Рѣчей при погребеніи княгини не произнесъ никто, — нигдѣ не казались онѣ такъ излишни, какъ у этой могилы. «Ей не нужно было ни надгробныхъ словъ, ни похвалъ человѣче-

скихъ, которыя бы напомнили о жизни ея», сообщалъ редакторъ «Вѣстника Восточной Сибири» преосвященному Нилу въ Ярославль. «Дѣла покойной сами за себя говорятъ. Толпа, обладательствованная ею, принесла ей дань любви — сердечныя слезы. Миръ праху твоему, святая, незабвенная женщина!..»

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Прогремѣли и умолкли пушки Севастополя, опустили въ склепъ крѣпостного собора тѣло царя Николая Павловича. У власти стали новые люди, умами завладѣли инныя идеи. Всюду вѣяло переменами. Ихъ ожидали всѣ и въ частности родные покойной княгини Екатерины Ивановны Трубецкой, не предпринимавшіе въ ихъ предвидѣніи никакихъ шаговъ для окончательнаго приведенія въ порядокъ имущественныхъ отношеній ея дѣтей. Изъ нихъ лишь двѣ старшія дочери благодаря замужеству были признаны закономъ, а Елисавета Сергѣевна Давыдова еще при жизни матери надѣлена отъ нея дарственной на крымское имѣніе «Саблы». Княгиня собиралась тѣмъ же порядкомъ обезпечить и Сашиньку пензенскимъ помѣстьемъ, но не успѣла. Судьба двухъ другихъ, Зины и Вани, висѣла на воздухѣ. Въ началѣ 1855 года Николай Романовичъ Ребиндеръ съ женой покинулъ Сибирь и вскорѣ, получивъ должность попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а затѣмъ Одесскаго, переселился на югъ въ ожиданіи сенаторства. Черезъ годъ, 12 января Зина Трубецкая стала невѣстой Николая Димитріевича Свербеева *). Онъ согласился на ея непремѣнное условіе, оставаться жить въ Сибири и не покидать отца. 30 апрѣля состоялась и свадьба. Завѣтная мечта княгини была исполнена. Письмо Трубецкого отъ 28 января (9 февраля) 1856 года къ графинѣ Лебцельтернъ даетъ картину жизни осиротѣвшей семьи.

... «Полагаю, что не докучу тебѣ, рассказавъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ я провелъ только что ушедшій годъ. Изъ моего письма отъ 25 февраля ты знаешь, что я былъ у моей дочери, когда получилъ твое милое письмо отъ 12/24 декабря. Съ тѣхъ поръ я не двигался съ мѣста, ведя очень замкнутую жизнь и почти три мѣсяца ухаживалъ за моимъ сыномъ, заболѣвшимъ

*) Н. Д. Свербеевъ (1829-1860), сынъ Д. Н. Свербеева, бывшаго дипломата и богатаго московскаго барина.

скарлатиной. Что же касается моей старшей дочери, то она съ прошлой зимы находится въ Петербургѣ, гдѣ мужъ ея задержанъ какъ обстоятельствами своей службы, такъ и нашими имущественными дѣлами. Я не имѣю никакой увѣренности надѣяться на ихъ обратное возвращеніе, но вопросъ сей разрѣшится лишь къ веснѣ. Я доволенъ, что онъ (Ребиндеръ) въ настоящее время находится на мѣстѣ, ибо Саша должна родить не позднѣ марта мѣсяца и путешествіе въ такое время было бы рискованно. Это будетъ ея третій ребенокъ; второй находится у меня, ему восемнадцать мѣсяцевъ и онъ потѣшаетъ насъ своими проказами. У моей дочери Лизы имѣются сынъ и дочь, она находится въ имѣніи своего мужа и не двигается оттуда; война выгнала ее изъ ея крымскаго имѣнія...

26-го августа 1856 года была назначена коронація новаго государя. Все тянулось въ Москву, царило восторженное настроеніе, но никому и въ голову не приходило, что сынъ Николай I-го дастъ полную амністію тѣмъ, кто поднялся противъ его отца. Записанный въ заводскіе крестьяне и служившій чиновникомъ при Муравьевѣ Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій съ сестрой Еленой Сергѣевной Молчановой находились въ это время также въ Москвѣ. Въ день коронаціи, послѣ обѣда, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ срочно вызвалъ къ себѣ Волконскаго. Вышедши къ нему въ приемную съ пакетомъ въ рукахъ: «Государь Императоръ, узнавъ, что вы находитесь въ Москвѣ», сказалъ онъ, «повелѣлъ мнѣ передать вамъ манифестъ о помилованіи декабристовъ, съ тѣмъ чтобы вы его везли вашему отцу и его товарищамъ... На придворномъ балу царь подошелъ къ Е. С. Молчановой. «Я счастливъ», сказалъ Александръ, «что могу возвратитъ вашего отца изъ ссылки и радъ былъ послать за нимъ вашего брата». Молодая женщина разрыдалась... *)».

Пока Москва горѣла огнями, гремѣла кликами, Волконскій летѣлъ въ Иркутскъ съ драгоценнымъ манифестомъ въ рукахъ. Въ пятнадцать дней и нѣсколько часовъ онъ покрылъ все громадное разстояніе. По пути его слѣдованія на дорогу выходили живущіе въ ближайшихъ селеніяхъ ссылки или члены ихъ семей, встрѣчали вѣстника радости. Волконскій останавливалъ лошадей, читалъ манифестъ и спѣшилъ дальше. Трогательно описываетъ князь Сергѣй Михайловичъ Волконскій пріездъ своего отца въ Иркутскъ: «Михаилъ Сергѣевичъ подъѣхалъ къ Ангарту ночью: Дулъ сильный вѣтеръ, было хмурое

*) Кн. С. М. Волконскій. О декабристахъ.

небо и тяжелыя тучи громоздились по немъ. Отецъ нанялъ баркасъ. Рѣка вздулась, сильное теченіе уносило лодку влѣво... Наконецъ высадился, побѣжалъ вверхъ направо, къ городу... Знакомыми улицами, запыхавшись, бѣжалъ онъ къ знакомому дому. Подбѣжалъ, дернулъ звонокъ, — голосъ отца: «Кто тамъ?» — «Я, привезъ прошеніе»... Двери отворились, они обнялись впотѣмахъ. Сейчасъ же дали знать всѣмъ прочимъ, въ эту ночь уже не ложились»...

Первое время Сергѣй Петровичъ Трубецкой не думалъ воспользоваться милостью и возвращаться въ Россію. Покинуть родную могилу казалось ему выше силъ. Лишь сознаніе своего долга передъ сыномъ, необходимость дать ему воспитаніе, заставили его пойти на это. Поручивъ воспитателю Вани, П. А. Горбунову, окончаніе дѣлъ въ Иркутскѣ, продажу дома и ликвидацію золотыхъ прінсковъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе *), Трубецкой съ сыномъ выѣхалъ 1 декабря 1856 года въ Россію. Встрѣчать его въ Москвѣ собрались братья его Никита, сестра графиня Потемкина и семья графа Борхъ. «Съ утра, несмотря на сильный холодъ, всѣ ихъ родственники, въ ожиданіи, собрались на заставѣ, вспоминаетъ встрѣчу декабристовъ въ Москвѣ княгиня М. А. Голицына **). «Когда они подѣхали, всѣ молча бросились въ объятья другъ другу... Волненіе было такъ велико, что не было возможности промолвить слово. Всѣ эти люди, ушедшіе 30 лѣтъ тому назадъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, молодости и здоровья, возвращались сѣдыми стариками, сгорбленными горемъ, неузнаваемыми... Лишь сердца продолжали быть юными, остались вѣрными старымъ привязанностямъ прежнихъ лѣтъ, да горе закалило характеры и воспитало умы... Они возвращались примиренные, безъ всякаго злопамятства за прошедшее, но также и безъ всякихъ иллюзій, не ожидая дать себя отъ жизни ничего, пользуясь прошеніемъ лишь для дѣтей, желая, чтобы они снова получили въ обществѣ права, утраченныя нѣкогда гражданской смертью ихъ родителей. Черезъ 10 дней мы уѣхали обратно, забравъ съ собой Ивана Трубецкого, которому мы хотѣли показать Петербургъ. Я никогда не забуду, съ какимъ мучительнымъ волненіемъ Иванъ Трубецкой, проѣзжая впервые черезъ Адмиралтейскую (Сенатскую) площадь, высунулъ изъ окна кареты, чтобы лучше рассмотреть мѣста, гдѣ разыгралась драма, приведшая его отца на каторгу».

*) Неизданныя записки гр. В. С. Голенищевой-Кутузовой, бывшей въ первомъ бракѣ за княземъ И. С. Трубецкимъ.

**) Неизданныя воспоминанія княгини М. А. Голицыной-Борхъ.

Тѣмъ временемъ 15 февраля 1857 года Указомъ Сенату, «дабы явить новый знакъ милосердія», государь «призналъ за благо даровать» Ивану Сергѣевичу Трубецкому «титулъ княжескій, который отецъ его носилъ до осужденія»...

Изъ Кіева, куда онъ перѣхалъ съ сыномъ, устроивъ имущественныя дѣла своихъ дѣтей, Сергѣй Петровичъ Трубецкой писалъ графинѣ Лебцельтернъ 16/28 марта 1857 г. *):

«Дорогой другъ, передо мной лежатъ два твоихъ письма, на которыя я не отвѣтилъ. Одно, въ коемъ ты говоришь о твоихъ обо мнѣ предчувствіяхъ, и другое, поздравительное, по поводу исполненія сихъ предчувствій. Оба они полны самой доброжелательной дружбы, оба свидѣтельствуютъ о томъ живомъ интересѣ, съ которымъ ты относишься ко всему, что меня касается. Какъ ты догадываешься, дорогой другъ, о моихъ чувствахъ; какъ входишь въ мое положеніе! Ты понимаешь, что я могу быть спокоенъ, примиренъ, доволенъ даже, но что счастья быть для меня не можетъ, съ тѣхъ поръ какъ я не могу раздѣлить его съ той, которая дѣлила со мной мои радости и мое горе. Я далеко отъ ропота, вѣра вѣщаетъ мнѣ даже, что всѣмъ тѣмъ добрымъ, что мнѣ даруется, я обязанъ ея посредничеству, но тѣмъ не мене не думаю, что поступаю грѣховно, сожалѣя о томъ, что не могу видѣть, какъ она радуется свиданію со всѣми дѣтьми, о которомъ она такъ мечтала. Всѣмъ сердцемъ вручаю себя волю Божьей, но слабость человѣческая виной тому, что подобное повинновеніе всегда болѣе или мене бываетъ тяжело. Ты постыдила мнѣ, любезный другъ, нѣсколько вопросовъ, на которые я отвѣчу тебѣ, насколько ты этого желаешь, исчерпывающе: сіе предвзвѣщаешь тебѣ о томъ, что письмо мое не будетъ короткимъ. Во-первыхъ, скажу тебѣ, что я окончательно поселяюсь въ томъ мѣстѣ, откуда пишу тебѣ. Здѣсь проживаетъ моя старшая дочь. Мужъ ея, будучи попечителемъ университета, по всей вѣроятности пробудетъ на этой должности достаточно времени, чтобы позволить мнѣ окончить здѣсь образованіе моего сына, которому нѣтъ еще четырнадцати лѣтъ и коему потому предстоитъ еще нѣсколько лѣтъ ученія. Въ настоящее время дочь моя Лиза тоже съ нами. Она не останется на лѣто, но имѣніе ея мужа находится лишь въ 200-хъ верстахъ (Жаменка) и если она поѣдетъ въ Одессу на морскія купанья и оттуда въ Крымъ, разстояніе не такъ уже велико, чтобы я не попытался бы его преодолѣть, когда на то придетъ охота. Зинаида осталась пока въ Москвѣ, въ семействѣ мужа, гдѣ о ней очень заботятся...

Я покинулъ Иркутскъ 1-го декабря, имѣя съ собой Сашинкинаго ребенка, я часто долженъ былъ останавливаться въ пути и достигъ Нижняго лишь 8-го января (1857). Тутъ я нашелъ

*) Архивъ гр. З. И. Лебцельтернъ въ лѣ Морозъевъ.

мою сестру, прѣѣхавшую ко мнѣ навстрѣчу. Прѣѣхавъ въ Москву, я нашелъ уже тамъ брата Никиту съ женой и дочерью и сестру твою Софью съ двумя дѣтьми, ухаживающей за серьезно заболѣвшимъ мужемъ. Я былъ несказанно тронутъ этимъ знакомъ, высказаннымъ мнѣ, ихъ дружбы и очень горестно пораженъ опаснымъ состояніемъ здоровья Александра. Слава Богу, онъ выскочилъ. Послѣ его выздоровленія мы переговорили съ нимъ о нашихъ дѣлахъ и вошли въ соглашеніе по поводу раздѣла моихъ дѣтей... Долженъ сказать тебѣ, что среди желѣмыхъ мною мечтаній, самымъ постояннымъ и наиболѣе дорогимъ для моего сердца является желаніе воспользоваться моимъ здоровьемъ и моими силами для того, чтобы посѣтить тебя въ твоемъ дорогомъ тебѣ Неаполѣ; какъ былъ бы я счастливъ обнять и поблагодарить тебя изустно за ту добрую и горячую дружбу, которую ты мнѣ сохранила... Еще недавно ни одна подобная мысль не приходила мнѣ въ голову. Я расположился окончить остатокъ дней моихъ въ Иркутскѣ безъ надежды когда-либо снова увидѣть разлученныхъ со мною дочерей, несмотря на имѣвшееся у нихъ доброе намѣреніе въ одинъ прекрасный день преодолѣть неиститисечверстное разстояніе насъ раздѣлявшее. Заботой моею было найти возможность отправить Зину въ Россію, что представлялось труднымъ, такъ какъ она не хотѣла меня оставить. Что же касалось моего сына, я рассчитывалъ продержатъ его у себя до того времени, когда онъ былъ бы достаточно подготовленъ для поступленія въ одинъ изъ русскихъ университетовъ, ибо для него я полагалъ всегда, что благосклонность нынѣшняго Императора откроетъ ему одну изъ дверей, давая тѣмъ возможность устроить его карьеру и возстановить его въ его правахъ. Благосклонность Государя превзошла мои расчеты и я отъ всего сердца приношу ему мою благодарность. Единственное, что остается мнѣ, это просить у Господа прожить еще нѣсколько лѣтъ, чтобы умереть увѣреннымъ въ томъ, что заботы мои о сынѣ не пропали даромъ и что онъ осуществитъ положенную мной на него надежду...

«Въ 1858 году», вспоминаетъ графиня Лебепельтернъ, «князь было разрѣшено поѣхать повидать меня въ Варшаву, гдѣ собрались нѣсколько членовъ нашей семьи для присутствія на свадьбѣ моего племянника, сына графа Станислава Коссаковскаго и моей младшей сестры. Мы прѣѣхали въ Варшаву въ первыхъ числахъ июля, въ полночь... выходя изъ вагона, я различила хорошо знакомый мнѣ голосъ князя, такъ давно мною не слышанный, звавшій меня по имени... Мгновеніе спустя мы были въ объятіяхъ другъ друга, не будучи въ состояніи вымолвить хоть одно слово! Мы не видѣлись съ 14/26 декабря 1825 года, съ того самаго дня, когда его жена и онъ пришли провести ночь-ночь нашимъ кровомъ... Все прошедшее встало сразу перелѣ

нами и дни нашего настоящего свиданія, о возможности котораго мы уже больше не помышляли, были отравлены отсутствіемъ той, которая такъ страстно мечтала снова быть между нами. Одинокѣ покоилась она навѣки въ холодной землѣ изгнанія, гдѣ она такъ много выстрадала за горячо любимаго мужа, не находившаго утѣшенія быть со мною вмѣстѣ безъ нея... *)).

Два года спустя, 12 июня 1860 г., въ Дрезденѣ, на рукахъ мужа и графини Лебцельтернъ, отъ чахотки умерла Александра Сергѣевна Ребиндеръ. Трое маленькихъ сиротъ остались послѣ нея. Смерть любимой дочери была послѣднимъ испытаніемъ, посланнымъ Сергѣю Петровичу Трубецкому. Онъ его не вынесъ, 22 ноября того же 1860 года, послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни, его разбилъ ударъ. Онъ скончался почти мгновенно, въ Москвѣ, куда онъ переѣхалъ жить. Его могила, вмѣстѣ съ могилой зятя и внука Ребиндеръ, находится въ московскомъ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ.

Одновременно въ своемъ имѣніи «Сѣтуха» Тульской губерніи Зинаида Сергѣевна Свербеева хоронила умершаго въ Орлѣ отъ чахотки и водянки мужа. Смерть отца была для нея страшнымъ ударомъ. Всю свою послѣдующую жизнь посвятить она двумъ своимъ сыновьямъ и дѣтямъ сестры Сашиньки, оставшимся послѣ смерти отца, разорившагося необдуманными денежными спекуляціями, и круглыми сиротами и нищими.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью Ребиндера князь Иванъ Трубецкой, окончившій къ тому времени естественный факультетъ Московскаго университета со званіемъ кандидата, женился на княжнѣ Вѣрѣ Сергѣевнѣ Оболенской, дочери князя С. А. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. Недолго продолжалось ихъ счастье. 17 марта 1874 года Иванъ Сергѣевичъ, почувствовавъ себя дурно на улицѣ, скорострительно скончался въ аптекѣ у Краснаго моста. Похороненъ онъ въ Москвѣ, рядомъ съ отцомъ и зятемъ Ребиндеръ, въ томъ же Ново-дѣвичьемъ. Его вдова впослѣдствіи вышла замужъ вторымъ бракомъ за графа А. В. Голенишева-Кутузова и скончалась въ Сентъ-Клу около Парижа въ 1934 году.

8-го октября 1871 года умерла графиня Софія Ивановна Борхъ. Послѣ ея смерти наслѣдники ея продали Лаваевскій дворецъ на Набережной извѣстному «железнодорожному королю» С. С. Полякову, а дачу на Островахъ книгоиздателю Вольфу. Старая гнѣзда разорились, «вишневые сады» вырубались...

*) Воспоминанія гр. З. И. Лебцельтернъ. Архивъ ля Морозбергъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти князя Ивана Трубецкого, 4-го апрѣля нов. ст. скончалась графиня Зинаида Ивановна Лебелътернъ. Она собственно не была больше ни графиней, ни Лебелътернъ, вышедши въ 1855 году вторично замужъ за итальянскаго поэта Юсифа Кампанья. Но, подобно госпожѣ де Сталь, считая сей бракъ какъ-бы «морганатическимъ», не измѣнила своего прежняго имени. Никто никогда ее иначе не звалъ, и на крестѣ ея могилы на сельскомъ кладбищѣ Невы (Neuvy-en-Manges) близъ замка ля Морозьеръ, гдѣ она похоронена рядомъ со своей дочерью Де-Каръ, выгравировано то же имя.

Въ Саблахъ, въ имѣніи Елисаветы Сергѣевны Давыдовой сосредоточились главные воспоминанія о Сибири, семейные портреты и архивы. Тамъ, окруженная ими, прожила она съ мужемъ свой долгій вѣкъ. 19 января 1912 года скончался И. В. Давыдовъ. Елисавета Сергѣевна осталась одна. Съ ослабѣвшей памятью, полуслѣпая, но со сверкавшими еще черными молодыми глазами, бывшая красавица Лиза Трубецкая доживала свой вѣкъ. Богъ сжалился надъ старухой и взялъ ее къ себѣ до уничтоженія любимаго гнѣзда. Она скончалась въ февралѣ 1918 года въ Симферополѣ.

Изъ всей семьи Трубецкихъ одной лишь Зинаидѣ Сергѣевнѣ Свербеевой суждено было пережить россійскій разгромъ. Вынужденная бѣжать изъ своего имѣнія, она нашла съ племянницей и горничной пріютъ въ Орлѣ. Зинаида Сергѣевна тихо гасла отъ старости, истощенія и голода. Несмотря на то, что Соціальное Обезпеченіе взялось считать «дочь декабриста» своей пансіонеркой, ей два мѣсяца не платили назначенной пенсін и близкимъ приходилось потихоньку продавать вещи, чтобы вырученными грошами поддерживать старушку. Рано утромъ 24 іюня 1924 года она скончалась. Разсказъ о ея кончинѣ, написанный пять дней спустя и какимъ-то чудомъ дошедшій за границу изъ Орла. — человѣческій документъ, свидѣтель современной русской жизни.

...Большее трехъ мѣсяцевъ Зинаида Сергѣевна была больна и въ послѣднее время очень сильно мучилась и желала смерти. Все молясь о скорѣйшемъ излавленіи. Теперь она наконецъ освободилась отъ этой грустной жизни и навѣки соединилась съ тѣми, кто ей былъ дорогъ. Изъ небольшого количества знавшихъ ее людей всѣ сходились на каждую панихиду, которая служилась два раза въ день. Монашенка читала надъ ней день и ночь.

Зинаида Сергѣевна въ гробу была очень хороша въ своемъ черномъ платьѣ, покрытая цвѣтами, купленными мною. Отпѣваніе состоялось въ Георгіевской церкви, она сама объ этомъ просила священника, такъ какъ ее мужа тоже отпѣвали въ этой же церкви. Служило 4 священника, хотя пригласили лишь одного, но другіе пришли сами, изъ уваженія и любви къ Зинаидѣ Сергѣевнѣ. Такъ было торжественно и величественно! Я думала про себя: было-бы это прежде, вся церковь была бы наполнена родными и знакомыми, теперь же она была окружена чужими ей людьми! На второй день послѣ смерти явилось четыре человека изъ Архива, опечатали всѣ вещи. Я просила ихъ позволить мнѣ раньше похоронить покойницу, а уже потомъ пусть бы приходили... но нѣтъ! Они начали хозяйничать и рыскать по всѣмъ шкапамъ и ящикамъ. Ужасно было это мнѣ грустно! Всѣ пищевые продукты и тѣ запечатали! Изъ одежды и бѣлья ничего не взяли, но забрали всѣ фотографіи и все, что было въ письменномъ столѣ Зинаиды Сергѣевны. Я говорила, что фотографіи предназначены внукамъ, которымъ я должна ихъ передать, но на то они не обратили никакого вниманія. Похороны обошлись въ 80 рублей, изъ Соціальнаго же Обезпеченія получили мы лишь 11 рублей»...

И наконецъ, изъ другого частнаго письма: ... «Изъ Соціальнаго Обезпеченія предложили похоронить единственную оставшуюся дочь декабриста съ музыкой и пушками, — только безъ половъ... имъ отвѣтили, что Зинаида Сергѣевна просила, чтобы никакихъ почестей на ее похоронахъ не было и чтобы священникъ не говорилъ надгробнаго слова»...

Иванъ Кологривовъ.

Пути Россіи

ИМПЕРІЯ.

VI *).

Александръ I увѣнчалъ государственное зданіе Россійской Имперіи: на стѣнахъ екатерининскихъ губернскихъ и городскихъ учрежденій воздвигъ куполь центральныхъ верховныхъ мѣстъ — Сената, Совѣта и Комитета министровъ. Но онъ увѣнчалъ имперское государственное зданіе не такъ, какъ хотѣлъ: на мѣсто легкаго западнаго купола Ренессанса, покрылъ его тяжелымъ восточнымъ куполомъ Византіи. Случилось это такъ.

Александръ I, единственный изъ русскихъ императоровъ 19-го вѣка, и по воспитанію, и по кругу идей, — до конца чело-вѣкъ Запада. Порою онъ кажется даже пылкимъ рыцаремъ западнаго интеллигентскаго Ордена. Восточное деспотичество отца и самовластіе бабки были ему ненавистны. Хотя онъ и общался въ манифестахъ управлять врученнымъ Ему Богомъ народомъ по законамъ и по сердцу Императрицы Екатерины Вел. и во всемъ слѣдовать по Ея стезямъ, но, на самомъ дѣлѣ, его намѣренія были иныя: онъ хотѣлъ рѣшительно порвать съ московскимъ прошлымъ Имперіи и построить новое европейское государство свободы и разума. Возложивъ, послѣ колебаній, на свою голову ношу императорской короны, онъ сдѣлалъ это не изъ любви къ власти. Наоборотъ, самодержавная власть казалась ему временами непереносной. Онъ принялъ ее ради великой цѣли — охранить русскій народъ отъ тираніи и даровать ему свободу. Достигнувъ цѣли, онъ долженъ былъ отъ короны отказаться. Ибо, по его убѣжденію, власть, передаваемая по наслѣдству — установленіе нелѣпое и несправедливое. Нѣтъ нигде справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала. Источникъ же закона — въ народѣ. Потому верховную власть должна даровать не случайность рожденія, а народное голосо-

*) Собр. Зап. № № 48, 49, 50, 52, 54.

ваніе, которое сумѣетъ избрать наиболѣе достойнаго ее носить. Отсюда — жизненная цѣль Александра: принявши самодержавную власть, употребить ее на то, чтобы постепенно создать народное представительство, которое, направляемое къ тому, составить свободную конституцію. Это будетъ лучшимъ видомъ революціи, ибо она будетъ произведена законной властью, которая перестанетъ существовать, какъ только русскій народъ изберетъ своихъ представителей, и конституція будетъ выработана. Тогда счастье и благосостояніе русскаго народа будутъ утверждены на незыблемомъ основаніи. Еще будучи Великимъ Княземъ, Александръ признался Чарторьскому: «что онъ ненавидитъ деспотизмъ повсюду во всѣхъ его проявленіяхъ; что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди; что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французской революціей; что, хотя онъ и осуждаетъ ея ужасныя крайности, онъ желаетъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ». «Его мнѣнія, — прибавляетъ Чарторьскій, — были мнѣніями юноши 1789-го года, который хотѣлъ бы видѣть республики повсюду и признаетъ эту форму правленія единственно сообразной съ желаніями и правами человечества». То же, наклонъ лѣтъ, уже будучи Императоромъ и самымъ могущественнымъ государемъ въ мірѣ: «я даровалъ вамъ устройство, — говорилъ Александръ депутатамъ Польскаго Сейма въ 1818 году, — руководствуясь правилами законно-свободныхъ учреждений, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помысленій, и которыхъ спасительное вліяніе, надѣюсь Я, при помощи Божьей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію Моему вверенныя». И то же накануне смерти: «что бы обо мнѣ не говорили, но я жилъ и умру республиканцемъ». — Такова жизненная цѣль Александра I-го.

Къ этой цѣли онъ шелъ такъ.

Взойдя на престолъ, Александръ немедленно приступилъ къ перестройкѣ государственнаго зданія. Начать пришлось съ верха. Въ результатѣ самовластнаго управленія Екатерины и деспотичества Павла, верховныя учрежденія Имперіи пришли въ полное разстройство. Совѣтъ при Высочайшемъ дворѣ «носилъ одно имя Государственнаго Установленія» и не дѣйствовалъ. Въ Сенатѣ дѣла были смѣшаны въ «постыдномъ хаосѣ», и онъ являлъ собою образецъ поработеннаго верховнаго мѣста, въ которомъ молчать тяжело, говорить бѣдственно было. Все верховное управленіе вели сами государи, временами, съ помощью одного генераль-прокурора. «Ты да я, я да ты: — говорилъ Павелъ вновь назначенному ген.-прок. Беклешову, — впрямь

мы одни будемъ дѣла дѣлать». 26 марта 1801 года — черезъ двѣ недѣли послѣ восшествія на престолъ Александра — Императорскій Совѣтъ былъ упраздненъ. 30 марта того же года на его мѣсто — для разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ дѣлъ — былъ учрежденъ Совѣтъ н е п р е м ѣ н н ы й. Высокое пред-
установленіе Совѣта: «постановить силу и блаженство Имперіи на незыблемомъ основаніи закона». Его непосредственная цѣль: сдѣлать пересмотръ всѣхъ законовъ и постановленій и составить проекты переменъ и исправленій. Дѣла изъ Совѣта вносятся на утвержденіе государя, «когда большинствомъ голосовъ будутъ уважены. Не имѣющія саго уваженія остаются безъ дѣйствія». 5 июня 1801 года былъ изданъ манифестъ о Сенатѣ. Въ манифестѣ Александръ писалъ:—уважая Правительствующій Сенатъ, яко верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ, и зная, сколь много права и преимущества, ему присвоенныя, подверглись переменѣ, Я желаю возстановить оный на прежнюю степень ему причинную; и на сей конецъ требую отъ Сената, чтобы онъ представилъ мнѣ докладомъ все то, что составляютъ его существенную должность, права и обязанности. «Права сіи и преимущества... намѣренъ Я поставить на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ, и силой данной Мнѣ отъ Бога власти потщусь подкрѣплять, сохранять и содѣлать его на вѣки непоколебимымъ».—Одновременно съ указами о Непремѣнномъ Совѣтѣ и о Сенатѣ Александръ — для проведенія задуманныхъ преобразованій въ жизнь — создалъ при себѣ Тайный комитетъ изъ близкихъ ему людей: гр. Строганова, кн. Чарторыскаго, Новосильцева и гр. Кочубея. Во главѣ комитета сталъ самъ императоръ. За его спиной стоялъ наставникъ императора — Лагарпъ. Всѣ члены комитета были воодушевлены тѣми же идеями, какъ и Александръ — свободы и разума; «набиты, — по выраженію Державина, — французскимъ... конституціоннымъ духомъ». Всѣ они стремились къ той же цѣли, которую Александръ поставилъ себѣ въ жизни: оградить русскій народъ отъ самовластия тирановъ и ввести въ Россіи свободное правленіе. Противники — «старики», «реакціонеры» — называли ихъ «чолоудыми людьми» и вольтеріанцами; Державинъ — «якобинской шайкой». Самъ Александръ называлъ въ шутку свой тайный совѣтъ — «Комитетомъ общественнаго спасенія». Члены комитета опредѣлили свою задачу такъ: перестройка «безформеннаго зданія правленія Имперіи». Планъ перестройки: сначала реформа суда и администраціи и составленіе свода законовъ на основѣ утвержденія правъ человека и гражданина — свободы и собственности; затѣмъ увѣнчаніе государствен-

ныхъ установленій конституціей, составленной въ духъ русскаго народа. Конституція — ограда правъ націи и плотина противъ произвола правителей. Александръ выразилъ пожеланіе, чтобы были изучены всѣ существующія въ Европѣ конституціи и на ихъ основаніи составлена будущая конституція російская. Новосильцевъ подготовилъ проектъ государственнаго устройства, который долженъ былъ быть предложенъ съ теченіемъ времени, когда умы созрѣютъ къ представительному образу правленія. Путь проведенія плана государственной перестройки былъ намѣченъ такъ. Реформа должна быть подготовлена Комитетомъ въ строгой тайнѣ — никто не долженъ подозрѣвать о предполагаемыхъ нововведеніяхъ. Только тайна можетъ предотвратить опасный взрывъ страстей и недовольствъ. Когда реформа будетъ подготовлена, она должна быть проведена сверху самимъ императоромъ — безъ участія государственныхъ установленій. Только то, что проводится въ государствѣ съ непреодолимостью закона природы, принимается умами легко и безъ ропота. Въ Россійскомъ государствѣ непреложной властью и авторитетомъ обладаетъ самодержавный государь. Потому императоръ долженъ, на время преобразованій, сохранить свою власть въ цѣлости и безраздѣльно. Самодержавная диктатура — залогъ успѣха реформы. Когда реформа будетъ завершена, императоръ самъ ограничить свою власть въ пользу народа. Въ засѣданіи Комитета 11 сентября 1801 года говорили о взглядахъ Лагарпа на подготавлиаемыя преобразованія. «Между прочимъ, — сказалъ Александръ, — онъ совѣтъ не хочетъ, чтобы я ограничивалъ свою власть». Всѣ члены Комитета заявили, что они того же мнѣнія: только такъ государь можетъ сдѣлать добро. — Таковы планъ перестройки государственнаго зданія и путь его проведенія, намѣченные Александромъ и его Тайнымъ комитетомъ.

Въ духъ намѣченнаго плана Комитетъ и приступилъ къ реформѣ высшихъ установленій Имперіи, съ чего рѣшено было начать перестройку государственнаго зданія. Были предложены два проекта реформы. Въ отвѣтъ на манифестъ Александра Сенатъ представилъ докладъ, въ которомъ изложилъ, какъ онъ понимаетъ свои «права, обязанности и существенную должность». Помимо доклада, нѣкоторые сенаторы представили особые мнѣнія и записки. Сущность доклада, мнѣній и записокъ была такова. Въ Россіи должно сохраниться правленіе самодержавное, въ коемъ особа государя соединяетъ въ себѣ всѣ силы и власть. Но великая страна не можетъ быть управляема однимъ государемъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Чтобы утвердить

самодержавную власть на незыблемомъ основаніи закона, государь долженъ, однако, ввѣрять управленіе не лицамъ, а мѣстамъ. Сенатъ почти столѣтіе признаваемъ былъ русскими государями первымъ источникомъ, черезъ который ихъ воля и законы изливались на Имперію. Народъ привыкъ видѣть въ немъ высшее установленіе государства. Потому Сенату надо вернуть его преждебывшую силу и власть и высоко поднять его достоинство. Приданіемъ Сенату правъ государь установитъ плотину, ограждающую страну отъ произвола, и подготовитъ путь къ устроению правительства, «болѣе сходственнаго съ человѣчествомъ». Чтобы сдѣлать Сенатъ «тѣломъ политическимъ», нѣкоторые мнѣнія шли еще дальше: предлагали соединить въ Сенатѣ всѣ власти — законодательную, исполнительную, судную и охранительную — и предоставить выборы сенаторовъ особамъ первыхъ классовъ. Таковъ проектъ реформы, предложенный членами Сената — старыми екатерининскими «служивцами». — Члены Тайнаго комитета рѣшительно возстали противъ этого проекта и противопоставили ему свой. Сенату нельзя предоставлять законодательныя права и соединять въ немъ всѣ власти. По своему составу, — назначенному Монархомъ, — онъ не внушаетъ довѣрія націи и не даетъ обществу возможности участвовать въ составленіи законовъ. Дать такому установленію значительныя права, значитъ связать себѣ руки въ выполненіи того, что задумано на общую пользу, и встрѣтить въ невѣжество этихъ людей помѣху на пути къ установленію свободнаго правленія. Выборы сенаторовъ особами первыхъ классовъ будутъ носить случайный характеръ — на нихъ будетъ оказывать давленіе воля правительства. Правильное — соответствующее европейскому опыту — устроеніе высшихъ установленій должно быть инымъ. Движушія силы государства — законодательная, исполнительная и судная — должны быть раздѣлены и сосредоточены въ разныхъ мѣстахъ. Законодательная власть должна быть сохранена въ рукахъ государя, который будетъ ее осуществлять черезъ Непремѣнный Совѣтъ. Исполнительная власть должна быть распределена между министрами. И лишь судная власть предоставлена Сенату. Тогда механизмъ свободнаго правленія будетъ устроенъ правильно, и, когда народъ созрѣетъ къ тому, соответствующее содержаніе будетъ влито въ готовую форму: Сенатъ будетъ преобразованъ въ Верхнюю Палату и будетъ составлять выборомъ дворянства. Таковъ проектъ, предложенный Тайнымъ комитетомъ. — Александръ соединилъ оба проекта — и сенатскій, и комитетскій — въ одно: взявъ форму перваго и содержаніе втораго. 8 сентя-

бря 1802 года былъ изданъ именной указъ «О правахъ и обязанностяхъ Сената». Въ Указѣ было сказано: Сенатъ есть Верховное мѣсто Имперіи; хранитель законовъ; ему подчинены всѣ Присутственные мѣста; министры обязаны ему отчетомъ; Сенату дозволяется, если бы существовалъ указъ, который былъ бы сопряженъ съ неудобствами въ исполненіи или несогласенъ съ прочими узаконеніями, или неясенъ, представлять о томъ государю; власть Сената ограничивается единою властью Императорскаго Величества — иной высшей власти онъ надъ собой не имѣетъ. Таковы права Сената. Но это только пышная форма. По существу, наряду съ судной властью, существенныя права Сената ограничивались: надзоромъ за министрами и правомъ представленія о законахъ. Одновременно съ указомъ о Сенатѣ, былъ изданъ манифестъ объ учрежденіи Министерствъ, согласно которому всѣ дѣла управленія были раздѣлены между восемью министрами. Для доклада государю дѣла министерствъ трактуются въ Комитетѣ министровъ. Законодательную власть государь сохранилъ за собой, чтобы осуществлять ее черезъ Непремѣнный Совѣтъ. — Таковы реформы высшихъ установлений Имперіи, проведенныя Александромъ и его Тайнымъ комитетомъ.

«Истинный разумъ» этихъ реформъ былъ раскрытъ, съ недопускающей различныхъ толкованій ясностью, въ докладѣ, составленномъ въ 1803 году, по порученію Александра, секретаремъ графа Кочубея Сперанскимъ. Правильное монархическое правленіе — основанное на государственномъ законѣ, т. е. конституціи — должно быть расположено на слѣдующихъ началахъ: 1) исполнительная власть отвѣтствуетъ передъ законодательной; 2) во власти законодательной участвуютъ всѣ свободныя сословія государства; 3) судная власть избирается народомъ. Настоящее правленіе въ Россіи не истинное монархическое, а самодержавное. Всѣ власти — законодательная, исполнительная и судная — соединены въ особѣ государя и собственной силы не имѣютъ. Не имѣютъ собственнаго политическаго бытія и мѣста, для каждой изъ этихъ властей установленныя. Сенатъ, Совѣтъ и Комитетъ министровъ — только орудія воли государя и, въ существѣ своемъ, суть отдѣленія государственнаго кабинета. Различіе сихъ мѣстъ только въ разности канцелярскаго обряда. И это естественно: ибо никакая сила человѣческая не можетъ правленіе, нынѣ въ Россіи существующее, превратить въ правильное монархическое, не призвавъ въ содѣйствіе время и постепенное всѣхъ вещей движеніе къ совершенству. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно основать мо-

нархическое правленіе въ странѣ, гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ, и гдѣ сіе рабство связано со всѣми почти частями политическаго устройства? Какъ произвести нужная для такого правленія перемѣны безъ просвѣщенія и исполнителей? — Одно время можетъ разрѣшить сіи вопросы. Потому и вопросъ объ усовершеніи настоящаго правленія въ Россіи долженъ быть разрѣшенъ такъ: оно должно быть сколь можно приближено къ образу правильной монархіи; оно должно содержать въ себѣ разныя установленія, которыя бы, постепенно раскрываясь, приготавливали истинное монархическое правленіе и приспособляли бы къ нему духъ народный. Чтобы осуществить такое устройство, надо государственныя мѣста, безъ связи и порядка нынѣ существующія, раздѣлить, по ихъ предметамъ, на три главные рода: къ одному отнести все то, что касается до власти законодательной, къ другому, что принадлежитъ власти исполнительной, къ третьему — судной. И надо, чтобы власть исполнительная обязана была отчетомъ законодательной. Всѣ сіи власти, а потому и мѣста, для каждой изъ нихъ устанавливаемая, въ разумѣ настоящей государственной конституціи, не сами собой, но силою самодержавною существовать могутъ. Но въ мнѣніи народномъ они представляютъ мѣста внѣшнія и наружной важности своею укрѣпляютъ это мнѣніе, возводятъ его ближе къ идеямъ монархическимъ и ставятъ Россію на одной чредѣ съ прочими государствами европейскими. Гдѣ нѣтъ доброй монархической конституціи, тамъ силою стройности и порядка въ образѣ управленія должно наградить то, что необходимо теряется отъ недостатка коренныхъ установленій. Но то, что довершаетъ убѣжденіе въ пользу такого устройства, состоитъ въ удобности, какую сей образъ управленія имѣетъ, чтобы со временемъ превратиться въ совершенную монархическую систему. Когда пріспѣетъ время, т. е. когда разлитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣ же, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не изъ видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное. Тогда настоящее самодержавное правленіе превратится въ подлинное монархическое (конституціонное). — Таковъ истинный разумъ проведенной Александромъ и его Тайнымъ комитетомъ реформы верховныхъ государственныхъ установленій.

. Но ж и з н е н н ы й разумъ реформы оказался инымъ. Точно противъ воли, Александръ, идя къ свободѣ, пришелъ къ тому же самовластию, которое столь ненавистно ему было въ его

отца и бабу. Какъ его вселюбезный дѣдъ Петръ I и вселюбезная бабушка Екатерина II, онъ взялъ отъ европейскаго государства только то, что «приличествуетъ самодержавію» и что укрѣпляетъ его. Все остальное онъ отбросилъ. Правительствующій Сенатъ — Верховное мѣсто Имперіи и хранитель законовъ — не только не вернулъ своей преждебывшей силы и власти, но еще ниже уронилъ свое достоинство. Существенное право Сената — надзоръ за министрами — оказалось «мечтательнымъ» и «идеальнымъ» (по выраженію Трошинскаго). Министры подвѣдомы были Сенату отчетами. Но, сказавъ: «я имѣлъ счастье докладывать Государю», заграждали уста сенаторамъ, и сія низкая отвѣтственность была на дѣлѣ пустымъ обрядомъ (Карамзинъ). Со временемъ, и обрядъ сей — разсмотрѣніе Сенатомъ министерскихъ отчетовъ — пресѣкся. И, въ самомъ дѣлѣ: — писалъ въ своей запискѣ 1803 года Сперанскій — «какимъ образомъ установить истинную министерскую отвѣтственность тамъ, гдѣ отвѣчать некому и гдѣ отвѣтствующіе и вопрошающіе составляютъ одно лицо и одну сторону». «Одна проформа или япанча», — писалъ о правѣ Сената надзирать за министрами Державинъ. Еще болѣе «мечтательнымъ» и «идеальнымъ» оказалось право Сената представлять Государю о законахъ. 16 января 1803 года Сенатъ постановилъ войти къ государю съ представленіемъ о несоотвѣтствіи изданнаго передъ тѣмъ Указа объ обязательной службѣ дворянъ унтеръ-офицерскаго званія съ Жалованною грамотою дворянству. Узнавъ объ этомъ, Александръ вспыхнулъ: «Я имѣю дамъ себя знать», — сказалъ онъ съ гнѣвомъ. 21 марта былъ изданъ новый Указъ, въ которомъ Александръ разъяснялъ, что право Сената дѣлать представленія о законахъ, «не касаясь вновь издаваемыхъ и подтверждаемыхъ Нами, относятся единственно къ существовавшимъ уже законамъ». Вторично Сенатъ своимъ правомъ представлять государю о законахъ никогда болѣе не воспользовался. Изъ всѣхъ «существенныхъ» правъ, на дѣлѣ, Сенатъ сохранилъ только высшую судную власть. Но и на судныя рѣшенія Сената всегда возможна была аппеляція къ Монарху. Еще болѣе ничтожную роль, среди высшихъ государственныхъ установленій, игралъ Непремѣнный Совѣтъ. Совѣтъ не имѣлъ ни точно опредѣленнаго круга дѣйствія, ни влияния на государственныя дѣла и вообще составлялъ, — по выраженію Корфа, — «родъ учрежденія домашняго, безгласнаго». Туда поступали только такія дѣла, «кои докладчики сами дѣлать не хотѣли» (Воронцовъ). Единственнымъ живымъ учрежденіемъ, вышедшимъ изъ реформы, оказался Комитетъ министровъ. По закону

8 сентября 1802 года Комитетъ ни «мѣсто, ни особое государственное установленіе». Для совмѣстнаго обсужденія дѣлъ и доклада государю, министры собирались въ Общее Собраніе. Это Собраніе и называлось Комитетомъ министровъ. Но въ Комитетѣ обычно присутствовалъ и предсѣдательствовалъ Императоръ. Отсюда его опредѣляющее значеніе. Министры докладывали. Государь рѣшалъ. «Руки вѣнценосца» покорно выполняли рѣшенія Главы государства. Отъ раздѣленія дѣлъ между министрами и совмѣстнаго обсужденія въ присутствіи государя, дѣла выигрывали въ порядкѣ и ясности. Но во всемъ этомъ устройствѣ не было и частицы «механизма свободного дравленія». Наоборотъ, это былъ европейски усовершенствованный механизмъ неограниченнаго самовластія. «Мѣра, о которой мы такъ часто говорили, въ полномъ ходу, — писалъ 26 октября 1802 года Александръ Лагарпу. — Министерство образовано и идетъ довольно хорошо.. Дѣла отъ этого приобрѣли гораздо болѣе ясности и методы, и я знаю точно, съ кого взыскать, если что-нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ». Вмѣсто отвѣтственности министровъ передъ Верховнымъ мѣстомъ Имперіи — отвѣтственность передъ Монархомъ. Вмѣсто распредѣленія дѣлъ между высшими установленіями государства — ихъ сосредоточеніе въ рукахъ самодержца. И замѣчательно: смѣнивъ путь свободы на путь самовластія, Александръ — опять точно противъ воли — прошелъ его до самаго конца. Руки вѣнценосца должны быть до конца покорными и безотвѣтными. Создавъ Министерства, Александръ сначала занялъ ихъ своими вольнолюбивыми друзьями. Старые екатерининскіе служивцы были поставлены на отвѣтственные посты только для вида. Но такъ продолжалось недолго. Черезъ нѣсколько лѣтъ вольнолюбивые друзья были удалены или удалились сами. Удалились и болѣе строптивые «старые служивцы». Остались безотвѣтные государевы слуги. Переписка членовъ Тайнаго комитета и записки современниковъ съ ясностью раскрываютъ причины перемѣны. Существенныя черты Александра, — записывалъ въ своемъ дневникѣ слова современника Баригагенъ, — тщеславіе, хитрость или притворство; онъ любитъ только посредственность; гений, умъ и талантъ пугаютъ его, и только противъ воли онъ пользуется такими людьми. «Мысль быть руководимымъ или находиться подъ вліяніемъ была для него непереносна» (Савари). «Я всегда съ безконечнымъ удивленіемъ замѣчалъ, — писалъ Александру Чарторыйскій, — что Ваше Величество, повидимому, старается брать исключительно на одного себя отвѣтственность не только за каждое принятое рѣшеніе, но даже

и за исполненіе его вплоть до самых мельчайшихъ подробностей... Ваше Величество желаете дѣйствовать во всѣхъ дѣлахъ единолично». «Въ разумѣ Императора, — писалъ въ 1806 году своей женѣ изъ Лондона Строгановъ, — министры назначены быть слѣпыми орудіями его воли — его прикащиками». И, въ отчаяніи, заключаетъ: «я рѣшилъ не возвращаться, пока не получу полной отставки... Скорѣе уйду въ Индію, въ Америку, чѣмъ вернусь въ Россію».

Съ конца 1808 года Александръ снова охваченъ лихорадкой государственнаго строительства. Войны съ Наполеономъ были закончены. Во внѣшнихъ дѣлахъ установлено временное равновѣсіе. Зато внутри страны слышались ропотъ и недовольство. Начатыя реформы были брошены на полпути. Высшія государственныя установленія оставались въ «полу-устройствѣ». «Время, конечно, было обратить вниманіе, — писалъ графъ Кочубей Сперанскому о Непремѣнномъ Совѣтѣ, — на все не-устройство сего учрежденія. Принимая даже вещи въ самой строгой снѣптикѣ, можно, думаю, смѣло согласиться, что не можетъ уже ничего быть хуже того, что есть». То же можно было сказать и о другихъ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Александръ съ новымъ воодушевленіемъ принялся за неоконченную перестройку «безформеннаго зданія правленія Имперіи». Прежнихъ помощниковъ въ перестройкѣ — членовъ Тайнаго комитета — около него уже не было. Зато подъ рукою былъ новый удивительный строитель — «министръ уночленій» Сперанскій.

О Сперанскомъ много спорили и современники, и историки: для однихъ онъ великій государственный человѣкъ; для другихъ — только «чиновникъ огромнаго размѣра». Правда посрединѣ. Несомнѣно, Сперанскій — самый крупный государственный дѣятель Имперіи и, уже во всякомъ случаѣ, «единственная свѣтлая голова въ Россіи» при Александрѣ (отзывъ Наполеона). Но на вопросъ, былъ ли онъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, онъ самъ далъ нелицепріятный отвѣтъ. «Великіе люди, — говорилъ онъ, по разсказу Корфа, — разнятся отъ прочихъ только тѣмъ, что вышли изъ береговъ и помѣшались на одной постоянной мысли, изъ береговъ же выходить движеніемъ сильнаго восторга». Но Сперанскій никогда не «выходилъ изъ береговъ». Наоборотъ, онъ всегда укладывался въ тѣ берега, которые ему назначала самодержавная власть. Въ 1803 году, по заказу Александра, онъ составилъ «самодержавную конституцію». Въ 1809 году, по тому же заказу, «конституцію свободнаго правленія». Въ 1826 году онъ

осудить на казнь декабристовъ, попытавшихся эту «конституцію свободнаго правленія» осуществить въ жизни. И въ 1832 году создалъ кодексъ русскихъ законовъ — могильную плиту надъ всѣми замысленными имъ «уновленіями». Сперанскій былъ человѣкомъ исключительныхъ дарованій, но только такихъ, какія разрѣшала или терпѣла російская самодержавная власть. Въ оправданіе ему, однако, должно сказать одно: когда онъ попытался «движеніемъ сильнаго восторга выйти изъ береговъ», самодержавная власть перебила ему кости. — Съ конца 1808 года Сперанскій — самый приближенный человѣкъ Александра и единственный помощникъ въ замысленныхъ имъ уновленіяхъ. Александръ посвятилъ Сперанскаго въ свои мысли и планы и передалъ ему всѣ накопленные во время Тайнаго комитета и послѣдующую эпоху проекты реформъ. Сперанскій изучилъ «всѣ извѣстныя конституціи». Оба они вмѣстѣ проводили цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся. Изъ всѣхъ сихъ упражненій и разсужденій родился Планъ всеобщаго государственнаго образованія, составленный Сперанскимъ. Сила всѣхъ предложенныхъ въ Планѣ образованій состояла въ томъ, «чтобы постановить управленіе Имперіи на непремѣняемомъ законѣ и дать Россіи внутреннее политическое бытіе, а съ сего цѣлью опредѣлить прежде всего разумъ коренныхъ государственныхъ законовъ, т. е. начертать планъ конституціи». Когда Планъ былъ составленъ, Александръ, въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, почти ежедневно занимался разсмотрѣніемъ его и внесеніемъ перемѣнъ, дополненій и исправленій. Послѣ этого Планъ былъ обсужденъ и одобренъ «людьми съ умомъ самымъ здравымъ, самымъ холоднымъ». И только тогда положено было приводить его въ дѣйствіе. Такимъ образомъ Сперанскій — совсѣмъ не единственный творецъ Плана. Его вдохновителемъ былъ самъ Александръ. Сперанскій — великій систематизаторъ и «ковачъ словъ» — далъ ему форму и выраженіе. И зрѣлые, вѣроятно, наиболѣе государственные умы Имперіи обсудили и одобрили его. Истинный разумъ Плана былъ таковъ.

Царства земныя имѣютъ свои эпохи величія и упадка, и въ каждой эпохѣ образъ правленія долженъ быть соразмѣренъ той степени гражданскаго образованія, на коей стоитъ государство. Каждый разъ, когда образъ правленія отстаетъ или предваряетъ сію степень, онъ испровергается съ большимъ или меньшимъ потрясеніемъ. Время есть первое начало и источникъ всѣхъ политическихъ обновленій. Никакое правительство, съ

духомъ времени несообразное, противъ всемогущаго его дѣйствія устоять не можетъ. Сколько бѣдствій, сколько крови можно бы было сберечь, если бы правители державъ, точнѣе наблюдая движеніе общественнаго духа, не народъ приспособляли бы къ правленію, но правленіе къ состоянію народа. Движимые теченіемъ времени и развитіемъ просвѣщенія народы Европы, несмотря на сопротивленіе правителей, одни вслѣдъ за другими, предпріяли воздвигнуть новый вѣшій порядокъ и вступили на путь, ведущій отъ самовластнаго правленія къ свободному. Нынѣ на этотъ путь вступаетъ и Россія. Въ общемъ движеніи человѣческаго разума, государство наше еще стоитъ въ эпохѣ самодержавія, но, безъ сомнѣнія, имѣетъ прямое направленіе къ свободѣ. Какіе признаки удостовѣряютъ, что и Россія находится въ предверіи политическихъ перемѣнъ, и что настало время ихъ начинаній? — Слѣдующіе признаки кажутся достовѣрными. Не разумомъ, но силой воображенія дѣйствуетъ правительство на страсти народныя и владычествуеть ими. Но то, что раньше поражало народное воображеніе и въ другихъ странахъ, и у насъ — чины и почести — больше не имѣетъ дѣйствія. Ихъ внутренняя очаровательная сила, впечатлѣніе на народъ, мало-по-малу изглаживается и пропадаетъ. Когда разумъ народа начинаетъ распознавать цѣну свободы, онъ отменяетъ съ небреженіемъ всѣ дѣтскія игрушки, коими забавлялся въ своемъ младенчествѣ. Правительства дѣйствуютъ на народы двумя родами силъ: физической и моральной. Но, если физическая власть нашего правительства осталась въ прежнемъ положеніи, то моральная, безъ сомнѣнія, весьма ослабла. Съ горестію, но съ достовѣрностію можно сказать, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія. Какая сему есть причина? — Истинная причина одна: образъ мыслей настоящаго времени находится въ совершенной противоположности съ образомъ правленія. При такомъ состояніи общественнаго духа, никакія частныя исправленія настоящей политической системы невозможны. Всѣ жалуются на запутанность и смѣшеніе гражданскихъ нашихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія? Жалуются на медленность успѣховъ просвѣщенія. Но къ чему послужитъ народу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобы яснѣе обозрѣлъ онъ всю горестъ своего положенія. И, наконецъ, сіе всеобщее неудовольствіе, сія преклонность къ го-

рестнымъ изъясненіямъ всего настоящаго есть ничто другое, какъ общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вѣщей порядка. Всѣ вещи остались въ прежнемъ почти положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждетъ въ безпокойствѣ. Какъ можно изъяснить сіе безпокойство иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мысли, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ новаго порядка вещей. Таковы суть главные признаки, которые съ достовѣрностью указываютъ, что настоящая система правленія не свойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время для преобразованія всего политическаго строя. — Въ чемъ общій разумъ сего преобразованія? — Общій предметъ преобразованія состоитъ въ томъ, чтобы правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ. Нельзя основать правленіе на законѣ, если одна державная власть соединяетъ въ себѣ всѣ роды государственныхъ силъ, и носитель ея будетъ и составлять законъ, и исполнять его. Отсюда необходимость раздѣленія государственныхъ силъ и установленій, эти силы представляющихъ. Три силы движутъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, исполнительная и судная. Изъ троякаго порядка сихъ силъ возникаетъ и троякій порядокъ государственныхъ установленій. Одно изъ нихъ должно дѣйствовать въ образованіи закона, другое — въ исполненіи, третье — въ части судной. Начало и источникъ всѣхъ государственныхъ силъ въ народѣ. Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа. Потому и установленія, государственный силы представляющія, должны быть расположены на слѣдующихъ правилахъ: 1) законодательное сословіе должно быть устроено такъ, чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собой мнѣніе народное. 2) Сословіе судебное должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора. 3) Власть исполнительная должна быть ввѣрена правительству; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно поставить ее въ отвѣтственности власти законодательной. При такомъ устройствѣ, нынѣшнее самодержавное правленіе не внѣшними только формами закона будетъ покрыто, но ограничено внутренней и существенною силой установленій, и державная власть будетъ учреждена на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ. Таковъ общій разумъ коренныхъ государственныхъ началъ, свойственныхъ настоящему положенію Россіи. — Отсюда порядокъ и устройство тѣхъ установленій, на которыхъ должна покоиться будущая конституція російская. Россійская Имперія — чтобы поставить ее въ сообразность съ расположеніемъ государственныхъ силъ — раздѣляетъ

ся на губернии; губернии — на округа; округа — на волости. Въ каждой волости всѣ владѣльцы недвижимой собственности и старшины казенныхъ крестьянъ — по одному отъ пятисотъ участковъ — составляютъ волостную думу. Волостная дума выбираетъ волостное правленіе для заведыванія дѣлами волости и посылаетъ депутатовъ въ окружную думу. Окружная дума выбираетъ окружной совѣтъ и посылаетъ депутатовъ въ губернскую думу. Губернская дума выбираетъ губернский совѣтъ и посылаетъ депутатовъ въ государственную думу. Государственная дума составляетъ законодательное сословіе Имперіи. Ни одинъ законъ не можетъ имѣть силы безъ уваженія сего сословія. Утверждаетъ законъ державная власть. Народнымъ выборомъ составляются и суды: волостной, окружной и губернской. Сенатъ составляется, съ утвержденія державной власти, изъ лицъ, избранныхъ въ губернскихъ думахъ и внесенныхъ въ государственный избирательный списокъ. Сенатъ есть верховное судилище для всей Имперіи. Исполнительный порядокъ истекаетъ изъ власти державной. Державная власть составляетъ Министерство и управленіе губернское, окружное и волостное. Но начальники управленій обязаны отчетами передъ избранными народомъ думами и совѣтами: губернской начальникъ передъ губернской думой и совѣтомъ, окружной — передъ окружными и волостной — передъ волостными. Министры отвѣтственны передъ высшимъ законодательнымъ сословіемъ Имперіи — государственной думой. Державная власть принадлежитъ Государю Императору. Но державная власть, во всѣхъ своихъ важныхъ дѣяніяхъ должна быть окружена Государственнымъ Совѣтомъ. Въ порядокъ государственныхъ установленій Совѣтъ составляетъ сословіе, черезъ которое всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются. Таковы первенствующія государственныя сословія, на которыхъ должна покоиться будущая россійская конституція. Сравнивая сіе распредѣленіе со всѣми извѣстными конституціями, нельзя не примѣтить, что всѣ его части естественно связаны между собой и что всѣ онѣ держатся на одномъ началѣ. Преимущество сіе весьма легко изъясняется. Конституціи во всѣхъ почти государствахъ устрояемы были въ разныя времена, отрывками, и, по большей части, среди жестокихъ политическихъ превращеній. Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устроивъ политическое бытіе своего народа, мо-

жать и имѣть всё способы дать ему самыя правильныя формы. — Таковъ истинный разумъ, Плана всеобщаго государственнаго образованія, составленнаго Сперанскимъ и принятаго Александромъ.

Въ концѣ 1809 года Александръ, съ помощью Сперанскаго, началъ осуществлять Планъ въ жизни и вводить въ Россійской Имперіи конституцію, формы которой должны были быть самыя правильными и совершенными среди всѣхъ извѣстныхъ конституцій міра. 1-го января 1810 года въ Шепелевскомъ дворцѣ былъ торжественно открытъ Государственный Совѣтъ. Предсѣдательствовалъ Александръ. Въ своей рѣчи Совѣту онъ говорилъ: «порядокъ и единообразіе дѣлъ государственныхъ требуютъ, чтобы было одно средоточіе для общаго ихъ соображенія... Одно личное дѣйствіе власти... не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ того, лица умираютъ; одни установленія живутъ... Среди всѣхъ заботъ, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и вѣншихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда меня не оставляла. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ... Наконецъ, Всевышній благословляетъ мои желанія... Государственный Совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу Имперіи принадлежащихъ». Въ манифестѣ объ образованіи Государственнаго Совѣта, прочитанномъ Сперанскимъ, было сказано: истинный разумъ всѣхъ усовершеній государственныхъ установленій Отечества Нашего, — какъ осуществленныхъ въ прежнія царствованія, такъ и замысленныхъ въ настоящее — состоятъ въ томъ, чтобы учреждать постепенно образъ управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона. Въ сихъ цѣляхъ подготовлено Гражданское Уложеніе. По примѣраи древняго отечественнаго Законодательства. Мы не оставимъ назначить порядокъ, коимъ Уложеніе сіе совокупнымъ разсмотрѣніемъ и разграниченіемъ ихъ сословіи имѣть быть уважено. Но законы гражданскіе, сколь бы они не были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды. Въ числѣ сихъ установленій, Государственный Совѣтъ долженъ имѣть образованіе, свойственное публичнымъ установленіямъ. Нынѣ сіе образованіе полагается на слѣдующихъ началахъ: Совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ Законодательству соображаются и черезъ него восходятъ къ Верховной власти;

поэтому все законы, уставы и учреждения представляются и рассматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ; на уваженіе Государственнаго Совѣта поступаютъ также: объявленіе войны и заключеніе мира, ежегодныя смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, отчеты всѣхъ Министерствъ; манифесты о новыхъ законахъ имѣютъ указаніе: внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта; образованіе Государственнаго Совѣта принадлежитъ къ кореннымъ законамъ Имперіи. Въ рѣчи Александра и въ словахъ Манифеста истинный разумъ образованія Государственнаго Совѣта раскрывается, въ осторожныхъ выраженіяхъ, но съ недопускающей сомнѣній ясностью: Государственный Совѣтъ — одно изъ «первенствующихъ государственныхъ сословій», на которыхъ должна покоиться русская конституція, — первый шагъ на пути осуществленія Плана. Совѣтъ — часть строящагося конституціоннаго зданія. Въ разговорѣ со старымъ сотрудникомъ по Тайному комитету Чарторыскимъ, Александръ, за нѣсколько дней до открытія Совѣта, сказалъ: «то, что собираются сдѣлать для Совѣта, служить первымъ шагомъ къ болѣе существеннымъ переменамъ, на которыя мои взгляды ничуть не измѣнились». Въ отчетѣ Александру за 1810 годъ Сперанскій о Совѣтѣ писалъ такъ: «Совѣтъ учрежденъ... для того, чтобы власти законодательной... дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы и учрежденія не были рассматриваемы съ большей зрѣлостью, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ большею свободою... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самодержавной власти къ истиннымъ формамъ монархическимъ.. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое Совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности; они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало. Они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краю угольному его камню». — Лѣтомъ 1810 года былъ положенъ еще одинъ камень «огромнаго зданія». Манифестомъ 25 іюня (дополненнымъ манифестомъ 25 іюня 1811 года) было установлено «новое распредѣленіе государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ» и создано новое «Учрежденіе Министерствъ». Раздѣленіе государственныхъ дѣлъ между Министерствами было проведено съ такою ясностью, и власти министровъ были поставлены столь точные предѣлы, что, — по утвержденію Сперанскаго, — «ни одно государство въ Евро-

пѣ не могло похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ». Согласно Манифестамъ, Министерства установлены на тотъ конецъ, чтобы доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное исполненіе. Существо власти, ввѣренной Министрамъ, принадлежитъ единственно къ порядку исполнительному — никакой новый законъ, никакое новое учрежденіе не могутъ быть устанавливаемы властью Министровъ. Министры только могутъ представлять о необходимости новаго закона или учрежденія Власти Законодательной. Средоточіе сихъ представленій есть Государственный Совѣтъ. Передъ Государственнымъ Совѣтомъ Министры и отвѣтственны. Власть судебная, во всемъ ея пространствѣ, принадлежитъ Сенату и мѣстамъ суднымъ. — Дальнѣйшій порядокъ приведенія въ дѣйствіе Плана былъ опредѣленъ Александромъ и Сперанскимъ такъ. Лѣтомъ 1810 года должны быть произведены выборы депутатовъ всѣхъ сословій, взявъ предлогомъ слушаніе Гражданскаго Уложенія по примѣру, въ 1766 году бывшему. Собраніе сихъ депутатовъ будетъ наименовано Государственной Думой и открыто 1 сентября «со всѣми приличными обрядами». Дѣйствіе ея начнется Гражданскимъ Уложеніемъ. Если не встрѣтятся какихъ-либо непреодолимыхъ препятствій, то послѣ сего ей предложится Государственное Уложеніе. Со временемъ его принятія Государственная Дума восприметъ предназначенное ей въ порядкѣ государственныхъ установленій мѣсто. Засимъ образуется и судная часть, и Сенатъ станетъ также въ порядкѣ государственныхъ сословій. Срокомъ окончательнаго совершенія преобразованій было намѣчено 1 сентября 1811 года. «Если Богъ благословитъ всѣ сіи начинанія, — писалъ въ запискѣ Александру Сперанскій, — то къ 1811 году, къ концу десятилѣтія настоящаго царствованія, Россія восприметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится».

Но Богъ не благословилъ начинаній Сперанскаго и Александра. Россія не воспріяла новаго бытія. Громадное конституціонное зданіе рушилось недостроенное. Произошло это такъ. — Предпринимая сооруженіе зданія, начертаннаго въ Планѣ, Сперанскій понималъ, что перестраивать русскую восточную деспотію въ западную конституціонную монархію по частямъ невозможно. «Il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap», — говорилъ онъ рѣшительно. Въ бесѣдахъ съ Александромъ онъ предлагалъ всѣ установленія Плана «приготовить вдрѣгъ, открыть единовременно», — тогда они явятся всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произведутъ никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Александръ не сознавалъ ясно этой необхо-

димости. Къ тому же, по характеру, онъ былъ человекъ осторожный и нерѣшительный. Еще въ эпоху реформаторской дѣятельности Тайнаго комитета, Строгановъ писалъ о немъ Новосильцеву: «вы знаете, что мы иногда страдаемъ неумѣстными сожалѣніями и нерѣшительностью... въ моментъ, когда все должно быть исполнено, а такъ какъ событія не ждутъ прихотей монарха, то въ итогъ выходитъ нѣчто трусливое и вялое». То же происходило и при исполненіи Плана. Въ результатѣ, Сперанскій приспособилъ диспозицію введенія намѣченныхъ уювленій къ «прихотямъ монарха». Было рѣшено вводить предложенныя въ Планѣ преобразованія постепенно, избѣгая всякой торопливости; каждое установленіе открывать не прежде, какъ все его образованіе будетъ изготвлено; и, наконецъ, «переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ такъ учредить, чтобы онъ казался самымъ простымъ и естественнымъ, чтобы новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ, чтобы ничего не отваживать и имѣть всегда способы остановиться и удержать прежній порядокъ во всей его силѣ, ежели бы, паче чаянія, встрѣтились къ новому какія-либо непреодолимые препятствія». Россійская конституція не только должна была бытиемъ своимъ быть одолжена «благодѣтельному вдохновенію верховной власти», но и введеніе ея должно было, для подданныхъ этой власти, пройти почти незамѣтнымъ! Въ связи съ такой диспозиціей пришлось внести поправки и измѣненія и въ самый Планъ. Согласно Плану, Государственный Совѣтъ долженъ былъ составлять совѣщательное сословіе при Монархѣ, въ коемъ всѣ государственныя дѣла, въ первыхъ ихъ начертаніяхъ, предлагаются и разсматриваются и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію. Законодательныя дѣла изъ Совѣта поступаютъ на уваженіе сословія законодательнаго — Государственной Думы. За отсутствіемъ Государственной Думы, въ Законодательное Сословіе пришлось временно превратить самый Государственный Совѣтъ. Постановленія, принятые въ Государственномъ Совѣтѣ большинствомъ голосовъ, поступали непосредственно на утвержденіе державной власти. За отсутствіемъ Государственной Думы, пришлось на Государственный Совѣтъ перенести и отвѣтственность передъ законодательнымъ сословіемъ министровъ. Значительныя измѣненія пришлось внести — по сравненію съ Планомъ — также въ учрежденіе Сената. Согласно Плану, Сенатъ — верховное судебное сословіе Имперіи и составляется выборомъ всѣхъ свободныхъ состояній народа. Согласно проекту, представленному Сперанскимъ, Сенатъ дѣлитъ

ся на: Правительствующій — верховное сословіе управления и Судебный — верховное сословіе суда. Правительствующій Сенатъ составляется изъ министровъ, ихъ товарищей и главныхъ начальниковъ разныхъ частей управления; Судебный — Высочайшими назначеніями и посредствомъ избранія дворянствомъ. Благодаря «прихотямъ монарха», былъ измѣненъ и порядокъ введенія «первенствующихъ сословій»: Государственная Дума отошла вдаль и уступила мѣсто Сенату. — Въ началѣ 1811 года проектъ Сената былъ готовъ и одобренъ Александромъ. Въ іюнѣ онъ поступилъ на разсмотрѣніе Государственного Совѣта. Въ Совѣтѣ проектъ встрѣтилъ тѣ же возраженія, которыя, въ средѣ «старыхъ служивцевъ», встрѣчали всѣ уновленія Александра: разумъ сихъ новыхъ установленій, — говорили члены Совѣта, — стѣсняетъ власть государеву. Назначеніе сенаторовъ по выбору противно разуму самодержавнаго правленія. Нѣтъ основаній удѣлять Сенату одну изъ принадлежностей самодержавной власти: окончательное, безъ права жалобы Государю, рѣшеніе дѣлъ судебныхъ. Выраженіе: державная власть, не свойственно Россіи — Россія знаетъ только власть самодержавную или императорскую. Кн. Голицынъ говорилъ: «общее мнѣніе въ Россіи состоитъ въ томъ, что только одно государево вліяніе на всѣ части управленія и суда можетъ доставить дѣламъ правдивое рѣшеніе». «Народъ русскій привыкъ искони почитать въ лицѣ государя земное Божество, верховнаго судью». Державинъ писалъ о томъ же Сперанскому: «все сіе можно бы сдѣлать... не столь убыточнымъ и больше охраняющимъ единство власти монаршей, безъ коей Россія благополучна быть не можетъ». Однако, большинство Совѣта волѣ Александра противиться не осмѣлилось: проектъ Сената былъ одобренъ, за исключеніемъ одного пункта: о запрещеніи приносить жалобы на рѣшенія Сената государю. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Совѣтъ другимъ большинствомъ постановилъ: что введеніе новаго образованія Сената должно быть отложено до болѣе удобнаго времени. Александръ утвердилъ, въ этомъ вопросѣ, мнѣніе меньшинства, но тутъ же на журналѣ приписалъ: «предоставляю себѣ назначить опредѣлительную эпоху». Эта эпоха никогда не наступила — новое Учрежденіе Сената въ дѣйствіе введено не было. — Между тѣмъ, колебанія Александра все усиливались. Знаніе російской конституціи уже было почти выведено въ стѣнахъ. Надо было покрывать его куполомъ — Государственной Думой, избранной народомъ. Передъ этимъ рѣшеніемъ воля Александра, очевидно, слабѣла. Еще въ началѣ 1811 года, Сперанскій, подавая свой отчетъ за годъ преобразованій, пред-

лагать свою отставку. Вызывалось ли это нападками противниковъ, какъ объяснялъ самъ Сперанскій, или Сперанскій уже чувствовалъ колебанія Александра, источники не указываютъ. Во всякомъ случаѣ, тогда Александръ отставку Сперанскаго рѣшительно отклонилъ. И самъ Сперанскій еще вѣрилъ тогда въ завершенье Плана. Осенью 1811 года положеніе сильно измѣнилось къ худшему. Въ письмѣ къ Столыпину отъ 24 октября Сперанскій писалъ: «я называю излишними затѣями всѣ мои предположенія и желанія двинуть грубую толщу, которую никакъ сдвинуть невозможно». Когда Государственный Совѣтъ одобрилъ проектъ Сената, Сперанскій самъ убѣждалъ Александра остановить его исполненіе. Но такими полумѣрами спасти дѣло уже было невозможно: незаконченное зданіе россійской конституціи грозило рухнуть, похоронивъ подъ собой его строителя. 17 марта 1812 года катастрофа разразилась. Послѣ двухъ часового драматическаго разговора съ Александромъ Сперанскій былъ отправленъ въ ссылку. «Когда я отъ него вышелъ, — рассказывалъ Сперанскій впоследствии, — на моихъ щекахъ были его слезы». Вместе съ Сперанскимъ ушла въ небытіе и россійская конституція.

Въ чемъ вина Сперанскаго? За что онъ былъ наказанъ? Въ своемъ послѣднемъ разговорѣ со Сперанскимъ, Александръ перечислилъ его вины: 1) что финансовыми дѣлами онъ старался разстроить государство; 2) привести налогами въ ненависть правительство; 3) худо о правительствѣ отзывался. Враги обвиняли его въ большемъ: въ сношеніи съ Наполеономъ и измѣнѣ Россіи. Но Александръ зналъ, что всѣ эти обвиненія не имѣютъ основаній. Сперанскій былъ виноватъ въ одномъ, и самъ зналъ свою вину. Въ письмѣ Александру изъ Нижняго-Новгорода онъ писалъ: «Планъ государственнаго образованія, Государь, первый и единственный источникъ всего, что со мной случилось». Правда, онъ писалъ въ томъ же письмѣ: этотъ трудъ составленъ «подъ Вашимъ руководствомъ и по Вашему непосредственному приказанію»; мысли его «были запечатлѣны въ Вашемъ сердцѣ, онѣ не были предложены мною». Но это значенія не имѣло. Россійскіе самодержцы многое прощали своимъ вѣрнымъ слугамъ; но не прощали одного: покушенія на священные права своей власти. Даже тогда, когда это дѣлалось съ ихъ согласія! Этого не могла простить въ 18 в. Екатерина Великая Никитѣ Панину. Этого не могъ простить въ наше время Николай II графу Витте. Этого не простилъ и Александръ Сперанскому. Поручая де Санглену арестъ Сперанскаго, Александръ сказалъ ему: «Сперанскій самъ ускорилъ свое отправле-

ніе. Я спрашивалъ его, какъ онъ думаетъ о предстоящей войнѣ и участвовать ли мнѣ въ ней своимъ лицомъ? Онъ имѣлъ дерзость.. совѣтовать, чтобы, сложивъ все съ себя, я собралъ Боярскую Думу и предоставилъ ей вести... войну. Но что же я такое? Развѣ нуль? Изъ этого я убѣждаюсь, что онъ... подкапывался подъ самодержавіе, которое я не могу и не въ правѣ сложить съ себя самовольно къ вреду моихъ наслѣдниковъ». Не простивъ вины Сперанскому, Александръ не могъ простить ему и всѣхъ его «уновленій». «Сперанскій вовлекъ меня въ глупость, — говорилъ онъ тому же Санглену. — Зачѣмъ я согласился на Государственный Совѣтъ и на титулъ государственнаго секретаря? Я какъ будто отдѣлилъ себя отъ государства. Это глупо и въ планѣ Лагарповомъ того не было». То же о Министерствахъ: «обрусили, запутали и испортили проектъ челоуѣка (Лагарпа), котораго я люблю какъ только благодѣтеля любить можно». «Учрежденіе Министерствъ есть ошибка». И то же о Сенатѣ — въ послѣднемъ разговорѣ со Сперанскимъ, онъ будто бы сказалъ ему: «вы хотѣли уничтожить Сенатъ, созданіе Петра Великаго». — У Сперанскаго была еще одна вина — по существу, все та же, но по формѣ, быть можетъ, еще болѣе тяжкая, чѣмъ передъ самодержавной властью. Въ разговорѣ съ Новосильцевымъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ отправленія Сперанскаго въ ссылку, Александръ сказалъ ему: «вы думаете, что онъ измѣнникъ? — Нисколько; въ дѣйствительности, онъ виноватъ только противъ одного меня, виноватъ тѣмъ, что заплатилъ за мою довѣренность и дружбу самой черной, самой отвратительной неблагодарностью». И, дѣйствительно, въ разговорахъ со знакомыми Сперанскій отзывался объ Александрѣ несдержанно. Балашову онъ сказалъ: «вы знаете подозрительный характеръ государя. Все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ наполовину. Онъ слишкомъ слабъ, чтобы управлять, и слишкомъ силенъ, чтобы быть управляемымъ». Въ личной перепискѣ онъ выражался еще несдержаннѣе. Было перехвачено письмо, въ которомъ Сперанскій, сообщая о поѣздкѣ государя для осмотра укрѣпленій, писалъ о немъ: нашъ Вобанъ, нашъ Вобланъ (veau blanc — теленокъ). Россійскіе самодержцы никогда не прощали покушеній на священные права своей власти — еще меньше прощали они оскорбленія ихъ священной особы. Никогда не простилъ этого Александръ и Сперанскому. — Съ момента ссылки Сперанскій — сломленный челоуѣкъ. Самодержавная власть раздавила его. Онъ еще пытался подняться, бороться, но какъ челоуѣкъ съ перебитымъ хребтомъ. Его письма и дневники показываютъ это съ полной ясностью и съ еще

большей ясностью — истинный разумъ происшедшаго. Въ письмѣ къ Столыпину отъ 10 іюля 1817 года онъ еще протестуетъ: «долго-ли будутъ играть мною, какъ мячемъ? Кажется, пора бы сію игру окончить, ибо есть Богъ и совѣсть». Но въ письмѣ изъ Тобольска отъ 30 мая 1819 года уже съ полной покорностью: «и здѣсь... то же небо, тотъ же солнечный свѣтъ, тотъ же государь... Онъ одинъ здѣсь можетъ сказать: да будетъ свѣтъ и будетъ... Прочее все въ рукѣ Б о ж ь е й и въ м и л о с т и г о с у д а р я». И уже совѣтъ покорно 1 февраля 1820 года такъ, какъ говорили московскіе люди: «участь мою предаю совершенно Богу и государю». — Когда спустя нѣсколько лѣтъ Николай I поручалъ Сперанскому кодификацію русскихъ законовъ, онъ сказалъ при этомъ начальнику второго отдѣленія Канцеляріи Его Величества, на которую была возложена эта работа, Бадугянскому: «смотри же, чтобы онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 году — ты у меня будешь за него въ отвѣтъ».

Судьба уновлений Сперанскаго была такъ же трагична, какъ судьба самого «опаснаго уновителя». Недостроенное зданіе російской конституціи рушилось до основанія, оставивъ послѣ себя груды развалинъ. Позднѣйшіе историки только съ трудомъ могли установить по этимъ развалинамъ, среди которыхъ прочно размѣстились государственныя установленія самодержавной имперіи, объ истинномъ назначеніи замышленного строенія. Государственный Совѣтъ — «краеугольный камень огромнаго зданія» — очень скоро превратился въ обычное имперское верховное «мѣсто» — безъ всякой самостоятельной силы, безъ тѣни «политическаго бытія». Согласно Плану, Государственный Совѣтъ «окружаетъ» державную власть во всѣхъ ея важныхъ дѣяніяхъ. Черезъ Совѣтъ всѣ дѣйствія государственнаго порядка восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются. Согласно манифесту и рѣчи Александра, Совѣтъ — высшее законодательное сословіе, «установленіе непремѣнное и къ самому существу Имперіи принадлежащее». Всѣ законы, уставы и учрежденія разсматриваются въ Совѣтѣ, и только тѣ рѣшенія, которыя приняты его большинствомъ, утверждаются Верховной властью съ указаніемъ: «внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта. «Внявъ мнѣнію Совѣта!» — писалъ по этому поводу съ возмущеніемъ въ запискѣ «О древней и новой Россіи» Карамзинъ. — Государь Россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее..., но въ самодержавіи не надобно ничего одобренія для закона, кромѣ подписи государя: онъ имѣетъ всю силу». И, дѣйствительно, опасная формула, напоминавшая объ истинномъ

разумѣ Совѣта, скоро изъ его обращенія исчезла. Александръ утверждалъ мнѣнія большинства, меньшинства и даже одного члена. Многие законы издавались безъ разсмотрѣнія въ Совѣтѣ, какъ «высочайшія повелѣнія». Роль Совѣта свелась къ обсужденію тѣхъ законопроектовъ, которые находилъ нужнымъ передать на его уваженіе Комитетъ Министровъ, и къ разбору жалобъ на рѣшенія Сената. По утвержденію Сперанскаго, съ 1812 года «Совѣтъ пересталъ быть мѣстомъ соображенія для законодательства, содѣлался мѣстомъ судебнымъ по дѣламъ, изъ Сената входящимъ». — Еще болѣе ничтожнымъ оказалась роль Сената. Согласно Плану, Сенатъ — верховное судебное сословіе и составляется народнымъ избраніемъ. Согласно проекту Сперанскаго, одобренному Совѣтомъ, Сенатъ — верховное сословіе управленія и верховное сословіе суда; часть его составляется выборомъ дворянства. Но проектъ Сперанскаго никогда въ силу не вошелъ. Введеніе его было отложено «до времени». «Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь, — писалъ по этому поводу изъ ссылки Сперанскій Александру, — чтобы время сіе настало... Безъ устройства Сената, сообразно устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда... нежели пользы и достоинства». Но время сіе никогда не настало. Сенатъ остался въ «полуструствѣ». Его правительственная дѣятельность была приведена Министерствами въ ничтожество. Сохранилась только судебная. Но и въ судебной дѣятельности Сенатъ не сталъ высшей инстанціей. «Рѣшенія Сената подвергались снова пересмотру Совѣта и перевѣшивались мнѣніями его, Высочайше утвержденными» (Сперанскій). Начавъ царствованіе провозглашеніемъ правъ и преимуществъ Сената и торжественнымъ обѣщаніемъ поставить ихъ на незыблемомъ основаніи, какъ государственныя законы, Александръ кончилъ полнымъ униженіемъ «верховнаго мѣста Имперіи». «Правительствующій Сенатъ, — писалъ государю предсѣдатель Комитета Министровъ князь Салтыковъ, — соблюдая одно токомъ имъ правительственнаго сословія, преимущественно занятъ ревизіей судныхъ дѣлъ». По словамъ сенатора Сумарокова, «Сенатъ лишился своего достоинства, данныя ему привилегіи обычаями измѣнились, а черезъ это послушаніе отъ судилищъ пресѣклось... Сенатъ, сей надежный руководитель въ государствѣ, сдѣлался какой-то непонятной инстанціей». Въ сводѣ показаній декабристовъ, составленномъ въ 1826 году для Николая I, о Сенатѣ было сказано такъ: «Сіе хранилище законовъ и блюститель благоустройства обращенъ въ простую типографію, подчиненную каждому лицу съ

довѣренностью». И это суровое опредѣленіе было не далеко отъ истины. — Изъ всѣхъ уновленій Сперанскаго сохранило свое значеніе только Учрежденіе Министерствъ. Правда, истинный разумъ сего учрежденія былъ скоро забытъ. Уже черезъ два года послѣ его введенія оно лежало, — по свидѣтельству Сперанскаго, — «покрыто пылью и прахомъ». Согласно Плану, Министерства — исполнительная власть, отвѣтственная передъ высшимъ законодательнымъ сословіемъ Имперіи — Государственной Думой, избранной народомъ. Согласно Манифесту 25 іюня 1811 года, министры отвѣтственны передъ Совѣтомъ. Но Государственная Дума ушла въ небытіе вмѣстѣ съ Планомъ и его творцомъ. Совѣтъ, вставшій на мѣсто Думы законодательнымъ сословіемъ, политическаго бытія не воспріялъ. «Бытіе политическое, — писалъ Сперанскій, — образуется не словами, а внутреннимъ началомъ, изъ коего составъ его слагается. Никогда мѣсто... отъ произволенія державной власти зависящее, не можетъ на себя принять характеръ политическій, не можетъ замѣнить сословіе государственное, составленное посредствомъ народнаго представленія». Потому не утвердилась и отвѣтственность министерская. «Ибо, гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи, тамъ и отвѣчать передъ нимъ нельзя». Въ результатѣ Министерства очень скоро выродились въ безотвѣтственные имперскія бюрократическія установленія, гдѣ каждый министръ считалъ ввѣренное ему министерство за «пожалованную деревню». И, тѣмъ не менѣе, въ Министерствахъ сосредоточилось все управленіе государствомъ. Комитетъ Министровъ сталъ высшимъ установленіемъ Имперіи, гдѣ рѣшались всѣ важныя государственный дѣла — не только исполнительнаго, но и законодательнаго и суднаго порядка. Согласно Учрежденію Министерствъ, Комитетъ Министровъ не имѣлъ мѣста. Министры вмѣстѣ съ главными начальниками управленія, составляли Правительствующій Сенатъ, куда и должны были поступать всѣ дѣла, превышающія власть отдѣльнаго министра. Но Учрежденіе Сената 1811 года не вошло въ силу. Между тѣмъ, государственное управленіе неумолимо требовало «средоточія и твердой связи дѣлъ». 20 марта 1812 года, отправляясь на войну, Александръ облекъ Комитетъ Министровъ «особой властью». Съ того времени Комитетъ сталъ центромъ государственнаго управленія. Совѣтъ и Сенатъ подчинились ему и отошли на задній планъ. «Комитетъ, — писалъ Сперанскій, — бывший дотошъ только совѣщаніемъ Министровъ и по новому образованію назначенный вовсе къ уничтоженію, въ сіе время содѣялся мѣстомъ присутственнымъ, гдѣ дѣла всякаго рода, и малыя, и большія, и

судебныя, и правительственныя рѣшались по голосамъ, и голоса сии издавались во всеобщее извѣстіе». Одно важное обстоятельство чрезвычайно усилило его значеніе: докладчикомъ государя по дѣламъ Комитета былъ «безъ лести вѣрноподанный» Аракчеевъ, которому Александръ вѣрилъ до конца. Отсюда опредѣляющая роль Комитета. Министры вносили въ Комитетъ всё болѣе или менѣе важныя дѣла государства. Аракчеевъ докладывалъ ихъ Александру. Александръ рѣшалъ. Все государственное управленіе принимало видъ большой сосредоточенности и ясности. Правда, въ такомъ устройствѣ — какъ и въ устройствѣ до эпохи «уновленій» — не было и частицы «механизма свободнаго правленія». Но Александра теперь это бездокоило мало. Самодержавная диктатура, нужная для введенія народнаго представительства, приобрѣла самостоятельную цѣльность. Куполъ самодержавной власти покрылъ все государственное строеніе. — И, однако, уновленія Сперанскаго не прошли даромъ. Одухотворяющій ихъ геній Запада — мѣры и порядки — проникъ и въ механизмъ самодержавной власти. Самодержавная власть, не потерявъ въ своей силѣ, стала гибче и стройнѣе. Механизмъ самодержавнаго правленія сталъ работать болѣе ровно и безъ перебоевъ. На восточномъ куполѣ самовластия появились западныя расчленяющія ребра.

Вторая половина царствованія Александра I — послѣ Отечественной войны — безкрылая мечта о свободѣ. Императоръ — повелитель Европы! — все еще думаетъ о перестройкѣ русскаго государственнаго зданія. Неоднократно онъ повторяетъ, что мысль о конституціи для него священна, что онъ готовъ ее и надѣется привести это дѣло къ желанному концу. Въ 1814 г., будучи въ Лондонѣ, онъ обратился къ лидеру виговъ Грею съ просьбой: представить ему докладъ «о созданіи въ Россіи оппозиціи». Онъ еще увѣряетъ и себя, и другихъ, что «либеральныя начала одни могутъ служить основой счастья народовъ». Временами онъ даже дѣлаетъ попытки провести эти начала въ жизнь. Но все это безъ воли и силы. Страсть «новить старое», которая, въ молодые годы, порою волновала его, въ эту пору жизни въ немъ окончательно потухла. Воля его теперь направлена на другое: на утвержденіе своей власти. Самодержавная власть, принятая имъ для великой цѣли — охранить русскій народъ отъ тираніи и даровать ему свободу — сама мало-по-малу принимаетъ въ его сознаніи священный характеръ. Всю жизнь онъ твердилъ, что не рожденъ для своего сана. И всю жизнь являлъ противное. «Ты меня всегда хочешь учить, — сказалъ онъ съ гнѣвомъ на одномъ докладѣ Державину еще въ молодые годы. — Я са-

модержавный государь и такъ хочу». Въ зрѣлые годы такія слова стали звучать чаще и тверже. «Иногда блистало у него во взорахъ, — рассказываетъ объ этой порѣ жизни государя его адъютантъ Михайловскій-Данилевскій, — нѣчто такое, которое ясно говорило, что онъ помнить въ эту минуту о томъ, что рожденъ самодержцемъ». Въ бумагахъ Сперанскаго записаны мысли, несомнѣнно внушенныя ему службой у государя, а можетъ быть, и всѣмъ имперскимъ опытомъ: «человѣкъ только тогда сносенъ, когда онъ въ безсиліи». «Человѣкъ все можетъ снести, кромѣ силы». И, дѣйствительно, Александръ I своей безграничной силы не снесъ. Ласковый и кроткій въ молодости, теперь онъ становится временами несносенъ: строгъ до безмѣрности, неприступенъ и порою жестокъ. Черты отца проступаютъ съ ясностью. На нѣкоторыхъ портретахъ онъ странно напоминаетъ брата Константина — сыновнее воплощеніе Павла. Какъ отецъ, онъ начинаетъ презирать людей. Какъ отецъ, деспотически вести себя съ подчиненными и не терпѣть возраженій. «Вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками», — говорилъ Павелъ. «Я не вѣрю никому, я вѣрю лишь въ то, что всѣ люди — мерзавцы», — говорилъ Александръ. «Царствованіе Александра... — отмѣчаетъ въ своей Записной книжкѣ Вяземскій, — при всей кротости и многихъ просвѣщенныхъ видахъ, совершенно изгладило личность. Народъ онѣмѣлъ и спалъ съ голоса... Теперь и изъ преданія вывелось, что министру можно имѣть свое мнѣніе... Вышніе холопы барствуютъ передъ дворней и даютъ ее, но передъ господиномъ они тѣ же безгласные холопы». «Онъ употреблялъ, теперь генераловъ и дипломатовъ не какъ совѣтниковъ своихъ, — записываетъ объ Александрѣ въ эту пору его царствованія, въ дневникъ отъ 1815 года, Михайловскій-Данилевскій, — но какъ исполнителей своей воли; они боятся его, какъ слуги своего господина». Страхъ и становится — какъ во времена Павла — главнымъ орудіемъ управленія. Правда, для внушенія страха Александръ употреблялъ, — по выраженію современниковъ — «кнутъ на ватѣ». Но, по существу, это было все то же старый московскій кнутъ. — И удивительное дѣло: кнутъ и свобода, самовластіе и конституція укладываются въ сознаніи Александра, какъ будто совсѣмъ не сталкиваясь и не задѣвая другъ друга. Обычно его «противочувствія» даже не разнятся по времени. Въ 1815 году Александръ даровалъ конституцію Царству Польскому — одну изъ либеральнѣйшихъ въ тогдашней Европѣ. Въ 1818 году, въ рѣчи на открытіи Сейма, онъ обѣщалъ распространить конституціонныя учрежденія на всѣ стра-

ны, ему подвластныя. Въ отвѣтъ на вольнолюбивыя рѣчи депутатовъ, онъ сказалъ: «свободно избранные должны и разсуждать свободно». Но въ то же время, даруя конституцію Польшѣ, фактическимъ наместникомъ края, съ неограниченными полномочіями (формально, главнокомандующимъ войсками), онъ назначилъ своего брата Константина. Константинъ «бонапартичалъ» въ своемъ конституціонномъ удѣлѣ, «кнутобойничалъ» въ арміи и приводилъ польскихъ патріотовъ въ изнеможеніе. Сеймъ онъ называлъ «нелѣпой шуткой». Отъ подчиненныхъ требовалъ «покорности безъ разсужденій». Издѣваясь надъ офицерами, любилъ повторять: «я вамъ задамъ конституцію». Офицеры отвѣчали самоубійствами. Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ командованія польскими войсками иес. Константиномъ лишили себя жизни 49 офицеровъ. Либеральнѣйшая въ Европѣ конституція превращалась въ «тяжелую и бесполезную комедію». Всѣ просьбы измѣнить невыносимое положеніе Александра оставлялъ безъ вниманія. Въ 1820 году, на второмъ Сеймѣ, въ отвѣтъ на непокорныя рѣчи депутатовъ, онъ съ гнѣвомъ сказалъ имъ: что даровалъ либеральную конституцію и право свободной подачи голосовъ не для того, чтобы они старались стѣснять его власть. Въ 1830 году, въ царствованіе Николая I, ненужная комедія закончилась кровавой драмой. — Еще печальнѣе закончилась попытка распространить политическое образованіе Царства Польскаго на другія области имперіи. Вольнолюбивыя слова Александра на открытіи Сейма произвели на русскую молодежь большое впечатлѣніе. «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ конституцію», — писалъ въ апрѣлѣ 1818 года Карамзинъ Дмитріеву. Александръ приступилъ къ исполненію своего обѣщанія. Составленіе російской конституціи было поручено бывшему члену Тайнаго комитета Новосильцеву. Въ октябрѣ 1819 года основныя начала конституціонной хартіи были выработаны и Александромъ одобрены. Въ началѣ 1820 года проектъ «Государственной Уставной Грамоты» былъ готовъ. Содержаніе его слѣдующее. Уставная Грамота является кореннымъ закономъ Россійской Имперіи и жалуются російскимъ подданнымъ на вѣчныя времена. Задача ея: утвердить благосостояніе и спокойствіе вѣрноподданныхъ Государя, основать неприкосновенность ихъ лицъ и собственности и охранить ненарушимость ихъ правъ гражданскихъ и политическихъ. Для этой цѣли державная власть въ лицѣ монарха даетъ своимъ подданнымъ ручательства: свободу исповѣданій, свободу тисненія, равенство передъ закономъ, священность и неприкосновенность лица и собственности

и народное представительство. Народное представительство образуется Государственным Сеймомъ въ центрѣ и частными сеймами на мѣстахъ. Чтобы образовать послѣдніе, Россійское государство раздѣляется на области, именуемыя намѣстничества. Сеймы намѣстническихъ областей составляются изъ двухъ палатъ: высшей палаты, члены которой назначаются государемъ; и палаты земскихъ пословъ, депутаты которой избираются дворянствомъ и городами. Изъ двухъ палатъ составляется и Государственный Сеймъ: высшей — по назначенію государя и по-сольской — изъ депутатовъ, избранныхъ на сеймахъ намѣстничествъ. Таковъ новый проектъ россійской конституціи, мало отличный отъ конституціи польской — либеральнѣйшей въ Европѣ. Теперь предстояло этотъ проектъ утвердить и конституцію подписать. Передъ этимъ Александръ, по обыкновенію, отсутствовалъ. Однако — по ряду указаній — попытался провести ее въ жизнь по частямъ. Для начала — тоже по обыкновенію — взялъ часть «приличествующую самодержавію». По проекту Уставной Грамоты, Россійское государство раздѣлялось на области — намѣстничества. Александръ объединилъ мѣсколько центральныхъ губерній въ новое намѣстничество — ген.-губернаторство, наряду съ другими, уже существующими, и на постъ намѣстника назначилъ ген. Балашова — съ особыми полномочіями для производства преобразованій. Министръ полиціи и главный виновникъ гибели Сперанскаго долженъ былъ приготовить область къ народному правленію и этимъ заложить первый камень россійской конституціи! Ген. Балашовъ первого камня россійской конституціи не заложилъ. Какъ и прочіе генералъ-губернаторы, онъ былъ неограниченнымъ властителемъ въ своей области, правилъ ею, какъ «паша» (Никитенко), и оставилъ по себѣ тяжелую память. Никакихъ конституціонныхъ уновленій въ управленіе онъ не внесъ. Другихъ частей Государственной уставной Грамоты Александръ въ жизнь провести не пытался. Передъ смертью онъ сказалъ Карамзину, что непременно все сблѣаетъ: дать коренные законы Россіи. Конституціонныя мечтанія самодержца кончились кровавой трагедіей на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. — А, въ дѣйствительной жизни, въ эту эпоху своего царствованія, Александръ управлялъ Имперіей не конституціонными учрежденіями и даже не мѣстами, а — какъ его отецъ и бабка — л и ц а м и. Или еще точнѣе — однимъ лицомъ. Вторая половина царствованія Александра — «аракчеевщина». Еще въ молодые годы, въ періодъ возвышенія Сперанскаго, Александръ издалъ указъ (14 декабря 1807 года): «объявленные генераломъ отъ артиллеріи графомъ Арак-

чеевымъ высочайшія повелѣнія считать именными Нашими указами». Съ паденіемъ Сперанскаго, Аракчеевъ — первое лицо въ государствѣ. Всѣ представленія министровъ, всѣ мнѣнія Государственнаго Совѣта восходили къ государю не иначе, какъ черезъ его руки. Аракчеевъ докладывалъ государю по дѣламъ всей Имперіи, «кѣмъ онъ былъ настоящий намѣстникъ» (Михайловскій-Данилевскій). «Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ», — писалъ въ 1816 году гр. Ростопчинъ. «Я другъ царя, и на меня можно жаловаться только Богу», — говорилъ самъ Аракчеевъ. Однако, не надо думать, что, будучи «душою всѣхъ дѣлъ» и «другомъ царя», Аракчеевъ сталъ и опредѣляющей волей въ государственномъ управленіи. Опредѣляющей волей остался Александръ. Потому и довѣрилъ онъ исполненіе всѣхъ дѣлъ Аракчееву, что тотъ былъ до конца преданнымъ слугою и безотвѣтнымъ орудіемъ въ его рукахъ. «Мое дѣло исполнять волю государеву», — писалъ 13 марта 1816 года Аракчеевъ Карамзину. Онъ и исполнялъ ее безъ разсужденій. По приказу Александра, онъ устроилъ военныя поселенія. По приказу Александра, составилъ проектъ освобожденія крестьянъ. Если бы Государь приказалъ, онъ бы ввелъ въ Россіи и конституцію. Зато, безропотно повинаясь Императору, такого же безропотно повиновенія онъ требовалъ и отъ стоящихъ ниже его. «Я требую службы, слѣпого исполненія, а не умищанія. Да и тебѣ запрещаю принимать резоны отъ своихъ подчиненныхъ», — говорилъ онъ ген. Маевскому. На что ген. Маевскій, какъ и всѣ подчиненные, отвѣчалъ: «Я слѣпо слѣдую этому правилу и принимаю волю моего начальника, какъ святой законъ». И такъ ниже — до самой послѣдней ступени служебной лѣстницы. И такое же слѣпое отношеніе къ священной особѣ Государя — «существу Богоподобному», по выраженію Державина. Извѣстны слова Аракчеева, когда во время кампаніи 1812 года Шишковъ и Балашовъ представляли ему, что необходимо государю оставить армію и поспѣшить въ Москву, и что это единственное средство спасти отечество: «что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли Государь, оставаясь долѣе при арміи». Но такъ, какъ Аракчеевъ, относились къ Александру и другіе государевы слуги. «Я введенъ былъ въ храмъ святилища, — рассказываетъ о пріемѣ во дворцѣ ген. Маевскій. — Первый мой предметъ — Богъ мой Царь». И въ отвѣтъ на слова Александра, что Отечество будетъ ему благодарно за службу: «Государь! Отечество мое, полагаю я, въ лицѣ моего государя, и когда онъ будетъ мною доволенъ, тогда я почту себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ». Крутая само-

властная воля священной особы Императора наверху, безмолвное и слѣпое повиновеніе 40 милліоновъ вѣрноподданныхъ внизу — таковъ государственный уставъ александровской Имперіи. Начавъ съ грандіозной стройки западнаго правового государства свободы и разума, — какъ многимъ казалось, противъ своей воли, — онъ закончилъ совершенной восточной деспотіей. — Историки долго старались проникнуть въ тайну александровскихъ противочувствій. Но тайна эта была уже открыта современникомъ. «Великіе помыслы объ общемъ благѣ, великодушныя чувства, желаніе принести въ жертву собственныя удобства..., отказаться, наконецъ, отъ неограниченной власти...» — писалъ еще о первыхъ годахъ царствованія Александра его близкій другъ Чарторыйскій. — Это былъ юношескій порывъ, а не твердыя рѣшенія зрѣлаго человѣка. Императоръ любилъ наружныя формы свободы, какъ любятъ зрѣлища. Ему нравился призракъ свободнаго правительства, и онъ хвастался имъ; но онъ домогался однихъ формъ и наружнаго вида, не допуская обращенія ихъ въ дѣйствительность; однимъ словомъ, онъ охотно даровалъ бы свободу всему міру при томъ условіи, чтобы всѣ добровольно подчинились исключительно его волѣ. Въ зрѣлые годы самодержавная воля покрыла все.

Не разрѣшивъ «политическаго квадратуры круга», — сочетанія самодержавной воли со свободой, — Александръ не разрѣшилъ и другого положенія той же квадратуры — сочетанія самодержавной воли съ закономъ. О законѣ, какъ о свободѣ, Александръ мечталъ всю жизнь. Законъ, какъ и свобода, — основной устой того государственнаго зданія, которое онъ намѣревался воздвигнуть. Всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствахъ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ на вѣки, и въ единомъ законѣ — начало и источникъ народнаго благоденствія. «Законъ — залогъ блаженства всѣхъ и каждаго», — начерталъ Александръ на медали по случаю коронаціи. Исходя изъ такой идеологіи, Александръ и приступилъ къ построенію новаго государственнаго зданія Россійской Имперіи. Россійская Имперія должна была покониться на твердомъ и неподвижномъ основаніи закона. Но на дѣлѣ вышло иначе: александровская Имперія — образецъ неправды и беззаконія. И, въ самомъ дѣлѣ: какъ можно было утвердить государственное зданіе на законѣ, когда, по Россійской конституціи, власть Императора въ законѣ не ограничена, а самъ законъ нѣсть выраженіе воли государя. Колебанія самодержавной воли колебали и законъ. Законы — волеизъявленія Монарха, — истекая отъ самодержавной власти различными и часто противо-

положными путями и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собой, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянства въ ихъ дѣйствіяхъ. «Отсюда происходитъ, — писалъ Сперанскій въ запискѣ 1810 года, — что всѣ законы, всѣ учрежденія и мѣры правительства имѣютъ у насъ видъ произвола и личнаго довѣрія, измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ... Отсюда происходитъ, что учрежденія наши никогда не имѣли достоинства и важности, свойственной закону... Отсюда происходитъ та великая и горестная удобность, съ коей законы наши были перемѣняемы... Отсюда происходитъ то всеобщее убѣжденіе, самымъ опытомъ оправданное, что нѣтъ въ Россіи закона постоянного, и что можно перемѣнить все по личнымъ случаямъ и удобствамъ». И такое положеніе неизбежно: — писалъ въ запискѣ о комиссіи Уложенія тотъ же Сперанскій, — ибо въ правленіи самовластномъ не можетъ быть закона. «То, что называется... закономъ въ сихъ правленіяхъ, ничто другое есть, какъ произвольное постановленіе власти предержащей, предписывающее взаимныя гражданъ обязанности на извѣстное время, доколѣ воля самовластная не разсудитъ перемѣнить ихъ или инымъ образомъ ограничить». — Чтобы ввести въ рамы самовластную волю и дать ей изліяніямъ правильное теченіе, сподвижники Александра — члены Тайнаго комитета и Сперанскій — пытались отдѣлить другъ отъ друга государственныя силы — законодательную, исполнительную и судную — и каждую силу сосредоточить въ соответственномъ государственномъ мѣстѣ. Но попытки эти не были доведены до конца. Государственныя силы не были сосредоточены, каждая въ установленномъ для нея мѣстѣ. Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Комитетъ Министровъ занимались всѣми родами дѣлъ и представляли собой, по выраженію сен. Сумарокова, «верховныя мѣста, одно съ другимъ не сдѣляющіяся». Къ тому же, не получивъ, какъ это предполагалось, права свободнаго избранія, мѣста эти не получили и «тѣни бытія политическаго». Отсюда продолжающееся смѣшеніе властей въ государствѣ. Отсюда хаосъ въ исполненіи дѣлъ. Отсюда та «нестройная громада» управленія, которая ужасала современниковъ. И, въ самомъ дѣлѣ, какъ могли быть раздѣлены власти въ государственныхъ установленіяхъ, когда всѣ роды государственныхъ силъ — законодательная, исполнительная и судная — продолжали оставаться едиными и нераздѣльными въ особѣ Монарха. Могъ ли Монархъ самъ себя раздѣлить въ своемъ волеизъявленіи? Онъ себя и не раздѣлялъ: законодательствовалъ, правилъ, судилъ черезъ Совѣтъ,

Сенатъ и Комитетъ Министровъ; но нерѣдко черезъ каждаго министра въ отдѣльности по его вѣдомству или просто черезъ своихъ адъютантовъ. Законодательствовало по «случаямъ и удобствамъ», судило по законамъ, имъ же изданнымъ и своимъ собственнымъ законамъ приводило въ исполненіе. Неудивительно, что нестройная громада приводила въ содроганіе первыхъ рыцарей слагавшагося въ эти годы Ордена русской интеллигенціи — декабристовъ. — Но что еще болѣе усугубляло нестройность громады и дѣлало ея видъ не только для рыцарей Ордена, но и для зрячихъ имперскихъ людей страшнымъ, было то, что даже несовершенные и несогласные другъ съ другомъ законы въ дѣйствительной жизни никогда не исполнялись. «Въ Россіи не существуетъ законовъ, которымъ бы подчинялись», — писалъ въ 1811 году Александру Армфельдъ. И дѣйствительно: самовластіе, осязаемое наверху, неудержимо спускалось книзу, до послѣднихъ ступеней общественной лѣстницы. Самовластвовали въ своихъ министерскихъ уѣздахъ министры; самовластвовали въ областяхъ и губерніяхъ генералъ-губернаторы; неистовствовали въ уѣздахъ исправники; тиранствовали надъ крестьянами, которые были «въ законѣ мертвы», начальники-помѣщики. И что болѣе удивительно: такое самовластіе, въ имперскомъ сознаніи, не было простымъ нарушеніемъ закона: въ глубинѣ имперской души оно осязалось вѣрой, что, какъ особа Монарха, такъ и начальники, представляющіе въ своихъ округахъ лицо этой священной особы, въ существѣ своемъ, — выше законовъ. «Городъ высочайше мнѣ вѣренъ, — отвѣтилъ городничій въ Черкассахъ Шербцовъ, — арестованному, упомянутому о законѣ, — а ты мнѣ смѣешь говорить про законъ... Я тебѣ законъ». И такъ, какъ черкасскій городничій, сознавали себя многіе имперскіе начальники. Отсюда господство надъ закономъ произвола, отсюда злоупотребленія и лихоимство въ управленіи, отсюда черная неправда въ судахъ. Путешествуя по Сибири, въ качествѣ генералъ-губернатора, многоопытный Сперанскій приходилъ въ содроганіе, видя въ «единственномъ разумѣ бывшаго здѣсь управленія». «Видъ злѣмныхъ неустойствъ и желѣзнаго управленія возмущаетъ душу», — писалъ онъ дочери 10-го июля 1819 года. «Отсюда до Нижнеудинска былъ одинъ голосъ или лучше сказать одинъ вопль на жестокости и поборы», — писалъ онъ изъ Иркутска 18 сентября 1819 г. князю Голицыну. И въ тотъ же день зр. Нессельроде: «мнѣ приходится сражаться не съ отдѣльными злоупотребленіями, но съ цѣлой ихъ системой, построенной въ боевой порядокъ и съ искусствомъ составленной». «Все исполнено ко-

стей и мерзости», — записываетъ онъ свои впечатлѣнія о Томскѣ въ своемъ дневникѣ 28 іюля 1818 г. И въ отчаяніи заключаетъ (въ письмѣ къ Кочубею отъ 20 мая 1820 г.): «какъ могу я управлять безъ моральной власти? — Скажутъ законами, — какъ будто существуютъ законы въ Сибири, всегда управляемой самовластіемъ». Но такъ было не въ одной Сибири, но и во всей Россіи. «Сія Россія, — писалъ знаменитый Магницкій Аракчееву 29 марта 1817 года изъ Воронежа, — въ тысячѣ верстахъ отъ столицы угнетена и разоряется, какъ турецкая провинція». «Небреженіе начальства, — писалъ посланный на ревизію губерній сен. Мясоѣдовъ, — къ страждущему чело-вѣчеству раздраетъ сердце». И ген. Балашовъ, по осмотру ввѣреннаго ему намѣстничества, въ письмахъ къ Александру: «внутреннее правленіе въ государствѣ Вашемъ разслабло. Всѣ части идутъ раздѣльно... и едва ли которая подается впередъ». «Сказать долженъ съ содраганіемъ сердца, что въ ужасномъ положеніи видѣлъ я все вокругъ себя... Безпорядки внутренняго управленія дошли до неимовѣрной непростойности». Жаловаться на эти безпорядки и злоупотребленія было некому — все было на откупъ. «Раскрытіе преступленій являлось совѣтъ почти бесполезнымъ: чины администраціи и судебного вѣдомства дѣйствовали заодно, не было почти ни одного случая, чтобы преступленіе по должности было наказано» (записка Кочубея Николаю I о царствованіи Александра I). «Если захотѣтъ выразить однимъ словомъ то, что дѣлается въ Россіи, — писалъ Карамзинъ, — то нужно сказать: воруютъ». — Вступая на царство, Александръ поставилъ себѣ цѣлю: возстановить все то, «что въ государствѣ по сіе время противу добраго порядка вкоренилось» и облегчить судьбу страждущаго чело-вѣчества. Когда онъ умиралъ, добраго порядка въ государствѣ, — по свидѣтельству современниковъ, — было не больше, чѣмъ при его отцѣ и бабкѣ, а страданія чело-вѣчества превысили мѣру. Царствованіе Александра, — писалъ декабристъ Штейнгель Николаю I-му 29 января 1826 года, — было для Россіи, во многихъ отношеніяхъ, пагубно, польза конецъ же тягостно, «даже до послѣдняго изнеможенія».

Была одна область государственнаго бытія Россійской Имперіи, въ которой Александру не надо было разрѣшать квадратуры круга и которую онъ могъ двинуть впередъ, не нарушая полноты своей самодержавной власти, — судьба крѣпостного крестьянства. Больше того: были имперскіе люди и даже рыцари свобододлюбиваго Ордена, которые полагали, что освободить крестьянъ въ Россіи можетъ только самодержавный Государь.

Если дать политическія права дворянамъ, они заграждать путь къ мирному освобожденію русскаго народа отъ крѣпостного ига. Престоль всегда представляется крестьянамъ, какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ. «Самодержавная власть, — писалъ Н. Тургеневъ въ запискѣ Александру, — якорь спасенія для нашей страны; только отъ этой власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Недозволительно думать о политической свободѣ тамъ, гдѣ несчастные не знаютъ простой человѣческой свободы». И, дѣйствительно: хотя дворяне почитали крѣпостныхъ крестьянъ своей законной собственностью и во владѣніи крѣпостными людьми видѣли свое исконное право, однако знали: что выше законной собственности и выше дворянскихъ правъ — священная воля Монарха, и что, если Монархъ потребуетъ отъ нихъ жертвы, его священная воля должна быть исполнена. Она и была бы исполнена дворянами, если бы Александръ того захотѣлъ, какъ она была исполнена полвѣка спустя ихъ внуками. Почему же Александръ — освободитель народовъ Европы! — не пожелалъ стать освободителемъ своего народа? — Александръ не любилъ дворянства — «первенствующаго сословія» Имперіи. Не любилъ за убійство отца. Не любилъ за привилегированное положеніе въ государствѣ, что противорѣчило священному для него, въ его молодые годы, принципу равенства. На одномъ изъ собраній Тайнаго комитета онъ признался, что возстановилъ дворянскую грамоту противъ своей воли, ибо исключительность ея правъ была ему всегда противна. Не любя дворянъ и не мирясь съ исключительностью ихъ правъ, Александръ всю жизнь, хотя и прикровенно, боролся съ ихъ вольностями. Въ особенности, дворянская вольность «служить и не служить» была ему ненавистна. Дворянинъ долженъ служить, если не по назначенію отъ короны, то по выбору. Выборная служба — не дворянская вольность, а обязанность. По дѣлу объ уклоненіи отъ выборной службы оренбургскихъ мурзъ онъ велѣлъ объявить имъ законъ Петра Великаго; по которому «дворяне, не желающіе служить, подлежатъ положенію въ подушный окладъ». Въ подушный окладъ дворянъ, въ царствованіе Александра I-го, не клали, но служить заставляли. Даже такой видный сановникъ, какъ П. Строгановъ, придя въ отчаяніе отъ службы у государя и добиваясь отставки, писалъ своей женѣ: «ты знаешь, что въ нашей дорогой странѣ не уходятъ со службы по своему желанію». Не признавая дворянской вольности — не служить, Александръ съ крайней подозрительностью относился и къ другому дворянскому праву — на со-

словное самоуправленіе. Дворянскія собранія проходили подъ строгимъ надзоромъ губернскаго начальства. Малѣйшія попытки обсудить вопросы, нарушающіе «предѣлы, предписываемые законами» или обратиться къ государю съ ходатайствами черезъ своихъ депутатовъ сурово пресѣкались. Дворянскіе представители постепенно превращены были въ имперскихъ чиновниковъ, зависимыхъ отъ губернаторовъ. Положеніе ихъ было такое жалкое, что, — по разсказу Михайловскаго-Данилевскаго, — во время путешествія Александра по великороссійскимъ губерніямъ, «они не могли при государѣ отворить рта и только низкими поклонами показывали свою преданность. Они болѣе являли изъ себя метръ-д'отелей, занимавшихся угощеніемъ, нежели представителей дворянства». Начавъ съ торжественнаго возстановленія Жалованной дворянству грамоты и провозглашенія ея «кореннымъ и непрелгаемымъ закономъ имперіи Нашей», Александръ кончилъ полнымъ ея уничтоженіемъ. Изъ всѣхъ дворянскихъ правъ, по существу, сохранилось только одно, правда, для дворянъ самое дорогое: право владѣть крѣпостными людьми. И это было послѣдовательно въ крѣпостномъ александровскомъ государствѣ. Ибо, по точному опредѣленію Сперанскаго, права верховной власти на дворянъ были повтореніемъ правъ дворянъ на ихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ самодержавной Россійской Имперіи было мѣсто только для двухъ сословій: рабовъ верховной власти и рабовъ дворянъ — для свободныхъ людей мѣста не было. Таково отношеніе Александра къ дворянамъ и ихъ вольностямъ.

Иное было отношеніе Александра къ крестьянамъ. Крестьянъ, какъ и весь простой народъ, Александръ любилъ. Народъ и простой народъ, для Александра, какъ для всего интеллигентскаго Ордена, синонимы. Участивить народъ было цѣлью его жизни. «Счастье вѣтреннаго Намъ народа, — писалъ онъ въ манифестъ о коронованіи, — должно быть единымъ предметомъ всѣхъ мыслей Нашихъ и желаній». Но, ставя цѣлью своей жизни участивить народъ, Александръ понималъ, что достигнуть этого, не освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной неволи, невозможно. Крѣпостная неволя для крестьянъ, по показаніямъ современниковъ, была «наказаніемъ Божиимъ». Крестьянская мечта о счастья была тѣмъ самымъ мечтой о вольности. Исходя изъ этого, Александръ и самъ всю жизнь мечталъ о вольности для крѣпостныхъ людей. Въ 1807 году, въ разговорѣ съ ген. Савари, онъ сказалъ ему: «я хочу вывести націю изъ того состоянія варварства, въ которомъ она находится благодаря торговлѣ людьми. Я говорю даже больше. Если бы цивилизація

была достаточно развита, я бы уничтожилъ крѣпостное право, хотя бы мнѣ это стоило головы». Въ разговорѣ съ г-жей Сталь въ 1814 году онъ былъ болѣе категориченъ: «съ Божьей помощью крѣпостное право будетъ уничтожено еще въ мое царствованіе». И еще позже, въ 1820 году, въ разговорѣ съ Милорадовичемъ, указывая на печать, гдѣ были вырѣзаны пчелы вокругъ улья, и съ нѣкоторымъ возбужденіемъ (какъ всегда, когда ему приходилось говорить о крестьянскомъ освобожденіи): «видите ли: это девизъ мой и моей бабушки; я уже собралъ нѣсколько записокъ о крѣпостномъ правѣ, я выберу изъ этихъ проектовъ все самое лучшее и, наконецъ, сдѣлаю что-нибудь». Таковы мечтанія Александра о крестьянской вольности. — А вотъ что онъ осуществилъ въ жизни. Черезъ два мѣсяца послѣ его восшествія на престолъ и по его повелѣнію ген. прок. Беклешовъ внесъ въ Государственный Совѣтъ записку о запрещеніи продажи крестьянъ безъ земли. Въ запискѣ было указано, что таковая продажа не имѣетъ законнаго основанія, что по старому Уложенію «крещеныхъ людей никому продавать не велѣно». Что однако «и донынѣ съ людьми, какъ съ вещественною собственностью, поступается и ими торгъ и продажа, даже публично, производится», а потому предлагалось: продажу людей безъ земли запретить, а крестьянъ считатьъ крѣпкими вотчиннику тожко по землѣ. Совѣтъ обсудилъ записку и пришелъ къ заключенію: что разрѣшенія на торговлю людьми вообще не существуетъ, но что предложенную мѣру осуществить опасно, ибо «простой народъ, всегда жаждущій свободы... и по меньшимъ причинамъ... выходилъ изъ повиновенія»; а потому находили необходимымъ: приведеніе въ исполненіе предложенной мѣры отложить до времени. Александръ уступилъ и ограничился именнымъ указомъ президенту Академіи Наукъ: о напечатаніи въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ объ явленіи о продажѣ людей безъ земли. — Одновременно съ Гос. Совѣтомъ, вопросъ о запрещеніи продажи людей безъ земли обсуждался въ Тайномъ комитетѣ. Мнѣнія раздѣлились. Новосильцевъ выразилъ опасеніе, что указанная мѣра раздражитъ дворянъ, ибо они увидятъ въ ней приступъ къ освобожденію крѣпостныхъ, о чемъ идутъ слухи. Того же мнѣнія былъ Лагарпъ: съ освобожденіемъ крестьянъ не надо спѣшить. «Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшаемъ постепенно, безъ шума и тревоги, а главное — безъ малѣйшаго посягательства на право собственности дворянъ». Противнаго мнѣнія были Чарторыйскій, Кочубей и Стржановъ. Чарторыйскій находилъ, что право продажи крестьянъ въ розницу столь ужасно, что никакія соображенія не должны

останавливать при его искорененіи. Кочубей тоже полагалъ, что лучше рѣшить этотъ вопросъ однимъ разомъ. Строгановъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой доказывалъ: надо опасаться недовольства не дворянъ, а крестьянъ. Дворяне — люди служилые и всѣ мысли ихъ направлены къ преклоненію передъ властью императора. Ни на какое сопротивленіе они не способны. Иное дѣло крестьяне. Ихъ девять миллионовъ людей. Всѣ они одинаково чувствуютъ тяжесть своего рабства. Всѣ они ненавидятъ своихъ притѣснителей. Во всѣ времена они, а не дворяне, принимали участіе въ беспорядкахъ. Если довести ихъ до отчаянія, послѣдствія для Имперіи будутъ чувствительны. Самъ Александръ склонялся къ мнѣнію противниковъ реформы: новыя мѣры надо вводить малыми дозами, не надо слишкомъ волновать общественное мнѣніе, надо идти впередъ медленно, съ ступеньки на ступеньку. Споръ не переубѣдилъ стороны. Послѣ минутнаго молчанія перешли къ другимъ вопросамъ. Предложенная мѣра никогда осуществлена не была. И что самое удивительное: когда въ 1820 году тотъ же вопросъ былъ снова поднятъ въ Гос. Совѣтѣ, Александръ высказалъ убѣжденіе, что «продажа людей безъ земли давно уже запрещена». Гр. Кочубей, подойдя на одномъ изъ засѣданій къ Н. Тургеневу, сказалъ ему «съ улыбкой, наполовину горькой, наполовину насмѣшливой: подумайте только, Императоръ увѣренъ, что уже 20 лѣтъ въ его государствѣ не продаютъ людей по одиночкѣ». Между тѣмъ, — замѣчаетъ Тургеневъ, — «напротивъ самаго Зимняго Дворца въ С.-Петербургскомъ губернскомъ правленіи отъ времени до времени продаютъ на основаніи закона человеческое мясо». Мечта и дѣйствительность, въ сознаніи Александра, легко сливались. — Въ концѣ 1802 года, идя навстрѣчу желаніямъ государя, гр. Румянцевъ подалъ ему записку съ предложеніемъ, клонящимся «къ постепенному уничтоженію рабства». Предложеніе сводилось къ слѣдующему: благороднымъ дворянамъ предоставляется право отпускать ихъ крестьянъ на волю по одиночкѣ или цѣлыми селеніями, но съ землей, заключая съ ними условія, какія по обоюдному согласію признаются лучшими. Условія поступаютъ на утвержденіе государя. Если крестьяне условій не выполняютъ, «они возвращаются помѣщику съ землей и семействами во владѣніе его попрежнему». Александръ поспѣшилъ передать записку и соответствующій указъ въ Гос. Совѣтъ. Гос. Совѣтъ нашелъ предложенную мѣру полезной, но способъ ея осуществленія опаснымъ, ибо, — полагалъ онъ, — «изданіе общаго закона объ освобожденіи крестьянъ можетъ произвести превратные толки... — Помѣщи-

ки усмотрять въ немъ первое потрясеніе ихъ собственности, а крестьяне возмечтаютъ о неограниченной свободѣ». Ген. прок. Державинъ вообще возражалъ противъ предложенія, видя въ немъ угрозу крѣпостному праву и находя, что обычай этотъ, «утвердяся временемъ, содѣлался столь священнымъ, что прикоснуться къ нему безъ вредныхъ послѣдствій великая потреба осторожности». Тѣмъ не менѣе, — рассказываетъ въ своихъ запискахъ тотъ же Державинъ, — «господа члены Совѣта, хотя находили сей проектъ не полезнымъ, перешептывали между собой о томъ, но согласно всѣ одобрили, какъ и указъ... апробовали». Такимъ образомъ воля Александра была исполнена. Однако результаты опубликованнаго указа (о свободныхъ хлѣбопашцахъ) были ничтожны. Указъ былъ основанъ на добровольномъ согласіи двухъ сторонъ — крестьянъ и дворянъ. Но согласія дворянъ не было. Напротивъ, большинство дворянъ встрѣтило указъ враждебно. «Графъ Румянцевъ хотѣлъ примириться съ дворомъ, — писалъ по этому поводу гр. Ростопчинъ, — и поссорился со всѣми русскими дворянами». «Ни одинъ честный и добродѣтельный челоуѣкъ, — писалъ онъ же позднѣе, — не захочетъ отказаться добровольно отъ драгоцѣннаго права быть благодѣтелемъ части людей, подъ защитой его живущихъ». И такъ же Карамзинъ: «для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во время свободу». Не удивительно, что, при такихъ дворянскихъ настроеніяхъ, количество добровольныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ на основаніи закона, оказалось ничтожнымъ: за все царствованіе Александра I-го было переведено на положеніе свободныхъ хлѣбопашцевъ 47.000 душъ м. п. на 10 милл. крѣпостного населенія. Пойти же на принудительное освобожденіе крестьянъ — безъ согласія дворянства — Александръ не рѣшался. И, при этомъ, вотъ что, дѣйствительно, удивительно: когда дворяне проявляли починъ въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія, это встрѣчало его противодѣйствіе, ибо казалось ему умаленіемъ его власти. Въ 1816 году 65 помѣщиковъ С.-Петербургской губерніи составили приговоръ, въ которомъ выражали согласіе обратить своихъ крестьянъ въ «обязанныхъ поселянъ» на основаніи существующихъ узаконеній. Приговоръ былъ представленъ на утвержденіе государя ген.-ад. Васильчиковымъ. Александръ встрѣтилъ его вопросомъ: «кому, по его мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи?» — «Безъ сомнѣнія, Вашему Императорскому Величеству, какъ самодержцу Имперіи», — отвѣчалъ Васильчиковъ. «Такъ предоставьте же мнѣ, — сказалъ государь, возвысивъ голосъ, — издавать

тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ». И приказалъ приговоръ уничтожить. Другихъ узаконеній, касающихся освобожденія крестьянъ въ русскихъ губерніяхъ, въ царствованіе Александра, издано не было. Крѣпостное право, въ это царствованіе, было отмѣнено только въ Остзейскомъ краѣ, по желанію самихъ дворянъ, но при этомъ земля была сохранена за помѣщиками, а крестьяне превращены въ безземельныхъ батраковъ и арендаторовъ. Александръ продолжалъ накапливать записки по крестьянскому вопросу и даже самъ заказывалъ ихъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ графу Аракчееву. Но послѣдствій эти записки не имѣли. — Таковы мѣры, принятыя Александромъ для осуществленія его мечты о крестьянской вольности.

А, между тѣмъ, крѣпостное право, несдерживаемое никакими преградами, продолжало распространяться по Россійской Имперіи и въ царствованіе Александра. Какъ въ Московскомъ царствѣ и въ Россійской Имперіи 18-го вѣка, крестьянская неволя, съ теченіемъ времени, не слабѣетъ, а крѣпнѣтъ. Во многихъ отношеніяхъ, царствованіе Александра (и Николая I-го) — апогей крѣпостного рабства. И въ это царствованіе, какъ въ предыдущія, императорская власть, блюдя старый московскій крѣпостной уставъ, не терпитъ на своей территоріи вольныхъ людей и крѣпить ихъ тамъ, гдѣ настаиваетъ. Въ старыхъ областяхъ Имперіи вольныхъ людей давно уже не было. Но на окраинахъ — въ Малороссіи, Бѣлороссіи, Новороссіи, Бессарабіи — за крѣпощеніе крестьянъ продолжается. Административныя уношенія только усугубляютъ процессъ: отъ европеизированной администраціи вольному человѣку уйти некуда. Крестьянъ крѣпили или за казеннымъ вѣдомствомъ, или за помѣщиками. Но, по существу, и въ томъ и въ другомъ случаѣ свободные люди становились рабами: одни — рабами казны, другіе — рабами дворянъ. Положеніе помѣщичьихъ крѣпостныхъ, въ царствованіе Александра, по свидѣтельству современниковъ, не только не улучшилось, но стало еще нестерпимѣе и мало чѣмъ отличалось отъ положенія черныхъ невольниковъ на американскихъ плантаціяхъ. «Землевладѣлецъ кромѣ смертной казни дѣлаетъ въ своемъ имѣніи все, что ему заблагоразсудится», — писала въ свое время Екатерина Великая. То же могъ бы сказать и о своемъ времени Александръ. Больше того: расцвѣтъ имперіи и хозяйственный подъемъ, намѣтившійся въ его царствованіе, только ухудшили положеніе помѣщичьихъ подданныхъ. Выросли оброки. Во многихъ областяхъ оброчное хозяйство смѣнилось барщиннымъ. Были мѣста, гдѣ барщина стала «сквозной»

(всѣ семь дней). Увеличилось количество дворовыхъ и мѣсячниковъ (барщинные безземельные крестьяне на мѣсячномъ пайкѣ). Появились помѣщичьи фабрики, которыя крестьяне встрѣчали, какъ «чужу». Несмотря на ростъ просвѣщенія, обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами не смягчилось, а стало, какъ будто, еще суровѣе. Духъ аракчеевщины, господствовавшій во всей имперіи, царилъ и въ помѣщичьихъ владѣніяхъ. Въ помѣщичьихъ бібліотекахъ накапливались сочиненія Вольтера, Руссо и Адама Смита; а на крѣпостныхъ дворахъ мучали крестьянъ, «какъ во времена царя Ивана Васильевича» (Кочубей). Даже такой просвѣщенный помѣщикъ, какъ Карамзинъ, писалъ своему бурмистру: «всякія господскія повелѣнія должны быть святы для васъ: я вамъ отецъ и судья. Мое дѣло знать, что справедливо и для васъ полезно... Кликушамъ объявить моимъ господскимъ именемъ, чтобы онѣ унялись и перестали кликать. Если же не уймутся, то приказываю тебѣ высѣчь ихъ розгами, ибо это обманъ и притворство». Какъ обращались со своими крестьянами менѣе просвѣщенные помѣщики, достаточно извѣстно. Крестьяне молча терпѣли господское угнетеніе или «упражнялись въ тихомъ роптаніи». Но иногда, не выдержавъ мученій, бунтовали или бѣжали розно. Ихъ усмиряли, ловили и наказывали «по всей строгости законовъ». Изъ всей пирамиды законности, которую Александръ собирался воздвигнуть, прочно было укрѣплено только это ея гранитное основаніе. Жалостное положеніе крестьянъ больше всего заставляло содрогаться рыцарей Ордена. — Когда, въ засѣданіи Тайнаго комитета, Александръ признался своимъ друзьямъ, что онъ не чувствуетъ дворянскимъ вольностямъ, ибо не признаетъ исключительности ихъ правъ, они поспѣшили его успокоить: онъ можетъ распространить эти права на другія сословія, когда придетъ время. Александръ поступилъ обратно. Онъ сократилъ вольности дворянъ, ни въ малой мѣрѣ не увеличивъ вольностей другихъ сословій. Въ концѣ царствованія Александра Россія была болѣе крѣпостной и порабощенной, чѣмъ при его бабкѣ — Екатеринѣ Второй — и даже вселюбезномъ дѣдѣ — Петрѣ Великомъ.

И, какъ будто бы, для того, чтобы ни у кого — ни у современниковъ, ни у потомковъ — не осталось сомнѣній относительно истиннаго характера его царствованія, Александръ ввелъ въ Россійской Имперіи, наряду съ существующимъ крестьянскимъ, новый видъ рабства — армейское. Военныя поселенія такъ поражаютъ воображеніе, что ихъ трудно соединить съ именемъ Александра. Это «небывалое» государственное пред-

пріятіе могъ создать только «злодѣй» — Аракчеевъ! Александръ — его безвольная жертва. Однако, на дѣлѣ, это было не такъ. Военныя поселенія — твореніе Александра. Больше того, онъ самъ считалъ ихъ «самымъ важнымъ дѣломъ своей жизни». Аракчеевъ, не одобряя этой мѣры, только приводилъ ее въ исполненіе, «по своему вѣрнопопдадническому усердію» и подчиняясь «священной для него волѣ государя и благодѣтеля своего». И что замѣчательно: священная воля Александра, такая слабая и нерѣшительная въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, въ этомъ страшномъ дѣлѣ порабоженія русской арміи была, какъ то особенно, твердой и непреклонной. Когда вводили поселенія, крестьяне на колѣняхъ молили царя и царскую семью о пощади и «о защитѣ хрещенаго народа отъ Аракчеева». Приближенные тоже возражали противъ предполагаемой мѣры. Александръ остался неумолимъ. «Они будутъ во что бы то ни стало, — сказалъ онъ о поселеніяхъ — хотя бы пришлось уложить трупамъ дорогу отъ Петербурга до Чудова». По существу, эту программу онъ и осуществилъ. Въ его царствованіе было устроено въ поселеніяхъ 750.000 душъ — около трети арміи. Есть указанія, что вся русская армія должна была такъ же быть устроена. Солдаты поселяемыхъ частей становились одновременно воинами и земледѣльцами и должны были выполнять обѣ службы подъ командой начальниковъ. Жители мѣстностей, въ которыхъ поселялись воинскія части, тоже были расписаны по ротамъ и одѣты въ мундиры. Дѣти поселенцевъ съ 7 лѣтъ записывались въ кантонисты и считались на службѣ до старости или увѣчья. Женщинъ выдавали замужъ такъ: строили невѣсть въ одну линію, солдатъ въ другую и составляли брачныя пары по выбору командировъ; или намѣчали ихъ по жребію. Работа въ селеніяхъ была регламентирована до мелочей, и работали поселяне безъ устали; за малѣйшіе проступки виновные подвергались тѣлесному наказанію. По существу, весь строй поселеній былъ повтореніемъ строя знаменитой аракчеевской вотины — Грузино, и жизнь въ нихъ была такъ тяжела, что даже многотерпѣливые русскіе крестьяне ея не выдерживали. Поселенцы были «заклеймены непонятнымъ, но опаснымъ уныніемъ» отъ «горестной увѣренности остаться навѣки солдатами и навѣки въ неволѣ». Многіе кончали самоубійствами по «невыносимости здѣшней жизни». «Несчастливѣйшее зрѣлище», — свидѣтельствовали очевидцы. Но Александръ всего этого не замѣчалъ. Наоборотъ, искренне любилъ свое дѣтище и искренне восторгался его видомъ. Какъ отецъ, онъ былъ фанатикомъ порядка и симметріи — «однообразная красивость» не только пѣ-

хотныхъ ратей и коней, но даже казарменныхъ строеній его вос-хищала. И когда надо было этотъ порядокъ и симметрію под-держать, хотя бы и строгими мѣрами, онъ шелъ на это безъ колебаній. Въ 1819 году вспыхнуло возмущеніе въ Чугуевскомъ уланскомъ полку. «Не хотимъ военнаго поселенія», — кричали бунтовщики. Аракчеевъ усмирить бунтъ безъ пощады: солдаты забивали шпицрутенами до смерти. Александръ писалъ ему по этому поводу: — цѣню въ надѣжащей силѣ, «что твоя чувстви-тельная душа должна была претерпѣть въ тѣхъ обстоятель-ствахъ, въ которыхъ ты находился... Благодарю тебя искренне, отъ чистаго сердца за всѣ твои труды. Происшествіе, конечно, прискорбно; но уже когда, по несчастію, случилось оное, то не оставалось другого средства изъ него выйти, какъ давъ дѣй-ствовать силѣ и строгости законовъ». Сила и строгость зако-новъ неуклонно дѣйствовали и въ другихъ соответствующихъ случаяхъ. — Военныя поселенія — какъ и другія предпріятія Александра — кончились трагически. Въ 1831 году, въ цар-ствованіе Николая I-го, въ поселеніяхъ Новгородской губерніи вспыхнулъ страшный бунтъ. «Облагодѣтельствованные» посе-ляне совершили «неслыханныя злодѣянія». Были перебиты больше ста офицеровъ и чиновниковъ. Остальные начальствую-щія лица подверглись жестокому истязаніямъ. 3 тысячи бунтов-щиковъ были наказаны шпицрутенами. Больше 200 умерло подъ палками. Военныя поселенія были постепенно расформированы.

Таковы царственныя труды Александра по водворенію въ Россійской Имперіи свободы, законности и народнаго благо-денствія. Александръ хотѣлъ ввести въ Россію совершеннѣй-шую конституцію въ мірѣ, дать странѣ непреложные законы, освободить крестьянъ отъ крѣпостной неволи. Онъ искренне желалъ счастья народа. Самодержавная диктатура должна бы-ла послужить только средствомъ вѣрнѣе доставить его по-зданнымъ вольность. Самовластіе должно было обуздать само-властіе. Но на самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Александръ не далъ своему народу конституціи, законовъ и вольности. Рус-скій народъ не сталъ въ его царствованіе счастливымъ. На-оборотъ, его царствованіе усугубило въ Россіи рабство и са-мовластіе. Россія Александра — болѣе крѣпостная страна, чѣмъ Россія его предковъ. Власть его болѣе безпредѣльна, чѣмъ власть Ивана Грознаго. Его имперія — совершенная восточ-ная деспотія, только внѣшне покрытая государственными фор-мами Запада и оснащенная его орудіями властвованія: арміей и администраціей. Однако все это случилось не по волѣ Але-ксандра. Его воля была направлена на другое. 12 декабря 1818

года бывший президентъ Соединенныхъ Штатовъ Джефферсонъ, возмущенный твореніемъ Александра — Священнымъ Союзомъ — писалъ американскому посланнику въ Петербургъ Гаррису: «я опасаясь, что нашъ прежній любимецъ... уклонился отъ истинной вѣры». Но Александръ отъ своей вѣры — вѣры Французской революціи — никогда не уклонялся. Онъ сохранилъ ее, хотя и угасающую, до конца жизни. До конца жизни устои этой вѣры — достоинство человѣческой личности и права народа — оставались для него священными. Онъ только хотѣлъ эти священные устои Запада сочетать со священнымъ устоемъ Востока — неограниченной властью Монарха. Хотѣлъ — по опредѣленію Сперанскаго — разрѣшить политическую квадратуру круга. Готовъ былъ дать русскому народу великія уновленія — конституцію, вольность и законы, но при одномъ условіи: чтобъ все это было подчинено его власти. Когда это условіе выполнить не удавалось, онъ откладывалъ — только на время! — уновленія и сохранялъ власть. Поэтому всѣ предложенныя имъ преобразованія остались въ словахъ. Словами, какъ дымовой завѣсой, окутано все его царствование. Зато, когда завѣса разсѣивается, подлинныя очертанія Имперіи Александра — какъ и имперіи его предковъ — выступаютъ съ недопускающей сомнѣнія отчетливостью. Это удивительно ясно видѣлъ Сперанскій. «Я не знаю, — писалъ онъ, — въ чемъ состояли истинныя намѣренія русскихъ государей со времени Петра I-го относительно устройства Россіи; однако же ихъ величайшей заботой было, кажется, дать этой имперіи всѣ внѣшніе признаки монархическаго правленія, сохраняя въ своихъ рукахъ власть самую абсолютную. Думали ли они, дѣйствительно, что права и грамоты, данныя на бумагѣ, достаточно опредѣляли форму правленія или, напротивъ, не считали ли они необходимымъ приучить народъ къ словамъ, прежде чѣмъ позволить ему обладать вѣщами, дѣйствительностью?.. Какъ бы то ни было, нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ слова соответствуютъ вѣщамъ меньше, чѣмъ въ Россіи. Всѣ установленныя власти... имѣютъ свои имена и представляютъ монархическіе внѣшніе признаки. Сенатъ называется хранителемъ законовъ; дворянство есть природный хранитель ихъ. Мы также имѣемъ въ народѣ свободные классы: развѣ купцы, мѣщане, даже государственные крестьяне не имѣютъ своихъ правъ, своихъ привилегій?.. Вотъ источникъ ошибки, въ которую необходимо впадаютъ всѣ, кто судить о Россіи по внѣшнимъ признакамъ. По внѣшности у насъ есть все, а на дѣлѣ у насъ нѣтъ ничего и, въ особенности, у насъ еще нѣтъ монархическа-

го правленія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о тщетности политическаго бытія разныхъ государственныхъ мѣстъ, что такое есть самое дворянство, когда лицо его, имѣніе, честь, все зависитъ не отъ закона, но отъ единой воли самодержавной; не отъ сей ли воли зависитъ и самый законъ, который она создаетъ одна сама собой... Не въ ней ли весь источникъ чести и уваженія; не ей ли принадлежать, по самымъ словамъ закона, всѣ государственныйя богатства, всѣ земли, всѣ имущества, и право частныхъ собственности не есть ли право, ею только дозволенное; владѣльцы сіи не суть ли ея наемниками (*usufruitiers*). Я бы желалъ, чтобы кто-нибудь показалъ различіе между зависимою крестьянъ отъ помѣщиковъ и дворянъ отъ государя; чтобы кто-нибудь открылъ, не все ли то право имѣетъ государь на помѣщиковъ, какое имѣютъ помѣщики на крестьянъ своихъ. И такъ, вмѣсто всѣхъ пышныхъ раздѣленій свободнаго народа русскаго на свободнѣйшіе классы дворянства, купечества и прочее, я нахожу въ Россіи два состоянія: рабы государевы и рабы помѣщичьи. Первые называются свободными только въ отношеніи ко вторымъ, дѣйствительно же свободныхъ людей въ Россіи нѣтъ, кромѣ нищихъ и философвъ... Государство, устроенное такимъ образомъ, какую бы оно не имѣло внѣшнюю конституцію, что бы не утверждали грамоты дворянства и городовыя положенія, и хотя бы не только два сената, но и столько же законодательныхъ парламентовъ оно имѣло — государство сіе есть деспотическое».

Въ этомъ деспотическомъ восточномъ государствѣ — Россійской Имперіи — въ царствованіе Александра возникъ кругъ людей иного духа — западный интеллигентскій Орденъ. Вѣра Ордена та же, что Александра — вѣра Французской революціи. Но только не въ словахъ, а на дѣлѣ. Когда Александръ вѣры Ордена не оправдалъ, борьба между Орденomъ и Имперіей стала неизбежна. Черезъ сто лѣтъ борьбы Имперія была взорвана.

И. Бунаковъ.

Новое хозяйство

Отъ нашего выбора зависить, начнемъ ли мы строить нѣчто вродѣ гнѣзда термитовъ, гдѣ каждое существо превращено только въ органъ цѣлаго, или же создать общество свободныхъ личностей.

Н. Лосскій.

1.

Давно уже стало общимъ мѣстомъ, что современный хозяйственный строй на нашихъ глазахъ кореннымъ образомъ мѣняется и изъ свободнаго превращается въ связанный. Процессъ этотъ протекаетъ въ двухъ плоскостяхъ: свободная конкуренція между предпріятіями замѣняется сознательнымъ регулированиемъ, исходящимъ отъ частныхъ организаций (картели), государственныхъ органовъ или публично-правовыхъ корпорацій; въ то же время мѣняется структура отдѣльнаго предпріятія: отношенія съ рабочими опредѣляются постановленіями публично-правового характера; производство регулируется извнѣ данными нормами, устанавливающими не только количество, но и качество продукціи, наконецъ, социализируется и отношеніе между предпріятіемъ и собственникомъ: изъ неограниченнаго распорядителя, тѣсно связаннаго съ судьбами предпріятія, онъ превращается въ безличнаго акціонера, получающаго дивиденды; эти дивиденды имѣютъ тенденцію стабилизироваться, т. е. превратиться въ ренту, независящую отъ успѣшнаго или неуспѣшнаго хода дѣла.

Хотя этотъ новый экономическій строй создается преимущественно путемъ государственнаго вмѣшательства, но самое это вмѣшательство, даже тамъ, гдѣ оно носитъ наиболѣе законченный характеръ и гдѣ заботятся о подысканіи ему теоретической базы (Италія), явилось не столько осуществленіемъ

предварительного замысла, сколько цѣлью вынужденныхъ дѣйствій, предпринятыхъ для спасенія хозяйства, зашедшаго въ тупикъ.

Можно считать также почти общепризнаннымъ, что бѣдственное состояніе хозяйства, потребовавшее государственнаго вмѣшательства, было вызвано не только случайными причинами (война, репарации, разрывъ рынковъ), которыя лишь ускорили его наступленіе, но явилось результатомъ коренныхъ тенденцій развитія свободнаго капиталистическаго строя. Предпріятія стали настолько громоздки, что утратили экономическую подвижность. Послѣдовательность явленій схематически опредѣляется такимъ образомъ: въ самомъ капиталистическомъ строѣ заложены тенденціи къ постепенному обобществленію отдѣльнаго предпріятія, его отяжелѣнію, окостенѣнію, утратѣ необходимой приспособляемости. Періодъ послѣвоеннаго возстановленія 1923-29 гг., вызвавъ грандіозный техническій подъемъ и обогативъ всѣ заложеныя въ хозяйствѣ тенденціи (машинизированіе, рационализація, концентрація), привелъ къ тому, что аппаратъ приспособленія пересталъ дѣйствовать. Когда, въ 1929 году, разразился очередной кризисъ и нужно было, какъ прежде, произвести перестройки въ хозяйствѣ, этого автоматическимъ путемъ уже нельзя было достигнуть. Понадобилось планомѣрное вмѣшательство государства, въ результатъ котораго катастрофическія послѣдствія кризиса были смягчены, но экономическій строй претерпѣлъ основное преобразование: возникъ новый, до сихъ поръ невѣдомый строй, совмѣщающій элементы частно-капиталистическаго и общественно-регулируемаго хозяйства *).

Такой результатъ многимъ представляется цѣннымъ достиженіемъ нашего времени. Пріятно думать, что послѣ ожесточенной борьбы между сторонниками свободнаго и общественно-регулируемаго хозяйства, наполнившей жизнь трехъ или четырехъ поколѣній, сама жизнь неожиданно привела (и при томъ

*) Съ вышеприведенными воззрѣніями, болѣе или менѣе господствующими въ настоящее время, очевидно несовмѣстимъ взглядъ на общественное регулированіе, какъ на временное явленіе, долженствующее исчезнуть при изживаніи кризиса. Даже если бы кризисъ могъ быть «изжитъ», если бы новые институты, произведя въ экономической структурѣ необходимыя сдвиги (тѣ, которые раньше достигались путемъ автоматическаго приспособленія), могли быть затѣмъ отброшены и механизмъ свободнаго регулированія могъ быть вновь приведенъ въ дѣйствіе, очевидно онъ черезъ нѣкоторое время опять застопорилъ бы, подъ воздействием тѣхъ же причинъ, что и рань-

въ такой короткій срокъ, на протяженіи пяти-десяти лѣтъ) къ созданію основъ новаго строя, представляющаго собой компромиссъ между двумя идеалами, и сочетающаго, по крайней мѣрѣ потенциально, лучшія ихъ стороны.

2.

Среди безконечно разнообразныхъ мѣръ общественнаго регулированія, примѣняемыхъ въ настоящее время, нужно отдѣлѣть тѣ, которыя направлены только на рационализацию хозяйства: онѣ вовсе не имѣютъ задачей облегчить приспособленіе, а, напротивъ, обычно обостряютъ его трудности; нужно выдѣлѣть также всю — очень широкую — совокупность мѣръ, преслѣдующихъ цѣль созданія и поддержанія экономической автаркіи даннаго государства *). Тѣ же способы вмѣшательства, которые непосредственно направлены на борьбу съ кризисомъ, т. е. на восполненіе обнаружившагося дефекта въ аппаратѣ автоматическаго приспособленія, можно свести къ слѣдующимъ приемамъ:

ше. Вслѣдствіе все большаго усложненія (и оостенія) хозяйственной структуры, остановки механизма становились бы все чаще и каждая изъ нихъ была бы еще болѣе катастрофична, чѣмъ предыдущая. Въ дѣйствительности, однако, новые институты принудительнаго регулированія не могутъ быть даже временно отброшены, потому что они обладаютъ собственной инерціей и въ особенности потому, что они вовсе не приводятъ къ изживанію кризиса въ прежнемъ смыслѣ слова.

*) Въ сущности, государственное вмѣшательство въ большинство европейскихъ континентальныхъ странъ клонится не столько къ преодолѣнію кризиса, сколько къ обезпеченію автаркіи. Причины лежатъ въ плоскости не экономическаго, а политическаго, въ особенности же военно-техническаго развитія. По мѣрѣ прогресса военной техники, она неминуемо все должна себѣ подчинить: и политическій строй (единство руководства, устраненіе оппозицій, воспитаніе и униформация граждан: тоталитарное государство) и экономической строй (военная индустрія, самообезпеченіе на случай блокады, замѣна хозяйственнаго принципа принципомъ военно-государственной пользы: тоталитарное плановое хозяйство). Единственной задачей человѣка, отъ рожденія до смерти, должна стать подготовка войны и война. Это особая тема, не являющаяся предметомъ настоящей статьи, въ которой поэтому экономическія явленія рассматриваются въ неизбѣжномъ отвлеченіи, и возможныя линіи дальнѣйшаго развитія намѣчаются независимо отъ вопроса о борьбѣ между человѣкомъ и военной техникой, т. е. въ сущности въ крайне оптимистическомъ предположеніи, что человѣкъ уничтожитъ войну, а не война человѣка.

1. — помощь безработнымъ: пособия и общественныя работы;

2. — помощь предпринимателямъ: кредитъ, поддержаніе высокихъ цѣнъ путемъ государственныхъ закупокъ, премій за ограниченіе производства, облегченіе долговъ, мораторій.

Совершенно очевидно, что помощь безработнымъ необходима. Столь же очевидно, что она только смягчаетъ бѣдствія кризиса, но не содѣйствуетъ необходимой перестройкѣ хозяйства, а скорѣе затрудняетъ и замедляетъ ее. Давно уже всѣмъ надоѣли разсказы о пожизненныхъ и потомственныхъ англійскихъ безработныхъ, мирно жующихъ подачку «вмѣсто того, чтобы смѣло искать счастья за моремъ, какъ ихъ дѣды», или по меньшей мѣрѣ искать его въ другихъ отрасляхъ труда. Тоже можно сказать и о второй категоріи мѣръ. Онѣ облегчаютъ мученія, сопутствующія процессу приспособленія, но вовсе не содѣйствуютъ, а противодействуютъ самому процессу.

Для того, чтобы органы общественного регулированія могли замѣнить аппаратъ автоматическаго приспособленія, они должны бы принимать рѣшенія такого рода:

въ данной странѣ имѣется 30 фабрикъ обуви, могущихъ производить миллионъ паръ обуви въ годъ. Такъ какъ годовое потребленіе — всего 800.000 паръ, то такія-то фабрики закрываются. Освободившіеся капиталы должны быть направлены въ другую область производства, напр., на расширеніе парфюмерныхъ фабрикъ; освободившіеся рабочіе также должны быть использованы въ такихъ-то подлежащихъ расширенію предпріятіяхъ, напр., тоже на парфюмерныхъ фабрикахъ, или на производствѣ шелковыхъ чулокъ и т. д.;

въ данной странѣ 100.000 фермеровъ, производящихъ миллионъ тоннъ пшеницы; такъ какъ однако ея требуется всего 800.000 тоннъ, то посѣвы пшеницы въ такихъ-то районахъ воспрещаются или сокращаются; освободившаяся площадь отводится, напр., подъ пастбища для развитія овцеводства; такъ какъ эта новая форма использованія земель требуетъ хозяйствъ болѣе крупнаго типа, то такіе-то 10.000 фермеровъ должны ликвидировать свои фермы, а освободившіяся средства и рабочія руки должны быть использованы въ подлежащихъ расширенію отрасляхъ промышленности, напр., въ шерстепрядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ.

Именно такого типа перестройки въ хозяйствѣ были бы произведены въ прежнія времена «свободной игрой экономическихъ силъ», т. е. дѣйствіемъ механизма автоматическаго при-

способленія. Такимъ путемъ кризисъ былъ бы дѣйствительно «изжитъ», т. е. появившіяся диспропорціи были бы сглажены, благодаря болѣе совершенной перегруппировкѣ производительныхъ силъ.

Достаточно поставить вопросъ во всей его конкретности, чтобы испытать глубочайшія сомнѣнія по поводу того, можетъ ли такая бы то ни была система сознательнаго общественнаго регулированія справиться, хотя бы въ самой грубой формѣ, съ этой задачей. Во всякомъ случаѣ тѣ приемы регулированія, какіе примѣняются въ наше время въ Западной Европѣ и въ Америкѣ, не производятъ перестроекъ для устраненія диспропорцій въ хозяйствѣ, но лишь облегчаютъ ихъ тяжесть, распределяя ее болѣе равномерно между участниками общежитія (и переноса ихъ также на другія страны или на будущія поколѣнія), т. е. являются не аппаратомъ приспособленія, но организацией взаимнаго страхованія, возмѣщающей убытки неудачникамъ и жертвамъ экономической катастрофы.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ аппаратъ автоматическаго приспособленія хотя и испорченъ, но не совсѣмъ уничтоженъ, и до нѣкоторой степени продолжаетъ дѣйствовать, то перестройка, въ какой-то степени, происходитъ, и кризисъ изживается. Мѣры общественнаго регулированія (и героическія встряски, какъ порча монеты) могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько оживить лѣнливое дѣйствіе этого аппарата, не будучи однако въ силахъ его замѣнить.

Насколько при такихъ условіяхъ достигаемое приспособленіе несовершенно, видно по тому, что даже въ странахъ, гдѣ съ 1933-34 г. рядъ симптомовъ указываетъ на улучшеніе конъюнктуры, и, слѣдовательно, можно бы думать, что, вопреки всему, экономическіе законы, обусловливавшіе въ прошломъ циклическое движеніе, продолжаютъ дѣйствовать, и худшая фаза депрессіи пройдена, даже тамъ остается одинъ показатель, очень туго идущій на улучшеніе: индексъ безработицы. Ясно однако, что именно въ немъ наиболѣе непосредственно проявляется сохранившаяся диспропорція въ хозяйствѣ: пока значительная часть населенія страны не поставлена на работу, очевидно нужныя перемѣны въ хозяйственной структурѣ не произошли и «изживаніе» кризиса носитъ своеобразный характеръ: вмѣсто перегруппировки производительныхъ силъ, часть ихъ отставлена въ сторону и работающій секторъ хозяйственнаго цѣлаго продолжаетъ нести на себѣ тяжесть содержанія не-работающаго сектора.

3.

Между тѣмъ, мѣры сознательнаго общественнаго регулированія, будучи пущены въ ходъ, требуютъ дальнѣйшаго усовершенствованія, т. е. расширенія и углубленія. Въ силу внутренней своей логики (а также и въ силу инерціи построеннаго и приведеннаго въ движеніе административнаго аппарата) онѣ развиваются въ систему, подчиняющую себѣ все хозяйство.

Такъ, пособія безработнымъ естественно приводить къ мѣрамъ, направленнымъ на ограниченіе рынка труда. Нельзя допустить, чтобы проникновеніе иностранныхъ рабочихъ увеличивало число иждивенцевъ. Нужно регулировать и направлять потокъ новой рабочей силы, идущей со стороны подросткающаго поколѣнія. Необходимо выработать систему перебросокъ рабочей силы отъ одной отрасли труда къ другой. Необходимъ ходъ вещей долженъ привести къ созданію организованной арміи труда, имѣющей опредѣленные контингенты и всецѣло подчиняющейся, въ своихъ дѣйствіяхъ и передвиженіяхъ, распоряженіямъ компетентныхъ органовъ *).

Точно такъ же, искусственное поддержаніе цѣнъ на извѣстный продуктъ — напр., пшеницу — не только требуетъ исключенія иностранной конкуренціи (запрещеніе ввоза), но и логически приводитъ къ государственной монополіи, т. е. къ распространенію закупокъ на все количество предлагаемаго производителемъ товара, безъ чего невозможно было бы перекинуть на потребителя тяжесть административныхъ расходовъ и убытки отъ экспорта. Слѣдующій шагъ — ограниченіе и регламентация производства, что должно вести къ опредѣленію числа производителей, посѣвной площади, качества и количества рабочихъ рукъ, способовъ обработки и т. д.

Въ индустріи преслѣдованіе той же задачи еще неизбѣжно ведетъ къ ограниченію дѣятельности существующихъ заводовъ, запрещенію ихъ расширенія и усовершенствованія, запрещенію открытія новыхъ предпріятій и т. д. или къ требованію, чтобы каждое такое измѣненіе производилось съ надлежащаго разрѣшенія руководящихъ органовъ.

*) Насколько трудна эта задача, можно судить по тому, что даже въ государствѣ, занятомъ построеніемъ тоталитарнаго общественнаго хозяйства и не останавливающимся ради этого передъ уничтоженіемъ цѣлыхъ классовъ, армія труда находится въ рудиментарномъ состояніи, страдая отъ постоянной текучести, недисциплинированности и т. д.

Послѣ производства должна будетъ идти очередь, черезъ нѣкоторое время, и до потребления. Планомѣрное общественное регулирование, будучи несравненно грубѣе, чѣмъ автоматическое, не можетъ съ такой тщательностью слѣдовать за индивидуальными запросами потребителя и ихъ колебаніями и вынуждено сводить ихъ къ болѣе общимъ категоріямъ. Даже въ хорошо отрегулированномъ свободномъ хозяйствѣ произволъ покупателя въ какой-то малой степени ограниченъ: независимо отъ цѣны, онъ находитъ все же не всѣ тѣ предметы и качества предметовъ, какіе ему могутъ быть желательны. Въ управляемомъ хозяйствѣ и въ области потребления неизбѣжно сокращается доля свободы выбора и увеличивается доля принужденія.

Такимъ образомъ, мѣры общественнаго регулирования, не могущія выполнить то оптимальное перераспредѣленіе производительныхъ силъ, какое осуществлялось въ свое время автоматическимъ регулированіемъ, достигаютъ, однако, другого результата: постепенно развиваясь, онѣ подчиняютъ сознательному планированію всѣ стороны хозяйственной жизни.

Въ какой мѣрѣ возникающій такимъ путемъ новый строй можетъ быть названъ сочетаніемъ элементовъ свободного капиталистическаго хозяйства съ социалистическимъ, въ частности, насколько онъ является сочетаніемъ лучшихъ ихъ элементовъ? Вопросъ идетъ о явленіи незаконченномъ, находящемся въ процессѣ становленія, по отношенію къ которому описаніе и оцѣнка неизбѣжно связаны съ догадкой. Все же кое-что уже поддается анализу. Въ особенности поучительно прослѣдить, какимъ измѣненіямъ подвергаются въ новомъ строѣ понятія собственности и собственника, — основные понятія, разсмотрѣніе которыхъ позволитъ понять сущность грядущаго хозяйства.

Одно изъ наиболѣе часто повторяемыхъ въ послѣдніе годы утверждений гласитъ, что въ нарождающемся строѣ собственность преобразуется и приобретаетъ функциональный характеръ. Она не только даетъ права, но и накладываетъ обязанности: на капиталиста отнынѣ возлагается выполненіе общественной функціи.

Въ этомъ утвержденіи заключается недоразумѣніе уже потому, что вѣдь въ дѣйствительности капиталистъ всегда осуществлялъ общественную функцію: онъ организовывалъ производство и распредѣленіе, и служба его была такъ поставлена, что чѣмъ лучше онъ ее выполнялъ, чѣмъ вѣрнѣе угадывалъ и удовлетворялъ хозяйственныя потребности общества, тѣмъ боль-

шее получалъ вознагражденіе. Структурное вырожденіе капитализма ярче всего сказалось именно въ подмѣнѣ капиталиста-предпринимателя (хозяина) капиталистомъ-рантье (акціонеромъ), стремящагося къ стабилизациі дивиденда, т. е. отказывающагося отъ выполнения своей функціи и отъ связанной съ этимъ отвѣтственности.

Въ системѣ сознательнаго общественнаго регулированія, рисовать ли себѣ ея аппаратъ въ простѣйшемъ видѣ, какъ систему государственныхъ канцелярій, или усложнять картину, подмѣняя понятіе этатизма корпоративизмомъ, хозяйственной демократіей и т. п., и ставя на мѣсто чиновника — комитеты, совѣты, совѣщанія, съ ихъ предсѣдателями, секретарями и т. д., — несомнѣнно одно: отдѣльное предпріятіе должно направлять свою дѣятельность, увеличивать или уменьшать производство, замѣнять одинъ товаръ другимъ, согласно извѣстнѣмъ опредѣляемымъ нормамъ.

Нельзя сказать, чтобы при этомъ предпріятіе не нуждалось въ отвѣтственномъ руководителѣ. Необходимо лицо, которое приложило бы данныя инструкціи, и такъ какъ онъ никогда не могутъ быть исчерпывающими, за исполнителемъ неминуче останется какая-то доля самостоятельности. Естественно поэтому было бы ему получать какое-то дополнительное вознагражденіе за успѣшно выполненныя обязанности. Было бы, однако, явно несправедливо и нецѣлесообразно, если бы этому лицу передавали всю прибыль, получаемую предпріятіемъ, когда инструкціи регулирующихъ органовъ оказываются удачными, и требовали съ него возмѣщенія убытковъ въ случаѣ неудачи *). Какой бы титулъ при такихъ условіяхъ ни придавать руководителю предпріятія, согласно принятой терминологіи онъ является не предпринимателемъ, а управляющимъ. Для капиталиста-хозяина въ общественно-регулируемомъ хозяйствѣ не можетъ быть мѣста. Въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, общественное регулированіе не устраняетъ деформациі, обнаружившейся

*) Странно было бы также, вмѣсто выбора руководителей согласно способностямъ, придерживаться принципа наслѣдственнаго замѣщенія должности, находящаго себѣ оправданіе тамъ, гдѣ лицо настолько сливается съ функціей, что всѣ положительныя и отрицательныя послѣдствія ея осуществленія естественно падаютъ не только на него, но и на его семью, т. е. наслѣдниковъ, создавая тѣмъ самымъ дополнительное побужденіе къ общественно-нецѣлесообразной дѣятельности.

въ процессъ капиталистическаго развитія, а усиливаетъ и обобщаетъ ее *).

Что же касается капиталиста-рантье, уже теперь отрекающагося отъ отвѣтственности и перекладывающаго ее на плечи всего общества, ничто не мѣшаетъ, конечно, сохранить его и при законченномъ общественно-регулируемомъ хозяйствѣ. Можно предвидѣть; однако, что его связь съ индивидуальнымъ предпріятіемъ, уже ослабѣвшая, совсѣмъ прервется. Для общества, взявшаго на себя руководство хозяйствомъ, логично было бы замѣнить акціи и паи отдѣльныхъ предпріятій государственными облигаціями.

Такимъ образомъ, при регулируемомъ хозяйствѣ собственность не пріобрѣтаетъ, а теряетъ характеръ общественной функціи.

Незачѣмъ предаваться иллюзіямъ: система общественнаго регулированія, основные принципы которой уже вошли въ жизнь, имѣетъ тенденцію охватить все хозяйство, и возникающей такимъ образомъ строй, каковы бы ни были детали его организаціи, не можетъ явиться сочетаніемъ лучшихъ элементовъ капитализма и социализма, потому что между принципами автоматическаго и плановънаго регулированія нѣтъ средняго. Однако, и въ новомъ строѣ можно сохранить, въ качествѣ искусственнаго привѣска, одинъ изъ элементовъ свободного хозяйства, а именно худшій его элементъ: наслѣдственныхъ рантье, привилегіи которыхъ не оправдываются никакой общественной функціей.

4.

Сущность перемѣны, заключающейся въ томъ, что органъ плановънаго социальнаго регулированія становится на мѣсто предпринимателя, не поясняется, а лишь затемняется часто приводимой аналогіей съ процессомъ перехода отъ абсолютизма къ конституціонному и демократическому правленію.

*) Нельзя думать, чтобы для предпринимателя оставалось свободное поле въ видѣ созданія новыхъ предпріятій: какъ уже упомянуто, новое предпріятіе непременно должно быть разрѣшено регулирующими органами, которые учтутъ и ограничатъ его поле дѣятельности, т. е. оно неизбежно будетъ поставлено въ такія же условія зависимости, какъ и всѣ остальные предпріятія. Все это примѣнимо и тогда, когда рѣчь идетъ о созданіи новой отрасли производства, потому что тѣмъ самымъ вызывается передвиженіе силъ въ хозяйственномъ цѣломъ, естественно недопустимое безъ точной оцѣнки и одобрѣнія регулирующихъ органовъ.

Аналогія эта до извѣстной степени приложима, поскольку рѣчь идетъ объ отношеніяхъ внутри отдѣльнаго предпріятія, между капиталистомъ и рабочимъ. Разумѣется, синдикаты, рабочіе комитеты и т. п. нѣсколько ограждаютъ личность рабочаго отъ произвола и могутъ, хотя и въ малой степени, возмѣстить рабочему утраченную хозяйственную свободу.

Гораздо важнѣе, однако, для судебъ социальнаго строя (т. е. въ конечномъ счетѣ и для личной судьбы рабочаго), какъ складываются взаимоотношенія не внутри отдѣльнаго предпріятія, но между хозяйственными единицами. Приложение въ этомъ случаѣ понятія демократизаціи или оправовленія (конституціонности), очевидно означаетъ, что прежде предприниматель, выполняя свою функцію, дѣйствовалъ по произволу, подобно абсолютному монарху, т. е. по своему усмотрѣнію рѣшалъ, что и какъ онъ долженъ производить, или чѣмъ и какъ торговать; въ будущемъ же подобныя рѣшенія должны приниматься особыми органами, или по соглашенію между капиталистомъ и этими органами, представляющими общество, т. е. выполняющими роль парламента.

Ошибочность аналогіи заключается въ томъ, что абсолютный монархъ дѣйствительно располагалъ широкими возможностями выбора и долженъ былъ принимать рѣшенія, правильность или неправильность которыхъ обычно могла быть подвергнута лишь очень неполной и запоздалой оцѣнкѣ. Что же касается капиталиста, то (поскольку сохраняется свобода рынка, т. е. аппаратъ автоматическаго приспособленія) его дѣятельность направляется и регулируется на каждомъ шагѣ. Это регулированіе производится самымъ демократическимъ способомъ: рабочій, рѣшающій у прилавка, выпить ли ему водки или коньяку; дама, соглашающаяся заплатить за духи Герлена дороже, чѣмъ за Коти; приказчикъ, обдумывающій, купить ли ему стило или лакированные ботинки, одинаково участвуютъ въ плебисцитѣ, которымъ опредѣляется, что долженъ дѣлать каждый предприниматель, какія предпріятія должны расширить свою дѣятельность, а какія — сократить, или прекратить, какіе именно говары и какого качества нужно производить или закупать и т. д. Этотъ плебисцитъ происходитъ не только повсемѣстно и непрерывно, но и въ гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другіе, потому что, покупая кровать или костюмъ, (не говоря уже объ автомобилѣ), человекъ обычно вкладываетъ въ этотъ актъ несравненно больше старанія, напряженнаго размышленія и взвѣшиванія, чѣмъ въ какое бы то ни было голо-
сованіе.

Переходъ отъ автоматически регулируемаго хозяйства къ планомерно регулируемому нисколько не является демократизаціей, а напротивъ, разрушеніемъ демократическаго аппарата, бесконечно болѣе совершеннаго, чѣмъ тѣ, какіе мы до сихъ поръ научились примѣнять въ сферѣ политики. Непремѣнное же, при этомъ переходѣ, сокращеніе произвола потребителя, стандартизація предоставляемыхъ ему благъ, является ограниченіемъ свободнаго самоопредѣленія личности гораздо болѣе тяжкимъ для большинства людей, чѣмъ уничтоженіе свободы собраний, союзовъ и т. п.

Впрочемъ, въ настоящее время можно считать установленнымъ уже не только а priori, но и а posteriori, что планомерно регулируемое хозяйство неизбѣжно должно уничтожить и всякую гражданскую свободу, всецѣло подчинивъ личность коллективу.

Недавно проф. Н. О. Лосскій чрезвычайно ярко и сжато сдѣлалъ всѣ выводы, проистекающіе изъ такого подчиненія *).

Стандартизація и социализація должны подвергнуться, вслѣдъ за хозяйственной дѣятельностью человѣка, вся его духовная дѣятельность: религія (унификація идеологій), наука, литература, искусство. Социализируются и биологическія функціи: тоталитарное общество неизбѣжно идетъ по путямъ еягеники и искусственнаго оплодотворенія, съ дальнѣйшей эволюціей въ сторону выдѣленія производителей и атрофіи производительныхъ способностей у остальныхъ индивидовъ. Регулируя производство человѣческихъ особей, коллективъ логически перейдетъ и къ очисткѣ получаемаго стада, уничтожая идиотовъ, хилыхъ, больныхъ, бесполезныхъ стариковъ и т. д.

По справедливости, надо прибавить, что въ этомъ законченномъ плановомъ обществѣ исчезновеніе личности вознаграждается обиліемъ матеріальныхъ благъ. Искусственно управляемое хозяйство не обладаетъ секретомъ экономической плѣсობразности, того примѣненія къ человѣческимъ способностямъ и потребностямъ, какое достигалось въ свое время автоматическимъ регулированіемъ, зато открываетъ впервые возможности для полнаго приложенія принциповъ технической плѣсобразности. Уравнивая и принижая потребности, оно дѣлаетъ возможнымъ ихъ неограниченное удовлетвореніе.

Ужасъ и отвращеніе, которые возбуждаетъ этотъ безлич-

*) Н. Лосскій. Индустриализмъ, коммунизмъ и утрата личности. Новыѣ Градъ, XI (1936).

ный механический рай, ставить неотступный вопрос: действительно ли неизбежен путь, который ведет насъ къ нему?

Въ основѣ все зависитъ, конечно, отъ того, чѣмъ же окажется человѣческая личность, выдержитъ ли она надвигающееся испытаніе, дастъ ли себя разложить и обездуть. «Необходимо отстаивать цѣнности индивидуальнаго общенія», — говоритъ проф. Лосскій, — «поддерживая все, что содѣйствуетъ углубленію внутренней душевной жизни».

Нельзя не видѣть, однако, что конкретное рѣшеніе лежитъ въ плоскости хозяйственной организаціи.

5.

Если совершенно бесплодно предугадывать будущее, взвѣсивая шансы того или иного исхода, то можетъ быть не бесполезно попытаться уловить наиболѣе благоприятный изъ возможныхъ исходовъ. Образъ желаемого не превращается ли въ дѣйственную силу, участвующую въ созиданіи будущаго?

Возвращеніе къ свободному хозяйству невозможно, потому что его крушеніе явилось результатомъ не случайныхъ причинъ, но заложенныхъ въ немъ самомъ законовъ развитія.

Господство управляемаго хозяйства невозможно безъ подчиненія и уничтоженія человѣческой личности.

Соединеніе воедино отдѣльныхъ элементовъ того и другого строя невозможно, потому что планомѣрное и автоматическое регулированіе исключаютъ другъ друга.

Логически остается открытымъ четвертое рѣшеніе: не исключительное господство одной изъ системъ и не соединеніе обѣихъ въ одну, но ихъ разграниченіе и опредѣленіе для каждой своей сферы дѣйствія.

Нужно однако освободиться отъ иллюзій насчетъ возможности механическаго сосуществованія двухъ видовъ хозяйства. Формула: «обобществленная крупная промышленность и мелкая частная промышленность» сама по себѣ еще ничего не рѣшаетъ. Работая на рынокъ, крупная промышленность и послѣ обобществленія (и даже въ еще большей степени) будетъ неспособна справиться съ трудностями, присущими рыночному хозяйству. Она неминуемо должна будетъ регулировать рынокъ, т. е. приложить по отношенію къ цѣлому хозяйству тогъ принципъ планированія, который ведетъ къ постепенному вытѣсненію всякой хозяйственной свободы. Рационализируемая ма-

шина разрушаетъ рынокъ, она враждебна рынку, истинная сфера ея предназначенія — внѣ рынка.

Говоря о сочетаніи двухъ системъ, надо помнить, что каждая изъ нихъ построена на особомъ началѣ: одна — на принципѣ экономической цѣлесообразности и рентабельности, другая — на принципѣ технической цѣлесообразности и массоваго социальнаго обслуживания.

Высоко организованное предпріятіе громоздко и неповоротливо. Оно не можетъ приспособиться къ колебаніямъ рынка, много тратитъ на администрацію, легко впадаетъ въ безхозяйственность, отъ ударовъ конкуренціи не сжимается, а ломается. Но ему доступно то, о чемъ до сихъ поръ люди не могли и мечтать: непрерывнымъ однообразнымъ потокомъ льется изъ рога изобилія фантастическое, почти неограниченное количество стандартизированныхъ благъ.

6.

Человѣчество не только стало богаче, но и почувствовало себя богатымъ — впервые за всю свою исторію. Если нищета въ настоящее время ощущается не какъ неотвратимое несчастье, но какъ недопустимая несправедливость, то въ этомъ сказывается не обостреніе моральнаго сознанія, а переломъ въ социально-экономическомъ самочувствіи. Ни божественнымъ установленіемъ, ни законами экономики и размноженія нельзя больше оправдать существованіе нищеты и голода, при строѣ, въ которомъ несмѣтныя блага подвергаются уничтоженію, какъ излишки, и грандіозныя производительныя силы — рабочія руки, машины, земли — остаются неиспользованными.

Человѣчество стало настолько богато, что технически легко было бы каждому обезпечить существованіе, удовлетворивъ его основныя и типичныя нужды такими же типизированными продуктами. Въ этомъ именно и заключается настоящее поприще раціонализаци и механизаци.

Представимъ себѣ городъ, въ которомъ разносчики снабжаютъ жителей водой, продавая ее стаканами и кувшинами. Техника улучшается, водовозы вытѣсняють разносчиковъ, но вода остается товаромъ, рыночная цѣнность котораго опредѣляется условіями спроса и предложенія.

Затѣмъ строится водопроводъ. Вода проникаетъ во всѣ дома, бьетъ въ фонтанахъ, свободно льется изъ уличныхъ крановъ. За нее могутъ взимать извѣстную плату, хотя бы для то-

го, чтобы избѣжать безсмысленно-расточительнаго пользованія, но эта плата уже ничего общаго не имѣетъ съ рыночной цѣной.

Вотъ классическій примѣръ рационализированной техники, переросшей условія рыночнаго хозяйства. Стандартное благо, текущее въ (практически) неограниченномъ изобиліи, перестаетъ быть товаромъ.

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы рядъ основныхъ и типизированныхъ благъ, производство которыхъ обобществлено и до крайности рационализировано и механизировано, былъ вынесенъ за рамки рыночнаго хозяйства. Именно по отношенію къ нимъ осуществимъ коммунистическій идеалъ: каждому по потребностямъ.

Находясь внѣ рынка, социализированное и рационализированное производство находится и внѣ конкуренціи. Нельзя себѣ представить, чтобы водовозы стали конкурировать съ водопроводомъ. Безсмысленно было бы допустить и созданіе втораго, параллельнаго водопровода, даже если бы новое предпріятіе обѣщало установить еще болѣе ничтожную плату за воду.

Находясь внѣ рынка, социализированное предпріятіе находится внѣ дѣйствія экономическаго принципа. Какъ за нимъ ни смотрѣть, оно всегда будетъ менѣе хозяйственно, чѣмъ предпріятіе, работающее на свободный рынокъ. Но техническая рационализація даетъ ему такія неисчислимыя преимущества, что съ какой-то степенью безхозяйственности можно легко примириться.

Находясь внѣ товарнаго рынка, социализированное предпріятіе логически должно находиться внѣ рынка труда. И тутъ его образецъ — водопроводъ, гдѣ вся сила — въ рациональномъ оборудованіи, а роль труда сведена къ незамѣтному минимуму. Но поскольку это недостижимо (или лишь медленно достижимо), для социализированной промышленности естественно вербовать трудъ своими особыми путями: путями не свободы, а принужденія, не конкуренціи, а повинности.

Специфическій признакъ предпріятія, требующаго и допускающаго обобществленіе — не размѣръ его, а та степень многучества и рационализаціи производства, которая позволяетъ безъ остатка удовлетворить потребности въ данномъ продуктѣ, вынеся его тѣмъ самымъ изъ сферы товарнаго хозяйства.

Обобщественная промышленность должна отнять у челоѣка какую-то часть свободной жизни: столько-то лѣтъ, или столько-то недѣль и мѣсяцевъ въ году. Взамѣнъ, она должна снабдить его нѣкоторыми основными, необходимыми, для всѣхъ, уравненными благами: обезпечить его и его дѣтей отъ голода,

дать ему элементарное жилище и одежду, то, безъ чего нѣтъ человѣческаго существованія.

Каждый можетъ наклониться къ фонтану и зачерпнуть воды, если же захочетъ вина — долженъ купить его.

Соціальное обезпеченіе существованія открываетъ человѣку свободу не только духовной, но и хозяйственной дѣятельности. Напрасно опасаться, что избавившись отъ страха голодной смерти, онъ сложитъ руки: идеаломъ современнаго человѣка является вовсе не бездѣліе въ скудости; должності, пастихувъ и сторожей не считаются самыми завидными.

Среди людей, освобожденныхъ отъ грубѣйшей формы борьбы за существованіе всегда найдутся чудаки, которые удовлетворяются своимъ пайкомъ и предпочтутъ молиться Богу; заниматься наукой, внѣ оплачиваемыхъ кафедръ; писать стихи, не заботясь объ ихъ продажѣ; или любоваться міромъ и день за днемъ пропускать свою жизнь сквозь пальцы. Но обыкновенный человѣкъ всегда будетъ думать о томъ, чтобы увеличить количество матеріальныхъ благъ, его естественнымъ удѣломъ будетъ трудъ и обогащеніе.

Здѣсь именно открывается возможность того свободнаго и въ своей свободѣ гармоничнаго хозяйства, какое рисовалъ либерализмъ, — но безъ омрачавшихъ его нищеты и голода. Нѣтъ нужды ограничивать право человѣка располагать своимъ трудомъ, если, чувствуя подъ ногами твердую почву, онъ можетъ защитить это право отъ эксплуатаціи. Нѣтъ нужды нарушать благотѣльное дѣйствіе аппарата автоматическаго приспособленія, когда разрушительныя его послѣдствія такъ же автоматически сглаживаются аппаратомъ соціальнаго снабженія.

Конкретизація чаемаго уводитъ въ болото утопін. Но — въ видѣ робкой догадки — можно предположить, что въ обществѣ, гдѣ каждому обезпеченъ кусокъ хлѣба, трудно собирать миллионныя арміи наемнаго труда: человѣкъ естественно стремится къ хозяйственной самостоятельности, и въ свободномъ хозяйствѣ должны возобладать мелкія предпріятія. Въ эту сторону, повидимому, ведетъ насъ и развитіе прикладной науки, создающей, наряду съ предпріятіемъ-конвейромъ, предпріятіе-лабораторію: ремесленникъ и садоводъ, соединяющіе высокую личную сноровку съ широкимъ примѣненіемъ электротехники и химіи — вотъ репрезентативныя фигуры свободнаго хозяйства будущаго.

Научившись, наконец, использовать пришедшее к нему и столько мучений ему доставившее техническое богатство, взойдя на болѣе высокую ступень благополучія и насытивъ свои самыя примитивныя, стандартныя потребности, человекъ, если только онъ не заплатитъ за это благополучіе своей свободой и личностью, захочетъ индивидуализированныхъ благъ. Индивидуализация означаетъ разнообразіе, неповторимость — т. е. артистичность продукта.

Подобно своему далекому предку, новый ремесленникъ долженъ стать художникомъ. Превращеніе труда въ творчество, слияніе жизни и искусства — вотъ настоящая достойная цѣль того освобожденія, которое все-таки, вопреки всему, несутъ техника, единственный достойный выходъ той освободившейся энергіи, которой пока что прокладываютъ жалкое русло «разумнаго досуга».

Почти излишне прибавлять, что граница между обобществленнымъ и свободнымъ хозяйствомъ, между необходимыми стандартизированными продуктами и свободными индивидуализированными товарами не можетъ не быть подвижной. Двѣсти лѣтъ назаль нижее болѣе было признакомъ нѣкотораго излишества. При желаніи легко себя вообразить общество, въ которомъ аэропланъ почитался бы неотъемлемой принадлежностью каждаго человѣческаго существа. Вполнѣ возможно, что подъ влияніемъ роста техники и богатства, подъ напоромъ людей безъ инициативы и удачи, область социальнаго снабженія стала бы расширяться, охватывая новые предметы. Но возможно и другое: повышеніе богатства могло бы повести къ вытѣсненію стандартизированныхъ благъ индивидуализированными, и къ отмиранию нѣкоторыхъ отраслей обобщественнаго производства и снабженія.

Таковъ одинъ изъ логически возможныхъ путей хозяйственной эволюціи. Разграниченіе обобщественнаго и свободного хозяйства, и установленіе для каждаго изъ нихъ — своей задачи; отдача обобщественному принудительному хозяйству нѣкоторой (возможно меньшей) части человѣческаго существа, и приобрѣтеніе этой цѣлой подлинной свободы — вотъ средства; а цѣль — утвержденіе, выжисто человека-работа, пролетарія и наемника, — человека-хозяина, художника и творца.

Ю. К. Рапопортъ.

Опытъ Блюма

«Я знаю, что такое газета. Теперь я начинаю узнавать, что такое управление».

Л. Блюмъ на банкетѣ социал. печати 1-XI-36.

Монтескье принадлежатъ слова: «Tous les peuples peuvent se tromper, mais quand la France se trompe, l'Univers est dérouteré». Не сейчасъ ошиблась Франція. Она ошиблась ровно 10 лѣтъ тому назадъ. И за ту ошибку она расплачивается сейчасъ вмѣстѣ со всей Европой и міромъ, сбившимися съ пути...

Люди короткой памяти — и длительной злопамятности — убѣждены, что Франція впервые послѣ войны очутилась именно сейчасъ въ тяжеломъ положеніи. Между тѣмъ десять лѣтъ тому назадъ положеніе и было, и казалось во всякомъ случаѣ не менѣе тяжкимъ. И тогда франкъ неудержимо и гораздо ускореннѣ падалъ — до 240 фр. за фунтъ стерлинговъ, — а казначейство систематически пустѣло. И тогда съ пониженіемъ франка повышалось напряженіе политическихъ страстей.

И тогда сторонники парламентаризма и демократіи — и правые, и лѣвые — одинаково отмѣчали утрату демократіей кредита, авторитета и почвы въ широкихъ кругахъ населенія. Не кто иной, какъ тотъ же академикъ Жозефъ-Бартелеми, политикъ правыхъ настроеній, уже тогда улавливалъ рѣчи, аналогичныя тѣмъ, которыя раздавались «передъ 18 брюмера и 2 декабря». А нынѣшній глава правительства, тогда лидеръ оппозиціи, Леонъ Блюмъ считалъ, что положеніе «болѣе серьезно, чѣмъ все, что знала Франція за послѣднее столѣтіе. Ни консулатъ по-революціонный, ни монархія императорская не находились въ столь тяжеломъ положеніи. Надо вернуться къ 1789 г., къ дѣлу конституанты, чтобы встрѣтить подобныя трудности».

И тѣмъ не менѣе, невзирая на такое положеніе, межпартійная борьба не смягчалась и не затихала. И очередное, лѣвое правительство Бриана-Кайо подверглось ожесточеннымъ нападкамъ не только справа, что было въ порядкѣ вещей, — но и слѣва. И не только глава социалистической партіи обогатилъ какъ разъ тогда партійный словарь субтильно-тонкимъ расче-

неніемъ и различіемъ между участіемъ во власти и ея завоеваніемъ, взятіемъ власти и ея осуществленіемъ, воздержаніемъ отъ власти и поддержкой, постоянной, перемежающейся (à eclipse) и т. д. Лидеръ радикаловъ Эдуардъ Эррио, и тогда занимавшій кресло председателя палаты депутатовъ, несмотря на занимаемый имъ постъ арбитра, счелъ необходимымъ спуститься съ своего возвышенія на ораторскую трибуну, чтобы атаковать коллегу по партіи Кайо и Бріана.

Извѣстно, чѣмъ дѣло кончилось. Комбинированная атака правыхъ и лѣвыхъ, не сумѣвшихъ преодолѣть своихъ доктринерскихъ и внутри-фракціонныхъ расчетовъ и страстей, закончилась «успѣшно». Правительство было свергнуто, и на смѣну Кайо и Бріана пришелъ Пуанкарэ. Девальвировавъ франкъ — и не на какіе-нибудь 30-33%, какъ Блюмъ съ Ориодемъ, а на всѣ 80%, — Пуанкарэ приобрѣлъ престижъ и авторитетъ новаго спасителя Франціи и франка. Къ его престижу приобщились, правда, и нѣкоторые лѣвые, — въ частности Эррио, вступившій въ правительство «персонально». Но лѣвое руководство судьбами Франціи и, косвенно, судьбами Европы было утеряно на три долгихъ, полныхъ рѣшающаго значенія, года. Политическія судьбы Франціи и Европы стали направлять Пуанкарэ. Политика Пуанкарэ опредѣлила, во всякомъ случаѣ, частично обусловила, и нынѣшніе довольно печальные итоги, къ которымъ, вмѣстѣ со всей Европой, пришла Франція.

Впослѣдствіи, въ ходѣ преній на социалистическомъ конгрессѣ 33-го года, выяснилось, что руководимая Леономъ Блюмомъ партія преслѣдовала не однѣ только отрицательныя и разрушительныя цѣли — отказывать въ довѣрїи любому правительству. У лидера партіи, оказывается, былъ и положительный расчетъ. Онъ никакъ не предполагалъ, что выходъ изъ положенія, въ которое попалъ лѣвый картель послѣ триумфальныхъ для него выборовъ 24-го года, — можно будетъ искать въ правомъ направленіи. Онъ никакъ не ожидалъ, что на смѣну недостаточно лѣвымъ Бріану и Кайо придетъ еще менѣ лѣвый Пуанкарэ.

Партія Блюма свергла кабинетъ Бріана-Кайо, оказывается, потому, что она рассчитывала на приходъ къ власти болѣе лѣваго, своего кабинета. И Леонъ Блюмъ былъ настолько увѣренъ въ неминуемомъ приходѣ къ власти социалистовъ, что уже тогда, въ іюль 26-го года, приступилъ заблаговременно къ формированію правительства. Портфель министра иностранныхъ дѣлъ въ этомъ несостоявшемся правительствѣ предназначался

покойному директору Международнаго Бюро Труда — Альберу Тома...

Десять лѣтъ тому назадъ лѣвые и, въ частности, социалисты просчитались. Трудно и въ значительной мѣрѣ бесплодно гадать, что было бы, если бы не Пуанкаре, а тѣмъ же Бриану и Каюо суждено было произвести девальвацию и «спасти» Францію и франкъ. Врядъ ли конечные итоги внѣшне-политическаго и внутри-экономическаго положенія Франціи были бы хуже тѣхъ, какими они стали по меньшей мѣрѣ за полтора года до новой побѣды на выборахъ лѣвыхъ и прихода къ власти кабинета Блюма. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, если бы нынѣшній «попытъ» — подъ социалистическимъ руководствомъ или подъ руководствомъ радикаль-социалистическимъ — былъ поставленъ десятью годами раньше, внутреннія и внѣшне-политическія условія для него были бы несравненно болѣе благоприятны.

Блюмъ, Франція, Европа, весь міръ платятся сейчасъ за то, что развитіе послѣвоенной Франціи шло слишкомъ замедленнымъ темпомъ, отставая отъ ритма другихъ странъ и общеевропейскихъ нуждъ. Нужно было случиться въ общемъ банальному дѣлу Ставискаго, имѣвшему своими послѣдствіями 6-ое февраля 34 г. и 13-ое февраля 36-го (покушеніе на Блюма), — чтобы психологически и политически стало возможнымъ преодоленіе традиціоннаго для французскаго социализма, въ своей основѣ синдикально-анархистскаго, отталкиванія отъ государственности.

И нуженъ былъ очередной поворотъ во внѣшней политикѣ Совѣтовъ, чтобы и французская социалистическая партія отказалась, наконецъ, отъ своей политики воздержанія отъ соучастія въ не-социалистическомъ управленіи государствомъ. Когда отпала угроза демагогическаго обхода коммунистами слѣва, социалисты рискнули, наконецъ, пойти на избирательное и правительственное соглашеніе съ лѣвыми кругами буржуазной демократіи.

Не бывать бы счастью — правительству «подъ социалистическимъ руководствомъ», — да помогли несчастія; въ частности, то — что Народный фронтъ во Франціи составилъ при участіи коммунистовъ, растлѣвающихъ и разлагающихъ самое благое начинаніе.

Формально несвязанное съ коммунистами — не пожелавшими нести отвѣтственность за чужія дѣйствія, — правитель-

ство все же считает себя и свою политику производными и от коммунистически настроенных избирателей. Блюмъ послѣднихъ лѣтъ отошелъ отъ прежняго взгляда на «несовѣстимость» (incompatibilité), психологическую и моральную, социалистической дѣятельности и дѣятельности коммунистической, — какъ онъ это убѣдительно доказывалъ въ теченіе многихъ годовъ (до 31-го включительно) на столбцахъ «Попюляръ» и въ брошюрѣ «Большевизмъ и Мы». Въ совѣстимости того, что раньше казалось несовѣстимымъ, и заключается своеобразіе лѣваго, или Народнаго фронта во Франціи, съ коммунистами, тогда какъ въ другихъ странахъ — Скандинавіи, Чехословакіи, Бельгіи — объединеніе лѣвыхъ и центра противъ фашистской диктатуры направлено одновременно и противъ коммунистовъ. Соучастіе коммунистовъ въ общедемократическомъ дѣлѣ и составляетъ самое «узкое» и уязвимое мѣсто Народнаго фронта и его правительства.

За всѣмъ тѣмъ, политика, проводимая нынѣшнимъ правительствомъ, — часто вопреки коммунистамъ, — не можетъ не встрѣтить самаго полнаго признанія и сочувствія не только со стороны послѣдовательнаго демократа или правотѣрнаго социалиста, но и со стороны всякаго благомыслящаго и безпристрастнаго человѣка.

Мѣропріятія правительства Блюма могутъ поразить радикализмомъ лишь тѣхъ, кто считаетъ неприкосновенной и неизбѣмой вѣковую социальную и административную отсталость французскихъ учреждений. По существу же всѣ его мѣропріятія не выходятъ за предѣлы того, что уже было осуществлено въ послѣвоенныхъ демократіяхъ — Германіи, Чехословакіи — и даже въ фашистской Италіи, — чтобы не восходить къ болѣе отдаленнымъ по времени или мѣсту примѣрамъ, какъ до-военная Германія, Ново-Зеландія, Австралія и др.

«Это изъ программы радикаловъ взяты недавно принятые реформы, — свидѣтельствовавъ на сѣздѣ своей партіи въ Біаррицъ Шотанъ. — Радикалы сами осуществили бы эти реформы, будучи у власти, если бы они всегда находили ту вѣрную поддержку, которую сейчасъ они оказываютъ правительству» (продолжительные аплодисменты).

И не радикалы только, пользующіеся иногда приставкой «соціалисты», нисколько не шокированы радикализмомъ правительства Блюма. Передо мною статья «соціальнаго католика» или «христіанскаго демократа» Газтана Берновиля. Убѣжденный противникъ правительства Леона Блюма, онъ, однако, полагаетъ, что большинство проводимыхъ Блюмомъ реформъ —

«законны и необходимы». Онъ даже считаетъ ихъ недостаточными: «Никто не долженъ упускать изъ виду, что энциклика Льва XIII и, особенно, Пия XI предложили для католической дѣятельности социальную программу, въ извѣстномъ числѣ пунктовъ болѣе великодушную и смѣлую, чѣмъ программа Народнаго фронта. Но имѣется не только программа, имѣется и духъ». И вотъ «духъ» этотъ только и не нравится г. Берновиллю («Assaut» отъ 27 октября)!

Въ нынѣшней палатѣ 381 мѣсто занимаетъ, общо говоря, — лѣвые, и 237 мѣстъ принадлежатъ правымъ. Изъ этихъ послѣднихъ 185 человекъ принадлежатъ къ открытой оппозиціи правительству. И все же при голосованіи законопроекта о коллективныхъ договорахъ противъ правительства голосовало всего 7 депутатовъ, а при голосованіи законопроекта объ оплачиваемыхъ отпускахъ и того меньше: всего 1 голосъ поданъ былъ противъ этой мѣры. Даже противъ самаго радикальнаго законопроекта о націонализациіи военной промышленности голосовали не всѣ правые и даже не вся оппозиція. Противъ законопроекта раздалось всего на всего 85 голосовъ.

И правый публицистъ изъ реакціоннаго лагеря, Гаксотъ, негодую противъ деморализованной и дезорганизованной оппозиціи, не безъ основаній возмущался: куда дѣлись остальные 100 депутатовъ правой? Если они не одобряли націонализациіи военной промышленности, — почему они объ этомъ не заявили своимъ голосованіемъ? Если же они за эту мѣру, — почему они ея не провели, будучи не въ оппозиціи, а большинствомъ Палаты? Почему надо было дожидаться прихода къ власти Блюма, чтобы провести эту, очевидно, нужную мѣру?..

Вотъ именно — почему?..

Кабинетъ Блюма — своего рода отмщеніе и воздаяніе правымъ за годы убійственной пассивности и бесплоднаго консерватизма.

Не радикализмомъ своихъ мѣръ поражаетъ воображеніе кабинетъ Блюма, не содержаніемъ его реформъ, а темъ, съ которымъ онѣ проводятся и которыя давно уже необычны для Франціи. Достаточно напомнить, что въ мирную, до-военную эпоху, чтобы провести одинъ законопроектъ о подоходномъ обложеніи, Кайо понадобилось иѣлыхъ три года! Сопоставьте съ этимъ однимъ закономъ серію не менѣе существенныхъ, проведенныхъ правительствомъ Блюма черезъ обѣ палаты меньше чѣмъ въ полгода, — и вы получите числовое представленіе о различіи въ темпахъ.

Поразили темпы. Поразило и другое — «постоянное сотрудничество правительства съ народными массами и политическими и синдикалистскими организаціями, прямымъ выраженіемъ воли конхъ оно является», какъ опредѣлили Блюмъ не свой опытъ, даже не опытъ своего правительства или правительственного большинства, а «опытъ, который продѣлываетъ самъ рабочій классъ» (рѣчь въ Лансѣ 12 октября).

Обращаясь къ «дорогимъ друзьямъ», глава правительства просилъ ихъ правильно понять его. «Мы живемъ въ конституціонномъ режимѣ, именуемомъ представительнымъ, т. е. такимъ, гдѣ законодательнымъ палатамъ препоручено представительство народного верховенства. Такъ какъ мы лояльные слуги республиканской мысли, такъ какъ мы вѣрные мандатаріи, мы дѣйствуемъ и мы управляемъ согласно конституціи нашей страны... Мы будемъ чтить республиканскія учрежденія, которыя мы намѣрены защищать противъ всѣхъ наступленій, каковы бы они не были, и противъ всѣхъ покушеній, которыя, повидимому, замышляютъ. Но одновременно мы собираемся сохранять тѣсную связь и поддерживать постоянное сотрудничество съ организаціями, входящими въ Народный фронтъ. Насъ за это попрекають. Мы этимъ гордимся... Мы собираемся упорствовать въ этомъ образѣ дѣйствій»...

Что можно возразить противъ этого упорнаго стремленія правительства опираться не только на большинство въ палатахъ, но и на большинство избирателей, сгруппированныхъ экономически и профессионально? И что въ правѣ возражать какъ разъ тѣ, кто считаютъ парламентаризмъ пережиткомъ старины, не удовлетворяющимъ нынѣшнимъ нуждамъ и требованіямъ страны, и кто, взамѣнъ политическихъ партій, явно и скрытно влечется ко всякимъ представительствамъ отъ «профессій» и «корпораций»?!

Въ авторитарныхъ режимахъ, праваго и лѣваго толка, въ Германіи такъ же, какъ и въ СССР, худо не то, что правительства желаютъ связаться съ народными массами, — а то, что связь эта не органическая и свободная, а насильственно навязываемая при помощи всякихъ «плебисцитовъ», выборовъ въ «Советы» и прочихъ фикцій и фальшивокъ, протнвоставляемыхъ выборамъ въ демократическія учрежденія на основаніи свободного соревнованія и борьбы многихъ и разныхъ партій.

Нѣтъ ничего болѣе естественнаго и не предосудительнаго и въ томъ, что парламентское правительство Блюма желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и правительствомъ «популярнымъ», или «правительствомъ массъ».

Конечно, гипотетически возможно предположить, что силы, на которыя опирается правительство, въ качествѣ правительства парламентскаго и «массоваго», разойдутся. Если парламентъ и массы станутъ требовать разнаго и несогласуемаго, — правительство окажется въ конфликтномъ положеніи, передъ необходимостью выбирать между парламентомъ и внепарламентскими силами. Враги правительства спѣшатъ возможную гипотезу выдать за реальную угрозу. Они, сверхъ того, элементы, присущіе всякому государственному строю, силъ приписать нынѣшнему строю во Франціи.

Самый тиранический строй, какъ и самый свободный, самодержавный и самый демократическій, одинаково таятъ въ себѣ возможность столкновенія между властью и подвластными, управляющими и управляемыми. При наличіи не одного, а двухъ и болѣе началъ, коллизія всегда возможна и до конца никогда неустранима. Неизгладимый порокъ всѣхъ конституцій въ томъ вѣдь и состоитъ, что, отвѣчая на всѣ вопросы о порядкѣ управленія, о взаимоотношеніи властей, о подчиненности низшихъ органовъ высшимъ, о правахъ гражданъ и т. д., — ни одна конституція не въ состояніи отвѣтить на первичный и предварительный вопросъ: а чѣмъ и какъ обеспечена несущая сама конституція, устанавливающая правопорядокъ?

Съ конституціи начинается формально — юридическое регулированіе социально — политической дѣйствительности въ государствѣ. Но самая эта дѣйствительность не съ конституціи начинается и въ рамкахъ конституціи полностью никогда не умѣщается. Отсюда расхождение фактовъ и права, писаннаго и неписаннаго; отмираніе устарѣвшаго права и рожденіе новаго изъ фактическихъ состояній и отношеній; отсюда и *coup d'Etat*, и революція.

Формальная законность не является единственнымъ источникомъ дѣйствующаго права. Это давно уже отмѣчено и теоріей, и жизнью. Еллинекъ въ Германіи, Жэзъ, Жени и Г. Гурвичъ во Франціи, Петражицкій и Кокоскинъ въ Россіи давно обнаружили множественность источниковъ права и наличность, рядомъ съ уже организованнымъ правопорядкомъ, права еще неорганизованнаго, складывающагося и

становящагося, «живого», «спонтаннаго» и «свободнаго», подлежащаго еще оформленію.

Политически это наблюдение формулируется — въ терминахъ «соціальной педагогики», — какъ воспитаніе народа въ свободѣ и демократіи путемъ приобщенія его чрезъ само-управленіе къ управленію. Именно въ этомъ и состоитъ существо реформистскаго преобразованія въ отличіе одинаково — и отъ романтики революціи, и отъ консервативно-реакціоннаго легитимизма.

Я позволю себѣ защищать, можетъ быть, и парадоксальный, но, на мой взглядъ, несомнѣнный тезисъ —: правительство Блюма дѣлаетъ сейчасъ «лѣвыми руками» то самое, что собирались дѣлать и что, противъ Блюма того времени, рекомендовали дѣлать, такъ называемые, нео-соціалисты; — ушедшіе изъ партіи Блюма съ клеймомъ «нео-фашистовъ», а нынѣ вошедшіе, въ качествѣ полноправныхъ членовъ, въ составъ Народнаго фронта и его правительства.

Большинство диссидентовъ, правда, оказались лично гораздо болѣе мелкими людьми, чѣмъ можно было предполагать. Этими нисколько не умаляется тотъ фактъ, что большинство ихъ взглядовъ оказалось настолько вѣрными, что и «старо-соціалисты» вынуждены были ихъ осуществлять, очутившись у власти на нѣсколько лѣтъ позднѣе, чѣмъ это рекомендовали «нео-соціалисты».

Не стану сейчасъ возвращаться къ тому, о чемъ я писалъ три года тому назадъ (См. «Нео-большевизмъ и Нео-соціализмъ» въ т. 53 «Совр. Записокъ», особенно стр. 402-407). Скажу коротко: приобщеніе къ власти сейчасъ и немедленно, а не въ неопредѣленномъ будущемъ; ускореніе темповъ въ «бѣгѣ на скорость» (*course de vitesse*) между положительнымъ творчествомъ демократіи и разрушительными процессами коммунизма и фашизма (Блюмъ сейчасъ называетъ это «активностью реформаторской воли»); наконецъ, органическая связанность правительства съ массами — съ трудящимися, съ демократіей, со всей націей, — это были идеи, которыя нео-соціалистамъ приходилось защищать противъ тѣхъ, кого они называли «арханческими соціалистами» во Франціи. Именно это и стало дѣйствительностью съ приходомъ къ власти коалиціоннаго кабинета Блюма.

Въ иронически-скептическомъ этюдѣ, написанномъ въ 28-мъ году, М. А. Алдановъ недоумѣваетъ: «Что дѣлать у власти французскимъ соціалистамъ въ настоящее время? Франція больше отъ золота не ломится. Бюджетъ чудовишно обремененъ вой-

ной, налоги тяжелы, какъ до войны никому не снилось, экономія государственныхъ расходовъ переходить почти въ нищету... Леонъ Блюмъ доказалъ, что онъ не вулгарный карьеристъ и за портфелями не гонится. Что будетъ, если онъ станетъ главой правительства? Будетъ прежде всего, конечно, паника на биржѣ — и естественная, и раздуваемая нарочно... Но будетъ еще и другое. Не имѣя возможности осуществить крутныя и серьезныя реформы, Леонъ Блюмъ можетъ только погубить заслуженную партійную фирму» (См. «Современники», стр. 197 и 199).

Не будемъ говорить о неоправдавшихся прогнозахъ: и паники не было, и крупныя и серьезныя реформы оказались возможны, и морально - политическія акціи «фирмы», конечно, не упали, а поднялись. Но до чего все-таки должно было быть живуче представление о береженіи ризъ и интересовъ «фирмы», чтобы и весьма далекой отъ этихъ интересовъ М. А. Алдановъ считалъ полезнымъ рекомендовать — и для самихъ социалистовъ, и объективно, для Франціи и Европы, — рецептъ воздержанія отъ приобщенія къ государственной практикѣ!

Намъ кажется совершенно неопровержимымъ, что, если бы социалистическая партія Франціи нашла въ себѣ десять лѣтъ тому назадъ рѣшимость отказаться отъ своей позиціи перманентной оппозиціи, — ни ей, ни Франціи не пришлось бы сейчасъ стоять вплотную передъ вопросомъ, какъ предотвратить нарастаніе анти-демократическихъ настроеній въ странѣ?

**

Можно спорить противъ отдѣльныхъ частныхъ, нельзя оспаривать главнаго, — что правительство Блюма, невзирая на сопричастность къ нему коммунистовъ, пытается идти своимъ, третьимъ, не-большевистскимъ и не-фашистскимъ, путемъ, — во многомъ напоминающимъ путь Рузвельта.

Мнѣ, въ частности, съ самаго начала казалось совершенно безнадежной и безмѣрно отягчающей задачу — ставка на подъемъ покупательныхъ силъ населенія, на увеличеніе торговаго и промышленнаго оборота въ странѣ безъ одновременнаго сниженія внутренней цѣнности монетной единицы. Если вторичная девальвация была совершенно неизбежна и очевидна и до прихода къ власти правительства широкихъ социальныхъ реформъ, — съ приходомъ послѣдняго она стала совершенно неминуемой и неотложной.

Отсрочку девальвации можно было объяснять уступкой пра-

вительства натиску коммунистовъ, демагогически обѣщавшихъ и наставлявшихъ на томъ, чтобы у населенія стало больше франковъ и чтобы стоимость каждаго франка оставалась прежней. Теперь обнаружилось, что отсрочка вызывалась и расчетомъ правительства на международное «поравненіе» и стабилизацию денежныхъ единицъ. Общаго соглашенія добиться не удалось. Но имѣть значеніе и частичное «замиреніе» на валютномъ фронтѣ. Во всякомъ случаѣ очевидно, что и правительство съ перваго же дня своего прихода отлично сознавало, что, поставивъ, какъ и администрація Рузвельта, на ростъ покупательной способности массъ, оно не можетъ не пойти рузвельтовской дорогой и въ монетной политикѣ.

Правительству вѣняють его недостаточную активность въ предотвращеніи или противодѣйствіи «оккупанціямъ». Извѣстная доля правды въ этихъ упрекахъ есть, — ея не отрицаетъ и правительство. Но не надо забывать, что волна стачекъ захватила страну еще до прихода къ власти кабинета Блюма. Послѣдствіемъ прихода къ власти социалистовъ явилась не паника, какъ предполагалъ не одинъ М. А. Алдановъ, а чрезмѣрный ростъ активности, стихія стачекъ — и «естественная», и «раздуваемая нарочно», — грозившая параличемъ всѣмъ начинаніямъ правительства.

Напомнимъ нѣсколько фактовъ и цифръ. Годъ тому назадъ число синдицированныхъ во Франціи не достигало и милліона. Изъ нихъ только двѣ трети прошли долгую выучку профессиональнаго движенія въ рядахъ СЖТ. Ко времени майскихъ выборовъ число членовъ Конфедераціи Труда достигло 1.300.000. А послѣ побѣды Народнаго фронта число это стало увеличиваться буквально съ каждымъ днемъ, переваливъ сейчасъ фактическую цифру въ 5 милліоновъ!

Это значитъ, что каждый восьмой французъ, считая и стариковъ и младенцевъ, — членъ синдиката. А если присчитать членовъ семьи, связанныхъ интересами съ синдицированными, то окажется, что почти каждый третій французъ сейчасъ формально подчиненъ Жюо. Легко представить себѣ сколько среди этихъ новичковъ — неопытныхъ, незрѣлыхъ, деклассированныхъ и анархизированныхъ, съ трудомъ подчиняющихся руководству и дисциплинѣ. Ненормально бурный ростъ профессиональной организованности захлестываетъ движеніе, не считающееся съ руководствомъ и принятыми обязательствами по отношенію къ правительству.

Можно по разному отвѣчать на вопросъ, кто — или что —

былъ причиной стачечнаго движенія. Гораздо болѣе важно отвѣтить, — какъ можно было ликвидировать разливъ стачечнаго движенія?

Альберъ Сарро, глава правительства до Блюма, во время обсужденія въ Сенатѣ вопроса о незаконной оккупациі фабрикъ, заводовъ, фермъ и проч., выступилъ 7 іюля съ очень интереснымъ фактическимъ сообщеніемъ, — далеко не всѣми газетами воспроизведеннымъ полностью, — о положеніи, въ которомъ очутилось его правительство при первыхъ «оккупацияхъ».

— «Что должны были мы дѣлать? — спрашивалъ ретроспективно Сарро. Господинъ Блуа (крайній правый монархистъ) говорить: «Дѣйствовать!»—Но слѣдовало ли дѣйствовать, не заботясь о томъ, прольется ли при этомъ кровь, и не будетъ ли это началомъ гражданской войны?.. Я бесѣдовалъ съ патронами, съ директорами заводовъ, которые могли сказать свое слово и которые въ душѣ признавали законность нѣкоторыхъ требованій рабочихъ. Я ихъ спрашивалъ: хотите ли вы, чтобы мы произвели эвакуацію заводовъ силой? Они мнѣ отвѣтили: «Только этого не дѣлайте! Не пускайте въ ходъ вооруженной силы! Не призывайте полиціи, потому что мы рисковали бы кровавымъ столкновеніемъ, и наши заводы, можетъ быть, были бы сожжены или разграблены. Во всякомъ случаѣ пролитая кровь брызнула бы на насъ, и мы не могли бы послѣ этого вернуться на наши заводы. Все, что вы можете сдѣлать, — это помочь намъ въ переговорахъ»...

Такъ говорили патроны и директора, когда ихъ заводы были заняты, и которые теперь «принимаютъ побѣдоносныя позы», — по выраженію Альбера Сарро, того самаго, который на съѣздѣ радикаловъ въ Біаррицѣ возглавлялъ правое крыло радикаловъ.

Теперь, когда правительство Блюма стало прибѣгать къ пожарнымъ шлангамъ для эвакуаціи оккупированныхъ помѣщеній, правительству вмѣняють нѣчто другое — его подчеркнутое нежеланіе примѣнять огнестрѣльное оружіе: «Блюмъ могъ и не стрѣлять, но онъ не долженъ былъ говорить о томъ, что стрѣлять не будетъ: это косвенно подстрекаетъ къ послушанію и оккупациі»...

Можно не соглашаться съ Леономъ Блюмомъ. Можно, въ частности, отвергать несомѣнно присущіе ему элементы «руссоизма» — вѣру въ благостную природу человѣка и переоцѣнку силы убѣждающаго слова и фазума. Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признавать о б ъ е к т и в н ы хъ трудностей положенія, унаслѣдованнаго нынѣшнимъ правительствомъ отъ прежнихъ,

и вытекающего изъ самой коалиціонной структуры правительства.

Я бы формулировалъ такъ: тогда какъ морально-политическій авторитетъ кабинета Блюма и его лично возрастаютъ, объективное положеніе становится для него все труднѣе, и устойчивость понижается.

Всякая коалиція отмѣчена противорѣчіями. И если Блюмъ вынужденъ былъ дѣлать уступки своему правому крылу — въ частности, въ испанскомъ вопросѣ, на нашъ взглядъ, чрезмѣрные и слишкомъ поспѣшныя, — онъ вынужденъ былъ къ уступкамъ и лѣво. Не скрывая ни отъ себя, ни отъ другихъ риска, съ этимъ связаннаго, — необходимо признать, что это рискъ объективный, вытекающій изъ положенія, а никакъ не изъ чьего-либо желанія или нежеланія.

Не приходится сомнѣваться въ готовности правительства противостоять всѣмъ мѣрами возможному «путчу» правыхъ экстремистовъ. Обстоятельства сложились такъ, что лѣвые экстремисты сейчасъ не виѣ демократическаго правительства, а въ немъ, съ социалистами и радикалами. Нѣтъ, однако, никакихъ основаній предполагать, что выступленіе противъ правительства лѣвыхъ экстремистовъ, взрывая Народный фронтъ и его правительство изнутри, — встрѣтитъ со стороны послѣдняго пассивное сопротивленіе и въ томъ случаѣ, если эти лѣвые экстремисты перейдутъ отъ безотвѣтственныхъ словъ къ провокаціоннымъ дѣйствіямъ.

**

«Судьба (Франціи, ея обороноспособность и мощь, съ которыми связана и безопасность Россіи) находится въ рукахъ одного человека. Онъ несмѣняемъ, ибо его нѣтъ замѣнить. Онъ для всѣхъ — для друзей и даже враговъ — единственная преграда, отдѣляющая борьбу партій отъ гражданской войны. Блюмъ, социалистъ и еврей, волею судьбы воплощаетъ сейчасъ національное единство Франціи. Я знаю православныхъ людей, которые молятся за Леона Блюма». — Такъ пишетъ Г. П. Федотовъ въ № 13 «Новой Россіи» А. Ф. Керенскаго.

Я лично не знаю такихъ православныхъ. Зато знаю старорежимныхъ русскихъ офицеровъ и генераловъ, которые благословляютъ имя Блюма за то, что ихъ полу-кагорный трудъ на фабрикахъ и заводахъ теперь сталъ вознаграждаться на двѣтри сотни франковъ больше, чѣмъ прежде.

Я не въ такой мѣрѣ, какъ проф. Федотовъ, убѣжденъ, что

человѣчность въ исторіи человѣчества связана исключительно съ христіанской цивилизаціей. Еще того менѣе я убѣжденъ, что этой человѣчности сохранилось много въ современномъ мірѣ. Я склоненъ думать, что человѣчеству предстоитъ продѣлать еще долгій и тяжелый путь прежде, чѣмъ дойти до человѣчности. Тѣмъ не менѣе и я склоненъ чрезвычайно высоко расцѣнивать и Леона Блюма лично, и его опытъ. И совершенно безотносительно къ тому, насколько долго удастся Блюму удержаться у власти.

Послѣ нашего «внутренняго» опыта, когда въ Россіи «провалились» всѣ опыты и всѣ репутаціи — отъ Колчака съ Врангелемъ до Дана съ Троцкимъ, со всѣми посредствующими и промежуточными, либеральными, демократическими, социалистическими и иными, одинаково очутившимися въ изгнаніи, — можно какъ будто бы уже окончательно и безстрашно отойти отъ «фактопоклоннической» оцѣнки политическихъ дѣятелей и ихъ программы по признаку сохраненія власти въ теченіе большаго или меньшаго срока. Вѣдь если прилагать этотъ признакъ, пришлось бы признать оправданнымъ и опытъ Сталина въ Россіи и опытъ Гитлера въ Германіи. Между тѣмъ тѣ, кто считаютъ оправданнымъ опытъ Сталина, отказываютъ въ такомъ признаніи опыту Гитлера и обратно.

Не будемъ же говорить, что опытъ оправданъ, поскольку онъ существуетъ, и что опытъ Блюма и онъ самъ будутъ осуждены въ тотъ день, когда нынѣшнее правительство прекратитъ свое существованіе капризной волей престарѣлыхъ сенаторовъ или Сталинопоислушныхъ коммунистовъ. Блюму можетъ уйти, но опытъ его останется! Онъ уже вошелъ неустрашимымъ элементомъ въ сознаніе и бытъ современной Франціи!

«Если я говорю: это дѣло потерпѣло крахъ, я не хочу сказать, что отъ его элементовъ — оплачиваемыхъ отпусковъ, коллективнаго договора, увеличенія заработныхъ платъ — не останется ничего. О, нѣтъ! Я только сомнѣваюсь, будетъ ли «рабочій классъ» въ состояніи продолжать, развивать и заставлять приносить плоды опытъ Блюма». — Такъ пишетъ противникъ Леона Блюма и его опыта въ очень нерасположенномъ къ нимъ «Танъ».

На только что закончившемся съѣздѣ «Альянсъ Демократикъ», его лидеръ Фландэнъ, находящійся въ рѣшительной оппозиціи къ правительству Блюма, стремился доказать, что уже предшествующіе кабинеты спроектировали главную массу реформъ Блюма. Единственное, на что въ правѣ претендовать нынѣшнее правительство, это — законъ о 40-часовомъ

недѣльнымъ трудѣ. Но и этотъ законъ — Фландэнъ «далекъ отъ того, чтобы его порицать». Законъ лишь нѣсколько преждевремененъ: «эта реформа выиграла бы, если бы предварительно достигнутъ были хотя бы минимумъ международнаго соглашенія и выравниеніе французскихъ цѣнъ съ цѣнами міровыми».

Можно ли ярче оправдать опытъ Блюма?

И не былъ ли правъ Леонъ Блюмъ, когда въ тотъ же день, когда говорилъ Фландэнъ, съ удовольствіемъ подчеркнул: «Что бы ни говорили и что бы ни случилось, мы создали въ социальныхъ отношеніяхъ Франціи нѣчто такое, что является первымъ этапомъ новаго порядка. Мы измѣнили въ этой странѣ матеріальныя и, можетъ быть еще болѣе глубоко, моральныя условія наемнаго трудящагося». Проведенныя реформы «пріобрѣтать, уже пріобрѣли работниковъ къ чувству новаго достоинства. Этого больше не отмѣнять; это останется нашимъ дѣломъ и нашей заслугой. Что мы сдѣлали для достоинства отдѣльнаго рабочаго, лично для него, мы сдѣлали и для корпоративной организаціи, для профессиональной организаціи, объединяющей сейчасъ милліоны трудящихся и нынѣ впервые юридически признанной».

Это можно оспорить?

Болѣе чѣмъ вѣроятно, конечно, что послѣ Блюма начнется во Франціи реакція, или движеніе вспять или вправо. Но Франція послѣ Блюма будетъ новой Франціей, — не той, какой ся. Но это такъ.

Силы старой Франціи все явственнѣе ощущаютъ, что ставшія закономъ «Матиньонскія соглашенія» и вносимый правительствомъ — по соглашенію съ СЖТ — необычайной важности проектъ о б ѣ з а т е л ь н а г о а р б и т р а ж а — несутъ Франціи глубокое социально-политическое преобразованіе. Они же несутъ и имъ, этимъ отжившимъ силамъ, ограниченіе въ ихъ исконныхъ правахъ и привилегіяхъ.

То самое, что составляетъ социально-политическій смыслъ и значеніе опыта Блюма, питаетъ и угрозы, все болѣе нависающія надъ правительствомъ. Это — «діалектика» жизни, или исторіи, не устранимая ни благопріеміемъ правительства, ни своепріеміемъ — или «заговоромъ» — оппозиціи.

М. В. Вишнякъ.

Тяжба о Россіи

Россія сейчасъ окутана мракомъ. Странно противорѣчивы крикливые голоса монополистовъ слова, которые только и слышны отсюда. Страна молчитъ, и мы даже не знаемъ, есть ли ей что сказать, или двадцатилѣтнее молчаніе убило уже всякую потребность въ словѣ. Что сказала бы Россія, если бы вдругъ кляпъ выпалъ изъ ея рта? Мы наблюдаемъ совершающіеся на поверхности процессы, социальныя сдвиги и соответствующіе имъ переломы въ сознаніи. Но затрагиваютъ ли эти процессы самую глубину народной жизни? Намъ ясенъ, болѣе или менѣе, правящій слой: его новая культура, его пожеланія, его октябрьскій націонализмъ. Мы знаемъ, что этотъ слой вышелъ изъ народа, связанъ съ народомъ болѣе тѣсно, чѣмъ, скажемъ, старое русское дворянство и интеллигенція. Но этого недостаточно, чтобы ставить между нимъ и народомъ знакъ равенства. Мы видимъ ясно, какъ выделяемый народомъ слой знатныхъ людей обособляется отъ народа, строитъ свое благополучіе на страданіяхъ вынесшей его массы. Можемъ ли мы быть увѣрены, что эта масса, страданій которой не удастся никакъ скрыть новымъ властителямъ жизни, раздѣляетъ ихъ оптимизмъ, ихъ волю къ жизни, ихъ упоеніе строительствомъ культуры? Вопросы, на которые мы не можемъ дать отвѣта. А между тѣмъ, отъ рѣшенія ихъ зависитъ правильное пониманіе будущаго Россіи. Обрѣла ли она въ революціи національную цѣльность, крѣпка ли она, выдержитъ ли удары внѣшняго врага, или первый толчекъ обнажитъ внутренніе противорѣчія, разрушитъ непрочное единство и превратитъ ее снова — и на этотъ разъ въ обстановкѣ безконечно болѣе трагической — въ человѣческую пыль?

Россія знаетъ грозящую ей опасность. Правящій слой дѣлаетъ усилія, чтобы встрѣтить войну не только технически, но и морально подготовленнымъ. Въ спѣшномъ порядкѣ куется національное сознаніе, такъ долго разрушавшееся. Возстанавливается частично, кусками, старая русская культура. Дѣлаются попытки примирить массы съ властью разными подачками, поблажками, смягченіемъ рабства. Но и отсюда видно, что

уступки недостаточны, возстановленіе медлительно. Время не терпитъ. Успѣютъ ли перестроиться, примириться, когда пробѣтъ двѣнадцатый часъ?

Въ этой перестройкѣ есть участокъ, самый отсталый и безнадежно запущенный, на которомъ хотѣлось бы остановить вниманіе. Вѣрнѣе, даже не участокъ строительства, а самъ строитель. Каковъ его нравственный обликъ, или, выражаясь по Ключевскому, нравственный капиталъ, съ которымъ онъ стоитъ передъ лицомъ тревожной и запутанной жизни? Этотъ обликъ есть самое неуловимое, ибо самое измѣнчивое въ современной Россіи. Мѣшается пониманію и различіе социальныхъ слоевъ и типовъ, и чередованіе противорѣчивыхъ социальныхъ заказовъ литературѣ, призванной отражать новаго человѣка. Уже очень она, эта литература, изолгалась за долгіе годы потаканья и приспособленья. Конечно, это зеркало, но зеркало совѣсть кривое, и мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ кривизна его обусловлена законами художественнаго преображенія и въ какой мѣрѣ требованіями заказчика. Но мы чувствуемъ, что человѣкъ — это самое важное въ современной Россіи (какъ, впрочемъ, всегда и вездѣ), что въ немъ только ключъ къ пониманію настоящаго и будущаго. Не видимъ его, не знаемъ, но должны знать и видѣть, чтобы не потерять всякое чутье Россіи. Остается ловить даже не тѣни, а какъ бы запахи живой, но въ мракѣ протекающей жизни. Остается гадать, склеивать мозаику изъ случайныхъ фрагментовъ разсыпавшейся картины. Вести съ собой вѣчную тяжбу за Россію, провѣряя себя и себя противорѣча; на каждое «да» искать «нѣтъ». Это честиѣе, чѣмъ догматическое утвержденіе Россіи чаемой, прекрасной мечты, которой, можетъ-быть, не соответствуетъ никакая реальность. Россія намъ не любовница, а законная жена. Вспомнимъ, какъ Садко, въ поэмѣ А. Толстого отнесся къ прелестямъ подводныхъ красавицъ, и выѣстъ съ нимъ сдѣлаемъ свой выборъ — за «рыбую дѣвку», за живую женщину, за Альдону.

1.

Трупнымъ воздухомъ тянетъ сейчасъ изъ Россіи. При желаніи можно найти тѣмъ отраднѣе вещей для утѣшенія и надежды. Но эти струйки тѣнныя сейчасъ заглущаютъ все. Это не значитъ, конечно, что весь воздухъ въ Россіи отравленъ. Но сейчасъ вѣтеръ несетъ именно эту струю, и было бы лицемеріемъ начинать рѣчь съ чего-нибудь другого. Подуло этимъ

вѣтромъ съ Зиновьевскаго процесса, и многіе утѣшаютъ себя тѣмъ, что гниетъ, собственно, коммунистическая партія, а не Россія, что намъ нужно радоваться ея разложению. Политически, можетъ-быть, это и такъ. Но мы собираемся говорить только о моральномъ балансѣ Россіи. А здѣсь дѣло обстоитъ иначе. За двадцать почти лѣтъ революціи партія слишкомъ срослась съ тѣломъ Россіи, слишкомъ обросла попутчиками, активистами, «безпартійными большевиками», чтобы ея разложение не заражало всего, что вокругъ. Это зараженіе началось давно. Имморализмъ присущъ самой душѣ большевизма, зачатого въ холодной, ненавидящей усмѣшкѣ Ленина. Его система — дѣйствовать на подлость, подкупать, развращать, обращать въ слякоть людей, чтобы властвовать надъ ними, дала блестящіе результаты. Но до послѣдняго времени гниль революціи была прикрыта угольками революціоннаго энтузіазма. Все новыя поколѣнія молодыхъ энтузіастовъ сжигали свою жизнь и софійство на кострѣ революціи. Они совершали чудовищныя преступленія, но ихъ жертвенность заставляла прощать многое. Этотъ неподдѣльный энтузіазмъ, а не только декорации московскихъ режиссеровъ обольщали столькожъ чужестранныхъ гостей, даже самыхъ честныхъ, но скудныхъ собственной вѣрой, съ благоговѣніемъ касавшихся земли новой мессіанской религіи. Но вотъ энтузіазмъ умеръ — по крайней мѣрѣ, энтузіазмъ революціи — и иностранцы больше не обманываются. Все чаще возвращаются оттуда разочарованные. И это несмотря на безспорныя достиженія послѣднихъ лѣтъ, на возрастаніе сытости, довольства, вѣншей цивилизации. Режиссерамъ стало трудно добиваться эффектовъ внушенія. Въ «сѣдое утро» пореволюціоннаго похмелья все отчетливѣе выступаетъ та система всеобщаго полицейскаго сыска и провокаціи, которая лежитъ въ основѣ управленія страной. Въ тѣхъ грандіозныхъ и поистинѣ неслыханныхъ въ исторіи формахъ, которыя приняла эта система, она развращаетъ не только аппаратъ власти, но и весь народъ. Какъ велико сейчасъ число людей, которые, вольно или невольно, не носятъ маски, надѣтой на нихъ полицейскимъ режиссеромъ? Не лгутъ, не клеветаютъ, не требуютъ казни для своихъ друзей, не оговариваютъ невинныхъ — или даже самихъ себя. Разныя могутъ быть мѣры и степени. Не всё — немногіе оказываются въ положеніи 16, но лгутъ всё. Вотъ страна, гдѣ сейчасъ никто, ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать правды. До послѣдняго времени меньшинство — революціонная молодежь и активисты — имѣли монополію правды; ихъ оптимизмъ, до извѣстной степени, спасалъ Россію. Те-

перь петля затянута и на ихъ шеѣ. Ложь стала всеобщей повинностью, и въ какихъ извращеніяхъ! Чтобы отвлечь подозрѣнія, чтобы «украсть жизнь у тирана», люди, особенно ненавидящіе его, должны больше другихъ льстить ему и доказывать свою вѣрность реальными поступками. Сейчасъ революціонеръ-антисталинецъ, вѣроятно, долженъ имѣть наилучшія связи въ ГПУ, а чтобы имѣть, онъ долженъ заслужить ихъ. Злѣйшіе враги социализма пролѣзаютъ къ власти, не уставая клясться именемъ Маркса и пролетаріата, для того, чтобы держать въ тюрьмахъ и казнить защитниковъ угнетенныхъ рабочихъ и крестьянъ. Ленинская (или Нечаевская) мораль перестаетъ быть отравой партійнаго отбора; обобщаясь, націонализируясь, она грозитъ стать всенародной. Что будетъ съ націей, которая вотъ уже 20 лѣтъ какъ положила въ основу воспитанія своихъ гражданъ, съ самаго нѣжнаго дѣтства, подражаніе Іудѣ?

Годы идутъ, а удушье застѣнка все сгущается надъ Россіей. Сейчасъ оно болѣе, чѣмъ когда-либо, отравляетъ культурную жизнь. Власть хочетъ сама строить культуру новой Россіи, строить ее по-новому, не по марксистскимъ трафаретамъ. Она, въ сущности, сама не знаетъ, какъ. Но попрежнему командуетъ, раздаетъ директивы, ежечасно противорѣчащія другъ другу. Проводить ихъ теперь обязаны не партійцы, не испытанные марксисты, а работники культуры, для которыхъ ихъ ремесло, ихъ искусство — все. Вчера они были пассивнымъ объектомъ воздѣйствія, сегодня они должны проявлять активность, угадывать вѣлѣнія начальства. Трудно представить себѣ что-либо болѣе отвратительное, чѣмъ собранія квалифицированной интеллигенціи нашихъ дней, — по крайней мѣрѣ, по отчетамъ «Извѣстій». Поэты, ученые, художники наперерывъ выступаютъ съ унижительными покаяніями, съ клеветой и доносами другъ на друга. Клянутся въ вѣрности деспоту и отрекаются отъ идей, которымъ служили всю жизнь. Совсѣмъ недавно на собраніи художниковъ Рудзутакъ — т. е. просто Сталинскій унтеръ — осмѣлился учить Юона, какъ надо рисовать и въ какой манерѣ воспитывать молодыхъ художниковъ. Теперь требуется «соціалистическій реализмъ», и этотъ лозунгъ развязываетъ наглость невѣждъ. Подражая Пушкинскому сапожнику въ роли критика, Рудзутакъ находить, что нарисованная кѣмъ-то лошадь не похожа на живую, — въ лошадахъ онъ, вѣроятно, знаетъ толкъ. И серьезные люди, артисты, старый мастеръ Юонъ не только должны выслушивать эту дичь, но оправдываться, давать обѣщанія исправиться... Можно представить себѣ, какъ задыхались они отъ униженія и безсильной злобы въ своихъ

постеляхъ въ ту ночь. Отъ партін, интеллигенціи, спускаясь ниже, по ступенькамъ соціальной лѣстницы, въ Россіи очень определенной, — на заводахъ, въ деревнѣ мы находимъ ту же атмосферу злобы и предательства. Испортить машину, пырнуть ножомъ выскочку-стахановца, сбивающаго заработокъ, угрюмо проголосовать резолюцію о разстрѣлѣ какихъ-нибудь вредителей, и мечтать о войнѣ, которая покончитъ со всѣми прятѣснителями — вотъ общественная жизнь пролетаріата, все еще, по имени, господина страны. Рабочій вредительствуетъ на фабрикѣ, крестьянинъ въ колхозѣ, не только пассивной забастовкой, но порой, за спиной начальства, уничтожаетъ жагву, чтобы избавить себя отъ лишней барщины. Онъ ведетъ упорную, партизанскую борьбу съ властью — но какимъ оружіемъ! Покорный на собраніяхъ совѣтовъ, онъ убиваетъ выстрѣломъ въ спину председателя или секретаря; чтобы отомстить директору совхоза, онъ не останавливается передъ тѣмъ — мы читали и это — чтобы проломить головы его дѣтямъ. Нечистая, ползучая борьба, гдѣ, сипѣвшия съ удавомъ, человѣкъ самъ принимаетъ въ себя что-то змѣиное. Онъ ненавидитъ власть, но, когда несчастный, въ конецъ замученный бѣглецъ изъ концентраціоннаго лагеря приближается къ границѣ, окрестные крестьяне принимаютъ участіе въ погонѣ, не столько изъ страха отвѣтственности, сколько ради обѣщанной награды — за кулъ муки. Кулъ муки — цѣна крови (30 сребрениковъ). Мучительно хочется знать, сколько ихъ еще въ Россіи — тѣхъ, которые не презьются такой наградой за жизнь человѣка.

2.

Поскорѣе отвернуться отъ этой картины изъ Дантовскаго ада. Есть другія изображенія современной Россіи, болѣе утѣшительныя и нарисованныя свидѣтелями столь же достойными. Это образы здоровья, кипучей жизни, бодрого труда и творчества. Здѣсь въ эмиграціи они хорошо извѣстны. Последніе годы мы на нихъ отдыхаемъ отъ сталинскихъ кошмаровъ. Въ этихъ положительныхъ образахъ трудно лишь выделить моральную сторону, интересующую насъ. Россія, несомнѣнно, позрѣдаетъ матеріально, технически, культурно. Народъ, теперь почти уже грамотный, весь прошедшій черезъ школу, жадно тянется къ просвѣщенію. Онъ выдѣляетъ изъ себя молодую, огромную по численности интеллигенцію, которая не щадя себя, не боясь никакихъ жертвъ, вгрызается въ «границы

науки», идти на заводы, в поля — строить новую Россию, счастливую, богатую, великую. Героическая мечта этого поколения — завоевать воздух, пустыни, полярные льды. Безстрашие русских летчиков и полярных исследователей вызывает изумление во всем мире. Сколько талантов родит русская земля во всех областях творчества: изобретателей, музыкантов, чемпионов. Как хороша русская молодежь в массовых спортивных состязаниях. Какая слаженность, какое единство координированных движений и усилий. Люди, смотревшие русские футбольные команды за границей, отмечали, что сила русской игры не в отдельных достижениях, не в атлетических талантах, а в согласованности и дисциплине. Это ново и поистине удивительно. К русской одаренности мы привыкли. Но знаем также хорошо и русский анархизм, неохоту и нелюбовь к социальной и трудовой дисциплине. Новое поколение преодолело эту распушенность, наследие мягкого русского барства. Конец обломовщины! Впечатлительное здоровье и силы, идущие от русской молодежи, не разбиваются тем, что мы узнаем о ее сексуальной жизни. В этом отношении она не хуже всякой иной молодежи нашего времени. Одно время можно было бояться, что сознательное разрушение семьи и идеала целомудрия со стороны коммунистической партии загубит детей. Мы слышали об ужасающих фактах разврата в школе, и литература отразила юный порок. С этим, по видимому, теперь покончено. Разврат детей оказался напильником революционных лет, подобно хулиганству рабочей молодежи и детской безпризорности. Сейчас нельзя уже обобщать этих мрачных явлений. Безпризорные дети переместились в лагеря смерти. Хулиганство сублимировалось в танцевальный запой. Школы подтянулись и дисциплинировались. Власть поддерживает моногамную семью, борется с абортами, с половой распушенностью. Нет, с этой стороны русскому народу не грозит гибель. Еще не истощены физические резервы расы. Она размножается с поразительной и даже опасной для народного хозяйства быстротой.

На этом физическом здоровье и крепости строится, правда, очень элементарное, но уже нравственное воспитание. Порядок, аккуратность, выполнение долга, уважение к старшим, мораль обязанностей, а не прав — таково содержание нового пореволюционного нравственного кодекса. Нового в нем очень мало. Зато много того, что еще недавно клеймилось как буржуазное, и что является общечеловеческим. В значительной мере реставрировано десятизвоние. Правда, попрежнему с прич-

матомъ соціальнаго, съ принесеніемъ лица въ жертву обществу, но и лицо уже имѣетъ нѣкоторый малый кругъ, пока еще плохо очерченный, своей жизни, своей этики: дружбы, любви, семьи. И тотъ коллективъ, которому призвана служить личность, уже не узкій коллективъ рабочаго класса — или даже партіи, а нація, родины, отечества, которыя объявлены священными. Марксизмъ — правда, не упраздненный, но истолкованный — не отравляетъ въ такой мѣрѣ отроческія души философій матеріализма и классовой ненависти. Ребенокъ и юноша поставлены непосредственно подъ воздѣйствіе благородныхъ традицій русской литературы. Пушкинъ, Толстой — пусть вмѣстѣ съ Горькимъ — становятся воспитателями народа. Никогда еще вліяніе Пушкина въ Россіи не было столь широкимъ. Народъ впервые нашелъ своего поэта. Черезъ него онъ открываетъ собственную свою исторію. Онъ перестаетъ чувствовать себя голымъ зачинателемъ новой жизни. Будущее связывается съ прошлымъ. Въ удушенную раціонализмомъ, технически ориентированную душу вторгаются вліянія и образы иного міра, полнозвучнаго и всечеловѣчнаго, со всѣмъ богатствомъ этическихъ и даже религіозныхъ эмоцій. Этотъ міръ уже не подъ запретомъ. Вѣчное заглядываетъ въ глаза, черезъ прошлое стучится въ настоящее. Совѣтскій звѣрьенышъ становится человѣкомъ.

Эти образы новой Россіи, собранные изъ документовъ, изъ книгъ, съ чужихъ словъ подтверждаются опытно и, такъ сказать, зрительно, когда мы случайно сталкиваемся съ совѣтской молодежью — студентомъ, инженеромъ, ученымъ — пріѣзжающими за границу. Грубоватые, внѣшне малокультурные, они почти всегда производятъ симпатичное впечатлѣніе. Отъ нихъ вѣетъ здоровьемъ и силой, и притомъ не злой, а сдержанной, скорѣе скромной, хотя и увѣренной въ себѣ силой. Развѣ такіе бываютъ глаза у провокаторовъ и убійцъ? Когда мы глядимъ на нихъ, намъ не страшно за Россію. Мы готовы вѣрить въ ея будущее.

3.

Какъ примирить непримиримое? Какъ согласовать эти два портрета совѣтской Россіи, которые оба зарисованы множествомъ надежныхъ свидѣтелей? Простѣйшій выходъ изъ апоріи — принять одинъ и отвергнуть другой. Для большинства изъ насъ вопросъ рѣшается не изслѣдованіемъ, а вѣрой. Изначаль-

ное «да» или «нѣтъ» современной Россіи создаетъ въ насъ могушественную апперцепцію, которая перемалываетъ впечатлѣнія жизни. Къ сожалѣнію, это правило относится, почти безъ исключенія, къ молодежи, которая ради немедленнаго дѣйствія избавляетъ себя отъ труда мысли. Здѣсь вопросъ ставится такъ: съ Солоневичами или съ возвращенцами? Между этими слѣпыми, или ослѣпленными, флангами, эмиграція все болѣе раскалывается пополамъ.

Каковъ же выходъ для зрячихъ? Для тѣхъ, кто не хочетъ брести въ потемкахъ? Нужно изошрять критическое воспріятіе жизни. Нужно учиться интерпретировать источники. Исследователь современной Россіи поневолѣ становится историкомъ. Да и на самомъ дѣлѣ, она труднѣе поддается пониманію, чѣмъ многія древнія, канувшія в Лету культуры.

Было бы слишкомъ легко отдѣлаться отъ проблемы, укрывшись за необозримую сложность жизни. Въ Россіи есть все (какъ и въ любой странѣ). Цѣльнаго образа построить нельзя. Можно лишь копить факты и наблюденія. Такой эклектизмъ не пригоденъ даже для исторіи, чѣмъ же онъ можетъ помочь въ лабиринтъ жизненныхъ противорѣчій? Мы хотимъ найти ориентировочныя вѣхи въ хаосѣ явленій, отмѣтить существенное, усмотрѣть общіе контуры и направление событий...

Попробуемъ намѣтить нѣкоторыя изъ этихъ возможныхъ вѣхъ. Начнемъ съ внѣшняго, — такъ сказать, территориальнаго. Быть Солоневичей (или Чернавиныхъ) зарисованъ въ лагерномъ лагерь. Героическій бытъ имѣетъ своей территоріей вузы, студіи, учебныя мастерскія молодежи. Въ концлагеряхъ, по грубымъ подсчетамъ, томится (или томилось) до 3 милліоновъ человѣкъ. Можетъ-быть, столько же бодро и весело думаютъ строить новую жизнь. Одни начинаютъ свою карьеру, другіе, по незадачливости или случайности, ее окончили, — сброшены съ быстро мчащагося поѣзда. Тѣ, что въ вагонѣ, не обращаютъ вниманія на исчезающихъ спутниковъ. Они слишкомъ заняты разглядываніемъ волнующихъ новизною пейзажей. Завтра, можетъ-быть, придетъ и ихъ чередъ. Но сегодня они веселые путешественники, строители и патріоты социалистической родины.

Быть лагерей и вузовъ понять нетрудно. Но 6 милліоновъ еще не Россія. Съ кѣмъ же страна: со строителями или съ мучениками? Вотъ на что нелегко дать отвѣтъ.

Конечно, Солоневичъ правъ, когда говоритъ, что въ концлагерь онъ видѣлъ въ сгушенномъ видѣ то же, что происходитъ во всей Россіи. Колхозъ и фабрика тоже мѣста прину-

дительнаго, крѣпостнаго труда. ГПУ, которому принадлежатъ лагеря, хозяйничаетъ и надъ всей страной. Повсюду мучаютъ людей, разстрѣливаютъ безъ суда... Но, вѣдь, такъ же повсюду, а не только въ вузахъ, люди учатся и работаютъ съ увлеченіемъ, строятъ, а не только халтурятъ, и даже веселятся. Люди сживаются со всѣмъ: съ нищетой, съ недоѣданіемъ, даже съ перспективой насильственной смерти. Вузъ и концлагерь только фокусы, только центры лученспусканій, откуда снопы бѣлыхъ и черныхъ лучей прорѣзаютъ всю Россію. Лучи скрещиваются, переплетаются, картина ни бѣлая, ни черная, а очень пестрая...

Попробуемъ итти дальше и спросимъ себя, гдѣ, въ какой средѣ, преобладаютъ концлагерные и гдѣ вузовскіе цвѣта. Во всѣхъ профессіяхъ есть удачники, талантливые и сильные люди, которые овладѣли нелегкимъ искусствомъ приспособляться къ настроеніямъ власти. Они искренне любятъ свое дѣло и легко соединяютъ личную карьеру съ заботой о благѣ страны. Такихъ людей, вѣроятно, много въ арміи, въ авіаціи, среди инженеровъ, ученыхъ, художниковъ. Вузовскій типъ расширяется, охватывая — конечно, не всю, — но значительную часть совѣтской интеллигенціи. Режимъ каторги внѣ лагерей всего полнѣе осуществляется для трудящейся бѣдноты деревни и города. Колхозники и чернорабочій всего болѣе придавлены государствомъ рабочихъ и крестьянъ и всего болѣе деморализованы имъ.

Не забудемъ осложняющихъ поправокъ. И въ колхозахъ и на заводѣ, какъ и въ концлагерѣ, есть своя аристократія, свои удачники: стахановцы, ударники, активисты. Строить карьеру можно начиная съ самыхъ низшихъ ступеней. Стахановцамъ должны быть присущи социальный оптимизмъ и веселая мораль господъ. Съ другой стороны, повсюду такъ легко оступиться и упасть. Сколько людей, въ разгаръ головокружительной карьеры, останавливаются въ холодномъ поту, чувствуя, что незримая рука приближается къ горлу. Не сегодня — завтра познать «съ нещамми».

Можно было бы сказать, пожалуй, что вузъ и каторга въ Россіи пріобрѣтаютъ значеніе классовыхъ дифференціацій. Господа жизни, вновь созданные революціей, съ одной стороны, — а съ другой порабощенные массы. Тогда свѣтъ и тѣни распредѣлялись бы ярко, какъ въ древнемъ рабовладѣльческому обществѣ. Внизу эргастерій съ прикованными рабами. Наверху триклиній, гдѣ Петроній принимаетъ своихъ утонченныхъ гостей. Или, поближе къ русской дѣйствительности, крѣпостная дѣвичья

и гостиная 40-х годовъ. Но эти параллели грѣшатъ двумя неточностями: во-первыхъ, въ современной Россіи культурный уровень разныхъ классовъ несравненно однороднѣе, чѣмъ въ любомъ историческомъ обществѣ. Во-вторыхъ, классовыя различія еще неустойчивы. Лично завоеванное положеніе легко гибнетъ. Неравенство — и притомъ вопіющее — не приобрѣло стабилизирующаго характера. Бѣдность еще не унижительно, и богатство не даетъ правъ на уваженіе.

Возможно ли подойти къ интересующей насъ дифференціи съ количественнымъ критеріемъ? Кого больше: счастливыхъ или угнетенныхъ? У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для отвѣта, кромѣ самыхъ апріорныхъ. Несчастливыхъ всегда больше, чѣмъ счастливыхъ, аристократія, отборъ — по самому понятію — есть меньшинство. Однако, это меньшинство можетъ быть весьма значительнымъ, а главное, при его активности и повышенной культурности, именно оно представляетъ современную Россію и опредѣляетъ ея судьбу. Такъ, конечно, и въ прошломъ, не крѣпостная необозримая масса, а тонкій слой дворянства и интеллигенціи творили исторію Россіи. Однако, до какой-то черты. До 1917 года.

Не забудемъ и «болого» — обывателя, Зошенковского героя, — того, который не организуетъ, не душитъ, но и не чувствуетъ себя на каторгѣ; изворачивается въ нелегкой борьбѣ за жизнь и хочетъ кое-какъ скрасить свое существованіе. Такихъ, вѣроятно, большинство. Соціалистическому обществу не удалось избѣжать своего мѣшанства. Оно выполняетъ даже положительную морально-санитарную роль. Не участвуя въ гражданской войнѣ и лишь пассивно въ безчеловѣчномъ строительствѣ, эта вялая, рыхлая масса смягчаетъ, какъ подушка, жестокость сильныхъ и ненависть слабыхъ. Здѣсь находятъ свое послѣднее убѣжище жалость. Это бытовая безкостная масса связана, одной стороною, съ господами, другою, — съ рабами. Безъ нея общество — всякое общество — раскололось бы на враждующіе классы. Схематическія изображенія современной Россіи слишкомъ часто забываютъ о значеніи этой аморфной, нейтральной среды.

4.

До сихъ поръ мы пытались, ошупью, установить, если не классовое, то психологически-бытовое разслоеніе Россіи. Не забыли ли мы по дорогѣ о нашей темѣ — о морали? Развѣ сим-

волическія категоріи вуза и концлагеря покрываютъ нравственныя категоріи добра и зла? Конечно, нѣтъ, и здѣсь то и начинается самая болѣзненная часть изслѣдованія.

Въ нашей условной классификаціи «концлагерь» включаетъ въ себя и палачей и жертвъ. Намъ трудно, невыносимо покрыть одной моральной категоріей чекиста и терзаемую имъ жертву. Къ тому же русская интеллигенція всегда была склонна идеализировать добродѣтели угнетенныхъ. Но мы знаемъ — знали всегда, и современная Россія даетъ намъ новый, ужасныя подтвержденія тому — что рабство развращаетъ. Есть степень насилія, которая, при отсутствіи героическаго или святого сопротивленія, уничтожаетъ личность человѣка, превращаетъ его въ лохмотья, лоскують человѣка. Конечно, совершенно разный стиль гнусности — палача и жертвы. Пусть безмѣрно болѣе тяжка отвѣтственность перваго, но Иуда-то получается изъ жертвы. А также тотъ низкій мститель, который убиваетъ дѣтей за грѣхи отца... Вотъ почему въ нашихъ надеждахъ на моральное возрожденіе Россіи не будемъ рассчитывать на миллионы сталинскихъ рабовъ. Поскольку мученичество ихъ не вольное и не просвѣтленное; поскольку у нихъ, или у большинства ихъ, нѣтъ Бога въ сердцѣ и христіанской силы прощенія — ихъ страданія искажаютъ и губятъ въ нихъ все человѣческое и оставляютъ грядущей Россіи тяжелое наследіе цинизма и злобы. Поскольку... Но къ этому мы вернемся.

Обращаемся къ верхнему, чистому этажу русской жизни. Въ немъ-то такъ ли ужъ все чисто? И прежде всего, такъ ли однороденъ этотъ слой, который мы окрестили «вузовскимъ». Вѣдь, изъ предыдущихъ схемъ нашихъ ясно, что онъ включаетъ не только энтузіастовъ-юношей, но и преуспѣвающихъ карьеристовъ, суровыхъ господъ жизни... слѣдовательно, и палачей? Безъ палачей не обойтись и въ красномъ, чистомъ углу Россіи. Вообще, чтобы что-нибудь понять въ ней и что-нибудь простить ей, надо разъ навсегда отказаться отъ требованій полной чистоты. Но съ этой оговоркой, не насильственно ли, не произвольно ли мы объединяемъ въ понятіе единого слоя юношу-студента и маститаго героя гражданской войны, перемѣнившаго дожину спеціальностей — прошедшаго, весьма возможно, и черезъ Че-Ка, чтобы кончить свою жизнь краскомомъ, директоромъ завода и даже директоромъ Вуза? Нѣтъ, не произвольно, ибо онъ самъ, этотъ юноша, не отгораживается отъ господъ жизни, онъ живетъ съ ними общей жизнью, вдохновляется примѣромъ ихъ подвиговъ, ставя ихъ себѣ въ образецъ. Но и какъ изолировать себя отъ ихъ общества, когда они по-

всюду занимають первыя мѣста? Знаетъ ли юноша, сколько крови на рукѣ знатнаго товарища, которую онъ пожимаетъ. Знаетъ, конечно, но это его не смущаетъ. Знаетъ ли онъ о милліонахъ; томлящихся безъ всякой вины въ концлагеряхъ? Знаетъ, — весьма возможно, не одобряетъ, но не очень разстраивается. Вѣрнѣе, кровь и жестокость окружающей жизни не мѣшаютъ ему наслаждаться своей молодостью, сознаніемъ своей силы и радостью «творческаго» (онъ преувеличенно подчеркиваетъ: творческаго) труда. Счастливъ онъ, если ему самому, выросшему не въ годы гражданской войны, не довелось проливать кровь. Но если онъ чуть-чуть постарше, и участвовалъ въ строительствѣ первой пятилѣтки (1930-й годъ!), то безъ крови врядъ ли обошлось. Эта кровь его не мучитъ. Едва ли онъ вспоминаетъ о ней. Совѣтская литература даетъ намъ множество примѣровъ того, съ какою легкостью переступаетъ современный человѣкъ черезъ кровь. Не будемъ торопиться причислять его къ чекистамъ. У него такой честный и открытый видъ. Онъ вовсе не жестокъ, и полонъ самыхъ благихъ намѣреній: по отношенію къ родинѣ, народу, своему призванію. Не жестокъ, но, конечно, жестоко — въ Россіи это высшая похвала. Его можно, не обижая его, назвать толстокожимъ. У него мозоли не только на рукахъ, но и на сердцѣ. Да и какъ иначе онъ могъ бы выжить и уцѣлѣть въ это жестокое время, родиться въ которомъ онъ считаетъ величайшимъ счастьемъ. Съ точки зрѣнія вѣчной христіанской и старой русской морали, у него почти нѣтъ того, что называется совѣстью. Вѣрнѣе, она у него весьма рудиментарна. Признаемъ это безбоязненно, и пусть это не мѣшаетъ намъ любоваться его мужествомъ, его жизнерадостностью, его жертвенностью.

Содержаніе вѣлній совѣсти — или ея требовательность — такъ часто мѣнялись во времени. Въ средневѣковье — въ самая христіанскія столѣтія нашей культуры — жизнь человѣка цѣнилась очень дешево. Отправляясь въ дорогу, каждый бралъ съ собою мечъ или ножъ, чтобы обороняться отъ лихихъ людей. За такое, почти невольное, бытовое убійство совѣсть не упрекала... Не упрекаетъ она и въ наше время офицера и солдата, «исполняющихъ свой долгъ» на войнѣ. Или, вѣрнѣе, рѣло упрекаетъ. Скажутъ, одно дѣло война, другое — революція. Не будемъ наивничать. Мы сами живемъ здѣсь, среди изгнанниковъ, въ большинствѣ участниковъ гражданской войны. Чувствуютъ ли они угрызения совѣсти за пролитую русскую кровь? Такъ вотъ, юноши въ Россіи смотрятъ точно такъ же на кровь «бѣлогвардейцевъ» или «контръ-революціонеровъ»,

какъ здѣсь смотреть на кровь большевиковъ. Она не отягощаетъ совѣсти.

И здѣсь и тамъ, да и не только у насъ, русскихъ, — у всего послѣвоеннаго міра совѣсть не та, что была въ блаженные годы начала вѣка. И нашихъ современниковъ — не зрителей, а участниковъ исторіи — справедливо мѣрить мѣркою не XX-го, а, скажемъ, XVII-го вѣка. Тогда и юный строитель совѣтской Россіи перестанетъ намъ казаться нравственнымъ чудовищемъ, и мы поймемъ, какъ онъ можетъ имѣть такіе невинные, спокойные глаза.

Поймемъ и простимъ — ему, но не строю, который дѣлаетъ безчеловѣчіе (въ Россіи, какъ и въ Германіи) закономъ жизни. Пожалуй, труднѣе простить другое: ту неизбежную и повседневную ложь, которая кажется намъ несовмѣстимою съ мужествомъ и героизмомъ. Но и здѣсь, проклиная строй, покоящийся на основной лжи, постараемся вдуматься въ психологию социально-неизбѣжной лжи.

Каждое общество существуетъ на извѣстномъ цементѣ социальной лжи, называть ли ее условностью, приличіемъ или лицемеріемъ (*canon*). Въ старой монархіи лгать была неизбежной формой обхожденія при дворѣ. Ломоносовъ, Державинъ не были подданными, когда писали свои хвалебныя оды. Благородные люди употребляли формулы (въ Московской Руси, напримѣръ), которыя намъ кажутся несовмѣстимыми съ человѣческимъ достоинствомъ, какими, можетъ быть, потомкамъ покажутся и наши формы вѣжливости. Культъ вождей въ современной диктатурѣ гиусенъ, но для участниковъ его онъ не отличается отъ монархической вѣрнопопданности. Въ Англіи республиканцы по убѣжденіямъ участвуютъ на каждомъ шагѣ въ монархическихъ манифестаціяхъ, а люди, не очень твердые въ вѣрѣ, подписываютъ 39 статей англиканской церкви. Въ Россіи съ такой же легкостью голосуютъ в сѣ предлагаемыя резолюціи, не смущаясь содержаніемъ. Открытый протестъ невозможенъ и, вѣроятно, кажется лонъ-кихотскимъ, пессоціальнымъ поступкомъ. Но и въ Россіи — мы знаемъ это — проводятъ различіе между добрымъ товарищемъ и подлецомъ. Есть подхалимство, котораго не прощаютъ. Есть предательство, которое исключаетъ негодая изъ личнаго дружескаго общенія. Понятія добра и зла существуютъ, хотя и сдвинуты сравнительно съ христіанскою моралію. Дѣлать карьеру интригой и пронырствомъ, подставлять ножку направо и налѣво соперникамъ, выслуживаться, пуская пыль въ глаза, особенно промышлять доносами, конечно; и въ Россіи мерзко, отвратительно, хотя обезпечиваетъ нерѣз-

ко (какъ въ доброе старое время Молчалинымъ) легкій, если и не очень прочный, успѣхъ. Честные работники, образующіе совѣтскій активъ, живутъ въ одной средѣ съ проходимцами и провокаторами. Они ими облѣплены весьма густо. Режимъ диктатуры, особенно на ея идеологическомъ ущербѣ, чрезвычайно благопріятенъ для культуры подлости. Но грани между честнымъ и подлымъ активомъ, слава Богу, не стерлись. Подлецы, время отъ времени, разоблачаются, — конечно, не всѣ. Самые ловкіе пролѣзаютъ наверхъ, къ подножію трона. Есть слои, или прослойки, по самой злосчастной природѣ ихъ наиболѣе обезоруженные передъ спросомъ на халтуру и подлость. Увы, къ такимъ принадлежитъ профессія литераторовъ, которая невольно заслоняетъ для насъ всю остальную интеллигенцію въ Россіи. Но можно быть увѣреннымъ: тамъ, въ Россіи, видятъ границы, которыхъ не смѣетъ переступить человѣкъ, имѣющій право на уваженіе. И, какъ бы ни отличались ихъ границы отъ границъ старой или христіанской морали, и мы не можемъ отказать въ уваженіи тѣмъ, кто, живя среди необыкновенныхъ соблазновъ, соблюдаетъ скромный, неписанный, но принятый для себя законъ.

5.

И это все? Все, что мы имѣемъ сказать въ защиту Россіи? Этимъ слоемъ толстокожихъ оптимистовъ и строителей исчерпывается все лучшее, чѣмъ жива Россія? Признаюсь, при всемъ уваженіи къ этой породѣ, мнѣ безконечно больно за Россію, когда я поддаюсь малодушію видѣть въ нихъ ея подлинную элиту. Эти сѣрые герои, безъ Бога и безъ жалости къ человѣку, съ большимъ вкусомъ къ жизни и труду — какъ много въ нихъ общаго съ молодежью Запада и Америки и какъ мало — со старой и древней Россіей, у которой не было ни одного изъ ихъ достоинствъ, но зато сколько имъ непонятнаго духовнаго благородства. Ловишь себя на сомнѣніи: да полно, Россія ли это? Одинъ ли языкъ русскій и территория составляютъ духовное лицо Россіи? Вѣдь, тогда, пожалуй, и обитатели Элладскаго королевства тоже граждане древней, вѣчной Греціи.

Отъ чекистовъ и рабовъ, отъ строителей и мѣшанъ хочется вглубь ночи, окутывающей Россію. Есть еще одна категория людей, которыхъ мы не опросили въ нашей анкетѣ, и которые не могли бы дать намъ никакого отвѣта. Ибо это категория молчащихъ. Въ нихъ то и таится сейчасъ послѣдняя на-

дежда Россіи. Говоря о молчащихъ, надо пояснить, кого, какую категорию молчальниковъ мы имѣемъ въ виду. Ибо молчать, какъ мы сказали вначалѣ, вся страна, за исключеніемъ строителей и подхалимовъ. Но у молчанія есть разная глубина, разная значительность. Я бы сказалъ, у молчанія есть разный языкъ. Объ одномъ молчаніи мы знаемъ, что за нимъ скрывается предпринять послѣднее, необыкновенно трудное «путешествіе». Мы знаемъ, что такое молчаніе ненависти или скуки. И тѣмъ и другимъ — а это, можетъ-быть, огромное большинство въ Россіи, — въ сущности, нечего сказать. Однимъ нужны нѣкоторые эффектные жесты — размозжить голову, напримѣръ, — другимъ нужны нѣкоторые полезныя вещи — жилплощадь и кровати съ пищечками. Да, въ сущности, эти категоріи молчащихъ находятъ своихъ адвокатовъ и бытописателей. Одна въ Солоневичахъ, другая въ Зощенко. Но есть молчаніе, значеніе котораго для насъ невѣдомо. Мы знаемъ только, что оно существуетъ, и что звукъ его (звукъ тишины) на вѣсахъ вѣчнаго бытія Россіи перевѣшиваетъ весь громъ оркестра одной шестой.

Гдѣ можно подслушать это молчаніе? Начну съ простѣйшихъ примѣровъ. Когда мы съ негодованіемъ просматриваемъ списки подписей подъ очереднымъ іудинимъ письмомъ, всегда ли мы обращаемъ вниманіе на то, чьихъ подписей здѣсь не достаётъ? Мы поражены, видя пропечатаннымъ позоръ людей, которыхъ привыкла любить и уважать «вся Россія». Поражены, и больше не хотимъ ничего знать. Ну, а тѣ, кто не подписались, кто промолчали? Такъ ли ихъ ужъ мало? И что означаетъ ихъ молчаніе? Оно означаетъ, если не прямую опасность для жизни и свободы, то, во всякомъ случаѣ, для карьеры. Не подписавшійся человѣкъ не можетъ рассчитывать на ответственныя мѣста; на водительство въ той настоящей стройкѣ, въ которой ему, совершенно безкорыстно, навѣрное, хочется принять участіе. Не подписавшійся вычеркиваетъ себя изъ списка активныхъ, уходитъ въ полу-подполье, жертвуетъ драгоценными годами быстро утекающей жизни, которую онъ могъ бы отлагать цѣликомъ любимому дѣлу, Россіи. Онъ, можетъ-быть, губитъ свое призваніе, свою жизнь, чтобы не совершить этого іудина жеста. А мы не замѣчаемъ, сколько самоотверженія погребено въ пустомъ мѣстѣ, между столбцами газетнаго листа. На каждое изъ именъ популярныхъ строителей новой культуры можно назвать не одно имя, намъ извѣстное, человѣка, который могъ бы быть въ первыхъ рядахъ, а кончаетъ свою жизнь въ потемкахъ библіотеки или въ канцеляріи совѣтскаго учрежде-

нія. Мы знаемъ философовъ, ученыхъ, которые не пишутъ книгъ, талантливыхъ писателей, которые вдругъ умолкли. Преклонимся передъ жертвой, которая скрывается за ихъ молчаніемъ и не будемъ интерпретировать его въ духъ культурной контръ-революціи.

Среди благородныхъ молчалиниковъ есть, конечно, немало людей старыхъ традицій, которые органически не смогли принять новую жизнь и замкнулись въ кругу воспоминаній. Это доживающіе себя. Ихъ значеніе исчерпывается поддержаніемъ внѣшняго культурнаго преемства между поколѣніями, что само по себѣ тоже не маловажно. Но мы знаемъ среди людей этого круга и такихъ, для которыхъ опытъ грозovýchъ лѣтъ не прошелъ даромъ. Онъ очистилъ и высвѣтилъ ихъ культурное и творческое себялюбіе, открылъ имъ источники неподозрѣваемой раньше духовности. Они все простили и ничего не хотятъ для себя. Имъ не жаль даже стараго и они живутъ, поскольку въ нихъ сохранилась искра социальнаго служенія, лишь вѣрой въ воскресеніе Россіи. Качество новой, открывшейся имъ духовности намъ не ясно, — оно, вѣроятно, различно у разныхъ людей, но будемъ увѣрены, что подъ чудовишнымъ прессомъ революціи эта сдержанная, недоступная слову духовность нагнетается од давленія, о которомъ мы, говорящіе и болтающіе, не имѣемъ понятія.

Одни ли старики молчать въ Россіи? Среди онѣмѣвшихъ писателей есть люди совсѣмъ молодые, иной традиціи, люди Октября, для которыхъ пришла пора задуматься надъ смысломъ жизни. Чудомъ дошедшія до насъ «письма оттуда» рисуютъ очень молодую культурную среду, которая живетъ вѣчными вопросами духа. Можетъ-быть, это и не молчалиники въ полномъ смыслѣ слова. Можетъ-быть, эти юноши, каждый въ своей специальності, математикъ или теорін искусства, пишутъ книги, какъ-то выражаютъ себя. Но не до конца. Или говорятъ за четырьмя стѣнами, въ тѣсномъ кругу друзей. Чѣмъ дальше идутъ годы съ ихъ охлажденіемъ революціоннаго и вообще социальнаго энтузіазма, тѣмъ больше число молодыхъ и на всѣ 100% совѣтскихъ людей, которые ставятъ себѣ вѣчные и такіе русскіе вопросы: зачѣмъ жить? что дѣлать? Эти вопросы, можетъ-быть, измучаютъ юношу, у котораго такъ мало силъ и средствъ для отвѣта, доведутъ его до самоубійства. Но они свѣдѣтельствуютъ о проснувшейся совѣсти. Да и отвѣты кому-нибудь да откроются. Не свойственъ русскому человѣку скептицизмъ. Самое замѣчательное то, что эти вопросы, въ робкой и часто рабѣей маскировкѣ, просачиваются въ литературу.

Иначе быть не может. Не может вся литература великаго народа исчерпываться поверхностнымъ социальнымъ заказомъ. Нужно обладать тонкимъ слухомъ и свободой отъ предвзятыхъ идей («паразитовъ»), чтобы подслушать по этому радио голосъ молчащей Россіи. Съ большой чуткостью и изощреннымъ литературнымъ слухомъ у насъ несутъ эту службу Г. В. Адамовичъ: радиотелеграфистъ, который ловитъ въ океанѣ голосъ Россіи.

Есть среди молчаликовъ одна категорія, самая многочисленная и лучше другихъ извѣстная: это люди вѣрующіе, «церковники», которые и платили и платятъ за исповѣданіе (тоже въ сущности, молчаливое) своей вѣры годами, десятилѣтіями тюрьмы, ссылки, каторги. Признаніе ихъ извѣстнаго социального значенія слѣдуетъ видѣть въ самомъ фактѣ сохраненія властью остатковъ культа. Но не будемъ преувеличивать вѣншнее, социальное значеніе этого факта. Наблюдатели Россіи послѣднихъ лѣтъ — большинство иностранцевъ и русскихъ бѣженцевъ отсюда — игнорируютъ религіозную жизнь. Очевидно, она настолько сжалась, стала удѣломъ такого меньшинства, и притомъ молчащаго, что поверхностный наблюдатель проходитъ мимо, не замѣчая самаго явленія. Да и какъ увидѣть духовную жизнь, не находящую выраженія въ словѣ, ничѣмъ не воплощенную социально. Ибо открытый культъ можетъ быть интерпретированъ по-разному, и чаще всего интерпретируется живучестью бытовыхъ традицій въ старомъ, уходящемъ изъ жизни поколѣніи.

Но мы можемъ быть увѣрены: не бытовые традиціи дѣлаютъ людей мучениками, и даютъ имъ такую силу духа, на каторгѣ и въ тюрьмѣ, о которой изрѣдка доходятъ до насъ скудныя свидѣтельства. Христіанство въ Россіи снова стало той героической вѣрой, какой оно было въ Римской имперіи, въ младенческіе годы Церкви. Сколько вѣковой ветоши должно было сгорѣть въ очистительномъ огнѣ, какъ обновилось и просіяло вѣчное!

Ихъ мало, этихъ избранныхъ, но нельзя повѣрить, чтобы такая вѣра, такое горѣніе не имѣли своего лучеиспусканія. Тамъ, гдѣ горятъ эти потаенные огни, тамъ смягчается злоба, расплавляется скука, по-новому освящается созидательная работа и даже — бывало и это — кое-гдѣ опускаются руки палача.

Та жизнь духа, которая связана съ Церковью, не ограничена никакимъ культурнымъ или классовымъ кругомъ. Въ этомъ ея значеніе — если не для настоящаго — то для буду-

шаго России. И, конечно, центральный вопрос духовного воскресения России в томъ, найдутъ ли утоленіе новые смутные духовные запросы молодой России въ вѣчномъ источникѣ, представшемъ донинѣ духовную жизнь народа.

Здѣсь, въ эмиграціи, въ нашихъ расчетахъ на русское національное возрожденіе, мы дѣлаемъ ставку на одинъ изъ двухъ полюсовъ русскаго общества: на рабовъ или на строителей. Первая ставка — на ненависть и разрушеніе, вторая — на примиреніе и созидательный трудъ. Этотъ выборъ, который политически неизбеженъ, дѣлаетъ вся эмиграція. Она лежитъ, психологически и морально, въ основѣ нашего раздѣленія на пораженцевъ и оборонцевъ, которое уже начинаетъ поглощать всѣ наши политическія группировки. По мѣрѣ того, какъ призракъ войны изъ темныхъ предчувствій вступаетъ въ ясный свѣтъ историческаго дня, выборъ становится все неизбежнѣе. Родина зоветъ. И выборъ простой и ясный. Политику не на кого больше ставить, какъ на одинъ изъ двухъ основныхъ типовъ русской жизни. Но когда мы углубляемся мыслью въ будущее, и отъ завтрашняго дня переходимъ ко дню послѣзавтрашнему, когда гадаемъ о духовномъ обликѣ Россіи, тогда вспомнимъ о третьемъ: о безсильныхъ нынѣ и скрывающихся по «пещерамъ и ушелямъ» совѣтской жизни, о тѣхъ, голосъ которыхъ не доходить до насъ, но которыхъ, поистинѣ, не только Россія, но и «весь міръ недостойнъ»; и на нихъ, неизвѣстныхъ, съ полнымъ сознаніемъ риска поставимъ свою ставку: ставку Паскаля, ставку вѣры, — ставку, безъ которой не для кого и не за чѣмъ жить.

Г. Федотовъ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Левъ Шестовъ и Киркегаардъ

Книга Л. Шестова о Киркегаардѣ*), прекрасно переведенная на французскій языкъ, — быть можетъ лучшая изъ его книгъ. Она написана блестяще, какъ и большая часть книгъ этого автора. Въ ней основана мысль его выражена наиболее концентрировано и съ наибольшей ясностью, если впрочемъ, можно требовать ясности отъ мыслителя, который отрицаетъ мысль и борется противъ познанія. Формальный недостатокъ книги въ утомительно частомъ повтореніи одного и того же, однихъ и тѣхъ же фразъ, выражающихъ повидимому самое важное для автора. Я считаю Л. Шестова очень замѣчательнымъ и оригинальнымъ мыслителемъ и очень цѣню его проблематику, очень сочувствую его борьбѣ противъ власти «общаго» надъ человѣческой жизнью, борьбѣ противъ необходимости, его жаждѣ свободы. Но богата и пространна лишь его отрицательная философія, его положительная философія бѣдна и коротка: она могла бы вмѣститься на полстраницѣ. Иначе и быть не можетъ, — то, чего онъ хочетъ, не мо-

жетъ быть выражено въ мысли и словѣ, это чистая апокатика. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ остается на территории мышленія и разума. Въ книгѣ о Киркегаардѣ я даже нахожу цѣлую космогонію, хотя и кратко выраженную. Это встаки конструкція ума, хотя въ основаніи этой конструкціи лежитъ трагическій опытъ жизни самого Л. Шестова и его любимыхъ героевъ. Какъ и слѣдовало ожидать, по книгѣ Л. Шестова нельзя узнать самого Киркегаарда, узнается лишь авторъ книги. Киркегаардъ лишь прекрасный поводъ для развитія темъ, которая его самого мучитъ и которой онъ посвящаетъ все свое творчество. Многo у Киркегаарда онъ не замѣчаетъ. Но Киркегаардъ ему особенно близокъ, онъ потрясенъ его судьбой и встрѣча съ нимъ для него важное событіе. Л. Шестовъ — экзистенціальный философъ. Но экзистенціальная философія, т. е. философія обращенная къ субъекту, а не къ объекту, не можетъ быть только разсказомъ о пережитыхъ человѣческихъ несчастіяхъ. Пережитая трагедія можетъ быть источникомъ познанія, но сама пережитая трагедія не есть еще философія, философское познаніе есть актъ осмысливанія, совер-

*) Léon Chestov. Kierkegaard et la philosophie existentielle. Librairie J. Vrin. Paris. 1936.

шенный мыслителемъ въ отноше-
ніи къ пережитой трагедіи. Л. Ше-
стовъ отрицаетъ этотъ познава-
тельный актъ, какъ принужденіе
древняго змія. Но по непослѣдо-
вательности онъ его все-таки со-
вершаетъ и это его спасаетъ,
какъ мыслителя. Трудности, кото-
рыя стоятъ передъ Л. Шестовымъ,
когда онъ хочетъ выразить свою
тему, такъ велики, что онъ мог-
ли бы сдѣлать его положеніе,
какъ философа, безнадежнымъ.
Онъ можетъ быть принужденъ
былъ бы умолкнуть. Но все это
сглаживается въ книгахъ Л. Ше-
стова и получается даже иллюзія
ясности. Это объясняется литера-
турнымъ талантомъ Л. Шестова,
ироніей, къ которой онъ постоян-
но прибѣгаетъ въ своемъ изло-
женіи, и своеобразнымъ подкупа-
ющимъ лиризмомъ, необычайной
чувствительностью, сообщающей
его писаніямъ особенную чело-
вѣчность. Только на эмоциональ-
номъ языкѣ понятно то, что онъ
говоритъ, на языкъ же интеллек-
туальный, который впрочемъ Л.
Шестову очень свойственъ, съ
трудомъ переводимъ. Нельзя от-
дѣлаться отъ впечатлѣній, что
Л. Шестовъ прежде всего борется
съ самимъ собой, съ собствен-
нымъ рационализмомъ, собствен-
ными рационалистическими пре-
пятствіями для вѣры. И онъ хо-
четъ убѣдить насъ, что у всѣхъ
тѣ же рационалистическія препят-
ствія, что все находится во вла-
сти змѣннаго разума. Это можетъ
показаться убѣдительнымъ пото-
му, что онъ имѣетъ дѣло почти
исключительно съ философами,
людьми познанія и съ ними бо-
рется, онъ не обращается къ сан-
дѣтелямъ вѣры. Въ сущности ше-
стовская мысль очень деспотич-

на. Деспотичность мысли есть все-
гда результатъ двучленного дѣ-
ленія міра и направленій мысли.
Одинъ членъ этого дѣленія есть
темное царство — греческая фи-
лософія, Сократъ, Аристотель,
Спиноза, Кантъ, Гегель, позна-
ніе, разумъ и мораль, общеобяз-
ательныя истины, необходимость.
Другой членъ дѣленія есть свѣт-
лое царство — Библия, вѣрнѣе
нѣкоторыя слова Библии, Терту-
лианъ, Паскаль, Лютеръ, Ницше,
Достоевскій, Киркегаардъ, вѣра,
неограниченныя возможности «по
ту сторону добра и зла», жизнь,
свобода. Для темнаго царства ра-
зума, морали и познанія въ сущ-
ности спасенія нѣтъ, его нѣтъ по-
чти для всѣхъ философамъ, для
величайшихъ изъ нихъ. Когда я
читалъ послѣднюю книгу Л. Ше-
стова, очень волнующую книгу,
у меня было мучительное впечат-
лѣніе, что она вся построена
условно и что авторъ не убѣж-
денъ въ реальномъ существован-
ніи этого условія. Если есть Богъ,
то существуютъ неограниченныя
возможности, то однажды быв-
шее — оравленіе Сократа, про-
грессивный параличъ у Ницше,
лишеніе невѣсты у Киркегаарда
— можетъ стать небывшимъ. То-
гда возможна побѣда надъ необ-
ходимостью, калѣчащей нашу
жизнь, возможна свободная и рай-
ская жизнь. Но мысль Л. Шесто-
ва носитъ особенно трагическій
характеръ потому, что Богъ, для
котораго все возможно, который
выше всякой необходимости и
всѣхъ общеобязательныхъ истинъ,
остается условной гипотезой. Богъ
постулируется для спасенія отъ
власти разума и морали, подоб-
но тому какъ Кантомъ онъ по-
стулировался для спасенія мора-

ли. Л. Шестовъ силенъ своимъ отрицаніемъ, а не своимъ утвержденіемъ, своей тоской по вѣрѣ, а не своей вѣрой. Книги его скорѣе оставляютъ впечатлѣніе, что послѣднее слово принадлежитъ разуму, общеобязательнымъ истинамъ, морали, необходимости, невозможности освобожденія отъ мученій для Ницше и Киркегаарда.

Главное для Л. Шестова вѣра. Въ этомъ онъ близокъ къ Лютеру. Грѣху противоположна не добродѣтель, а вѣра. Только вѣра можетъ спасти, только вѣра въ Бога, для котораго все возможно, который не связанъ никакой необходимостью, можетъ вернуть юву его быковъ и его дѣтей, Аврааму Исаака, Киркегаарду Регину Олсенъ и пр. Вѣѣ вѣры нѣтъ спасенія отъ власти необходимости. Но какъ возможна вѣра и у кого она есть? Читая Л. Шестова, остается впечатлѣніе, что вѣра невозможна и что ея ни у кого не было, за исключеніемъ одного Авраама, который занесъ ножъ надъ своимъ любимымъ сыномъ Исаакомъ. Л. Шестовъ не вѣритъ, что есть вѣра у такъ называем. «вѣрующихъ». Ея нѣтъ даже у великихъ святыхъ. Вѣѣ никто не динжетъ горами. Вѣра не зависитъ отъ человѣка, она посылается Богомъ. Богъ же никому почти не даетъ вѣры, Онъ не далъ ея Киркегаарду, не далъ ни одному изъ шестовскихъ трагическихъ героев. Единственный путь оказывается закрытымъ. Л. Шестовъ составилъ себѣ максималистическое понятіе о вѣрѣ, при которомъ она дѣлается невозможной и ея ни у кого нѣтъ. На это пожиманіе вѣры не соответствуетъ всѣмъ величайшимъ сви-

дѣтельствамъ о вѣрѣ въ исторіи человѣческаго духа, свидѣтельствамъ Ап. Павла, всѣхъ апостоловъ и святыхъ, пророковъ и релігіозныхъ реформаторовъ. Для Л. Шестова вѣра есть конецъ человѣческой трагедіи, конецъ борьбы, конецъ страданій, наступленіе неограниченныхъ возможностей и райской жизни. Это есть ошибочное пониманіе вѣры и для многихъ оно является предлогомъ, оправдывающимъ невѣріе. Вѣра есть не конецъ, не райская жизнь, а начало труднаго пути, начало героической борьбы, которой Л. Шестовъ не хочетъ. Вѣрующій продолжаетъ нести на себѣ тяжесть міровой необходимости, раздѣляетъ тяжесть невѣрующихъ. Вѣрующій проходитъ черезъ испытанія, сомнѣнія, раздвоенія. Человѣческая природа остается активной, а не пассивной. Л. Шестовъ составилъ себѣ такое пониманіе вѣры потому, что онъ связываетъ райское блаженство съ пассивностью человѣческой природы. Активность человѣческой природы для него есть разумъ, знаніе, мораль. Свобода получается лишь отъ Бога, человѣкъ тутъ ни при чемъ, онъ лишь пользуется и наслаждается свободой, созерцаетъ утреннюю звѣзду, соединяется въ любви съ принцессой. Ничто такъ не отталкиваетъ Л. Шестова, какъ героизмъ. Пассивность человѣческой природы къ отношенію къ Богу есть всегда одна изъ формъ квіетизма. Л. Шестовъ призываетъ къ Библии и откровенію, чтобы освободить человѣка отъ власти Сократа и греческой философіи, власти разума и морали, общеобязательныхъ истинъ. Но изъ Библии беретъ онъ лишь та,

что ему нужно для его темы. Онъ не библейскій человѣкъ, онъ человѣкъ конца XIX и начала XX вѣка. Ницше ему ближе Библия и остается главнымъ влияніемъ его жизни. Онъ дѣлаетъ библейскую транскрипцію ницшевской темы, ницшевской борьбы съ Сократомъ, съ разумомъ и моралью во имя «жизни». Библия для него почти исчерпывается сказаніемъ о грѣхопадении, Авраамомъ и Иовомъ. Онъ какъ будто забываетъ, что главная, центральная фигура библейскаго откровенія не Авраамъ, а тотъ, кто говорилъ лицомъ къ лицу съ Богомъ, — Моисей. Но библейское откровеніе Бога черезъ Моисея, которое составляетъ основу юдаизма и христіанскаго Ветхаго Завета, есть откровеніе закона, десяти заповѣдей. Совершенно ясно, что Моисей Л. Шестову не годится, онъ не его человѣкъ, онъ охотно его помѣститъ въ линію Сократа. А между тѣмъ, что же можетъ быть болѣе библейскаго, чѣмъ Моисей? Авраамъ, занесшій ножъ надъ любимымъ сыномъ, и для Киркегаарда и Л. Шестова еслѣшь литературный образъ, иллюстрирующій ихъ тему о вѣрѣ, какъ сферѣ неограниченныхъ возможностей. Образъ Авраама потрясающій, но въ немъ открылись еще первобытныя вѣрованія объ умилостивленіи Божества человѣческими жертвоприношеніями.

Въ чемъ же основная идея Л. Шестова, если позволительно говорить объ идеяхъ въ примѣненіи къ нему? Эта идея выражена въ послѣдней книгѣ съ большими талантомъ и блескомъ, съ большой силой сосредоточенности. Л. Шестовъ рассказываетъ

свой мнѣе о міротвореніи и грѣхопадении. Это цѣлая сжатая космогонія, Богъ абсолютно свободный, никакими вѣчными истинами не связанный, для котораго все возможно, сотворилъ міръ и человѣка. И все было «добро эда». Бытіе отъ Бога, мировая и человѣческая жизнь отъ Бога прекрасны. Жизнь была райская. Райская жизнь была питаніемъ отъ древа жизни. Но вотъ изъ бездны небытія пришелъ змій и голосъ змія заворожилъ человѣка. Онъ соблазнилъ человѣка плодомъ съ древа познанія добра и зла. Знаніе овладѣваетъ міромъ и рай кончился, начался ужасъ и страданіе. Бездна небытія (néant) черезъ соблазнъ знанія превращается въ необходимость (вѣчныя истины знанія), необходимость превращается въ разумъ и мораль, разумъ и мораль превращаются въ вѣчность. Л. Шестовъ врагъ вѣчности, видитъ въ ней послѣднее превращеніе небытія. Вѣчность отъ міра, а не отъ Бога. Онъ также врагъ духа и мистики. Вѣчность, духъ, мистика, иной міръ все это фиктивные выдумки разума вслѣдствіи потери единственной реальности этой земной жизни, сотворенной Богомъ. Л. Шестовъ врагъ вѣчности потому, что подъ вѣчностью онъ понимаетъ вѣчныя истины разума, вѣчные законы природы, т. е. необходимость. Ну а какъ же быть съ вѣчной жизнью конкретныхъ живыхъ существъ, вѣчной жизнью Иова, Сократа, несчастнаго Ницше и несчастнаго Киркегаарда и самого Л. Шестова? Вражда къ этой вѣчности была бы признаніемъ смерти послѣднимъ словомъ жизни. Но какая же райская жизнь при торжествѣ смерти.

Такъ и съ враждой Л. Шестова къ духу. Онъ понимаетъ подъ духомъ разумъ и порождаемую имъ необходимость. Но подъ духомъ можно понимать свободу, освобождение отъ царства необходимости и это единственное вѣрное пониманіе. Какъ это ни странно, но у Л. Шестова можно открыть очень сильный элементъ манихейства. Для него міръ находится въ безраздѣльной власти змѣи. Міромъ править необходимость, которая есть трансформация небытія, т. е. міромъ править змѣя, править черезъ разумъ съ его непреложной истиной и добромъ. Нигдѣ и ни въ чемъ не видно, чтобы въ мірѣ дѣйствовалъ Богъ. Богъ дѣйствуетъ исключительно черезъ вѣру, но, какъ мы уже видѣли, и вѣры по настоящему ни у кого нѣтъ. Свободы нигдѣ найти нельзя. Высшая точка міровой жизни — мученіе и корчи человѣка, отчаяніе такихъ людей, какъ Киркегаардъ. Никакого пути для Л. Шестова не раскрывается. Всякій путь принадлежитъ царству обыденности. Интересно выкинуть, что разумѣетъ Л. Шестовъ, когда говоритъ о Богѣ. Въ его книгѣ о Киркегаардѣ это почти совершенно выясняется. Богъ есть неограниченныя возможности и эти неограниченныя возможности нужны для исполненія человѣческихъ желаній, для того, чтобы сдѣлать великія несчастья, пережитыя человѣкомъ, небывшими. Богъ есть возвращеніе любимого сына Исаака Аврааму, воловъ и дѣтей Іову, возвращеніе здоровья Ницше, Регины Олсенъ Киркегаарду, Богъ есть то, чтобы бѣдный юноша, мечтавшій о принцессѣ, получилъ принцессу, чтобы подпольный че-

ловѣкъ «пилъ чай» (смѣру не быть или мѣтъ чаю не пить). Но почему Л. Шестовъ такъ увѣренъ, что Богъ абсолютно свободный (свобода Бога почти отождествляется съ произволомъ) хочетъ вернуть Регину Олсенъ Киркегаарду и дать принцессу бѣдному мечтательному юношѣ? А можетъ быть Богъ этого совсѣмъ не хочетъ и предпочитаетъ, чтобы Киркегаардъ лишился невесты, а бѣдный юноша не получилъ принцессы? Въ этомъ случаѣ тщетны надежды Киркегаарда и Л. Шестова на Бога. Въ числѣ неограниченныхъ возможностей Бога входитъ и та возможность, что Богъ не хочетъ, чтобы Киркегаардъ обладалъ Региной Олсенъ, а бѣдный юноша принцессой. Очень возможно, что это не змѣя, не необходимость, не разумъ и знаніе, не Гегель, а Богъ лишилъ Киркегаарда Регины Олсенъ. Я даже позволяю себѣ думать, что можетъ быть это не такъ ужъ плохо. Регина Олсенъ вѣроятно была самой обыкновенной мѣщанкой и при счастливой семейной жизни Киркегаардъ можетъ быть произносить бы добродѣтельныя пасторскія проповѣди и писалъ бы банальныя богословскія книги, но мы не имѣли бы его гениальныхъ твореній и Л. Шестовъ не имѣлъ бы случая написать о немъ прекрасную книгу. «Жизнь», столь плѣняющая врага разума и знанія, духа и вѣчности, совсѣмъ не такая прекрасная вещь. Богъ не есть исполненіе человѣческихъ желаній, Богъ вѣроятно что-то совсѣмъ другое. Да и вопросъ о желаніяхъ сложенъ. Одинъ бѣдный юноша мечталъ о принцессѣ. Объ этомъ Л. Шестовъ тысячу

разъ повторяетъ въ своей книгѣ и на этомъ строитъ свое богопознаніе. Но вотъ есть другой бѣдный юноша. Онъ мечтаетъ о познаніи тайнъ бытія или о научныхъ открытіяхъ тайнъ природы. Оказывается, что Богъ не можетъ удовлетворить желаній этого юноши, ихъ можетъ удовлетворить лишь змій, ибо знаніе отъ змія, а не отъ Бога. Л. Шестовъ не замѣчаетъ, что онъ этимъ страшно ограничиваетъ свободу Бога и его возможности. Все у него основано на идеализации и апосеозѣ жизни, въ этомъ отношеніи онъ въ линіи *Lebensphilosophie*. Клагесь, у котораго нѣтъ значительности шестовской религіозной проблематики, тоже хочетъ исключительно питанія отъ древа жизни и видитъ въ духѣ и разумѣ паразитовъ, высасывающихъ соки жизни. Но жизнь есть все. Почему знаніе не есть жизнь? Знаніе есть тоже часть жизни. оно есть событіе въ бытіи. И юноша, мечтавшій о знаніи, не хуже юноши, мечтавшаго о принцессѣ.

Въ книгѣ о Киркегаардѣ быть можетъ впервые у Л. Шестова есть неприятныя страницы о христіанствѣ. Христіанство попадаетъ въ линію Сократа, стоицизма, идеализма, т. е. въ линію змія, въ линію небытія, превратившагося въ разумъ и мораль, въ вѣчность. Л. Шестову совершенно чужда тайна искупленія, для него искупленіе есть выдумка разума. Онъ забываетъ, что крестъ былъ для іудеевъ соблазнъ, для эллиновъ безуміе. Вопреки Л. Шестову для разума легче всего признать Бога всемогущимъ, для котораго все возможно, и очень трудно признать Бо-

га страдающаго и распятаго. Для Л. Шестова ничего не говоритъ божественная жертва любви, божественное распятіе, ему это кажется ограниченіемъ свободы и всемогущества Бога. Это у него есть наслѣдіе юдаизма. Для Л. Шестова непріемлемо вочеловѣченіе Бога. Богъ сталъ человѣкомъ — ему это кажется приемлемымъ для разума и выдуманымъ разумомъ, въ то время какъ для разума это непостижимая тайна и парадоксъ. Да простить мнѣ борецъ противъ разума, но я здѣсь вижу въ немъ рационалиста. Какъ это ни странно, но Л. Шестовъ видитъ въ религіи, особенно христіанской религіи, «опіумъ для народа», замаскированныя разумъ и мораль, укрѣпляющіе обыденность черезъ обфтованіе выдуманной вѣчности, выдуманнаго духовнаго міра. Остается наиболѣе непонятнымъ, какъ рѣшаетъ Л. Шестовъ вопросъ о смерти, который всегда его безпокоилъ. Является ли конечнымъ существованіе конкретного существа? Отрицаетъ ли Л. Шестовъ лишь вѣчныя истины разума и морали или отрицаетъ также вѣчную жизнь? Это основной вопросъ. Какъ быть съ безконечными стремленіями человѣка? На что можно надѣяться? На то, что Богъ есть неограниченныя возможности. Но вѣдь Киркегаардъ умеръ, не получивъ Регины Олсенъ, Нише умеръ, не излѣчившись отъ ужасной болѣзни и не вкусивъ по настоящему плодовъ отъ древа жизни, Сократъ отравленъ и дальше ничего. Всѣ мы умремъ безъ исполненія нашихъ безконечныхъ желаній, не вкусивъ въ полномъ плодотворѣ древа жизни. Никто въ рай не попадетъ

на этой землѣ, въ этомъ времени. Какой смыслъ имѣютъ шестовскіе призывы къ Богу, которому все возможно, который можетъ избавить Киркегаарда отъ мученій, если Богъ не даетъ воскресенія къ вѣчной жизни? Шестовская борьба противъ разума и этики оказывается столь же безсильной передъ трагической судьбой человѣка, какъ и разумъ и этика. Повторяю, я бываю часто вмѣстѣ съ Л. Шестовымъ въ его проблематику, въ его возстаніи противъ власти «общаго», выдуманнаго разумомъ и этикой, надъ человѣческой судьбой. Но Л. Шестопъ проповѣдуетъ пассивность человѣка. Человѣкъ для него грѣховенъ, но не виновенъ, поэтому безответственъ, поэтому и пассивенъ. Активенъ лишь Богъ, но Богъ ничѣмъ себя не обнаруживаетъ въ мірѣ. Знаніе

въѣдь есть одно изъ проявленій человѣческой активности. Разумъ можетъ быть порабителемъ человѣка, но можетъ быть и слугою человѣка. Не отъ знанія произошло несчастье человѣка и міра, совсѣмъ неправдоподобно, что оно произошло отъ знанія. Знаніе познаетъ необходимость, но не оно создаетъ ее. Необходимость есть порожденіе объективизации. Главный философскій недостатокъ Л. Шестова я вижу въ томъ, что онъ не устанавливаетъ различія въ формахъ и въ ступеняхъ знанія. Онъ также вѣрнѣ въ каеолитность и однородность разума, какъ и его рационалистическіе защитники, въ то время какъ разумъ измѣняющъ, разнокачественъ и отражаетъ качественныя состоянія человѣка и отношенія человѣка къ человѣку.

Николай Бердяевъ.

Проблемы современности

I. ПРОГРЕССЪ И КУЛЬТУРА.

Въ статьѣ С. Штейна «Кризисъ исторической науки»*) дана убійственная и исчерпывающая попытка критики науковѣрческой теории прогресса, какая господствовала въ XIX вѣкѣ. Значитъ-ли это, что вопросъ о прогрессѣ вообще имѣетъ исчерпанъ? «Прогрессъ» — слово имѣющее различныя значенія. Мы говоримъ: «болѣзнь прогрессируетъ» тогда, когда болѣзнь не лучше, а хуже. «Прогрессъ» — буквально значить движеніе впередъ, къ такой-то цѣли. Когда болѣзнь доканала больно-

го, она достигла высшей точки своего развитія, высшей степени «совершенства», осуществила свою «идею». Науковѣры XIX в. вѣрнѣко путало то, что «прогрессируетъ» съ субъектомъ прогресса (или «эволюции») и склонно было считать, что всякое «усовершенствование» въ любой сферѣ жизни служить въ пользу «прогресса» вообще, является признакомъ необходимаго, автоматическаго «движенія исторіи впередъ». Основываясь на этомъ, легко было классифицировать отдѣльныя явленія по признаку ихъ большаго или меньшаго «совершенства» какъ «типы», выразители отдѣльныхъ «стадій прогресса». Отсюда

*) Сокр. Зап. кн. I, XI.

поступать о происхождении и эволюции отдельных родов и видов. Человѣкъ «лучше» обезьяны: **значить**, **человѣкъ** произошёл **отъ** обезьяны. Въ **человѣкъ**, стало быть, обезьяна осуществила свою идею. На самомъ дѣлѣ «идеи» — схемы, строяемыя нами, нашимъ сознаниемъ, что, конечно, — но науковѣрне XIX в. не могло этого понять — не исключаетъ ихъ «реальности». Идея обезьяны — «обезьянность», идея **человѣка** — «человѣчность». Утверждать, что онѣ, эти идеи, происходятъ одна изъ другой, путемъ какой-то ихъ «эволюции», значитъ говорить бессмыслицу. Дарвинистамъ слѣдовало бы доказать, что когда-то существовала какая-то обезьяна, выдумавшая идею **человѣка** и избравшая своимъ идеаломъ — стать **человѣкомъ**.

Если не всякій «прогрессъ» служить проявленіемъ законмѣрной «эволюціи органическаго міра» и стало быть показателемъ «прогресса вообще», и если нельзя говорить объ имманентномъ, необходимомъ, въ концѣ концовъ отъ **человѣка** независимомъ (**человѣкъ**, съ науковѣрческой точки зрѣнія лишь орудіе гипостазированнаго общаго «закона» исторіи, — доказывали-же теоретики историческаго процесса въ XIX в., что великіе люди рождаются какъ разъ тогда, когда это требуется обстоятельствомъ) прогрессъ культуры, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что «прогресса въ исторіи нѣтъ и быть не можетъ». Утверждать послѣднее — значило-бы выворачивать на изнанку науковѣрческую систему догматовъ, оставаясь на почвѣ науковѣрческихъ концепцій и навыковъ мышления.

Прогрессъ **человѣчества**, про-

грессъ культуры! Но что такое культура? Шпенглеръ опредѣлялъ Культуру, противопоставляя ее Цивилизации: культура — творчество, цивилизация — механическая, автоматическая дѣятельность. Въ предѣлѣ культурный **человѣкъ** — творецъ, **деміургъ**, **поэтъ** — въ буквальномъ смыслѣ послѣдняго слова; дивидизованный **человѣкъ** — **роботъ**. Но **роботъ** — **не-человѣкъ**; «**человѣкъ-роботъ**» — фикція, внутренне — противорѣчивое понятие. Шпенглеръ былъ эпигонномъ романтизма. Въ его гениальности была какая-то умственная порочность, состоявшая въ томъ, что, изолируя каждый «моментъ» той или иной идеи, онъ, игнорируя діалектику жизни, развивалъ этотъ «моментъ» съ прямолинейной послѣдовательностью, и доходилъ до абсурдовъ. Творчество какъ-то противостоитъ совместной, основанной на раздѣленіи труда, работѣ. **Значить**, всякая такая работа — «цивилизация», отрицаніе «культуры»; а **значить** — вредоносна и въ той сферѣ, въ которой она совершается. Явная, бьющая въ глаза нелѣпость, нежеланіе считаться съ фактами, съ жизнью. Въ «Гибели Запада» использованы результаты работы ряда поколѣній историковъ — специалистовъ, представителей, слѣдовательно, той «цивилизации», которую такъ презиралъ и ненавидѣлъ Шпенглеръ. Безъ этой работы не могла-бы быть написана его книга, которую самъ онъ очевидно-же считалъ культурной цѣнностью.

Культура и цивилизация не два полюса, а два различныхъ умственныхъ плана. Шпенглеръ не понималъ этого — и вотъ почему онъ остался, въ сущности, на обы-

вательской точкѣ зрѣнія, сводящейся къ неразличенію понятій культуры и ея условій, ея средствъ, ея проявленій. Принято говорить о «культурныхъ достиженияхъ», о прогрессѣ культуры, имѣя въ виду небоскребы, асфальтовые мостовыя, электрическое освѣщеніе, ростъ газетнаго тиража и т. под. «Культурный городъ» — никто не замѣчаетъ, какъ бессмысленно такое словосочетаніе. Мысль Шпенглера движется въ обратномъ направленіи, но въ той же плоскости: онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія іерархіи сферъ человеческой дѣятельности: однѣ, «вышнія», относятся къ «культуры», другія, «низшія» — къ «цивилизациі». Искусство, религія, метафизика — это «культура»; хозяйство, наука, техника — «цивилизациія». Здѣсь — сотрудничество, раздѣленіе труда, преемственность развитія; тамъ — свободное творчество, творчество въ предѣлѣ «низъ ничего», всегда дающее, по крайней мѣрѣ долженствующее давать, нѣчто вполне новое, ни къ чему другому несводимое. Въ цивилизациі возможенъ — и даже неизбеженъ прогрессъ; культура-же отъ этого «прогресса» только гибнетъ. И эта гибель культуры опять-таки закономѣрна, столь же закономѣрна, какъ, по мысли Бокля или Дрѣпера, ея «прогрессъ». Культура, въ своемъ имманентномъ развитіи, создаетъ свои средства, — и эти средства автоматически губятъ ее.

Здѣсь любопытный образецъ сплетенія идей двухъ эпохъ: «бури и натиска», ранняго романтизма, и позитивизма и науковѣрія, гораздо болѣе родственныхъ одна другой, нежели это принято думать, и въ одинаковой мѣрѣ столь-

ко-же обогатившихъ европейскую мысль, сколько и повредившихъ ей. Въ развитіи мысли хорошее съ дурнымъ, правда съ ложью, такъ же связаны вмѣстѣ, какъ и въ самой жизни. Вѣрно то, что сферы жизни, или, какъ принято говорить, сферы культуры, структурно могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ по степени преобладанія роли личнаго творчества или сотрудничества, совмѣстной дѣятельности. Оставаясь въ предѣлахъ по крайней мѣрѣ одного, европейскаго, культурнаго круга — человечество до сихъ поръ еще не жило общей жизнью, — можно говорить, пусть и съ извѣстными оговорками, о болѣе или менѣе закономѣрномъ, т. е. обусловленномъ участіемъ множества «среднихъ» людей едва-ли не въ болѣе-большой степени нежели отдѣльных творческихъ геніевъ, прогрессѣ техники, хозяйства, опытныхъ наукъ, но нельзя говорить о такомъ-же прогрессѣ искусства, метафизики, религіи. Тамъ рѣшающимъ является коллективный житейскій опытъ, здѣсь — индивидуальный духовный. Это, по-первыхъ. Во-вторыхъ, что касается культурныхъ сферъ первой категоріи, «прогрессъ», т. е. буквально поступательное движеніе, въ томъ и состоитъ, что что-то остигается позади и притомъ безповоротно: отъ радио-передачи нѣтъ возврата къ Pantoffelpost, отъ автомобиля къ «дилижансу», отъ Пастера къ Галену. Но Еврипидъ, Сервантесъ и Толстой, Платонъ и Кантъ «современны» другъ другу, находятся внѣ исторіи, т. е. внѣ времени — и сколько мы знаемъ «возвратовъ» къ прошлому въ этихъ областяхъ культуры: «возрожденіе классической древности»,

нео-кантианство, нео-томизмъ, неоплатинизмъ и т. д. Преемственность, стало быть, есть и здѣсь, но только другого рода. Неизвѣстно, писалъ-ли бы Платонъ «лучше» или «хуже», родился онъ послѣ Канта и Гегеля; одно несомнѣнно: онъ писалъ-бы не такъ. Современный человѣкъ потенциально неизмѣримо богаче древняго, или человѣка Ренессанса, или — Просвѣщенія. Ему открыта возможность духовнаго общенія съ гораздо большими кругомъ «вѣчныхъ спутниковъ». Отъ него зависитъ использовать эту возможность какъ слѣдуетъ.

Съ этой точки зрѣнія есть аналогія въ отношеніи обѣихъ категорій культурныхъ сферъ къ самой культурѣ. Ихъ развитіе въ одинаковой мѣрѣ, хотя и въ различномъ смыслѣ амбивалентно по своему значенію. Прогрессъ точнаго знанія и всего, что съ нимъ связано, можетъ содѣйствовать — и содѣйствуетъ — истребленію людей на войнѣ въ такомъ количествѣ какъ никогда раньше, упрощенію режимовъ безобразныхъ по своей жестокости и держащихся невзирая на всеобщую ненависть къ нимъ со стороны подчиненныхъ. Равнымъ образомъ накопленіе духовныхъ цѣнностей можетъ обусловить собою склонность къ своего рода духовному жуирству, или породить безплодный скептицизмъ, релятивизмъ, нигилизмъ — однимъ словомъ все то, что характерно для декадентскаго романтизма. Все, повторяю, зависитъ отъ самого человѣка... По отношенію къ такъ наз. культурнымъ цѣностямъ первой категоріи его свобода заключается въ томъ направленіи, въ какомъ онъ пользуется ими: во вредъ или

на благо другимъ, — но онъ долженъ ихъ себѣ усвоить: въ противномъ случаѣ у него ничего не выйдетъ. Иного рода отношеніе человѣка къ цѣностямъ второй категоріи: онъ можетъ ихъ копировать, или на словахъ восхищаться ими, исповѣдывать свою вѣру въ нихъ, не проникая въ ихъ духъ. Европейцы уже около 2 тысячъ лѣтъ именуютъ себя послѣдователями Христа — и не отказываются отъ войны и отъ смертной казни, напротивъ, христовымъ ученіемъ нерѣдко оправдываютъ и то и другое.

Сколь это ни можетъ показаться парадоксальнымъ, однако, приходится утверждать, что въ этомъ смыслѣ человѣкъ подчиненъ закону прогресса, обуславливаемого ходомъ времени и исторической памятью. Сущность человѣка, его *principium individuationis*, состоитъ въ его *духовной свободѣ*, свободѣ выбора своего пути и обусловленной ею его *отвѣтственности*. Человѣкъ не «данное», какъ всякое другое животное, а *задание*. Истинный человѣкъ никогда не доволенъ собою, никогда не удовлетворенъ своимъ личнымъ духовнымъ состояніемъ: жизнь для него неустанная борьба съ самимъ собою, борьба за преодоленіе своей эмпирической ограниченности, вѣчное стремленіе, путемъ самообузданія, самоограниченія, побѣдивъ себя, себя *превзойти*. Чѣмъ шире его духовный горизонтъ, чѣмъ большимъ капиталомъ духовныхъ возможностей человѣкъ располагаетъ, тѣмъ съ одной стороны труднѣе, — съ другой легче, осуществить для него свою идею, идею свободной и отвѣтственной передъ собою личности. Легче потому, что онъ свая-

занъ не съ одной, а съ множественностью традицій и въ силу этого ни съ одною не связанъ безусловно. Труднѣе потому, что возрастаетъ опасность растеряться, сбиться съ пути, и въ своемъ стремленіи преодолѣть себя, въ концѣ концовъ, себя потерять. Духовная ситуация человѣка становится, на протяжении исторіи, все трагичнѣе. Культура трагична въ своей основѣ, въ своей сущности. Чѣмъ напряженнѣе трагическое положеніе человѣка, тѣмъ въ большей чистотѣ осуществляется идея культуры. Въ этомъ — «прогрессъ» ея.

II. НОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ И НОВАЯ ЭТИКА.

Въ № 11 «Новаго Града» напечатана запись бесѣды съ молодымъ человѣкомъ, большевикомъ, но антикоммунистомъ, недавно прибывшимъ изъ Россіи. Въ этихъ бесѣдахъ онъ высказалъ свои взгляды между прочимъ на то, въ какое положеніе должна была бы быть поставлена Церковь. «Религія должна быть совершенно свободна... Духовенство должно быть уравнено въ правахъ со всѣми гражданами. Но я бы держалъ священниковъ подъ надзоромъ, такъ какъ они представляютъ собой... въ данное время, контр-революціонный элементъ».

Вообразимъ, что рѣчь идетъ не о нынѣшней Россіи, а о какой-нибудь «утопіи»; замѣнимъ **реставраціонныхъ на революціонныхъ** и **изъ контр-революціонный** вычеркнемъ **контр-**. Можно представить себѣ, какъ позмугился бы сказавшій эти слова, если-бы онъ прочелъ ихъ въ такой редакціи. Онъ сказалъ-бы, что утопіяскіе интеллигентно формулой: вытѣсненіе че-

лигенты, воспитанные въ условіяхъ «гнуснаго фашизма», не имѣютъ понятія о томъ, что такое истинная свобода и человѣческое достоинство, что въ Утопіи, какъ видно, господствуютъ взгляды, связывавшіеся когда-то, въ старой Россіи, съ именами Побѣдоносцева, Шварца и Кассо, и т. д.

Въ одной статьѣ А. Петрова изъ серіи «За и противъ» въ «Послѣдн. Новостяхъ» есть слѣдующее мѣсто: «На протяжении этихъ бѣдлыхъ замѣтокъ я внимательно слѣдилъ за собой, чтобы не подвести кого-нибудь изъ оставшихся въ СССР друзей. Противниковъ, праговъ моего народа — не жалѣлъ, **разумѣется**. Меня за это ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не осудитъ».

Долженъ сказать, что подобное умонастроеніе отнюдь не является специфическимъ именно для совѣтскаго «нового человѣка». Повидимому такъ-же — конечно, *mutatis mutandis*, — думаетъ и чувствуетъ и эмигрантскій новый человѣкъ; его понятія о правдѣ и морали, о долгѣ и ответственности личности, — такія-же самыя. Болѣе того: едва-ли не во всемъ европейскомъ мірѣ эти понятія являются въ нынѣшнее время господствующими. Ихъ только прикрываютъ традиціонными вербальными формами, унаслѣдованными отъ апостоловъ религіи гуманизма и либерализма, остающейся и по сей день официальной религіей значительной части европейскаго человѣчества, между тѣмъ какъ совѣтскій «новый человѣкъ» выразилъ то, что обычно замалчивается, съ «варварской» наивностью и обнаженностью.

Подобныя высказыванія свидѣ-

тественствуют о фактѣ исключительной важности — о настоящей революціи, или «мутации» европейскаго сознания, революціи, превосходящей по своему историко-философскому значенію всѣ, проявляющіяся во внѣшнихъ событіяхъ нынѣшнія революціи, служащей ихъ общей основой, и которую можно выразить такой приблизительно формулой: вытѣсненіе чело-вѣческой нравственности государственной нравственностью. Съ тѣхъ поръ какъ сложилась Европа, жизнь регулировалась двумя въ корнѣ различными, хотя выражавшимися въ однихъ и тѣхъ-же терминахъ и другъ на друга воздѣйствовавшими моральными концепціями, соответствовавшими двумъ основнымъ сферамъ отношеній: отношеній между отдельными людьми и между отдельными государствами. Со временъ эллинистическаго стоицизма и ранняго христіанства вырабатывается идея чело-вѣка какъ субъекта права, независимо отъ его происхожденія, убѣжденій, классоваго положенія; идея эта постепенно крѣпнѣетъ и ширится, проникаетъ все глубже въ сознание, наконецъ, въ Декларациіи правъ чело-вѣка и гражданина приобретаетъ свое классическое выраженіе, и эта Декларациія становится символомъ новой вѣры. Теоретики естественнаго права объясняли происхожденіе Государства потребностью создать противоправящую и правоохраняющую силу. Гипотетическое до-государственное состояніе чело-вѣчества было состояніемъ перманентной войны всѣхъ противъ всѣхъ, и чело-вѣкъ чело-вѣку былъ волкомъ. Послѣ возникновенія государственнаго быта, учинили они, нормальнымъ состояніемъ

отдѣльныхъ людей стало состояніе мира; война сдѣлалась исключительной привилегіей Государства. Но и для Государства состояніе войны не считалось нормальнымъ. Сколько-бы ни было сильно вліяніе макъявеллизма, все-таки господствующимъ былъ взглядъ, что государство организациія прежде всего права, а не силы, что между-государственные отношенія должны — и могутъ быть устроены по типу междучеловѣческихъ и что, слѣдовательно, состояніе мира и для Государства «нормально» въ такой-же мѣрѣ какъ и для Чело-вѣка. Практика, разумѣется, расходилась здѣсь съ теоріей въ еще большей степени нежели въ области взаимоотношеній отдѣльныхъ личностей; но все-же то, что лишь немногіе рѣшались открыто признать правоту Макъявелили, что утвержденіе Бисмарка «сила рождаетъ право» было осуждено общественнымъ мнѣніемъ какъ проявленіе грубаго «цинизма», свидѣтельствуетъ о громадномъ престижѣ чело-вѣческой морали. Свободная конкуренція въ рамкахъ законности и подъ охраной права, соперничество, исключющее насиліе и приводящее путемъ «естественной эволюціи» къ «гармоніи силъ» и къ сотрудничеству, основанному на взаимномъ уваженіи и соблюденіи правилъ «честной игры», таковы были, съ точки зрѣнія Бенгта и Ст. Милля, диктуемые самими «законами органической жизни» и «здравымъ смысломъ» устои нормальныхъ взаимоотношеній отдѣльныхъ личностей, классовъ, народонъ, государствъ.

Замѣчательно, что въ настоящее время, чело-вѣческая мораль сохранила свой престижъ — нуж-

но-ли повторять, что только для прикрытия дѣйствительности? — какъ разъ въ области ей, по существу, чуждой, — государственныхъ взаимоотношеній, тогда какъ въ томъ, что касается отношеній между людьми, моральнымъ регулятивомъ, — мы видѣли это — начинаетъ уже открыто признаваться тотъ, который не на словахъ, а на дѣлѣ былъ всегда направляющимъ отношенія между-государственные. Объясняется это тѣмъ, повидимому, что состояніе перманентной — открытой или скрытой — войны всѣхъ противъ всѣхъ, системъ союзовъ, основанныхъ, въ сущности, на ненависти, страхѣ, подозрительности къ «дружественнымъ и союзнымъ народамъ» въ такой-же мѣрѣ какъ и къ непріятельскимъ, является извѣчнымъ и что въ этомъ мировая война и Версальскій миръ ничего новаго съ собою не принесли; между тѣмъ какъ въ сферѣ взаимоотношеній личныхъ дѣйствительно произошла какая-то, потрясшая сознание, хотя и издавна подготавливавшаяся «мутация».

Въ чемъ состоитъ эта мутация? И каковы ея факторы? Въ сущности, первый вопросъ сводится ко второму: исторія есть процессъ, вѣчное становленіе, борьба творящихся жизнь силъ, «факторовъ» самаго разнороднаго свойства. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствовали еще тогда, когда религія гуманизма и либерализма преобладала въ Европѣ. Первый это борьба классовъ, поскольку она породила теорію классовой борьбы, какъ учене о томъ, что только человѣкъ определенной социальной категоріи есть истинный человѣкъ, носитель, пусть и потенциальный, подлинно человѣческихъ свойствъ

и, слѣдовательно, единственный законный субъектъ права. Теорія эта породила другія, ей враждебныя, а на самомъ дѣлѣ глубоко ей родственныя: «истинный человѣкъ» — это нѣмецъ, французъ, аріецъ, фашистъ и т. д. Распространеніе полуобразования и вмѣстѣ съ нимъ упрощеннаго науковѣрія содѣйствовало популярности подобныхъ ученій и ихъ престижу.

Разумѣется, національная, классовая, расовая, религіозная исключительность — явленія отнюдь не новыя. Но съ самого начала образованія Европы, какъ особаго культурнаго міра, они нейтрализовались факторомъ, налицо котораго составляетъ, какъ кажется, *principium individuationis*, того, что мы зовемъ «Европою» или «Западомъ» (последнее названіе, вопреки Шлегелю и евразійцамъ, годится только до XIX вѣка). Это — Общество, понимаемое какъ сфера духовнаго общенія людей независимо отъ ихъ qualificаціи по какимъ-либо внѣшнимъ признакамъ. Общество, какъ величина, находящаяся въ планѣ постороннемъ государственному, родилось въ эпоху религіознаго синкретизма, вмѣстѣ съ вселенскими религіями, не признававшими разницы между «эллиномъ и іудеемъ, рабомъ и свободнымъ». Универсалистическая «каөөлическая» идея дала начало, въ Христіанской Церкви, стремленію къ міровладычеству, къ обращенію Церкви во вселенское Государство; но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіе, что «всякая душа является по своей природѣ христіанскою», открывало возможность и иной, болѣе свободной концепціи Церкви и вѣры, концепціи, за-

воемывающей себя признаніе въ кругу просвѣщенныхъ людей въ эпоху, которую можно назвать временемъ новаго религіознаго синкретизма, эпоху сближенія христіанской Европы съ магометанскимъ и іудейскимъ міромъ, въ результатъ Крестовыхъ походовъ, проникновенія христіанскихъ миссіонеровъ въ Среднюю Азію и на Дальній Востокъ, затѣмъ — въ эпоху открытія Новаго Свѣта, новыхъ народовъ, до которыхъ дошелъ не доносившаяся благая вѣсть Откровенной Истины, но которые тѣмъ болѣе представлялись живымъ свидѣтельствомъ истины о «потенціальномъ христіанствѣ» всѣхъ человѣческой души. Было бы долго слѣдить за тѣмъ, какъ изъ этихъ истоковъ возникла, въ пору Просвѣщенія, секуляризаціи культуры, та новая религія гуманизма и либерализма, о которой шла рѣчь выше. Для насъ важно лишь констатировать фактъ: въ теченіе вѣковъ европейскій живущій сознательно жизнью человѣкъ сознавалъ себя гражданиномъ двухъ градовъ, сперва — Государства и Церкви, позже — Государства и «Вселенной»; — и это его двойное подданство, принадлежность къ двумъ обществамъ, «закрытому» и «открытому», — по выраженію Бергсона, — сама по себѣ воспитывала въ немъ личное сознаніе, чувство независимости, «Закрытое» общество онъ мыслилъ по типу «открытаго»; идеаломъ Государства было для него, — въ сущности, въ противорѣчіи съ самой идеей Государства, — Государство не пользующееся правомъ принужденія. «Мутация» состояла въ томъ, что въ концѣ концовъ понятіе «открытаго общества» какъ-то испа-

рилось изъ сознанія. Какъ и почему? Потому что Государство приблизилось къ своему идеалу, какому состоянию, какое рисовалось въ эпоху либерализма, и въ силу этого «общество» утратило, по крайней мѣрѣ для средняго человѣка, свое значеніе убѣжища, гдѣ онъ спасался отъ Государства, стало излишнимъ, перестало предлагаться, въ сознаніи, отъ Государства. Трагизмъ историческаго развитія состоитъ въ томъ, что реализація общественнаго идеала всегда оказывается его извращеніемъ. Государство, до XIX в., состояло изъ носителей власти и подвластныхъ, Государя и подданныхъ. Въ XIX в. подданный сталъ самъ Государемъ. «Государство это я», сказала будто-бы Людовикъ XIV. Теперь это могъ сказать каждый членъ государственнаго союза. Сколько-бы ни было велико обаяніе идеи безвластнаго Государства, въ человѣческомъ сознаніи никогда не умирала другая идея — всемогущества Государства. Поэтому, съ тѣхъ поръ какъ средній человѣкъ сталъ сознанать себя «государствомъ», для него открывался соблазнъ воспользоваться государствомъ для того, чтобы «устроиться» какъ можно справедливѣе, благополучнѣе, удобнѣе. На государство были возложены всѣ тѣ функціи, какія когда-то принадлежали «обществу». У средняго человѣка сложилось убѣжденіе, что Государство — его Государство — обязано его кормить, одѣвать, обучать, развлекать — и если оно этого не дѣлаетъ, или дѣлаетъ плохо, — то ясно, что виноваты въ этомъ не постороннія, независимыя отъ Государства обстоятельства — Государство все можетъ! — а вну-

тренние вредители, «паразиты», недостойные соучастники власти, государственные преступники.

Партийные руководители лояко эксплуатируют это умонастроение и дѣлаютъ все, чтобы закрѣпить его. Борьба идеологій состоитъ не столько въ отстаиваніи ихъ представителями своихъ убѣждений, своихъ точекъ зрѣнія, сколько во взаимномъ дискредитированіи *). Для того, чтобы сразить противника, надо было доказать не то, что онъ неправъ, а что онъ руководимъ грязными, порочными, анти-государственными побужденіями и, слѣдовательно, долженъ быть истребленъ, уничтоженъ. Состояніе отдѣльныхъ индивидуальныхъ волей, въ которомъ, по ученію Руссо, должна выявиться «общая воля», протекаетъ въ атмосферѣ хронической паники, той самой атмосферѣ, которая въ дѣйствительности царитъ — и всегда, по необходимости, царила — на всѣхъ дипломатическихъ конференціяхъ и конгрессахъ. Человѣкъ въ современной демократіи мыслится какъ «политическій» по преимуществу человѣкъ. Въ какой-бы сферѣ жизни онъ ни проявлялъ себя, его идеологическій противникъ увѣренъ, что онъ дѣйствуетъ съ задней мыслью, или что его дѣятельность носить на себѣ отпечатокъ его «идеологической» порочности. Утверждалъ-же недавно одинъ нѣмецкій профессоръ, что математическая статистика — это еврейская псевдонаука (schein-wissenschaft), служащая однимъ изъ средствъ для осуществленія тайнаго еврейскаго

плана міровладычества. Мой идеологическій противникъ — не мой врагъ, а врагъ моего народа. По отношенію къ нему я не имѣю права руководствоваться соображеніями личной морали. Такъ замыкается грандіозный историческій циклъ. «Европа» возвращается къ предъ-европейскому состоянию, когда polis былъ единственной формою общежитія и когда нормальнымъ состояніемъ его было состояніе непрерывной, безпощадной — скрытой или открытой — гражданской войны, классическое изображеніе которой дали Фукидидъ и Аристофанъ.

Разсмотрѣнный процессъ служитъ лишнимъ примѣромъ, подтверждающимъ сказанное выше о смыслѣ «прогресса» въ исторіи. Обогащеніе исторической памяти, съ одной стороны, углубленіе и обостреніе противорѣчій направляющихъ исторію тенденцій, съ другой — и, въ результатъ, возрастаніе трудностей и амбшъ возможностей, для человѣка осуществити свое назначеніе. — вотъ что такое, сказалъ я, прогрессъ. Современный культурный человѣкъ т. е. человѣкъ, помнящій о своемъ происхожденіи и о своемъ достоинствѣ, очутившись вновь въ «тоталитарномъ», всеохватывающемъ Государствѣ, какимъ былъ античный polis, не можетъ забыть того, что онъ гражданинъ двухъ градовъ, не въ силахъ отказаться отъ своего «второго подданства», стать тѣмъ, чѣмъ былъ античный «kalokagathos», — «идеальный» человѣкъ, но гражданинъ одного града. Круговоротъ исторіи заключается въ возвращеніи формъ общежитія, въ повтореніяхъ комбинацій вѣчныхъ силъ, «конъюнктура», но не въ оконча-

*) Это прекрасно показано у K. Mannheim, въ его «Ideologie und Utopie», 1929.

тельно возвращать человека к однажды изжитому состоянию сознания. «Новый человек», напористый, самоуверенный, полный энергии, задает сейчас тон во всех сферах жизни. И все же — вычеркнуть прошлое, сблать бывшее небывшим, он не может. Извечная «европейская» проблема двух градов не перестала существовать. Напротив, она приобрела новую остроту, ставится углубленнее чем когда-либо раньше — именно потому что нам ясно теперь, какие опасности, какие скрыты угрожают при всякой попытке ее разрешения, — компромиссного, или радикального, — в плане земной действительности. Никогда не было мирного сожительства обоих градов, и никогда «открытому» обществу не удавалось заместить собою «закрытое» без того, чтобы самому не обратиться в последнее. Таковы все подлинно человеческие, насущные проблемы. Каждая из них разрешима лишь в предель, за границами эмпирического бытия, в погустороннем плане. Отказаться от них, исходя из этого, значит отказаться от самого себя. Осознать это всецело, понять, что трагедия без развязки — участь человека, значит осуществить свое признание. «*Stirb und werde!*» Если ты не понимаешь этого, — ты только тусклый гость на тусклой земле. Собственно говоря, к «среднему человеку» всегда были применимы этот гетевский эпитет «тусклаго», «безцветного» гостя. Все дело в масштабе, в мере. Ницше и Леонтьев уже давно предсказывали наступление господства нынешнего, удивительного своим бездушием, своей безличностью, среднего че-

ловка. Большинство современных философов культуры, — Шпенглер, Матерлинк, Люамель, Георг Лукач, тончайший и оригинальнейший мыслитель марксистского толка, Н. О. Лосский*) — каждый по своему, объясняют переживаемый нашей эпохой духовный кризис «прогрессом» рационализации, механизации, порабощением человека деньгами, машиной, — всем, что покрывается термином «цивилизация». Мне кажется, что, поскольку речь идет об этике нового человека, главное значение принадлежит политическому фактору. Но, повторяю, никакие внешние «факторы», никакие сверхличностные, метаиндивидуальные условия не в силах механически, «эволюционным» путем переродить человека, нацело исказить его образ. Та тревога за человека, которая охватывает столько способных мыслить людей в наше время, сама по себе свидетельствует, что человек не погиб. «Человечность» всегда вдале реализовалась всецело лишь в немногих личностях. Однако, потенциально, *omnis anima naturaliter est christiana*. Очередная, настоятельная задача нынешнего культурного человека — постараться пробудить «христианское», т. е. человеческое, начало, дремлющее в душе каждого среднего «нового человека», открыть ему глаза на духовную гибель, которую он готовит себе (Н. О. Лосский). Человек не мог произойти от обезьяны. Но обратиться в обезьяну он может, ибо он одарен

*) ИндустрIALIZED, коммунизм и утрата личности. «Новый Град», № 11.

тѣмъ, чего обезьяна лишена: свободою. Отъ него самого зависитъ — стать ли обезьяной, или «сверхчеловѣкомъ», — какъ это поняли уже мыслители Ренессанса. Человѣкъ не подчиненъ безусловно ни деньгамъ, ни машинѣ, ни лабораторіи. Каковы бы ни были условия

его жизни, онъ всегда остается хозяиномъ самому себѣ. И духовная смерть человѣка не предрѣшена какимъ-то закономъ «обратнаго развитія»: если-бы она наступила, — это было-бы результатомъ самоубійства.

П. Бицилли.

Чешскій поэтъ К. Г. Маха

(Къ столѣтію со дня смерти).

Трудно опредѣлить точно, сколько должно пройти времени, для того чтобы сформировалась окончательная оцѣнка художника или писателя. Въ сущности, безспорно окончательной оцѣнки вообще не можетъ существовать, такъ какъ почти каждая эпоха производитъ переоцѣнку духовныхъ цѣнностей, исходя изъ собственныхъ субъективныхъ построений. Правда, существуетъ какъ будто все же нѣкое объективное мѣрило. Французы, напр., установили даже цѣлую шкалу, гдѣ писатели размѣщены подъ ярлыками — великіе классики, малые классики, наши современники и пр. Такая схема очень удобна, но у нея имѣется одинъ недостатокъ, — она годится лишь для спокойныхъ эпохъ, признающихъ традиции и авторитеты, т. е. для эпохъ, отъ которыхъ мы сейчасъ дальше всего. Въдѣ въ той же самой Франціи находятся люди съ крупнымъ именемъ, которые чуть-ли не накануне своего вступленія въ Академію, да еще къ тому же по поводу юбилея, провозглашаютъ, что В. Гюго былъ лишь старымъ болтуномъ, чуть ли не идиотомъ. Но и помимо такихъ парадоксальныхъ сужденій, которыми особен-

но богата англійская критика, мы присутствуемъ сейчасъ при массовой переоцѣнкѣ культурныхъ цѣнностей. Взять хотя бы совѣтскую критику, которая принципиально отрицаетъ то, что признавалось раньше «буржуазной», но которая за время своего существованія сама успѣла нѣсколько разъ перемѣнить свои точки зрѣнія въ оцѣнкахъ явленій литературы.

Расцѣнка, даваемая одному и тому же автору, или произведенію, не остается одинаковой въ различныхъ историческихъ эпохи. Конечно, есть счастливые художники, которые въ началѣ своего пути были по достоинству оцѣнены своими современниками, судя, которыхъ потомъ подтверждаетъ исторія. Въ значительной степени такимъ любимцемъ не только музъ, но и критиковъ былъ, на примѣръ, Пушкинъ. Гораздо чаще можно наблюдать, что любимцы публики и современности скоро послѣ своей смерти, а часто уже и къ концу жизни, утрачиваютъ свое значеніе. Исторія какъ бы просѣиваетъ репутаціи, оставляя для будущаго лишь подлинно крупное. Наконецъ, бываютъ случаи, когда непонятый современ-

менностью художникъ или писатель находить признаніе лишь черезъ два-три, а иногда и больше поколѣній. Въ значительной степени судьба чешскаго писателя Карла Гинка Махи, сто лѣтъ со дня смерти котораго приходится на 5-ое ноября текущаго года, подходитъ подъ эту послѣднюю категорію. Смягчающимъ обстоятельствомъ для его современниковъ, не желавшихъ признавать безспорно талантливаго поэта, является характеръ эпохи, въ которую онъ жилъ, совершенно иная устремленность всего народа и, наконецъ, слишкомъ краткая жизнь писателя, который не успѣлъ сказать очень многого и по всей вѣроятности самого главнаго.

Не отрицая внѣвременнаго, внѣ-біографическаго, чисто формальнаго разбора художественныхъ произведеній, надо однако признать, что лишь подлинныя гѣніи могутъ его выдержать. Большинство писателей, живописцевъ, скульпторовъ и музыкантовъ при такомъ формальномъ подходѣ не могутъ быть вполне поняты. Особенно страдаютъ въ этомъ случаѣ славянскіе художники, которые ставятъ форму по крайней мѣрѣ на одинъ уровень съ содержаніемъ, а чаще даютъ послѣднему перевѣсъ. Для правильной оцѣнки К. Г. Махи, какъ впрочемъ большинства художниковъ всѣхъ отраслей, необходимо знать эпоху, въ которую его творчество входило составнымъ элементомъ.

К. Г. Маха родился 16-го ноября 1810 года и умеръ 5-го ноября 1836 года, едва окончивъ университетъ по юридическому отдѣленію. Мы видимъ, что жизнь его была весьма коротка; — онъ собственно говоря, умеръ въ самомъ

началѣ его литературной дѣятельности. Правда, творческая страсть владѣла имъ почти съ дѣтства и еще въ гимназій онъ началъ писать стихи (только еще по нѣмецки). Жажда чтенія пробудилась въ немъ еще раньше: К. Г. Маха поглощалъ книги уже въ начальной школѣ, а потомъ и въ гимназій. Чтеніе его было своеобразно и, пожалуй, односторонне, — это были романтическо-авантюрные произведенія, наряду съ сентиментально-элегическими. Лишь позднѣе, около 1831-32 года, Маха переходитъ къ болѣе серьезному чтенію. Не отходя отъ романтизма, которому онъ остался вѣренъ до своей ранней кончины. К. Г. Маха съ одной стороны поддается влиянію исторической школы извѣстнаго историка и филолога Юнгмана, начинаетъ изучать старинныя хроники, читаетъ историческія произведенія, пытается дѣлать даже самъ личныя изысканія во время частыхъ путешествій по стариннымъ замкамъ, разбросаннымъ въ Чехіи; съ другой стороны онъ знакомится съ писателями современной и болѣе ранней литературы, разыскиваетъ о нихъ работы на болѣе для него доступномъ нѣмецкомъ языкѣ, читаетъ и пречитываетъ Байрона, Вальтера Скотта, Мицкевича, Пушкина.

Въ записной книжкѣ, въ которую К. Г. Маха заноситъ, начиная съ 1832 года, литературная замѣтки, выписки изъ понравившихся ему произведеній, разборъ прочитанныхъ статей, или просто названія книгъ, мы часто встрѣчаемъ имена Геснера, Клопштокъ, Виланда, Гете, Швифта, Мильтона, Торквато Тассо, перемежающіеся постоянно съ названіями различ-

ныхъ произведеній Байрона, у которыхъ въ скобкахъ стоятъ пометки: читаю во второй, четвертый и даже пятый разъ. Въ эти же годы начинаютъ появляться въ Чехиі первые переводы Пушкина. Въ 1834 году начинаютъ выходить сразу два серьезныхъ чешскихъ журнала: «Чешская пчела», названный по аналогіи или изъ подражанія русской «Сѣверной пчелѣ», и «Цвѣты». Несмотря на то, что первый журналъ, редакторомъ котораго былъ поэтъ Челаковский, поставилъ себѣ цѣль знакомить своихъ читателей въ переводахъ съ лучшей иностранной литературой, переводы Пушкина мы находимъ какъ разъ въ «Цвѣтахъ», выходившихъ подъ редакціей необычайно живого публициста и писателя — И. К. Тыла. Такимъ образомъ К. Г. Маха, который не зналъ русскаго языка и не питалъ вообще къ русскимъ особой симпатіи, имѣлъ возможность читать нѣкоторыя произведенія Пушкина на чешскомъ языкѣ. Ранѣе онъ пользовался нѣмецкими и польскими изложеніями и переводами. Черезъ польскій языкъ и Мицкевича Маха собственно и пришелъ къ Пушкину. Особыхъ руссофильскихъ симпатій, впрочемъ, у него не было; его отношеніе къ Россіи можно скорѣе назвать холоднымъ, что объяснялось полонофильствомъ, сильно распространившимся среди пражскаго студенчества послѣ возстанія 1830-31 гг. Маха былъ даже главой того кружка молодежи, который помогалъ въ Прагѣ польскимъ эмигрантамъ, переправляя ихъ въ Парижъ. Дружба Мицкевича съ Пушкинымъ, такъ же, какъ и духовная связь русскаго поэта съ Байрономъ, по-

буждаютъ К. Г. Маха размысливать о немъ свѣдѣнія и читать доступное въ переводахъ. Въ одномъ изъ списковъ книгъ, сдѣланномъ въ упомянутой записной книжкѣ въ 1833 г., мы читаемъ: «Blätter für literarische Unterhaltung», издаваемые въ Лейпцигѣ, № 334-337 содержатъ статью объ Александрѣ Пушкинѣ и его послѣдней поэмѣ «Полтава». Тамъ же говорится о его произведеніяхъ — Евгенийъ Онегинъ, Русланъ и Людмила, Кавказскій плѣнникъ, о послѣдней поэмѣ «Полтава» и нѣкоторыхъ меньшихъ вѣщахъ. Одна замѣтка гласитъ: «Бахчисарайскій фонтанъ», за эту поэму, послѣднюю едва 600 стиховъ, получилъ онъ отъ издателя Пономарева 3.000 рублей. Цыгане — смотри переводъ въ журналѣ «Чехославъ». Тамъ же пишутъ о русскомъ поэтѣ по имени Рыльевъ и его поэмѣ «Войнаровскийъ». Два года спустя онъ читаетъ въ «Цвѣтахъ» переводъ «Бориса Годунова», который выходитъ въ этомъ журналѣ почти одновременно съ его собственными произведеніями.

Мы остановились нѣсколько подробно на чтеніи К. Г. Маха и въ особенности на его интересѣ къ Пушкину, какъ на явленіи очень характерномъ для его личности и творчества. Вернемся къ его жизнеописанію. К. Г. Маха происходилъ изъ мѣщанской среды; его родители были мало зажиточными людьми, хотя и были собственниками небольшой торговли крупами и мукой. Старшему сыну, Карлу Гинку они постарались дать образованіе и тѣмъ открыть путь къ болѣе привольной жизни. На второго, Михаила, средствъ уже не хватило, да и не

было у него особой склонности къ наукамъ, такъ что онъ пошелъ по стопамъ отца и сталъ помощникомъ мукомола. Семья жила скромно, но особенной нужды не было, и старшій сынъ, любимецъ, могъ позволить себѣ даже нѣкоторыя фантазіи. Высокій, красивый, какъ можно судить по описаніямъ современниковъ (въ силу несчастнаго стеченія обстоятельствъ его подлиннаго портрета не имѣется), онъ любилъ подчеркивать свою вышность то поэтической густой гривой, то холмою бородой, которую онъ вдругъ сбрасывалъ, то вызывающимъ костюмомъ, свѣтлымъ плащомъ на крисной подкладкѣ, который онъ носилъ, закинувъ за плечо. Все это правда не было очень дорого, но кое-что все же стоило, поэтому такъ же, какъ и посѣщеніе кафеенъ, гдѣ мы такъ часто встречаемъ К. Г. Маху. Конечно, мы говоримъ это не въ осужденіе, а лишь для того, чтобы указать на подлинное матерьяльное положеніе поэта, котораго нѣкоторые историки напрасно изображаютъ бѣднякомъ и чахоточнымъ юношей. Легенда о его слабомъ здравьѣ сейчасъ вполне опровергнута; наоборотъ, мы узнаемъ, что онъ былъ великъ ростомъ, широкъ въ плечахъ, могъ часами ходить пѣшкомъ, о чемъ свидѣлствуютъ не только его вѣчныя прогулки по чешскимъ замкамъ и историческимъ развалинамъ, но и путешествіе въ Италію, которое онъ осуществилъ со своими друзьями почти сыномъ пѣшкомъ. Личная жизнь К. Г. Махи, во всякомъ случаѣ до романа съ Лори Шомковой, внесшаго раздоръ въ семью и измучившаго его самого, была вполне спокойна. Но въ

этомъ мирномъ теченіи жизни скрывалась причина неудовлетворенности К. Г. Махи, которому было, а еще больше казалось, тѣсно въ окружавшей его провинціальной и тихой средѣ. Здоровый, молодой, безспорно очень талантливый, онъ накинудъ гарольдовскій плащъ не только на свои плечи, но и на душу. Ему не хватало того вышняго блеска, той шумихи, которые часто считаются обязательнымъ атрибутомъ великихъ талантовъ. Не случайно онъ съ интересомъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ совершенно для него сказочный гонораръ Пушкина. Онъ сравниваетъ эти 3.000 рублей золотомъ съ обстановкой своей комнатки, находящейся за родительской лавкой, гдѣ единственной роскошью является полка съ книгами надъ столомъ, да гитара съ пестрой лентой, висѣщая надъ постелью. Этотъ внѣшній аскетизмъ не былъ однако вызванъ внутренней его потребностью. Въ письмахъ, которыя Маха пишетъ Лори передъ свадьбой, все время идетъ рѣчь о мебели, то о какихъ-то бѣлыхъ занавѣскахъ съ оборочками, которыя онъ ей напоминаетъ уже на краю могилы. К. Г. Маха умеръ слишкомъ молодымъ, непереведившимъ, чтобы было возможно вынести окончательное сужденіе о его личности. Онъ былъ и какъ человекъ и какъ поэтъ еще въ стадіи формировація, не соответствующаго къ тому же состоянію чешской мысли и устремленіямъ той эпохи.

Однако это не былъ обычный конфликтъ поэта и черни. Разногласія происходили не между сильной творческой личностью и непонимающими читателями, а межъ

ду писателемъ и иначе настроеннымъ окруженіемъ. Чешскій народъ, а вмѣстѣ съ нимъ то, что принято называть обществомъ, имѣли передъ собой съ конца 18-го столѣтія одну основную цѣль: борьбу за существованіе, не только въ духовномъ, но и въ чисто физическомъ смыслѣ. Чешскій народъ въ цѣломъ былъ подобенъ умершему Лазарю, который ждетъ воскресенія; это чудо должно было произойти однако не извне, какъ въ Евангеліи, а изнутри, въ результатъ національнаго пробужденія. Для его осуществленія были напряжены всѣ силы и заняты стратегически всѣ пути. Общественная жизнь, театр, семья, музыка и литература, безъ внѣшнихъ социальныхъ и политическихъ заказовъ, сдѣлались творческими факторами будущаго возрожденія. Вся жизнь стала цѣлестремленной: закладывалась основа для духовной независимости народа. Еще очень долго не могло быть произнесено слово о политической самостоятельности, хотя все, что дѣлалось, было ею подготовкой. Быть можетъ подсознательно жило чувство, что лишь народъ, обладающій своей особой культурой, имѣетъ право на полную свободу. Безъ Палацкаго и Гаяличка, а мы бы прибавили и безъ Тыла, жившихъ и работавшихъ въ первой половинѣ 19-го столѣтія, Чехія никогда бы не достигла того, что она смогла осуществить въ первой половинѣ 20-го вѣка.

Духъ, господствовавшій въ эту эпоху въ Чехіи, былъ духомъ внутренней дисциплины. Это тѣмъ болѣе показательно, что вокругъ, въ Европѣ, подымался со всѣхъ сторонъ протестъ противъ дисци-

плины виѣшней. Романтизмъ и революціи стремились къ разрушенію, часто не задаваясь вопросомъ, какъ и что будетъ строится потомъ. «Духъ разрушающій есть духъ создающій» было сказано позднѣе, но чувствовали такъ много раньше. Представимъ себѣ теперь въ этой атмосферѣ упорнаго, преслѣдующаго опредѣленную цѣль своего труда романтика Маху. Конечно, онъ не былъ противъ общенародной цѣли; его, какъ и другихъ, даже быть можетъ и больше, увлекали старинныя народныя преданія, говорившія о минувшей славѣ, прекрасныя хроники, замки и дворцы. Но онъ любилъ, или старался увѣрить другихъ, что любить во всемъ этомъ нѣкій духъ тѣни. Въ его дневникѣ, правда по иному поводу, мы находимъ слѣдующія строки, выражающія все его мироощущеніе: «Я люблю цвѣтокъ, потому что онъ увянетъ, животное, потому что оно умретъ, человѣкъ, потому что онъ смертенъ и чувствуетъ, что исчезнетъ навсегда; я люблю — болѣе тѣмъ люблю — я поклоняюсь Богу, потому что Его нѣтъ». Въ письмахъ тѣхъ же лѣтъ мы можемъ на каждомъ шагѣ прочесть фразы: «Я искалъ человѣка, людей, какими они являются въ моихъ снахъ и вмѣсто нихъ находилъ пустыя личины безъ сердца, смѣющіяся надъ мной». «Я ищу друга, зная, что никто не можетъ меня любить». «Вы человѣкъ и я человѣкъ; вы идете по землѣ, а мой путь ведетъ адомъ. Кто пойдетъ со мной? Въ каждомъ столѣтіи бываетъ быть можетъ одинъ такой несчастный человѣкъ, какъ я; если бы ихъ было больше, это означало бы, что нѣтъ Бога». «Когда я смо-

гу наконецъ поговорить съ вами съ глазу на глазъ, то вы услышите такія вещи... Если родится мальчикъ, то изъ него вырастетъ Мефистофель; такія вещи, какія со мной произошли въ последнее время, ни В. Гюго, ни Э. Сю не были бы способны описать въ своихъ самыхъ страшныхъ романахъ, а я ихъ пережила.

Можно было бы привести много подобныхъ выдержекъ изъ писемъ Махи къ отдельнымъ лицамъ и притомъ относящихся къ различнымъ годамъ. Однако дальнѣйшія цитаты ничего бы не могли прибавить къ характеристикѣ поэта. Мы находимъ въ нихъ обычные признаки романтической школы и мышления, повышенный эгоцентризмъ и склонность представлять свою жизнь въ видѣ непрерывной цѣпи страданій. Небольшія противорѣчія въ счетъ, такъ сказать, не идутъ. Человѣкъ, видящій весь міръ лишь отраженнымъ въ себѣ, не можетъ не поддаться головокруженію.

Понятно, что такое индивидуальное мироощущеніе, вырастающее одиноко среди совсѣмъ иной всенародной атмосферы, неизбежно должно было вести къ конфликту. Въслѣдствіе разницы въ пониманіи жизни и задачъ художника, возможны были и личные конфликты, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ К. Г. Махой жили писатели съ гораздо болѣе трагической судьбой. Достаточно указать хотя бы на К. Гавличка - Боровскаго, преслѣдуемаго за политическія идеи, сидѣвшаго въ тюрьмѣ и вышедшаго изъ нея полусумасшедшимъ. Не менѣе трагична и жизнь И. К. Тыля, пожертвовавшаго всѣмъ ради просвѣщенія народа, голодававшего съ огромной

семьей и умершаго почти буквально на дорогѣ, въ повозкѣ бродячаго комедіанта. Если еще у Гавличка его настроенія иногда выливаются въ острой сатирѣ, то въ произведеніяхъ Тыля мы не находимъ ни одного намека на его личное горе и нужду. Сознательный оптимистъ, онъ даетъ, поскольку ему позволяетъ чувство правды, радостныя картины, подбадривая этимъ свой угнетенный народъ. Въ жизни же Махи единственнымъ тяжелымъ эпизодомъ былъ его несчастный романъ съ Лори Шомковой, который онъ еще къ тому же по своему обыкновенію самъ усложнилъ.

Есть нѣкоторая, хотя и не полная, аналогія въ исторіи неудачнаго романа К. Г. Махи съ трагедіей его современника Пушкина. Чешскій поэтъ, со дня смерти котораго исполняется сейчасъ столѣть, влюбился такъ же несчастливо, какъ это случилось въ тѣ же приблизительно годы съ Пушкинымъ. Въ общемъ и самъ характеръ ошибки у нихъ былъ схожъ: оба привлекательную внѣшность своихъ кумировъ приняли за отраженіе духовной красоты. Огромную роль также въ обоихъ случаяхъ сыграла ревность, разница была лишь та, что Пушкинъ ревновалъ къ настоящему, а К. Г. Маха къ прошлому. Соціально Лори Шомкова была приблизительно на одномъ уровнѣ со своимъ женихомъ, а позднѣе любовникомъ. Если его родители были торговцы средней руки, то она вышла изъ солидной семьи ремесленника; большая разница была зато въ образованіи, а потому и въ интересахъ. Лори не могла понимать художественныхъ запросовъ К. Г. Махи, хотя онъ и ста-

вался приучить ее къ чтенію и музыкѣ. Связь до брака и ея естественныя послѣдствія осложнили еще болѣе положеніе, которое становилось прямо невозможнымъ изъ-за подозрѣній Махи, что онъ не былъ первымъ ея избранникомъ. Однако чувства долга по отношенію къ ожидаемому ребенку заставляло его держать данное слово. По спѣшиномъ окончаніи университета и нахожденіи мѣста въ адвокатской конторѣ въ Литомержицахъ былъ назначенъ день свадьбы. Несмотря на рожденіе сына, этому браку не суждено было состояться. Простудившись при тушеніи пожара, К. Г. Маха заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, которое за отсутствіемъ хорошаго ухода осложнилось, — и умеръ въ своей пустой будущей квартирѣ 5-го ноября 1836 года. Его сынъ вскорѣ за нимъ послѣдовалъ. Лори же, оправившись отъ болѣзни и горя, вышла замужъ за болѣе подходящаго къ ней чловѣка безъ крупныхъ запросовъ и душевныхъ проблемъ.

Творчество К. Г. Махи занимаетъ въ исторіи чешской литературы особое мѣсто. Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія чешская литература начинаетъ приносить самостоятельные плоды, изрожденные на свѣжѣй народной почвѣ. Послѣ блестящаго ранняго періода, чешская литература подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, почти прекратила свое существованіе до конца 18-го столѣтія, когда она вновь переживаетъ подъемъ подъ вліяніемъ національнаго пробужденія. Однако раннее возрожденіе не обращало особаго вниманія на народное творчество, а на поэзію въ особенности. Лишь подъ вліяніемъ Гердера чешскіе писа-

тели начинаютъ не только собирать народныя сказки, повѣрья и главнымъ образомъ пѣсни, но и создавать особый полуподражательный жанръ. Подобно тому какъ въ Англіи Бэрнсъ, въ Германіи Бюргеръ, Уландъ и другіе, въ Чехіи пытаются подражать народной пѣснѣ Ганка и рядъ меньшихъ поэтовъ. Но подлиннымъ создателемъ этой школы сталъ Ф. Л. Челаковский, вокругъ котораго сгруппировалось значительное количество поэтовъ, какъ Хмеленскій, Винаржицкій и его ученики Лангеръ, Яблонскій и иные. Особо выдающееся и притомъ гораздо болѣе самостоятельное мѣсто занимаетъ К. Я. Эрбенъ, который былъ собирателемъ памятниковъ народнаго творчества, научнымъ издателемъ и поэтомъ въ народномъ духѣ. Таково было основное направленіе чешской поэзіи, когда появился К. Г. Маха.

Не менѣе, чѣмъ общественныя настроенія, были чужды К. Г. Махѣ и указанныя выше литературныя устремленія эпохи, въ которую ему было суждено жить. Уравновѣшенное умунастроеніе, ставящее передъ собой опредѣленную цѣль, воспринимающее литературу въ значительной мѣрѣ какъ средство ея достиженія, было ему абсолютно чуждо. К. Г. Маха, съ его бурнымъ художественнымъ темпераментомъ, подобно своему идеалу, лорду Байрону, съ наибольшей охотой обращался къ проклятымъ, неразрѣшеннымъ вопросамъ и великимъ страстямъ, на которыя можно было отвѣтить лишь мировой скорбью. Какъ всѣ романтики, онъ предпочиталъ горѣть, увлекая въ этотъ пожаръ все окружающее, чѣмъ медленно работать для сознанія

будущаго. К. Г. Маха не отдавалъ себѣ отчета, что чешскій народъ не находится въ положеніи англійскаго, что предъ нимъ стоятъ въ данный моментъ вопросы жизни и смерти, а не проблемы романтической любви или чистаго искусства. И тѣмъ не менѣе непосредственное столкновение между К. Г. Махой и его современностью произошло лишь въ концѣ его жизни, послѣ изданія его большой поэмы «Май». Это объясняется тѣмъ, что несмотря на все видимое различіе и критика и читатели чувствовали въ немъ столь подлинный поэтический талантъ, что всякое его проявленіе, хотя бы и въ самой неожиданной формѣ, принимали какъ цѣнный вкладъ въ молодую чешскую литературу. Но существу К. Г. Маха даже противъ своего желанія служилъ тѣмъ же цѣлямъ, что и такъ строго осуждавшіе его критики Хмеленскій, Томичекъ и даже Тыль. Выработывая новыя литературныя формы, очищая и упрощая языкъ, внося новыя идеи, онъ повышалъ уровень чешской литературы, толкалъ ее впередъ и тѣмъ самымъ вводилъ своихъ соотечественниковъ инымъ путемъ на мировую арену. Его творчество принесло много позднѣе и чисто литературные плоды, вначалѣ же оно было полезно уже тѣмъ, что будило другихъ и самихъ его противниковъ заставляло усовершенствоваться, хотя бы въ противоположномъ ему направленіи.

Какъ у ряда писателей 19 столѣтія, мы находимъ у К. Г. Махи и стихи и прозу, однако для будущаго поколѣнія онъ остается всегда по преимуществу поэтомъ. Если его сравнивать съ рус-

скими писателями, то напрашивается больше всего аналогія съ Лермонтовымъ, на котораго онъ былъ похожъ отчасти и характеромъ, развившимся, конечно, подъ разными вліяніями и въ другой средѣ. Какъ и у М. Лермонтова, проза К. Г. Махи является лишь побочнымъ продуктомъ его поэтическаго творчества.

Мы уже упоминали выше, что К. Г. Маха началъ писать чрезвычайно рано, и не владѣя еще хорошо чешскимъ литературнымъ языкомъ, пользовался нѣмецкимъ, на которомъ велось преподаваніе въ школахъ. Большинство изъ этихъ раннихъ его произведеній не было переработано по чешски самимъ поэтомъ и только въ юбилейномъ текущемъ году они вышли въ переводѣ П. Эйснера. Въ нихъ, какъ и въ первыхъ своихъ чешскихъ стихахъ, К. Г. Маха является еще послѣдователемъ нѣмецкой романтики, прибѣгая все-го чаще къ балладѣ и, какъ это ни неожиданно, къ подражанію народной пѣснѣ; въ это время онъ еще мало отличался отъ господствовавшаго тогда литературнаго направленія. Понемногу, однако, онъ все больше и больше удаляется отъ патріотическихъ тенденцій и связаннаго съ ними пафоса и стремится влить въ свои стихи философское содержаніе, навѣянное идеями Канта и Фихте. Какъ бы ни смотрѣть на это новое содержаніе его творчества, должно признать, что Маха нашелъ для него соответствующія поэтическія формы, импрессионистическій слогъ и богатство словеснаго выраженія. Безспорно, это былъ въ литературномъ отношеніи шагъ впередъ, главное же шагъ самостоятельный, хотя бы и

вызванный влияниями извне. Наибольшее влияние на К. Г. Маху оказал Байрон, у которого он стремился взять его поэтические достижения, проникаясь при этом его мрачным мировоззрением. В произведениях Махи, написанных после 1830 года, как-то: «Монах», который дошел до нас лишь частично, и «Май» мы находим дикую страсти, преступных героев, мрачную фавбу. С одной стороны тут влияние «Лары», «Корсара» и других произведений Байрона, с другой еще отблески немецкого авантюрно-исторического романа. Наиболее оригинальной в основном произведении К. Г. Махи — «Май» является лирика; благодаря романтической эгоцентричности автора многие черты главного героя поэмы носят автобиографический характер. Несмотря на довольно сложное содержание, присущее данной школе, высокая поэтическая форма этого произведения и сто лет спустя захватывает читателя. Поэма «Май» может быть отнесена к наиболее замечательным произведениям новой чешской поэзии. Мелкими лирическими стихотворениями и «Маем», да еще несколькими незаконченными произведениями исчерпывается поэтическая часть творчества К. Г. Махи.

Основное достоинство его прозы заключается в попытке создать новую форму повести и усовершенствовать чешский прозаический язык. К. Г. Маха не выступает однако и здесь за пределы романтической школы. Но если в поэзии он испытывает влияние Байрона, то в прозе мы видим он ближе всего к Вальтеру Скотту. В широко задуман-

ном романе «Палач», разделенном на четыре повести, находят отражение его скитания по чешским замкам, страстное увлечение историческими темами. В законченном виде дошла до нас лишь одна часть или повесть — «Замок Кривоклат». Другой более поздней прозаический цикл должен был называться «Картины моей жизни», относящийся к современности. Самостоятельная и законченная повесть «Маринка», по первоначальному замыслу должна была быть частью выше названного цикла, подобно «Маю» является произведением с автобиографической основой. В ней автор воспользовался своеобразной конструкцией, перемежая прозаические главы стихотворными интермеццо. Несмотря на то, что К. Г. Маха стремился отобразить в «Маринке» подлинную жизнь, о реализме повести не может быть и речи. Описание нищеты, смерти, любовных переживаний весьма условны и кажутся театральными по сравнению хотя бы с «Пражскими рассказами» его современника И. К. Тыла. Из остальных произведений К. Г. Махи следует упомянуть еще «Цыган», стоящий ближе всего к «Маю» и подный описаний демонической ревности и мести. Природа в этом произведении так же дика и страшна, как и ее герои; в этом ее отличие от «Маи», в котором несение леса дышать любовью и нежностью, подобно воркующим на сосне голубкам, в то время как человек страдает, убивает и сам умирает насильственно. К. Г. Маха, самый большой почитатель театра и талантливый артист-любитель,

обращался несколько раз къ драматическимъ произведеніямъ. Но ни одна изъ начатыхъ вещей не была доведена до конца. Однако одинъ отрывокъ, изъ пьесы «Лѣсникъ», показываетъ, что болѣе долгая жизнь могла бы привести его на совершенно иные литературные пути.

Какъ по законченнымъ произведеніямъ, такъ и по дошедшимъ до насъ отрывкамъ и наброскамъ, надо признать, что К. Г. Маха былъ выдающимся явленіемъ новой чешской литературы, что онъ не шелъ общимъ путемъ своей

эпохи и былъ борцомъ за новую, совершеннѣйшую форму, и за своеобразное содержаніе литературы. Несмотря на то, что онъ не работалъ непосредственно надъ освобожденіемъ своего народа, онъ сдѣлалъ для него немало, обогативъ его культурную сокровищницу своими произведеніями. Столѣтъ, прошедшія со дня его смерти, показали все его значеніе и всю цѣнность того, что имъ создано за столь краткіе годы его жизни.

Н. Мельникова-Палоушкова.

Мысли о Достоевскомъ

«Времени больше не будетъ». Это можно сказать себѣ передъ каждымъ погруженіемъ въ искусство, все равно, идетъ ли рѣчь о книгѣ, о картинѣ, о твореніи музыканта или архитектора. Времени больше не будетъ, его нѣтъ, и на мгновеніе или надолго, вопреки всѣмъ нашимъ привычкамъ, условіямъ, законамъ, мы мѣняемся, мы себя и все теряемъ, — въ насъ новое небо и новая земля. Это чувство съ особенной отчетливостью испытываешь иногда въ антрактѣ между двумя дѣйствіями «Тристана» или когда, зачтвшись, очнешься посреди Бородинской битвы у Толстого или на островѣ, гдѣ губернаторствуетъ Санчо, у Сервантеса. Однако, этотъ новый міръ — я не говорю о музыкѣ, тутъ дѣло сложнѣе, но о романѣ — все-таки не совсѣмъ же намъ чуждъ, даже онъ знакомѣй знакомаго, роднѣй родного, онъ построенъ цѣликомъ изъ матеріаловъ нашего, стараго міра: мы узнаемъ каждую балку, каждый кирпичъ; лишь примѣне-

ны они иначе, съ другой цѣлью, въ другой связи, сочетаясь въ иномъ цѣломъ...

Такъ ли у Достоевскаго? Кажется не такъ, не только такъ.

«Увлечательность» его — особаго порядка. Въ этомъ банальномъ словѣ, примѣненномъ къ нему, улетучивается банальный смыслъ. Не фабулой увлекаютъ его романы: можно знать эту фабулу наизусть, и все же не избѣгнуть увлеченія. Мы наугадъ раскрыли книгу, прочли страницу, да, и вотъ мы уже втянуты, какъ въ омутъ, въ безостановочное, неудержимое повѣствованіе. Его ритмъ какъ бы становится сразу нашимъ собственнымъ сердцебиеніемъ, дыханіемъ, ритмомъ нашего сокровеннѣйшаго бытія. Стремительность этого ритма неспроста ни съ чѣмъ, ни въ русской, ни въ мировой литературѣ, и она такъ же поражаетъ у Достоевскаго, какъ и странная безпрепятственность совершающагося въ его книгахъ дѣйствія. Законы тяготѣнія забыты, гѣла и вещи по-

теряли нѣтъ: шагнуть, это значитъ перелетѣть на версту впередъ, протянуть руку — все равно, что расправить крылья. Нѣтъ въ его искусствѣ ни малѣйшей косности, такъ одолевашей, усыпляющей насъ въ жизни; ничто не мѣшаетъ чувству, мысли, одухотворенности каждаго движенія. Именно эта новая легкость, эта небывалая освободенность отъ матеріи такъ увлекаетъ насъ, такъ овладеваетъ нами. Ускоряется ритмъ, мы летимъ, не помнимъ себя, въ этомъ царствѣ чистой духовности мы совладаемъ съ себѣ всю земную тяжесть.

Вотъ почему такъ измѣнился міръ, глубже, чѣмъ онъ вообще мѣняется въ искусствѣ. Мы не просто среди переставленныхъ вещей все того-же чувственного міра; если мы не порвали съ нимъ совсѣмъ, то все же очутились сразу въ какомъ-то новомъ его измѣреніи. Все какъ будто и то-же и не то. Мы уже видимъ все по новому. Пришелъ Лобачевскій или Риманъ и перестроилъ нашъ евклидовскій, трехмѣрный міръ. Въ этой новой геометріи искусства величайшій подвигъ Достоевскаго-художника.

□

До него мы не знали, что это возможно. А онъ не знаетъ, пожалуй, что возможно другое: міръ Евклида просто не существуетъ для него. Духовность всего сущаго такъ же для него очевидна, какъ очевидна для насъ аксіомы нашей геометріи. Врядъ-ли даже Достоевскій иногда отдаетъ себѣ отчетъ въ этомъ несходствѣ его міра съ нашимъ міромъ. Духовность его зрѣнія бываетъ сильнѣе его расчѣтовъ, его желаній, сильнѣе его самого.

Легче всего увидѣть это въ тѣхъ случаяхъ, когда Достоевскій стремится изобразить самое, казалось бы, бездуховное, тѣлесное: грѣхъ любострастія, преступную похоть, развратъ. То, какъ онъ видитъ міръ, отражается и вообще на всей его «эротикѣ».

«Я говорю тебѣ: изгибъ. У Грушеньки шельмы есть такой изгибъ тѣла, онъ и на ножкѣ у ней отразился, даже въ пальчикѣ-мизинчикѣ на тѣвой ножкѣ отозвался». Такъ говоритъ Дмитрій Карамазовъ и въ его устахъ эротическій признакъ превращается въ духовный: изгибъ этотъ — тѣлесная интеллекція Грушенькина тѣла, форма, заданная ему душой. Тотъ же смыслъ открывается и въ «узкомъ, мучительномъ слѣдкѣ»; таково же сладострастіе и самого Федора Павловича Карамазова. Въ его словахъ о томъ, что «босоножку и мовешку надо сперва на перво удивить», въ его разсказѣ о матери Ивана и Алешѣ выражается не сладострастіе вообще, въ его обычномъ тѣлесномъ обликѣ, а совсѣмъ другое: кощунственное униженіе чужой души, надругательство надъ тѣмъ, что для нея всего святѣе. Недаромъ апогей разсказа Федора Павловича заключается въ плевокъ на икону, актъ не любодѣйства, а другого, болѣе страшнаго, потому что болѣе духовнаго грѣха.

Еще яснѣе все это въ «Исповѣди Ставрогина». Характерны уже первыя ея слова: «Я, Николай Ставрогинъ, отставной офицеръ, въ 186. г. жилъ въ Петербургѣ, предаваясь разврату, въ которомъ не находилъ удовольствія». Удовольствіе нашелъ Николай Всеволодовичъ въ чемъ-то совсѣмъ иномъ, подъ обычное по-

нятіе разврата вовсе не подходящемъ. Недаромъ онъ говоритъ: «Я убѣжденъ, что могъ бы прожить цѣлую жизнь, какъ монахъ, несмотря на звѣриное сладострастіе, которымъ одаренъ и которое всегда вызывалъ». Если такъ, то значить сладострастіе было не такимъ уже звѣринымъ. И дѣйствительно, во всемъ дальнѣйшемъ разсказѣ объ изнасилованіи дѣвочки, повѣсившейся потомъ, суть вовсе не въ какомъ-нибудь эротическомъ извращеніи. Вся притягательность этого поступка для Ставрогина заключается въ чудовищномъ униженіи души Матрешки, въ оскверненіи ея святыни, ея духовной чистоты, ея дѣтскаго восхищенія передъ самими Ставрогинскими. Въдъ и начинается Ставрогинъ съ того, что садится подлѣ нея на полъ и цѣлуетъ руку дѣвочки; потомъ волна жалости хлынетъ на него, и какъ разъ попирая эту жалость, онъ совершаетъ тотъ актъ нравственнаго убійства, который лишь въ уголовномъ уложеніи, но не на языкѣ его души, называется растлѣніемъ малолѣтнихъ. «Полагаю, — говоритъ онъ, — что это ей смертнымъ ужасомъ показалось: Бога убилъ». Въ этомъ богоубійствѣ и заключается смыслъ дѣянія Ставрогина; оно такой же чисто-духовный экспериментъ — рѣшающій въ духовномъ мірѣ, — какъ убійство для Раскольниковъ, какъ отцеубійство для Ивана Карамазова, какъ самоубійство для Кирилова. Все остальное Достоевскаго и его героя просто не интересуетъ. Матреша — не жертва извращеннаго вождѣленія Ставрогина; вождѣленія къ ней у него вообще нѣтъ; ощущаетъ онъ только все то же страшное напряже-

ніе души, раздираемой униженіемъ и гордостью, которымъ Достоевскій одержимъ, какъ постоянно своею темой. Это ведетъ Ставрогина къ оскорбленію чужой святыни, къ дьявольскому вознесенію надъ поправной чужой душой. И желаніе Достоевскаго назидательно изобразить предѣлъ «звѣринаго сладострастія» только обнажило лишний разъ чистую духовность его міра.

Даже вопреки сознательнымъ его намѣреніямъ, все служить у Достоевскаго этому новому міру, гдѣ движутся его герои, гдѣ развертывается дѣйствіе его книгъ. Вънъ духовности для него вообще нѣтъ жизни. Тѣлесно-душевное биологическое бытіе, котораго почти достаточно Гомеру и Толстому, итальянскимъ живописцамъ и греческимъ скульпторамъ, для него равняется небытію, не имѣетъ ни цѣны, ни смысла. Сила жизни измѣряется у него одною лишь духовной напряженностью, высшая форма которой — такая же духовная любовь. Ставрогинская скука, кончающаяся мышленнымъ шнуркомъ, это — невозможность любить, а невозможность любить есть въ конечномъ счетѣ уничтоженіе духовности. Герои другихъ романовъ обобщились-бы и безъ нея; въ мірѣ Молассана, напримѣръ, «гражданинъ кантона Ури» былъ бы челоукомъ, подобнымъ другимъ людямъ и даже оказался бы способнымъ на «любовь» въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово никогда не встрѣчается у Достоевскаго. Его героямъ безъ духовности не обогтисъ; ея ущербъ для нихъ — болѣзнь, ея исчезновеніе — смерть; никакъ имъ не «вопло-

тяться въ семипудовую купчиху». Недаромъ это у него мечта діавола. Изъ четвертаго измѣренія къ третьему возврата нѣтъ.

Нѣтъ возврата и для насъ, для русской, для міровой литературы. Зачеркнуть того, что Достоевскій совершилъ, нельзя. Математика покончила бы самоубійствомъ, если бы теперь пожелала вообразить, что, кромѣ евклидовой, другой геометріи нѣтъ, что Римана и Лобачевского не существовало. Однако оцѣнить значеніе Достоевскаго для нашего времени можно только понявъ, что духовность его міра отнюдь не означаетъ какой-то его искусственности, надуманности, абстрактности. Духовность и отвлеченность — вещи совершенно разныя и по разному противоположныя тѣлесно-душевному конкретному бытію, которому обшано просвѣтленіе въ мірѣ духовномъ, по которому грозитъ уничтоженіемъ отвлеченный міръ. Смѣшеніе духовнаго съ отвлеченнымъ — одно изъ самыхъ опасныхъ заблужденій нашего времени, и какъ разъ въ силу него друзья Достоевскаго такъ легко превращаютъ его образы въ формулы и видятъ въ его книгахъ лишь иллюстраціи теоретическихъ положеній, тогда какъ враги столь же несправедливо обвиняютъ его въ призрачности и абстрактномъ произволѣ. На самомъ дѣлѣ герои Достоевскаго живутъ не менѣе полной жизнью, чѣмъ герои Толстого, только жизнь эта разворачивается въ другомъ планѣ и получаетъ поэтому другой смыслъ. Свидригайловъ и Раскольниковъ, Шатовъ и Кириловъ

— не призраки, не тѣни, не условные резонеры, излагающіе для насъ идеи автора; они столь же законченные въ себѣ живыя лица, какъ Стива Облонскій, Наташа или Пьеръ; только не тѣмъ они живы и до такой степени не хлѣбомъ одними живутъ, что кажется порой могутъ и вовсе обойтись безъ хлѣба.

Конечно, въ исходномъ пунктѣ его творчества, отвлеченность представляетъ большую опасность для Достоевскаго, чѣмъ для Толстого или даже чѣмъ для любого другого романиста; но побѣда надъ этой опасностью какъ разъ и есть первое, въ чемъ сказывается его гений. Онъ побѣждаетъ ее уже въ основномъ замыслѣ своего искусства, въ томъ языкѣ, какимъ написаны величайшія изъ его книгъ. Этогъ языка такъовъ, что онъ привлекъ многихъ «любителей изяшнаго» къ мнѣнію, что Достоевскій «пишетъ плохо», и даже искреннихъ поклонниковъ его къ столь же нелѣпому убѣжденію, что судить его надо отвлекаясь отъ «несовершенной формы» его твореній. На самомъ дѣлѣ, Достоевскій — великій стилистъ, одинъ изъ величайшихъ въ русской литературѣ, и только противохудожественныя представленія о какой-то развѣ навсегда определенной «красотѣ слога» помѣшали всеобщему признанію этой истины. Ритмъ, который въ его романахъ такъ неудержимо увлекаетъ насъ впередъ, есть не только ритмъ событий, но въ той же мѣрѣ ритмъ языка, и придать языку эту ритмическую силу можетъ быть доступно лишь великому его хозяину и мастеру. Но едва ли не еще большее мастерство проявилъ Достоевскій въ томъ, что какъ

разъ и ставить ему въ вину близорукіе его противники. Онъ исходитъ не изъ литературнаго языка, какъ одинъ русскіе писатели, и не изъ народнаго говора, какъ другіе, а изъ языка самаго что ни на есть бумажнаго, чиновничьяго, будничнаго, полнаго подхихиваній, ужимокъ, говорка, уменьшительныхъ, словоерсовъ и всяческихъ бытовыхъ словечекъ. Если бы Достоевскій исходилъ не изъ этого языка, если бы онъ писалъ, какъ Тургеневъ, его книги не избѣжали бы нарочитости, а быть можетъ ихъ и невозможно было бы читать; но можно предполагать, что и самая его ненависть къ Тургеневу была наполовину внушена отвращеніемъ къ писательской манерѣ, особенно рѣзко несовмѣстимой съ направленіемъ его собственнаго творчества. Геній его такъ былъ устроенъ, что именно отправляясь отъ этого явнаго убожества, онъ съ тѣмъ большей силой умѣлъ унести въ свою духовную стихію; и тѣмъ стремительнѣй онъ увлекаетъ насъ съ собой, чѣмъ меньше въ его языкѣ элементовъ пластическихъ, заранѣе оформленныхъ, округленныхъ и какъ бы тѣмъ самымъ подчинившихся закону тяготѣнія.

Но то, что открывается въ его обращеніи съ языкомъ, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ основной законъ его искусства. Достоевскій находитъ все то высокое и духовное, чего онъ ищетъ, не воспаря надъ землею, а прорываясь вглубь и даже опускаясь внизъ. Въ этомъ его сходство съ величайшимъ религиознымъ живописцемъ Европы, Рембрандтомъ; въ этомъ его связь съ глубочайшими подземными тяготѣніями рус-

ской литературы, нашедшими свое полное выраженіе только въ немъ; и въ этомъ же отличіе его отъ Гоголя, желавшаго тѣму освѣтить извнѣ, вмѣсто того, чтобы въ ней самой искать и найти источникъ свѣта. Гоголю трагически не удалась его попытка написать «Божественную Комедію», въ которой первая часть «Мертвыхъ Душъ» заняла бы мѣсто «Ада», и нѣчто вродѣ объясненія этой неудачи можно найти въ записанныхъ имъ словахъ митрополита Филарета: «Въ русскомъ народѣ теплоты много, а свѣту мало». Достоевскій въ самой теплотѣ нашелъ свѣтъ, котораго Гоголь тамъ не искалъ, и въ планѣ искусства это открытіе привело къ той побѣдѣ надъ отвлеченнымъ, къ тому воплощенію духовности, т. е. облеченію ея въ новую, безгблесную и хотя вполне конкретную, но какъ бы уже дематериализованную плоть, которое составляетъ самый драгоценный завѣтъ Достоевскаго нашему времени, то, чему всего нужнѣй, хотя и всего труднѣй у него учиться.

♦♦

Вопреки обычному мнѣнію, мы нынѣ живемъ и ужъ особенно литература живетъ въ мірѣ болѣе соприродномъ Достоевскому, нежели Толстому. Поверхностный наблюдатель этого не замѣчаетъ, такъ какъ въ жизни онъ встрѣчалъ гораздо больше Николаевъ Ростовыхъ, чѣмъ Ивановъ Карамазовыхъ, да и самого себя ему легче и пріятнѣе вообразить Любымъ изъ толстовскихъ героевъ, чѣмъ Свидригайловымъ или княземъ Мышкинымъ. Онъ не даетъ себѣ отчета въ томъ, что нормаль-

ность героев Толстого, естественность и очевидность мира, изображенного имъ, относится къ прошлому, еще повсюду окружающему насъ въ своихъ омертвѣлыхъ и привычныхъ формахъ, а не къ будущему, въ которое мы не перестаемъ вросать. Видѣть это мѣшаетъ еще и обычное смѣшиваніе чувства жизни, свойственного Достоевскому и питающего его искусство, съ его идеями, съ философией, какую можно извлечь изъ его книгъ. Идея эти тѣмъ, кому онъ не нравятся, кажутся лишними «актуальности», и въ самомъ дѣлѣ о нихъ болше болтали, ими чаще начинали средній руки романы еще лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ, нежели теперь. Вліяніе Достоевскаго въ теченіе долгихъ лѣтъ сводилось чаще всего къ использованию его упрощенно воспринятыхъ «проблемъ», его наслѣхъ перенятой идейной системы со стороны болше или менше искусныхъ бедетристовъ, пытавшихся этими пряностями приправить свои черзчуръ прѣсные блюда; такое вліяніе дѣйствительно за послѣднее время частью сознательно отбрасывается, частью само собой ослабѣваетъ, и объ этомъ не приходится скорбѣть. Достоевскій — великій мыслитель, и было бы печально, если бы поздѣйствіе его въ этомъ направленіи такъ и ограничилось бы порожденіемъ чего то параллельнаго пухляцкому ницшеизму, вмѣсто того, чтобы привести къ тому настоящему продумыванію и дальнѣйшему развитію его мыслей, которое, какъ для Ницше, только теперь для него и началось. Однако, независимо отъ той или иной судьбы его идей, Достоевскій еще

и великій художникъ, а въ этой области важно вообще не вліяніе, а предвидѣніе, предчувствіе, тайное родство съ еще не рожденнымъ, но уже общавшимъ родиться временемъ. Достоевскій съ нами не потому, что наплодилъ подражателей, которые еще и сейчасъ не перевелись, а потому, что міръ предчувствованный, воображенный имъ, все болше становится окружающимъ всѣхъ насъ реальнымъ міромъ.

Сравненіе съ Толстымъ тутъ болше, чѣмъ когда-либо неизбежно и показательно, хотя, не будь Толстого, оно могло бы быть замѣнено сравненіемъ съ любымъ другимъ великимъ романистомъ XIX вѣка. Толстой — послѣдній изобразитель природнаго человека, уходящаго корнями въ землю, приросшаго къ роду и семьѣ, сохранившаго единство душевнотѣлеснаго жизненнаго опыта, присутствующаго всѣмъ своимъ существомъ въ каждомъ изъ своихъ поступковъ и желаній. Достоевскій — первый изобразитель человека оторваннаго отъ этихъ связей, витающаго гдѣ-то между небомъ и землей, перенесшаго всю напряженность живой жизни въ область чисто-духовныхъ столкновеній, муки и радости. Говорить о послѣднемъ и первомъ мы здѣсь можемъ, разумеется, лишь условно, такъ какъ въ одномъ случаѣ было много продолжателей и эпигоновъ, и еще болше предшественниковъ въ другомъ; однако разница между мірами, представленными Толстому и Достоевскому все же такъ велика, что пользуясь аналогіей грубой, но вѣрной, міръ Толстого можно уподобить системѣ натуральнаго хозяйства, а міръ Достоевскаго —

системѣ хозяйства денежнаго или, вѣрнѣе, кредитнаго. Никакіе интересы, импульсы, оцѣнки, наводимые у Толстого, никогда не отдѣлены отъ обычной, почти можно сказать матеріальной человѣческой жизни, просвѣчивающей всюду, сквозь всѣ размышленія, чувства и взаимоотношенія его героевъ. Въ его мірѣ жизненная энергія остается тутъ же въ жизни, не выдѣляется ни въ какіе посторонніе по отношенію къ ней символы и цѣнности; въ его хозяйствѣ обмѣниваютъ прямо дѣсь на зерно, жизнь — на любовь и смерть. Не то въ мірѣ Достоевскаго. Тутъ, напротивъ, живутъ и умираютъ только ради или даже въ силу чего-то, что имѣетъ такое же отношеніе къ непосредственно-ощутимой жизненной стихіи, какъ кредитный билетъ къ тому, что онъ значитъ, къ тому, чего онъ стоитъ. Въ этомъ мірѣ каждый поступокъ есть какъ бы выдача векселя, не жизни, а смыслу жизни, и хотя Достоевскому принадлежатъ слова о томъ, что надо любить жизнь больше смысла ея, врядъ ли именно онъ могъ даже представить себѣ жизнь внѣ ея смысла или смысловъ. Вотъ почему для тѣхъ, кто эти смыслы утратилъ, кто не вѣрять имъ, любя ея книга — только пачка астигмаций, не имѣющихъ хожденія, тогда какъ Толстой биржевыхъ операций человѣчества не боится: его искусство укоренено не въ смыслахъ, а въ жизни, и не знаетъ никакихъ превышающихъ ее цѣнностей. Самоубійство Кирилова можетъ стать людямъ совершенно непонятнымъ; смерть Ивана Ильича не можетъ стать непонятной, пока есть люди и пока имъ надо умирать.

Изъ всего этого можно, какъ будто, сдѣлать обычный выводъ о недолговѣчности Достоевскаго и устойчивости Толстого. Тѣ, кто его дѣлаетъ, склонны не безъ удовольствія утверждать, что хотя все самое важное и дорогое для Достоевскаго (но не для нихъ) обернулось не больше, чѣмъ инфляціонною кредиткой, на которой написано «милліардъ» и которая не стоитъ ничего, искусство тѣмъ не менѣе способно процвѣтать и впредь опираясь на вѣчно-человѣческое, на вѣчно-жизненное, повинуюсь примѣру толстовскаго искусства. Они забываютъ, однако, что окончательно отказаться отъ смысла ради жизни, отъ цѣнностей ради человѣка, значило бы лишить смысла и цѣнности самыя слова жизни и человѣкъ. Они забываютъ еще, что и искусство Толстого, поскольку оно — искусство, предполагаетъ существованіе художественныхъ, а значитъ уже не просто жизненныхъ цѣнностей, и что возможность читать «Анну Каренину», какъ газетную хронику, какъ житейскій документъ (подобно тому, какъ ее недавно прочла одна неискушенная въ литературѣ комсомолка) еще не означаетъ возможности изъ однихъ документовъ, сквозь нихъ не прорываясь, надъ ними не возносясь, состряпать «Анну Каренину». Отказъ отъ наджизненныхъ цѣнностей и смысловъ есть также и отказъ отъ литературы, въ результатѣ котораго писанія Достоевскаго и Толстого одинаково должны превратиться для будущихъ читателей въ сборники разнородныхъ, болѣе или менѣе интересныхъ и полезныхъ матеріаловъ, съ той только разницей, что матеріалы

Толстого окажутся общедоступный и понятный материалы Достоевского. За пределами того довольно узкого слоя образованных людей, для которого существует литература, как искусство, это уже так и сейчас; но внутри него дѣло обстоит совѣмь иначе. Мѣръ, въ которомъ литература сейчасъ только и можетъ жить, ближе къ міру Карамзовыхъ, чѣмъ къ міру Левина, и связь между Верховенскимъ, Шатовымъ и Ставрогинимъ, между Рогожинымъ и княземъ у гроба Настасьи Филипповны, имѣетъ больше смысла для него, чѣмъ отношенія между Анной, Каренинымъ и Вронскимъ. Каковы бы ни были частныя мифы и вкусы людей, населяющихъ этотъ мѣръ, сами то они все же меньше похожи на героев Толстого, чѣмъ на героев Достоевского, и какъ бы они ни были правы, находя незбылемой «Смерть Ивана Ильича», имъ самымъ угрожаетъ скорѣй горячка Ивана или революерь Свидригайлова.

О раздѣленіи жизненно - нормального и духовно - дѣйствительнаго не только можно пожалѣть: ему нельзя не ужаснуться. Но не считается съ нимъ значить ничего въ современномъ мѣрѣ не понятъ. Его симптомомъ было уже само одновременное появленіе двухъ столь небывало односторон-

ныхъ, несдыханнымъ образомъ полярныхъ въ отношеніи одинъ къ другому геніевъ, какъ Достоевскій и Толстой. Никто не въ силахъ сейчасъ заполнить расширившуюся пропасть. Отъ старой душевно - тѣлесной конкретности искусство отошло и въ пределахъ нашей культуры оно не сможетъ къ ней вернуться. Но вѣрно и то, что утрата этой конкретности — величайшая опасность для искусства: отвлеченность научнаго міровоззрѣнія и разсудочность технической цивилизаціи никакой души ей не могутъ дать, и литературу на этомъ пути ожидаетъ лишь смерть на операціонномъ столѣ или отъ лабораторныхъ реактивовъ. Достоевскій указалъ ей единственный выходъ изъ тупика — въ сторону духовности побѣждающей отвлеченности, жизни дающей плоть наджизненнымъ мірамъ, любви видящей звѣзды не только въ небѣ, но и въ черномъ зеркалѣ падшей человѣческой души. Указалъ его Достоевскій, не какъ учитель, а какъ пророкъ; подражателей не поощрилъ; никакихъ практическихъ совѣтовъ на пользу молодымъ писателямъ не оставилъ и не могъ оставить. Но другого пути нѣтъ. Остается разгадывать его пророчество.

В. Вейдле.

Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм

I.

Положение истории, как и всякой науки в Советской России, вполне определяется характерным для марксистской идеологии, особенно в ее ленинском варианте, отрицанием автономного значения науки. Если в среднем века наука была «служанкою богословия», то в СССР наука вообще, а история по преимуществу, является рабой политики. В этом утверждении нет ни преувеличения, ни враждебной предвзятости. Оно может быть легко обосновано как бесчисленными декларациями на эту тему историков - марксистов-ленинцев, так и самым поверхностным анализом их научной продукции и их шумной деятельности на них же самими созданном «историческом фронте». Одним из тезисов коммунистической фракции совета Общества историков - марксистов «о задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период» гласить: «Всякая наука есть партийная наука, догмат о безпартийности науки есть одно из вреднейших извращений марксизма, чреватое самыми печальными последствиями... История же, как наука «сугубо-политическая», должна быть максимально политически заостренной и партийной в большей степени, чем все другие науки, она должна непримиримо бороться со всякими уклонами от ленинского понимания историческа-

го процесса». В особенности важны для нас определенные и резкие высказывания на эту тему общепризнанного главы советских историков - марксистов-ленинцев М. Н. Покровского. Он любил повторять, что история есть политика, опрокинутая в прошлое. Это определение, твердо и бездумно усвоенное его многочисленными учениками и последователями, таило в себе роковые угрозы для исторической науки, опекаемой Покровским, и в сущности заключало в себе полное отрицание истории как науки.

В тесной связи с признанием истории наукой «сугубо-политической» стоит и возведенное Покровским и его учениками в догмат отрицание возможности объективной истории. Эту самоубийственную для исторической науки мысль Покровский развивал бесчисленное количество раз на всевозможные лады. «Мы определенно и ярко подчеркиваем, что мы считаем свою задачу политической задачей. Мы не драпируемся в объективную науку»). Еще более ярко и выразительно: «Нужно, чтобы... каждый историк-коммунист твердо помнил, что, идя на приманку из такого тухлого мяса, как давно подошедшая буржуазная «объективность», он самым опре-

*) «Труды первой всесоюзной конференции историков - марксистов». Т. I. М. 1930.

дѣятелямъ образомъ предаетъ насюмѣ участкѣ дѣло рабочаго класса во всемъ мірѣ *). Наконецъ, въ своемъ послѣднемъ публичномъ выступленіи, въ рѣчи на десятилѣтіи Института красной профессуры 1 дек. 1931 г., которую можно разсматривать какъ своего рода научное завѣщаніе Покровскаго, онъ счелъ нужнымъ еще разъ вернуться къ той же темѣ: «Мой завѣтъ вамъ: не идти «академическимъ» путемъ, какимъ шли мы, ибо академизмъ включаетъ въ себя какъ непремѣнное условіе признаніе этой самой объективной науки, какъ-то не существуетъ. Наука большевистская должна быть большевистской».

Ученики твердо усвоили этотъ завѣтъ Покровскаго. Одинъ изъ нихъ, Кноринъ, утверждаетъ: «Никакой другой объективности кроме политической целесообразной марксистско-ленинской объективности не существуетъ и не можетъ существовать. Всякая попытка сконструировать другую объективность есть сползание съ классовой, партійной линіи къ позиціи другого класса». Другой ученикъ Покровскаго, и притомъ видный — А. И. Панкратова, входящая въ составъ совѣтской делегаціи на VII международномъ историческомъ конгрессѣ въ Варшавѣ въ 1933 году, въ некрологѣ Покровскаго писалъ, до конца договаривая мысли своего учителя: «Исторія — орудіе въ рукахъ борющейся массы. Какимъ бы словеснымъ маскардомъ ни приукрашивали свои истинныя клас-

совые намѣренія историки, начиная отъ крѣпостника Карамзина и кончая такими столпами буржуазной исторической науки, какъ Ключевскій и Миллюковъ, для насъ теперь ясно, что исторія использовывалась ими отнюдь не въ качествѣ легкаго эстетическаго занятія. «Объективной», въ-классовой исторіи не существуетъ. Самая формула «объективной» исторіи была придумана буржуазіей какъ средство одурманиванія массъ... Попытки отдѣлать политику отъ исторіи, научное изслѣдованіе отъ публицистики, теорію марксизма отъ практики революціоннаго дѣйствія — это попытки зафѣдомо притѣснить дѣло пролетарской революціи. Нѣтъ нужды умножать цитаты, ибо сходныя высказыванія въ писаніяхъ историковъ-марксистовъ-ленинцевъ по истинѣ безчисленны, а болѣе яркой формулы, чѣмъ найденная Панкратовой, незначѣмъ искать: исторія есть публицистика! Такая характеристика результатовъ научнаго творчества «буржуазнымъ» историкомъ была бы воспринята какъ оскорбленіе, — для историка-марксиста она звучитъ нынѣшню похвалою!

Изъ этой основной установки коммунистической методологій вытекаетъ рядъ важныхъ свѣдѣній, опредѣляющихъ какъ пути развитія самой марксистско-ленинской исторіографіи, такъ и судьбы «буржуазной» исторической науки въ СССР. Послѣдній моментъ и является темою настоящаго очерка. Если историческая наука есть одинъ изъ фронтовъ, на которыхъ пролетаріатъ подъ водительствомъ коммунистической партіи ведетъ борьбу за упроченіе

*) М. Н. Покровскій. «Историческая наука и борьба классовъ». Ч. II. 1933.

ние своей диктатуры, то историки-марксисты представляют собою отрядъ, сражающийся на этомъ фронтѣ. «Мы, историки-марксисты, являемся однимъ изъ отрядовъ Ленинской арміи, и положеніемъ фронта въ цѣломъ объясняются и наши задачи. У насъ на этомъ фронтѣ есть свое определенное мѣсто, свои определенные противники, свои определенные позиціи, которыя мы штурмуемъ». Эти противники — такъ называемые буржуазные историки, т. е. всѣ историки-некоммунисты, а также тѣ изъ коммунистовъ, кто провинился въ «уклонахъ» отъ генеральной линіи партіи, эти штурмуемые позиціи — «буржуазная» историческая наука. «Въ наукѣ вопросъ идеологическій есть вопросъ политическій. Кто колеблется нашу идеологию, тотъ есть нашъ политическій противникъ, просимъ это помнить» (М. Н. Покровский). Въ сущности въ этой деклараціи дано исчерпывающее объясненіе отношенія совѣтской марксистско-ленинской историографіи къ «буржуазной»: это — борьба, беспощадная, борьба не съ идейнымъ антагонистомъ, а съ классовымъ врагомъ. Въ принципѣ, это — борьба на уничтоженіе, но по тактическимъ соображеніямъ въ извѣстные моменты она можетъ принимать болѣе мягкія формы, способныя вводить въ заблужденіе стороннихъ наблюдателей. Слѣдующій, по необходимости весьма скатый, обзоръ покажетъ, какъ именно протекала борьба на историческомъ фронтѣ.

Уже періодъ гражданской войны и военного коммунизма (1918-1921 гг.) ознаменовался настоя-

щимъ разгромомъ русской исторической науки. Историки старой формации съ первыхъ же шаговъ коммунистической власти оказались въ положеніи подозрительной социальной группы, принадлежащей къ стану классовыхъ враговъ пролетарскаго государства. Поэтому историкамъ старой выучки въ ближайшее же время послѣ Октябрскаго переворота пришлось испытать сильныя стѣсненія прежде всего изъ своей профессиональной дѣятельности. Большинство изъ нихъ было устранено отъ преподаванія въ высшей школѣ. Материально плохо обезпеченные, историки, будучи оторваны отъ привычнаго и любимаго дѣла, вынуждены были ради скуднаго заработка заниматься часто совершенно случайными, далекими отъ ихъ специальности работами. Тяжелыя жизненныя условія эпохи военнаго коммунизма, вызвавшія небывалую смертность среди русскихъ ученыхъ, сильно разредили и безъ того достаточно жидкіе ряды русскихъ историковъ. Въ 7-ой книгѣ «Русскаго Историческаго Журнала» (П. 1921) былъ опубликованъ списокъ русскихъ ученыхъ, работавшихъ въ области гуманитарныхъ наукъ, въ большинствѣ своемъ историковъ, скончавшихся въ 1918-1921 гг. Списокъ этотъ, отнюдь не претендующій на полноту, содержитъ, однако, около 200 именъ*). Въ 16-

*) Если ограничиваться лишь болѣе громкими именами, то среди погибшихъ за эти годы приходится отмѣтить слѣдующихъ ученыхъ:

Русская исторія (включая всѣ сферы исторіи русской культуры

ти случаяхъ противъ имени умершаго стоитъ многозначительная отмѣтка «убитъ», въ одномъ — «умеръ въ тюрьмѣ», въ пяти случаяхъ отмѣчено самоубійство. Не менѣе выразительны помѣтки иного рода, къ сожалѣнію, весьма многочисленныя: византиинистъ П. В. Безобразовъ «скончался въ крайней нуждѣ отъ истощенія»; академикъ М. А. Дяконовъ «скончался послѣ недолгой болѣзни, вызванной общимъ истощеніемъ организма»; извѣстный специалистъ по исторіи Западной Руси проф. П. Н. Жуковичъ «скончался, простудившись при занятіяхъ въ неоплаченной Публичной библіотекѣ». Архивиста Н. Н. Марко-

и вспомогательныя историческія дисциплины): С. А. Бѣлокурова, А. К. Бороздинъ, С. А. Венгеровъ, М. А. Дяконовъ, А. Я. Ефименко, П. Н. Жуковичъ, Д. И. Иловайскій, А. П. Кадлубовскій, Н. Ф. Кантарева, Д. Ф. Кобеко, Д. А. Корсаковъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, П. О. Морозовъ, вел. князь Николай Михайловичъ, Д. Н. Онсанико-Куликовскій, В. И. Савва, М. И. Туганъ-Барановскій, А. А. Шахматовъ, И. А. Шляпкинъ, С. А. Шумаковъ.

Всеобщая исторія (включая византиновѣдѣніе, славяновѣдѣніе и ориенталистику): Ф. Д. Батюшковъ, П. В. Безобразовъ, Р. Ф. Брандтъ, А. Н. Веселовскій, Н. И. Веселовскій, А. С. Вязигинъ, А. Я. Гаркави, В. И. Герье, В. А. Жуковскій, Ю. А. Кулаковскій, В. В. Латышевъ, И. В. Лучицкій, И. С. Пальмовъ, А. И. Позднѣевъ, В. В. Радловъ, Я. И. Смирновъ, кн. Е. Н. Трубецкой, Б. А. Тураевъ, Т. Н. Флоринскій, М. М. Хвостовъ, В. Н. и Е. Н. Щепкины.

ва «нашли въ квартирѣ мертвымъ. Онъ лежалъ на полу возлѣ стола, въ пальто, шапкѣ, галошахъ. На столѣ была неоконченная записка, въ которой Н. Н. Марковъ просилъ сослуживца зайти къ нему. Записка оборвалась на словѣ: «коченію»...

Для русской исторической науки особенно тягостна была гибель отъ истощенія и лишеній такихъ крупнѣйшихъ ея представителей, притомъ находившихся въ расцвѣтѣ или, по крайней мѣрѣ, въ полномъ обладаніи своихъ творческихъ силъ, какъ академики А. С. Лаппо-Данилевскій († 7 февраля 1919), М. А. Дяконовъ († 10 августа 1919), Б. А. Тураевъ († 23 июля 1920) и А. А. Шахматовъ († 16 августа 1920). Послѣдній изъ нихъ, создатель новаго метода изученія русскихъ лѣтописей, наложившій печать своего гениальнаго духа на цѣлое поколѣніе изслѣдователей русскаго прошлаго, умеръ отъ болѣзни (ущемленіе кишки, сопровождаемое гангренознымъ воспаленіемъ), вызванной непосильною физическою работою. Другой выдающійся знатокъ русскаго лѣтописанія, академикъ Истринъ слѣдующими гнѣвными словами откликается на смерть А. А. Шахматова: «Прославленный русскій ученый, 40 лѣтъ своей жизни беззавѣтно отдавшій на служеніе родной наукѣ, профессоръ и академикъ Шахматовъ, принужденъ былъ на своихъ слабосильныхъ плечахъ носить на 3-й этажъ 2-хъ аршинныя бревна, падалъ, изнемогая подъ ихъ тяжестью, пилъ и кололъ ихъ и тѣмъ ускори́лъ свою преждевременную смерть. Для будущихъ поколѣній это станетъ легендой. Но для

насть, его современниковъ, это не легенда, а живая дѣйствительность, и дѣйствительность суровая, печальная, ...позорная».

Совершенно такъ же, какъ Шахматовъ, погибъ одинъ изъ лучшихъ историковъ римскаго права московскій профессоръ І. А. Покровскій († 14 апрѣля 1920). Некрологъ его, написанный проф. М. Я. Пергаментомъ, даетъ такую картину его смерти: «Въ 1918 г., по очевидной связи съ ужасами тѣхъ дней, І. А. заболѣваетъ грудною жабою, и съ тѣхъ поръ его здоровье — медленно, но неуклонно — идетъ на убыль. Минувшая зима довершаетъ разрушительное дѣло. Въ третій день пасхальной недѣли, послѣ доставки къ себѣ на домъ, черезъ весь городъ, на плечахъ, запоздаващаго къ праздникамъ «ученаго пайка», послѣ носки дронъ изъ подвала на свою квартиру на 5-ый этажъ, І. А.-ча снова постигаетъ припадокъ грудной жабы, — второй и послѣдній».

Въ другихъ случаяхъ преждевременная смерть крупнѣйшихъ русскихъ историковъ стояла въ связи съ тяжелыми моральными потрясеніями революціонной эпохи, въ корни подрывавшими жизнеспособность организма и убивавшими волю къ жизни, вслѣдствіе чего случайное, незначительное само по себѣ недомоганіе быстро развивалось въ смертельный недугъ. По поводу смерти академика Лаппо-Данилевскаго его ученикъ и другъ, тоже крупный русскій историкъ, нынѣ уже покойный, А. Е. Прѣсняковъ писалъ: «Крайне тягостно переживалъ онъ распадъ той культуры, которая его вскормила, и подрывъ многого въ той традиціи, которая,

при всей ея исторической условности, была носителемъ дорогихъ ему «абсолютныхъ цѣнностей». Носитель глубокихъ культурныхъ традицій не вынесъ ихъ трагической ломки». Приблизительно такъ же была воспринята друзьями смерть акад. Тураева, лучшаго русскаго знатока исторіи Древняго Востока. Въ посвященномъ ему некрологѣ акад. Жебелевъ писалъ: «Тураевъ, не будучи въ силахъ ни примириться съ существующими для истинныхъ мужей науки условіями жизни, ни продолжать свое существованіе среди этихъ условій, хотѣлъ уйти изъ этого міра и переселиться въ тотъ міръ, гдѣ ему, какъ истинно-вѣрующему христіанину, уготована жизнь вѣчная».

Цѣлый рядъ русскихъ историковъ сталъ въ эти годы жертвою краснаго террора: въ маѣ 1919 г. былъ разстрѣлянъ кievскою Ч. К. извѣстный славистъ, заслуженный профессоръ Киевскаго университета Т. Д. Флоринскій; одинъ изъ лучшихъ медіевистовъ, профессоръ Харьковскаго университета А. С. Вязигинъ, увезенный изъ Харькова въ числѣ заложниковъ въ іюнѣ 1919 г. передъ очищеніемъ этого города красными войсками, въ началѣ осени того же года былъ зарубленъ въ городѣ Орлѣ вмѣстѣ съ другими харьковскими заложниками (въ числѣ ихъ было еще 2 профессора Харьковскаго университета: классической филологин — Денисовъ и богословъ — протоіерей Н. С. Стеллецкій); отличный знатокъ эпохи Петра Великаго московскій историкъ С. А. Князьковъ былъ разстрѣлянъ въ Москвѣ въ октябрѣ 1919 г. по дѣлу Національнаго центра и т. д.

Исключительно трагиченъ былъ конецъ знаменитой изслѣдовательницы русскаго народнаго быта и древнѣйшихъ судебъ крестьянской общины престарѣлой (род. 1848) А. Я. Ефименко. Въ некрологъ ея, написанномъ С. Ф. Платоновымъ, мы читаемъ: «Ее убили солдаты Петлюровскаго полка — убили за то, что она не хотѣла выдать солдатамъ спрятавшихся въ ея квартирѣ двухъ дочерей харьковскаго губернскаго старосты Неклюдова; ... былъ произведенъ обыскъ, дѣвушки были обнаружены, убиты, и ихъ участь тутъ же на мѣстѣ раздѣлили А. Я. Ефименко».

Иныхъ русскихъ историковъ неувѣроятный моральный гнетъ, неизбежный атрибутъ совѣтской власти, заставлялъ искать избавленія въ эмиграціи или даже въ самой смерти (самоубійство профессора Харьковского университета по кафедрѣ русской исторіи В. И. Саввы, доцента Петроградскаго университета по кафедрѣ исторіи политическихъ ученій М. Б. Горенберга и др.). Другіе остались подъ властью большевиковъ, но участь ихъ была достаточно тяжела: власть налагала запретъ на ихъ живое слово, суровая жизненная обстановка не позволяла многимъ изъ нихъ обращаться къ перу. Тѣмъ не менѣе этотъ періодъ для русскихъ «буржуазныхъ» историковъ въ одномъ отношеніи былъ несомнѣнно благоприятнѣе, чѣмъ позднѣйшее. Въ это время совѣтская власть, напряженно борозившая за самое свое существованіе, естественно, не могла уделять достаточно приставнаго вниманія «историческому фронту», и тѣ изъ русскихъ историковъ, которые имѣли воз-

можность научно работать, не испытывали еще удручающаго гнета въ сферѣ своего научнаго творчества и не подвергались пристрастнымъ допросамъ по поводу каждой написанной ими строки со стороны добровольныхъ слѣдователей и прокуроровъ изъ числа «историковъ - маркистовъ», въ то время еще очень немногочисленныхъ и неавторитетныхъ.

Это наблюденіе относится къ извѣстной мѣрѣ и къ эпохѣ НЭПа (1922-1927), во всякомъ случаѣ къ первымъ годамъ ея. Улучшеніе матеріальныхъ условій существованія и нѣкоторая стабилизация социальныхъ связей открыли для части русскихъ историковъ возможность возврата къ научной работѣ. Была возможность и опубликовывать ея результаты: если въ эти годы одинъ за другимъ погибали старые историческіе журналы, свободные отъ повинности быть рупоромъ казенной доктрины историческаго материализма («Русскій Историческій Журналъ», «Голосъ Минувшаго», «Былое»), то на ихъ мѣсто возникали новые журналы и періодическіе сборники того же характера, правда, болѣею частью очень недолговѣчные, иногда прекращавшіе свое существованіе послѣ выхода въ свѣтъ единственнаго выпуска («Историческій Архивъ», «Дѣла и Дни», «Анналы», «Архивъ исторіи труда», позже переименованный въ «Трудъ въ Россіи», «Русское Прошлое», «Россія и Западъ», «Вѣха»). Примерно къ 1925 году всѣ эти изданія отмерли, но зато все болѣе вниманія чисто историческимъ темамъ начали уделять «Извѣстія Академіи Наукъ СССР» (VII се-

рия. Отдѣленіе гуманитарныхъ наукъ); возобновилось изданіе «Лѣтописи занятій Археологической Комиссіи»; въ 1926-1928 г. издалъ 7 томовъ своихъ «Ученыхъ записокъ» Институтъ исторіи РНИОН (Россійская ассоціація научно-ислѣдовательскихъ институтовъ общественныхъ наукъ). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ печатались и работы, не носившія казеннаго марксистскаго штампа. Наконецъ, въ эти годы были изданы отдѣльными книгами рядъ серьезныхъ монографій лучшихъ русскихъ историковъ - немарксистовъ, напримеръ: «Къ вопросу о происхожденіи вотчиннаго режима» С. Б. Веселовскаго (1926 годъ), «Очерки по исторіи колонизации Сибири въ XVI - XVII вв.» С. В. Бахрушина (1927 г.), «Очерки изъ экономической исторіи средневѣковой Европы» Д. М. Петрушевскаго (1928 г.) и др.

Однако, всѣ эти благопріятныя обстоятельства не должны заслонять отъ насъ другую сторону дѣла, гораздо болѣе существенную: посягательства на внутреннюю свободу научнаго изслѣдованія въ эти годы становятся все болѣе планомѣрными, все болѣе настойчивыми. Коммунистическіе руководители «историческаго фронта» все внимательнѣе присматриваются къ идеологически чуждымъ имъ историкамъ до-революціонной формации и принимаютъ разнообразныя мѣры къ парализованію ихъ вреднаго, съ точки зрѣнія казенной доктрины, вліянія. Къ числу самыхъ грубыхъ въ своей примитивности мѣръ этого порядка принадлежатъ всѣмъ памятная высылка за границу осенью 1922 г. ряда русскихъ историковъ одновремен-

но со многими другими представителями русской интеллигенции. Тогда были высланы изъ Москвы — Кизеветтеръ, изъ Петербурга — Мякотинъ, Карсавинъ, Федотовъ, изъ Казани — Стратоновъ, изъ Одессы — Флоровскій и Бицилли и др. Историки, оставшіеся въ Россіи и продолжавшіе научно работать, испытывали стѣсненія въ опубликованіи результатовъ своей изслѣдовательской работы, вслѣдствіе чего въ научный оборотъ не вошелъ цѣлый рядъ готовыхъ къ печати монографій и статей какъ признанныхъ мастеровъ русской исторической науки (такъ остался не напечатаннымъ 3-й томъ классическаго «Опыта русской исторіографіи» маститаго академика В. С. Иконникова), такъ въ особенности молодыхъ историковъ-немарксистовъ. Послѣдніе въ большинствѣ своемъ вынуждены были вовсе прекратить научно-ислѣдовательскую работу. Другіе историки поставлены были въ необходимость покупать право публикаціи своихъ трудовъ цѣною сдѣлокъ со своею научною совѣстью, или отрекаясь наскоро отъ прочно, казалось, сложившагося міросозерцанія, или же скрывая свое подлинное научное лицо подъ личиною псевдо-марксистской благонамѣренности, въ угоду требованіямъ коммунистическаго начальства, иногда въ научномъ отношеніи совершенно безграмотнаго. Однако, и эти жертвы часто не достигали цѣли, вызывая только откровенное презрѣніе у власти имущихъ. Историкъ - коммунистъ В. Зельцеръ въ рецензіи на книгу «Московский край въ его прошломъ» писалъ: «Конечно, совре-

менная буржуазная историография кое-чему научилась; она опасается дѣлать печатно выводы, строить концепции, — это опасно; она пытается ограничиться пересказомъ матеріала. Но старое нутро осталось и т. д.».

Вотъ за разоблаченіе этого стараго нутра «буржуазной» историографии и принялись съ особеннымъ рвеніемъ историки - коммунисты, руководимые Покровскимъ, начиная съ 1929 г., въ связи съ общимъ измѣненіемъ внутренней политики совѣтской власти и ликвидаціей остатковъ НЭП'а. Впрочемъ, наступательныя операціи на историческомъ фронтѣ развивались и ранѣе. Генеральнымъ штабомъ, разработавшимъ ихъ планъ, служило возникшее въ 1925 г. и ставшее дѣеспособнымъ съ 1926 г. Общество историковъ-марксистовъ, одной изъ задачъ котораго, согласно уставу общества, была поставлена борьба съ извращеніемъ исторіи буржуазной наукой». Обостреніе борьбы противъ «буржуазной» исторической науки на первыхъ порахъ выражалось преимущественно въ приданіи болѣе рѣзкаго, порою прямо непристойнаго характера научной полемикѣ съ историками старой школы. Яркими образчиками такой полемики, нетерпимой, узко - доктринерской, а иногда просто невѣжественной по существу, неприлично грубой по формѣ, могутъ служить дискуссіи по поводу книги профессора Московскаго университета, авторитѣтѣйшаго въ настоящее время русскаго медіевиста, Д. М. Петрушевскаго: «Очерки изъ экономической исторіи средневѣковой Европы», инсценированная социологической секціей Общества исто-

риковъ - марксистовъ весной 1928 года и высказыванія главы историковъ - марксистовъ Покровскаго и его учениковъ по поводу книги академика Е. В. Тарле: «Западная Европа въ эпоху империализма». Въ то же время на отдѣльныхъ историковъ стали обрушиваться кары за такого рода преступленія, какъ поддержаніе чисто научныхъ связей съ русскими историками - эмигрантами, за сотрудничество въ такихъ строго специальныхъ, лишенныхъ политической окраски зарубежныхъ изданіяхъ, какъ посвященные византиновѣдѣнію и археологикѣ сборники семинара имени Н. П. Кондакова въ Прагѣ.

Но все это были лишь отдѣльные предвѣстники того страшнаго погрома, который постигъ русскую немарксистскую историческую науку въ 1929 - 1931 гг., когда въ полной мѣрѣ выявился зловѣщій смыслъ цитированной выше угрозы Покровскаго: «Кто колеблетъ нашу идеологию, тотъ нашъ политическій противникъ». «Буржуазные» историки были выбиты изъ послѣднихъ занимаемыхъ ими академическихъ позицій и обречены на полную научную бездѣятельность. Въ эти годы были преобразованы въ коммунистическомъ духѣ или вовсе упразднены тѣ научныя учрежденія, въ которыхъ еще находило себѣ приютъ относительно независимое историческое изслѣдованіе: Академія Наукъ была съ грубымъ насильемъ надъ волею академиковъ пополнена новыми членами сомнительнаго научнаго вѣса, но безукоризненными по поддержанности ихъ марксистской идеологикѣ; соответствующимъ образомъ была реформирована Исто-

рико - археографическая Комиссия; Институт истории РАНИО. На был вонсе упраздненъ и замѣненъ марксистскимъ Институтомъ истории при Коммунистической академіи.

Однако, самой горестной стороной гонений на русскую историческую науку были не мѣропріятія организационнаго характера, а уничтоженіе кадровъ научныхъ работниковъ, массовые аресты, заключеніе въ тюрьму, ссылка, а въ отдѣльных случаяхъ даже казни «буржуазныхъ» историковъ, въ томъ числѣ многихъ крупнѣйшихъ ученыхъ, труды которыхъ принадлежали къ лучшимъ достижениямъ русской историографіи послѣднихъ десятилѣтій. Достаточно назвать имена академиковъ С. Ф. Платонова, М. К. Любавскаго, Н. П. Лихачева, Е. В. Тарле, профессора Д. Н. Егорова, С. В. Рощевскаго, С. В. Бахрушина, Ю. В. Готье, А. И. Яковлева и др. Всѣмъ этимъ ученымъ, въ большинствѣ своемъ людямъ преклоннаго возраста, съ организмомъ, ослабленнымъ тяжестью условій совѣтскаго быта, пришлось провести въ тюрьмѣ долгіе мѣсяцы, нѣкоторымъ — свыше полутора лѣтъ, по обвиненію въ какихъ-то фантастическихъ преступленіяхъ, не поддающихся никакой юридической квалифікаціи. Повидимому, власть собиралась инсценировать еще одинъ большой судебный процессъ моднаго въ тѣ годы типа «вредительскихъ», но въ концѣ концовъ отказалась отъ своего намѣренія изъ-за слишкомъ разительной вздорности конкретныхъ обвинительныхъ пунктовъ. Тогда находившіеся въ заключеніи историки, уже безо всякой комедіи

судебнаго разбирательства, властью ГПУ были приговорены частью къ ссылкѣ, частью же къ принудительнымъ работамъ на срокъ отъ 5 до 10 лѣтъ и разосланы по разнымъ отдаленнымъ угламъ СССР, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ (Платоновъ, Егоровъ, Бутенко) и скончались, не выдержавъ послѣдствій тяжелаго тюремнаго заключенія и голоднаго существованія на положеніи «лишенцевъ».

Если ГПУ не смогло создать процесса историковъ, то историки-марксисты устроили отвратительное судилище надъ своими идейными антагонистами, которыхъ они, впрочемъ, предпочитали трактовать какъ классовыхъ враговъ и политическихъ злоумышленниковъ, исходя изъ положенія, что «каждою антимарксиста приходится размаркировать какъ потенциальнаго вредителя». При этомъ историки-марксисты нисколько не были смущены тѣмъ, что ихъ противники, сидя въ тюрьмѣ, не могли парировать возводимыхъ на нихъ обвиненій. Этому судилищу была придана форма дискуссионныхъ вечеровъ, на которыхъ въ январѣ и февралѣ 1931 г. подверглись «разоблаченію» академики Тарле и Платоновъ и ихъ школы, а заодно и вся вообще русская немарксистская историографія. Протоколы этихъ собраній были изданы въ формѣ книги (Р. Зайдель и М. Цвибакъ. «Классовый врагъ на историческомъ фронтѣ. Тарле и Платоновъ и ихъ школы». М.-Л. 1931), которая заслуживаетъ уваженія, какъ одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ «человѣческихъ документовъ», свидѣтельствующихъ о томъ, до какой степени идей-

наго убожества и моральнаго паденія доводятъ даже квалифицированныхъ ученыхъ фанатическая доктрина и диктаторскій режимъ. Нельзя безъ омерзения и глубокаго внутренняго протеста слѣдить при чтеніи этой книги за безмѣрно грубыми выпадами молодыхъ учениковъ, большею частью весьма новоявленныхъ коммунистовъ, противъ своихъ престарѣлыхъ академическихъ учителей отъ которыхъ они, охваченные животнымъ страхомъ, теперь отрекаются самыми позорнымъ образомъ, требуя примѣрнаго (вплоть до смертной казни!) наказанія Тарле и Платонова. За какія же провинности? Для примѣра остановимся на обвиненіяхъ, выдвинутыхъ во время дискуссіи противъ покойнаго академика Платонова. Самимъ обвинителямъ пришлось признать безукоризненную добросовѣстность и точность Платонова въ пользованіи историческими источниками, а поэтому удары ихъ обрушиваются преимущественно на выборъ имъ темъ для своихъ научныхъ и научно - популярныя работы. Если въ книгѣ 1923 г. «Смутное время» Платоновъ подчеркиваетъ роль въ ликвидаціи великой смуты начала XVII в. среднихъ классовъ населенія, то это онъ дѣлаетъ какъ апологетъ Колчака и Деникина. Обвинителя не смущаетъ даже то обстоятельство, что въ книгѣ 1923 г. Платоновъ только популяризируетъ выводы своего классическаго изслѣдованія «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI - XVII вѣковъ», вышедшаго въ свѣтъ почти за 20 лѣтъ до начала гражданской войны въ Россіи. Если въ революционную эпоху Плато-

новъ обращается къ изученію русскаго сѣвера («Прошлое русскаго сѣвера». П. 1923), то это потому, что въ сѣверо-русскихъ кулакахъ онъ надѣется найти силу, способную свергнуть большевиковъ. Если въ своемъ докладѣ на Берлинской недѣлѣ русскихъ историковъ въ 1928 году («Проблема русскаго сѣвера въ новейшей историографіи») онъ еще разъ подчеркиваетъ давно установленный фактъ экономической благодетельности для Московскаго государства сѣверной торговли съ англичанами и голландцами, то это является контръ-революціонной демонстраціей въ пользу иностранной интервенціи. Его небольшіе этюды по бытовой исторіи эпохи Петра Великаго («полу - порнаграфическія, полунекдотическія замѣтки, по характеристикѣ Цвибака») трактуются тоже какъ своеобразная политическая демонстрація: историкъ въ эпоху великихъ социальныхъ потрясеній съ любовью погружается въ давно исчезнувшій бытъ именно съ цѣлью подчеркнуть, что окружающая дѣйствительность ему глубоко чужда и отпратительна. Такимъ образомъ, контръ-революціоннымъ заданіямъ объясняется и обращеніе Платонова къ социально - экономическимъ темамъ и отходъ отъ этихъ темъ.

Академику Тарле было поставлено въ вину, между прочимъ, какъ разъ то, что составляетъ главное достоинство его научныхъ трудовъ, именно широкое использование сырого архивнаго матеріала, впервые самимъ изслѣдователемъ привлекаемаго къ научному обороту. Одинъ изъ участниковъ дискуссіи Щеголевъ су-

мѣлъ инкриминировать Тарле эту «установку на архивное сырьё», какъ своего рода научное вредительство по отношенію къ совѣтской исторической наукѣ. Эта установка, по мнѣнію Щеголева, означаетъ игнорированіе всей текущей работы историковъ-марксистовъ. Совѣтскіе историки-марксисты, работающіе въ области западной исторіи, по цѣлому ряду объективныхъ условій рѣдко имѣютъ возможность обращаться къ такимъ источникамъ. Если принять установку Тарле и слѣдовать его директивамъ, то пришлось бы замкнуться въ рамки историческаго изслѣдованія, основаннаго на архивномъ сырьѣ, что по сути дѣла означало полную иммобилизацію научной работы нашихъ западниковъ». Тотъ же участникъ дискуссій характеризуетъ научный методъ Тарле какъ «пренебрежительно - барское отношеніе къ марксистской исторіографіи». Эти цитаты говорить сами за себя. «Обвиненіе», выдвинутое въ нихъ противъ академика Тарле, сводится къ требованію отъказа отъ подлинной изслѣдовательской работы ради составленія научно - популярныхъ компиляцій, и порицаютъ своей явной недобросовѣстностью: вѣдь основныя монографіи Тарле, дѣйствительно отличающіяся обиліемъ и свѣжестью использованнаго имъ архивнаго матеріала, а тѣмъ самымъ «вредительскія» по отношенію къ совѣтскимъ историкамъ-марксистамъ, псѣ относятся къ дореволюціонной эпохѣ!

Нелѣпость и недобросовѣстность обвиненій, выдвинутыхъ Щеголевымъ противъ Тарле, конечно, не являются индивидуальными чертами даннаго обвините-

ля, а густо окрашиваютъ собою всю полемическую и обличительную, а вѣрнѣе прокурорскую, литературу историковъ - марксистовъ. Приведу нѣсколько характерныхъ примѣровъ, взятыхъ уже не изъ дискуссій по поводу школы Тарле и Платонова. Быть-можетъ, еще поразительнѣе по своей вздорности обвиненіе, выдвигаемое историкомъ-марксистомъ И. Курша. накомъ противъ проф. Готье азъ рецензіи на книгу послѣдняго «Желѣзный вѣкъ въ Восточной Европѣ». Самая рецензія имѣетъ чрезвычайно характерный подзаголовокъ: «Какъ разрабатываютъ буржуазные историки идеологію интервенціи». Проф. Готье обвиняется въ этомъ преступленіи на томъ основаніи, что онъ выдвигаетъ роль норманновъ въ созданіи государственности среди восточныхъ славянъ. Старая-прѣстарая, имѣющая по меньшей мѣрѣ двухвѣковую давность историческая концепція объявляется послѣднимъ словомъ политическихъ злоумышленниковъ, стремящихся къ сверженію совѣтской власти! Здѣсь незвѣжество и недобросовѣстность принимаютъ прямо патологическія формы: автора рецензіи легко можно заподозрить въ томъ, что онъ одержимъ манией преслѣдованія.

Итакъ, историкамъ - немарксистамъ въ СССР объявлена война, война на уничтоженіе. Въ этихъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія. Сами большевики не скрываютъ своихъ намѣреній. Одинъ изъ видныхъ коммунистическихъ историковъ С. Пюи-ковскій въ спеціальной обличительной брошюрѣ: «Буржуазная историческая наука въ Россіи» (М. 1931) доказываетъ необхо-

димось покончить съ «буржуазной» историографіей разъ навсегда, истребивъ самые корни ея: «Наша задача заключается въ томъ, чтобы помочь имъ (буржуазнымъ историкамъ) поскорѣе умереть, умереть безъ слѣда и остатка».

Правда, примѣрно съ 1934 г. борьба на историческомъ фронтѣ вновь приняла болѣе мягкія формы: большинство сосланныхъ историковъ, сумѣвшихъ перенести испытанія тюрьмы и ссылки, было возвращено; нѣкоторые изъ нихъ получили возможность научно работать и даже печатать свои труды *); увеличилось вообще количество работъ, не носящихъ слишкомъ рельефнаго штампа казенной идеологіи; наконецъ, — и это самое существенное — историческому фронту самимъ Сталинымъ дана новая боевая задача, состоящая въ продолженіи вредныхъ взглядовъ злѣйшаго ненавистника и гонителя «буржуазной» исторической науки Покровскаго, котораго нынѣ обвиняютъ не въ чемъ иномъ, какъ въ «попыткѣ ликвидаціи исторіи какъ науки». Походъ противъ Покровскаго, котораго еще недавно сама власть аттестовала какъ «блестящаго историка-марксиста, съ исключительнымъ успѣхомъ проводившаго методъ діалектическаго матеріализма въ об-

ластяхъ, которыя до него никогда не подвергались обследованію съ точки зрѣнія марксистской методологіи, какъ автора «фундаментальнаго труда по исторіи Россіи, который является классическимъ трудомъ» и котораго теперь на каждомъ шагѣ уличаютъ — и притомъ тѣ же самые вчерашніе панегиристы — въ марксистской малограмотности, въ методологической невыдержанности, въ антиисторизмѣ, въ «наплеватьскомъ» отношеніи къ вопросамъ истинности историческаго познанія и т. д., представляетъ собою чрезвычайно любопытное явленіе, заслуживающее спеціальнаго этюда. Но нельзя забывать, что борьба противъ «школы Покровскаго», являющаяся сегодняшнимъ дозунгомъ, нисколько не расшатала основной установки марксистско - ленинской историографіи. Какъ и въ дни славы Покровскаго, историки - марксисты, даже ратуя противъ него, продолжаютъ утверждать: «Конечно, историческая наука неразрывно связана съ политикой, является острѣйшимъ оружіемъ политики... Историческая наука сугубо партийна. Это азбука марксизма».

Въ настоящій моментъ «буржуазные» историки въ СССР, уже очень немногочисленные, получили возможность дышать. Но въ случаѣ новаго усиленія коммунистическаго гнета въ странѣ, они опять будутъ привлечены къ суровой отвѣтственности за свои работы, опубликованныя въ годы смягченія (весьма относительнаго) режима, ибо «кто колеблетъ нашу идеологію, тотъ нашъ политическій противникъ, просимъ это помнить!»

Е. Максимовичъ.

*) Иногда, правда, на условіяхъ, роняющихъ научное достоинство ученаго, примѣромъ коихъ можетъ служить недавній выходъ въ свѣтъ послѣдняго труда академика Тарле «Наполеонъ І-ый» подъ редакціей... К. Радека.

Музыкальное творчество въ Совѣтской Россіи

Зарубежная Россія почти ничего не знаетъ о томъ, что свершается въ Совѣтской Россіи въ области музыки. Не знаетъ и какъ будто и знать не хочетъ, точно тутъ уже заранѣе рѣшили, что князь Назарета не можетъ быть ничего хорошаго*. Откуда это непростительное равнодушіе — сказать не такъ легко, но тому имѣются повидимому причины и въ самомъ составѣ эмиграціи и въ той трудности, съ которой сопряжено вообще ознакомленіе съ музыкой, особенно съ новой музыкой. Музыка вѣдь не книга, которую можно купить или даже взять въ библиотекѣ: для большинства «ознакомиться» съ музыкой значить прослушать ее въ исполненіи — стало быть надо устроить «концертъ»: все это дорого и громоздко и не по силамъ эмиграціи. Не безъ вліянія осталось и то, что немногочисленные музыканты, переселившіеся въ Европу, относились въ большинствѣ къ художественно консервативному уклону — у нихъ отмѣчается не только отсутствіе интереса къ новой совѣтской музыкѣ, но и вообще ко всякой новой музыкѣ. Наконецъ, есть и третья причина: сама совѣтская власть, усиленно способствовавшая распространенію зарубежомъ своей литературы, по отношенію къ музыкѣ ведетъ себя гораздо сдержаннѣе: пропаганда предоставляется самимъ авторамъ и они дѣлаютъ это плохо и робко. Въ итогъ за 20 почти лѣтъ зарубежомъ было исполнено едва ли два десятка совѣтскихъ композицій и

такъ разрозненно, что онѣ не производили впечатлѣнія*).

Говоря о музыкѣ совѣтской, я имѣю въ виду музыку авторовъ, работающихъ въ СССР — принципъ опредѣленія, такъ сказать, географическій. При сложности силъ политическихъ, общественныхъ и художественныхъ, дѣйствующихъ въ СССР — иное опредѣленіе и трудно и на практикѣ невозможно, такъ какъ неминуемо влечетъ за собою выключеніе большихъ и интересныхъ категорій авторовъ изъ плана описанія. Три поколѣнія русскихъ композиторовъ были застигнуты революціей, къ которой они были подготовлены менѣе своихъ коллегъ по инымъ искусствамъ. Въ противоположность литературѣ, которая въ Россіи почти всегда была окрашена политически, музыка была до крайности аполитична: музыканты словно обитали на какомъ то островѣ блаженныхъ, внѣ условій соціального пространства и времени. Эти три поколѣнія были, такъ сказать,

*) На моей памяти были исполнены: двѣ или три симфоніи Мясковского, «Траурная ода» Крейна, нѣсколько ф-панныхъ пьесъ Фейнберга, «Сталелитейный заводъ» Мосолова, симфоніи Шостаковича, небольшой симфоническій эскизъ и виолончельная соната Юліана Крейна (который тогда жилъ за границей). И это за 20 лѣтъ и во всемъ мірѣ. Списокъ не полный, но онъ даетъ идею о скудости музыкальной информации.

«разрѣзаніе» событіями на двѣ части: совѣтскую и зарубежную. При аполитичности музыкантовъ — это разрѣзаніе имѣло безусловно болѣе случайный характеръ, чѣмъ аналогичная операція въ мірѣ литературы. Если литераторы покидали Россію изъ-за несогласія съ принципами новаго строя, то музыканты покидали и оставались въ значительной мѣрѣ случайно, само покиданіе нерѣдко не носило характера разрыва — далеко не всѣ покинувшие были враждебны совѣтскому строю (какъ, напр., покойный Глазуновъ, который жилъ и умеръ совѣтскимъ гражданиномъ, или Прокофьевъ, который, побывъ нѣкоторое время въ эмиграціи, вернулся обратно). Убѣждали болѣе тѣ, которымъ уже улыбулся раньше призракъ славы и извѣстности (Рахманиновъ, Метнеръ, Гречаниновъ, Черепнинъ, Прокофьевъ), оставались тѣ, кому онъ до событій не успѣлъ улыбнуться. Но въ общемъ тѣ, которые остались, уже не имѣли шансовъ стать извѣстными въ Европѣ и не столько благодаря изоляціи СССР, но и по той причинѣ, что къ этому времени состояніе самого музыкальнаго дѣла въ Европѣ претерпѣло существенныя измѣненія: процессъ меркантилизаціи музыки принялъ размѣры катастрофическіе — кризисъ идейнаго меценатства и гегемонія некультурныхъ импрессио отдали музыку во власть механической стихіи рынка и притихъ условныхъ вопросовъ изысканности въ европейскомъ мірѣ свелся къ вопросу о количествѣ затраченнаго капитала. Ясно, что русскіе авторы — совѣтскіе и не-совѣтскіе — одинаково тутъ не могли ничего подѣлать.

Прежде всего — какую атмосферу оставляли въ СССР (въ музыкальномъ отношеніи) покидавшие ее музыканты? Всякій, кто изъ совѣтской Россіи попадалъ въ Европу или обратно, замѣчалъ различіе общаго тона музыкальной жизни тутъ и тамъ. Я говорю не объ эмигрантской музыкальной жизни, которой, въ сущности, почти нѣтъ, а объ общеєвропейской. Даже тѣ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ не склоненъ былъ видѣть ничего хорошаго въ СССР и его порядкахъ, вынуждены признать, что съ музыкальнымъ искусствомъ и атмосферой тамъ дѣло обстоитъ, несмотря на всю тяжесть пережитыхъ годовъ, — несравненно лучше, естественнѣе и привольнѣе, чѣмъ не въ старой Россіи, но зѣ Европѣ. Музыкантъ тамъ еще не обратился въ безвольный и безотвѣтный товаръ въ рукахъ хищнаго антрепренера, но остался артистомъ. Въ совѣтской Россіи, какъ и въ прежней, съ музыкантомъ можно говорить о музыкѣ — съ европейскимъ можно говорить только объ ангажементахъ. Самое положеніе музыканта въ СССР, при всей тяжести жизни, оказывалось неизмѣримо морально выше, чѣмъ на Западѣ: музыканты были почетными членами общества и входили въ высшій «аристократическій кругъ» совѣтскаго міра. И артистическое удовлетвореніе тамъ осталось чище: музыкантъ — композиторъ встречалъ тамъ внимательную и строгую аудиторію, знакомую намъ «русскую публику» прежнихъ лѣтъ.

Можно было бы думать, что годы военнаго коммунизма и гражданской войны обезснѣли му-

зыкальное покое, но этого не было: музыканты и композиторы в частности остались все цы и живы и среди них почти не было непосредственных жертв террора. Что касается до тяжести жизни в эпоху военного коммунизма, то хотя естественно было предполагать, что она отзовется на продукцию авторов, однако действительность показала нечто неожиданное: именно в эти годы музыкальная работа была как-то экзотически или истерически продуктивной. Именно тогда началась и стихийная популяризация музыкального искусства в грандиозных размерах. Артисты, которые до того времени не покидали столичных сцен, стали настоящими номадами и посетили такие зачуханные уголки России, про которые раньше никогда сами не слышали. Музыкальная культура распылилась и ее смена начали попадать в самые безкультурные места.

Одновременно усилилась и работа по собиранію народного творчества. Не только изслѣдователи ѣздили в глухія уголки России и коллекционировали пѣсни и инструменты, но и народные музыканты (чего раньше почти не бывало), пѣвцы и виртуозы разныхъ національностей стали прѣзжать в столицы. Получилось нечто вроде общенія культурнаго музыкальнаго міра и еще спящихъ въ этническомъ снѣ словъ, не тронутыхъ никакой цивилизаціей.

Это пробужденіе этническихъ массъ въ музыкальномъ отношеніи имѣло огромное вліяніе на измѣненіе состава и вкуса музыкальнаго міра. Появился новый слушатель, съ интересомъ къ серъ-

езной музыкѣ, но еще наивный, неискушенный въ разныхъ хитрыхъ достиженіяхъ и модахъ музыки послѣднихъ лѣтъ, относящійся къ процессу воспріятія музыки непосредственно. Не безъ вліянія на уровень вкуса было и то, что представители новаго правящаго слоя имѣли въ общемъ музыкальный вкусъ болѣе простой и не столь пресыщенный, какъ передовая буржуазія, которая командовала вкусами предреволюціонной эпохи. Вкус публики, деформированный подъ вліяніемъ событій, неминуемо клонился къ отходу отъ изысканности и такимъ образомъ музыкальный міръ России естественно и неминуемо вступалъ на путь демократизаціи искусства.

Я уже упоминалъ о томъ, что совѣтской власти достались композиторы готовые и притомъ мало подготовленные къ революціи. Съ перваго момента стало ясно, что новая власть вслѣдствіе своего «эстатическаго темперамента» не сможетъ оставить музыку въ томъ анархическомъ, привольномъ положеніи, въ которомъ она раньше была — чувствовалось, что рано или поздно стихія музыки должна быть ассимилирована организмомъ всеобъемлющаго государства, причемъ въ наступившихъ условіяхъ самое отдѣленіе отъ государства пріобрѣтало характеръ «интердикта» — отлученія и связаннаго съ нимъ обреченія на ничтожество. Аполитичность музыкальнаго міра смягчала ощущенія — вѣдь музыкантъ, казалось, мѣнялъ только «заказчика», но не поступалъ идей. Музыка имѣла то квази-преимущество, что будучи въ своемъ чистомъ видѣ неспособна отобра-

жать идеи, она имѣла право и ослобжаніе оставаться аполитичной и безпредметной. Однако возможность для чистаго музыканта остаться невозмутимымъ среди бурь революцій, сохранить свое привычное «сидѣніе въ уединенной башнѣ» оказалось миражемъ. Дѣло въ томъ, что чистая музыка (т. е. въ конечномъ счетѣ инструментальная) была вкусовымъ достиженіемъ и уровнемъ дореволюціонной эры. Для новыхъ слушателей, менѣе подготовленныхъ, инструментальная музыка была еще мало вразумительна и н скудна. Они предпочитали, какъ и всякій дилетантъ, музыку связанную со словомъ (вокальную), или съ зрѣлищемъ (балетъ), или съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ (опера) — а тамъ, куда аступали слово и образъ, немедленно начинали работать социальныя идеи и сохранить политическую невинность оказывалось уже нелегко.

Изъ трехъ поколѣній композиторовъ, встрѣтившихъ революцію, старшее представляло консервативную партію въ искусствѣ: это были послѣдователи Чайковского или «могучей кучки». Къ разсматриваемому времени въ ихъ рядахъ не оставалось уже «ведущихъ» именъ — самымъ крупнымъ былъ Глазуновъ — но и онъ не представлялъ уже активной величины. Къ этой группѣ примыкали и нѣкоторые болѣе молодые, но консервативные по убѣжденіямъ авторы, стоявшіе въ антагонизмѣ къ намѣчающимся въ это время въ музыкѣ новшествамъ. Таковы были Рахманиновъ и Метнеръ.

Второе поколѣніе въ музыкѣ было тѣмъ самымъ, чѣмъ въ литературѣ были символисты. Это

были въ свое время искатели новой музыкальной красоты, противники косности и рутины, «революціонеры въ искусствѣ» — въ то же время это были люди, исповѣдывавшіе гордую изолированность и надмірность художника, окружавшіе его мистическимъ ореоломъ. Это «слилейно-орхидейное» поколѣніе было по своему устремленію противоположно предыдущему, въ коемъ безусловно присутствовала извѣстная демократическая тенденція и которая даже въ своихъ исканіяхъ какъ то опиралась на «народъ».

Музыкальные авторы этой генерации легче аналогизируются съ живописной группой «Міра искусства», чѣмъ съ философски настроеннымъ литературнымъ символизмомъ (настоящимъ символизмомъ въ музыкѣ былъ одинъ Скрябинъ). Къ ней относится многочисленная плеяда авторовъ (родившихся около 1880-1890 гг.), главные фигуры которой: Мясковский, братья Фейнбергъ, Александровъ, Гедике, Мелкихъ, Житомірскій и др. менѣе значительны. Они уже успѣли выступить и показать себя къ эпохѣ 1910-17 гг. Къ нимъ относится, въ сущности, и Стравинскій въ его первоначальной формации (до «Весны священной»). Изъ всей этой группы успѣли стать извѣстными за границей только Стравинскій и Прокофьевъ.

Прокофьевъ впрочемъ относился уже не къ этой, а къ слѣдующей («футуристической») формации. Къ кануну войны эти «слилейно-орхидейныя» настроенія уже успѣли прѣвѣться и стали вызывать реакцію въ тѣхъ самыхъ слояхъ, которые ихъ породили. Отъ

утонченности и «жречества» мода перекинулась къ противоположности — къ культу ритмической четкости и извѣстной грубости настроеній. Возможно, тутъ отразилось нарожденіе новаго предвоеннаго типа молодежи, бездумно и спортивно настроенной. Во всякомъ случаѣ «орхидеи» предыдущей эпохи уступаютъ мѣсто «кактусамъ» новаго, уже въ извѣстномъ смыслѣ футуристическаго поколѣнія, которое хотя тоже являлось поборникомъ новизны — но уже не музыкальной красоты. Напротивъ — въ этомъ поколѣніи красоты стыдились и старались выказать наименѣе красивыя возможности музыки, которыхъ оказалось еще очень много неиспользовано и оттого жатва новизны была чрезвычайно обильной. Кумиры прежняго поколѣнія — Дебюсси, Равель и отчасти Скрябинъ — померкли и молодежь бросилась къ новымъ идоламъ, Прокофьевъ занялъ зъ Россіи мѣсто руководителя. Очевидно, музыка въ общихъ чертахъ повторяла ходъ развитія европейской, сохраняя контуры ея смѣняющихся модъ и исканій.

Самый актъ революціи (октябрьской, ибо февральская ничего особеннаго въ музыкальный міръ не внесла) отразился прежде всего административнымъ переустройствомъ музыкальнаго міра. Въ происшедшей суматохѣ господствующіе музыкальные посты были заняты наиболѣе смѣлыми, кому явились представители самаго молодого («футуристическаго») поколѣнія. Это было явленіе общее для всѣхъ искусствъ и очевидно въ немъ была какая-то логика революціоннаго момента. Захватившіе сами объявили себя

крайними революціонерами и сторонниками «пролетарскаго» искусства, несмотря на то, что именно эти «лѣвые» были порожденіемъ какъ разъ наиболѣе пресыщенныхъ буржуазныхъ круговъ предреволюціонной эпохи и никакого отношенія къ политической лѣвизнѣ не имѣли. Тутъ было, конечно, и нѣчто отъ сознательной игры созвучными терминами «лѣвый» въ политикѣ и «лѣвый» въ искусствѣ. Напротивъ, исторія показываетъ, что всегда политически лѣвыя эпохи были связаны съ извѣстной художественной реакціонностью, что и естественно, ибо всякій революціонный переворотъ, поскольку онъ даетъ мѣсто народнымъ массамъ, влечетъ за собою извѣстное сниженіе утонченности вкуса. Въ области творчества, однако, засилье крайнихъ лѣвыхъ не могло имѣть мѣста просто потому, что ихъ было очень мало. Футуризмъ въ музыкѣ родился накануне революціи и не успѣлъ сформировать кадровъ. Засилье лѣвыхъ было сведено фактически къ занятію ими командныхъ верховъ въ музыкѣ (Артуръ Лурье — верховный музыкальный комиссаръ и Н. Рославецъ — музыкальный цензоръ). А активными композиторами оказались умѣренные или точнѣе — представители «орхидейнаго» поколѣнія. Что касается до «правыхъ», то ихъ положеніе оказалось печальнымъ: ихъ игнорировали, произведенія ихъ мало исполнялись и не печатались — вообще ихъ отстранили отъ участія въ активной жизни.

Что-то неестественное было въ создавшемся положеніи дѣлъ. Менѣе чѣмъ какое-либо другое поколѣніе импрессионистовъ могло

соотвѣтствовать художественнымъ ожиданіямъ власти. Какъ я уже говорилъ, это были «спѣльцы въ башнѣ», далекіе и отъ политики и отъ жизни вообще — ихъ желанія ограничивались тѣмъ, чтобы «все какъ можно скорѣе прошло» и ихъ башня осталась бы цѣлой и столь же уютной. И надо сказать, что довольно долгое время такъ и было на самомъ дѣлѣ, благодаря фактическому удаленію «музыкальнаго фронта» отъ передовыхъ позицій политики. Композиторы продолжали свое дѣло какъ будто ничего особеннаго въ Россіи не случилось и развивали свою линію формальныхъ исканій въ музыкѣ, причемъ и молодое поколѣніе, воспитанное предыдущимъ, невольно вовлекалось въ ту же атмосферу.

Но все же кругомъ «уединенной башни» нарастало напряженіе. Оно питалось разными причинами: во-первыхъ, неудовольствіемъ тѣхъ, кто былъ въ первый періодъ отъсѣненъ съ видныхъ мѣстъ — это правые, консервативные композиторы. Большею частью это были второстепенныя дарованія, но обладавшіе хорошей выучкой и ремесленной техникой. Изъ ихъ среды и раздался первый протестъ противъ засилья лѣвыхъ. Въ противовѣсъ аполитизму «импрессионистовъ», правые выдвинули идею «попутничества» — работы въ музыкальной области совместно съ новой властью и въ ея тенденціяхъ. Кромѣ того они рѣшительно опровергли лѣвыхъ въ ихъ утвержденіяхъ, что «лѣвое искусство» совпадаетъ съ пролетарскимъ и что оно и есть «музыка для рабочихъ». Это теченіе утверждало, что лѣвая музыка непо-

пята рабочимъ массамъ и имъ не нужна, и они призывали къ созданію музыки понятной и нужной, написанной въ учетъ вкусовъ новой публики. Нельзя отрицать того, что оппозиція лѣвымъ была солидно мотивирована и что вообще она болѣе соотвѣтствовала положенію дѣла, чѣмъ теоретическія умствованія лѣвыхъ. Новый слушатель умножался и требовалъ музыки; то, что ему давали какъ новое искусство, его ни въ какомъ отношеніи не удовлетворяло. То, что давали «попутники», объединившіеся впоследствии въ «Ассоціацію пролетарскихъ композиторовъ», было понятнѣе и вразумительнѣе. Но лѣвые не сдавались и оборонялись рьяно, что имъ было первое время легко, ибо они же и занимали всѣ отвѣтственные мѣста и къ нимъ власть обращалась за консультаціями въ затруднительныхъ случаяхъ. Борьба затянулась на десятокъ лѣтъ.

Фактически все бремя несенія музыкальной культуры и обереганія ея выпало именно на долю этой «группы импрессионистовъ», первородный грѣхъ которыхъ заключался въ томъ, что все развитіе ихъ творчества сложилось въ предреволюціонные годы и подъ вліяніемъ идей, ничего общаго съ революціей не имѣвшихъ, и что въ качествѣ своихъ слушателей они мыслили совершенно не тѣ слои, съ которыми имъ фактически пришлось столкнуться. Однако несмотря на весь ихъ революціонный анахронизмъ, они сумѣли сохранить художественную позицію и значимость центрального или главнаго ядра композиторовъ. Скажу болѣе, при этомъ они сумѣли поступиться ми-

нимумомъ возможныхъ и необходимыхъ уступокъ. Въ настоящее время часть ихъ занимаетъ уже положеніе, такъ сказать, «классиковъ» или «маслитыхъ». Въ особенности это относится къ Н. Мясковскому, признаваемому крупнейшимъ и авторитетнѣйшимъ композиторомъ совѣтской Россіи. Его солидность обезпечена уже его школой — онъ ученикъ Римскаго - Корсакова — и его стажемъ, ибо онъ является авторомъ уже пятнадцати симфоній — цифра рекордная не только для Россіи, но и для всей Европы 19-го вѣка и даже невольно вызывающая мысль о графоманіи. Запнувшись въ свой, въ сущности, непроницаемый симфоническій міръ отъ взоровъ окружающихъ его «духовъ революцій», Мясковский упорно ведетъ свою неизмѣнную линію: она исходитъ изъ музыкальной напѣвности Чайковского и Мусоргскаго и потому уже всѣми корнями погружена въ естественную стихію русской музыки. Это — одинъ изъ немногихъ композиторовъ даннаго поколѣнія, на котораго чары Скрябина и Дебюсси не оказали ровно никакого вліянія: въ итогъ онъ вовсе не такъ уже лѣвъ и вовсе не порываетъ съ музыкальной традиціей. Безысходно пессимистическій тонъ его творчества, роднящій его съ Чайковскимъ, иногда пріобрѣтаетъ черты истеричности. Это музыка безконечной душевной обнаженности, продолжающая русскую традицію творчества, какъ «исповѣди души», отчего совѣтская критика не разъ сближала Мясковского съ Достоевскимъ. Мясковский уже создалъ себѣ обширный кругъ поклонниковъ своего дарованія

и нельзя отрицать того, что эта музыка можетъ и даже должна возбуждать симпатіи въ русскомъ музыкальномъ слушателѣ. Но врядъ ли эти симпатіи будутъ сопровождать Мясковского за пределами Россіи: европейскій музыкальный міръ какъ разъ очень далекъ отъ этой душевной «наготы» русскаго композитора — тутъ она кажется неумѣстной, а мастерство Мясковского какъ композитора не такъ импонирующе и повидимому не лежитъ на первомъ планѣ для него самого.

Два ближайшихъ соратника Мясковского — Анатолій Александровъ и С. Фейнбергъ значительно мельче его по творческому масштабу, хотя чисто творческій талантъ Фейнберга быть можетъ и интереснѣе и сильнѣе таланта Мясковского. Александровъ не вышелъ изъ атмосферы салона, которая взрастила его изычное и холмопное творчество (на него оказали вліяніе и чисто консервативные авторы, какъ Рахманиновъ и Метнеръ) — атмосфера же эта стала анахронизмомъ съ первыхъ дней революціи. Что касается Фейнберга, то онъ, создавшій себѣ странный полубредовой и кошмарный міръ музыкальных образовъ, не выходитъ изъ интимной сферы фортепiano и романса и въ послѣднее время замолкъ, очевидно самъ убѣдясь въ анахроничности того, что онъ создаетъ. Это чрезвычайно жаль, ибо въ иныхъ условіяхъ онъ могъ бы достигнуть уровня музыкальнаго Эдгара Поэ.

Напротивъ, Н. Рославецъ является полнымъ антиподомъ Мясковского. Этого композитора, по возрасту примыкающій къ той же группѣ, въ своей музыкѣ ока-

зался много лѣвѣе и «моложе» въ европейскомъ музыкальномъ смыслѣ. Это — конструктивистъ, уничтожающій и отрицающій всякую психологію въ музыкѣ. Музыка для него — звуковая организація по опредѣленнымъ законамъ, въ умѣломъ примѣненіи которыхъ состоитъ мастерство композитора. Старая музыка, по Рославицу, пользовалась устарѣлыми законами: Рославецъ создаетъ новые и утверждаетъ, что по его системѣ можно сочинять самую современную музыку безъ всякаго вдохновенія, необходимость котораго онъ совершенно отрицаетъ. Рославецъ былъ однимъ изъ первыхъ, объявившихъ себя одновременно лѣвымъ въ искусствѣ и въ политикѣ, онъ же выступилъ и какъ пионеръ агитационной музыки и совѣтской тематики. Однако по странному капризу логики, тѣ его произведенія, которыя имъ предназначались какъ агитационныя, для рабочей массы, написаны въ совершенно иныхъ, несравненно болѣе простыхъ принципахъ. За эту непоследовательность онъ подвергся пролическимъ нападкамъ враждебной критики. Въ своихъ чистыхъ формальныхъ идеяхъ Рославецъ близокъ съ одной стороны Скрябину («всеобъемлющая теорія» или система), а съ другой — Стравинскому (музыка какъ звуковая организація и приматъ мастерства надъ вдохновеніемъ). Его чрезвычайно продуктивное творчество впрочемъ даже въ узкихъ музыкальных кругахъ не пользовалось признаніемъ и успѣхомъ.

Особую группу составили композиторы, которые еще до войны выступили какъ пионеры «еврей-

ской національной музыки». Это — Александръ Крейнъ (братъ знаменитаго въ Россіи ансамбля Шоръ-Крейнъ-Эрлихъ) и Гнесинъ. Къ этой группѣ примкнулъ впоследствии и другой Крейнъ, Григорій, братъ предыдущаго. Поставивъ себѣ цѣлью создать еврейскую композиторскую школу на подобіе «русской національной музыкальной школы», они подошли къ этой задачѣ совершенно аналогично русскимъ «кучкистамъ», сочетая типъ еврейской напѣвности и мелодики съ современнымъ звуковымъ обрамленіемъ. Гнесинъ — ученикъ Римскаго-Корсакова и едва ли не имъ вдохновленный на эту мысль, пошелъ къ дѣлу научно, путемъ тщательнаго изученія стили древнихъ и современныхъ еврейскихъ мелодій. Его путь былъ скорѣе путемъ изученія, чѣмъ вдохновенія. Напротивъ, А. Крейнъ болѣе азялъ интуиціей и ему удалось создать стиль очень оригинальный, эмоционально насыщенный, яркий и густой, обильно уснащенный мелодическимъ орнаментомъ. Если въ Гнесинѣ болѣе живетъ духъ еврейскаго раввина — законника — то Крейнъ скорѣе напоминаетъ по творческому типу библейскаго поэта-пророка. Въ своемъ стилѣ Гнесинъ создалъ немало вокальных вещей (на еврейскіе тексты), музыку къ «Розѣ и Кресту» Блока и оперу «Юность Авраама», выдержанную въ величественныхъ, нѣсколько ораторіальныхъ тонахъ. Крейну принадлежатъ — симфоническая поэма «Саломея», симфонія и соната, и интересная кантата «Каддишъ» и опять-таки много вокальных пьесъ на ев-

рейские тексты. Дальнейшее развитие этого направления было прервано тем, что как «националистическое», оно не находило поддержки власти и даже встречало некоторое ее сопротивление. Быть может это было причиной того, что именно композиторы этой группы раньше других прикнули к попугайкам и создали ряд вещей с советской «тематикой». Так Крейн написал «Траурную оду» (на смерть Ленина) и оперу на революционно-эпический сюжет «Загмук» (из вавилонского эпоса), которая шла с успехом в Московском Большом театре и в которой природный ориентализм композитора нашел себе художественное применение.

Примыкающий к той же группе другой Крейн, Григорий, не уступающий своему брату в даровании, но менее доступный и более утонченный, оказался более верным и непреклонным представителем дореволюционной музыкальной психологии: сравнительно равнодушный к «еврейской направленности» в начале своей карьеры и скорее примыкавший по стилю к французской школе, он перешел к гебраизму только потом, когда его соратники уже отвернулись от него, и создал два больших произведения симфонического типа, вдохновленные библейскими сюжетами и проникнутые подлинным гебраистическим духом — «Песнь Давида» и «Саул и Давид» — до того он писал только многочисленные и очень сложные камерные вещи.

Постепенно советская действительность заражала своим духом зыбкий оазис музыкальна-

го мира, который долгие, чуждые творческой области, сохранял свою аполитичность. Композиторы убеждались, что «сидеть на башне» уже невозможно и даже опасно, и что надо как-то спастись и собственное чисто музыкальное достоинство. Разные авторы различно реагировали на это вторжение действительности в их мир. Одни, как Фейнберг, просто предпочли замолкнуть, не смоги «перестроиться». Но таких самоубийц было мало. Даже в творчестве такого сложившегося композитора, как Мясковский, замечаются тенденции не быть в стороне от века — он пишет «Колхозную симфонию». В большинстве сейчас, однако, это было не больше чем уступка советской «тематике», которая не оказывала никакого влияния на стиль музыки этих авторов, да этого и трудно было ожидать от композиторов, переваливших за полвека своего жития (ибо таков был средний возраст «импрессионистической» группы). Что же касается молодого подрастающего поколения, то оно было уже с самого начала более восприимчиво к советской тематике. Однако те из молодежи, кто были выучениками предыдущего поколения, тоже не склонны были делать уступки стилю и их направление в среднем оказывалось еще более живым, нежели у только что перечисленных авторов.

А в это время «правые» одерживали победы на «революционном» фронте — такова была ирония судьбы. Как я указывал, в эту группу вошли прежде всего очень пожилые авторы (Савиновский, Ипполитов - Иванов,

Оленинъ, Паскаловъ, Кастальскій, изъ композитора церковнаго «переключившійся» въ композитора «антирелигіознаго», къ которымъ примкнули нѣсколько авторовъ изъ болѣе молодого поколѣнія (Глиеръ, Василенко, Головановъ, Юрасовскій), и довольно много молодежи, избѣгнувшей моднаго вліянія лѣвыхъ группъ (Васильевъ-Буглай, Зара Левина, Давиденко, Клячко, Бѣлый, Чемберджи, Коваль, Керчмаревъ, Лобачевъ и др.). Музыка этихъ авторовъ была вполнѣ подражательная, мелодизмъ и общій стиль былъ заимствованъ изъ «кучкизма», главное поле ихъ работы была агитационная музыка, короткая пѣсня или пѣсня, предназначенная для рабочихъ клубовъ. Стиль былъ нарочито простой, «подъ-народный», чтобы выполнить задачу понятности массамъ. Текстами часто служили стихи новыхъ совѣтскихъ поэтовъ. Въ сущности то, чего добивались эти композиторы, было совершенно похоже на цѣли авторовъ предыдущей группы: тутъ задачей было создать то, что могло быть освоено народомъ и стать народнымъ, какъ стали народными такія, въ сущности, маловыдающіяся музыкально вещи, какъ «интернациональ» или «марсельеза». Правда, для того, чтобы стать въ такой мѣрѣ народными и популярными, нужны тоже нѣкоторыя качества, которыя не всегда бывали у композитора. Но помимо всего тутъ была масса практическихъ заданий: писать для клубовъ, для кружковъ музыку агитационную, наконецъ нужна была музыка и для, такъ сказать, «меньшинственныхъ» цѣлей: многочисленныя мелкія совѣтскія рес-

публики и національности всѣ были обуреваемы жаждой имѣть свою національную музыку и авторовъ (въ этомъ порядкѣ, на примѣръ, полубельгіецъ Глиеръ оказался въ роли національнаго азербейджанскаго композитора). Одновременно проявляется тенденція къ созданію монументальныхъ произведеній, которыя могли бы стать памятникомъ эпохѣ. Эти монументальныя произведенія мыслились въ формѣ симфоній, кантатъ, оперъ и балетовъ. Но несмотря на всяческое поощреніе властей, результаты въ этой области не давались. Молодежь только что перечисленной группы была слишкомъ технически неумѣла, чтобы просто овладѣть задачей писанія въ крупной формѣ: хватало только на пѣсню или хоръ. Авторы же, которые принадлежали къ «импрессионистической» группѣ, будучи технически болѣе опытные, однако не имѣли склонности къ такимъ задачамъ и вообще къ писанію «широко популярной» музыки. Нѣкоторые изъ нихъ пытались поработать въ этомъ направленіи («Колхозная симфонія» Мясковского, «Эскизъ симфоническаго монумента» Гнесина, «Траурная ода» Крейна, его же опера «Загмукъ», «Октябрь» Рославца и Шостаковича). Однако настоящей монументальности не получилось, быть можетъ, благодаря тому, что по качеству своихъ интимныхъ по существу дарованій и по далекости своей отъ массовыхъ настроеній эти композиторы и не могли ничего создать подходящаго.

Относительно выручили тутъ именно старые композиторы консервативнаго лагеря, которые обладали хорошей технической вы-

учкой (лучшей чѣмъ даже у «симпрессионистическаго» поколѣнія, у котораго иногда замѣчался налетъ автодиактизма), у которыхъ уже была привычка писать заказную музыку, а музыкальныя идеи не были такъ интересны, чтобы заслонять внѣшнее задание. Они первые взялись за писаніе произведеній, которыя бы запечатлѣли эстетическій порывъ власти и стремленіе прославить строителей и увѣковѣчить борцовъ. Такимъ образомъ появились оперы на революціонные сюжеты: «Стенька Разинъ» Тріодина, «Декабристы» Золотарева (ранѣе одного изъ периферическихъ композиторовъ «бѣлаескаго» кружка), «Тихій Донъ» Дзержинскаго, балетъ «Красный макъ» Гліера и др. Все-таки получалось такъ, что на призывъ власти лучше откликались старыя группы авторовъ. Мы наблюдаемъ странное явленіе: понемногу болѣе молодыя группы выходятъ въ тиражъ, убѣждаясь, что не могутъ должнымъ образомъ реагировать на происходящее. Послѣ «футуристовъ», просто «лѣвые», а потомъ и вовсе «правые». Ходъ музыкальной эволюціи оказался вывернутымъ наизнанку.

Въ такихъ условіяхъ возникло новое поколѣніе. Молодежь развивалась преимущественно подъ влияніемъ старшихъ русскихъ же авторовъ—преимущественно Мясковского, Прокофьева, въ меньшей мѣрѣ Стравинскаго. Не оставались безъ влияния и иностранные авторы послѣдней формациі, преимущественно австрійскіе и германскіе, — Скрябинъ и Дебюсси въ общемъ были прочно забыты. За немногочисленными исключеніями, когда еще наблюда-

лась умѣренность и приверженность къ старой русской мелодической и изящной традиціи — большая часть молодыхъ авторовъ окончательно разочаровалась въ музыкальномъ благозвучіи и была въ плѣну у самыхъ крайнихъ теченій европейской музыкальной моды. Исключенія были на перечесть; къ нимъ относилась: изящный, не безъ французскихъ влияній Ширинскій, Подлинкинъ, склонный къ русскому стилю мелодичности Шебаляинъ (ученикъ Мясковского), и, быть можетъ, самый даровитый изъ всего молодого поколѣнія, Юліанъ Крейнъ (сынъ Григорія). Остальные катились по наклонной плоскости къ музыкальному конструктивизму. Этотъ процессъ плѣвнѣнія не могъ быть остановленъ естественными методами, съ тѣхъ поръ какъ изоляція СССР кончилась и молодежь получила возможность ознакомиться непосредственно съ послѣдними модами музыкальной Европы. Къ этой авангардной молодежи относятся — Веприкъ, примыкающій къ лѣвому крылу «гебраистической школы», Мосоловъ, недавно нашедшій въ Европѣ своимъ симфоническимъ скетчемъ «Сталелитейный заводъ» (по существу — подражаніе «Пасифику» Онеггера и по мысли и по выполнению), Левъ Книпперъ, Хрѣнниковъ и самый даровитый изъ нихъ Шостаковичъ, къ сожалѣнію, находящійся въ полномъ плѣну у европейской моды. Всѣ эти авторы уже такъ или иначе проявили себя къ 1927-30 гг. и въ это же время музыка СССР получила неожиданное и цѣнное обогащеніе въ лицъ самого Прокофьева, который сначала напи-

саль по заказу СССР балетъ «Стаальной скокъ», съ сильно выраженной «совѣтской тематикой», а потомъ и самъ появился на совѣтскомъ горизонтѣ, гдѣ для его творчества была уже давно создана дружественная атмосфера и гдѣ его встрѣтили съ триумфомъ, какого не видали со времени Скрябина — встрѣтили какъ признаннаго гения и «властителя думъ». Намъ трудно, конечно, говорить о причинахъ, его побудившихъ къ возвращенію, но несомнѣнно, что одной изъ нихъ было отсутствіе живительнаго кислорода въ музыкальной атмосферѣ Европы и сознаніе того, что полного пониманія его творчества, несмотря на весь успѣхъ, за границей не было и быть не могло.

Вся молодежь уже была проникнута совѣтской тематикой къ эпохѣ 1932-34 гг. Оберегать политическую невинность теперь просто никому не приходило въ голову. Въѣ надо имѣть въ виду, что уже почти двадцать лѣтъ прошло съ момента революціи и что молодые композиторы той эпохи успѣли стать маститыми и сами отгѣснялись уже болѣе молодыми. Никто уже не удивлялся «соціальному заказу» и не скорбѣлъ о томъ, что музыка стала «государственной». Тѣмъ не менѣе чувствовалась все время нѣкоторая неясность въ самомъ соціальномъ заказѣ. Дѣло въѣшло о томъ, какая музыка должна была быть признапа ортодоксальной и какая, стало быть, имѣла единственное право на поддержку государства. На бѣду тутъ положеніе было много неяснѣе, чѣмъ въ литературѣ. Нельзя было апеллировать къ обычному методу: авторитетамъ вожд-

дей, ибо вожди, далекіе вообще отъ музыки, никакихъ руководящихъ указаній не оставили. А сама совѣтская марксистская критика была въ плѣну у сложнѣйшихъ личныхъ и служебныхъ соотношеній, и въ общемъ одна ея часть начисто опровергала другую. Одно время обрадовались, думая найти истинное рѣшеніе въ агитаціонной музыкѣ: музыка должна была стать только агитаціонной. Такого рода тенденціи достигли максимума около 1927-28 гг. Но скоро выяснилось, что рабочія массы холодны къ агитаціонному искусству и что они хотятъ просто музыки. Огромное значеніе имѣло въ этомъ дѣлѣ интенсивная пропаганда и популяризированіе великихъ произведеній прошлаго искусства, въ частности классическаго вѣка русской музыки: эта музыка лучше и скорѣе дошла до новаго слушателя, чѣмъ агитаціонная подѣ нее же поддѣлка. Это былъ процессъ, аналогичный возврату къ классикамъ въ литературѣ, отгѣченный въ тѣ же годы.

Въ связи съ этимъ агитаціонный напоръ искусства слабѣетъ съ 1932 года. Изъ него остается развѣ только идея созданія монументальныхъ произведеній, призванныхъ увѣковѣчить эпоху. Но въ это же время окончательно выясняется эфемерность бытія болѣе рафинированнаго музыкальнаго направленія. У него уже давно не было общественнаго слоя, на которомъ и при помощи котораго оно могло существовать. Этимъ слоемъ ранѣе былъ высшій буржуазный классъ, «эпатиремый» лѣвымъ искусствомъ и его поддерживавшій. Теперь его не стало: оставшіеся музыканты эпатирова-

ли только друг друга, при полном недоумии и равнодушии всех остальных. Наконец, уже в самое последнее время открыто было провозглашено то, что уже давно ощущалось в атмосфере СССР: что левое искусство «футуристическое» (уже успевшее вовсе угаснуть в литературе) не может быть признано за «государственную музыку». Случайным «козлом отпущения» оказался безусловно даровитый Шостакович, опера которого «Леда Макбет Менделеева» вызвала в «Правде» суровую и беспощадную отповедь, которая получила характер и значимость директивы власти. Левая музыка была таким образом предана интердикту. Власть выяснила наконец свою позицию в музыкально-творческом вопросе и это было в первый раз за все девятнадцать лет. Теперь можно сказать, что левая музыка лишена сочувствия власти и ее поддержки: в условиях советской действительности это означает обречение на полное небытие или на существование для частного употребления.

Как будет реагировать молодое, по существу левое поколение композиторов, на этот интердикт? Я думаю, ответ ясен: они «перестроятся». Иного им не остается. В сущности, «футуризм» не был уже направлением творческим. Напротив того, стал модой, он стал уделом слабых дарований. В усло-

виях СССР такого рода правительственный окрик быть может отпугнуть от ложной левизны всех слабых и упрочить в истинной левизне всех действительно даровитых. Свободная игра творческих сил, возможно, и без правительственного циркуляра могла бы вернуть русской музыке утраченное ею равновесие элементов — а ведь и на Западе намечаются симптомы того же: и тут начались протесты против гегемонии «какофонизма» и идут поиски новой простоты. К простоте возвращается сам Стравинский, законодатель музыкальных мод для Европы (другой вопрос, насколько его собственные «возвращения» удачны). Дело идет, конечно, не о полном возвращении к некоему примитиву, а только о разгрузении музыкального языка от массы засоривших его некрасивых и неуклюжих музыкальных «слов». Быть может демократические силы, уже вошедшие в жизнь, диктуют ныне свой простой и ясный вкус. Не только в музыке слышны эти призывы к восстановлению старых ценностей. Все это представляется стоящим в одной связи. «Назад к абсолютным культурным ценностям» — так надо формулировать это новое, диктуемое жизнью настроение: музыка лишь отразила на себе общий процесс.

Леонид Сабаньев.

Совѣтскіе вожди *)

Зиновьевъ.

Въ первый разъ я увидѣлъ Зиновьева въ 1917 году въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, когда онъ произносилъ рѣчь. Средняго роста, плотный, ожирѣлый, съ откинутой назадъ выходящей восточной шевелюрой, Зиновьевъ не говорилъ, а кричалъ необычайно пронзительнымъ фальцетомъ. Легкость рѣчи его была удивительна. Казалось, Зиновьевъ можетъ такъ говорить часами, днями, недѣлями. Охваченный ораторскимъ жаромъ, иногда окъ казался на трибунѣ даже эффектнымъ. Во всякомъ случаѣ производилъ впечатлѣніе и темпераментнаго и убѣжденнаго человѣка.

Позднѣе, когда мнѣ пришлось встрѣчать Зиновьева въ кругу видныхъ питерскихъ большевиковъ, я замѣчалъ, что очень многіе (напр., Стучка, Крестинскій, Коллантай) къ этому «убѣжденному большевику» относятся не только безъ всякаго пистета, но съ плохо скрываеымъ неуваженіемъ.

Но такою отношеніе къ Зиновьеву было только въ головкѣ питерскихъ большевиковъ, въ широкіхъ же слояхъ партіи и среди революціонно - настроенныхъ рабочихъ Зиновьевъ пользовался тогда несомнѣннымъ большимъ вліяніемъ и всѣ его выступленія проходили неизмѣнно съ шумными успѣхомъ.

Рѣчи Зиновьева были совсѣмъ непохожи на рѣчи Ленина и Троцкаго. Ленинъ вообще не обладалъ

ораторскимъ дарованіемъ, къ тому же Ленину всегда была нужна аудитория, которая къ его идеямъ была хотя бы минимально подготовлена. Не рассчитаны на самые послѣдніе ряды галерки бывали и рѣчи Троцкаго. Рѣчи же Зиновьева были какъ разъ для галерки. Зиновьевъ былъ демагогомъ черни.

Разсказываютъ, когда Ленинъ задолго до революціи на эмигрантскомъ собраніи впервые услышалъ визгливый фальцетъ произносившаго рѣчь Зиновьева, онъ сразу же обратилъ вниманіе на экспансивнаго молодого человѣка и приблизилъ его къ себѣ, какъ могущаго стать пернокласснымъ агитаторомъ. Съ тѣхъ поръ близость Зиновьева къ Ленину никогда не порывалась. А послѣ октябрьской революціи именно Ленинъ выдвинулъ Зиновьева на руководящую постъ въ Петербургѣ, гдѣ, съ отъѣздамъ Совнаркома въ Москву, Зиновьевъ сталъ полноправнымъ диктаторомъ Петрокоммуны. Зиновьевъ былъ председателемъ Питерскаго Комитета партіи, являясь такимъ образомъ абсолютнымъ диктаторомъ Петрограда и Петроградской области.

Въ Смольномъ, въ кабинетъ Зиновьева сосредотачивалось все. Окружали Зиновьева слѣдующія лица. Комиссаромъ народнаго хозяйства былъ Молотовъ. Этому небольшому, безличному человѣку съ плоскимъ невзрачнымъ лицомъ въ то время никто бы не предсказалъ его головокружительной карьеры. На большихъ собраніяхъ сильно занимавшійся Молотовъ не выступалъ. Собствен-

*) См. Совр. Зап. кн. 61-ая.

ныхъ идей не имѣлъ, за исключеніемъ одной. Молоотовъ носился тогда съ идеей «всеучета». И надо сказать, въ этой гениальной идее было что-то отъ «идей» капитана Лебядкина. Молоотовъ хотѣлъ учесть въ Россіи рѣшительно все, отъ запасовъ сырья, оборудования фабрикъ, транспорта, военного снаряженія до площади квартиръ и всей движимости, имѣющейся на рукахъ всего населенія.

Комиссариатъ внутреннихъ дѣлъ Зиновьевъ отдалъ одной изъ своихъ женъ — г-жѣ Равичъ. Говорить, въ частной жизни Зиновьевъ былъ хорошимъ семьяниномъ. Во всякомъ случаѣ, придя къ власти, Зиновьевъ сразу же позабылся о постахъ для своихъ обѣихъ женъ. Правда, г-жа Равичъ дѣлами своего комиссариата почти не занималась, да, вѣроятно, и не имѣла къ этому данныхъ, зато большую роль она играла въ Питерскомъ. Комитетѣ партіи, гдѣ была секретаремъ и, такъ сказать, вѣрнымъ окомъ своего мужа.

Своей первой женѣ, престарѣлой Лилиной, Зиновьевъ отдалъ комиссариатъ социальнаго обезпеченія. Лилина была антипатичной, увядшей женщиной лѣтъ 55-ти, чрезвычайно желчной и раздражительной. Административныхъ дѣлованій у нея было не больше, чѣмъ у первой жены, но она была старымъ партійнымъ работникомъ, а потому имѣла вѣсъ и сама по себѣ и, въ особенности, какъ жена Зиновьева.

Комиссаромъ городского хозяйства (должность въ тѣ времена глубоко номинальная) былъ М. И. Калининъ. Въ Совѣтѣ комиссаровъ, въ Совѣтѣ депутатовъ, въ Комитетѣ партіи, вездѣ Калининъ

былъ абсолютно безгласенъ. Крайне невзрачнаго мужичка не замѣчалъ никто, и не по какой-нибудь злонамѣренности, а просто потому, что его, дѣйствительно, нельзя было замѣтить, настолько сѣръ и даже какъ-то несчастенъ былъ будущій президентъ Совѣтскаго Союза. Зиновьевъ третировалъ Калинина какъ хотѣлъ и употреблялъ его только на единственное амплуа: — если гдѣ-нибудь въ городѣ возникалъ какой-нибудь конфликтъ, Калининъ посылался туда и опять-таки не изъ-за дипломатическихъ способностей Калинина, а всецѣло изъ-за его декоративной крестьянской внѣшности. На ней-то Калининъ, какъ извѣстно, и сдѣлалъ карьеру.

Зато человекомъ совсемъ другого склада былъ Комиссаръ печати Володарскій. Разбитной, наглый паренъ, изъ портныхъ, Володарскій былъ весьма энергиченъ и къ тому же недурной ораторъ. Среди своихъ онъ былъ всегда любитель анекдота и «душа общества», во внѣшнемъ же мірѣ появлялся, какъ фигура крайне свирѣпая и Зиновьевъ выбралъ его, чтобы задвинуть печать.

Володарскій создалъ трибуналъ по дѣламъ печати, председателемъ котораго былъ назначенъ рабочій Зоринъ. Между Зоринымъ, рабочимъ отъ станка, вовсе нежелавшимъ никакого удущенія печати, и Володарскимъ, дѣйствительно душиншимъ печать, вспыхивали частые раздоры и всегда по одному и тому же поводу. Зоринъ ни за что не хотѣлъ соглашаться съ предрѣшенностью приговоровъ трибунала. Въ Зоринѣ жилъ еще призракъ среброды и на безапелляціонныя указанія Володарскаго закрыть такую-

то газету Зоринъ вспыхивалъ и кричалъ: — «Не буду закрывать! Если хочешь все закрыть, такъ и объяви, что все закрываешь!» — Но въ такіе моменты въ споръ вмѣшивался Зиновьевъ и все кончалось все-таки тѣмъ, что въ трибуналѣ Зоринъ объявлялъ очередной приговоръ о закрытіи той или другой газеты.

Остальное окруженіе Зиновьева составляли — Урицкий, председатель ЧК, въ распоряженіи котораго была такъ называемая «волчья сотня Урицкаго»; съ бору да съ сосенки набранный охлосъ, дѣйствовавшій не только въ столицѣ, но и въ прилегающихъ къ Петербургу районахъ; Луначарскій, Залунскій, Марковъ, Позернъ, Бадаевъ и три дѣшкихъ с.-р. Изъ истыхъ этихъ «министровъ» революціоннаго Петрограда диктаторъ Зиновьевъ былъ самой колоритной фигурой.

Иногда, глядя на Зиновьева, мнѣ казалось, что въ этомъ разжирѣломъ человѣкѣ, съ лицомъ провинціального тенора и длинной гривой въющихъ волосъ, воплотились какой-то древній восточный сатрапъ. Въ періоды опасности (октябрьская революція, возстаніе Кронштадта, наступленіе Юденича) Зиновьевъ превращался въ растеряннаго, паническаго, но необычайно кровожаднаго труса. Въ періоды же спокойнаго владыкованія Зиновьевъ былъ неврастениченъ, безалаберенъ и, въ противоположность многимъ старымъ большевикамъ, съ большимъ удовольствиемъ предавался всѣмъ земнымъ радостямъ. Хорошо выпить, вкусно поѣсть, сладко полежать, съѣздить въ театръ къ красивымъ актрисамъ, разыгрывать изъ себя вельможу и мецената, все это Зи-

новьевъ чрезвычайно любилъ и продѣлывалъ съ большимъ аппетитомъ.

Въ то время, какъ при Ленинѣ въ Петербургѣ частная сторона жизни комиссаровъ въ Смольномъ была въ полномъ небреженіи, при Зиновьевѣ на нее сразу было обращено сугубое вниманіе. По его личному распоряженію въ Смольномъ стали даваться, такъ называемые, комиссарскіе обѣды, которые не только ужъ на фонѣ революціоннаго всеобщаго недостатка, но и въ мирное время могли бы считаться лукулловскими. Только когда въ столицѣ голодъ принялъ чрезвычайно сильныя размѣры, Зиновьевъ приказалъ перенести комиссарскіе обѣды къ Асторію, гостиницу цѣлкомъ занятую коммунистической знатью, гдѣ подобные «отдыхи» могли проходить болѣе незамѣтно.

Въ Смольномъ Зиновьевъ ввелъ необычайную охрану. У входа въ Смольный сидѣли безсмысленно пулеметчики за двумя пулеметами. Пропуска всѣхъ контролировались не только при входѣ въ зданіе, но еще на каждомъ этажѣ. В смыслѣ охраны былъ образцовый порядокъ. Зато на засѣданіяхъ комиссаровъ у Зиновьева безпорядокъ достигалъ апогея. Какъ организаторъ, Зиновьевъ былъ очень слабъ.

Зато, какъ въ демагогіи, такъ и въ интригѣ Зиновьевъ былъ мастеръ. Отъ природы необычайно хитрый и ловкій, Зиновьевъ тутъ возвышался до большого мастерства. Особенно памятна мнѣ игра Зиновьева съ лѣвыми эс-эрами наканунѣ ихъ возстанія, когда на областномъ съѣздѣ большевиковъ и лѣвыхъ эс-эровъ, Зиновьевъ,

ненавидѣвшій лѣвыхъ эс-эровъ и ждавшій только случая перегрызть имъ горло, вдругъ выступилъ съ предложеніемъ увеличить число мѣстъ лѣвыхъ эс-эровъ въ Совѣтъ комиссаровъ и, въ частности, назначить лѣваго эс-эра Лапіера на мѣсто комиссара путей сообщенія.

Этому предложенію всѣ комиссары - большевики были крайне удивлены. И на ближайшемъ засѣданіи Совѣта комиссаровъ нѣсколько изъ нихъ подошли къ Зиновьеву, спрашивая, что сей сонъ означаетъ? Хитро улыбаясь, Зиновьевъ увелъ спрашивавшихъ въ свой кабинетъ, сообщивъ подъ вѣрчайшимъ секретомъ, что у него имѣются всѣ свѣдѣнія о готовящемся возстаніи лѣвыхъ эс-эровъ, но что мѣры имъ уже приняты и онъ хочетъ только своимъ предложеніемъ усыпить ихъ бдительность.

Дѣйствительно, назначенное лѣвыми эс-эрами выступленіе Зиновьева предупредило полнымъ разгромомъ ихъ штаба. Въ этотъ день раннимъ утромъ правая рука Зиновьева, комендантъ Петрограда, пріѣхавшій въ Россію изъ Америки, полубандитъ-полуанархистъ, дѣйствовавшій подъ псевдонимомъ «Владиміръ Шатовъ», во главѣ отряда большевиковъ взялъ штурмомъ Пажескій корпусъ, гдѣ помѣщался штабъ лѣвыхъ эс-эровъ. Штейнбергъ, Лапіеръ и другіе застѣвшіе въ корпусѣ лѣвые эс-эры бѣжали. Зиновьевъ потиралъ отъ удовольствія руки.

Въ отношеніи къ людямъ вообще, въ характерѣ Зиновьева была преувеличенная подозрительность. Зиновьевъ довѣрялъ толь-

ко своимъ двумъ женамъ. Всѣхъ же другихъ онъ могъ выдвигать на видныя мѣста, но тутъ же и сбрасывалъ въ неизвестность. Въ отношеніи же враговъ Зиновьевъ проявлялъ исключительную жестокость.

Разумѣется, никто изъ вождей коммунизма не отличался ангельской добротой къ человѣку. Но жестокость ихъ была разная. У Ленина она покоилась на полномъ отсутствіи интереса къ людямъ вообще. Троікій былъ жестокъ для жеста, для позы. Въ Зиновьевѣ же было что-то эмоционально-жестокое, я бы сказалъ даже, садистическое. Въ Петроградѣ именно онъ былъ вдохновителемъ террора.

Помню, какъ въ дни наступленія Юденича на Петроградъ, въ моемъ присутствіи Зиновьеву однажды доложилъ начальникъ внутренней обороны Петрограда Петерсъ, что чекистами пойманъ чело-
вѣкъ, вѣроятно бѣлый, перешедшій границу съ цѣлями шпіонажа. У Зиновьева вдругъ какъ-то странно загорѣлись глаза и онъ заговорилъ отвратительной скороговоркой.

— Это прекрасно, прекрасно, вы его, товарищъ Петерсъ, попробуйте, какъ слѣдуетъ, всѣ жилы ему выматывайте, все, все изъ него вытяните.

Въ этотъ моментъ Зиновьевъ былъ необычайно отвратителенъ.

Но при всей хитрости, ловкости и мастерствѣ интриги что-то все-таки помѣшало Зиновьеву вовремя разглядѣть сложный клубокъ партійныхъ интригъ, ведшихся въ Москвѣ вокругъ заботлившаго, славившаго Ленина. Зиновьевъ промахнулся, не доощ-

нить силы Сталина. Мне запомнилась одна встреча этих людей.

Летом 1919 года, между первым и вторым наступлением Юденича, в Смольный к Зиновьеву приехал из Москвы член реввоенсовета Сталин для обсуждения вопросов, связанных с эвакуацией Петрограда. На это совещание я был вызван Зиновьевым, ибо вопросы эвакуации непосредственно касались моего ведомства.

Барственно и небрежно развалившись, Зиновьев сидел в массивном кресле, громко и резко говорил, страшно нервничал, то и дело откидывая со лба космы длинных волос. Сталин ходил по кабинету легкой кавказской походкой, не говоря ни слова. Его желтоватое, чуть тронутое оспой лицо выражало какую-то необычайную скуку, словно этому человеку все на свете давно опротивело. Только изредка он задавал односложные вопросы и эта односложность и неясность позиции самого Сталина в

вопросе об эвакуации Петрограда, на которой настаивал Зиновьев, последнего еще больше нервировала и горячила. Но Сталин так и промолчал все заседание, закончив его односложной репликой:

— Обдумаю и скажу, — и вышел от Зиновьева.

По уходе Сталина Зиновьев пришел в совершенно необузданное бешенство. Человек неврастенический, Зиновьев ругал ЦК, который не мог прислать к нему никого другого, кроме этого ишака! Зиновьев не видел, что именно этот ишак после смерти Ленина окажется самым сильным человеком в партии и через пятнадцать лет посадит его, Зиновьева, в тюрьму, как «блгогвардейца» и «контр-революционера».

Зиновьев пал по той же причине, что и Троцкий. У обоих, по смерти Ленина, без поддерживающей их руки самостоятельных сил не оказалось.

N. N.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Анатолий Штейгеръ. Неблагодарность (Стихи). Изд. «Числа», Парижъ, 1936.

Критика единодушно и очень благопріятно встрѣтила эту небольшую книгу. Въ ней около 30 короткихъ отрывочныхъ стихотвореній, какъ будто написанныхъ только для себя, «пробормотанныхъ» про себя, вполголоса. Но внѣшняя небрежность и отрывочность ихъ не мѣшаетъ подлинной насыщенности:

«Слабый трескъ опускаемыхъ шторъ,
Чтобы дача казалась незрячей,
И потомъ, точно выстрѣлъ въ упоръ —
Ревъ мотора въ саду, передъ дачей.
(...И еще провожающихъ взоръ
Безнадежный, тоскливый, собачій).

Здѣсь импрессионизмъ внѣшнихъ «мазковъ» и внутреннее настроеніе прощанья и безнадежности — слиты въ одно съ большимъ мастерствомъ.

Критики отмѣтили «вліянія» на молодого поэта. Но есть ли тутъ «Анненскій, воспринятый черезъ Ахматову», или Розановъ (воспринятый черезъ Г. Адамовича?), — все же книжка его своеобразна и неподражательна. Штейгеръ бѣднѣе и яроче Анненскаго, непосредственнѣе и прямѣе. Вся книга его полна сдержанной, но пронзительной болью.

«Это трудно въ слово облечь,
Чтобъ увидѣли, полюбили...
Это надо въ себѣ беречь,
Чтобы вспомнить потомъ въ могилѣ.

Что-то трудно выразимое удалось выразить поэту въ этой небольшой, но цѣнной книгѣ.

М. Цетлинъ.

Михаилъ Горлигъ. Путешествія. Стихи. Изд. «Петрополисъ», 1936.

Небольшая книжка стиховъ молодого историка литературы, автора интересной работы о Гофманѣ, никакъ не можетъ вызвать въ насъ представленій, обычно связанныхъ съ занятіями наукой: въ ней нѣтъ ни торжественности, ни претензій на глубину. Но она напоминаетъ

о предметъ его занятій — о Гофманѣ и нѣмецкихъ романтикахъ. Написана она бѣлыми стихами и ритмы и интонаціи ихъ иногда напоминаютъ Гейне изъ «Сѣвернаго Моря», тѣ же капризные, неожиданные обороты («Doktor, sind Sie des Teufels?»). Кое въ чемъ слышатся Жанъ Поль и другіе писатели той же поры.

Стихи М. Горлина — веселая лирическая игра и нельзя отрицать, что многое въ нихъ остроумно и ярко. Часто это — воспоминанія дѣтства (недаромъ они — игра). М. Горлинъ пишетъ о какихъ-то фантастическихъ городахъ:

Когда-то въ дѣтствѣ, начитавшись Гофмана и сказокъ,
Я рисовалъ красными чернилами, чтобъ было покрасивѣе,
Веселый, несуществующій городокъ Шнурренлауненбургъ.

(Лауненбургъ значитъ городъ капризовъ). Но есть еще и «Городъ Нины Александровны» и какой-то «марципановый», гдѣ

Дзенькаютъ колокольчики на бѣлолобыхъ башняхъ,
и еще другіе въ этомъ же родѣ. И не очень отличается отъ нихъ его Парижъ.

...Видъ изъ отеля впервые на Arc de Triomphe
О, гигантское П, начинающее священную пѣсню Парижа!

и гдѣ четко какъ во снѣ встаетъ мистическій шкафъ Notre-Dames. Удачныхъ стихотвореній въ книжкѣ больше чѣмъ неудачныхъ, но и удачи почему-то не всегда убѣдительны и кажутся случайными находками.

М. Цетлинъ.

Эмилия Чегринцева. Посвященія. Стихи. Изд. «Скитъ». Прага 1936 г.

Въ разныхъ центрахъ русской эмигрантской литературы создавался свой подходъ къ поэзии, особое пониманіе ея задачъ и даже иногда общіе вѣсмы поэтамъ данной группы стихи». Часто, не глядя на подпись, можно опредѣлить, гдѣ вышла книга стиховъ — въ Парижѣ или въ Прагѣ, въ Таллинѣ или Бѣлградѣ. Причемъ это легче опредѣлить, чѣмъ угадать поэта, такъ какъ манера, особенности стиха, по большей части не индивидуальны, а свойственны цѣлой группѣ. Вѣроятно это объясняется тѣмъ, что большинство зарубежныхъ поэтовъ молоды и легко поддаются вліяніямъ. Старшій руководитель перелагаетъ свои взгляды юнымъ ученикамъ, или болѣе сильная поэтическая индивидуальность кого-либо изъ учениковъ группы вызываетъ подражаніе у остальныхъ, и такъ постепенно создается особый «климатъ», и если не школа, то особая поэтическая «атмосфера».

Для пражскихъ поэтовъ можно предположить и вліяніе редактора изданій «Скита» А. Л. Бемъ и, можетъ быть, книги стиховъ Владимира Лебедева. Для всѣхъ почти пражскихъ поэтовъ характерна

погоня за образами, то, что можно бы назвать «имажинизмом». У Эмиліи Чегринцевой онъ менѣе органиченъ, чѣмъ у другой пражской поэтессы Аллы Головиной. Ея образы менѣе убѣдительны: «звѣря какъ сброшенный фракъ послѣ бала» или шагъ, который «скребетъ троттуаръ по загравку», не кажутся намъ удачей. Не особенно нравится намъ и манера приблизительныхъ и устѣченныхъ рифмъ, какъ напр., «мосты» и «костыль», особенно если такія рифмы перемежаются съ правильными. Можетъ быть, болѣе пріемлемо, когда цѣлое стихотвореніе строится на такихъ рифмахъ.

Подражательность не грѣхъ для начинающаго поэта. Въ одномъ изъ стихотвореній можно отмѣтить совсѣмъ пастернаковскіе обороты, звучащіе почти пародіей:

Опять осмичасовый день
Выходить на прогулку.
Гуляетъ время какъ палачъ,
Выдумывая трюки,
И вызываетъ всѣхъ на матчъ
Съ непобѣдимой скукой.

Къ счастью, не всегда въ книгѣ Э. Чегринцевой образы такъ натянуты. Иногда они, напротивъ, свѣжи и мѣткі. Хорошо стихотвореніе «Вальсъ»:

Расцвѣтая моя ночь и касаясь
Шелковистымъ подоломъ людей!..

Удачны «Стихи о Гулливерѣ», «Ночь безпокойна, вѣтрена, какъ ты», «Скульпторъ», гдѣ поэтесса сумѣла дать почувствовать творческое напряженіе художника. Эти удачи позволяютъ надѣяться на ея поэтическое будущее.

М. Цетлинъ.

Борисъ Зайцевъ. Валаамъ. Таллинъ. 1936.

Знаменитый Валаамскій монастырь на Ладожскомъ озерѣ, теперь принадлежащій Финляндіи, былъ основанъ въ 14 вѣкѣ и всегда пользовался въ Россіи большой славой. У многихъ за эти годы являлись вопросы: а что случилось съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ отошелъ отъ Россіи? каковъ его духовный обликъ? каковы его монахи? сохранилась ли въ немъ прежняя строгая и суровая трудовая жизнь, которая въ старое время бросалась въ глаза каждому паломнику? кто посѣщаетъ теперь монастырь?

Б. Зайцевъ побывалъ тамъ въ прошломъ году, и его «Валаамъ» явился результатомъ этой поѣздки. Въ этой небольшой, хорошо изданной книжкѣ, украшенной отличными фотографіями, Б. Зайцевъ съ свойственной ему изящной элегичностью рассказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ монастыря. Все тамъ — «необычайно русское». Русский духъ на Валаамѣ вполнѣ сохранился, и не только во внѣшнемъ,

укладѣ жизни, а въ его внутренней сущности, дать почувствовать которую и является главной цѣлью автора.

Духовная сторона Валаама тѣсно связана съ общимъ тономъ русскаго православнаго благочестія: суть его не въ самоистязаніи или строгомъ формальномъ исполненіи обрядовъ, а въ стремленіи къ преображенію души, къ царству Божьему: оно носитъ главнымъ образомъ созерцательный и личный характеръ, въ немъ много свободы, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно проникнуто сознаніемъ личной отвѣтственности за грѣхи. Отраженіемъ такого индивидуализма является въ извѣстной степени развитіе въ русскихъ монастыряхъ скитовъ.

Монастырь, какъ вѣрно опредѣляетъ Зайцевъ, «узель духовнаго излученія». Въ этомъ внутреннее значеніе русскихъ монастырей въ теченіе вѣковъ, отсюда исконная любовь русскаго народа къ паломничеству, стремленіе укрыться за монастырскими стѣнами хотя бы на время отъ повседневныхъ заботъ и житейской суеты: здѣсь былъ міръ, тянувшийся къ болѣе высокой, чистой и духовной жизни. Оттого и многихъ нашихъ замѣчательныхъ писателей (Гоголь, Достоевскій, Хомяковъ, Леонтьевъ, Л. Толстой) влекло къ монастырямъ.

Монастыри отражали духовную жизнь русскаго народа, своеобразие его духовныхъ типовъ. Монашество было, конечно, бесспорнымъ, но въ русскомъ монашествѣ преобладалъ крестьянскій элементъ. Часто эти смиренные, полуграмотные мужики создавали въ центры религіозной дѣятельности, въ которые стекались паломники со всей Руси. И Валаамскій монастырь по-преимуществу крестьянскій. Теперь онъ одинъ изъ немногихъ, не уничтоженныхъ, сохранившихся на чужой землѣ: «обликъ родины со стороны, изъ уголка чужого».

Искусной рукой художника Зайцевъ набрасываетъ рядъ впечатлѣній какъ будто разрозненныхъ, но на самомъ дѣлѣ внутренне объединенныхъ и тонко подобранныхъ. Читатель незамѣтно для себя погружается въ атмосферу монастырскаго быта. Прекрасныя описанія природы являются какъ бы рамкой для изображенія сценъ изъ жизни монастыря. Они создаютъ опредѣленное настроеніе, «вызываютъ» ощущение пустыни и тишины, «красоты міра Божьего». «Здѣсь бьются волны, зимой метели режутъ, сѣверные вѣтры валятъ площади лѣса. Все громко, сильно, могуче», а лѣтомъ, когда авторъ былъ въ монастырѣ, картина совсѣмъ другая: «Ничего суроваго въ этой святой землѣ. Тишина озеръ, лѣсовъ и ласковаго солнца, необыкновенное благоуханіе». Тишина и пустыньность даютъ «особый, неизвѣстный въ другихъ мѣстахъ миръ, миръ благообразнаго и святого міра, раскинушагося вокругъ».

Окружающая природа и жизнь монастыря въ полной гармоніи. Передаѣ читателю проходитъ цѣлая вереница монаховъ, каждый съ своеобразиемъ присущей ему индивидуальности, не стираемой монашескимъ клобукомъ и рясой.

Зарисовываетъ Б. Зайцевъ и рядъ лицъ, которыхъ монастырь притягиваетъ, къ себѣ какимъ-то таинственнымъ магнитомъ. И кого

только тутъ нѣтъ: русскія пожилыя простыя женщины, неутомимыя работницы, старая французенка-католичка, двѣ молоденькія американки, такъ вошедшія въ духовную жизнь монастыря, что не желаютъ его покидать; кембриджскій студентъ-теологъ, англійскій Алеша Карамазовъ; молодой москвичъ, молодой финнъ, представитель финскаго православія. Послѣдніе два — монахи.

Нѣтъ теперь прежняго многолюдія русскихъ паломниковъ. Отъ Россіи Валаамъ отдѣленъ. Однако это — обликъ Родины. И; находясь тамъ, авторъ испытывалъ ощущеніе, «что все въ порядкѣ (якобы наперекоръ всему, что въ мірѣ дѣлается), ощущеніе прочности и благословенности».

Докторъ Carrel, человекъ науки, вдумчивый наблюдатель жизни, въ своей замѣчательной, привлечшей всеобщее вниманіе книгѣ *L'Homme, cet inconnu* говорить: «Для большинства людей цивилизованныхъ церкви представляются только музеями, гдѣ почитаютъ мертвыя религіи. Поведеніе туристовъ, профанирующихъ европейскіе соборы, указываетъ, до какой степени современная жизнь стерла религиозное чувство. Но, замѣчаетъ онъ, за послѣднее время религиозность начинаетъ проявляться среди людей высокой культуры. И — странное явленіе — въ монастыряхъ большихъ католическихъ орденовъ не хватаетъ мѣста для молодыхъ людей, стремящихся путемъ аскезы и мистики проникнуть въ духовный міръ».

Прочтите внимательно книжку Зайцева и вы убѣдитесь, что въ осиротѣвшемъ теперь малолюдномъ Валаамѣ царица и у простыхъ монаховъ, его населяющихъ, и у прѣзжающихъ туда образованныхъ людей то же стремленіе проникнуть въ духовный міръ: не о единомъ хлѣбѣ бываетъ живъ человекъ и въ наше жестокое время.

Н. Кульманъ.

В. С. Яновскій. Любовь вторая. Изд. Кола. Пар. Объед. Писателей. Парижъ. 1936.

Романъ «Любовь вторая» — лучшее изъ всего, что до сихъ поръ написано В. Яновскимъ. Въ немъ яснѣе выразились основныя достоинства его дарованія: повышенная, напористая, но органическая эмоциональность; традиціонно русскій, искренній, не наигранный «закусъ» къ боли и страданію; безоглядный и сумбурный, но собственный поискъ истины. Въ отличіе отъ своихъ сверстниковъ онъ не стремится къ творческой позѣ ранней умудренности, къ искусственно подсушенной, безспорной, но выхоленной литературной, слишкомъ литературной безупречности. Онъ грубъ, азартенъ, его вызовъ часто дѣтски наивенъ, но всегда вдохновененъ. Всѣ эти достоинства до сихъ поръ находятся въ первобытно-аморфномъ состояніи. То, что Яновскій и въ третьемъ своемъ романѣ не нашелъ своего стиля, что до сихъ поръ его творческое броженіе даже не намѣтило себѣ путей оформленія, является опаснымъ признакомъ. Наряду съ прекрасными страницами, особенно во второй части романа, есть такія, гдѣ

читатель больше ощущает нарочитость физиологических нагромождений, чѣмъ трагическую сущность исполненнаго страданіемъ, погруженнаго въ боль и муку, лишеннаго образа міра. Выisto ощущенія жизненной безысходности чувствуешь авторскую безвыходность, отсутствіе творческаго всеразрѣшающаго синтеза. Автора вяжетъ его собственная неоформленность; только преодолѣвъ ее, онъ сможетъ создать произведеніе, достойное несомнѣннаго, отпущеннаго ему Богомъ, дара. Пока онъ весь на вѣсу, съ постояннымъ рискомъ безнадежнаго срыва.

С. Савельевъ.

Ю. Фельзенъ. Письма о Лермонтовѣ. Издательская Коллегія Парижск. Объедин. Писателей. Парижъ. 1936.

Послѣдняя книга Ю. Фельзена въ отличіе отъ первыхъ двухъ не названа ни «романомъ», ни «повѣстью» — быть можетъ, изъ уваженія къ литературнымъ канонамъ, давно утратившимъ въ этой области свою былую четкость. Вѣроятно, и его «Обманъ» и «Счастье» не были бы подлинными романами въ «допрустовскій» періодъ, хотя въ нихъ, какъ и въ «Письмахъ о Лермонтовѣ», есть трудная, мучительная любовь, ревность, искреннее страданіе и нѣсколько больше дѣйствія и «занимательности».

Бываютъ писатели одной книги. Ю. Фельзенъ писатель одного героя и одного сюжета. Его тема — любовь, но во что превратилось подъ его перомъ это самое мощное и преображающее изъ человѣческихъ чувствъ! Авторъ — въ этомъ несомнѣнная оригинальность всѣхъ его книгъ — сумѣлъ разсказать о любви абсолютно неподвижной, лишенной всякой внутренней динамичности. Замыселъ — трудный и нѣсколько противоестественный — ему несомнѣнно удался: читатель вѣритъ, что такое изсушающее, безблагодатное чувство, ничѣмъ не одаряющее и ничего не принимающее, дѣйствительно возможно. Герой (всѣмъ романамъ придана форма дневника) правдивъ, настойчивъ, убѣдителен. Его Эросъ не только лишаетъ крыльевъ, но безкрылостью этой, узаконенной и возвеличенной, питается весь душевный пафосъ героя. Страсть, борьба, отчаяніе, муки ревности растворяются въ «разборъ и предвидѣніи нашихъ чувствъ». «Разборъ и предвидѣніе» даютъ герою силу себя ограничить, обрѣсти чувство мѣры, обойтись безъ борьбы. Анализирующія признанія, разрастаясь безконечнымъ кружевомъ, не только даютъ успокоеніе, но незамѣтно переходятъ въ самоуслажденіе собственной зоркостью, ясностью, настойчивой любознательностью!

Подлинныя страданія герой Фельзена испытываетъ не отъ реальныхъ потерь, а отъ мучительнаго стремленія потери эти оберечь въ достойный, разъясняющій слова. Слова онъ находитъ, ихъ даже слишкомъ много. Они точны, скромны, овѣяны мудростью отреченія. Мудрость эта въ своей безспорности часто неглубокая, иногда нищенски скудная. Но и тогда серьезный тонъ героя и его степенныя заклю-

ченія не раздражаютъ, благодаря своей обезоруживающей непритязательности. Въ лучшемъ изъ писемъ (шестомъ) сдѣлана неубѣдительная, но интересная попытка исторически объяснить безкрасочность Души, оторванной отъ живого потока жизни, сосредоточившіяся на себѣ, не испытывающія ничего, что не поддается словесному исчерпывающему объясненію, порождены не только войной, революціей и эмиграціей, а гораздо болѣе глубокими причинами перерожденія культуры. Вѣдомы онѣ и Западу нашихъ дней.

Ментѣ удалась автору корреспондентка героя (гораздо полнѣе очерченная въ первыхъ двухъ книгахъ). Когда-то Толстой писалъ, что Чеховъ, желая посмѣяться надъ неисчерпаемой потребностью Оленьки Племянниковой («Душечка») кого-нибудь любить и о комъ нибудь заботиться, былъ наказанъ Богомъ — вмѣсто хулы получилъ хвалу, желая унижить, онъ возвеличилъ. Съ Ю. Фельзеномъ произошло обратное: тонъ писемъ и отношеніе героя преуказываютъ значительность и обаяніе Лели. Впечатлѣнія же читателя совершенно не совпадаютъ съ представленіями автора писемъ. Въ Лель чувствуется ограниченность, смягченная женственной ловкостью, бездушіе, мелкая необоснованная требовательность...

Нельзя, конечно, упрекать Ю. Фельзена въ томъ, что его Лермонтовъ лишень стихій бунта и тоски по неземному: такимъ онъ нуженъ его герою.

Книгу Ю. Фельзена читать нелегко, но она несомнѣнно заслуживаетъ быть прочитанной.

С. Савельевъ.

«Кругъ». Альманахъ. Изд. Парабола. 1936.

Участники «Круга», поэты, беллетристы, публицисты, критики, — давно и хорошо извѣстны читателямъ. И тѣмъ не менѣе «Кругъ» въ зарубежную литературу вноситъ нѣчто новое — своимъ размахомъ: маленькая книжечка, объединившая цѣлый рядъ произведеній. И притомъ это «альманахъ», а не періодическое изданіе. Авторамъ по необходимости пришлось сжиматься до крайности — и это не случайно. Современный стиль жизни прямо-таки требуетъ этого, ибо сейчасъ ни въ какой жизненной сферѣ нѣтъ ничего прочнаго, пребывающаго, непрерывно текущаго. Правда, стиховая поэзія съ «поэмой» порвала уже давнымъ давно. Беллетристы иной разъ еще покушаются писать длинныя, рассчитанныя на нѣсколько книжекъ журнала, вещи, но и это уже рѣдкость. Выгоднѣе всего реформа «Круга» отразилась на отдѣлѣ, который не принято относить къ «изыщенной словесности». Волей-неволей пришлось участникамъ его обратиться къ формѣ «Опыта», *essai*, этого, въ извѣстномъ смыслѣ, самаго аристократическаго литературнаго «рода». «Опытъ» возникаетъ и расцвѣтаетъ въ Европѣ (главнымъ образомъ въ Англіи и во Франціи) въ связи съ образованіемъ особаго общественнаго слоя — «досужихъ людей», *les oisifs*, которые предпочитаютъ наблюдать жизнь со стороны, нежели уча-

ствовать въ ней (Монтань). Сейчасъ всякій способный мыслить человекъ, будь онъ и заваленъ работою, по существу «*oisif*». На это онъ обреченъ, такъ какъ ему ясно, до чего сейчасъ «мизантропно», умоностижаемо «несуществующе» все то, что составляетъ главное содержаніе курсовъ всеобщей исторіи, газетныхъ передовицъ и «обозрѣній». Тѣмъ болѣе у него зоркости, чуткости по отношенію къ «мелкому», «случайному», «незначительному», къ тому, мимо чего активный человекъ по необходимости проходить, не замѣчая его. Изъ размышленій, «медитаций» надъ этимъ рождается «Опытъ», воплощеніе особаго духовнаго опыта. Разъ найденная форма подсказываетъ берущемуся за нее свойственное ей содержаніе. Обращаясь къ «Опыту», современный «досужій человекъ» обрѣтаетъ самого себя. «Скука» Л. Червинской, гдѣ форма и содержаніе находятся въ столь строгомъ соотвѣтствіи, что этотъ опытъ является тѣмъ, чѣмъ должно быть всякое дѣйствительно адекватное словесное выраженіе дѣятельности сознанія, поэтическимъ произведеніемъ, служить этому примѣромъ. Въ сущности, по своей такъ назыв. внутренней формѣ всякое современное произведеніе, относящееся къ «беллетристичѣ», если оно обладаетъ художественной цѣнностью, ничто иное какъ «Опытъ»: событіе, эпизодъ, «фабула» лишь отправная точка для медитаций. Авторъ пишетъ не о событіи, а по поводу событія, — хотя-бы внѣшне форма повѣствованія и была строго выдержана, такъ что обратитъ «разсказъ» въ «опытъ» предоставляется уже читателю. Въ своей статьѣ «Четверодневный Лазарь», Г. Федотовъ, касаясь зарубежной литературы, пишетъ, что «ея историческое мѣсто довольно точно опредѣляется именами Пруста и Анненскаго...» (я бы прибавилъ еще два имени: Бунина — какъ сильно чувствуется его вліяніе, напр., въ напечатанныхъ въ «Кругѣ» вещахъ Л. Зурова и покойнаго Поплавскаго! — и Бодлэра). Въ сущности, эта формула, думается, подтверждаетъ сказанное сейчасъ, и, повторю, форматъ «Круга» самъ по себѣ какъ-бы свидѣтельствуетъ о томъ, какая внутренняя форма является типичной для нынѣшней литературы. Значить-ли это, что «Кругъ» вообще во всѣхъ отношеніяхъ служитъ ея наиболѣе характернымъ памятникомъ? Я-бы поколебался безоговорочно утверждать это. Историческое мѣсто разсказа В. Емельянова «Люль» опредѣляется, напр., какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, отнюдь не именами Пруста и Анненскаго, а какими-то другими: Нагродской? Арцыбашева? Этотъ «отрывокъ изъ повѣсти» посвященъ сложнымъ и тонкимъ «переживаниямъ» глубокой и чуткой натуры Джима, охваченнаго «апплкой страстью» къ пльвинтедьной Люль, ведущей себя загадочно. Недоумѣніе вызываетъ то, что герои повѣсти иногда прекращаютъ разговоры и — подымаютъ лай, а то и просто грызутся. Оказывается это — собаки, хотя съ такимъ-же успѣхомъ авторъ могъ-бы ихъ выдать и за таракановъ, гусеницъ, слоновъ или верблюдовъ. Въ этомъ отношеніи прямую противоположность «Люль» представляетъ разсказъ В. Яновскаго. Здѣсь эпизодъ изъ собачьяго быта описанъ съ такой выразительностью, что вѣроятно и въ нашъ откровенный вѣкъ la mère en défendra la lecture à sa fille, а въ Англіи и вообще это

произведение вряд-ли увидѣло бы свѣтъ. Все-же разсказъ значительный, ранящій душу и могущій служить свидѣтельствомъ, подкрѣпляющимъ формулу Г. Федотова. Если бы авторъ и не взялъ заглавіе («Розовыя Дѣти») у Анненскаго, и эпитаграфъ у Бодлера, — все равно, оба эти имени всомнилились-бы при чтеніи.

Позволю себѣ одно замѣчаніе, не имѣющее отношенія къ тому, о чемъ вообще здѣсь идетъ рѣчь. Въ «Вечерникѣ» Фельзена есть такое мѣсто: «...и она едва-ли точно передаетъ предполагаемую Лелину расплату за безнаказанное со мной несчитаніе». Фраза эта — точь-въ-точь изъ какого-нибудь «философическаго» трактата или судебного приговора екатерининскаго времени. Какъ и почему возможна такая фраза у современнаго писателя — трудно понять.

П. Бицилии.

Генералъ М. Н. Головинъ. Планъ войны. Изъ исторіи кампаній 1914 года на русскомъ фронтѣ. Изд. Гл. Правл. зарубежнаго Союза русскихъ военныхъ инвалидов. Парижъ. 1936.

Война — первое звено въ роковомъ для Россіи сѣбленіи послѣдовавшихъ затѣмъ событій. Приблизиться къ пониманію русской катастрофы можно лишь отдавъ себѣ отчетъ въ истинныхъ причинахъ военнаго пораженія Россіи. Объективному сужденію о недавнемъ прошломъ мѣшаютъ, какъ всегда, политическія страсти, связанныя съ вопросомъ объ отвѣтственности. Неудачная ли война вызвала преждевременную революцію, или наоборотъ, революція обусловила поражение Россіи въ войнѣ? До сихъ поръ въ извѣстныхъ кругахъ склонны разложить армію цѣликомъ относить лишь къ эпохѣ Врем. Правительства. Извѣстно однако, что ко времени революціи моральная устойчивость арміи была уже подорвана военными неудачами предыдущихъ лѣтъ и утратой вѣры въ способность старой власти вести успешно войну.

Ничто такъ не способствовало раскрытію причинъ крушенія стараго порядка, какъ опубликованныя послѣ революціи свидѣтельства самихъ же дѣятелей монархіи — членовъ царствовавшей династіи, министровъ, сановниковъ. Въ длинномъ ряду такихъ свидѣтелей имѣются и лица, близко стоявшія къ арміи, какъ генералы Сухомлиновъ, Янушкевичъ, Куропаткинъ, Поливановъ, Лукомскій, Деникинъ, Даниловъ и др. Изъ ихъ показаній для насъ слѣдуетъ одно: неудачи русской арміи въ началѣ кампаніи приходится отнести за счетъ прежде всего неподготовленности, некомпетентности и грубыхъ ошибокъ высшаго военнаго руководства.

Близко къ такому выводу приводитъ насъ и недавно вышедшая книга ген. Головина «Планъ войны». Имя ген. Головина, профессора Военной Академіи, достаточно извѣстно, и не однимъ только русскимъ читателямъ: его многочисленныя военно-историческія и стратегическія изслѣдованія переведены на нѣсколько иностранныхъ языковъ. Книга «Планъ войны» является первымъ томомъ задуманнаго авторомъ

обширнаго труда по исторіи кампаніи 1914 года на русскомъ фронтѣ, два послѣдующихъ тома котораго уже появились по-русски раньше (т. II подъ заглавіемъ «Начало войны и первая операція въ Восточной Пруссіи», т. III — «Галиційская битва, первый періодъ»). Въ немъ ген. Головинъ выступаетъ въ качествѣ ученаго эксперта, военного историка. Собственные его политическіе взгляды, надо полагать достаточно умѣренные, не мѣшаютъ ему высказывать, хотя и въ сдержанной формѣ, печальную правду относительно истинныхъ виновниковъ не-подготовленности Россіи къ ожидавшему ее испытанію.

Какъ и въ прежнихъ своихъ работахъ, ген. Головинъ рассматриваетъ стратегическія проблемы не только съ узкой военно-технической точки зрѣнія, но и въ ихъ связи съ общей исторической обстановкой. Для темы «Планъ войны» такой методъ и вообще является единственно возможнымъ. Зрѣлый планъ войны, защитной не къ меньшей мѣрѣ чѣмъ захватнической, предполагаетъ не только предварительное выполненіе чисто техническихъ военныхъ мѣропріятій, но и соответствующее, въ предвидѣніи войны, приспособленіе извѣстныхъ отраслей народнаго хозяйства, созданіе благоприятной международной обстановки и пр. Была ли въ этомъ смыслѣ Россія «готова» къ мировой войнѣ, какъ это печатно утверждалъ въ іюнѣ 1914 года военный министръ Сухоминовъ?

Оставляя въ сторонѣ техническія выкладки и разсужденія, требующія для ихъ оцѣнки специальной компетенціи, остановимся здѣсь лишь на даваемой ген. Головиннымъ характеристикѣ общихъ условій, въ которыхъ создавался въ 1910-1914 гг. русскій планъ войны на западномъ фронтѣ.

Въ своей критикѣ принятаго русскимъ командованіемъ плана ген. Головинъ исходитъ изъ близкихъ ему идей гр. Милютина, профессора Военной Академіи въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка и позже военнаго министра. Милютинскій планъ основывался на активномъ исползованіи нами передового театра, образуемаго Привислянскимъ краемъ и глубокимъ мысомъ вдающагося въ непріятельскія территоріи. Благодаря этому сосредоточенныя здѣсь русскія арміи получали преимущество дѣйствій по внутреннимъ линіямъ, съ возможностью, въ зависимости отъ стратегической обстановки, нанесенія удара тому или другому противнику. Поэтому въ Варшавскомъ военномъ округѣ уже въ мирное время была расквартирована значительная часть нашихъ войскъ и въ теченіе 35 лѣтъ производилась соответствующая военно-инженерная подготовка будущаго театра военныхъ дѣйствій: строились крѣпости, укрѣплялись водные рубежи, проводились стратегическія дороги. Въ условіяхъ войны одновременно съ Германіей и Австро-Венгріей милютинская традиція требовала сосредоточенія главныхъ силъ и нанесенія рѣшительнаго удара прежде всего на юго-западномъ фронтѣ, противъ болѣе слабой австро-венгерской арміи, ограничившись на сѣверо-западномъ фронтѣ противъ германцевъ на первое время лишь пассивной защитой. Заключенная въ 1892 году

военная конвенция съ Франціей первоначально оставляла въ этомъ отношеніи за русскимъ командованіемъ достигнутую свободу.

Вся эта продуманная система защиты Россіи потерпѣла крушеніе съ назначеніемъ въ 1908 г. на постъ военнаго министра ген. Сухомлинова. Сторонникъ все тѣхъ же выжидательныхъ, куропаткинскихъ методовъ, которые еще недавно привели Россію къ пораженію въ японской войнѣ, Сухомлиновъ съ его собственномъ «планѣ» началъ съ рѣшенія отнестись линію сосредоточенія русскихъ войскъ далеко на востокъ отъ Вислы, т. е. фактически съ добровольнаго и предварительнаго очищенія нами всего передового театра. Изъ Варшавскаго округа уводилась внутрь Россіи часть расквартированныхъ тамъ войскъ, рядъ важнѣйшихъ крѣпостей обрекался на разрушеніе... Въ оперативномъ отношеніи планъ Сухомлинова означалъ отказъ отъ инициативы концентрированнаго удара сначала противъ одного изъ противниковъ (Австро-Венгріи) и переходъ къ выжидательной тактикѣ, съ распыленіемъ силъ «на всякій случай» по обоимъ расходящимся направленіямъ, противъ австрійцевъ и противъ германцевъ одновременно.

Въ этомъ ничѣмъ неоправдываемомъ отступленіи отъ миллионской традиціи ген. Головинъ видитъ роковую ошибку русскаго военнаго руководства и главную причину постигшихъ насъ въ 1914 г. на западномъ фронтѣ неудачъ.

Но если относительно преимуществъ того или иного оперативнаго метода въ обстановкѣ 1914 г. могутъ еще быть разногласія между военными специалистами (ген. Даниловъ, напр., одинъ изъ авторовъ сухомлиновскаго плана, до сихъ поръ его защищаетъ), то ужъ никакъ не можетъ быть двухъ мнѣній по поводу преступной небрежности, проявленной военнымъ министерствомъ въ дѣлѣ снабженія арміи. Неизбѣжность войны была для всѣхъ очевидна, Гос. Дума охотно отпускала всѣ испрашиваемые у нея для арміи кредиты, армія нуждалась во всемъ, особенно въ артиллеріи, имѣющей столь важное значеніе въ современной войнѣ, — и въ то же время военный министръ ухитрился къ началу войны изъ 450 мил. рублей особаго кредита оставить неиспользованными 300 мил... Достаточно извѣстно, въ какомъ ужасномъ положеніи оказалась вслѣдствіе этого русская армія передъ лицомъ превосходившаго ее во много разъ вооруженіемъ противника. И все же нельзя безъ волненія читать привоимъ Головиннымъ сухія цифры — за ними кроется страшная трагедія нашей арміи. Не только было слишкомъ мало артиллеріи. — для нея еще недоставало и снарядовъ. При нормѣ зап.-европейскихъ армій въ 2-3.000 снарядовъ на орудіе, русская норма оставалась всего 1.000 снарядовъ, да и тѣхъ не было полностью налицо. При фактически же оказавшемся гораздо большимъ расходѣ снарядовъ въ эту войну (до 300-400 снарядовъ на орудіе за одинъ день боя), наша армія, разстрѣлявъ запасы снарядовъ въ первые же недѣли, въ дальнѣйшемъ оказывалась безоружной подъ ураганнымъ огнемъ противника. Такъ, уже въ концѣ втораго мѣсяца войны наша армія шла въ большое на-

ступленіе на Перемышль, имѣя всего лишь по 25 снарядовъ на орудіе... Конечно, вопіющій недостатокъ не только артиллеріи и снарядовъ, но и винтовокъ и патроновъ оплачивался напрасной гибелью десятковъ тысячъ человѣческихъ жизней.

Весьма поучительны у ген. Головина страницы, посвященныя взаимоотношеніямъ русскаго генеральнаго штаба съ французскимъ. Со времени министерства Сухомлинова русскій ген. штабъ все болѣе утрачиваетъ свою независимость. Въ близорукое національное эгоизмъ французское командованіе навязываетъ русскому задачи явно неисполнимыя, ко вреду не только для Россіи, но въ конечномъ счетѣ и для самой же Франціи. На совѣщаніяхъ обонхъ штабовъ ген. Жоффръ какъ хозяинъ вмѣшивается въ распоряженія русскаго ген. штаба, — нашъ представитель, ген. Жилинскій, по своему безличію и полной военной некомпетентности, покорно принимаетъ за Россію тяжчайшія, роковыя по своимъ послѣдствіямъ обязательства. Въ случаѣ войны русское командованіе обязывалось перейти въ рѣшительное наступленіе, и при томъ непременно противъ Германіи, не позже какъ на 15-ый (!) день послѣ объявленія войны, въ то время какъ по нашему же собственному мобилизаціонному плану сосредоточеніе на передовомъ театрѣ достаточныхъ для наступленія силъ требовало никакъ не менѣе 30-40 дней. Въ результатѣ наше злополучное наступленіе въ Вост. Пруссіи, начатое по настоянію французскаго командованія, происходило противъ чуть ли не вдвое превосходившаго по численности и вооруженію противника, укрѣпившагося къ тому же въ мѣстности заранѣе имъ тщательно оборудованной стратегически. «Печальный исходъ... былъ возмездіемъ за пренебреженіе къ основамъ военной науки», замѣчаетъ ген. Головинъ.

Въ краткой замѣткѣ невозможно передать богатое содержаніе новой книги ген. Головина, обильно документированной ссылками на мемуары, протоколы военныхъ совѣщаній, дипломатическую переписку и пр., — остается только пожелать ей широкаго распространенія. Въ заключеніе отмѣтимъ лишь одно.

Ген. Головинъ сурово клеймитъ некомпетентность, легкомысліе, грубѣйшія ошибки и стратегическія преступленія непосредственныхъ руководителей военнаго вѣдомства — и, однако, оставляетъ по возможности въ тѣни роль стоявшаго за ними государя. А между тѣмъ отвѣтственность за ихъ выборъ цѣлкомъ лежитъ только на царѣ. И если нѣтъ основаній сомнѣваться въ наличіи доброй воли у имп. Николая II, тѣмъ болѣе его несумѣли выбрать на отвѣтственные посты достойныхъ довѣрія людей при собственной некомпетентности въ военномъ дѣлѣ свидѣлствовать противъ самой системы самодержавія. При какомъ другомъ режимѣ мыслимо, чтобы подготовка къ предстоящей борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ, вооруженнымъ по послѣднему слову военной науки и современной техники, отдала была въ руки ограниченнаго и неважественнаго бюрократа, который самъ гордился тѣмъ, что «за 25 лѣтъ не прочелъ ни одной военной книги»? Какъ оправдать необъяснимое упорство царя въ отстаиваніи

недостойного фаворита противъ единодушнаго мнѣнія не только широкихъ общественныхъ круговъ и Гос. Думы, но даже главы собственного правительства, гр. Коковцева, который еще въ 1912 году предупреждалъ государя: «военнаго министра не уважаетъ никто изъ видныхъ военныхъ; одни надъ нимъ издѣваются, другіе презираютъ — съ такимъ начальникомъ подготовить армию къ побѣдному бою нельзя?» Можно понять мотивы ген. Головина, его сдержанность въ критикѣ дѣйствій трагически погибшаго государя, — но соблюденію должной въ историческомъ трудѣ перспективы это, конечно, не содѣйствуетъ.

Русская армія въ цѣломъ, солдаты и офицеры, въ теченіе ряда лѣтъ, въ безпримѣрныхъ по тяжести условій, стойко выполняли свой долгъ передъ Россіей. Винить ли армию, что съ окончательной утратой довѣрія къ руководству этихъ силъ не хватило до конца? Пораженіемъ въ двухъ послѣднихъ войнахъ русской народъ заплатилъ за промедленіе въ ликвидаціи отжившей политической системы. Въ своемъ запоздаломъ крушеніи, въ обстановкѣ неудачной войны, самодержавно-бюрократическій порядокъ увлекъ за собою въ пропасть и Россію.

В. Рудневъ.

Романъ Гуля. Дзержинскій. Парижъ. 1936.

Большевики допущены въ культурное общество. Проклятіе террора надъ ними больше не тяготитъ. Политика для стираетъ чувство моральной брезгливости и презрѣнія. Западную Европу, быть можетъ, нѣсколько шокировала послѣдняя расправа внутри коммунистической партіи — шокировала, но не больше. И московскіе палачи, въ лицѣ своихъ аккредитованныхъ въ Зап. Европѣ дипломатовъ, и впредь будутъ выступать въ роли защитниковъ правъ и свободы другихъ народовъ.

Но не уйти большевикамъ отъ суда исторіи. Нѣтъ прошенія и нѣтъ забвенія человѣческой мерзости. Напоминаніемъ о ней является недавно появившаяся книга Романа Гуля «Дзержинскій».

Формально она озаглавлена именемъ перваго руководителя кровавыми боями, въ дѣйствительности книга посвящена характеристикѣ трехъ преемственно смѣнившихся другъ друга возглавителей Ч. К. — Дзержинскаго, Менжинскаго и Ягоды. Р. Гуль попутно даетъ изображеніе не только вдохновителей, но и непосредственныхъ осуществителей системы «краснаго террора» — всѣхъ этихъ Петерсовъ, Ланисовъ, Эйдуковъ и пр. и пр. Передъ читателемъ проходитъ отвратная галлерея политическихъ сектантовъ-фанатиковъ, психопатовъ-изувѣрковъ и циниковъ. Авторъ не только характеризуетъ дѣйствующихъ лицъ, онъ подводитъ какъ бы и итоги кровавыхъ дѣяній. Здѣсь новаго матеріала нѣтъ. Но въ яркомъ полубеллетристическомъ изложеніи Р. Гуля жуткая картина запечатлѣвается съ особой рѣзкостью и силой.

Авторъ часто при своемъ изложеніи пользуется данными моей

работы о красномъ террорѣ, которая въ свое время явилась какъ бы первой попыткой систематической лѣтописи о большевицкихъ злодѣяніяхъ. Это даетъ мнѣ нѣкоторое право сказать нѣсколько словъ и про *domo mea*. Желая быть по возможности объективнымъ, я считалъ нужнымъ внести оговорку: не все рассказанное въ моей книгѣ (отчасти по воспоминаніямъ) казалось мнѣ вполне достовернымъ — особенно въ деталяхъ. Слишкомъ невѣроятными казались подчасъ мнѣ самому картины звѣрствъ и ужасовъ въ XX вѣкѣ, которыя приходилось описывать. Но за истекшее десятилѣтіе картина совѣтскаго правительственнаго террора по сравнению съ тѣмъ, что было зарегистрировано въ моемъ первомъ синодикѣ, не только не потускнѣла, но стала еще болѣе ужасна и еще болѣе цинична. То, что мнѣ казалось маловѣроятнымъ, не только неожиданно подтвердилось въ послѣдовавшихъ откровенныхъ разсказахъ «раскаившихся» чекистовъ, непосредственныхъ участниковъ и исполнителей кровавыхъ оргій, но расширилось и углубилось — эти чекисты разсказали такія детали, что передъ ними блѣднѣло самое невѣроятное изъ мною зарегистрированного... За повѣствованіемъ чекистовъ послѣдовали незамысловатые очерки Солоневича. Регламентированная система концентраціонныхъ лагерей, описанная г. Солоневичемъ, вызываетъ еще большее отвращеніе и негодованіе, чѣмъ первые разсказы объ ужасахъ на Соловкахъ, которые намъ приходилось слышать непосредственно въ Москвѣ.

Р. Гуль въ своемъ краткомъ сконцентрированномъ очеркѣ имѣлъ возможность использовать и литературу послѣдующихъ лѣтъ. Повторяю, впечатлѣніе отъ «краснаго террора» стало со временемъ еще болѣе отвратительнымъ. Совершенно естественно, что кровавое дѣло большевицкой власти привлекло къ себѣ все отребье человѣческаго рода. Выполнителями были преступники, потерявшіе всякое представление о добрѣ и злѣ. Но что представляли собой вдохновители системы «краснаго террора», руководители расправами, не маравшіе непосредственно своихъ рукъ кровью враговъ «пролетаарскаго государства? Наибольшее вниманіе Р. Гуль естественно уделяетъ Дзержинскому. Для характеристики Фел'кса-«Золотое сердце» имѣется къ тому же красочный матеріалъ въ видѣ автобіографическихъ записокъ и собственноручныхъ тюремныхъ дневниковъ — дневниковъ періода «шарской» тюрьмы и каторги. Передъ нами страстный юноша, готовящійся къ карьерѣ католическаго священника, узкій націоналистъ-фанатикъ, мечтающій объ уничтоженіи всѣхъ москалей. Онъ теряетъ вѣру въ Бога и пафосъ религіознаго фанатизма переноситъ въ сферу новаго своего служенія. Недоучившійся гимназистъ избираетъ карьеру пропагандиста, проходитъ черезъ тяжелую школу тюремныхъ испытаній. Больнымъ съ вывихнутой душой, встрѣчаегь онъ революцію 17 года. Большевицкій переворотъ выдвинулъ на роль всероссійскаго палача именно того, кто такъ проникновенно писалъ нѣкогда въ тюрьмѣ объ ужасѣ казни. Мои личные воспоминанія до нѣкоторой степени свидѣтельствуютъ о томъ, что при-

способленіе своей политической религіи къ кровавымъ завѣтамъ Торквемадо Джерзинскій совершилъ не безъ внутреннихъ, быть можетъ, тяжелыхъ переживаній. Я помню, до чего онъ былъ взволнованъ во время допроса осенью 18 г. моими словами о мѣрзости правительственнаго террора. Всегда идейные большевики фальшиво отвѣчали одно — они «смягчаютъ ужасы народной мести». Этотъ іезуитизмъ могъ имѣть мѣсто только въ первые дни террора. Потомъ необычное стало повседневнымъ. Безуміе отъ пролитой крови захватило фанатиковъ. Тогда фанатики превратились въ изуверовъ.

Рафинированный эстетъ, скептикъ и циникъ смѣнялъ Держинскаго на его посту. Въ Менжинскомъ не было ничего отъ аскетизма и фанатизма. Въ холодномъ бездушьи продолжало твориться кровавое дѣло. И трудно не согласиться съ авторомъ, что среди чекистскихъ фигуръ это едва ли не одна изъ наиболѣе отвратительныхъ. Дегенеративный аристократъ — какъ бы формулируетъ свою характеристику Гуль. Но этимъ терминомъ авторъ нѣсколько злоупотребляетъ. Оба шляхтича, руководившіе «пролетарской» Чекой, къ аристократіи, конечно, не принадлежали.

На смѣну шляхтичей пришелъ фармацевтъ Ягода. Это уже полное ничтожество, по характеристикѣ автора. Типъ революціоннаго карьериста, хитраго, зловнаго, мстительнаго, но услужливаго передъ властью имущими. Въ сущности, это типы изъ того же «человѣческаго звѣринца», который дѣйствовалъ въ подвалахъ.

Я не пытался, въ сущности, изложить характеристики, данныя Р. Гулемъ. Онѣ образны и цѣльны, хотя и не со всѣми историческими сопоставленіями его можно согласиться. Ихъ надо прочитать непосредственно для того, чтобы ощутить весь ужасъ, который внушаетъ «человѣчскій звѣринецъ» (отъ верховъ до низовъ) въ дѣйствіи.

С. Мельгуновъ.

П. Н. Савицкій. Разрушающіе свою родину. — Изданіе Евразійцевъ. Берлинъ. 1936.

Брошюра, выпущенная П. Н. Савицкимъ, очень своевременна и содержитъ рядъ указаній на факты вопіющіе, но мало кому извѣстные. Разгромъ древнихъ храмовъ Ярославля и Великаго Устюга, разрушеніе построеннаго Растрелли собора Свенскаго монастыря, уничтоженіе всей старой архитектуры Архангельска и Екатеринбурга, идиотское опустошеніе Москвы, уже лишившейся несчетнаго множества старинныхъ церквей, Вознесенскаго, Чудова и Симонова монастырей, Красныхъ воротъ и чудесной Сухаревой башни, срытію которой радуется какой-то совѣтскій пошлякъ, воспѣвавшій оставшееся отъ нея пустое мѣсто, — все это говоритъ за себя и все это должнымъ образомъ выдвинуто и подчеркнуто авторомъ. Жаль только, что евразійскія теоріи его отразились даже и на трактовкѣ этой казавшейся бы ни съ какой исторіософской системой не связанной темы: О разрушеніи ярославльскихъ позднихъ, очаровательно-лубочныхъ

росписей можно горевать и не предпочитая их фрескам Сикстинской капеллы. Уничтоженіе предметов или зданій, имѣющихъ только историческій интересъ, незачѣмъ ставить на одну доску съ уничтоженіемъ подлинныхъ произведеній искусства, на томъ только основаніи, что и тѣ, и другіе — русскіе. Если посмотрѣть на дѣло безъ евразійской предвзятости, то какъ разъ такой фактъ, какъ распродажа эрмитажныхъ сокровищъ западной живописи (о которой авторъ не забылъ, слава Богу, пожалѣть), окажется бѣдствіемъ чисто-русскимъ, такъ какъ ихъ лишилась Россія, а не міръ. Зато угрожающее состояніе, въ которомъ, какъ слышно, находятся нынѣ церкви Коломенскаго и Острова подъ Москвой, т. е. лучшіе и почти единственные образцы русской шатровой архитектуры, созданія истиннаго художественнаго генія, должно было бы волновать не только русскихъ, но и всѣхъ вообще людей, умѣющихъ любить искусство. Мнѣ кажется также, что П. Н. Савицкій напрасно вызываетъ къ совѣтскому патриотизму или национализму. Пренебреженіе художественнымъ прошлымъ страны, о которомъ такъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ собранные имъ факты, объясняется не паденіемъ любви къ отечеству и народной гордости, а паденіемъ культуры. Можно поклоняться національному штыку и въ то же время топить печку рублевской иконой.

В. Вейдле.

André Gide. Retour de l'U.R.S.S. Ed. Gallimard. Paris. 1936.

Маленькая изящная книжечка, въ каждой своей строчкѣ насыщенная острымъ содержаніемъ.

Значеніе книжечки А. Жида для насъ русскихъ не въ самыхъ фактахъ, всѣмъ намъ давно извѣстныхъ; не въ тѣхъ горестныхъ открытіяхъ, которыя для себя сдѣлалъ въ СССР авторъ, — совершенное духовное рабство въ Россіи Сталина для насъ никогда не было Америкой. Цѣнность «возвращенія изъ СССР» въ томъ, что написалъ ее именно Андрэ Жидъ. Безспорно первый сейчасъ французскій писатель, наследникъ старой, глубокой культуры, долгіе годы аристократически замкнутый, чуждый толпѣ и ея чуждавшійся, онъ года три тому назадъ, переживъ какой-то духовный кризисъ, вдругъ объявилъ, что «восторгается Союзомъ ССР и пламенно любить его». Любить какъ землю обѣтованную, гдѣ человѣкъ сталъ востину свободнымъ, освобожденнымъ отъ власти вещныхъ отношеній, творящимъ новый совершенный коммунистическій строй. Въ отличіе отъ легіона европейскихъ журналистовъ, писателей, дѣльцовъ, «снобствующихъ» своими совѣтскими симпатіями не безъ выгоды для себя, Андрэ Жидъ въ своемъ противопоставленіи для чуткаго, умнаго и культурнаго человѣка восторгъ передъ «страной утопій» былъ глубоко искрененъ и послѣдователенъ. Повѣривъ на слово учителямъ и апостоламъ новой социальной религіи, онъ духовно все глубже уходилъ въ коммунизмъ, въ свѣтлое, какъ онъ думалъ, ученіе о любви къ свободному человѣку и социальному равенству.

Зналь ли Андрэ Жидъ, что эти апостолы идутъ по коленно въ крови замученныхъ ими? Зналь, но отъ этого не содрогнулся. Счастье грядущихъ поколѣній можно, а можетъ быть и должно, создавать уничтоженіемъ всей породы ветхаго, вреднаго въ новыхъ условіяхъ человѣчества.

Тутъ въ этой психологіи многихъ и многихъ европейскихъ единомышленниковъ Андрэ Жида вскрывается еще разъ глубокое расхожденіе нашего и западнаго гуманизма. Мнѣ кажется, книжка Жида тѣмъ въ особенности цѣнна и важна, что въ ней раскрывается, обнажается до конца душа современнаго западнаго человѣка. Трагически закончившійся романъ Андрэ Жида съ большевизмомъ, романъ въ нашемъ ощущеніи невозможный, чудовищный — оказался вполне возможнымъ для подлиннаго выразителя западной тончайшей гуманитарной культуры. Андрэ Жидъ и Ромэнъ Ролланъ — Достоевскій и Левъ Толстой! Въ сопоставленіи этихъ именъ вся непримиримость двухъ культурныхъ традицій, свободолюбивой западной и человѣколюбивой нашей. Съ одной стороны: лучше даже непротизленіе злу, чѣмъ насильственное кровью и мечемъ осуществленіе Царства Божія на землѣ. Съ другой: физическое истребленіе враждебныхъ классовъ есть просто неизбежные «расходы производства» при постройкѣ царства социальной справедливости и совершенной духовной свободы для будущихъ поколѣній. Гениальному синтезу всей нашей религиозно-социальной традиціи у Достоевскаго (разговоръ Ивана и Алехи Карамазовыхъ о возвращеніи билета) — Андрэ Жидъ противопоставляетъ мифъ о богинѣ Деметрѣ.

Эти тридцать строкъ, поставленные впереди введенія къ «Возвращенію изъ СССР», тоже синтезъ цѣлаго социально-религиознаго мироощущенія. Въ образѣ старушки няни Деметры приходитъ на дворъ царя Келеоса. Царица отдаетъ ей на попеченіе своего новорожденнаго сына, въ будущемъ Триптолема, зачинателя земледѣлія. Разъ вечеромъ, въ отсутствіи родителей, няня беретъ изъ колыбели младенца. Съ минимой жестокостью, въ дѣйствительности же — руководимая великой любовью и желаніемъ превратить ребенка въ бога, Деметра кладетъ его на ложе изъ раскаленныхъ углей. Богиня склоняется надъ лучезарнымъ ребенкомъ, корчащимся въ мукахъ преображенія. Но входитъ въ комнату мать и, подчиняясь ложному инстинкту жалости, прерываетъ сверхчеловѣческой опытъ. Изъ-за того, чтобы спасти ребенка, мать теряетъ бога.

Всю свою суровую и поразительную по проникновенію въ самую суть вещей критику сталинизма (А. Жидъ впервые былъ въ Россіи и пробылъ въ СССР лишь обычный туристскій срокъ), онъ проводитъ подъ этимъ угломъ зрѣнія: Деметру — Ленина смѣняетъ Сталинъ въ роли «любящей» матери; блистательный опытъ былъ прерванъ и Россія возстала преждевременно съ ложа очистительныхъ страданій для обычнаго человѣческаго прозябанія. Кто въ этомъ повиненъ? «Тотъ, кто править», или создавшаяся обстановка, слабость человѣческой природы, тяга массъ къ мѣшанству? Андрэ Жидъ

отвѣта не знаетъ, а можетъ быть самому себѣ не рѣшается сказать то, что про себя уже знаетъ.

Да и трудно себѣ представить, чтобы изощреннѣйшій наблюдатель — а таковымъ Андрѣ Жидѣ показалъ себя въ Россіи — могъ въ безконечномъ терпѣніи и въ мертвомъ молчаніи толпы, стоящей по три часа въ хвостахъ на улицахъ или въ очередяхъ въ магазинахъ, гдѣ дышать нечѣмъ, гдѣ грязь, грубость приказчиковъ и отвратительный, безвкусный товаръ, увидѣть только одно: русскіе люди «любить ждать» и «не имѣютъ вкуса»! Трудно повѣрить, что малую производительность совѣтскаго рабочаго Андрѣ Жидѣ искренне объясняетъ себѣ тѣмъ, что русский рабочий человекъ отъ природы былъ и остался «лодыремъ», который прежде работалъ только «изъ-подъ кнута», а нынѣ работаетъ только изъ-подъ Стаханова. Неужели страстный и убѣжденный свободолубецъ для себя, для работниковъ умственного труда — «нѣтъ духовнаго творчества безъ свободы», не разъ повторяетъ въ своей книжкѣ Жидѣ — онъ не понимаетъ, что и физическій трудъ на фабрикѣ или въ колхозѣ безъ свободы также не творящій новыя цѣнности трудъ, а ненавистная каторга. А эта сѣрая, безликая толпа на улицахъ Москвы; толпа, уравненная въ своемъ убогомъ видѣ до послѣдняго предѣла; толпа, гдѣ каждый при встрѣчѣ съ иностранцемъ говоритъ одно и то же до того, что этому иностранцу кажется: все время говоришь съ однимъ и тѣмъ же собесѣдникомъ — неужели этотъ жуткій наборъ грамофонныхъ дисковъ въ человѣческомъ образѣ есть въ какой-либо мѣрѣ русский народъ? Впрочемъ, самъ же Андрѣ Жидѣ даетъ вѣрный ключъ къ разгадкѣ этихъ «національных особенностей» Россіи, излагая свой разговоръ съ однимъ художникомъ въ общемъ залѣ роскошной, «для избранныхъ», гостиницы въ Сочи. Съ этимъ художникомъ Х. у Жиды произошелъ долгій и сильный споръ о свободѣ творчества. Андрѣ Жидѣ доказывалъ, что всякій «конформизмъ», обязательная линия въ искусствѣ его убиваетъ. Художникъ Х., все громче и громче повышая голосъ, доказывалъ, что его собесѣдникъ разсуждаетъ «какъ буржуй», что «марксизмъ, который въ другихъ областяхъ создалъ столько великаго, создать и истинное искусство»... Спорщики разошлись, конечно, ни въ чемъ не столковавшись. Черезъ нѣсколько минутъ художникъ Х. вѣжалъ въ комнату Жиды и «шепотомъ»: --- «да вѣдь, чертъ возьми, я и самъ все это отлично понимаю. Но, насъ тамъ слушали, а... моя выставка должна скоро открыться».

Впрочемъ, духовный крѣпостной строй Андрѣ Жидѣ познать въ СССР и на своемъ собственномъ опытѣ. То у него не брали къ отсылкѣ телеграмму на имя Сталина потому, что въ ней не было лестныхъ восхвалительныхъ эпитетовъ вроде «вождя трудящихся» или «отца народовъ». То ему вычеркивали изъ рѣчей передъ ихъ произнесениемъ неподходящія слова и выраженія. То написанная рѣчь оказывалась вовсе непронесенной. Въ этой рѣчи между прочимъ говорилось: «послѣ триумфа революціи искусство подвергается страшной опасности, почти такой же, какая ему грозитъ отъ самаго жестокаго

давления фашизма — опасности обязательного исповедания веры. Искусство, подчиненное какой бы то ни было ортодоксии, подчиненное хотя бы самой здоровой доктрине — пропащее искусство». Характерно, что Андре Жидъ в своей книжке отрывается от ответственности за все то, что от его имени — в виде речей и телеграмм — было опубликовано на русском языке в казенных газетах.

В конце концов, познавъ на опыте порядки «советской демократии», Андре Жидъ догадался, что нужно ценить и беречь свободу, которой «мы пользуемся еще во Франции и даже иногда злоупотребляем». Такую честь «буржуазной» свободы хорошо было бы отдать и ее эмигрантским обличителям и поносителям!.

Невозможно изложить здесь все острые наблюдения и горестные для поклонников «социализма в одной стране» выводы А. Жида. Только выводы непоследовательны у А. Жида. У него нет органической связи между до-сталинским и сталинским периодом поджаривания России на раскаленных до красна углях «пролетарской революции». А. Жидъ как будто и сейчас не понимает, что никогда из террора не может родиться свобода.

Впрочем, А. Жидъ вращался в слишком аристократическом обществе и вдалеке по слишком живописным уголкам России, чтобы замечать поезда с ссыльными и подумать о миллионах в концлагерях. Выходит так, что в духовное рабство Россия впала и в нем пребывает не то по старой «привычке к кнуту», не то потому, что зачарована пропагандой — ведь никто не решается высказать свое мнение, пока не прочтешь очередную передовую.

«Счастливая жизнь» советского вечноподданного рабочего или комсомольца складывается, горько пронизывает А. Жидъ, из надежд, доверия и невзгод; невзгоды обо всем, что творится в Европе.

Но разве вера в счастливую жизнь в СССР не опиралась вчера еще у самого А. Жида на надежду, что идеи Октября обновят всю Европу, на доверие ко всей лжи московской пропаганды, на полное невзятие о русской действительности; невзятие, несмотря на то, что все возможности знать правду (даже не в СССР) были и остаются в распоряжении европейской интеллигенции. Только для этого она сама должна была не принимать чаемое уже за осуществленное и не оправдывать мифом о Деметрии все слезы и всю кровь, пролитую Россией во имя «прерванного опыта».

А. Керенский.

Alexandre Kerenski. L'expérience Kerenski. Ed. Payot. Paris, 1936.

Появление новой книги А. Ф. Керенского не случайно совпало с приходом во Франции к власти правительства Леона Блюма. «Опыту Блюма» в известной части французской печати с самого начала предсказывали печальную судьбу «опыта Керенского», «проло-

жившаго дорогу Ленину». Съ другой стороны самъ Блюмъ на июльскомъ конгрессѣ своей партіи счелъ нужнымъ заявить категорически, что формируемое имъ правительство Народнаго фронта «не будетъ правительствомъ Керенскаго», хотя бы потому, что ему на смѣну въ современной Франціи могъ бы придти «во всякомъ случаѣ не Ленинъ».

Книга Керенскаго, являющаяся какъ бы отвѣтомъ на эти опасенія и завѣренія, вышла въ свѣтъ еще до того, какъ правительство Блюма начало дѣйствовать. Въ ней авторъ могъ поэтому остановиться подробнѣе только на опытѣ русской революціи; относительно еще предстоявшаго опыта французскаго онъ долженъ былъ ограничиться лишь самыми общими предварительными соображеніями.

Мы не будемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе не разъ уже излагавшейся печатно Керенскимъ его исторической схемы февральской революціи. Вѣрная въ своей основѣ, конструкція Керенскаго остается спорной въ немаловажныхъ частностяхъ. Мужественно и съ рыцарскимъ постоянствомъ защищая непреходящую «правду февраля» отъ обвинительской хулы, Керенскій зато слишкомъ иногда снисходителенъ къ несомнѣннымъ недостаткамъ демократическаго режима 1917 г.

Для русскаго читателя, знакомаго съ прежними работами Керенскаго о февральской революціи, главный интересъ его новой книги не въ очеркѣ событій семнадцатаго года, а въ тѣхъ выводахъ, которые авторъ дѣлаетъ изъ нихъ для оцѣнки современнаго положенія во Франціи. Керенскій отрицаетъ — на нашъ взглядъ слишкомъ категорически — всякую аналогію въ обстановкѣ Франціи 1936 г. и Россіи 1917 г. Врем. Правительству, напоминаетъ онъ, приходилось нести войну, несмотря на то, что именно отвращеніе къ ней толкнуло народныя массы на революцію, надо было разрѣшать въ обстановкѣ революціоннаго хаоса задачу коренного переустройства всего политическаго и социальнаго строя; все это — при низкомъ уровнѣ политической сознательности въ народѣ, благопріятствовавшемъ успѣху большевnickой демагогіи. Не то во Франціи: здѣсь правительство Нар. фронта будетъ дѣйствовать въ обстановкѣ вышшняго мира, въ рамкахъ устойчивой государственности, при наличіи организованныхъ демократическихъ силъ въ странѣ. Условія для успѣха правительства Блюма поэтому неизмѣримо благопріятнѣе, чѣмъ они были для Врем. Правительства въ 1917 г. Проводить между ними аналогію — все равно, что сравнивать «измученнаго путника, переходящаго въ бурю по шаткому мостику черезъ бушующій потокъ — и мирнаго парикмахина, спокойно идущаго отъ Палаты депутатовъ къ Елисейскому дворцу: было бы удивительно, если бы на нашихъ глазахъ этотъ парикмахникъ вдругъ провалился сквозь мостъ и упалъ въ Сену».

Образное сравненіе Керенскаго, грѣшнѣе, конечно, излишнимъ оптимизмомъ въ оцѣнкѣ переживаемой Франціей смутной, тревожной эпохи. Сейчасъ вся Франція насквозь проникнута социальнымъ броженіемъ, охватившимъ подъ вліяніемъ экономическаго кризиса не только пролетаріатъ, но и средніе классы. Необходимость проведенія

назрѣвшихъ реформъ въ отсталой въ социальномъ отношеніи странѣ совпадаетъ съ эпохой, когда сама капиталистическая система здѣсь какъ и во всемъ мірѣ переживаетъ глубокое разложенье. При такихъ условіяхъ перестройка устарѣвшихъ отношеній грозитъ, подъ влияніемъ стихійнаго возбужденія низовъ, разжигаемого коммунистами, пойти гораздо дальше того, что для данного времени экономически возможно и цѣлесообразно. Наконецъ, и внѣшній міръ далеко не обезпеченъ для Франціи даже на ближайшее время, — угроза войны уже сейчасъ давитъ на всю политическую и хозяйственную жизнь страны. Конечно, «исторія не повторяется», по крайней мѣрѣ въ томъ же разѣ уже даннымъ сочетаніемъ слагаемыхъ, однако то, что переживаетъ сейчасъ Франція, скорѣе похоже на начальную фазу какой-то революціи, дальнѣйшее развитіе которой трудно еще предвидѣть.

Судьба революцій опредѣляется однако не одной лишь объективной обстановкой, а и вмѣшательствомъ сознательныхъ силъ. Не было и въ Россіи фатальнымъ крушеніе демократическаго режима, — въ значительной мѣрѣ оно явилось слѣдствіемъ ошибокъ его сторонниковъ. Въ болѣе степеніи во Франціи, гдѣ еще не разыгранъ стихій успѣхъ или неудача «опыта Блюма» зависятъ отъ поведенія руководителей Нар. фронта. Но какъ разѣ это поведение способно внушить большую тревогу тѣмъ, кто искренне сочувствуетъ попыткамъ демократическаго обновленія Франціи.

Органическій порокъ Нар. фронта — въ противостественномъ объединеніи для общаго дѣйствія политическихъ партій, дѣйствительныхъ цѣлей которыхъ въ основномъ диаметрально противоположны. Въ то время, какъ одни хотятъ провѣденія назрѣвшихъ реформъ оставаясь въ рамкахъ существующаго буржуазно-капиталистическаго строя и режима демократіи, другіе только ищутъ перваго удобнаго случая, чтобы этотъ строй взорвать, открыто готовя «диктатуру пролетаріата». Опасности, отсюда происходящія для «опыта Блюма», нетрудно было предвидѣть заранѣе, ихъ отмѣчаетъ въ своей книгѣ и Керенскій, говоря, что если правительству Блюма не угрожаетъ открытое выступленіе противъ него «французскаго Ленина», то не менѣе гибельнымъ можетъ оказаться для него проникновеніе враговъ свободы въ лагерь демократіи подъ личиною мнимыхъ защитниковъ той же свободы. Первые же этапы дѣятельности правительства Блюма подтвердили основательность этихъ опасеній. Здѣсь намъ придется касаться и фактовъ послѣдняго времени, которыхъ не могъ имѣть въ виду Керенскій въ моментъ выхода въ свѣтъ его книги.

Сомнѣнія наши относятся вовсе не къ радикализму программы Нар. фронта — болѣе широкое ея требованіе справедливо и разумно — и конечно, не къ быстротѣ «тепловъ» реформъ, если отъ этого онѣ не теряютъ въ своей продуманности. Въ «опытѣ Блюма» (какъ впрочемъ и во всѣхъ другихъ «опытахъ» послѣднихъ лѣтъ — Ленина, Муссолини, Гитлера, Рузвельта, Ванъ-Зеландла) важно не одно лишь содержаніе реформъ. Въ грандіозныхъ социальныхъ преобразованіяхъ, глубоко затрагивающихъ существованіе десятковъ милліоновъ

людей, преобладающее значеніе получает не столь содержаніе реформъ, сколь методъ ихъ осуществленія. Наше безоговорочное сочувствіе опыту Рузвельта, даже при спорности отдѣльных частей его программы, объясняется тѣмъ, что свои весьма радикальныя реформы онъ проводитъ цѣликомъ оставаясь въ рамкахъ демократической конституціи, охраняющей свободу и равныя права всѣхъ гражданъ. Далеко не такъ обстоитъ дѣло съ «опытомъ» Блюма. Ошибка слишкомъ горячихъ поклонниковъ Блюма въ томъ, что, сосредоточивая свое вниманіе исключительно на непосредственныхъ достиженияхъ «копыа», они склонны преуменьшать значеніе одновременно происходящаго въ странѣ процесса разрушенія правового строя и демократическаго режима. А между тѣмъ этотъ процессъ, грозящій свести на нѣтъ положительныя стороны осуществляемыхъ реформъ, тоже является неотъемлемой, органической чертой «опыта Блюма», поскольку онъ проводится въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ коммунистами. Каковы истинныя цѣли этихъ послѣднихъ?

Ни для кого не тайна, что именно коммунисты, и не французскіе, а настоящіе, московскіе явились авторами двусмысленной формулы «народнаго фронта», выдвинутой впервые въ 1935 г. на VII Конгрессѣ Коминтерна въ Москвѣ. Систематическія неудачи, постигавшія всѣ большевицкія попытки революціонныхъ возстаній въ разныхъ странахъ, побудили руководителей Коминтерна перемѣнить тактику. Если невозможенъ успѣхъ въ прямомъ штурмѣ буржуазно-капиталистическаго общества, надо попробовать сначала разложить его изнутри. Отсюда — замѣна слишкомъ революціонныхъ, специфически-компривлечь широкія народныя массы, какъ «долой войну», «долой реакцію», или «долой фашизмъ»; отсюда же и парадоксальная для коммунистовъ готовность объединяться не только съ социалистами, но даже и съ буржуазіей, для созданія, подъ предлогомъ «борьбы съ фашизмомъ», правительствъ «народнаго фронта». Но это лишь новая тактика для достижения обходнымъ путемъ прежнихъ цѣлей, и правительство нар. фронта, какъ разъяснялъ въ своемъ докладѣ ген. секретарь Ламитровъ, должно быть лишь «формой перехода и приближенія къ чисто-пролетарской революціи», на то время, «пока рабочіе еще не готовы поднять возстаніе подъ руководствомъ ком. партіи».

Извѣстно, что придуманный Коминтерномъ маневръ былъ оцѣненъ по достоинству зап.-европейскими социалистическими партіями и безъ колебанія отвергнутъ. Идея «народнаго фронта» въ коалиціи съ коммунистами была воспринята и осуществлена лишь въ двухъ странахъ: во Франціи, да еще въ несчастной Испаніи... Во Франціи вотъ уже полгода у власти правительство Нар. фронта. Сейчасъ еще преждевременно гадать, чѣмъ кончится этотъ опытъ. Но такъ ли ужъ правъ оказался Блюмъ, утверждавшій, что ему не угрожаютъ срывы, чѣмъ свое время погубившіе Керенскаго? Событія показали, что въ отношеніи коммунистической опасности положеніе Франціи сейчасъ уже не столь разнится отъ положенія Россіи при Врем. Правительствѣ. Что

же касается въ частности политики власти, то здѣсь даже черты отличія не всегда благоприятны для правительства Блюма.

На основное различіе въ конструкціи власти указываетъ и Керенскій. Для Врем. Правительства большевики были всегда врагомъ, съ которымъ немислимо было никакое сотрудничество, и Врем. Правительство можно обвинить лишь за то, что борьба съ ними была начата слишкомъ поздно и не велась достаточно энергично. Здѣсь же, во Франціи, коммунисты — союзники власти, и если сами они отказались войти въ правительство, то только потому, что предпочли сохранить за собою свободу дѣйствій въ рабочемъ классѣ. И какъ бы далеко они ни зашли въ своихъ планахъ, имъ заранѣе гарантированы со стороны власти отсутствіе помѣхъ и полная безнаказанность: вѣдь только благодаря ихъ «поддержкѣ» возможно самое существованіе правительства Блюма. Положеніе, о которомъ не могли мечтать русскіе большевики въ 1917 г.!

Зато имѣется полная аналогія въ методахъ мобилизаціи рабочаго класса у русскихъ большевиковъ въ 1917 г. и у французскихъ коммунистовъ, поступающихъ по ихъ же указкѣ, въ 1936 г.: и тамъ и здѣсь коммунисты сознательно толкаютъ рабочія массы на дѣйствія явно несовмѣстимыя съ капиталистической системой и разрушающія существующій правопорядокъ. Если въ Россіи то была пресловутый «рабочій контроль» для борьбы съ «саботажемъ» предпринимателей, то во Франціи это стачки съ занятіемъ фабрикъ и фермъ, захватъ водныхъ путей сообщенія, насилія надъ несиндигцированными рабочими, или только несогласными бастовать и тому подобное. Что всѣ эти дѣйствія подрываютъ въ корнѣ нормальныя условія народно-хозяйственной жизни и тѣмъ ослабляютъ шансы на успѣхъ «опыта Блюма», — это очевидно; не менѣе очевидно и невозможность признать въ нарушеніяхъ демократическаго порядка и въ партійномъ произволѣ зачатки какого-то новаго социальнаго права, якобы возникающаго въ результатъ свободной самодѣятельности массъ.

Демократическій режимъ во Франціи на нашихъ глазахъ начинать заболѣвать тѣмъ же недугомъ двоевластія, который сыгралъ столь роковую роль въ судьбѣ Врем. Правительства. Но есть и знаменательная разница въ психологич. двухъ правительствъ. Въ то время какъ Керенскій въ 1917 году при всемъ желаніи не могъ бороться съ анархіей, не располагая для этого никакими реальными силами, — Блюмъ, имѣя въ своемъ распоряженіи нетронутый мощный аппаратъ государственнаго принужденія, пускать его въ ходъ противъ нарушителей порядка и права не хочетъ. Правительство, несмотря на неоднократныя общія, продолжаетъ допускать новыя занятія фабрикъ, приговоры судовъ объ ихъ очищеніи остаются невыполненными, ибо власть исполнительная бездѣйствуетъ... Почему? Только ли изъ опасенія, что принудительное очищеніе захваченныхъ стачечниками фабрикъ можетъ повести къ гражданской войнѣ? Не беремся судить, насколько эти опасенія не преувеличены. Извѣстно только, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда власти все же рѣшались при-

бѣгнуть къ принужденію, одного появленія наряда полиціи оказывалось достаточно, чтобы порядокъ былъ восстановленъ. Въ Бельгіи тоже начавшіеся одновременно захваты фабрикъ стачечниками были прекращены властями въ самомъ началѣ, безъ примѣненія крутыхъ мѣръ, — только потому, что рабочіе поняли, что правительство Ванъ-Зееланда твердо рѣшило не допускать нарушенія закона. Во Франціи правительство Блюма, правда, не разъ объявляло занятіе фабрикъ незаконнымъ, но — тутъ же само предупреждало рабочихъ, что никакихъ мѣръ принужденія противъ нихъ принято не будетъ. Было бы странно, если бы рабочіе не сдѣлали изъ этого соответствующихъ выводовъ.

Очевидно, болѣе глубокую причину паралича власти въ данномъ случаѣ надо искать въ психологіи самого Блюма и его партіи. Французская социалистическая партія — партія ортодоксальнаго марксизма, рѣзко подчеркивающая принципъ классовой борьбы, отвергающая до сихъ поръ всякій реформизмъ. Какъ глава правительства Блюмъ можетъ проповѣдывать внутреннія реформы и защищать Францію извнѣ только въ порядкѣ того **сотрудничества классовъ**, которое онъ же, въ качествѣ лидера партіи, ориентировавшейся на массовое революціонное движеніе пролетаріата, фактически не можетъ не разрушать. Въ результатъ смѣшенія въ «опытѣ» Блюма несоединимыхъ принциповъ, государственной реформы и классовой революціи, даже безспорнымъ достижениямъ рабочаго класса, какъ установленіе коллективныхъ договоровъ, обязательнаго арбитража, платныхъ отпусковъ и проч., грозитъ опасность обезцѣненія въ бѣдствіяхъ одновременно растущей хозяйственной неурядицы, обостренія социальной розни, разрушенія правопорядка, — особенно гибельныхъ въ виду надвигающейся на Францію вѣшней опасности.

Въ заключеніи своей книги Керенскій справедливо указываетъ на то огромное международное значеніе, которое могъ бы имѣть опытъ Блюма какъ новая попытка разрѣшить проблему планового хозяйства на демократической основѣ и высказываетъ увѣренность, что правительство Нар. фронта сумѣетъ осуществить свою задачу въ условіяхъ «равной свободы для всѣхъ».

Искренне желая успѣха этой попыткѣ, мы тоже хотѣли бы вѣрить, что Блюму, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и преодоленія сопротивленія сектантовъ слѣва, удастся въ концѣ концовъ остаться въ линіи Рузвельта и Ванъ-Зееланда. Но надо отдать себѣ отчетъ: это возможно лишь послѣ отказа отъ рокового сотрудничества съ коммунистами, т. е. при совершенно иной конструкціи Народнаго фронта. Отъ того, окажутся ли способны на это Блюмъ и его партія, зависитъ для Франціи слишкомъ многое.

В. Рудневъ.

СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА ВЪ РЕД. «СОВРЕМ. ЗАПИСОКЪ».

Бюллетень Эконом. Каб. проф. С. Н. Прокоповича, № № 129, 130, 131.
Прага, 1936.

Законъ и Судъ. № № 7, 8, 9. Рига, 1936.

Путь. № 51. Парижъ, 1936.

Соціалистическій Вѣстникъ. № 12—22. Парижъ, 1936.

Кругъ. № 1. Парижъ, 1936.

Содружество. № № 7, 8, 9. Гельсингфорсъ, 1936.

Католическій Вѣстникъ. № № 8, 9-10, 11. Харбинъ, 1936.

Новая Россія. № № 6—16. Парижъ, 1936.

Антонъ Суткевичъ. Искры отъ станка. Стихи. Рига, 1936.

Борисъ Зайцевъ. Валаамъ. Таллинъ, 1936.

Григорій Нѣмой. Последний романъ. Изд. Общедост. Библиотека. Рига, 1936.

М. Веселкова-Кильштетъ. Пути Судьбы. Романъ. Бѣлградъ, 1936.

В. П. Рябушинскій. Старообрядчество и русское религиозное чувство.
Жуанвилъ, 1936.

Д. М. Одинецъ. Присоединение Украины къ Московскому Государству.
Парижъ, 1936.

Н. А. Еленевъ. Великая княгиня Екатерина Павловна въ Богеміи въ
1813 г. Прага, 1936.

С. М. Дубновъ. Исторія евреевъ въ Россіи. Т. I. Рига, 1936.

Н. Н. Алексѣевъ. Пути и судьбы марксизма. Изд. Евразійцевъ. 1936.

Извѣстія Юридическаго Факультета въ Харбинѣ. Т. XI. Харбинъ, 1936.

Léon Chestov. Kierkegaard et la philosophie existentielle. Libr.
J. Vrin. Paris, 1936.

Alexandre Kerenski. L'expérience Kerenski. Ed. Payot. Paris, 1936.

Baron Boris Noldé. L'alliance Franco-Russe. Inst. d'Etudes Slaves.
Libr. Droz. Paris, 1936.

Wladimir Weidlé. Les abeilles d'Aristée. Ed. Desclée de Brouwer.
Paris, 1936.

Grabar André. L'empereur dans l'art Byzantin. Paris, 1936.

L. Trotzky. La Révolution trahie. Ed. Grasset. Paris, 1936.

Sir Bernard Pares. Moscow admits a critic. Nelson Ed. London,
1936.

N. Feinberg. Some Problems of the Palestine Mandate. Tel-Avive,
1936.

Jean-Richard Bloch. Espagne, Espagne! Ed. Soc. Int. Paris, 1936.

Le Monde Slave. Juin-Novembre 1936. Paris.

CILLAC. Document. anticommuniste. N° N° 12-17. Bruxelles, 1936.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: М. Алдановъ, Л. Андреева, К. Бальмонта, Н. Берберовой, И. Бунина, А. Бѣлаго, Б. Вышеславцева, Г. Газданова, Г. Гребенщикова, Юр. Данилова, Г. Евангулова, Е. Замятина, Л. Зурова, Б. Зайцева, Г. Иванова, А. Куприна, Л. Мережковского, С. Минцлова, П. Муратова, М. Осоргина, Г. Пескова, А. Ремизона, Н. Рошина, В. Сирин, Л. Скобцова, И. Соколова-Микитова, Ф. Степуна, И. Сургучева, Б. Темиряева, Гр. А. Толстого, С. Федорченко, Ю. Фельзена, Е. Чирикова, И. Шмелева, С. Юшкевича, В. Яновскаго и др. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амари, К. Бальмонта, Н. Берберовой, И. Бунина, М. Волошина, А. Герцыкѣ, И. Голенищев-Кутузова, А. Головиной, Вяч. Иванова, Георгія Иванова, Л. Кнута, Г. Кузнецовой, А. Ладинскаго, С. Маковского, Ю. Мандельштама, Н. Оцупа, Г. Поплавскаго, Г. Раевскаго, В. Сирина, В. Смоленскаго, П. Соловьевой (Анегдо), Ф. Соллогуба, Ю. Софьева, Ю. Терапиано, Тэффи, В. Ходасевича, М. Цвѣтаевой, Л. Червинской и др. — Дневники и воспоминанія: И. Билибина, Е. Брешковской, О. Грузенберга, Е. Джанумовой, кн. П. Долгорукова, К. Ельцовой, В. Зензинова, А. Керенскаго, В. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. Полнера, И. Рѣпина, Ал. Толстой, Льва Толстой, В. Ходасевича, М. Цвѣтаевой, Ф. Шаялина, Н. Шкляевой и др. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философіи, политики, экономическимъ и социальнымъ: С. Абрамова, Н. Аксентьева, Г. Адамовича, М. Алданова, П. Апостола, А. Аргунова, А. Байкалова, А. Бема, Н. Гердяева, П. Бицлли, М. Брайкевича, Б. Брукуса, В. Булгакова, И. Бунакова, В. Вейдле, П. Виноградова, М. Вишняка, В. Водовозова, кн. С. Волконскаго, В. Войтинскаго, М. Гершензона, С. Гессена, В. Гефдингга, М. Гофмана, М. Гошиллера, К. Грюнвальда, А. Гукоскаго (А. Свѣрловъ), К. Гулькевича, Г. Гурвича, Ю. Данилова, Ю. Делевскаго, И. Лемидова, Дюлео, В. Ельяшевича, С. Загорскаго, С. Завадскаго, К. Зайцева, В. Зѣньковскаго, Ст. Ивановича (В. Талина), С. Изанова, Л. Карсавина, А. Карташева, С. Карцевскаго, К. Качаронскаго, А. Керенскаго, А. Кизелеттера, С. Кобякова, А. Койранскаго, В. Короленко, С. Корфа, А. Крайнего, М. Кроля, К. Крофты, Н. Кульмана, Е. Кусковой, А. Левинсона, З. Ленскаго, А. Леонтьева, Г. Ловцака, Н. Лосскаго, С. Лурье, А. Мандельштама, С. Маслоа, С. Мельгунова, Н. Мельниковой-Папоушекъ, С. Метальникова, П. Милокова, Н. Минскаго, Б. Миркина-Гелевича, А. Михельсона, К. Мочульскаго, П. Муратова, В. Мякотина, С. Николаева, бар. Б. Нольде, А. Орлова, Д. Олинца, М. Осоргина, Я. Папоушекъ, А. Петришева, П. Пильскаго, С. Полякова-Литовцева, А. Пѣшехонова, Ф. Родичева, В. Рябушинскаго, М. Ростовцева, В. Руднева, С. Сазонова, Ю. Сазоновой, Д. Святополкъ-Мирскаго, М. Слонима, Б. Соколова, П. Сорокина, Ф. Степуна, Н. Тимашева, Н. Уляпина, Г. Федотова, Г. Флоровскаго, Д. Чичевскаго, А. Чупрова, И. Хераскова, М. Цвѣтаевой, М. Цетлина, Т. Чернавниной, Б. Шацкого, С. Шермана, Л. Шестова, Б. Шлепера, Е. Юрьевскаго и др.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

6, Rue Daviel, Paris (XIII*).

Téléphone: Gobelins 48-87

Imp. Union, 13, rue Méchain.

Le gérant Chail.